

Ирина Анатольевна Дедюхова
ПАРНАССКИЕ СЕСТРЫ
Часть II

ОГЛАВЛЕНИЕ

11. Полигимния	<i>Стр.</i> 2
12. Аэллопа	<i>Стр.</i> 33
13. Эвтерпа	<i>Стр.</i> 95
14. Мельпомена	<i>Стр.</i> 160
15. Аэлло	<i>Стр.</i> 236
16. Талия	<i>Стр.</i> 274
17. Каллиопа	<i>Стр.</i> 330
18. Хронос	<i>Стр.</i> 414
19. Неожиданная концовка	<i>Стр.</i> 461

11. Полигимния

Polyhymnia, Muse of Eloquence, 17th Century By Simon Vouet

*Парнаса жительницы, девы несравненны,
Кропящие власа росую Иппокрены,
Коль вам всю жизнь свою я оставался верен
И в Вечности иным я быти не намерен,
И если к королям я завистью не мучим,
А добродетель чту богатством наилучшим,
То не хочу, чтоб вы к неблагодарну люду
Ласкались затем, чтоб раздобыть мне ссуду:
Прошу лишь не обречь стихов моих на гибель,
Дабы, когда умру, их слава шла на прибыль.*

Ян Кохановский

— Николенька, тебя наша примадонна к себе зайти просит, — ласково глядя в лицо премьеру балета, сказала сухонькая интеллигентная старушка, которую в театре все звали Глашенькой. На ее обычно приветливом личике с подведенными карандашом губами, не было и тени улыбки, поэтому Николай понял, что отвертеться не удастся.

Он обреченно вздохнул, опустив плечи. На его лице отразились смешанные чувства. Возможно, он поступил опрометчиво, попросив их оперную диву подписать обращение к президенту страны — в поддержку своей кандидатуры на пост директора театра. Ему казалось, что она должна была лучше других осознавать, насколько губительным и невыносимым становилось положение, когда театром руководили люди без специального образования, соответствующей культуры и творческого опыта. В письме, которое уже

подписали ведущие деятели культуры, прямо говорилось о необходимости освободить от должности нынешнего директора.

Накануне они уже вполне душевно поговорили, полностью отдавая себе отчет, что если руководство театра не сменится, погибнет последний оплот классического искусства. Сколько лет они вместе смотрели на огромный котлован, разворочанный на месте «реконструируемого» исторического здания театра, понимая, что вряд ли смогут вернуться в уничтоженные родные стены.

Николай был один из немногих, кто резко критиковал «реконструкционные работы», затянувшиеся на шесть лет с увеличившейся в десятки раз стоимостью работ, открыто называя подобные «мероприятия» — вандализмом. Для восстановления театра и прекращения этой бесконечной «реконструкционной деятельности», ставшей поистине «черной дырой» бюджета столицы — он сделал куда больше их директора, являясь членом Совета по культуре и искусству при президенте .

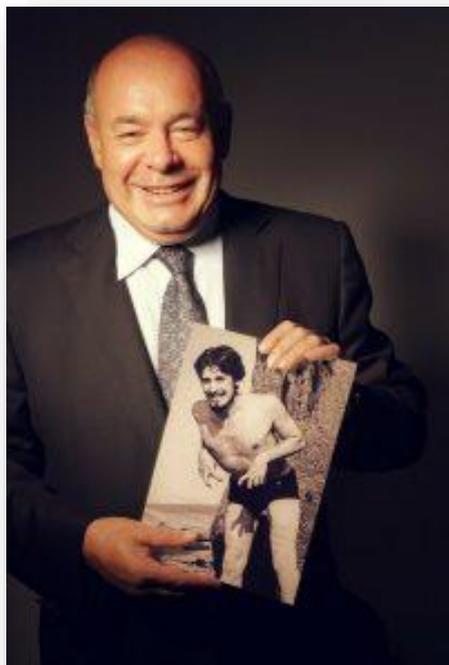
Письмо в поддержку своей кандидатуры на пост директора он составил уже после развернувшейся травли, когда руководство театра отказалось

продлевать его контракт на преподавание, стараясь попросту выжить из театра. В письме президенту он характеризовал себя как человека, неравнодушного к сохранению русского культурного наследия, который способен не только сохранить его, но и приумножить. Но разве это еще было кому-то неясно? По крайней мере, когда он подписывал это обращение в том числе и у их оперной дивы – никаких вопросов по этому поводу не возникло.

Ожидал ли он удара именно от нее? Он понимал, что, в принципе, при их непрофессиональном руководстве в театре стало возможным все. Но вряд ли эта подпись могла чем-то серьезно угрожать певице, покорившей все оперные вершины мира от Марсельской оперы, Лиссео и Ла Скала — до Гранд-опера, Ковент-Гарден и Метрополитен-опера. Как и он, она была удостоена всех высших званий России, но вдобавок имела звания и награды СССР, а также самые престижные премии других стран. Как и он, примадонна была совершенно неотделима от театра, где у нее была своя оперная школа.

Они знали, что контракт с прежним директором будет рассматриваться 9 ноября. Чуда не произошло, письмо деятелей культуры, среди которых была и подпись примадонны, даже не рассматривали, контракт с прежним директором продлили на безальтернативной основе. Министерство культуры было явно неготово резко менять администрацию театра, поскольку в этом случае неминуемо бы всплыли многие факты «реконструкционного» вандализма и негативные приметы театрального бытия, давно ставшие привычными при прежнем руководстве.

Про их письмо никто и не вспомнил. Лишь выплывший из небытия бывший министр культуры скорбно поведал в своем блоге общественности о его содержании, заметив, что подписавшиеся в поддержку премьеры балета театральные деятели не могут адекватно оценить масштабы проделанной работы по реконструкции театра и должны сознавать, что «какой-то балерун» вряд ли подходит роль директора театра. Он высказал предположение, что некогда знаменитые мэтры, которых «давно вспомнить нечем», подписали это письмо не только, чтобы «напомнить о себе», но и «поддавшись общему психозу, подрывающему устои нашего общества».

Сам пост бывшего министра начинался с фразы, разъясняющей основные общественные пороки современности: *«Иногда кажется, что эта эпистолярная зараза протитала все вокруг...»*

Но, как говорится, «бывший министр – что отмененные деньги», на его собственную «эпистолярную заразу» особого внимания никто не обратил. И после продления контракта с прежним директором, все потихоньку возвращалось на круги своя. Балетным и оперным артистам было не привыкать к перегрузкам, сама их профессия предполагала «полную выкладку» в каждом спектакле на главной сцене страны. Сопутствующие «мелочи жизни» в виде непременных отчислений в какие-то непонятные «фонды» процентов с гонорара, несправедливое распределение ролей и оплаты за спектакли, практически нескрываемый дележ финансов из Попечительского фонда, президентских грантов и средств, выделенных на новые постановки, — воспринимались в качестве своеобразной «оплаты» за каждый выход на эту великую сцену. В такой «текучке» все благополучно забыли про выборы директора, про его письмо, больше не ожидая никаких перемен в своей жизни, понимая, что в стране, переживающей очередной виток «демократических преобразований», никому нет дела до их «отдельных недостатков».

Однако, спустя почти две недели, его знакомая журналистка опубликовала в своем блоге это письмо со всеми подписями, как бы поддерживая этим странным шагом его кандидатуру на пост директора. Причем, когда он ее просил опубликовать письмо за две недели до окончания срока контракта, она ему отказала. Но как только все успокоилось, 21 ноября она вдруг решила оказать ему такую «медвежью услугу». И после этого началось, будто кто-то незаметно подал команду «Ату! Трави его!»

Весь день у него почти до вечера надрывался мобильный, поскольку все средства массовой информации перемывали ему косточки, желая «узнать его реакцию», публикуя извинения примадонны директору театра за свою подпись в этом злосчастном письме президенту.

На страницах разных изданий она объясняла, будто подписала его письмо «обманувшись», считая, что контракт у директора не будет продлен.

Больше всего его поразили ее слова, будто она подписала письмо, боясь того, что «в театр могут прислать человека, не компетентного в музыке», и заверяла директора, что «...ни в коем случае, никто из подписавшихся не думал, не хотел и не предполагал нанести Вам психологический удар и причинить боль. В театре

все с большим пиететом относятся к Вам! Вы пользуетесь непререкаемым авторитетом в коллективе! Можно сказать, многие (и я в том числе) испытывают перед Вами благоговейный трепет».

Только вдоволь начитавшись сообщений о «благоговейном трепете», он вспомнил о недавнем «эпистолярном психозе», связанном с именем примадонны и ее вечной соперницы по оперной сцене, уехавшей из страны за рубеж еще в советское время. В своей автобиографической книге «Наина» она приводила другую историю с письмом, которое их примадонна подписала вместе с другими деятелями культуры в ЦК КПСС... против нее и ее мужа, всемирно известного виолончелиста.

«Дама у рояля» Натана Альтмана — певица Елена Темникова, 1914

...А в это время группа певцов, придя на вечернюю запись своей «Тоски», узнали, что утром началась запись той же оперы с другим составом. Казалось бы, ну и делай свое дело, пой как можно лучше, их же не лишили их работы. Но куда деваться от зависти? Нужно было любыми средствами избавиться от опасных конкурентов. Ухватившись, как за якорь спасения, за высланного уже из страны опального писателя, они пошли они в ЦК партии. В их благородной миссии, почуяв хорошую поживу, присоединилась к ним и моя бывшая ученица, нынешняя оперная дива. Увидев у себя в приемной рано утром караулящих его приход «трех мушкетеров» и двух «леди», инструктор ЦК по культуре был несказанно удивлен.

— Чем я обязан столь раннему визиту артистов театра?

Первым выступил тенор, хватив сразу с высокой фальшивой ноты.

— Мы пришли к вам по чрезвычайно важному делу, и не как артисты, а как коммунисты. Мы просим отстранить мужа известной вам певицы от оркестра театра.

— А разве он плохой дирижер? Вы имеете что-нибудь против него как музыканта?

И он в отдельности каждому задал этот вопрос, на что каждый ответил, что музыкант он великий и дирижер то же самое.

— Так чем же он вас не устраивает?

Тенор, баритон, бас, сопрано и меццо-сопрано, не считаясь со слаженностью ансамбля, заголосили, каждый желая выделиться, кто как может.

— Он поддержал писателя-диссидента своим письмом и тем самым выступил против линии нашей партии... И теперь, когда по иностранному радио передают произведения диссидентов, мы от имени коллектива и коммунистов театра требуем не допускать его к оркестру театра. (Ай, как не повезло им, что был уже не 37-й год!) Тут уж даже выдавший виды секретарь ЦК по идеологии разинул рот от столь блестящего и хитрого хода и долго пребывал в таком состоянии. Когда же опомнился, то понял, что оставить сей великолепный донос без внимания нельзя: бравая пятерка, имея в руках «козырный туз» — не допустить к оркестру театра врага народа, — побежит в другой кабинет по соседству, уже с доносом на него, что у него отсутствует чувство бдительности... Всю эту историю рассказал нам на другой день, зайдя к нам вечером, министр внутренних дел, закончив ее вопросом: «А что же ваша протезе? Ей-то что было нужно?»

Ему не слишком понравился слишком бойкий стиль таких мемуаров, написанных так, будто автор сама не только лично присутствовала в ЦК КПСС, наблюдая за «разинутым ртом» инструктора, но вдобавок «и свечку держала», как выразился один из посетителей форума любителей оперного искусства. Сам он хранил интервью дивы по поводу этих мемуаров, считая, что она, напротив, должна лучше других понимать ту боль и психологические удары, которые можно нанести разного рода неуместными «признаниями» из недостойного желания выставить себя в лучшем свете на чужом фоне.

— Сейчас все читают книгу «Наина», там есть нелестные строки о вас. Вам никогда не хотелось возразить ей?

— До сих пор я не давала интервью по этому поводу ни здесь, ни за рубежом. И что же? Автор уже и по телевидению обличает своих бывших коллег. Тут любому терпению придет конец. Вы обратили внимание, как написана эта книга? Как автор говорит о людях, с которыми жила многие годы и которые не были ей врагами? Зачем нужно было вспоминать о том, как наша прославленная певица сбилась в «Пиковой даме» и спела дуэт Лизы и Полины в унисон с сопрано? Она поет уже 40 лет, и поет прекрасно и правильно, а

случиться такое может с каждым. Мы все живые люди. Почему же сама Наина не вспомнила, как на гастролях в Милане весь конец акта в сцене Графини за нее пропел ее партнер (это к слову!).

— А разве вам, молодой певице, она не помогла в свое время?

— Она написала, что у меня в молодости «качался» голос, и что она мне за неделю его успокоила. Слава богу, этого не читала мой покойный педагог, профессор консерватории. У меня было много недостатков: я не умела брать высокие ноты, не могла удерживать тесситуру, были не сглажены регистры, но «качки» голоса не было никогда. И потом, профессионалу понятно, что такой недостаток, как «качка» голоса, к сожалению, за неделю устранить невозможно. Если бы Наина действительно обладала этим секретом, к ней стояла бы очередь бесконечная! Истины ради должна сказать, что она действительно помогла мне сделать партию Марины Мнишек. Я благодарна ей до сих пор за участие в моей судьбе, но... Притча о подаренном

мне платье тоже обошла земной шар и очень мне напомнила персонаж из повести М. Горького «В людях». Хозяйка, у которой работал в услужении Алексей Пешков, то и дело попрекала: «Я твоей матери шелковую тальму подарила», на что тот, выйдя из себя, наконец сказал: «Что же мне за ту тальму шкуру снять с себя для вас?».

— А письмо интеллигенции с осуждением творчества известного писателя-диссидента вы подписывали?

— Этот случай я хорошо помню. Меня вызвал бывший директор театра и сказал: «Ты должна подписать со всеми ведущими артистами оперы письмо, осуждающее творчество одного писателя». Я тогда это письмо не подписала, сказав, что не читала его книг. Я запомнила этот случай, потому что это был мой первый социальный протест и моя первая победа над собой. Я помню, как дома рассказывала домашним о своем «героическом» в то время поступке. Но на второй день вышла газета, и среди прочих в списке была моя фамилия. Что было делать? Писать опровержение, возмущаться? Все равно бы не напечатали.

— А по поводу «культпохода» в Министерство культуры?

— Теперь о походе молодых и совсем не бесталанных артистов театра в ЦК. В театре была постановка «Тоски». Премьеру пела Наина, и пела, кстати, прекрасно. В то время это было событие. Тогда же молодым артистам театра предложили записать пластинку «Тоски». Они начали писать диск. Но уже на второй день к вечеру Наина и ее муж организовали свою запись. Это было неожиданностью для всех, и главное, было ясно желание перебить запись молодых. Мы пошли к министру с просьбой перенести запись пластинки Наины на более поздний срок, речь ни о чем другом не шла. И уж, конечно, ни о каком нашем участии в ее «отлучении от родины» не может быть и речи! Всем абсолютно понятно, что от нас ничего не зависело... Мы были очень молодыми

артистами, чтобы противостоять таким столпам в классическом искусстве, мы просили лишь дать нам возможность сделать свою работу, к которой мы долго готовились. Правда, Наина перед моей премьерой «Кармен» в Вене дала интервью, где назвала меня и моего партнера — агентами КГБ... Пусть это будет на ее совести, хотя христианке это не к лицу.

— На Западе среди артистов нет таких страстей? Или там больше простора, никто никого не толкает локтями...

— Толкают всегда и везде, но так открыто своей неприязни не высказывают.

Он не мог представить Наину — «невинной овечкой», пострадавшей за «правду», поэтому безусловно доверял примадонне. В экономических неурядицах, перестрелках и криминальных разборках 90-х годов, он уже полностью переменял своё отношение к этой скандальной «правде», в ходе «торжества» которой пережил вместе со всей страной масштабную катастрофу, отчетливо понимая, что расхлёбывать ее последствия придется еще очень долго.

Но именно сейчас его примадонна отказалась и от подписи к письму в его защиту, заставив впервые почувствовать обескураживающую беспомощность.

Заметив, как он изменился в лице, нянечка с легкой укоризной прибавила: «Поди-поди, Колюшка! Она — дама, существо слабое и непостоянное. Ты не сердись, на сердитых воду возят. Сходи, она женщина умная, не станет донимать тебя оправданиями...»

Он смотрел на бывшую балерину, ласково прошедшейся резиновой щеточкой по его полушубку. Она была из той старой породы театральных балерин, тщательно подбирившихся раньше для каждого состава: с маленькой грациозной головкой на длинной шее, с длинными ножками и «певучими» руками, чистившими сейчас борта его полушубка.

Глашенька и ее неразлучная спутница Мария Геннадьевна, в точности такой же конституции, дружили еще со сцены, где и танцевали в паре и непременно рядом. Странно, что одну всегда звали по имени-отчеству, а другую – как в молодости, Глашенькой. Нынче они с истовостью греческих жриц постоянно прислуживали примадонне, и даже, набираясь смелости, ходили в паре в дирекцию театра просить время репетиций для ее оперной школы.

Николай меньше всего сейчас хотел бы встречаться с примадонной, но Глашенька цепко удерживала его за полушубок, а Мария Геннадьевна с такой же нарисованной улыбкой надежно перекрывала выход.

Он не понимал, почему всем, кто не выдерживает и малейшего давления, нисколько не думая в этот момент о том, кого предает, — надо еще и долго объяснять наедине «свою позицию»? Неужели самим этим людям непонятно, что подобный шаг – лучше всего демонстрирует, что никакую «позицию» они сами занять не в состоянии? И разве сами балетные старушки так и не поняли, что их

профессия предусматривала умение удерживаться в самой неудобной позиции? Поэтому и в жизни он считал самым важным – умение вопреки всем внешним обстоятельствам держать позицию, считая это главным человеческим качеством.

Как только у Николая брови недоуменно поползли вверх, Глашенька, пряча щетку в холщовый халат, добавила, снисходительно улыбнувшись: «Настоящие женщины не оправдываются, Николенька. Они имеют право на

отступление. Нынче от женщин требуется мужское мужество, а с мужчин давно не требуется ничего мужского. Я видела, как она сегодня какие-то записки писала, очень была встревоженной и озабоченной. Вам надо срочно переговорить! И вовсе не о старых письмах, которые все вокруг мусолят!»

Мария Геннадьевна согласно кивала ей гладко причесанной головкой, всем своим видом показывая, что вырваться из их окружения он сможет лишь после встречи с примадонной.

Поманив его рукой, Глашенька прибавила ему на ухо старческим свистящим шепотом: «Мария Геннадьевна сказала, что она давеча кричала в коридоре, будто привидение увидела. А из коридорчика вышел лишь Антон Борисович, папа нашего худрука. Так-то!»

Николай озабоченно посмотрел на старушку, и та утвердительно кивнула в ответ. Он перевел взгляд на Марию Геннадьевну, и та закивала с таким энтузиазмом, что ему на мгновение стало немного страшно. До него, наконец, начало доходить, что их многоопытные нянечки, за плечами которых были собственные артистические карьеры, немного больше его самого знали о страхах и видениях, тревоживших и его самого. Хотя ничем подобным он не решился бы ни с кем поделиться.

— Вы что-то скрываете от меня с Марией Геннадьевной! О, вы у нас известные интриганки! – свел к шутке ее тревожный шепот премьер.

— Конечно, выживаем только интрижками, Коленька! – поддержала его шуточный тон Глашенька. – На балетную пенсию не проживешь! И уверяю тебя, мы и раньше с этими гадостями сталкивались. Не ты первый, да и не последний.

Мария Геннадьевна некстати продекламировала четверостишие Пушкина, окончательно давая ему понять, что из театра они его не выпустят.

*Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво:
Но юность нам советует лукаво,
И шумные нас радуют мечты...*

— Вот-вот! Мечты шумные вас слишком обрадовали! А раз с музами решил связаться, не суетись, иди своим путем и не сворачивай, мальчик золотой! – прибавила Глашенька, поправляя обшлага на рукавах полушубка премьера, легонько подталкивая его в направлении кабинета оперной школы пригласившей его на разговор дивы.

* * *

В небольшом кабинете без окон за раскрытым ноутбуком сидела знаменитая оперная дива, которая терпеть не могла, когда ее называли «примадонна». Само это слово она бы еще потерпела, а вот базарную презрительную

интонацию, с которой этого слово бросалось директором театра с неременной приставкой «наша», терпеть уже было немоготу. Впрочем, терпеть в родном театре приходилось в последнее время все больше, и с тяжелым вздохом примадонна подумала, что совсем скоро ее терпению придет конец.

Giovanni Boldini (Italian 1842–1931) Portraiture Lady with a Black Hat

В ожидании премьеры Николеньки, за которым ею была послана расторопная служительница зрительного зала Глашенька, она решила просмотреть замечания членов жюри к третьему туру конкурса вокалистов. Странно, что претензии по отсутствию в конкурсе меццо-сопрано среди лауреатов — предъявляли лично ей, будто музыканты и критики сами не знали, что хорошие теноры и хорошие меццо всегда были в дефиците. «Ах, неужели этот тип голоса вымирает?» — вновь и вновь задавался ею болезненный вопрос. Будто она была повинна в том, что на каждом конкурсе все реже можно было встретить профессионально выровненный голос. Который год жюри принимало решение — не присуждать гран-при. Финалы конкурса выглядели бледно, к «праздникам вокала» могли быть отнесены с большой натяжкой и лишь

при наличии изрядной доли оптимизма. В последние годы она неизменно испытывала хандру перед третьим туром, вдоволь наслушавшись «баранчиков» в голосах и снятое с дыхания, «широкое» звукоизвлечение в верхнем регистре. Несмотря на то, что ей было достаточно нескольких тактов, чтобы всё понять, она никогда не останавливала певцов, хотя оперные звёзды, сидевшие в жюри конкурса, возмущались. В отличие от других конкурсов, она не позволяла останавливать музыкантов «на полуслове», понимая, как много для них значит сам факт исполнения в прекрасном зале, где их родные и друзья снимали выступление на видеокамеру. Не хотелось обижать и публику, для которой вход на первые туры был бесплатным.

Кроме проблем с дыханием и интонацией, большинство конкурсантов не владело кантиленой и понятия не имело о работе над дикцией. Приходилось констатировать, что большинство будущих певцов и певиц, что называется,

«варилось в собственном соку», профессионализм их педагогов значительно упал, поэтому конкурс она старалась превратить и в своеобразную школу вокального мастерства.

Она постоянно вспоминала, как сама разучивала арии еще в консерватории, где ее профессор бережно и постепенно раскрывала возможности ее голоса. Она не давала ей перегружать себя, постоянно выгоняя свою ученицу с уроков, приговаривая: «Запомни раз и навсегда — голос не восстанавливается, иди и отдохни!» А те, кому не повезло с педагогом, в переходном возрасте напрягали свои связки, теряя голос безвозвратно.

И по каждому вокалисту конкурса она видела, что нынешние педагоги не отличались ни тактом, ни аккуратностью, ни чуткостью к чужому таланту. Иногда ей даже казалось, что мастер-классы надо устраивать не для вокалистов, а для их педагогов. Их учителя будто не понимали, на чём всегда держалось вокальное искусство. Стоило бы объяснить этим людям, попросту «загонявшим» раньше времени своих учеников, что вокал — это же не спорт, а вокалисты – не скаковые лошадки. Даже в спорте рекорды за день никто не ставил. Многие преподаватели, получая в руки ученика с уникальными природными данными, делали преподавательскую карьеру, забывая, что должны дать молодому человеку профессию. Чаще всего она сталкивалась с самой обыденной и печальной историей, когда в 20-25 лет парень или девушка пели ангельскими голосами, блистали на видеосъемках восторженных родственников и друзей, а к тридцати годам, когда в них только начинала просыпаться художественная зрелость, — получали руины от тембра и «качку-болтанку» в голосе.

Большинство конкурсантов обладало весьма неприятным тембром и небольшим объёмом голоса, многие «блистали» абсолютно школярскими повадками на сцене и пением верхних нот «на цыпочках». Редко удавалось обнаружить пусть не отличавшийся особой красотой, но хороший, профессионально выровненный голос полного диапазона.

Который год она собиралась проехать по всей России, по провинциальным оперным театрам, лично прослушать и вытащить всех хороших певиц на конкурс, чтобы раз и навсегда прекратить разговоры, будто кого-то «не пускает» в искусство.

В третьем туре вместо арий предполагалось исполнение дуэтов. Эту идею она «подсмотрела» на одном из конкурсов в Японии. Хотя в арии человек полностью раскрывается как певец и музыкант, но ничего так хорошо не проверяет молодёжь на профессионализм, как дуэт. Однако возникла ожидаемая накладка: и в столичных театрах оказалось непросто найти солистов на целую пригоршню дуэтов. Поэтому такое нововведение подверглось критике, что третий тур стал своеобразным «бенефисом» не самых лучших оперных артистов с качеством пения зачастую ниже конкурсантов.

Николай все не шел, дива уже начинала волноваться, хоть и была абсолютно уверена, что Глашенька вместе со своей подругой по сцене и жизни Марией Геннадьевной сделают все, чтобы доставить его в ее кабинет. Понимая, как тяжело ему пришлось после публикации ее извинений, дива тяжело вздохнула. Если сам Николай решил взвалить на себя такой воз, как театр, должен был

понимать, что столкнется с подобными страстями? Разве он плохо знал «родные пенаты» или мало сталкивался с предательством и подобным «злодейством» на сцене? Неужели он сам не осознавал, что, лишь сделав шаг к этой сцене, должен был навсегда распрощаться с жалкими притязаниями на «обычную жизнь»?

Как вообще человек понимает, что обычная жизнь – не для него? Настолько не для него, что сам он постепенно превращается в какой-то тонко чувствующий инструмент, исторгающий чужие мысли и чувства, переплавленные в звуки...

Конечно, нужна особая твердость, чтобы жестко следовать своей мечте, не боясь осознавать, что иногда и в ее направлении делаешь неверные шаги и ошибки. Она вспомнила, как сама после окончания поступила в провинциальное музыкальное училище и даже занималась в нем год вместе с деревенскими ребятами, особо не учившимися музыке в школе. Она чувствовала, как ее затягивает рутина и зубрежка, все больше отдаляя не только от исполнения мечты, но и от самой музыки. А потом был тяжелый, очень неприятный для нее разговор с отцом, инженером по профессии, конструктором на машиностроительном заводе. Подводя черту ее попыткам добиться от него поддержки и понимания, он сказал: «Если быть певицей, то только настоящей, большой... А из тебя ничего не получится. Становись-ка ты лучше инженером!»

Так по настоянию отца, ей пришлось проучиться еще один год. Она ушла из музыкального училища и поступила в радиотехнический институт. Проучившись там всего год, бросила занятия и вместо производственной практики поехала в Ленинград поступать в консерваторию. После этого отец написал ей, что больше никогда в жизни не станет с ней разговаривать.

Успешно пройдя прослушивание, она проучилась год на подготовительном отделении консерватории. Из сотни молодых талантов со всей страны, проходивших выпускное испытание, на вокальное отделение приняли только троих, среди которых была и она. Лишь когда она отучилась в консерватории три курса, получила две золотые медали на конкурсах вокалистов и студенткой была приглашена работать в театр, мама написала,

что отец перестал скептически высказываться относительно ее желания стать певицей и даже проявил готовность приехать на ее спектакль.

И её сама восхищала эта удивительная возможность вдохновлять других – на творчество и любовь. Она никогда не отделяла себя от искусства, а свое пение – от любви. Но искусство было для нее всегда намного больше, чем обычная человеческая жизнь, хотя она терпеть не могла этого определения «обычная человеческая жизнь», слишком хорошо зная, что любое творчество делает жизнь необычной.

Главным в искусстве она считала понятие «души», твердо веря, что душа любого, самого далекого от искусства человека – может погибнуть, если вовремя не наполнится высшей гармонией классического искусства. Аристотель считал, что душа, обладающая целостностью, есть не что иное, как неотделимый от тела его организующий принцип, источник и способ регуляции организма, его объективно наблюдаемого поведения. Все, что есть человек в жизни, она считала проявлением души, которую древние греки называли «энтелихией тела».

Высокая классика

АРИСТОТЕЛЬ (IV в. до н.э.)

материя (возможность бытия)

+

форма

(осуществление возможности, акт).

=

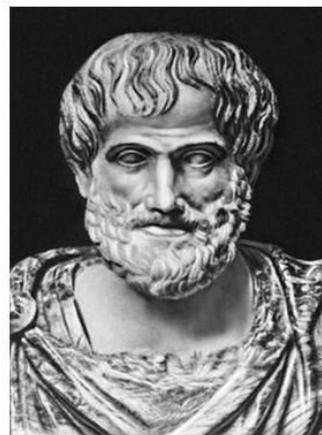
действительность

Форма человека? – Душа.

Форма предмета? – Понятие.

Форма форм? – Бог.

Бог- Перводвигатель

«Душа – энтелихия тела»

Энтелихия - внутренняя сила, потенциально заключающая в себе цель и окончательный результат.

Душа, с их точки зрения, была неотделима от тела, но при этом не проявлялась внешне, была имматериальна, нетелесна, тем, благодаря чему человек жил, ощущал и размышлял. Но, читая изречение Аристотеля «Душа есть причина как то, откуда движение, как цель и как сущность одушевленных тел», она иногда видела страшных черных птиц с женскими головами, круживших над

городом. И нисколько не сомневалась, что те хищно высматривают эту «имматериальную энтелихию», умея легко отделить ее тела.

Все чаще встречая людей, уже с начисто снятой «энтелихией», она поражалась тому, как мало им надо от жизни. Само это слово являлось достаточно сложным сакральным понятием, составленным из существительного «осуществленность», прилагательного «законченный» и глагола «имею». Бездушные создания, никогда более не знавшие насыщения, будто самим себе пытались доказать собственную «осуществленность» — обладанием того, что принадлежать им никак не могло. Они чувствовали себя живыми, если имели дорогие часы, украшения, недвижимость, роскошные туалеты... Но вряд ли при этом осознавали, что «иметь» нематериальная энтелихия могла лишь творческую силу, приближаясь в этом обладании к замыслу творения.

И в философии Аристотеля энтелихия являлась внутренней силой, потенциально заключающей в себе цель и окончательный результат. А душа, как «первая энтелихия организма», в силу которой тело, располагающее лишь «способностью» жить, действительно живёт, пока оно соединено с душой. Таким образом, душа являлась тайным смыслом и формой жизни, а вовсе не материей или «субстратом».

Не отрицая того, что все проявления души являлись единственно достойной человека «формой жизни», примадонна могла бы поспорить с Аристотелем насчет «субстрата», точно зная, что «душа – есть нечто до ужаса реальное», как выразился ее любимый писатель Оскар Уайльд в романе «Портрет Дориана Грея».

Когда-то давно она много лет молила бога, чтобы он дал ей возможность исцелять души людей. Она уже сама не помнила, когда в ней возникло такое желание, но никак не могла отказаться от этого странного стремления. И однажды она отчетливо поняла, что у нее давно имеется эта возможность исцелять, а ее орудием

является ее голос. Для нее это было самое чудесное открытие! Ей не раз говорили, что у нее – «мощная энергетика», а многие после ее концертов признавались, что «забывают о своих болезнях». Испытав в жизни множество художественных и творческих потрясений на самых прославленных оперных сценах мира, по-настоящему счастливой она почувствовала себя лишь когда

Глашенька и Мария Геннадьевна шепотом ей поведали, что многие мамы регулярно водят на ее концерты своих приболевших деток. Старушки тайком их пристраивали в боковых ложах, чтобы не раздражать администрацию и других зрителей. Детям надо было слышать ее голос, от которого им становилось значительно лучше.

* * *

В дверь осторожно постучали и примадонна негромко ответила: «Входи, Николай!»

В кабинет с отсутствующим видом вошел красивый высокий мужчина в тщательно вылизанном норковом полушубке. С повышенным вниманием он осмотрел скромное убранство ее кабинета, будто был здесь в первый раз, намеренно стараясь не глядеть ей в лицо. Примадонна только вздохнула, понимая, что разговорить его будет нелегко.

— Да, Коля, проходи и садись! — сказала усталым и слишком озабоченным тоном дива.

По всему ее виду было совершенно непохоже, будто она хотела оправдываться или объясняться в отношении письма, предоставив ему единоличную возможность целый день растолковывать ее поведение журналистам за

нее. Совершенно выбитый из колеи Николай прислонился к косяку двери, чувствуя внутреннее опустошение.

— Сразу скажу, что еще раз возникни это письмо — я бы опять его подписала, а потом бы опять отказалась, — сухо сказала она, заметив его недоумение. — Добавлю, что это я попросила опубликовать письмо твою знакомую журналистку, которой ты много давал интервью, да только она их не печатала. Уверена, ты ее тоже просил напечатать это письмо раньше, но тебя она не послушалась! А как я позвонила, она тут же напечатала! Не смотри на меня так, я нисколько не сомневалась, что назначат не тебя!

— А мне был нужен этот скандал? Зачем мне это письмо... сейчас? — дрогнувшим голосом тихо спросил ее танцовщик.

— Ты пока плохо понимаешь, куда ввязался и где оказался, — строго ответила дива. — Думаешь, все «просто так»? Просто так очутился в главном театре страны, просто так стал премьером с мировой известностью и преемником всех наших муз? А платить за это не хочешь?

— Да сколько уж можно платить-то? – взорвался Николай. – Я мало на сцене плачу? Может, я не выкладываюсь или где-то себя жалею?

— Нет, ты, похоже, совсем не понимаешь! – разочарованно заметила дива. — Все у тебя отнюдь не «просто так»! Ты стал воплощением музыки, насколько я понимаю. Это по твою душу здесь уже гарпии появились.

— Кто-кто? – переспросил Николай. – Это те тетки из пресс-службы театра?

— Боже мой! – сама себе прошептала дива, закрывая лицо руками. — Только от них удалось избавиться... Иной раз думаешь, а зачем этот талант? Куда с ним? Одни проблемы от него. Только сделаешь шаг вперед, так желающих на твое место столько, что не успеваешь уворачиваться...

— Пойдите, вы о чем? – почти сочувственно спросил Николай, помимо воли поддаваясь чарам ее волшебного голоса, хотя дал себе слово ни в коем случае им больше не поддаваться.

— Гарпии в театре! – без обиняков рявкнула дива верхним регистром. — Среди них есть такая гарпия-паразит. Сама она очень редко летает и почти не ходит, самостоятельно она вообще крайне неуклюжа. Но очень хорошо умеет цепляться к кому-нибудь, даже всю душу сразу не снимает со своего конька, долго ездит на нем... пока... пока... неважно! Но уж и ее «конек» с ней на загровке — думает и действует только так, как она захочет. Но если она появилась, где-то прячется вторая, быстрая. Еще у Гомера было сказано, что они всегда вдвоем действуют. Одна паразитирует, а другая — устраивает скандалы, всякие дикие, явно ею придуманные происшествия... как это нынче говорят – «провокации». Но она очень сильная, способна отвести глаза всем, кроме...

— Каллиопа? – фыркнул премьер.

— Ты знаешь? – недоверчиво спросила дива.

— Нет, просто та журналистка, с которой вы вместе устроили мне провокацию с письмом, в точности так, как вы сейчас двух гарпий описываете, — несла такую же чушь, когда я ее по-человечески просил письмо опубликовать до избрания нашего директора. Тоже про гарпий сказала, намекнув, что мне теперь поможет лишь... Каллиопа из древнегреческой мифологии. Ну, что тут скажешь? В принципе, все люди взрослые, сами прекрасно разбираются в мифологии... Мне в шубе жарко уже, можно я пойду?

— Сними шубу и сядь! – скомандовала дива отвернувшемуся в сторону премьеру. – Коля, это до такой степени не «мифология», что я это увидев в коридоре опять, орала благим матом! Меня Глашенька с Марией Геннадьевной едва в чувство привели! В детстве я пережила блокаду, ты в курсе?

— Ну, да, в курсе, — скучным голосом произнес Николай. — Читал ваши воспоминания в театральном музее. Когда началась война, вам было два года. Первыми вашими словами, кроме слов «папа» и «мама», были «аого!» и «анитки!», что означало «тревога» и «зенитки». В бомбоубежище вы все время громко плакали, хотела хлебца. Вокруг люди ворчали на вашу маму: «Опять эту крикуху принесли!» Потом вы пишете, что так, наверное, и прорезался ваш голос. Я могу идти?

— Коля, я там пишу, что одно из самых страшных воспоминаний того времени для меня был умерший от голода человек в подъезде. Я крохой была, но как закрою глаза, это зрелище до сих пор стоит перед глазами, — ответила примадонна, поднимаясь с кресла. — Одного я никому никогда не говорила, что это был не какой-то незнакомый человек, это была бабушкина подруга тетя Люда, она жила в нашем подъезде. Мы пошли с бабушкой ее проведать... У нее перед смертью пропала единственная ценная вещь — старинная камешка. Кто-то ее снял и положил ей в руку горбушку хлеба. Моя мама зашила ее труп в простыню и отвезла на санках на площадь Восстания, недалеко от Московского вокзала. Там постоянно шли обстрелы, поэтому трупы красноармейцы вывозили раз в сутки. Горбушку мама размешала в чае, и мы помянули тетю Люду.

Николай снял шубу, усадил протянувшую к нему руки женщину и сел в кресло рядом с ней, взяв в свои руки ее трясущиеся ладошки.

— Отец ушел на фронт в первые дни войны, а мы до конца зимы 1942 года оставались в осажденном Ленинграде — тихо сказала дива. — Весной 1942 года нас с мамой, бабушку и тетю с моей двоюродной сестрой Маринкой эвакуировали по Ладожскому озеру по Дороге жизни в Вологодскую область. Мы там все жили до конца войны. Эта земля спасла меня от смерти.

Николай подошел к шкафчику, где стояли чашки, взяв одну побольше, он наполнил ее водой из графина и подал примадонне. Та, сделав пару глотков, благодарно улыбнулась.

— Я читал, как вы вместе с Маринкой таскали жерди из чужих изгородей на растопку вашей печки, — сказал он извиняющимся тоном. — Как вы по вечерам караулили деревенское стадо и помогали загонять коров по домам, выпрашивая за это пирожок или яичко. А когда вам соседка подарила цветок жасмина, а вы пришли домой счастливая, то мама вам сказала, чтоб больше цветочки не брали, а просили хлеба. Это очень напоминало рассказы моей мамы о послевоенном детстве, поэтому я хорошо это запомнил.

— Я не стану тебе пересказывать свою официальную биографию, — успокоила она его с грустной улыбкой. — Расскажу тебе то, чего в нашем обществе рассказывать было не принято. Мы занимаемся сферой человеческой деятельности, которая основана на чувствах, на фантазиях,

видениях и пророчествах... И пытаемся делать это в обществе, где долгое время отрицалось все, что нельзя потрогать руками. Но наполненные зрительные залы говорят только о том, что люди вовсе не склонны сводить все в своей жизни к материальному. Знаешь, зачем к нам приходят?

— Зачем? – поинтересовался Николай, чувствуя, как постепенно с его души спадает какой-то тяжелый груз, нестерпимо давивший его весь день.

— За прекрасными воспоминаниями! – ответила дива, поднимая бокал с водой, как кубок.

— Хотелось бы, чтобы и у нас оставалось больше самых прекрасных воспоминаний, — вздохнул он в ответ.

Cursiter, Stanley (1887-1976), The Seamstress 1923

— В детстве мы постоянно ходили с бабушкой к тете Люде, — продолжила дива. — У нее была шкатулка с украшениями. Конечно, после голода Гражданской войны в ней оставались лишь менее ценные вещи, но как мне нравилось перебирать их! Я не помню, когда эту камешку подруга бабушки надевала на меня, но она говорит, что, когда я была маленькой, я любила сидеть в ней на ковре и играть фарфоровыми статуэтками и украшениями тети Люды. В окно я смотреть не любила, потому что с этой камешкой на шее мне виделись огромные черные птицы с женскими головами. Муж тети Люды погиб еще в «Брусиловском прорыве», дочка умерла от тифа в Гражданскую, а перед самой войной забрали ее сына. Как она рассказывала бабушке, вместе

с чекистами за ним пришел человек, на плечах которого сидела эта ленивая гарпия. Тетя Люда ее увидела и поняла, что больше никогда не увидит сына. И такую же гарпию я увидела на днях на плечах Антона Борисовича, который с вашей балетной труппы берет деньги за каждый выход на сцену и за участие в гастролях.

— Вы ничего не путаете? — как можно равнодушнее поинтересовался Николай.

— Понимаю, насколько дико это звучит, — сокрушенно покачала головой дива. — Но ведь этот страх, этот морок, обрушение всей жизни, эта власть... все это тоже не «просто так»! Мы испытываем полную власть над зрительным залом на короткое время, а сколько приходится за это платить?.. Мне кажется, этот «материализм» так упорно навязывался, чтобы люди не верили собственной душе, считали себя неодушевленными предметами. Это ведь тоже не «просто так»! Бабушка мне перед смертью рассказывала, что эта необычайно редкая камешка у ее подруги Людочки осталась от дяди-путешественника последней памятью о ее семье. Камешка позволяла видеть воочию то, что обычно имеется в виду под «греческой мифологией». Я так понимаю, что никакая это не «мифология», это зашифрованные знания о природе искусства. Ведь в искусстве человек ближе всего подходит к роли Творца. Слишком много зависит от этого творчества, ты же сам чувствуешь, наверно.

— Ну, мне говорят, что это у меня самомнение, что это такой синдром мессии, — усмехнулся премьер.

— Умоляю! — воздела руки к низкому потолку своей каморки дива. — Ты видел, что иногда творится с людьми в зале! Это не «синдром мессии», а обычное чувство собственной миссии. Если в результате пробуждаются добрые чувства, то... мир на полградуса становится лучше! Поэтому столько преград возникает на пути, ведь многим надо совсем не этого.

— А чего им надо? Кому мы мешаем? — с нескрываемым отчаянием произнес Николай.

— Тем, кто вовсе не заинтересован в том, чтобы люди становились лучше и духовнее, — пожала плечами примадонна. — На таком фоне слишком будет бросаться в глаза отсутствие души в них самих. Любые силы, не освященные движением души, всегда направлены против лучшего, что есть в человека. К сожалению, всегда! Поэтому я и говорю, что достигнув в искусстве таких высот, якобы «просто так», ты не можешь оставаться в стороне, ты неминуемо подвергнешься атаке гарпий. И лучше все-таки понимать, что происходит, чем оставаться в неведении.

— Я сегодня полностью исчерпал «неведение» на свой счет, — ответил премьер, подходя к ноутбуку дивы и набирая какую-то ключевую фразу в поисковике. — Сегодня весь Интернет цитирует какую-то колумнистку,

разъяснившую всем, почему меня нельзя назначать директором театра. Вот, послушайте!

Делать этого ни в коем случае нельзя, несмотря на мою личную симпатию к Николаю. Николай — свой. Поэтому за него просят и другие деятели, и наша примадонна. Он — тусовщик. Но у него нестабильная психика, на репетициях он дергает молодых танцоров, впадает в истерики. Нынешний директор — идеальный директор Театра, лучший из всего, что только возможно в России. Дай Бог ему продержаться подольше!

— Ну, понимаю, тебе обидно и больно, — прокомментировала дива. — Эта девушка здесь появлялась на «Травиате» в безвкусной шляпке, ее директор к себе в кабинет приглашал, она потом писала о нем, какой он — «дуся». Ты хотел бы, чтобы она о тебе написала, что ты — «дуся»? У нее нет образования, пишет неграмотно, ничего не

значит. Но, заметь, у директора психика стабильная, а она понимает, что он здесь не работает, а «держится». Напоминает стиль Шарикова из «Собачьего сердца» Булгакова: «Психика у меня добрая!» Бросил бы ты это читать, Коля! Я чувствую, что скоро произойдут страшные вещи, и ты окажешься в опасности! Тебе нужна поддержка старших муз! За этим тебя и позвала.

— У меня сегодня был страшный день, — пробормотал Николай. — Что еще за жребий может выпасть после обычного письма в поддержку кандидатуры? Распнут на Красной площади? Вы понимаете, насколько это было больно?

— Коля, я не стану с тобой хитрить и изворачиваться, — ответила примадонна. — В моем возрасте гораздо сложнее признаться, что это я попросила опубликовать это письмо нашу общую знакомую. А почему... скажу тебе прямо. Эта увядающая гламурная красотка — тоже муза, связывающая таким... «общечеловеческим» высших и младших муз. Кстати, мне всегда казалось, что прежде нас намеренно разделяли. Да и нынче, когда всем нет разницы, как мы живем, когда с нас собирает деньги человек с гарпией на плечах, — эта женщина больше разъединяет нас, чем соединяет. Но она и ее болтливость, желание лично попиариться на нашей беде... наша единственная надежда. Возможно, все это происходит с какой-то высшей целью, которую мы должны принять и осознать.

— Я при определенных допущениях своей неустойчивой психики могу допустить, что вы или я — действительно имеем какое-то отношение к музам,

— с улыбкой сказал Николай. — Но допустить, будто наша знакомая на красном «Ауди» — тоже муза... увольте!

— Нам нужно объединиться! — перебила его дива. — Все говорит о том, что нам надо призвать старших муз!

— Вы так говорите, будто...

— Будто я — Полигимния, а ты — Мельпомена? Так и есть, мой дорогой! Так и есть!

— Ну, это же... чушь собачья, простите! — почти в отчаянии сказал премьер. — Хотя удобно, проверить наверняка никак нельзя!

— Все специально устроено так, чтобы мы соответствовали этой стезе — по свободному выбору,

ничего не зная наверняка, — рассмеялась дива. — Но как верить в свою необычность и избранность — сколь угодно, да? А хотела спросить тебя, Коля... Ты в бога веруешь?

— Да, меня даже в крестные отцы приглашали, — недоуменно ответил он.

— А ты Бога видел когда-нибудь?

— Нет! Но я...

— Но ты все равно веришь, даже твердо не зная, придет ли к тебе смерть окончательно или ты предстанешь перед Его Ликом — все равно веришь в Него и делаешь свой выбор, верно? — ответила дива. — А если бы ты все знал точно, то в чем бы был твой выбор? Ну, наверно, это тоже был бы выбор, но уже под страхом наказания, отнюдь не свободный.

— И все же должен быть какой-то знак, подтверждение, — нерешительно сказал Николай, почти уступая ее логике.

— Когда нас вывезли с бабушкой из Ленинграда, я все время спала. Мне было очень больно просыпаться, — тихонько продолжила рассказ дива. — Однажды, вместо обычного сна с ночной бомбежкой мне приснилось странное место у моря. Там стояли столики со свечками в бумажных пакетах, защищавших их от теплого бриза. Передо мной была маленькая тарелка настоящей манной каши, немного. А рядом сидела темноволосая яркая женщина. Она сказала, что много каши есть сразу нельзя. У нее были странные часы. Мне казалось, что они — живые.

— С... с львиными ножками? — взволнованно спросил Николай.

— А откуда ты?.. Ну, конечно! Ты же их тоже видел, а только делаешь вид, — догадалась дива. — Нехорошо, Коленька, старших обманывать!

— Мне всегда казалось, что это был сон.

— Это так всем кажется, для полной свободы выбора, — ответила дива. — Так вот эта женщина вынула из часов пакет манки. А мама рассказывала, что бабушка очень переживала за меня. И на счастье обнаружила пакет с манкой у меня в подушке! Она решила, что этот пакет случайно там оказался. Даже вспомнила, что покупала его в бакалее накануне

войны, а потом никак найти не могла. Мы варили манку на воде, понемногу начали есть.

— А мне эта женщина ничего с собой не дала, — опять обиделся Николай.

— А меня эти «живые» сны просто спасли, к лету я в них уже могла съесть небольшой обед. Снились не часто, но я стала выкарабкиваться. Самое страшное в дистрофии, когда уже вообще есть не хочется, знаешь, что каждая крупинка причинит только боль. Я была близка к такому состоянию, когда трясешься от сухой рвоты.

— А мне она только один раз приснилась! – с нескрываемым разочарованием произнес танцовщик.

— Нет, я почти все войну с разной периодичностью видела эту даму, ее звали..

— Эвриале!

— Совершенно верно, — подтвердила дива. — Потом она передо мной зажгла мой флакон музыки Полигимнии, у меня была счастливейшая творческая жизнь.

— А мне она снилась только один раз! – повторил Николай с ожесточением.

— Ну, что ты злишься? – примиряюще спросила дива. – Сравни свое детство и мое! У тебя мама билась за твое будущее, как орлица! А мне надо было еще сопротивление папы преодолеть. А он, хоть и был инженером, сам недурно играл на скрипке. Мне надо было вопреки его мнению стать певицей, а это было намного сложнее. Да и мы почти не разговаривали в тех снах. Ложка каши, глоток мира без зениток и тревоги – вот и все наше общение.

Потом я знавала многих Мельпомен, Терпсихор и Талий. Когда я подросла, Эвриале сказала, что спустя годы наступят и другие времена, когда люди забудут войну и не узнают ее в другом обличье. А мне очень поможет то, что до войны я так часто сидела в камее покойной тети Люды. Но у меня была слишком счастливая творческая жизнь, чтобы я вспоминала ее слова... до недавнего времени. Мне уже начало казаться, что такие времена никогда не наступят, что я никогда уже не увижу гарпий, кружащих над городом. Как я ошибалась! Мне никогда не приходило в голову, что люди смогут и без всякой бомбежки – посадить себе гарпию на плечи, чтобы собирать дань с артистов за выход на сцену.

— А гарпии... они откуда-то появляются? Ведь не все же время они живут среди нас?

— О, ты ошибаешься! – с горечью ответила дива. — Эта гарпия, которую я увидела на плечах Антона Борисовича, сидела раньше на плечах... неважно кого. Пусть это остается на их совести. Они никуда не уходили, как я поняла, просто раньше я их не замечала. Или старалась не замечать? Но они держались в тени и не проявлялись до тех пор, пока люди не решили, будто имеют право поступать с другими так... как... чтобы... из страха, чтобы так не поступили с ними! А потом им это понравилось.

— Они здесь были и раньше? Но вы же сказали, что они уходили из театра.

— На некоторое время, несомненно, — подтвердила дива. — Но все время возвращались! Здесь ведь очень удобное место для кормления. Поднимаешься до таких творческих высот, что в последующих дрязгах, когда не думаешь о душе, намного легче навсегда утратить с ней связь. Думаешь, просто так гнали из театра нашего прославленного хореографа? Или тебе напомнить, как он сам поступал с... другими? Все лишь говорят, что искусство – жестокая вещь! Те,

кто такое говорит, лишь оправдывают собственную жестокость и предательство собственной сути.

Да, нынче с виду не война. А потому, когда ты попадешь в беду, а случится это очень скоро, тебя никто не станет спасать по Дороге жизни. Помнишь скандал с прежним руководителем труппы, который мог стать худруком балета?

— Помню, конечно! Главное, ему все сказали, будто я собираю против него собрание и требую его увольнения! Мне еще пришлось ему по телефону объяснять, что я сам пока ни на какие собрания не хожу, чтобы еще их собирать по поводу чьей-то личной жизни.

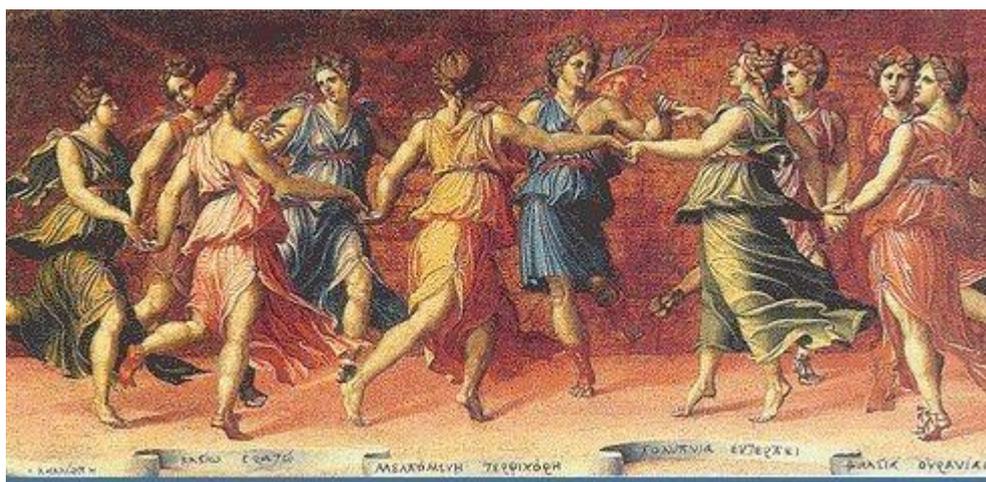
— Это частности, Коля! – отмахнулась дива. – Скоро тебя будут распинать в точности так же. Конечно, ты никому не доставил такого удовольствия, чтобы и про тебя можно было опубликовать порнографические снимки. Но ты еще удивишься, какую грязь выльют на тебя!

Коля, как ты к этому не готовишься, а когда оно приходит, ты всегда понимаешь, что совершенно к такому обороту не готов. Ты после поймешь, что к такому подготовиться невозможно. И единственная, кто тебя в состоянии защитить – это Каллиопа.

— Но то, что о ней рассказала...

— Без имен! – строго оборвала его дива, показывая глазами на стены. – Ты имеешь в виду Эрато?

— Д-да, — с заминкой выговорил Николай. – То, что она мне рассказала, не внушает надежды. Какая-то известная блогерша в Интернете...

Baldassarre Peruzzi — Apollo and the Muses

— Молчи! Молчи и слушай! – жарким шепотом прервала она, подойдя к нему вплотную, поставив пустой бокал в шкафчик. — Она стоит там, где ее место! И даже не думай в ней сомневаться! Ты не представляешь, какая это сила! Это мы становимся обычными людьми, стоит нам сойти со сцены, но не она, где

бы она ни стояла. Ее место лишь означает, что основная травля, как и в случае с прежним директором труппы, против тебя будет в Интернете!

— Но она должна понять, она должна нас узнать... что ли? — с нескрываемым сомнением произнес премьер. — Если она такая же «муза», как и мы, она ведь точно ничего не знает! Откуда ей знать? Судя по всему, она не интересуется, ни оперой, ни балетом. Ругает только всех, кричит...

— Это «крик Каллиопы», чтобы ты знал. А знать обо всем она может оттуда же, откуда это знаем и мы! Она должна понять, что мы сделали со своей жизнью! Должна понять, что слава и какие-то вещи, награды... вовсе не компенсируют ежедневного служения, — с надеждой проговорила дива. — Надеюсь, в своем нынешнем состоянии, она преодолит свои обиды и поможет нам, простив нашу «удачливость». Судя по всему, у нее куда больше причин обижаться на жизнь, чем у тебя сегодня.

— Не уверен! — мрачно заявил Николай.

— Конечно, хоть балетные, хоть оперные артисты и их поклонники — стараются не допускать чужих, это затхлый мирок. Ее будут травить при любой попытке прорваться, — не обращая внимания на его возражение, прикидывала вслух дива.

— Чтобы придушить нас в тихом омуте.

— Конечно! — согласилась дива. — Но я как-то у своих девочек увидела распечатки ее статей. Там речь шла о том, что она никому не позволит при себе — «безнаказанно жрать людей!» Грубо, но впечатляет.

— А по какому поводу ваши вокалистки ее читали? — заинтересовался премьер.

— О... о, это совершенно гадкая история, поверь, — зябко передернула плечами дива. — Поэтому я предупреждаю тебя, что с тобой никто церемониться не станет. В центральной музыкальной школе у одной из моих учениц был старый педагог по фортепиано. В прошлом году мать одной учениц обвинила его в педофилии. Хотела, чтобы он усиленно занимался с ее дочерью, а он вообще от нее отказался. Вот тогда взъяренная мамаша решила его «приструнить». После ее обвинения его в тюрьму посадили... страшное дело. Главное, они с этим заявлением подгадали попасть в «общую струю» — в очередную кампанию «борьбы с педофилией». Никаких шансов у него не было. Из предварительного заключения у него был один путь — в тюрьму.

— А почему за него не вступилась общественность? А другие его ученики? — встревоженно спросил премьер.

— А кому надо защищать человека по таким обвинениям? — ответила дива. — И разве ты не знаешь, что у нас предварительно бюджетные гранты раздают

под такую «борьбу»? Девочки мне говорили, что перед тем, как саму Каллиопу протащили через кампанию по «борьбе с экстремизмом», их местность выиграла грант на борьбу с экстремизмом в 9,5 миллионов рублей. Не удивлюсь, если и на «борьбу с педофилией» в наших кругах – кто-то себе в карман грант положил на аналогичную сумму.

— Так она еще и экстремистка! – в отчаянии произнес танцовщик. – И как вы себе представляете контакт с таким опасным человеком?

— Контакт с ней опасен, но по другим причинам, она же всех на чистую воду выводит. Контакт с ней означает открытое противостояние, к чему ты явно не готов, хоть тебя и объявили «психически неустойчивым типом» и «злым гением театра». А вот сама она долго на контакт не шла. Думаешь, так просто человека, уже имеющего судимость за какой-то «экстремизм» — подбить защищать педофила, уже признанного судом опасным?..

— И как это вам удалось? – заинтересовался премьер.

— Да не мне, — отмахнулась дива. — У нас была такая дама, которая раньше организовывала концерты оперной и симфонической музыки. Потом ее выжили из театра и телевидения, где-то она нынче работает вне искусства. Вроде программистом, она МИФИ закончила, как Антон Борисович. А девочки ее знают по Интернету. Я, как ты знаешь, так и не смогла овладеть Интернетом, но электронной почтой, как видишь, пользуюсь. Делом нашего «педофила» занималась одна журналистка. Ну, как они обычно занимаются! Море самопиара, а веса в словах – никакого! Ей самой надо на это деле вес заработать. И если бы старика осудили, у нее возник бы... ореол!

— Да, нас все будут защищать, лишь когда нас окончательно укокошат, — мрачно сказал Николай.

— Так вот эта женщина, которая теперь программист, стала подсовывать Каллиопе ссылочки на дело педагога, — продолжила дива. — Статьи-то про него были, но они не имели никакого веса! Его ученики даже упростили журналистов НТВ снять сюжет, а в эфир не пустили. Они собрали огромную сумму залога, около 3 миллионов рублей, чтобы его выпустили под залог.

— Понятно, что им было невыгодно его выпускать, раз решили посадить по кампании, — упавшим голосом откликнулся Николай. — А эта Каллиопа... она сразу ответила?

— Куда там! – протянула дива. — Ее так травили саму, что ей было совершенно не с руки втягиваться в такое дело. Думаешь, почему я добилась публикации этого письма и придала скандальный оттенок отказом от подписи? Да чтобы в *их* голове это все перевесило! Мне все равно, что ты обо мне подумаешь, я тебя старше и вижу намного больше! Я знаю этих негодяев лучше тебя! Теперь у них это письмо и твои «директорские» амбиции будут

стоять костью в горле. Они, конечно, останутся верны своей подлой натуре, но письмо и мой отказ... на некоторое время полностью переключат на себя их внимание.

— Вызвали огонь на себя? – насмешливо спросил танцовщик.

— Коля, когда тебя будут все подряд называть «балеруном» и кем-то... похуже, а заступиться за тебя будет некому... тогда ты вспомнишь об этом и, возможно, лучше меня поймешь, — невозмутимо ответила примадонна.

— А что стало с тем педагогом? – сменил тон танцовщик.

— Каллиопа написала всего лишь одну статью, одну! – с жаром откликнулась дива. — НТВ сразу же опубликовало ролик невышедшей в эфир передачи, старика выпустили до суда под залог, а присяжные его оправдали на суде, хотя судья сделал все, чтобы не дать ему защищаться.

Young Knight In A Landscape by Vittore Carpaccio, 1510

— Но это простое стечение обстоятельств, разве вы сами не понимаете? – рассмеялся Николай. — Как вы можете сравнивать статью в Интернете и ролик профессионалов с НТВ?

— У тебя будет возможность все это сравнить, — устало проговорила дива. — Там было важно другое! Получив оправдание, семья педагога не стала требовать компенсации за перенесенные мучения и издевательства. А это развязало руки тем, кто любит «жрать людей». Они сделали выводы! Теперь таких вот педофилов уже будет судить один судья, без присяжных. И одному

Богу известно, чем это закончится. А насколько я знаю, Каллиопа не прощает подобной трусости. К тому же она защищала пианиста, сильно рискуя! У тебя не было шанса без этого письма, привлечь ее внимание. Надеюсь, что он появился после моего отречения...

— Да это же смешно! Для меня ваше отречение от подписи – стало ударом, а что мне до какой-то писательницы? Это же смешно!

— Удар, боль! – горько усмехнулась дива. – Ты еще не знаешь, на что они способны! А мне не привыкать. Про меня уже всякие гадости сообщили с этими письмами в мемуарах Найны. Все эти письма – такая ерунда по своей сути. Но после того, как ты выступил против уничтожения исторической части нашего театра при реконструкции, когда заявил о воровстве, привлек внимание общественности, а теперь вот тебя еще и предали твои же коллеги... думаю, это тронет ее сердце! Только бы она пожалела тебя!

— У меня все же не помещается в голове наш сегодняшний разговор, — растерянно произнес Николай. – Гарпии, музы, камня... Каллиопа! Эрато! И ваше извинение сверху с неизменным пиететом!

— Николенька, мне всегда нравились твои благородные манеры, — призналась дива почти застенчиво. – Это такая редкость нынче! Только держись! Она оценит благородство, она тебя спасет. А я... не смогу! Я как увидела эту страсть Господню на плечах Антона Борисовича, я поняла, что не смогу тебя защитить. Я могу петь, могу голосом что-то делать, но моя подпись или извинение – ничего не значат перед ее словом. Тебе нужна она, а не я!

— Нет, вы это серьезно? – устало спросил Николай.

— Послушай меня, — остановила его дива. – Мы стали музами, имея некие профессиональные приемы, которыми мы владеем лучше кого бы то ни было. У тебя – это ряд позиций, движений, прыжков. У меня – ноты, тональности, гармоника. А как ты думаешь, чем владеет Каллиопа лучше других? Что выделяет ее среди смертных?

— Что? – с недоумением спросил Николай. – Ну, наверно, буквы, слова...

— Все эти буквы и слова – служат другим так же, как и ей. Она говорит, но... немножко иначе. Как каждый из нас. Ты понимаешь, насколько изменился язык после Пушкина? Все начали говорить его языком! Если он погиб на дуэли, это лишь означает, что врагов у него было достаточно.

— Нынче все готовы расписаться в любви к нему! – усмехнулся премьер.

— Нет, вовсе нет! Пушкин сегодня их интересуется намного меньше, чем деньги, — горячо возразила дива. — Но как только она скажет... они все поймут, что любят его. Ты это увидишь!

— Что вы имеете в виду?

— Ты никогда не слышал выражение «синтагма»? – спросила дива. — Нарочно залезла в энциклопедию – там это слово есть. Девочки сказали, что раньше, до того как ее травили, она часто употребляла это слово. Оно имеет, конечно, греческие корни, *sýntagma* по-гречески буквально означает «вместе построенное», «соединённое». Правильно, она же строитель по основной профессии. Дальше пояснения неинтересные, можешь почитать.

Николай взял листочек, на котором неровным почерком примадонны было написано, что в широком смысле «синтагма» — любая последовательность языковых элементов, связанных отношением определяемое-определяющее. Синтагма — это возникающие в речи интонационно организованные фонетические единства, выражающие единое смысловое целое и могущие состоять из одной или нескольких ритмических групп. Фраза может по-разному члениться на синтагмы, что связано со смысловыми оттенками, логическим выделением или с синтаксической омонимией.

— Я ничего не понял, — честно сказал он, подняв глаза на примадонну. — Я понял лишь, что язык, которым я пользуюсь, с виду не прост. Но я знаю и другие языки! Есть определенные законы, но...

— Но ты больше веришь в слово «Мутабор», которое превращало аиста в халифа? – засмеялась дива. — Ты видел, во что превратилась наша жизнь из-за ряда лживых слов и понятий? Сейчас язык пытаются разъять на слова, но уже поздно, она подчинила его себе! Язык состоит из понятий, которым она дала определение. Потому она иногда говорит: «Я уже внутри тебя!» Как бы ее кто-то не любил, но все начинают пользоваться ее синтагмами. А в них, как в музыкальной фразе – сконцентрированы чувства, мысли... Это такая же магия, как и музыка! Все пытаются найти то самое «определяющее определение», но оно не работает! А когда читают ее... там все просто. Все читают и говорят себе: «Я же так и думал!» Потом начинают говорить так, будто всегда это говорили. Потому что иначе сказать уже невозможно!

— Вы сами в это верите? – упрямо повторил он.

— Я видела, как это работает, — кивнула в ответ дива. — Если ты думаешь, что я не могу определить настоящее, ты ошибаешься. Вы привыкли недооценивать язык, пользуясь им каждый день, когда писателем может объявить себя каждый. Но потом ты поймешь разницу. Эта разница почти неразличима, пока твоей жизни ничего не грозит, пока ты не унижен, не раздавлен. А когда это произойдет, ты почувствуешь разницу! Призови ее на помощь!

— Как? – беспомощно спросил он.

— Ты поймешь! – уверенно ответила дива. — Как только тебе объявят войну – ты поймешь, как призвать Каллиопу!

12. Аэллопа

*А ты на гарпию похожа:
По виду — ангел, а коварству служишь
Орлиными когтями.
Вильям Шекспир, «Перикл, царь Тирский»*

Антон Борисович родился в Подмоскowie, которое вошло в черту столицы к конце 90-х годов прошлого века. А в начале 70-х малая родина Антона Борисовича считалось далеким ЗаМКАДьем и не оставляла никаких перспектив на получение столичной прописки. Самое большое, что мог получить от жизни Антон Борисович после окончания МИФИ после долгих лет беззаветного труда на ниве социалистического строительства – это место директора завода в Подмоскowie, вернее, научно-производственного объединения. Он прошел бы той же жизненной стезей, которой до него в числе многих уже прошел и папа Ларисы Петровны. Антону Борисовичу становилось заранее дурно, когда он смотрел на доску почета лучших выпускников МИФИ, ударно трудившихся по специальности, с точностью повторяя некоторые общие биографические моменты.

Несложно было себе представить, как с такой пропиской он так же, как папа Ларисы Петровны, стал бы дневать и ночевать на предприятии, выполняя и перевыполняя планы социалистического соревнования в отрасли. И с продвижением по карьерной лестнице он стал бы все реже бывать дома, куда бы его особо и не тянуло, поскольку жил бы он коммунальным общежитием в доме, построенном пленными немцами. При этом с постной физиономией он участвовал бы в заседаниях профкома на распределении современных благоустроенных квартир рабочему классу, то бишь, «авангарду все общества», изображая искреннюю радость неуклонным повышением благосостояния трудящихся.

На этой почве, в качестве вполне прогнозируемого результата, он бы тихо и культурно развелся с женой, а его любимая дочка Дашенька, вместо всестороннего развития в столичных кружках и студиях, ходила бы к нему на завод и училась у секретарши печатать десятью пальцами. Не исключено, что и она смогла бы, в конце концов, даже освоить арифмометр.

Здоровье Антона Борисовича неизменно бы ухудшалось из-за разных производственных особенностей, а перед самым окончанием школы его Дашеньки он бы тихо протянул ноги от рака в уездной больничке, так и не сумев ничем полезным пригодиться в жизни любимой дочурке.

И поскольку вокруг подобных примеров было великое множество, Антон Борисович решил во что бы то ни стало не повторять судьбы всех его предшественников, оптимистически и задумчиво вглядывавшихся в подрастающую поросль инженеров-физиков с доски почета. Именно тогда, будучи совсем молодым и неоперившимся, он с ленинской твердостью сказал себе «Мы пойдем другим путем!» и, не сумев с третьего раза сдать лабораторные работы по общей физике, отправился «наводить мосты» в первый отдел института. Конечно, он и не рассчитывал в первый раз прорваться дальше карлика, заместителя начальника первого отдела, проводившего инструктажи перед производственными практиками, где требовался допуск к тому, что считалось в те далекие года государственной тайной. После «разговора по душам» с этим человеком, сумевшим сделать карьеру, несмотря на маленький рост и внешность артиста цирка «Маленькие звезды», он понял, что все, что ни делается в жизни, делается исключительно к лучшему.

Карлик, с присущей ему обостренной чуткостью к чужим комплексам, сумел понять все внутренние страхи Антона Борисовича, его внутреннюю неудовлетворенность и горячее стремление устроиться в этой жизни, несмотря на незавидные условия «низкого старта». Какая, в сущности, разница – быть карликом в первом отделе МИФИ или родиться в ближнем Подмосковье с перспективой украсить собой доску почета выпускников-производственников? Оставалось лишь, ворочаясь бессонными ночами, думать и думать, как несправедливо обошлась судьба, приготовив свой «сюрприз» задолго до рождения, нисколько не просчитав более радужные перспективы в развитом социализме. Как от Антона Борисовича нисколько не зависело его место рождения, так и у карлика никто не поинтересовался, хочет ли он ловить на себе все эти любопытные взгляды и слушать о себе анекдоты за спиной, с одним из которых, набравшись смелости, к нему и пришел Антон Борисович.

Утром, изнемогая от любопытства, подружки невесты, выдавшие ее накануне замуж за карлика, спрашивают молодую жену — «как почивали молодые»?

— Я этого не вынесу, — со слезами признается она. — Всю ночь бегал по мне и орал: «Неужели это все — мое?..»

Анекдот рассказывал в аудитории однокурсник Антона Борисовича, одевавшийся в стильный кожаный пиджак, который привез ему отец, побывавший в заграничной командировке во Франции. Жил этот остряк-самоучка на Садовом кольце, а ростом был на голову выше даже Антона Борисовича, не говоря о тех, кому не повезло еще больше. Кроме настоящих американских джинсов, черной водолазки и пиджака отец привез ему бежевую замшевую куртку с индейской бахромой из тех, что Антон Борисович видел только в

зарубежном фильме «Прерия». В этой куртке он спокойно поехал «на картошку», пел в ней песни вечерами у костра, разбивая сердца немногочисленных «мифических» девчонок. А когда несколько искр от костра прожгли куртку в нескольких местах, он ни капельки не расстроился.

Если учесть, что все остальные ребята поехали на картошку в солдатских шинелях, выданных им в АХЧ института, но надо понимать, как фантастически выглядела эта ковбойская курточка в бескрайних прериях Подмосковья. На красивом, без единого прыщика лице ее обладателя было написано только безмятежное удовлетворение жизнью, будто дома его ждало неисчислимое множество курток и других зарубежных вещей, о которых нельзя было и мечтать без московской прописки с производственным допуском от первого отдела.

Diego Rodriguez de Silva Velazquez Portrait of a Buffoon with a Dog

Карлик проверил аттестационные ведомости и нахмурился. Антон Борисович понял, что и общую физику этот юморист сдал в срок с допустимой погрешностью измерений. Проверив успехи самого Антона Борисовича, карлик задумчиво хмыкнул и сказал, что с такой успеваемостью ему для начала придется стать комсоргом курса. А потом пусть не пугается, а тихо ждет, когда с ним «поговорят». При этом карлик поднял крошечный пальчик кверху, а Антон Борисович сделал все возможное, чтобы на его лице не

отразилось, как им вспоминается известная песенка, которую пел обладатель зарубежных сокровищ: «А у лилипутика ручки тоньше лютика!»

После разговора с карликом ему пришлось выступать на всех семинарах по марксистско-ленинской философии, научному атеизму и прочим необходимым предметам, так что никто не удивился, когда его, в конце концов, избрали при общей апатии комсоргом курса.

Через пару недель после избрания к нему подошел мужчина в строгом черном костюме – «поговорить». Он представился Львом Ивановичем и посмотрел на нового коллегу оценивающе и свысока. Антон Борисович даже на секунду пожалел, что пошел тогда с тем анекдотом к их лилипуту. Ощущение было мимолетным, но, пожалуй, самым пронзительным из всех, что довелось испытать за еще недолгую жизнь. То, что внезапно дошло до его сознания, он мог бы формализовать – как ощущение непоправимости своего поступка.

Его собеседник, несколько не смущаясь, прикидывал вслух, куда его лучше пристроить, где новый сотрудник будет полезнее всего. Хотя будничность тона уже успокоила нового борца на ниве общественной морали, все же этот разговор оставил сосущее неприятное чувство тем, что лицо самого инструктора не задерживалось в памяти и постоянно ускользало. Антону Борисовичу даже показалось, что стоит его новому знакомому прислониться к фасаду из серого кирпича, он сольется с ним в полной неразличимости даже в своем черном костюме. Короче, от этого человека оставалось впечатление недоумения от отсутствия самой незначительной возможности идентифицировать его личность даже на уровне: «А с кем это я говорил?..»

Впрочем, и разговор оставил двойственное впечатление. Лев Иванович сказал, что ему придется заняться шахматами, поскольку в институте была одна из самых сильных шахматных секций. И тогда у него возникнут достаточно прочные и плодотворные связи со структурами МВД.

Вряд ли он понадобится КГБ, где трудился сам Лев Иванович, все-таки это не его уровень. А в сотрудничестве с МВД он лучше раскроется. Но в определенный момент Антон Борисович должен будет выполнить ряд необременительных поручений.

На прощанье Лев Иванович, чему-то улыбнувшись, сказал не столько Антону Борисовичу, сколько самому себе, странную фразу: «То, что происходит в реальности – лишь слабое отражение того, что происходит на сумеречной стороне!»

* * *

Закончив институт, Антон Борисович работал в разных закрытых отделах, где получил со временем не только и столичную прописку и жилье, но и твердую уверенность в будущем. Его несколько не огорчал факт, что при такой работе

его фото вряд ли появится на доске почета alma mater. Он намеренно выпал из общего поля зрения, не посещая встречи выпускников, хотя и был когда-то комсоргом курса. К московской олимпиаде в институте выстроили новый корпус с буфетами, а когда там учился Антон Борисович, то и перекусить-то в переменку было негде.

Антон Борисович обзавелся семьей, при улучшении жилищных условий неизменно подбираясь ближе к Садовому кольцу, чтобы его Дашенька, решившая стать балериной главного театра страны, не испытывала в жизни и малейшего замешательства от своей прописки.

Он стал своеобразным «паровозом» для всей семьи, помогая младшему брату устроиться преподавателем в Академию Министерства внутренних дел, тихонько ориентируя его знакомства и научные интересы.

Однажды раздался вполне ожидаемый звонок от Льва Ивановича, который попросил его устроиться на работу в только что созданный центр информатики в архитектуре и творчестве Академии наук. Антон Борисович приложил немало усилий, чтобы через непродолжительное время возглавить центр, с удовлетворением понимая, что к столь ценной информации далеко не все могут предложить соответствующий допуск столичного вуза.

Забыв о прежних сложностях, связанных с приобретением профессии инженера-физика, он осваивал генеральные планы столицы, тщательно отмечая наиболее «интересную

недвижимость», земельные участки, изучая сети и коммуникации.

Он засиживался на работе допоздна, поражая своих несколько разболтавшихся в годы перестройки сотрудников, упорно работая с полной отдачей даже тогда, когда зарплату в центре начали выплачивать со значительными перебоями. И, видя, как жизненный уклад рушится вместе со страной, которую он в детстве

считал неколебимой и вечной, он еще и еще раз испытывал тихое чувство благодарности судьбе за тот поход к человеку небольшого роста, ставшего, по слухам, начальником первого отдела.

В один отличный осенний вечер он вышел с работы пораньше, написав заявление на расчет, не намереваясь возвращаться в гибнущее учреждение с перепуганными сотрудниками, ждавшими массового сокращения. В портфеле он выносил последние генеральные планы, которые могли пригодиться ему в будущем. Вокруг свистел принизывающий ветер, прохожие прикрывали от него серые растерянные лица, а Антону Борисовичу казалось, что лишь сейчас у него начинается настоящая жизнь.

Зайдя в тихий сквер с разрушенными скамейками, он встретился с хмурым Львом Ивановичем и передал ему кейс с чертежами, искренне рассчитывая, что больше никогда не увидит этого человека, лица которого он никак не мог запомнить.

Лев Иванович держал в руке странную камю на выцветшей ленточке, которая когда-то, очевидно, была голубого цвета. Взяв последнюю порцию чертежей, он сказал странную фразу, которую Антон Борисович постарался выбросить из головы, как и его самого: «Над твоей головой, Антон, кружит Аэлоппа – «вихрь», гарпия-убийца, гарпия-паразит. Куда бы ты ни отправился, она придет следом и сядет на плечи. И рано или поздно ты почувствуешь ее нечеловеческую тяжесть... А это значит, мы еще встретимся, хотя я хотел бы проститься с тобой навсегда!»

* * *

На следующий день она действительно у него началась, причем, в совершенно неожиданных, на первый взгляд, ипостасях. С разрушением СССР рухнуло и множество мощных государственных предприятий всесоюзного масштаба, в том числе то самое учреждение, в котором работал отец его однокурсника, щеголявшего в замшевой куртке, — Всесоюзное Международное

Транспортно-Экспедиторское Объединение «Союзвнештранс». Вместо него возникло несколько контор с определенными, вполне прозрачными «интересами» в виде международных транспортно-экспедиторских и логистических систем, интегрировавших весь спектр международных транспортных перевозок, главным аспектом которых являлось, конечно, таможенное оформление. Одну из таких контор с гордым названием «Внешэкспотранс» и возглавил Антон Борисович, предварительно обговорив все необходимые «контакты».

Одновременно он стал генеральным директором Фонда помощи органам правопорядка «Взаимодействие», открыв абсолютно новую страницу бытия силовых ведомств страны, которые в ходе «демократических преобразований» финансировались государством все хуже, что вызывало огромный отток советских кадров в частные охранные агентства. В условиях достаточно расплывчатого истолкования уголовного законодательства и становления «класса эффективных собственников», многие из которых имели за плечами не одну судимость, консультации с юристами, финансируемыми фондом, помогли избежать многих сложностей на пути становления отечественного сектора предпринимательства.

Меценатов фонд Анатолия Борисовича подбирал в ходе многоступенчатой проверки надежности, никак не рекламируя оказываемые услуги. За счет средств фонда многие отделения милиции были отремонтированы, снабжены сигнализацией и компьютерами. На любой вопрос об источнике финансирования ревизоры получали исчерпывающий ответ: «Спонсоры!», не догадываясь, что в число «спонсоров» можно было попасть лишь через стайлинг-клуб, чуть позднее открытый Анатолием Борисовичем ради удовлетворения стремления человека к собственной неповторимости.

В клубе путем изменения внешнего облика, особых приемов его индивидуализации, — создавались абсолютно уникальные модели на основе серийных автомобилей. Многоликий и индивидуальный стайлинг позволял преодолеть многие неудобства конвейерного производства, например, в случае «доводки» автомашин, числившихся в угоне за рубежом, доставленным по «каналам» Внешэкспотранса. Стайлинг всегда оставлял место для самовыражения и творчества владельца, открывая широкие возможности реализовать его при полной поддержке правоохранительных структур на самом высоком уровне. Наверно, было бы излишне уточнять, что в стайлинг-клубе устанавливались не только мощные динамики, встроенные бары и телевизоры, но и аппаратура для прослушки и видеозаписи. И чаще всего спецаппаратура устанавливалась без ведома реализовавших свой творческий потенциал владельцев автомобилей.

Неудивительно, что спустя непродолжительное время, отлично зарекомендовав себя на новом для него предпринимательском поприще,

Антон Борисович возглавил корпорацию «Евроконтракт», основной сферой деятельности которой стали крупные оптовые поставки для МВД и других силовых министерств. Все в его отлично отлаженном хозяйстве выполняло свою функцию на хорошем уровне и в строго оговоренные сроки. У него было заведомо бессмысленно искать какие-то «взятки» или «откаты», так как к поставкам такого уровня он шел поэтапно и методично, учитывая любую мелочь на будущее.

Все понимали, что даже в отлично налаженном разветвленном механизме возглавляемых им предприятий заменить Антона Борисовича некем, ведь, как известно, не место красит человека, а человек – место.

Это не значит, что его успехам не пытались подражать. После него аналогичный фонд завели даже в Министерстве юстиции, курировавшем суды всех инстанций, — но лишь спустя два года после создания «Фонда помощи органам правопорядка». Да и многих тонкостей работы такого фонда в Минюсте так и не учли, не имея в своем распоряжении сотрудников с таким мощным аналитическим аппаратом, которым на всех должностях успел проявить себя Антон Борисович.

Само название возглавляемого Антоном Борисовичем фонда снимало массу вопросов к финансовой стороне его деятельности. Как только звучало название фонда помощи правоохранительным органам, руки многих наиболее совестливых граждан сами собой тянулись в карман, чтобы хоть чем-то помочь родной милиции.

Фонд Минюста носил какое-то неопределенное и даже двусмысленное название – «Фонд общественной защиты прав граждан». С момента своего создания фонд при Минюсте сразу стал притчей во языцех, сомнительными способами «нарабатывая» надежную клиентуру. Под различными благовидными предложениями, например для оказания помощи заключенным в СИЗО, фонд искал спонсоров, составив серьезную конкуренцию фонду, которым руководил Антон Борисович.

Сам слух, что за хороший взнос в фонд Минюста можно было решить проблемы с правосудием, способствовал росту числа «перебежчиков», среди которых оказались нефтяные компании и производители сахарного песка. Вся эта шумиха привлекала слишком много внимания к работе фонда. В

результате многие пролоббированные фондом судебные решения сразу же бросали тень и на работу судов в целом, так как в условиях «нашего трудного времени», как говорили о 90-х годах в СМИ, было достаточно несложно отследить резкий подъем благосостояния сотрудничавших с фондом судей, внезапное обретение ими земельных участков и квартир.

Излишняя публичность работы фонда Минюста и несколько сорванных договоренностей вынуждали благотворителей фонда Минюста искать и других способы гарантии собственных интересов.

Одним из самых крупных благотворителей фонда был банкир, ставший героем криминальной драмы, вытекавшей из удивительной беспечности, с которой в 90-е годы было принято решать любые вопросы: от семейных — до производственных. Почему-то все деловые люди, являвшиеся желанными попечителями любого «правоохранительного» фонда, в это смутное время в любых жизненных обстоятельствах не видели для себя никаких других выходов, кроме насущной необходимости пристрелить своего ближнего. И самому Антону Борисовичу иногда приходилось в сердцах интересоваться, зачем же очередной солидный клиент пристрелил друга детства, да еще и у себя в машине, которую сейчас никаким стайлингом не замажешь? А человек совершенно искренне удивлялся его наивному вопросу: «Да у меня другого выхода не было!»

Вот примерно такой меценат появился и у «Фонда общественной защиты прав граждан». Вначале у этого банкира некие неизвестные лица застрелили друга, тоже банкира. А распорядителем имущества стал друг убитого, тут же перечислив крупную сумму в счет фонда Минюста. Многим тогда показалось странным даже не само прекраснородушное меценатство за счет недавно убитого друга, а то, что незадолго до убийства банкиры крупно поссорились. И вроде как убитый будто бы пригрозил подать в суд на своего будущего распорядителя имуществом, обвинив его в воровстве.

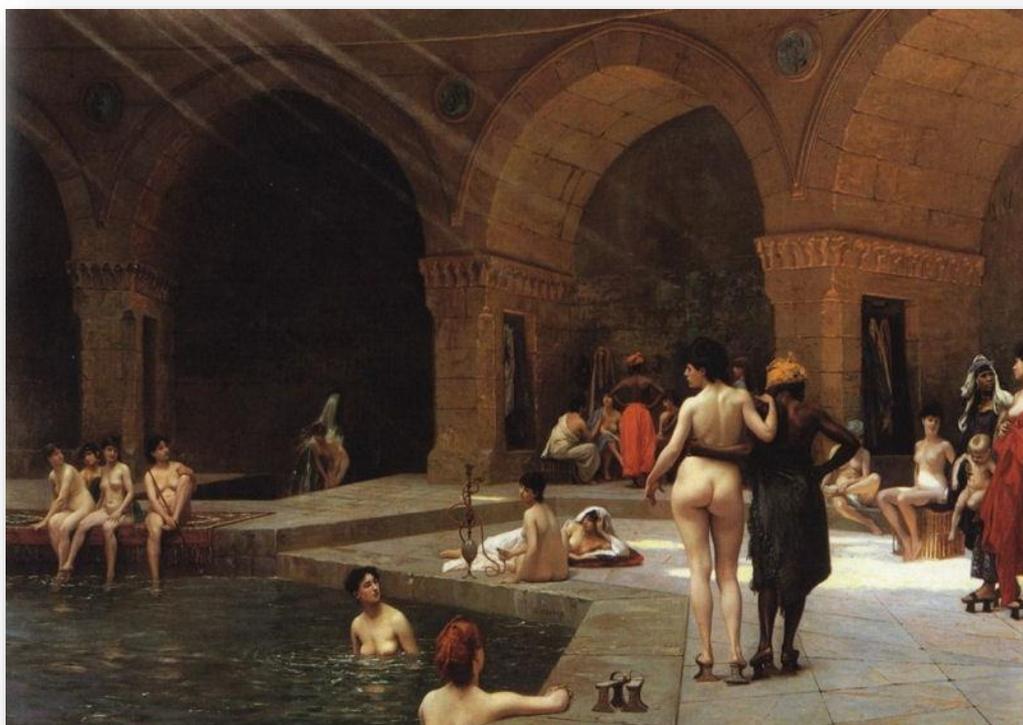
Некрасивая история, конечно, но с кем не бывает? Как говорится, все помрем, так стоит ли живым долго обижаться на то, в чем их обвиняли уже покойные? Но буквально через пару месяцев после того, как все распоряжения по имуществу были отданы, этот щедрый даритель поссорился с другим своим другом. И этот друг сразу пропал... с концами. Его имущество тоже поступило в распоряжение мецената с перечислением средств на всякие благородные цели защиты прав граждан в размере 200 тысяч долларов, после чего банкир тут же получил удостоверение советника министра юстиции.

Но тут выяснилась одна неприятная деталь, второй покойный, в отличие от первого, успел подать заявление на их общего друга об «исчезновении» 200 миллионов долларов. Клиенты принадлежавшего ему банка обратились в милицию с заявлением, что их вклады похищены, банк прекратил существование, а председатель правления скрылся. Банкир-меценат стал

фигурантом уголовного дела, выделенного в отдельное производство из дела исчезнувшего заявителя. В ходе обысков выяснилось, что как самую большую ценность банкир держал на даче в сейфе видеокассету, на которой был запечатлен в бане министр юстиции, люди из его окружения и три девицы по вызову. Все бы ничего, но сама баня принадлежала известным в Подмоскowie бандитам и была расположена в их клубе в центре столицы.

Банкир был опытным шантажистом, поэтому часто пользовался этой «точкой», где многие помещения, прежде всего сауна, были оборудованы скрытыми видеокамерами. И по иронии судьбы не знал этого один министр юстиции. Он понимал, что в случае неприятностей ему очень поможет «банное» видео с шалостями.

“ La grande piscine de Brousse / The harem bath, 1885 Jean-Léon Gérôme (1824–1904) ”

После того, как фотографии банных развлечений просочились в газеты, министра юстиции сняли, а «Фонд общественной защиты прав граждан» прекратил свое существование. И чтобы больше никому из юстиции не пришло в голову организовывать конкурирующие предприятия, по деятельности фонда провели самое тщательное расследование, за что бывший министр юстиции был осужден, получив пять лет лишения свободы условно.

Как установил суд, средства фонда расхищались традиционным для середины 90-х годов способом, только 11% от полученных сумм было потрачено по назначению. Деньги уходили в фиктивные фирмы под договора об

информационном, консалтинговом и справочном обслуживании и обналачивались.

Дефолт 1998 года, видимо, превысил «предел упругости» сложившегося финансового баланса. Под давлением общественного мнения Прокуратура в лице ее тогдашнего Генерального прокурора начала расследования по исчезновению транша Международного Валютного Фонда в 4.78 млрд. долларов, по нецелевому использованию кредита МВФ на 22 млрд. долларов и по коррупции в Центральном Банке РФ. Был дан ход расследованию спекуляций на рынке государственных кредитных обязательств (ГКО), в которых официально подозревались 780 государственных чиновников, включая дочерей президента страны. Было возбуждено сразу несколько громких уголовных дел по взяткам и хищениям при реконструкции Кремля и по приватизации сибирских нефтяных месторождений крупными олигархами. Были и другие дела, возникавшие почти каждый день, в том числе и знаменитое дело о долларах, которые выносились в коробках «из-под ксерокса» на финансирование президентской избирательной кампании. Поэтому Антон Борисович, испытывая смешанные чувства, затаился и ждал, когда прокуроры нагрянут и в его офисы.

Уголовные дела множились и вплотную приближались к тихой заводи Антона Борисовича при Министерстве внутренних дел. Все знали, как этот Генеральный прокурор резко настроен против «фондов поддержки» в недрах правоохранительных структур, не говоря уж о бизнесе, связанном с «растаможкой». Но как только тот занялся зарубежными счетами самых

вечера, надеясь, что он сыграет решающую роль в ее судьбе, но зал, полностью покоренный Владимирской, удостоил ее лишь равнодушными вежливыми аплодисментами завзятых театралов.

Впервые за много лет Антон Борисович вдруг со всей горечью несправедливости судьбы вспомнил карлика из первого отдела, его лицо, с которым он выслушал рассказанный им анекдот, его детские пальчики, судорожно перебиравшие бумаги на столе. От пережитого им унижения он закрыл ладонями лицо, потому что Даша на фоне почти двухметровой Владимирской выглядела таким же карликом – с короткими ножками далеко не безупречной формы. Она была хрупкая и женственная, но в ней не было той царственной красоты, вылившейся в роскошные формы великолепной Владимирской, чья кожа мрамором сияла в свете софитов.

Дега Эдгар Танцовщицы в Барре, 1877

Нет, тот вечер не стал для Даши триумфом, хотя Антон Борисович сделал все, чтобы его старшая дочь этого не почувствовала. Нанятый им молодой человек вынес ей корзину цветов на поклоны, а сам он дома долго восторгался ее растущим мастерством. Но уже он понял, что дочь остро нуждается в его помощи, а главное, в его личном жизненном опыте на пути преодоления препятствий, которые от самой Дашеньки никак не зависели.

Раньше он не придавал значения самому существованию балета, увлечению дочери, ее карьере, считая, что и сам сможет обеспечить дочерей вполне

достойно, чтоб не вызывать пристального внимания прокуратуры. Но, выходя из буфета, он услышал оценку, данную его дочери явно разбиравшимся в классическом искусстве высоким худым мужчиной, возле которого вились дамочки богемного вида. Антон Борисович даже смутно помнил его лицо, обрамленное неопрятного вида бородой. Внезапно он вспомнил, что неоднократно видел его по телевизору с его женой, известной балериной, и даже поискал ее глазами в буфете. Случайно он видел какую-то передачу, где их называли «лучшей балетной парой мира», а самого мужчину представляли в качестве директора театра. Антон Борисович немедленно сделал к нему шаг, чтобы попытаться познакомиться и «замолвить словечко» о Дашеньке, но внезапно услышал его тираду о дочери, сказанную с плывущей интонацией часто пьющего человека: «А... эта?.. Серая мышь какая-то... Ни кожи, ни рожи!»

Антон Борисович почувствовал, как от такой критики почва ушла у него из-под ног в острой жалости к своему несчастному ребенку, вынужденному работать под началом человека, способного с невероятной легкостью поставить жирный крест на всех ее жизненных устремлениях. С тяжелым вздохом он на продолжительное время оставил возникшие у него радужные планы лично заняться классическим балетом с пользой для карьерного роста дочери.

* * *

После этого памятного вечера в театре, оставившем тяжелые раздумья, как некоторым совершенно незаслуженно везет при рождении, а другим выпадают заранее проигрышные начальные условия, — до Антона Борисовича весьма опосредованно доходили все последующие события публичной расправы с Генеральным прокурором, когда-то вызвавшим ряд серьезных опасений и у

него самого. Карьера дочери занимала все его сознание, оставляя лишь небольшой кусочек «внешним раздражителям». Он лишь поставил себе «зарубочку» на будущее, каким лакомым куском является реконструкция знаковых исторических объектов для всех власть имущих. Но, честно говоря, он давно махнул на происходящее рукой, считая, что Генерального прокурора буквально на днях должна сбить какая-то большегрузная машина. Что-то внутри Антона Борисовича подсказывало, что точку во всех этих громких расследованиях лучше всего ставить именно таким образом.

Однако его ожидания не оправдались, поскольку вдруг по всем каналам начали крутить пленку с мужчиной, развлекавшимся в постели с двумя девушками по вызову, сообщая, будто на ней снят досуг главного разоблачителя коррупции.

«Человек, похожий на генерального прокурора» — крылатая фраза, появившаяся в 1999 году, для обозначения мужчины на видеозаписи, имевшего интимную связь с двумя девушками и **похожего** на тогдашнего генерального **прокурора** РФ Юрия Скуратова. 26 дек. 2016 г.

Антон Борисович, конечно, сразу понял, что у тех, кто готовил этот «фильм», сработали ассоциативные связи с крахом министра юстиции, а, возможно, и с собственными пережитыми страхами, что аналогичными «сюжетами» может внезапно закончиться и их собственная карьера. Пребывая в постоянном мысленном сравнении физической конституции своей Дашеньки со статьями ее конкуренток, он тут же для себя выявил, что «лицо, похожее на Генерального прокурора», снимавшееся в фильме исключительно со спины, имеет более длинные ноги, чем это можно было бы предположить по антикоррупционным выступлениям самого прокурора в Государственной Думе. У мужчины на пленке был и несколько тяжелее зад, а его партнершам было явно за тридцать. Вызывало сомнение и удивительно плохое качество видеосъемки. По

официальной версии, Генерального прокурора снимали в огромной старинной квартире на Полянке ради прекращения нескольких уголовных дел по хищениям на сотни миллионов долларов по заказу мультимиллионеров.

Педро Берругете (ок. 1450 — 1503/1504) — «Святой Доминик на аутодафе»

Заказ выполняли специалисты службы безопасности крупного столичного банка, в прошлом сотрудники КГБ, отличные профессионалы. Антон Борисович отлично знал, какое качество давали портативные камеры, появившиеся на рынке. Их поставкой занималось и руководимое им предприятие «Внешэкспотранс», поэтому он не понимал, зачем давать такое намеренно скверное качество записи, если на кону стояли интересы влиятельнейших людей России, включая самого президента и его семьи. Неужели в этом случае нельзя было установить камеры так, чтобы не было никаких сомнений, кто развлекается с девицами в служебное время?

Впрочем, сам Генеральный прокурор, пытаясь возбудить дело о шантаже, «развезть нелепые домыслы и гнусные инсинуации», даже не понимал,

что с ним в целом поступили гуманно, чего Антон Борисович, признаться, не ожидал.

Этой пленкой и отыгранным скандалом, повторявшим все нюансы «банного скандала» с бывшим министром юстиции, прокурору просто сохраняли жизнь. Сам скандал был рассчитан вовсе не на его жалкую репутацию, поскольку не только она, но и его жизнь не стоили ни гроша после возбуждения им дела о реконструкции Кремля. Удар с компроматом в виде постельной сцены, снятой в духе появившегося на рынке «домашнего видео», рассчитывался на сотрудничавшую с Генеральным прокурором женщину, занимавшую аналогичную должность Генерального прокурора в Швейцарии, где тогда было расположено наибольшее количество валютных счетов всех

коррупционных схем. В наиболее смешном виде., эта пленка выставляла вовсе не российского, а именно швейцарского прокурора, державшую на руках все доказательства об отмывании денег на реконструкции Кремля.

Антон Борисович понял, что прокурора не прикончили именно потому, что в этом случае швейцарка пошла бы до конца в память о своем российском коллеге. Но и «девочек» для постельной сцены подобрали немолодых, чем-то напоминавших по конституции сухопарую прокуроршу. И когда начали крутить это видео и поднимать на смех оправдывающегося прокурора, именно репутация его коллеги-женщины оказалась в наиболее уязвимом положении.

Впрочем, он старался не фокусировать внимание на всех участниках этих громких разбирательств. Но с безошибочной реакцией шахматиста он отметил для себя одно заинтересовавшее его действующее лицо этого широкомасштабного театрального представления по мотивам недавно отгремевшей постановки «С легким паром!» от Министерства юстиции. В телекамеры всех каналов постоянно влезал редактор журнала «Театральное обозрение», где Антону Борисовичу страстно хотелось бы увидеть статью о восходящей звезде балета Дашеньке.

Этот редактор, выступавший на телевидении с новостями культуры, постоянно делился впечатлениями, которые он вынес из просмотренного видео с «лицом, похожим на Генерального прокурора страны». С его легкой руки иначе никто этого персонажа уже не называл, хотя Антон Борисович все больше убеждался, что по конституции актер, игравший роль Генерального прокурора, — гораздо ближе к самому впечатлительному журналисту. Он отметил про себя, что некоторое время, пока Генерального прокурора окончательно не сместили с занимаемой должности, этот человек находился под подпиской о невыезде в рамках уголовного дела о шантаже. Поэтому несколько не удивился, узнав, что как только карьера прокурора была окончательно уничтожена, а сама его фамилия немедленно вызвала юмористическую реакцию одной фразой «лицо, похожее на...» — этот фигурант несостоявшегося дела о шантаже был тут же назначен на пост руководителя государственным телевидением, а впоследствии — министром культуры.

* * *

Антон Борисович и сам был не прочь посмеяться над «банными скандалами» и «лицами похожими на...», однако скоро почувствовал, что после такого эпатажного завершения коррупционных скандалов что-то начало стремительно меняться в окружающей его деловой атмосфере. Вначале резко сократились благотворительные взносы в его фонд, поскольку все заинтересованные лица теперь предпочитали действовать напрямую, без его посредничества. После закончившихся ничем уголовных дел в высших эшелонах власти, дать взятку или принять ее — стало простым и обыденным

делом. Затем перестал быть рентабельным стайлинг-клуб, поскольку появились фирменные автосалоны, а показателем «индивидуальности и самовыражения» стали дорогие автомобили индивидуальной сборки или дополнительной комплектации.

The Saint-Lazare Station, 1877 by Claude Monet (1840-1926, France)

Слабая надежда оставалась лишь на «Внешэкспотранс», но после скандала с Генеральным прокурором эту «лавочку МВД», как все называли его международную транспортно-экспедиторскую и логистическую фирму все клиенты, — начали теснить аналогичные фирмы с представителями отставников спецслужб, ОАО РЖД и самой таможни.

Министерство внутренних дел все меньше котировалось в этих раскладах, а в фирмы Антона Борисовича представители «крышующего» министерства вдруг стали сажать «крысят», как женщины из бухгалтерии называли молодых людей, родители которых не смогли устроить их в банки, государственные корпорации или само министерство. Именно они, а вовсе не Антон Борисович, через короткий промежуток времени стали отслеживать все финансовые потоки, изымая из дела крупные суммы на пополнение зарубежных счетов в оффшорных зонах.

И в этих условиях ему иногда казалось, что не Генеральный прокурор, а он сам и его жизнь безвозвратно погибли в недрах скандального разбирательства, из которого победителями вышли новые люди — без внутренних пут природной осторожности, когда-то по рукам и ногам связывавших самого Антона Борисовича.

Какое-то спокойствие он испытывал, постоянно читая две книги по шахматам — «Размен в эндшпиле» и «Нетождественный размен», мысленно повторяя наиболее интересные партии. Это стало какой-то навязчивой потребностью — ощущать себя в знакомых упорядоченных условиях, не ожидая от жизни никакого подвоха и игры без правил.

Решив однажды пополнить свою изрядно потрепанную шахматную библиотеку, он увидел, что рядом со стендами, заполненными новыми интересными книгами по защите и окончаниям, — стоят репринтные издания под общим названием «Harpazein». Многие постоянные покупатели книг по шахматам не только с удовольствием рассматривали новые поступления, но

даже спрашивали продавцов, не появились те или иные книги. Так Антон Борисович впервые столкнулся с книгами про гарпий, попутно узнав и о новой моде среди молодых шахматистов: многие из них начали делать себе тату в виде устрашающих гарпий, раскрывших когти.

Само слово «harpazein», от которого и произошло название «гарпия», означало «хватать». Он вспомнил, как в детстве тренер говорил им «съесть» ту или иную фигуру противника. Он предположил, что подобная символика в ставших модными татуировках – как-то отражает агрессивную тактику того или иного игрока. Но когда Антон Борисович поинтересовался об истоках такого необычного увлечения у знакомого, в ответ он услышал странное утверждение, будто наступило «время гарпий», все вокруг это чувствуют, а острее всего те, кто привык мысленно разыгрывать шахматную партию.

Возможно, в первый и последний раз в жизни, Антон Борисович поддался импульсу общего интереса, повальной моды — и приобрел несколько рекомендованных ему книг о гарпиях. Книги давно ничего не могли объяснить в происходящем вокруг, поэтому он уже забыл, когда держал в руках что-то кроме статистического справочника или описания шахматной партии. Ничего не ожидая и от приобретенной тайком от домашних книги о гарпиях, он решил ее прочесть из свойственного ему чувства бережливости. За книгу были отданы деньги, поэтому не прочесть ее Антон Борисович не мог. И мир раскрылся перед ним с новой стороны, о которой он давно догадывался, выслуживая презрительные сентенции «крысят» в своих гибнущих фирмах.

На иллюстрациях гарпии обычно изображались в виде хищных птиц с головой и грудью женщины. Глубокая древность донесла их прежние имена, которые они когда-то имели при старых богах на давно исчезнувших языках — Келено, Никотеон и Тиелла. В прежние времена люди тогда видели лишь трех сестер, называя их тремя человеческими пороками: жадность, ненасытность и душевная нечистоплотность. Они

считали, что все другие грехи вытекают из следования этим начальным порокам, зачастую не воспринимаясь серьезно.

Гарпиям противостояли музы, которых тоже поначалу было всего три. Эти странные существа, принимавшие человеческий облик и олицетворявшие собой лучшие движения души, могли заставить силами искусства ощутить раскаяние, любовь ко всему сущему, радость жизни и наивное желание сделать мир лучше, а людей – счастливее.

Но какими бы пленительными не были музы, а гнет тягот материального мира и дурные склонности давали себя знать. Все чаще гарпии брали верх, и человечество погружалось в особые периоды – «время гарпий», когда клевета, желание жить за чужой счет, воровство, порочность – возводились общественной моралью в качестве лучших духовных достижений. Но каждый раз музам удавалось воззвать к разуму и чувствам людей, доказывая, что не стоит кормить собой гарпий, предаваясь порокам, а жизнь лучше посвятить творчеству во всех его многообразии.

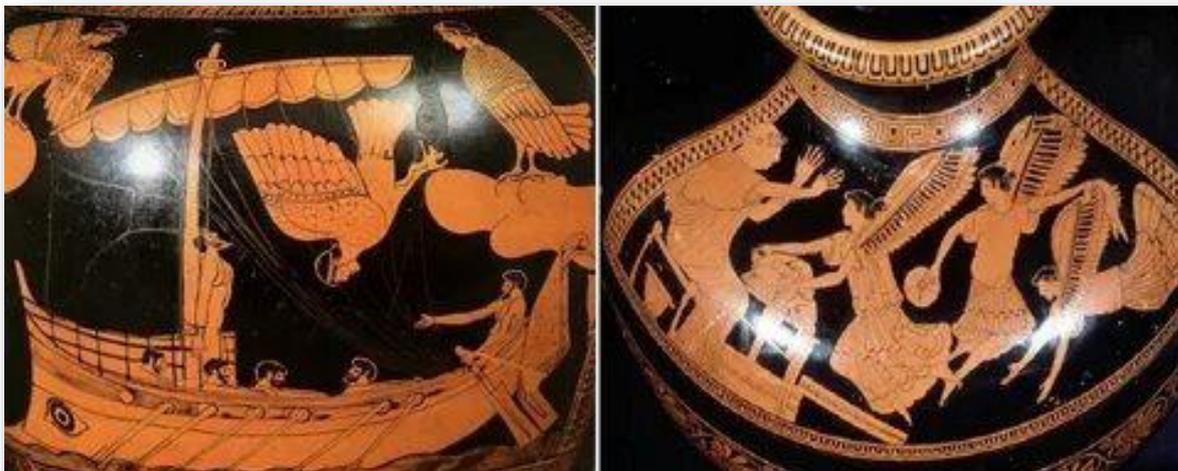
Антон Борисович поймал себя на мысли, что начинает делить историю человечества по общественным формациям, к чему привык со школьных времен, а по наступавшим с определенной периодичностью «временам гарпий». И в такое время гарпии становились настолько

реальными, что люди слышали не только шум их крыльев, но различали даже их имена.

У Гомера, не называвшего ни их числа, ни всех их имен, упоминается только Подарга — «быстроногая». Гесиод называет их крылатыми кудрявыми богинями по имени Аэлла («Вихрь») и Окипета («Быстрая»).

Античная вазопись: Аргонавты и гарпии. Финей и гарпии

«Отец трагедии» Эсхил был первым в истории человечества, кто заметил, что гарпии уродливы (Eumenides), несмотря на их ангельский лик. Более полное описание их импульсивного поведения и истеричных повадок появляется в эпическом цикле об аргонавтах. В поисках золотого руна аргонавты встретили Финей, наказанного слепотой и преждевременной старостью за злоупотребление даром пророка. Финей голодал из-за гарпий:

«Гарпии лишают обреченных куска хлеба, налетая черным облаком. Еще издали по шуму крыльев я слышу, что приближается Келено, она окликает сестер. Они прилетают и уносят всю мою пищу, опрокидывают и оскверняют чаши. Эти монстры все время голодны, они не знают насыщения».

Гарпия Келено позднее стала называться Келайно, «мрачная». Свое имя она получила потому, что проклинала свои жертвы, меняя их будущее, пожирая их надежды,

вместо родителей наставляя детей и приводя их к неминуемой гибели.

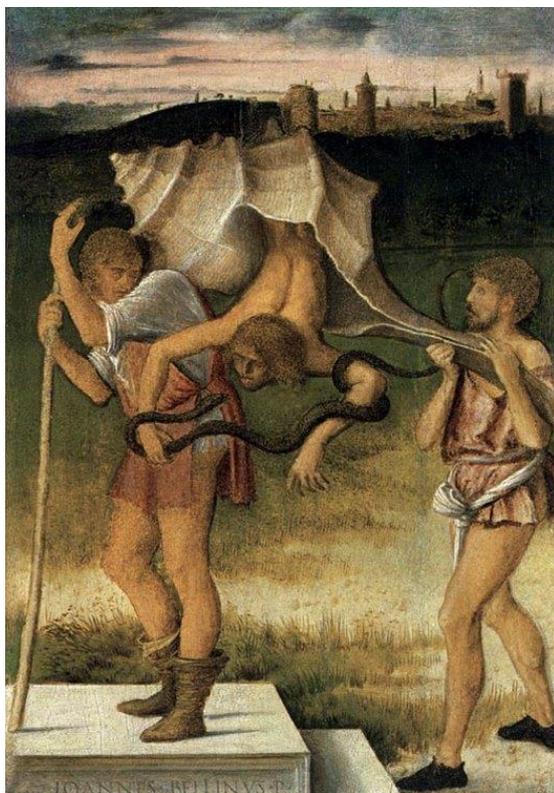

Та же троица гарпий, как описывалось в «Энеиде» Вергилия, преследовала Энея, спасавшегося из горящей Трои:

«Нет никого ужаснее гарпий, ни чума, ни гнев богов не может сравниться с ними, взмывающими со Стигианских вод. Это птицы с лицами юных дев, у них когти на лапах, и они всегда бледны от голода... Внезапно они соскальзывают с гор на нас, громко хлопая крыльями, хватают пищу лапами, оглушительно крича».

Если Гораций описывал ненасытных гарпий вполне реальными существами, то Гераклит явно с ними не сталкивался, изображая их аллегорически, как совокупность пороков, главным из которых он считал похоть. Пророческие проклятья Келайно истолковывались им

вполне прагматически: своими пороками человек всегда перекрывает себе дорогу в будущее.

Giovanni Bellini, Allegorie

Сдержанные упоминания о нравственной глухоте гарпий, их циничной жестокости и порочной неудержимости можно встретить у Евстафия и других философов Средневековья. Третий Ватиканский толкователь мифов объединял фурий и гарпий и объяснял, что их нападению в жизни подвергаются скупцы и жестокосердые люди, становясь под их влиянием настоящими монстрами, сеющими порок вокруг себя.

В XV веке Джованни Беллини в серии аллегорических панно, иллюстрирующих семь смертных грехов, изобразил гарпию, олицетворяющую лживость, — в виде аллегорической фигуры, вылезавшей из раковины

огромного моллюска с ядовитой змеей. Антон Борисович обратил внимание, что на картине Беллини некто пытался опереть раковину с гарпией, как портшез, на спину Мудрости, воздевшей руку к мрачному небу.

В XVI веке итальянский собиратель мифов Натале Конти в своем трактате сообщал, что внешний облик гарпий дает полное представление, во что перерождаются души скупцов под их влиянием. Ведь скупость – главное качество, из которого вытекало и желание прожить чужие жизни, обобрать их и лишить смысла, а не украсить собственным творчеством.

Многие средневековые моралисты и авторы «Книг символов» эпохи Возрождения использовали мифы о гарпиях для дидактических целей, делая акцент на необходимости покаяния и очищающей душу любви ко всему сущему.

Некоторые авторы отмечали, что от гарпий исходит зловоние. Но его ощущают далеко не все, это запах тлена, запах смерти духовной. Гарпий называли «похитительницами душ», они неизменно приводили к гибели душу любого, кто проявлял в их отношении слабость.

Во времена Ренессанса гарпии появляются в образе убийц в иллюстрированных книгах нравоучительных стихов, написанных в классической традиции под влиянием трактата «*Homicidia sui ipsius Ultor*» («Убийца мстит самому себе») с призывом к злодеям раскаяться в своих преступлениях. Писатель-символист Рейснер называет гарпий как «*Tria Animi Monstra*» — трех монстров разума. Английский современник этих писателей Генри Пичем перемещает гарпий на королевский двор и сопровождает свой стих гравюрами, изображавшими трех гарпий с именами — Лгунья, Льстица и Тунеядка. А неутомимый энциклопедист Альдрованди, обобщивший классические и средневековые сведения о гарпиях, выделил следующие рубрики-характеристики: жадность, ненасытность, нечистоплотность.

Зоолог Конрад Геснер, отмечал, что современные ему ученые отождествляют гарпий с крылатыми демонами, смерчами и голодными псами. В своих дневниковых записях он сообщил случай, когда при нем упоминалась гарпия Аэлоппа. К нему в дом неожиданно ворвался друг юности, который стал богатым заносчивым человеком, прекратившим любые знакомства с прежними приятелями. В слезах он умолял Конрада помочь спасти его душу. Он и раньше чувствовал, что кто-то незримый помогает ему в достижении богатства и влияния, но сейчас все утратило для него смысл. Когда самые его рискованные предприятия оправдывали его ожидания, он думал о своем необычайном «везении» на грани с «избранностью», все дальше погрязая в душевном пороке, считая себя куда более достойным почестей и власти. Он растлевал многие души людей, видевших, что его обходят стороной все невзгоды мирского бытия только потому, что он проявляет к ближним необычайную жестокость, действуя за их спиной. И сам Конрад, посвятивший

©Книжная лавка <http://ogurcova-portal.com/>

свою жизнь науке, подозревал, что стал жертвой его оговора. Но он и представить себе не мог, что однажды человек, достигший немыслимых высот в обществе, будет на коленях искать у него спасения, поняв, что все время, пока он свысока смотрел на других, уверенный, что лишь он один «умеет жить», его душа сползала с него, как змеиная кожа. И эта субстанция, с которой он так и не привык считаться – единственное, что может насытить охотившуюся за ним гарпию.

Конрад начал читать молитвы, начертил меловой круг, зажег церковные свечи. Его знакомый в искренних слезах раскаяния молил о спасении собственной души. Но сильный порыв ветра распахнул окна, потушив все свечи, ворвавшийся вихрь пронесся по комнате и неожиданно утих. Когда Конрад закрыл окна и вновь зажег свечи, его гость сидел неподвижно, с нескрываемым изумлением глядя вокруг себя. Он извинился за неуместный визит и выразил надежду, что Конрад никогда не использует его откровенность в личных целях, объяснив, что наговорил лишнего под влиянием горячки. За ним прибыла карета, он уехал к себе. А через неделю он погиб при странных обстоятельствах, как сообщали в газетах, но Конрад знал, что его знакомый покончил с жизнью вполне самостоятельно.

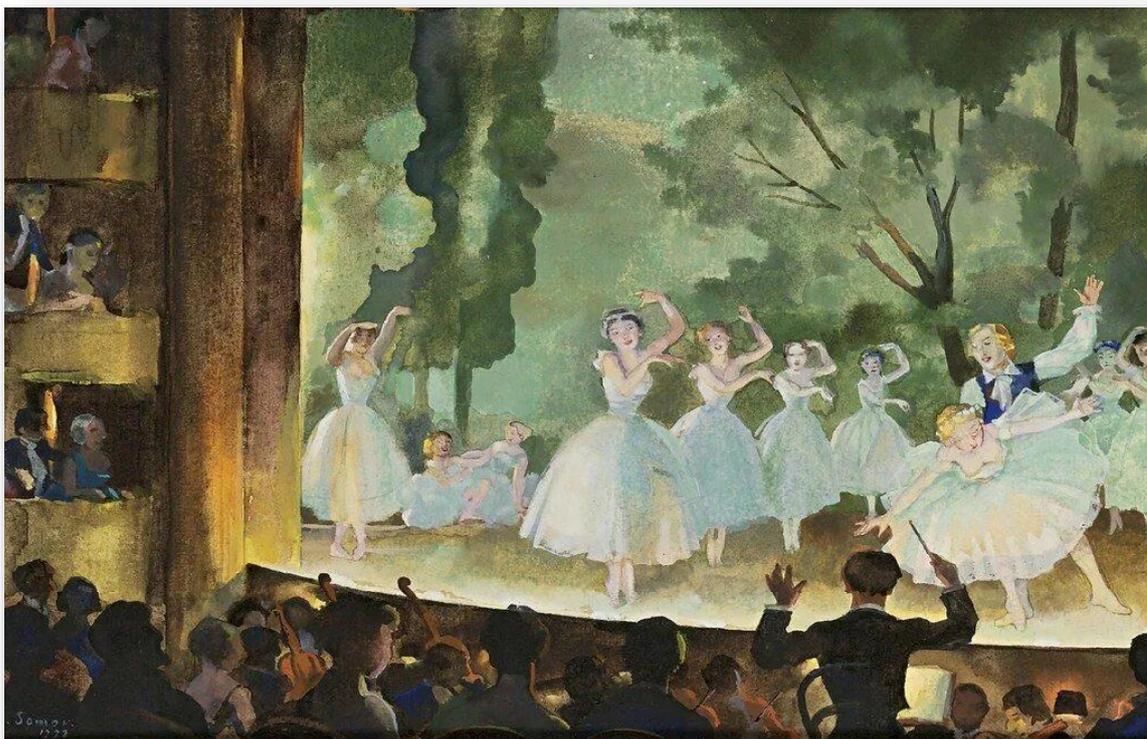
Во всех книгах Антон Борисович пытался найти упоминание о гарпии-паразите по имени Аэлоппа, которую человек может долго носить на плечах, но лишь под самый конец ощутить всю ее тяжесть. Но встречал лишь упоминание, что эта гарпия, хоть и носит имя, означающее «вихрь», передвигается в жизни крайне неуклюже, появляясь из ниоткуда и исчезая на продолжительное время в никуда. Лишь Джованни Беллини оставил странный рисунок, на котором был изображен человек с недобрим лицом, в голову и плечи которого впивалась когтями женщина-птица. К рисунку он не сделал никаких пояснений, кроме имени гарпии – «Аэллопа».

* * *

И пока Антон Борисович пребывал в этих диких фантазиях, все дальше уходя в тень воображаемых шахматных партий, с отчаянием глядя на свой стремительно мельчающий бизнес, Дашенька пыталась выбиться из опостылевшей «корды». Она готовила по две небольших роли в год, звезд с неба не хватая, стараясь удержаться над бездной театральной «корды» — кордебалета, куда ее пытались выпихнуть педагоги с крошечного отвоеванного плацдарма. Впрочем, с приходом нового министра культуры многое в театре стало стремительно меняться, поэтому к Дашеньке сильно не цеплялись. Новый министр привел с собой и нового директора из Санкт-Петербурга, где тот был директором драматического театра. Антон Борисович

заметил эту общую тенденцию – ставить руководителями всех уровней людей, не имевших опыта, профессиональных навыков и внутренних задатков к руководству. Но, вспомнив «серую мышку», не без внутреннего удовлетворения оценил кадровый подход нового министра, который, наконец, действительно уравнивал шансы всех, кто получает при рождении несправедливо низкие условия старта.

Константин Сомов (Russian, 1869-1939). Балет.

Вот и его Дашенька при новом руководстве не только не скатилась в кордебалет, а даже начала претендовать на главные роли, поскольку балерину Владимирскую при новом директоре дважды с громкими скандалами выгоняли из театра, мотивируя тем, что она – «слишком высокая и толстая». Антон Борисович, довольно хмыкая про себя, ясно слышал в этих упреках знакомые интонации нового министра культуры: «Высокое и толстое лицо, похожее на балерину Владимирскую».

Нет, он не мог не отдавать должного новому руководству, которое вдруг открыло перед его Дашей широкие горизонты карьерного роста, ведь его дочь не была ни высокой, ни толстой. До него доходила и шутка нового министра, высказанная им в ответ на упреки, будто на сцену главного театра страны выходят балерины со «слишком короткими ногами». Министр лишь довольно хохотнул в телекамеру: «Что значит «короткие ноги»? Они у них ведь до сцены достают? Достают! Остальное не имеет значения!»

Пусть о Даше пока не писали развернутых статей, упоминая вскользь и чисто информативно, но и в отношении Владимирской критика изменилась настолько, что все ее достоинства представляла природными недостатками: «Красивая, статная, холодная и самодостаточная в каждом па, она любовалась только собой».

Со своего хиреющего бизнеса Антон Борисович еще успел собрать значительную сумму к свадьбе дочери с известным премьером театра, имя которого накануне вошло в список двадцати лучших танцовщиков мира. Многие его коробило в этом гражданском браке дочери с красивым видным мужчиной, обращавшимся с ней так снисходительно, будто и в семье она должна была держаться в кордебалете.

Антон Борисович пришел в ужас, узнав накануне свадьбы, что регистрации в ЗАГСе не будет, так как жених его дочери еще не развелся с предыдущей женой, где у него рос десятилетний сын. Зять согласился «жить гражданским браком», потому что Даша сообщила о своей беременности, а сам Антон Борисович ходил к нему уговаривать «не ломать жизнь» его девочке.

«Эхо и Нарцисс» Джон Уильям Уотерхаус, 1903.

По старым «каналам» Антон Борисович знал о том, что в балетной труппе театра у гражданского мужа его дочери есть «старшая жена» — известная в прошлом балерина, которая многое сделала для его карьеры, становления, победы в конкурсах и зарубежных гастролях. Но из записей спецоборудования, подкинутого в машину зятя почти на автомате, из многолетней привычки, выработанной «стайлинг-клубом», он знал и о других

его многочисленных интрижках. И когда дочь сообщила, что ждет второго внука, он попробовал серьезно поговорить с ним на эту тему, хотя разговор явно не задался с самого начала.

— Вам что, Антон Борисович, про мои любовные истории рассказать? — насмешливо поинтересовался зять. — Так бы прямо и спросили! Но вам-то это зачем? Вам что, Дашка пожаловалась?

— Н-нет, — нерешительно сказал Антон Борисович, вспомнив, как дочь неоднократно плакала в ванной. — А у тебя так много любовных историй?

— Я же мальчик, мужчина, — самодовольно ответил муж дочери. — У мальчика, мужчины они всегда есть.

— Да я не в этом смысле, — уточнил Антон Борисович. — Я в смысле их количества.

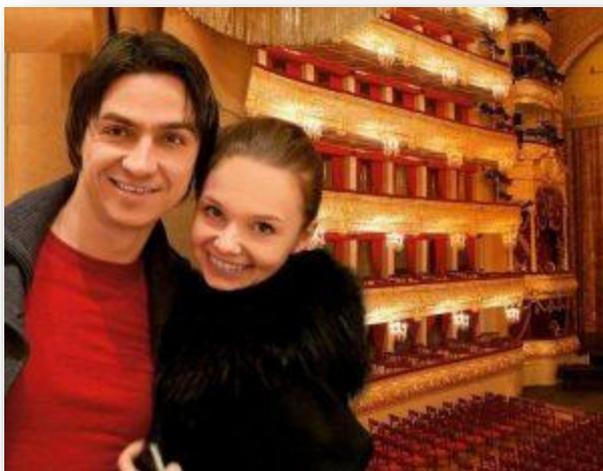
— О-го-го! — рассмеялся зять. — У меня их столько было... всех и не упомнишь. Я же только официально женат второй раз...

— А кто избранницы? — осмелился робко поинтересоваться его тесть.

— Да ладно, не хочу об этом, — оборвал разговор «по душам» зять и нахмурился так, что Антон Борисович поспешил сменить тему.

— А у тебя есть друг? Настоящий, — спросил он, на минуту задумавшись, а есть ли у него самого настоящие друзья.

Конечно, он рассчитывал, что зять скажет, что его Даша приходится ему хотя бы настоящим другом, а уж после, оттолкнувшись как-то от этого минимума, можно было бы перейти к оптимистической мысли о том, что надо бы как-то более приемлемым образом устроить семейные отношения, хотя бы поставив штамп в паспорте.

— Есть, — испытующе глядя на него, ответил зять. — Это человек, которого я люблю, ради которого готов ночью проснуться, сорваться куда надо, делать то, что вообще не умею, короче, пойти за ним в огонь и воду. Это другая женщина, о которой вы не знаете.

Он назвал настолько известное имя, что его слышал даже далекий от балета Антон Борисович, с изумлением

понимая, что его зять – действительно известный танцовщик. До него дошло, что если со стороны зятя и был расчет в браке с его дочерью, то и она на многое рассчитывала, поставив целью добиться расположения этого красивого, но весьма ограниченного и самовлюбленного человека. Он вспомнил давний вечер ее несостоявшегося триумфа, с горечью осознавая, что своим «гражданским» замужеством Даша пыталась преодолеть условия «низкого старта» в балете, которые никак от нее не зависели.

— Я ее безумно люблю как человека и как профессионала, — продолжал его зять. — У нее огромные связи во всем мире, множество учеников... если вы понимаете, о чем я говорю.

Константин Сомов (Russian, 1869-1939). Балет.

— А ты не боишься, что в театре тебя не поймут... другие д-друзья? – в замешательстве поинтересовался Антон Борисович.

— В театре все знают, что я резкий на язык, говорю, что думаю, — презрительно парировал зять. — И вообще, если бы я не умел мудро относиться к своей карьере, понимать, что такое театр, я бы никогда ничего не достиг. Никогда! Поэтому не стоит вам интересоваться моей личной жизнью, у меня там все работает только на мою карьеру. И... я ненавижу балет!

— Что?! – поперхнулся Антон Борисович. – Ты с ума сошел?

— Да, да! Ненавижу, — подтвердил зять. — Потому что это не мужская профессия. Потому что это не занятие для мужика, потому что оно обделяет. Потому что я не могу нормально прийти с работы, выпить пива, заняться нормальной половой жизнью, пойти на рыбалку, сделать что-то, чтобы получить удовольствие от жизни, а не от геморроя, который меня окружает. Не могу!

— Я думал, что это тебе нравится, — растеряно проговорил Антон Борисович. — Жизнь в искусстве и все такое... Мне казалось, что это куда более нормальная жизнь, радовался даже за всех вас. Ну, что вы вне нашего погорелого театра. Но почему ты-то свою жизнь не считаешь нормальной?

— Я вам повторяю, я – мужчина! – упрямо сказал зять. — Но разве я могу себе позволить себе то, что позволяет обычный мужчина? Нет! Потому что завтра мне — танцевать. Потому что это меня отвлекает, я не думаю об этом, когда я занят своей профессией. Хотя как мужчина я должен думать только об этом. И расслабляюсь я тоже только в рамках своей профессии, которая у меня тоже очень скоро может закончиться! Как деньги, карьера и здоровье! Дети останутся, конечно, но больно я нужен детям без денег. И мне не нравится когда от танцовщика требуют, чтобы он посвятил жизнь театру на том основании, что «театр — твой дом». Это слова, и больше ничего. Потому что театру ты нужен, только пока ты здоров, пока тебя можно «доить», но стоит с тобой хоть чему-нибудь приключиться — все, тебя выкидывают под зад коленкой, и ни-ко-му до тебя никакого дела. Вообще

— Постой, постой, — попытался остудить его горячность Антон Борисович. — А как же ты оказался в балете?

— Потому что моей маме с детства говорили, как ее сын необычно реагирует на музыку, что он не такой, как все, и не столько мама, сколько ее подруги повлияли на то, что мама меня отдала в балет. Вы же видели мою маму?

— Видел, — признался Антон Борисович. — И что теперь?

— А ничего! Тяжелейшая травма в моей жизни. То, чем я теперь занимаюсь, не работа для мужика. Это мое хобби. Потому что, к счастью, оно мне легко дается. Работа должна приносить деньги, а какие у меня деньги? Впрочем, я вижу, что и у вас теперь проблемы, хотя Дашка уверяла, что все будет иначе.

— Да, не смог оправиться после дефолта, — признался Антон Борисович. — Но я все-таки сомневаюсь, что твой идеал — пиво, толстый живот и рыбалка...

— Я, конечно, утрирую, — ответил зять, растирая поясницу. — Я рисую идеал, но несколько сниженный. Хотя для большинства — это именно идеал. И я хотел бы быть этим большинством, принадлежать к нему. Но не могу, судьба по-другому сложилась. Думаете, мне легко видеть, как все эти деятели искусств снимают сливки с моей короткой карьеры, таская тех же девчонок

для эскорт-услуг попечителям? Вот и стараюсь компенсировать разочарование, чем могу.

Антон Борисович по достоинству оценил прямоту и откровенность зятя. Все эти его амурные похождения были способом преодоления обстоятельств, которые от него не зависели. Дела самого Антона Борисовича шли все хуже, а потребности увеличивающегося семейства росли. Пусть его несколько покорило, что зять оказался настолько прагматичным и заурядным человеком, идеалом которого были мечты советского «авангарда всего общества», но это приносило значительное облегчение и самому Антону Борисовичу, испытывавшему раньше нечто вроде комплекса неполноценности перед зятем, посвятившим себя искусству. Он понимал, что куда лучше сможет договориться с человеком, мечтающим о пиве, рыбалке и нормальной половой жизни, чем с известным премьером, поставившем себе непостижимые для других «творческие задачи».

Окончательно задуматься о собственной роли в этих балетных историях, начинавших донимать его все больше, Антона Борисовича подтолкнула травма, полученная зятем прямо у дверей театра. Через неделю после их разговора, в день премьеры, он выходил после репетиции, когда огромная железная дверь подъезда со всего размаха въехала ему ручкой по бедру, разорвав внутри на 12 сантиметров четырехглавую мышцу бедра.

Зять поначалу ничего не понял, он дошел до машины, доехал до дома, но как только попытался выйти из машины, понял, что нога не разгибается. На «скорой» его доставили в больницу, где обнаружилось сильное внутреннее кровотечение. Два дня речь шла не о том, чтобы он смог танцевать на премьере, а о том, что он вообще уже никогда не сможет танцевать. Антон Борисович понял, что любая случайность может оставить его дочь с капризным инвалидом на руках — без профессии и каких-либо перспектив в жизни, да вдобавок без штампа в паспорте.

За все время болезни никто из театра ему даже не позвонил. Несмотря на то, что зять получил вполне производственную травму, за лечение пришлось платить самим. Театр не сделал ни малейшей попытки уделить своему сотруднику хотя бы толику внимания, что явно угнетало мужа дочери. Спустя два месяца глухого молчания раздался звонок, и управляющий

балетом, как ни в чем не бывало, спросил зятя: «Добрый день, у нас «Жизель» будет на следующей неделе. Вы не хотите станцевать?»

* * *

И после двух месяцев походов с зятем по врачам, где пригодились его давние связи в МВД, Антон Борисович твердо решил как-то заняться этой новой для себя областью. Зять при нем вслух думал, куда бы с толком вложить те сбережения, что у него были, чтобы это могло обеспечить его самого и семью. Антону Борисовичу после «крысят» вкладывать было почти нечего. Мысль о том, чтобы привязать зятя к внукам – если не штампом в паспорте, то общим бизнесом, все больше импонировала его деятельной натуре.

Пока в балете все решали люди с мировыми именами, пока у Дашеньки не было никаких шансов выделиться на фоне Владимирской и других прим, — он испытывал гнетущий «комплекс чужака» и тягостное чувство непреодолимости «входного барьера» в новой для себя области. Но как только понял, что новый директор театра по всем ключевым постам расставляет несведущих в балете людей, без корней и связей в этой кастовой профессии, но с деловой хваткой и хорошо понятным ему умением «выстроить схемы» — он почувствовал, что и перед ним открываются новые возможности. Да, пусть он ничего не знал о балете, как говорится, «изнутри», но отлично видел, как новый директор собирается повысить рентабельность заведения для себя и новой команды менеджеров. Здесь на Антона Борисовича работал весь его опыт с начала 90-х годов, для которого вовсе не нужно было порхать по сцене в балетной пачке, видя в кошмарах разрыв связок и суровую критику.

www.foto-dom.ru 2212-0504 Фотодом
Михаил Швейцер и Анатолий Уксанов на торжественном вечере,
посвященном 20-летию юбилею театра «Et Cetera», Москва, 25 марта,
2013

Он лишь понимающе усмехнулся, узнав, что новый директор и министр культуры, после череды скандалов с постановками спектаклей, где в качестве «героев нашего времени» были выведены бомжи и проститутки, — закрыли театр на реконструкцию в связи с тем, что «более 70% здания пришло в негодность». Понимая, что к этим финансовым потокам его не подпустят, он понял, что сможет выстроить небольшой

ручеек денежной речушки рядышком, чтобы помочь зятю и дочери. Он почувствовал и в себе тот необходимый в каждом новом деле подъем, когда

все обстоятельства складываются необходимыми пазлами в основе нового предприятия.

Свою роль сыграл и его тайный интерес к балерине Владимирской, становившейся на глазах «публичной фигурой» со знакомыми ему признаками «публичности» по истории с Генеральным прокурором. Он сразу выявил для себя закулисного режиссера всей ее скандальной популярности, все дальше отталкивавшей ее от балетных кругов, понимая, что в свои схемы он должен включить и его «интересы». Однако откровенность Владимирской сразу позволила Антону Борисовичу выделить для себя трех новых сотрудников театра, которых она ругала больше всего, уверяя всех, что в Санкт-Петербурге именно они входили в «ближний круг» художественного руководителя балета тамошнего театра, занимавшегося распилом средств на новых постановках и на всех гастролях труппы за рубежом.

Больше всего Антона Борисовича интересовал один из новых сотрудников по фамилии Мазепов. Вначале 90-х он в 30 лет стал самым молодым руководителем филармонии Санкт-Петербурга после внезапной смерти ее директора, бессменно руководившего филармонией в течение сорока последних лет и создавшего славу этого учреждения. Антон Борисович выяснил, что перед приездом в столицу Мазепова со скандалом изгнал с поста директора филармонии очень известный дирижер, — за растрату средств, вырученных на гастролях возглавляемого им оркестра. А как уверяла «пустившаяся во все тяжкие» Владимирская, Мазепов всегда выезжал за рубеж за неделю до начала гастролей театра. Там он не только заранее получал наличными все гонорары театра за предстоящие спектакли и концерты, но и договаривался с «нужными людьми» о приемах, которые устраивались в самых престижных «точках». Излюбленным местом для устройства таких приемов стал Версальский дворец, который он снимал, не считаясь с расходами. Поскольку представители прессы, политической и финансовой элиты общества приглашались на приемы заранее и, как правило, без жен, — в ходе спектаклей они могли облюбовать себе достойный предмет «театрального романа», а затем позвонить любезному распорядителю и сообщить имя избранницы. Наиболее красивые балерины должны были являться на эти приемы, потрясавшие своей роскошью, со строгим указанием Мазепова — ни в коем случае не отказываться от самых настойчивых «ухаживаний» под угрозой изгнания из театра и из профессии.

Мария Тальони Сильфида.

Дашу не всегда брали на заграничные гастроли, а уж на приемы приглашали и того реже, по поводу чего Антон Борисович не знал – радоваться ему или огорчаться. Начертив на бумажке парочку схем, отражавших новые тенденции в развитии классического искусства, он твердо решил действовать именно через этого молодого, но опытного и предприимчивого человека. Он понимал, что при всех своих амбициях его зять так и не поднимется с роли пусть и талантливого, но малоинициативного исполнителя.

Не поставив своего зятя в известность, Антон Борисович сделал две вещи, где помощь балетного премьера ему не требовалась.

Он открыл в налоговой инспекции новое предприятие «Классические традиции», указав себя его единственным учредителем, и, призвав на помощь все свои связи в МВД, записался на прием к руководителю Федерального агентства по культуре и кинематографии, недавно перешедшему на эту должность с поста министра культуры.

В соответствии с кодами ОКВЭД при регистрации Антон Борисович указал в видах деятельности организацию отдыха и развлечений, намереваясь принять деятельное участие в гастролях театра и продаже билетов на спектакли. Но основной его целью было и распределение ролей, чтобы упрочить положение дочери. Он видел, что этим мало интересуется не только директор театра, но и художественный руководитель балета, на должность которого был приглашен не слишком выдающийся танцор Батманский, не только не имевший такого послужного списка, какой имел зять Антона Борисовича, но и не являвшийся даже гражданином России. Антон Борисович вспомнил свои давние страдания по столичной прописке и вновь удивился наступившим временам, когда в людях на ключевых постах стали ценить не профессионализм, не потенциал и перспективы развития, а как раз наоборот. И человек вообще без корней в области – мог сделать быструю яркую карьеру, когда на него работали

опытные подчиненные и сами советские бренды, созданные годами подвижнического и плохо оплачиваемого труда предшественников.

К моменту своего назначения Батманский не имел и малейшего веса или авторитета в балетных кругах, но место художественного руководителя балета театра мгновенно вытянуло его из тени, хотя зять каждый вечер плевался дома от «творческих потуг» нового руководителя. Антон Борисович с горечью видел, как новому руководителю зятя, являвшемуся вообще гражданином Украины, — тут же сделали российское гражданство и на каких-то невероятно льготных условиях предоставили квартиру, а вся труппа, где служили люди с мировыми именами, работала на его репутацию, создавая ему сложно оцениваемый задел на будущее. От его внимания не ускользнуло, что сразу после назначения нового худрука — директор театра получил звание заслуженного артиста Украины.

Для похода в Федеральное агентство по культуре и кинематографии Антон Борисович «забил» в основную деятельность предприятия производство и прокат фильмов, намереваясь сделать из Дашеньки звезду хотя бы средствами монтажа. С этой же целью он указал в целях издательскую и полиграфическую деятельность, а также тиражирование записанных носителей информации.

Встречу с новым главой Федерального агентства по культуре и кинематографии и недавним министром культуры Антону Борисовичу помог организовать его родной брат, музыкант оркестра театра, с которым тихонько поговорила Дашенька. Разговор с бывшим министром культуры обнадежил, окрылил и разочаровал его одновременно. Приняли Антона Борисовича в агентстве хорошо, но лишь потому, что, как он понял, руководителю агентства было абсолютно все равно, перед кем расстилаться в любезности.

Они отлично поняли друг друга с полуслова. Однако бывший министр честно сказал, что к реконструкции театра его предприятие ни под каким видом не подпустят, а его зятю пока следует довольствоваться скромной фигурой художественного руководителя в другом известном столичном театре, чтобы в нужный момент вернуться в главный театр страны «на белом коне». И это, кстати, будет полезно и для расширения гастрольной деятельности нового предприятия «Классические традиции».

На том и порешили, хотя именно на этом достигнутом решении Антон Борисович в первый раз ощутил неприятное чувство тревоги. Он понимал, что зять стремительно теряет форму, а административный опыт работы ему будет очень полезным. Но он знал, что у названного его собеседником театра уже пропал со всеми деньгами худрук балета, причем, прямо на зарубежных гастролях. И он тут же начал судорожно прикидывать всю шахматную партию, где условием отнюдь не победы, а хотя бы ничьей — было жесткое требование, чтобы деньги от гастрольных поездок собирались лишь в руках таких опытных людей, как Мазепов.

В качестве небольшой ответной услуги бывшему министру понадобились связи с таможенной и экспедиторские услуги. От этого предложения Антон Борисович несколько напрягся, он рассчитывал лишь подробно оговорить процент своего участия в гастролях и совершенно не рассчитывал на интерес собеседника к таможене.

Антон Борисович был в курсе, что с поста министра тот ушел после официального предостережения Генеральной прокуратуры и официального предупреждения об ответственности за невыполнение требований закона в связи с попыткой безвозмездной передачи Германии собраний ценных рисунков и картин из музеев, якобы незаконно вывезенных с территории Германии в годы войны. Сам факт передачи означал бы передел и разрушение музеев всего мира, к тому же накануне этого грандиозного скандала, стоившего министру его поста, было подписано международное соглашение о незыблемости музейных собраний. Но сразу после подписания Австрия, Германия, Греция, Венгрия и другие страны вдруг начали предъявлять к России требования о возврате экспонатов тех музеев, где накануне побывал с визитом министр культуры. Причем, ни одна из стран не могла представить каких-либо правоустанавливающих документов на требуемые культурные ценности.

Прокуратурой было установлено, что Минкультуры, в нарушение законодательства, не проводило экспертизу культурных ценностей, намеченных к передаче за рубеж. А вот о чем министра предупредили без протокола, так это о культурных ценностях, экспертиза которых была проведена. Большинство из них оказалось похищенными и подмененными грубыми подделками. Причем, за сохранность предметов истории русской культуры в Эрмитаже, к примеру, отвечала женщина, муж которой был не только связан с антикварами, но и запросто сдавал в ломбарды ювелирные изделия и предметы русского искусства. Причем сами факты хищений выявились только потому, что частные коллекционеры подняли шум и начали возвращать в музеи ценности, которые приобрели когда-то, пребывая в неведении о том, что они были похищены, случайно увидев на сайтах музеев перечень экспонатов с фотографиями.

Тогда министр культуры на всех телевизионных каналах критиковал музейное руководство, указывая, что в музеях нарушалось множество инструкций — от приказов советского Министерства культуры до собственных норм: «Мы наложим все необходимые взыскания на руководство музеев, которые нужно сделать. Служба безопасности музеев хорошо защищает внешний периметр фондохранилища в основных зданиях, но к внутреннему перемещению самих вещей доступа не имеет».

По этим оправданиям Антон Борисович понял, министр был выбит из колеи и совершенно растерян повальным безвозмездным возвратом культурных

сокровищ музеям. Он невольно выдал изначальную мысль, с которой и начался скандал с кражами из запасников. Министр думал также, как рассуждало и большинство лиц, осуществлявших кражи из музеев. Устроив «распил» государственных средств при создании сайтов ведущих музеев в духе «новых веяний», министр, очевидно, нисколько не сомневался, будто, увидев свои сокровища в музейных перечнях, новые владельцы предметов искусства еще и будут горды тем, что обладают музейной редкостью. Его карьере министра погубила мелочь, которую он просто не мог учитывать на физиологическом уровне: далеко не все коллекционеры и ценители искусства желают стать соучастниками кражи. Хорошо зная цену предметов искусства, отлично разбираясь в том, сколько люди хотят и могут заплатить за билеты в театр, в музеи, за обладание бесценными шедеврами, — он абсолютно не учитывал незначительный с его точки зрения факт, что люди во все времена тянутся к искусству, чтобы хоть немного осветить им собственную жизнь.

Но этот чисто прагматический подход и сблизил собеседников настолько, что они договорились создать сайт театра с возможностью прямых интернет-трансляций балетных постановок через видеохостинг с доступом для российских интернет-пользователей. В планах Федерального агентства по культуре и кинематографии было создание сети кинотеатров с возможностью демонстрации спектаклей с хорошим изображением и звуком, с привлечением крупных рекламодателей и продажей DVD с записями спектаклей.

Бывший министр рассказал, что у него и самого, как у человека необычайно творческого, есть планы создания мюзикла «Времена не выбирают, в них живут и умирают» на основе биографических мотивов. А логистические и таможенные связи Антона Борисовича нужны ему исключительно для реализации его новой творческой идеи, которой он поделился в свойственной ему восторженной манере импульсивного прожектора.

Как человек реальный и практический, он нисколько не сомневался, что занимаемый им пост – временное пристанище, поскольку повсюду велись разговоры о передаче функций возглавляемого им агентства – Министерству культуры. А он решил создать себе новую должность – нечто вроде «специального представителя Президента Российской Федерации по международному культурному сотрудничеству» как бы «для развития международного культурного сотрудничества, создания положительного образа России за рубежом». Понятно, что какой бы «образ России» он за рубежом ни пытался создать, это образ так и останется в виде медведя, которого лучше не злить. Этот образ подсознательный и внекультурный, он на Западе прочно въелся в массовое сознание, поэтому ничем такое уже не выбить, там этот образ уже на уровне генной памяти.

Королева Марианна 1656-1657 масло, холст Диего Веласкес (1599-1660)

Тем не менее, он нисколько не сомневался, что эту должность ему дадут, поскольку на самом деле он решил создавать не «образ России», а имидж «первой леди», жены нового президента, — как необычайно культурной и образованной дамы, представляющей всему миру культурные программы фольклорного и классического искусства. Он сам при ней планировать стать кем-то вроде «посла по особым поручениям». Была же леди Диана — «послом доброй воли», а кто сказал, что у него воля — злая? И тут, конечно, связи и многолетний опыт Антона Борисовича окажутся весьма кстати, ведь как попало первую леди не доставишь, где попало не разместишь, а главное, ее досуг тоже на самотек непустишь.

Антон Борисович, осознав, что бывший министр не собирается тащить за рубеж через его таможенные лазейки пропавшие культурные ценности, вздохнул с нескрываемым облегчением, поражаясь, насколько тонко и тщательно тот разрабатывает свои грандиозные планы, продумывая каждую незначительную деталь. В результате то, что вначале казалось диким и невозможным даже в мыслях — вдруг обретало почву и становилось реальностью. Он умел превратить в собственное достоинство даже неудачные условия «низкого старта», именно они позволяли ему затевать то, о чем все вокруг до него и подумать не могли, чтобы завтра он становился значительной фигурой в новых, созданных им самим условиях.

Поэтому Антон Борисович с вниманием отнесся к его предложению наладить контакты с заместителем директора театра Мазеповым, не обращая внимания на шлейф некрасивых историй, тянувшийся за ним из Санкт-Петербурга. Бывший министр назвал его «человеком-противовесом», который призван сдерживать нездоровые амбиции некоторых «звезд мировой величины», не позволявших развернуться в театре, используя все коммерческие возможности классического искусства. Бывший министр тогда ему сказал мысль, которая давно тревожила и самого Антона Борисовича: «Разве это справедливо, когда все дивиденды получают лишь те, у кого талант от бога? А мы-то все тогда... куда? Картину рисует нищий художник, а прибыль получает после его смерти тот, кто окажется ближе всех к его полотнам! Вот и нам надо пристроиться поближе к полотнам, а художников на наш век хватит».

* * *

...Все так и шло, как планировал бывший министр, добившийся учрежденной ради него должности «посла доброй воли». Реконструкция театра затягивалась, труппа потихоньку разваливалась, поэтому его зять был весьма благодарен тестю за своевременное участие в его судьбе. А Антон Борисович вплотную работал с господином Мазеповым, отслеживая творческие интересы Дашеньки.

Через его фирму организовывались гастрольные туры, он все плотнее вращался в финансовую кухню театра, уже не мысля своей жизни вне классического искусства, поскольку доход от «Классических традиций» постепенно начал компенсировать утрату доходов от его прежних предприятий, окончательно перешедших к «крысятам». Неплохую доходность давала и каждая новая постановка театра, поэтому Антон Борисович с понятной тревогой размышлял, что после окончания реконструкции театра, кормившей всех так, что скромным его бизнесом пока никто не интересовался, — ему придется гораздо сложнее доказывать свою необходимость.

Зять, будучи еще премьером театра, постоянно ворчал о том, какие неподходящие люди выбираются в качестве художественных руководителей балета. Последний худрук никогда не был ни хореографом, ни премьером, не понимая, что, в сущности, он вообще должен делать на репетициях с микрофоном в руке, как организовать на сцене действие шестидесяти человек. Иногда зять орал Дашеньке, что ему надоело, когда все держится на «сознательности» артистов балета с советской школой, на его личном опыте, на опыте других артистов, многие из которых прошли творческие стажировки и контракты на лучших мировых сценах.

Контракт с этим худруком заканчивался в марте, и Антон Борисович приложил немало усилий, чтобы с января организовать встречи директора театра с зятем, на которых речь заходила и о должности худрука балета. И в

ходе этих встреч Антон Борисович выяснил, что о месте худрука балета строит планы не он один. Сам директор хотел бы видеть на этой должности своего протеже, тоже выходца их Санкт-Петербурга, с которым славно сработалась вся его «питерская команда», вместе с ним осевшая в театре. Единственным препятствием, дававшим им с зятем хоть какую-то надежду твердо обосноваться в театре, — был контракт фаворита директора, заключенного им с театром «Ла Скала». Контракт истекал лишь через год, а решение требовалось принять немедленно, и Антон Борисович был готов выпросить для зятя хотя бы «и.о.» — то есть должность временно исполняющего обязанности, хорошо зная, что ничего не оказывается таким постоянным, как что-то изначально временное.

Он пытался заверить директора, что его зять гораздо больше подойдет для этой должности, именно при нем директору никто и никогда не посмеет указать, что он не имеет специального образования, не является специалистом ни в опере, ни в балете. Но при этом ему гораздо удобнее опираться на человека, который вырос в балетной труппе и не является в ней «чужаком».

Tiziano Vecellio (1490-1576): «Cain y Abel».

Антон Борисович в своих раскладах не учел, что имеет дело с куда более опытными людьми, отнюдь не случайно поставленными бывшим министром культуры к финансовым потокам главного театра страны. На «временное

пребывание» в качестве хударука балета у заместителя директора Мазепова была куда более лояльная кандидатура управляющего балетной труппой, у которого было не меньше, а, пожалуй, даже больше, чем у его зятя, данных для исполнения этих обязанностей. Да и административного опыта за его плечами было не три года, как у зятя, а почти восемь лет. Но главное, о чем был хорошо осведомлен Антон Борисович в силу своих профессиональных навыков, приобретенных им годами сотрудничества с МВД, этот кандидат был «на крючке» у господина Мазепова из-за совместных оргий.

Осторожный заместитель директора приохотил своего наивного «друга» снимать «домашнее видео» в ходе, так сказать, всеобщей «сексуальной революции», частично выкладывая наиболее яркие сцены на запароленных сайтах. Конечно, на сайтах не было фотографий, где можно было бы точно сказать, что это не «лицо, похожее на...», а сам управляющий балетной труппой. Однако Антон Борисович хорошо знал, что такие фотографии имеются в телефоне у господина Мазепова, поэтому его кандидат на пост хударука освободит свое место в любой момент, по первому его требованию.

Вот тут он первый раз поставил себе галочку за благоприобретенную привычку повсюду рассовывать спецаппаратуру и большие связи в МВД, где любые мобильные телефоны вскрывались простым выходом к оператору связи без ненужных формальностей, чтобы узнать частоту интересующего «мобильника».

И, незадолго до истечения контракта хударука, в Интернете были выложены порнографические фотографии с участием господина Мазепова и управляющего труппой. Конечно, при желании можно было бы выяснить, кто являлся владельцем этого специально созданного сайта, с какого адреса были «залиты» фотографии. Но с сайта, оформленного в цветах Большого театра, имевшего логотип управляющего труппой и его полную биографию, включавшую факты, которые он обычно не указывал в анкетных данных, уже была произведена рассылка по тысячам балетных профессионалов как в России, так и за рубежом. Затем сайт прекратил свое существование, а нанесенный им репутационный ущерб был таким, что целенаправленную провокацию было решено не расследовать, а как можно скорее предложить место хударука зятю Антона Борисовича, заявив, что переговоры с ним велись с января месяца.

Антон Борисович учел и другое обстоятельство. Многие после назначения его зятя ненадолго задумались, кому понадобилось применять для устранения его возможных конкурентов столь жесткий метод, опробованный на бывших генпрокуроре и министре юстиции. Но с первых же интервью зятя ведущим каналам стало ясно, что он не в состоянии продумать такой «многоходовки». И чем глупее его зять вел себя перед журналистами, пытаясь удовлетворить все амбиции сразу, тем легче на душе становилось у державшегося в тени

Антон Борисовича, поскольку все косые взгляды и смутные предположения неизменно были адресованы бывшему министру культуры. Вначале он долго не понимал, что происходит, потом пытался оправдываться, чем вызвал уже не подозрения, а твердую убежденность в его причастности. Он мог проявить невероятную выдержку, зная, что чем меньше сам говорит на какую «тему», так она быстрее перестает быть актуальной, но в случае полной непричастности... не мог остановиться. И после очередной неудачной попытки оправдаться, он вылетел из числа «послов доброй воли»...

* * *

Франсиско Гойя. Сон разума рождает чудовищ

Но временами Антону Борисовичу становилось так тяжело, будто с возрастом он чувствовал, как его душа сползает с него змеиной кожей, отдаваясь болью в сердце и тяжестью в затылке. Он стал болезненно реагировать на погоду, с горечью понимая, что в темные осенние вечера, когда для его здоровья куда полезнее было бы отдохнуть где-нибудь у теплого моря, для него наступает самая горячая пора, разгар театрального сезона. Иногда ему хотелось бежать, сломя голову от своих обязанностей, — все чаще сквозь шум в ушах от повышенного гипертонического давления он слышал шум огромных крыльев и музыкальный женский смех.

Однажды, побывав в МВД по своим насущным проблемам, он понял, что лучше ему туда больше не ходить, поддерживая связи со своими потерянными и явно перепуганными кураторами где-то на стороне, в более спокойных местах. Он понял, что настали времена, когда ему надо срочно встретиться с Львом Ивановичем. Ему и мысли в голову не пришло, что за столько лет с этим человеком могло что-то случиться, он помнил, как Лев Иванович мог сливаться с любой окружавшей его обстановкой. И когда он услышал в телефонной трубке знакомый голос «Слушаю!», ему показалось, что тот где-то отделился от стены, как бы символизируя известную поговорку «У стен тоже есть уши».

— Ну, что, Антон? Все-таки пришел? – спросил его сидевший на скамейке Лев Иванович вместо приветствия после стольких лет, которые показались Антону Борисовичу тяжелым сном. Впрочем, и для Льва Ивановича эти годы не были манной небесной, судя по тому, как он постарел со дня их последней встречи.

— Пришел, Лев Иванович, деваться некуда! – грустно сказал он, присаживаясь рядом.

— Ты в МВД был? – догадался Лев Иванович.

— Побывал, Лев Иванович, не знаю, что и сказать, — признался Антон Борисович.

— Да нечего тут говорить, Антон, им уже не поможешь, — махнул рукой старик. — С ними такое сделалось, потому что вообще про дело забыли, а говорили вслух слишком много... из того, что говорить не следовало. Думал, может дела поправятся, как с ними немного разберутся. Так сказать, чуточку... охладят... гм... холодцом. Но как там гарпии осели, так генерал начал нести вслух несусветные вещи.

— Не хочу я в их сложностях разбираться, своих проблем по горло, — с раздражением ответил Антон Борисович, услышав про гарпий.

Он только начал радоваться, что у него закончился этот болезненный период в жизни, когда он, от нечего делать, читал книги про ферзевые и слоновые эндшпили и этих гарпий. Только начал на ноги становиться, как все на этих гарпиях будто свихнулись. Его куратор в МВД, которого он знал не первый год, накануне хватал его за руку и, задыхаясь от ужаса, говорил, будто у них по коридорам шастает огромная женщина-птица. И, дескать, этот кошмар видит далеко не он один, потому что количество самоубийств с применением табельного оружия в ихнем ведомстве после внеочередной аттестации подскочил на 7, 14%.

Когда Антон Борисович попытался его как-то успокоить и направить его мысли в более рациональное русло взаимовыгодного сотрудничества, тот, брызгая слюной ему в лицо, заявил, чтоб он тоже не слишком обольщался.

Потому как сам таскает на плечах гарпию по имени Аэлоппа с огромными изумрудами в ушах, а он при ней служит собирателем душ. А поскольку сейчас он имеет дело с теми, кто вообще-то призвал спасти чужие души, то рано или поздно у него кормежка сорвется и ему придется досыта накормить эту тварь самим собой.

— Ты же сам отказался разбираться во всех этих сложностях поддержания равновесия, а видишь, как получилось... сам пришел, — сквозь шум в ушах услышал он голос Льва Ивановича.

— У меня дочка... в балет она пошла, — тихо сказал Антон Борисович, только теперь понимая, какой непоправимый для него шаг совершила дочь. Сейчас он бы многое отдал, чтобы дочка послушалась его увещаний и пошла бы на юридический, а он бы без проблем устроил бы ее на работу в какой-нибудь престижный вуз при МВД, как уже сделал хорошую протекцию своему брату.

— Да и ты сам позднее к балету пристроился. А как все просчитал, как все взвесил и стрелки на бывшего министра культуры свел! — усмехнулся Лев Иванович, демонстрируя поразительную осведомленность в его делах. — Кому надо, тот помнит, как этот фрукт на генерального прокурора видео подставил.

Young Man in the Costume of a Majo, by Edouard Manet, 1863

Мне даже после скандала с фотографиями домашней порнушки конкурента твоего зятя так и сказали: «Почерк налицо!» Хотя я узнал твой почерк, Антон, я же давно за тобой присматриваю. Ты думаешь, что нынешнюю ситуацию не ты создал? Да ведь только поглядеть, какого ты монстра выпустил! Другой бы на этом месте сидел бы тихо и такого вслух не нес. На, почитай! Там у меня карандашиком выделено, на что все разом спикируют, там и между строк читать нечего.

Он подал Антону Борисовичу распечатку интервью зятя по поводу назначения его художником балета театра с фотографией, где тот сидит на полу возле зеркала вполоборота так, что лицо зятя видно лишь в зеркальном отражении.

Никто не пишет о том, что наш генеральный директор театра первым забил тревогу и сказал, что театр в плачевном состоянии, при обследовании обнаружались огромные трещины, и здание могло как карточный домик сложиться в любой момент, в том числе когда там были зрители. Все пишут

о подсвечниках, о низком потолке в зале, где занимаются артисты. И никто не говорит, что залов для занятий стало больше, а в том, где низкие потолки, из-за камерной атмосферы, очень уютно заниматься. А для того, чтобы подбрасывать партнершу, есть и другие залы с высокими потолками под 10 м. Самим артистам нравится именно маленький зал.

Можно критиковать, а можно сделать как я. Я пришел в театр с мыслью, что через семь месяцев туда войдут артисты балета и прошел по всему маршруту следования, посмотрел, что, на мой взгляд, было неудобно, непрактично, и написал список своих предложений. Придаться можно к чему угодно, даже к самому лучшему.

— Переведи это на русский, Антон! – донесся до него голос собеседника. — Сейчас всем ясно, через кого было решено устроить грандиозный «распил» денежных средств. Дальше можно отслеживать телодвижения главного фигуранта, его связи. Как только его убирают, так ведь все летит вверх тормашками.

Я в свое время работал в English National Ballet, танцевал «Лебединое озеро» в Альберт-холле. Это было довольно сложно, потому что зрители сидят по кругу, как на арене, и декораций практически нет никаких, приходится танцевать на все стороны, чтобы все зрители могли увидеть артистов. Так вот, когда мне подобрали костюм — я в нем даже ходить не мог. Приезжал на три дня в Москву, чтобы сшить новый.

Мне вначале сказали, что это невозможно, но сшили потрясающий костюм. Визуально он выглядел точно также как английский, но совершенно легкий, удобный, из эластичной ткани. Когда прилетел в Лондон — в театре не могли поверить, что это другой костюм. У театра всегда довольно дорогие костюмы, ткани заказываются по всему миру, это же большие деньги, но у нас есть бюджет для этого. Кроме того, театр хорошо зарабатывает для того, чтобы эти деньги потратить на интересные и громкие премьеры.

— Как мило! Ткани заказываются по всему миру... А чтобы теперь на круглой сцене оказаться в Альберт-холле, надо всего лишь Антону Борисовичу пару сотенок занести, да? – поинтересовался Лев Иванович, доставая из портфеля другие распечатки. — Долларов, конечно, не рублей! Но все равно посылно.

— Но в этом смысл любого бизнеса, — попытался оправдываться Антон Борисович. — Раз мы их проталкиваем на гастроли, ставим в спектакли, это же как бы работа импресарио, она должна оплачиваться.

— Антон, о том, кого вы и куда проталкиваете, изображая «импресарио» в труппе государственного театра, где твой зять обязан обеспечить занятость артистов, мы поговорим позднее, — пообещал Лев Иванович. — Зачем вам был нужен этот некрасивый скандал с педагогической деятельностью ведущего премьер балета? Зачем было действовать так грубо?

— А как еще поставить его на место? И чтоб все на место поставить? — несколько склочно возразил Антон Борисович.

— А я тебе скажу! Как «импресарио», вам надо было сидеть на булках ровно и стараться не плевать своим «клиентам» в лицо! — зло оборвал его старик. — Большие деньги немного меняют характер в дурную сторону. Человек теряет осторожность и осмотрительность, перестает контролировать свое поведение, высказывания. И далеко не все деньги позволяют ему сидеть в подвале на сундуках. Такие деньги, которые хватанули вы в театре, — в точности также стремятся к публичности, как те, у кого вы их отняли, это сценические и немного бутафорские деньги. Долго и ты теперь в тени не усидишь. Это тебе не экспедиторская и логистическая деятельность, где тебе и платили те, кто не желал огласки. Именно этого ты добиваешься от танцовщика, сама профессия которого имеет смысл лишь при широкой известности. А вы его с директором по башке бьете, чтоб он «не высывался», будто он — музейный вор!

— Возможно, перегнули немного палку, — согласился Антон Борисович. — Но разве деньги разумные существа? Да со времен введения в Риме налога на ассенизаторскую деятельность императором Веспасианом известно, что «деньги не пахнут»!

— А кто тебе сказал, будто у денег нет своего характера? — насмешливо поинтересовался старик. — Сам-то разве не понимаешь, что проявлять собственный характер можно лишь до определенной суммы. А дальше деньги сами навяжут тебе «круг общения», мораль и религию. Созданные вами «механизмы зарабатывания» не предусматривают вашей личной воли, интеллекта, работы... это же сочетание определенных связей и безнаказанности. Это был советский принцип вашего незримого взаимодействия с разными силовыми структурами. МВД интересовали физики-шахматисты. И до определенного момента, пока вы следовали правилам, у вас все получалось... Но ведь всегда хочется большего, не так ли?

— Это я в свое дело «крысят» насадил? Я что, не делился? Я, может, дело не развивал? Или может я вдруг рванул в творческие деятели, как некоторые наши «шахматисты»? Или это я придумал «борьбу с экстремизмом»? — засыпал он старика риторическими вопросами.

— Антон, я с тобой говорю только потому, что знаю, как мало от тебя зависели общие процессы, — примиряющее заметил тот. — Но ведь и ты к ним руку приложил, потому сейчас и мы находимся в подвешенном состоянии. Ты видел наши прежние подходы, ты же шахматист! Нам требовалось вычленив Каллиопа, оставить ее в вакууме, подсунуть вместо нее классику и нечто соответствующее «партийности в литературе», с «вопросами ко всему обществу». Каллиопа — самая опасная из муз, она приходит установить связь времен и дать ответы на вопросы своего времени. А когда вопрос задается всему обществу без ответа, это гарантия, что он никогда не будет решен. Но,

обрати внимание, что мы никогда не давали развернуться средней музе Эрато, а младших муз, напротив, ублажали так, что у Каллиопы не возникало и малейшего аргумента. Ведь все знали, что «в космосе и балете мы впереди планеты всей». Как-то так. А что сделали вы? А в частности, что сделал ты ради своей коротконогой бесталанной дочери?..

— Это моя дочь, начнем с этого! – со злостью выкрикнул Антон Борисович. – А вы хоть понимаете, что нынешнее «время гарпий» наступило именно в результате вашей прежней успешной борьбы с этой Каллиопой? И во многом все, что происходит сейчас, вызвано тем, что на ее место вы венчали своего стукача по кличке «Ветров», предававшего всех и вся на своем пути к Нобелевскому лауреатству за разоблачение сталинских репрессий.

— Да, возможно ты прав, — тяжело вздохнул старик. – Тем хуже для всех нас. Если уж ты знаешь о «времени гарпий», ты должен понимать, что ни одно из них не длилось вечно. Я думал, что ты хотя бы удержишься после моего предупреждения о том, что по твоим пятам идет Аэлоппа. Я знал, что она поможет тебе и расчистит перед тобой путь, чтобы подобраться поближе к тем, кто способен внушить чужим душам надежду. Но именно поэтому тебе надо было проявить осторожность, ты же шахматист, Антон! А ты превратился в подручную Аэлоппы!

— Куда было деваться? – в отчаянии схватился за голову Антон Борисович. – Я ведь уже начал их слышать. И думал, что время гарпий просто в самом разгаре.

— Нет, Антон, по всей видимости, их время может внезапно закончиться. Как они налетают неожиданно, так и исчезают. На земле достаточно мест для их кормежки. Это... как в шахматной партии, которую ты разбирал, ты знаешь правильные ходы, но все делаешь неправильно, будто кто-то или что-то не оставляют другого выхода. Скажи, чем вам так не угодил Терпсихора? Девушка импульсивная, не слишком интеллектуально развитая, сказались упорные занятия классическим искусством с детства. Так это же удача какая! Ты знаешь, сколько возни было с прежними Терпсихорами, которые прекрасно соображали, что несли вслух? Ну, выкинули ее из театра! Попытались ее высмеять, превратить в пугало, что, согласись, несложно, учитывая историю с бывшим генпрокурором. Так чего же удивляться, что воплощение Мельпомены, этот «Коля-Коля», сразу почувствовал свободные валентности? Младших муз надо было, наоборот, в хоровод выстраивать, чтобы они друг от друга зависели. Был бы этот Коля всего лишь партнером Владимирской, думаешь, возле него вилось бы столько поклонников? Кто помнит премьера, танцевавшего с Владимирской? Да никто, поскольку все только на нее смотрели! Вам надо было этого Колю не на фоне серых мышей демонстрировать, а заставить его соревноваться с Терпсихорой! Вам надо было условия им создать, а не вызывать общее возмущение явной тенденцией

превращения «последнего настоящего», как сейчас повсюду строчит эта Каллиопа, — в сборище серости.

— Да мы уж и форум специальный организовали, чтоб этих его поклонников заткнуть, — растерянно выдавил из себя Антон Борисович, не предполагая, что Лев Иванович настолько в курсе его балетных будней.

— Скажи, зачем было у этого «Коли» учеников отбивать? Зачем было их шантажировать? Зачем тебе было лезть с «финансовыми механизмами» распределения ролей и мест в гастроях — через своего зятя? — морщась, как от зубной боли, сказал Лев Иванович. — А твой зять потом ведь еще самостоятельно принялся президентские гранты распределять, ставить на оплату спектаклей артистов из театра, где был худруком! А они даже на сцену не выходили! И все это не в старые времена, теперь это все выносятся в Интернет. Мельпомену надо было нарочно выделить, создать такие особые условия, чтоб с ним вся труппа не общалась из зависти к его привилегированному положению, а не потому, что на него администрация заявления собирает. Ты ведь неглупый человек, Антон!

— Да создавали ему эти условия! Все никак не заткнется! — почти выкрикнул Антон Борисович, раздражаясь от одного упоминания о танцовщице с мировым именем, критиковавшем дирекцию театра за проведенную реконструкцию театра на всех телеканалах.

— Мало создавали! Его надо было загрузить педагогической деятельностью, чтобы времени не было на всякую критику. Его надо было понемногу на телевидение выдать, культурные передачи вести.

— Да там же министр бывший! Он его терпеть не может! — заорал Антон Борисович. — Он давно реконструкцию театра критиковать начал, денежными потоками на реконструкцию заинтересовался, там заткнуть его ничем невозможно было.

— Нет, здесь оправдания мимо кассы, — строго оборвал его истерику старик.

— Вас всех интересовало только то, что будет после реконструкции. Пока шли те потоки, вы все свою стороннюю копеечку имели, а нынче, Борисыч, опять твоим карманом заинтересовались, да?

— Да, — с искренним отчаянием выдохнул Антон Борисович. — А я уже не молод, Лев Иванович, нового финансового механизма не создам. А в МВД вы сами видите, что творится. На них рассчитывать бессмысленно, они полностью оторвались от реальности.

— Форменный беспредел творится, — задумчиво высказал его мысль Лев Иванович. — И все потому, что затронули Каллиопу, решив, что вместо тихих бесед за чаем о партийности в литературе, какими раньше удавалось привести в общему знаменателю прежних Каллиопа, — они смогут с ней разделаться

«экспертизами на экстремизм» по своим правилам, известным им одним. На основе американской книжки «Магия слова» и словарем Ожегова, составленном во времена военного коммунизма, они пропишут новые законы Великого и Могучего из предположения, что все вокруг – пока неразоблаченные ими «экстремисты». Что удивляться, что вся эта их кампания на ней и захлебнулась? А сколько вся эта армада продержалась против нее одной — на деле педагога и педофила? Его оправдали после ее статьи, а он ведь уже в тюрьме сидел! Он парашу выносил! Ты хоть понимаешь, что из тюрьмы после суда человек лишь в тюрьму мог попасть? Инструмент срачивания с властью-то надо осторожно использовать, это же часовой механизм! Им же нельзя изо всей силы по башке лупить! Хотя бы своей башкой соображать, кому лупите!

— Я-то здесь причем? – искренне удивился Антон Борисович. – Какое отношение все это имеет к балету?

Thomas Pollock, Woman writing at a table

— Ты вообще хоть немного шахматист, Антон? Раз с ней не удалось расправиться на периферии, она двинет прямо на вас, стоит вам только дернуться. И дело старого пианиста, обвиненного мамашей ученицы в педофилии, хорошо показывает, как она проведет с вами ладейное окончание. Ты ведь пришел поинтересоваться, стоит ли вам дергаться, верно? Я и предлагаю тебе посмотреть, как она всех грамотно обошла в деле этого

педагога-педофила. То, что его оправдали – огромный удар по престижу правоохранительных органов. И удар вдвойне страшен, что за него заступилась баба, получившая судимость за экстремизм, писавшая раньше, что никакому «экстремизму» невозможно следовать без поддержки государственных структур! В деле педофила она вначале по косточкам выступление генерала разобрала. У этого идиота тоже хватило ума заявить такое на заседании Общественного совета при МВД. А Каллиопа на эти советы особую реакцию имеет, МВД их изначально создавало для борьбы с ее «экстремизмом», туда все ведущие «эксперты-лингвисты» входили. Они могли любой ее текст объявить «экстремистским» за небольшое вознаграждение.

Он подал Антону Борисовичу листок из пачки, где оранжевым фломастером было выделено сообщение из новостной ленты об очередном заседании Общественного совета при МВД.

Глава МВД предложил ввести в полицейских вузах курс человеколюбия, сообщает «Интерфакс». «Мы очень озлоблены сейчас, у нас очень много проблемных вопросов, а надо просто научиться слушать и быть услышанным, надо уметь сопереживать, сочувствовать», — заявил министр на заседании Общественного совета при МВД.

Нам нужно, может быть, даже какую-то такую дисциплину ввести или курс — «Човеколюбие», — заявил министр в ответ на предложение привлечь религиозные конфессии к воспитанию и обучению будущих полицейских.

— Видишь, как только используются столь сильные инструменты воздействия, это сразу раскрывает все причинно-следственные связи, что в управлении таким государством недопустимо, — неприязненно заметил старик. — Помнится, она долго кудахтала по поводу мысли, которая ей очень нравилась одно время, смещая стереотип «Цель оправдывает средства», которую приписывали Наполеону. Она заметила, что Наполеон «очень плохо кончил», добавив, что «Используемые для достижения цели средства — лучше всего выявляет истинную, а не декларируемую цель». Неплохо, правда?

— А почему они ее не прикончили? – с недоумением сказал Антон Борисович. – И, главное, меня еще накануне предупредили, что собираются совместно со спецслужбами и прокуратурой «устроить новый 37-й год», сказали, что скоро мой Фонд помощи органам правопорядка «Взаимодействие» — «получит второе дыхание», Сказали, чтобы я приготовился к открытию отделений фонда по всей стране. Хорошо, что проявил осторожность, не стал деньги вкладывать в эту пшиковую идею.

— Министр, взяв на вооружение жесткие и крайние способы расправы с инакомыслием, полностью разоблачил истинные цели, — с грустью констатировал старик. — Слово-то какое «взять на вооружение», учитывая, с кем он начал войну с общей точки зрения – с женщиной, не представлявшей

никакой общественной опасности, уговаривавшей не устраивать общественных беспорядков. Дальше... произошло вполне ожидаемое. Он начал нести вслух несусветное, делая глупости на каждом шагу. Она же не зря предупреждала, что русский язык служит только ей, а все, кто пытается сделать что-то словом, должны учесть ее мнение.

— Вы думаете, это связано как-то с этой... Каллиопой?

Ну, это как бы после поражения начинать праздновать победу. Непременно сядешь в калошу. Там сам суд начался с того, что недалеко от города взорвался склад снарядов. Наш генерал приехал в ее город не только, чтобы получить приговор, но и привез награды участвовавшим в тушении пожара, хотя их всех гнать надо было к чертовой матери из-за несоблюдения техники безопасности. В перерыве между судебными заседаниями произошло еще одно знаковое событие. Чтобы показать, насколько важен этот процесс, местные деятели натравили банду уголовников, чтобы те напали на отдыхающих на берегу реки с националистическими лозунгами. Задумка-то была отличная! Мол, обострение национальных отношений вынудило провести такой процесс против известной экстремистки. Не учли лишь одного – с кем имеют дело. А на деле получилось иначе. Жена самого крупного олигарха в регионе поехала туда же как раз в тот вечер со своим молодым любовником. Просекаешь? Ну и получила бейсбольной битой по голове. Прибывшая по ее вызову бригада охранников мужа не только отловила и разоблачила «националистов», оказавшихся местной шпаной, но и отметелила тех правоохранителей, которых хулиганы выдали с потрохами. Потом весь город гудел не столько о том, как эти деятели нанимают уголовников изображать кавказцев и орать «Россия будет нашей!», сколько о разнице в возрасте между женой олигарха и ее любовником. В результате об этом случае все предпочли молчать, как партизаны. Ты мне, Антон, можешь объяснить, с какой стати жена олигарха поперлась в палаточный лагерь комаров кормить с молодым бугаем – тренером по фитнесу?

— Это, конечно, нехарактерно, — согласился Антон Борисович с некоторым внутренним колебанием.

— А ведь Каллиопа на суде выступала вместе со своей подружкой, которая точно инициировалась как Клио, — заметил старик. — Они вместе прошли хорошую боевую школу! В сущности, им устроили бесплатный тренажер, дав потренироваться на себе. В качестве боксерской груши. Ну и как ты расцениваешь последующие угрозы генерала, что МВД проверит, кто какие романсы слушает, что по линии МВД все население будет «окультуриваться» вальсами?

— Да как-то неожиданно получилось, конечно, — уклончиво ответил Антон Борисович.

— А кто ожидал, что он позы лотоса начнет принимать публично? — зло рявкнул Лев Иванович. — Этого даже журналисты не ожидали! Все присутствовавшие тогда обалдели! Нет, это ее, только ее извращенное представление о чувстве юмора и о невменяемости. Ее же все пытались в психушку задвинуть, три судебных заседания провели.

— Но... извините, Лев Иванович, — осторожно уточнил Антон Борисович, — мне кажется, что он действительно не совсем... того.

— Был бы он вменяемый, так сделал бы заявление прессе, что УПК надо отменить, потому что он «мешает в работе»? — огорченно махнул рукой старик. — Эта его тирада явно прозвучала после того, как он ознакомился с ее делом, где все было шито с грубейшими нарушениями Уголовно-процессуального Кодекса. Ну, не соблюдают они УПК, так кто его за язык тянул? В судах-то все ходатайства о нарушении УПК все равно отклоняли и делов куча! Чего ему вдруг УПК потребовалось отменять? До ее «экстремизма» он, в целом, не был таким идиотом... Он с катушек съехал после того, как сунулся к ней. Поэтому приготовься, что каждое твое слово — тоже будет ею использовано против тебя. Но тебе и говорить ничего не придется, там все за тебя зять скажет, он у вас самое слабое звено.

— Какое ей дело до меня? — взмолился Антон Борисович, которого намного больше беспокоили все эти истории про гарпий.

— Антон, ты уже идешь по пути, где непременно столкнешься с ней, сам того не понимая. Хотя бы тем, что используешь Интернет в своей работе, — раздраженно ответил старик. — Разве твой балетный форум при сайте театра, — это не такой же «общественный совет при МВД»? Разве ты так же не пытаешься заткнуть рот этому Коле, как генерал безуспешно пытался заткнуть рот Каллиоппе? А она уже вышла на искусства, патронируемые младшими музами, в деле о пианисте, обвиненном в педофилии. Мы, между прочим, с людьми действовали тоньше, мы их не уничтожали, а использовали их критику. Не просто обирали на идеи, а давали возможность самореализации, не доводя до взрыва потенциала. Вот посмотри, как она отсекает генерала после его спича про «человеколюбие». Это опытная паучиха! Он после этой порции яда оказался полностью парализованным в деле пианиста-педофила. И висел, как дурак, на ниточке «человеколюбия». На вот, почитай!

А действительно, кто из нас может сравниться в «человеколюбии» с каннибалом? Да наше жалкое «человеколюбие» никак не может зайти столь далеко, чтоб под протокольчик, размеренно и непринужденно годами измываться над людьми. А на все вопросы беззлобно хохотнуть: «Ну, что ж? Несколько озверели... у нас проблем много!»

Прочла выступление министра... задумалась даже. На счет того — это вопиющая наглость или полный идиотизм? А у кого сегодня нет «проблемных

вопросов», в том числе и созданными опустившимися и распоясавшимися правоохранительными органами?..

И что мы слышим в ответ от министра, еще недавно угрожавшего у всех поковыряться в голове и заставить насильно слушать с ним вальсы-романсы? А может, ему надо было бы сперва научиться вести себя в обществе? Ведь каков начальник — такие и подчиненные!

Да, надо вводить глоссарий. «Человеколюбие» — это все же нечто гастрономическое... или патологическое, что-то вроде «человекофилии». А там ведь и до педофилии — рукой подать. Не все любят больших человечков, некоторые предпочитают иметь дело как раз с маленькими. Согласитесь, все эти сложности вряд ли подходят в отношении наших правоохранительных органов. Тут надо вводить курс психотерпии по «очеловечиванию» — с принудительным коллективным прослушиванием вальсов и романсов, отобранных лично господином министром. Кто первый моргнет — тот не пройдет аттестацию.

Сам ведь господин министр уже забыл, как совсем недавно предлагал вообще отменить УПК РФ, раз все его подчиненные не способны выполнить его требования. Так почему за бюджетный счет мы должны заниматься духовным развитием этих забывших о законе субъектов? Или у нас своих проблем нет?

Нет, это просто расчудесно! Когда мне, написавшей письмо президенту страны по поводу инцидента в детском лагере — пришлось пройти через все круги ада. А вот когда эти... гм... «малость оплошали» — им, оказывается, надо устроить детский садик, чтоб их еще воспиталка за скакалочку водила и просила никому не засовывать бутылки из-под шампанского. Они — просто «озлобились». А с какой стати? И какое право они имели «озлобиться», распоясываться до невероятной степени — против всех, кто их кормит?..

Мне кажется, самому господину министру действительно очень нужен урок человеколюбия, только немного не такой, как он ожидает. Нет, ему не стоит никуда засовывать бутылку из-под шампанского и прочего из арсенала того, что уже стало у них в ведомстве обыденностью. Но нечего и сопельки ему утирать и возиться с теми, кто рвется не защищать наши права, а на всю катушку пользоваться нашей беззащитностью. Мы должны всем им — «отказать от общества». Мы должны показать этим людям, как низко они упали в глазах всего общества.

— Неужели ее никак нельзя... того? — робко спросил Антон Борисович.

— Ну, и как ты ее после этого — «того»? — ответил старик. — Неизвестно, в каком виде она страшнее, она сама это говорила. Тут ничего не поделаешь, Антон! С ней поступили не так уж жестко, не получилось. Но в отношении других, которые намного ее хуже, рука так и тянется применить куда более жесткие меры воздействия. И бутылка из-под шампанского здесь цветочки. Стоит заставить систему выполнить несвойственное ей репрессивное

воздействие, заставить работать в обстоятельствах, не соответствующих ее назначению – система начнет сыпаться. А ведь есть и другие вещи, которые даже учесть никак нельзя.

— К-какие? – с нескрываемым страхом спросил Антон Борисович.

— Да какие... будто сам не знаешь, — буркнул старик. — Я же понял, что вначале все прикидывали, как бы ее под КамАЗ спихнуть. Приспособились идти простым путем. А она что? Она вообще перестала бывать там, где КамАЗы ездят. Но мысль материальна, да? И супруга генерала сбивает человека, совершенно постороннего. Просто потому, что жене очень хотелось сбить даму, доставлявшую много неприятностей ее мужу. А генералу пришлось документику ее дела тырить, возникло много более существенных проблем, сразу стало не до борьбы с экстремизмом. Об это узнал депутат, решивший на этом обстоятельстве подпираться... А вся цепочка вытекает из горячего желания кого-нибудь сбить машиной! И все, что направлено на эту нашу Каллиопу, так обычно и сводится к исполнению желаний, но настолько буквально, что потом жить не хочется. Не переживай, Борис, если она твоими проблемами заинтересуется, у тебя тоже все желания исполнятся! Аналогично.

— Но я не хочу никого сбивать машиной, — заныл Антон Борисович. — Я хочу жить нормально!

— Осторожнее со словами, Антон! – оборвал его Лев Иванович. – Ты считаешь для себя «нормальным» одно, но ведь не все могут с тобой согласиться. Вот жена министра страстно хотела сбить одну бабу на машине, но сбила совсем другую, потому что той бабе очень захотелось жить. А министр был вынужден, в нарушение УПК, красть уголовное дело своей жены. И все желания исполнились, потому что депутату страстно хотелось кого-нибудь разоблачить... Все это бессмысленно, Антон. Ты ведь хотел властвовать, верно? А она – «шестствующая за царями», то есть за властью во всех ее проявлениях. Ты все пытаешься уйти от этого, а куда? Вот как твоя дочь, чтобы не сделала в балете, будет иметь мерило в виде Терпсихоры, Мельпомены, которые все равно втащат юную Талию. Что бы вы там не предприняли с твоим зятем, они вытащат Талию! Так и здесь! Как бы мы не выразили мысль, хоть жестами или мимикой, ее мерилом будет сказанное Каллиопой. Причем, обозленной, получившей прямой вызов, заплатившей за все сказанное – кровью. Ты ничего не заметил в ее комментарии по поводу выступления генерала?

— Нет, а что тут замечать? Похабство какое-то! – возмутился Антон Борисович. — Распустились уж вконец в этом Интернете! Надо бы их всех сгрести в одну кучку, да прикончить.

— Подставить хочется, Антон? Всей «кучкой»? – усмехнулся старик. — А глянь, как сам генерал подставился... Это не «похабство», это у нее – «приказ по гарнизону», как она выражается. Она писала небольшой комментарий в социальных сетях, блог ее почти не работает, но какая разница? Она могла это и просто на своем компьютере написать и никому не показывать. Генерал мне бы лично сейчас очень бы пригодился, не говоря о тебе. А после этого ее «постинга» к нему пожаловали гости... поживиться «человечинкой». Можно сказать, это ее антагонисты! Но они тоже подчиняются общим законам. Как только она указала, что генерал перешел границы человеческого, он перестал быть человеком в обычном смысле этого слова. Как бы далеко из нас кто не зашел сам знаешь куда, мы же по привычке определяем рамки человеческого не связями, деньгами или национальностью. Мы их определяем душой! А она среагировала на полное отсутствие у него души и человеческого. То есть, в других он предпочитает видеть «человеческое», но сам в отношении других человечность проявлять категорически отказывается. Как и мы с тобой, Антон, чего греха таить. Но генерал слишком близко к ней подошел, лично за ее приговором к ней в город катался. Поэтому гарпии со своим предводителем, хотя и того сами или нет, являются к нему, чтобы больше он не маялся «человекофилией» публично. И что самое дикое, они при этом выполняют его желание! Какую еще «психологическую помощь» оказать человеку, запустившему механизм такого разрушения системы, что там любое задержание — равносильно кругам Ада? Его надо окончательно лишить души, чтобы она вообще его не беспокоила! Если она бы сделала наоборот, помогла бы ему осознать все уже сделанное с позиций человеколюбия, то ведь он еще пуще с катушек съехал бы! Ведь этого нормальный человек не выдержал бы.

— И... как это с ним случилось? – спросил Антон Борисович, затаив дыхание.

— А там все произошло по правилам, она же его не проклинала, не требовала немедленной расправы. Все очень аккуратно произошло, без всякого экстремизма, — со вздохом ответил старик. — Там этот депутат потребовал срочного доклада в Думе... и наш генерал получил последний шанс оставить свою душу при себе. Мне кажется, с ним это случилось после его выступления в Думе.

— Значит, у него была возможность удержаться? – с надеждой проговорил Антон Борисович.

— Он не удержится! – махнул рукой старик. — Он не сможет теперь долго продержаться. Там и секретарь его немного не в себе. Вот кто в вакууме, так это они сейчас.

— А можно... можно жить... без этого?

— Этого не утаишь, — тяжело вздохнул старик. — Без души, какой бы она не была, долго не протянешь. И все это вокруг чувствуют. Самые тупые и

толстокожие. Кто бы что ни говорил, а всякой твари этот «мелкий недостаток» бросается в глаза.

— Что мне-то теперь делать? – спросил Антон Борисович, бессмысленно глядя, как на листок, который он продолжал держать в руках, скатилась слеза.

— Да что тебе посоветовать? – сказал старик, забирая у него распечатку с постом Каллиопы. — Ведь что бы я тебе не насоветовал, ты поступишь по-своему. Ты уже по уши в этом дерьме, и если есть хоть одно письменное подтверждение твоего участия, она тебя проработает, ты сам не заметишь, как выполнишь роль персонажа в ее романе.

— Но она балетом ведь не интересуется? – с тающей надеждой сказал больше самому себе Антон Борисович.

— Это сложно сказать, чем она интересуется, — развеял его надежды старик.

— Она интересуется жизнью, творчеством в самых бесспорных его проявлениях. А у вас в театре — ее сестры... причем, давай-ка, посчитаем! Полигимния там с незапамятных времен, Мельпомена уже торчит занозой «Коля-Коля», Талия... эта точно проявится, если уже где не хохочет беззаботно. Если кто-то смеется рядом с такими, как вы, Антон, это точно — Талия. Только она способна смеяться рядом с такими, как вы с твоим зятем, директором и его «питерской командой».

— Думал, что моя Дашенька сможет стать Талией, — признался Антон Борисович.

— Слушай, зачем ты и твоя Дашенька вообще сюда полезли? – откровенно удивился Лев Иванович. — Это же не просто цветы, поклонники и восторг зала! Это – война, это кровавая бойня! Ты мог бы это по Каллиопе понять. Ведь задача муз в своем времени – собрать гарпий воедино и закончить «время гарпий». И куда здесь твою Дашеньку? Уверен, она и без тебя разберется, что делать.

— Не знаю я всех этих ваших дел, — с раздражением ответил Антон Борисович, судорожно пытаясь вспомнить, где могли упомянуть о нем, несмотря меры предосторожности.

— А я, кажется, вспомнил!- насмешливо сказал Лев Иванович. — В тех же социальных сетях артисты балета иногда читают отчеты о спектаклях одного сетевого критика. В комментариях я видел несколько намеков. Постой, вроде бы распечатки с собой брал... Вот, читай!

Также как и ты, и многие другие люди, я очень высоко ценю балет, но хореография не может существовать в отрыве от исполнения. Как бы ни твердили об этом балетмейстеры, пусть даже самые гениальные. Попадает их творение в бездарные руки, и смотреть на это становится невозможно. Я честно тебе скажу, я промучился все три акта и досидел это безобразие

до конца исключительно в силу рабочей необходимости. Не будь я обязан, ноги бы моей там не было после первых же десяти минут. Любой спектакль держится на солистах и вымуштрованном кордебалете, и если у нас из солистов, извините, выходят какие-то полудурочные.... тут от великого до смешного получается ровно один шаг. Ты прав, что если хотя бы навозные собачки были, полноценный цирк был бы обеспечен. А тут ни балета, ни цирка, ни театра. Надоело в тысячный раз повторять одно и то же. Но такого запредельно похабного исполнительского уровня на этой сцене никогда прежде не было.

Альбер Гийом Albert Guillaume, 1873 – 1942 «Театральная ложа»

— И что такого? – зло спросил Антон Борисович. – Кому-то нравится, а кому-то нет.

— Антон, та забываешь, что это не импрессионизм напополам с авангардизмом, это классическое искусство, оно – как шахматы. Либо проиграл, либо выиграл, но можно свести к ничьей. Но тебе уже поздно думать о ничьей, тебе надо все поставить на победу. Читай, тут ты многое сможешь ПОНЯТЬ.

Скажу о юбилее нашего выдающегося хореографа. Предупреждаю сразу, что сказанное ни в коей мере не умаляет заслуг юбиляра и его вклада в мировое искусство, но, к огромному сожалению, его праведным трудом заработанное имя используется нынешним руководством для обдeldывания всех своих самых паскудных дел совершенно бессовестным образом. Нельзя ожидать от человека в столь почтенном возрасте, что у него хватит сил, возможностей и желания держать руку на пульсе всех театральных хитросплетений в той же самой степени, в которой он это делал тридцать лет назад, поэтому

©Книжная лавка <http://ogurcova-portal.com/>

совершенно нормально, что часть работы передается в другие руки. Но ровно в этот самый момент под флагом “так хочет, так сказал, так подумал или потребовал наш великий хореограф” делается все, что можно и невозможно. Докатились до того, что от его лица пресс-дама преподносит требование уволить звезду мирового балета с должности педагога, чтобы взять на это место некую неугомонную гражданку без опыта и образования. В условиях, когда у театра имеется попечительский совет из немереного числа толстосумов, концертный зал почти ежедневно сдается под корпоративы, а из государственной казны выделяется очередной миллиардный грант, вести речь о ставке педагога, получающего месячный оклад, сопоставимый со стоимостью одного (!) билета в партер, просто смешно и безнравственно.

Андреа Вероккьо, 1435 -1488 Head of angel (1470s).

— Младшие музы сюда точно притацат Каллиопу, они сумеют, — прикидывал вслух Лев Иванович, пока Антон Борисович просматривал распечатки с форума. — Изгнанную вами Терпсихору Каллиопа с пол оборота заведет, та с ходу всех крошить ринется! Эрато она заставит... так заставит, что та будет воображать, как всех вокруг пальца обвела. А из-за этой «борьбы

с экстремизмой», как она это называет, Клио, Урания и Евтерпа уже при ней. Нда, какие темные люди решили заняться «магией слова»... Диву даешься!

— Зачем они вообще полезли к ней? – недоумевал Антон Борисович.

— И не говори, — согласился с ним старик. — Объявить войну Каллиопе! Потом, наверно, очень удивлялись, что к ним пришли кое-что потребовать, согласно выполненному договору. Она всех выстроит, Антон, а ты будешь персонажем ее романа, проходным. Там выяснится, что вся твоя жизнь прошла ради какого-то не совсем приличного эпизода. Надеюсь, что ей просто захочется, чтобы ты бегал вокруг театра без штанов и кричал: «Да здравствует классическое искусство!»

— Вряд ли она такое со мной сделает, — нахохлился Антон Борисович. — Наверно, отправит под колеса КамАЗа.

— К сожалению, она куда более тщательнее прорабатывает образы, такой лажи не допускает, — без всякого сочувствия заметил Лев Иванович. — Я бы предпочел, чтобы ты тихо сгинул в психушке, свихнувшись на почве шахматных эндшпилей и ладейных окончаний. На худой конец – под КамАЗом. Но ты будешь делать то, что считаешь нужным и что не делать не можешь. Все, как она напишет. Если о тебе уже где-то все же написали, то ты уже не только у нее на крючке, но и ко мне ее за собой притащил! Так не все ли равно, что я скажу по такому поводу?

Ты говоришь, что нет сегодня в театре таких педагогов, как прежде. Это сущая правда. Кроме «балеруна Коли», никого больше нет. Но проблема не в том, что они сами были средними исполнителями, а в том, что окончательно схалтурились. Чтобы добиться от ученика красоты и стильности исполнения (про беспрекословное следование тексту я даже не говорю, так это должно быть основой основ), чтобы сделать роль, нужно иметь профессиональную совесть, которая не позволяет тебе выпускать на сцену барахло. А для того, чтобы оно таковым не являлось, нужно, в первую очередь, иметь педагогический талант и готовность не жалеть на свою работу ни сил, ни времени. Премьер, мировая знаменитость, танцовщик и педагог от бога — так всем так мешает! Ведь на его фоне так заметно, чем заняты другие. Он штырит своих учеников и в рабочее время, и в выходные, и в праздники. В какой понедельник ни зайдешь, он с учениками в зале. Поэтому и результат такой, какой ни один другой педагог предъявить не может. Ты можешь мне назвать хотя бы один ввод, подготовленный другим педагогом за последние несколько лет, который можно было бы назвать хотя бы достойным? Я таких вводов не видел. Как за три репетиции он собрал кордебалет в “Шопениане”, тоже помнит любой, кто видел этот спектакль. Не уверен, был ли ты тогда, но поверь, что никакого сравнения с тем, как те же самые артистки выглядели недавно после репетиций с нашим истеричным и развинченным худруком.

— Вы мне ничего не посоветуете? Не подскажите? – тихо спросил Антон Борисович, не поднимая глаза на старика.

— Нет никакой разницы, что я скажу, это точно, Антон, — пошутил старик.

— Потому что, какие бы ты не имел планы на будущее, ты не имел права допускать, чтобы о тебе и твоём зяте писали такое. Но у тебя ведь главная советчица давно на плечах сидит! Ей точно наплевать на мои советы.

— Так что же мне делать? Может, тоже в экстремисты записаться? – ответил Антон Борисович, вытирая слезы. Сердце его разрывалось от жалости к себе, Дашеньке, внукам...

— Читай дальше! – приказал ему Лев Иванович. — И прикидывай, сколько у тебя шансов остаться незамеченным в таком раскладе.

Гораздо проще избавиться от человека, который выдвигает жёсткие профессиональные требования, чтобы другим зажилась легко и фриловно. Все хором гонят халтуру, и никто никому занозой в глазу не торчит.

Новенький премьерчик-лауреат всю коду пешком простоял, и хоть бы какой-нибудь ассистент балетмейстера или, на худой конец, худрук подошел к нему и задался вопросом, а не опупел ли парень часом? Нет! Это никого, мягко говоря, не волнует. Перечислил процент от гонорара в Фонд помощи органам правопорядка «Взаимодействие», руководимого тестем худрука Борисычем – и танцуй что хочешь, и как хочешь.

— Но такое сейчас везде! – попытался оправдаться Антон Борисович. – Сейчас все так живут! Такое творится в медицине, в образовании... в промышленности уже ничего не творится, ее, можно сказать, больше нет. Какое кому дело до балета? Это сейчас обычное дело!

— Я знаю одного человека, который может сделать это не только «необычным», но и порицаемым, — строго ответил Лев Иванович. – Читай дальше, Антон!

Щелкунчик можно спокойно снимать с репертуара, потому что на том уровне, на котором его исполнял на протяжении шестнадцати лет наш прославленный премьер, живое воплощение Мельпомены, этого больше никто делать не может. И за что бомонд будет выкладывать по пятьсот евро за билет на следующий Новый год, я, честно тебе скажу, не знаю!

Для того, чтобы было страшно за искусство, — должна быть совесть. А насколько можно судить, у этих людей ее нет. Я до сих пор не могу понять, как художественный руководитель балета государственного театра может открыто работать исключительно на частное

гастрольное агентство своего тестя, которое за деньги занимается организацией выступлений артистов вверенной ему труппы. По-моему это прямое использование служебного положения в целях получения личной выгоды. Разве нет? Раньше существовал закон, карающий такие вещи. А сейчас что, его отменили?

— Да, из-за нашего разговора я как-то иначе на все смотрю, — задумчиво потер переносицу Лев Иванович. — Мне кажется, что Аэлоппа как-то... дискредитирует тебя, а вовсе не защищает. Ты же шахматист! Раньше, когда вы с ней до такой степени не слились, ты подобных ошибок не допускал. Она дурно не только на тебя влияет, но и на окружающих. Разве я мог предположить, что ты все дела «крысятам спустишь»? Так мне и в голову не могло прийти, будто все разговорятся о театральных делах на всех форумах! Раньше-то они помалкивали! Они там раньше таких длинных «повестей Белкина» не строчили, вообще говорить боялись. А тут даже стиль не юзают, пишут не анонимно. Ты вот это почитай!

Итальянская комедия. «Нескромный Полисинель». 1906 Бенуа Александр Николаевич (1870-1960)

Доброго вечера беспокойные сердца. Хотел я многим из вас ответить под каждым постом, но решил написать здесь и все сразу. Сначала о «Баядерке», намечается там три дебюта от папы Борисыча. Господа, все знают, что его зять, наш новый худрук, — дурак конченный. Сам он создать никаких агентств не мог даже теоретически, так что это не он его создал для папы Борисыча, а все как раз наоборот, названный папа восходящей звезды давно крутится в бизнесе МВД по созданию различных ООО. И чтобы в этом

©Книжная лавка <http://ogurcova-portal.com/>

убедиться достаточно погултить на ФИО Дашкиного папы и прочесть много чего интересного о нем. А вам хочу поведать, во что этот творческий симбиоз вытекает. Была очень интересная поездочка всего женского кордебалета в Монте-Карло. Захотелось, видно, папиному зятю в Монте-Карло проветриться, так какие проблемы? Поехал с ним весь кордебалет — от белых лебедей до черных, к ним под маркой театра добавили жену худрука и еще одну старперку из той забегаловки, где раньше наш худрук аналогичным худруком подвизался. А сама эта поездочка была организована, когда у всей труппы было три дня выходных. Девоньки-то наши наивные и на выходных должны оказались за свой счет ехать, при копеечных суточных, так как такую малость они даже от официальных поездок никогда не получали, спасибо партии родной и лично папе Борисычу. Перья-то наша корда распустила, все до единой размечтались своего принца Альберта там встретить... Но не тут-то было. Поимел их там худрук по полной программе, организовав по доброте душевной с раннего утра до позднего вечера репетиции совместно с местной труппой. Сил и времени у них на принца не хватило, и поехали они назад без принца, денег, экскурсий, таща на себе костюмы, а на следующий день, половина не вышла на работу из-за состояния нестояния. Так вот вопросик у меня возник. В Монте-Карло считалось, что приехала труппа театра, даже гонорар этому гов... худруку выдали. А вся труппа была выходной! А за выходные никому ни одного евро не положено по нашему строгому трудовому законодательству. Догадываетесь, какая организация придумала эти гастроли и получила за них деньги?

— А это не сам наш балерун? — с сомнением спросил Антон Борисович.

— Нет, это не он, — отрицательно покачал головой Лев Иванович. — Но то, что он это читает — несомненно. А потом они найдут возможность — заставить прочесть это Каллиопу... думаю, ты скоро в этом убедишься. За форумом этим потом следи, они там будут через него перемигиваться. Слушай, Антон, я понимаю про Монте-Карло, но тут еще и Япония... вы совсем берега потеряли?

Грядет поездка в Японию, худрук обещал немногочисленным артистам, желающим получить порцию радиации и согласившимся на эту поездку, определенную сумму суточных, так как питание было не предусмотрено. Но когда паспорта были сданы, суточные от обещанного сократились вдвое, артисты возмутились, так как налицо — чистой воды обман. Наш мудрый руководитель заявил, что недовольные могут не ехать, и он обойдется силами артистов своего прежнего театра, которых возьмет напрокат, а если не хватит, то и у других трупп позаимствует. Только японцев он забыл предупредить, а то те заплатили как за наш театр, а получают балет им. Тачкина-Перебежкина.

Тут кому-то не нравится балетная труппа Ла Скала, она и в Италии не пользуется успехом, поэтому в следующем сезоне будет зарабатывать на

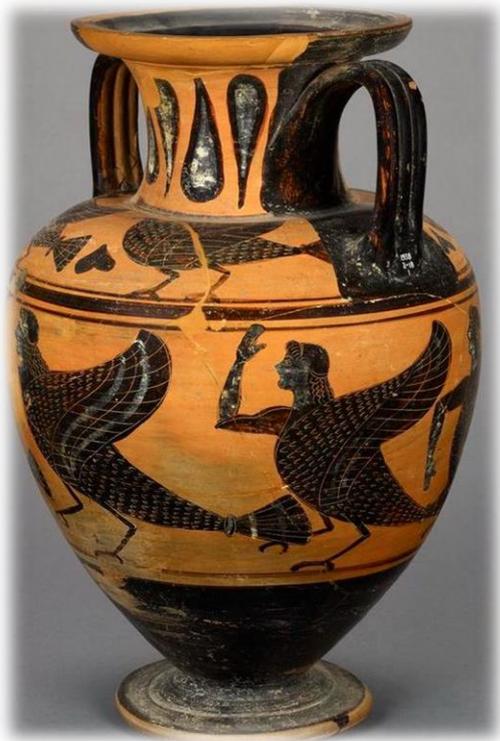

нашей сцене, зря что ли театр строили, не своим же артистам там выступать.

Происходит какой-то полный развал театра, уровень мастерства снижается. Худрук и его команда продвигают только приближенных исполнителей, Дарья Антоновна мужем выведена из корды и туда ее педагоги загнать уже не могут, говорит, что она – «корифейка». Повсюду суют старых толстых подруг и однокурсниц, не имеющих ни школы, ни стиля, отодвигая даже лауреаток международных конкурсов. Дарья сама участвует в формировании составов на спектакли, поэтому все, что вы видите — это и ее рук дело.

В театре теперь можно человека не имеющего высшего образования, обучающуюся только на первом курсе института, не имеющую никаких выдающихся способностей — назначить зам.зав.труппой и наделить властью, соответствующей не ее скромной должности, а лишь понятию «царица небесная».

Сам директор практически не посещает спектакли, смотрит их по телевизору в кабинете и только в конце прибегает для обозначения присутствия. Основная часть его времени занимает работа — устройство приближенных артистов по различным халтурам. Всем известно, через какую организацию все это проходит. Люди пришедшие смешали частный бизнес с государственной работой, теперь их задача выдавить «балеруна Колю» из театра, чтобы никто не мешал заниматься бизнесом.

— Что тебе сказать, Антон? Вот ты уже на сумеречной стороне! – сказал Лев Иванович, поднимаясь со скамьи и всем видом показывая, что разговор их подошел к концу. – А ты помнишь нашу первую встречу? Я тебе тогда сказал одну мысль, но ты ведь ее и сейчас до конца не осознал. То, что происходит в реальности – лишь слабое отражение того, что происходит на сумеречной стороне. Можно выдавить из театра «балеруна Колю», но чем придется за это заплатить... большой вопрос. Ты уверен, что цена вопроса тебя лично устроит?..

13. Эвтерпа

Johann Heinrich Tischbein. Euterpe

*Пришла и села. Счастлив и тревожен,
Ласкательный твой повторяю стих;
И если дар мой пред тобой ничтожен,
То ревностью не ниже я других.*

*Заботливо храня твою свободу,
Непосвященных я к тебе не звал,
И рабскому их буйству я в угоду
Твоих речей не осквернял.*

*Всё та же ты, заветная святыня,
На облаке, незримая земле,
В венце из звезд, нетленная богиня,
С задумчивой улыбкой на челе.*

Афанасий Фет «К музе»

Лариса Петровна была девочкой, отнюдь, не скромной, в том смысле, что всегда знала себе цену, полагала себя существом необыкновенным и незаурядным. С возрастом появилась у неё даже присказка: «Я не страдаю манией величия, я ею наслаждаюсь». На замечания сверстников о том, что она – «выскочка», и хорошо бы ей «стать как все», она лишь закатывала глаза на вполне заурядном личике, необыкновенным на котором было чрезвычайно заносчивое выражение. Такое выражение у неё появлялось всегда, когда одноклассники, а позднее и сокурсники просили у нее списать домашнее задание.

От этих просьб Лариса Петровна еще глубже убеждалась в собственной уникальности и все дальше отдалялась от коллектива, где ее с трудом терпели, зная о том, что рано или поздно каждому придется попросить у нее что-то списать. В конце концов, окружающие поняли, что мания величия белобрысой девицы небольшого роста вполне простительна, так как из нее в сложной ситуации можно извлечь пользу. И она нисколько не возражала, когда за своей спиной слышала банальности вроде: «Каждый сходит с ума по своему!» Все, кто отваживался это произнести в лицо, получали саркастический ответ: «А вам и сходить не с чего!», заключавший в себе жестокую правду.

Впоследствии Лариса Петровна вполне оценила то время, в котором произошло, так сказать, ее становление. Никто не мешал ей развиваться в различные стороны, а сама система образования этому только способствовала. Подготовка к олимпиадам и разным конкурсам стала для Ларисы Петровны с четвертого класса наиболее любимым способом развития личности. Правда, никто из учителей и завучей, вручавших Ларисе Петровне очередную грамоту за углубленное освоение предметов, не догадывались, чем с некоторых пор стала маяться эта юная целеустремленная особа.

Каждый хочет того, чего у него нет и никогда не будет. А Лариса Петровна по натуре была весьма воинственной особой. В пионерском лагере она однажды видела, как девочки дерутся с мальчиками. Ее, конечно, на подобное развлечение не пригласили. Поэтому все последующие успехи Ларисы Петровны на ниве образования были чем-то вроде так и нереализованного желания звездануть кому-нибудь книжкой по лбу.

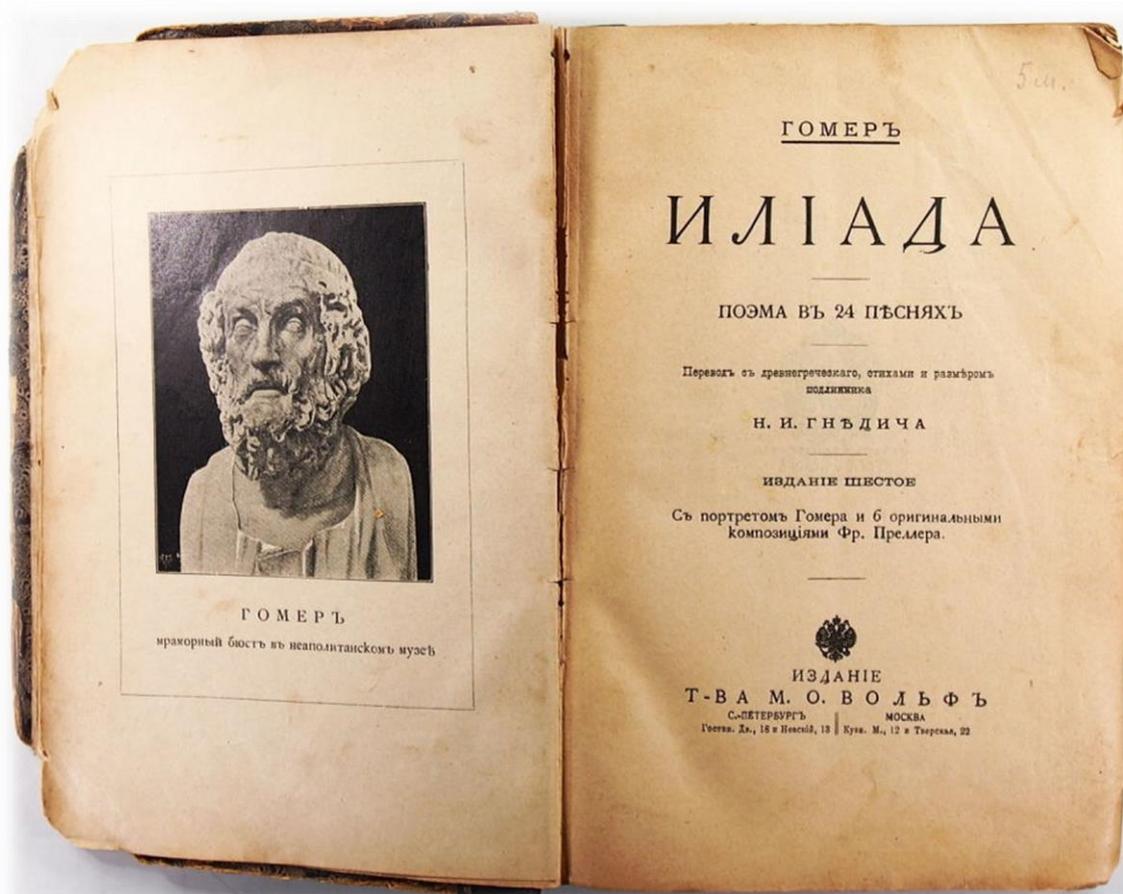
У ее папы была книжка, в которой больше всего содержалось того, к чему тянулась душа Ларисы Петровны, но от чего ее тщательно оберегала мама. Книга так и называлась — «Книга будущих командиров». Нельзя сказать, что в доме было много книг. Еще в садике, как только она научилась читать, Лариса Петровна узнала другое название книг — «дефицит». И очень радовалась, что книга

1946 года издания была у них прямо в доме, и за ней не надо было идти в библиотеку.

Однажды она с этой книгой явилась в школу, чтобы дочитать про Марафонскую битву. Крестовые походы, тактику европейских рыцарей, завоевания Наполеона и Сталинградскую битву она тщательно проработала раньше. Учительница по истории изъяла у нее книгу, поскольку Лариса Петровна неосторожно продолжила чтение на уроке. Она внимательно посмотрела на «всезнайку», как дразнили её в четвертом классе, и сказала, что это еще рановато читать, историю Древней Греции проходят в пятом классе. Но она пообещала Ларисе Петровне в качестве самостоятельной подготовки к античной истории принести книжку Гомера и мифы, если она будет хорошо себя вести.

Последнее условие немного остудило пылкую благодарность Ларисы Петровны, но после она нисколько не жалела о том, что целую неделю прилежно ходила строем, собирала металлолом и не занималась на уроках ничем посторонним.

Ее секрет в освоении новых знаний был предельно прост – перед самими знаниями она вначале овладевала методикой их освоения. Даже на физкультуре Лариса Петровна, стоявшая по росту на последнем месте, брала

завидную для многих высоких одноклассников высоту, поскольку правильно усвоила методику прыжка. Большинство ее сверстников предпочитали сразу переходить к практике, не считая нужным прорабатывать теорию и методику практических упражнений. После их ставили в тупик и самые простые задания, поскольку они не давали себе труда выстроить строгую систему знаний, тогда как Лариса Петровна делала это с девичьей тщательностью и старанием.

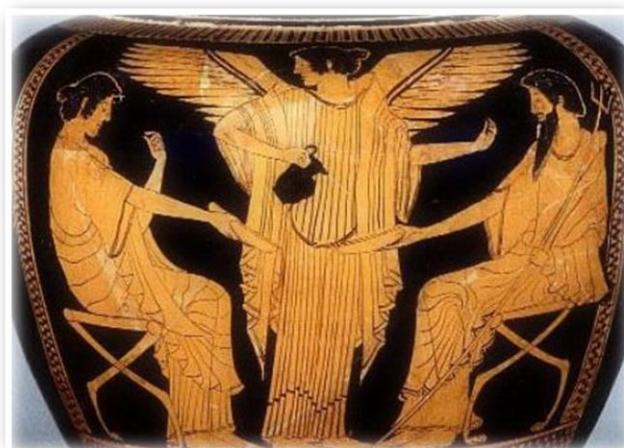

Поэтому в древнегреческих книжках ее сразу поразило, насколько мощно были проработаны в античности вопросы самой методики творчества. Героизм, совершение подвига – греки тоже относили к разновидности творчества, что особенно импонировало Ларисе Петровне.

Конечно, она сразу же выделила у Гомера и Гесиода утверждение о прямой связи творчества с особыми богинями, музами. Каждый из них обращался к музе или к музам, в начале своих произведений с просьбой поведать о конкретных событиях, воспеть героя или бога. Лариса Петровна несколько раз пересчитала, выяснив, что на протяжении всей поэмы «Илиада» Гомер четырежды обращался за помощью к музам как единому сообществу, один раз — просто к музе, а еще один раз – как к богине, под которой точно имел в виду именно музу.

Причем, он явно хорошо знал тех, о ком так часто упоминал. Для него муза была не просто богиня со своими интересами, она была чем-то гораздо большим, почти им самим. Он утверждал, что только музам ведома истина, а люди лишь слышат молву.

Тщательно проработав вопрос с музами Гомера, Лариса Петровна выяснила, что чисто в религиозном плане он выделяет и олимпийских муз, дочерей Зевса, — и архаических муз, дочерей Геи и Урана. Во времена Гомера люди еще не вполне отошли от «старой веры», где муз возглавлял истовый и неудержимый Дионис Мусaget, тоже вошедший потом в новый пантеон богов как сын Зевса. Но вот о матери олимпийских муз поэт ни разу не упоминал, поскольку лишь спустя несколько веков после

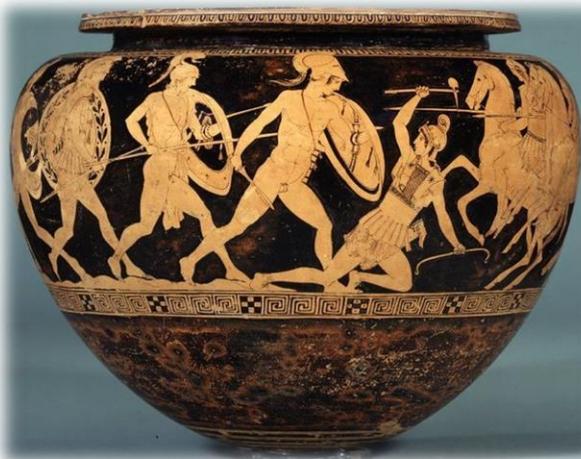
него люди окончательно решили, что матерью этих муз была богиня памяти — Мнемозина.

Несмотря на то, что Гомер достаточно официально, используя формульные титулы, общался к музам, Лариса Петровна не могла отмахнуться от ощущения, будто он обращается к самому себе, ставшему чем-то вроде живого вместилища музыки. Чаще всего он призывал их в тех случаях, когда возникала необходимость в большом объеме информации: при перечислении кораблей, героев, порядке их выступления. И то, как он просил у муз не столько поэтического вдохновения, а конкретной информации, — было

больше похоже, будто он заклинает не подвести его... собственную память, истинный источник своего вдохновения.

От дотошного внимания Ларисы Петровны не ускользнуло, что сам поэт присутствовал в поэме исключительно в обращениях к Музам, причем, в достаточно вольных обращениях — «расскажите мне, расскажи мне», будто подстегивал самого себя.

*Всех же бойцов рядовых не могу ни назвать, ни исчислить,
Если бы десять имел языков я и десять гортаней,
Если б имел неслабеющий голос и медные перси;
Разве, небесные Музы, Кронида великого дочери,
Вы бы напомнили всех, приходивших под Трою ахеян.
Только вождей корабельных и все корабли я исчислю.*

Homer and his Guide 1874 — Вильям Адольф Бугро

«Неслабеющий голос и медные перси» — вовсе не были обращены исключительно к женщине, как сообразила Лариса Петровна. Это было одинаково необходимо как для продолжительной громкой речи, так и для пения. Ведь поэма и была разбита на песни, часть ее вообще исполнялась нараспев, речитативом. Слепому Гомеру, зарабатывавшему свой хлеб чтением своих произведений вслух, — был остро необходим «неслабеющий голос». Применительно к себе Гомер использовал глаголы со значением «говорить, рассказывать», оставляя для муз лишь одну функцию — напоминания. Получалось, что при обожествлении муз, сам поэт был вовсе уж не так беспомощен в своем творчестве, и даже не так уж несведущ, если нуждался только в напоминании.

На личике Ларисы Петровны появилось заносчивое выражение, означавшее, что она вплотную подошла к раскрытию чужой тайны. Что-что, а выводы она

делать умела. После этого она лишь презрительно хмыкала на беспомощные замечания какого-то профессора-филолога во вступительной статье: «Судить о взаимоотношениях Муз и поэта, его самосознании и положении в обществе по данным «Илиады» — достаточно сложно».

После своей «командирской книжки» Лариса Петровна по таким поводам вносила короткое резюме: «Учите матчасть!» при чтении любых филологических исследований. Она твердо решила никогда не становиться филологом, ведь эти люди, по ее мнению, в ходе профессиональной подготовки навсегда теряли способность замечать очевидное.

К тому же, они не всегда знали, где остановиться, теряя чувство меры, переступая грани дозволенного. Несмотря на то, что к своему поэтическому дару Гомер обращался, как к временному вместилищу музыки, он не допускал и малейшего неуважения и панибратства на «короткой ноге» к этой части своей природы. Возможно, многие его современники могли счесть это обычной заносчивостью ничтожного слепого старика, способного полностью подчинить чужое воображение своему рассказу и через века после своей физической смерти. Но Лариса Петровна понимала, что вопрос об отношении к «дыханию муз» намного сложнее.

Она внимательно перечла эпизод встречи муз с Фамиром Фракийским. Этот известный певец похвалялся, будто превосходит их своими песнями.

В его хвастовстве заключался намного более глубокий смысл, чем сказка об удивительной встрече певца с божественными аллегориями творческих сил человеческой души. Фамир считал, что всем этим силам он обязан лишь себе самому. Он и мысли не допуская, что может затронуть чужую душу своей песней,

как бы заранее отказывая своим слушателям в наличии души и способности испытывать высокие чувства. Вряд ли он понимал, что любой певец, взывая к музам, — становится их временным пристанищем. Несмотря на то, что от природы он обладал удивительными способностями к музицированию, душою он бы слеп. Возможно, потому, что не стремился замечать других.

Ларисе Петровне показалось абсолютно естественным то суровое наказание наглецу: он был ослеплен и лишен песенного дара и искусства играть на кифаре. Столь высокая самооценка певца и ее скорбные последствия —

приводились Гомером не только в назидание смертным и как противоядие от человеческой гордыни.

Лариса Петровна истолковала этот эпизод гораздо шире. По ее мнению, Фамир Фракийский заявил, будто может творить без муз вообще, что сам по себе хорош, а его слушателям – «и так сойдет». Она поняла, что музы защищали тех, кто не просто добивался личной славы, но стремился своим искусством сделать мир лучше. Однако, поддерживая и вдохновляя тех, кто следовал высоким творческим задачам, музы безжалостно расправлялись с теми, кто утверждал, будто в искусстве можно обойтись и без них, без их высоких целей и божественного дыхания.

Пока Лариса Петровна осваивала методики, выясняла, кто такой Гомер, читала командирские книги и постигала новые знания и навыки, ее мама, в точности такая же въедливая дама небольшого ростика со своей методикой на каждый бытовой случай, — вытурила ее папу... на волю. Развелись родители мирно и, как показалось Ларисе Петровне, даже с обоюдным облегчением. По этой причине они даже перестали ссориться шепотом, восстановили дружеские отношения и самым мирным тоном разговаривали по телефону, обсуждая посадку картошки на участках, выделенных заводом.

Они будто переживали новый виток взаимного уважения и человеческого интереса, обмениваясь книгами и впечатлениями о концертах заезжих знаменитостей. Им сейчас было настолько комфортно дружить на расстоянии, что ни папе, ни маме даже не пришло в голову поинтересоваться мнением Ларисы Петровны по поводу происходящего. Свои стычки они и раньше держали от нее втайне, да она и не думала, что взрослые, да еще ее папа и мама – могут ссориться, так и не освоив методику совместного проживания.

И теперь, после развода, мама, испытывая к папе нечто вроде благодарности и признательности, всем соседкам говорила про папу: «Мы же не чужие люди друг другу, у нас дочь растет!» А дочери она периодически напоминала, что единственным дочерям надо почаще навещать папу. А поскольку папа, в основном, был на работе, а иногда оставался там и ночевать (с чего, собственно, и начались мамины претензии к его личности и образу жизни, несовместимому со статусом женатого мужчины), Лариса Петровна навещала своего папу прямо на заводе, где он был главным начальником.

На работе папы было всегда очень интересно, хотя его самого Лариса Петровна редко заставляла на месте, он был почти всегда очень занят. Зато у него была секретарша — миниатюрная взрослая и очень милая женщина, у которой была пара своих детишек, поэтому она с большим терпением и умением общалась с Ларисой Петровной, как со взрослой. Она научила Лариску печатать на машинке. Это было так ново, здорово и необыкновенно!

Лариса Петровна взяла в заводской библиотеке на папин абонемент книжку по десятипальцевому методу печати и потом показала секретарше некоторые приемы, которыми та поделилась и с секретаршами других отделов. И после этого на папином заводе у Ларисы Петровны начала появляться репутация, о которой ей, очень тактично намекала папина секретарша.

Спустя годы, правильно усвоенные практические навыки позволили Ларисе Петровне подрабатывать в студенчестве на кафедре, где она перепечатывала чьи-то диссертации, и ее работа очень высоко ценилась. Но это было немудрено! В ожидании папы, Лариса Петровна перепечатала себе лично «Илиаду» и «Одиссею» Гомера, а потом переплела их тут же на заводе в местной типографии, где

изготавливались отчеты и юбилейные папки. И это окончательно закрепило ее репутацию «папиной дочки», способной совершать чудеса «производительности труда».

Когда печатная машинка была занята, Лариса Петровна отправлялась в бухгалтерию. Тамошние мрачные девушки давали ей разлиновывать формы отчетности, в которые им ежедневно надо было вносить важные цифры столбиком. Когда репутация Ларисы Петровны закрепилась и в бухгалтерии, девушки научили ее пользоваться арифмометром с эбонитовой ручкой. Зажав цифры линейкой, они кричали их из разных концов комнаты, а Лариса Петровна крутила ручку арифмометра и орала в ответ готовую сумму, пока ее не забирал из бухгалтерии папа.

Filippino Lippi Allegory Of Music (The Muse Erato).

Дом, в котором Лариса Петровна осталась жить вместе с мамой, стоял в центре города. Он был деревянным, с тщательно отесанными брусьями, с печным отоплением. Дом бы построен в войну пленными немцами, поэтому на нем лежал какой-то неуловимый «заграничный отпечаток», не вязавшийся с той жизнью, которой жил вокруг мрачный городок при огромном заводе. В каждой огромной квартире с длинным коридором, заставленным детскими колясками, велосипедами, импровизированными гардеробами и старыми шкафами, жило по три семьи.

И на эту жизнь дом тоже каким-то образом накладывал отпечаток уюта и особой домовитости. В доме с деревянными резными перилами пахло липовым чаем и малиновым вареньем, а в городе такие дома называли по-старинному – «особняками». Вокруг росли большие деревья, и летом весь большой двор утопал в зеленом шатре их раскидистых крон. Огромную клумбу посреди двора соседи радостно засаживали и облагораживали каждую весною, доверяя Ларисе Петровне красить лавочки возле клумбы. При хорошей погоде на лавочках во дворе собирались все соседи, поэтому Ларисе Петровне, никогда не хватало на них места. Она сидела дома с самодельной книжкой Гомера на подоконнике, свесив ноги наружу, за что ее постоянно пилила мама.

*Б.М. Кустодиев, Портрет Марии Плотниковой,
урожденной Смирновой, девушка в голубом*

После Гомера Лариса Петровна считала ниже своего достоинства ходить в кино на несодержательные фильмы о современной жизни. Производительности труда ей хватало и на папином заводе, а в любовь она верила лишь в самом возвышенном антураже исторических постановок. Вместо кино она решила осваивать музеи. Их в городе было целых два: один на папином заводе — о трудовой славе, а другой — краеведческий.

Краеведческий музей был раньше домом губернатора города, он стоял в маленьком запущенном парке, а за ним были замечательные качели, куда папа иногда в детстве водил ее качаться, если у него был не конец квартала. Он всякий раз поражался, сколько можно раскачиваться, и как ей не надоест. Мол, в автобусе девочку без приключений не провезешь, её укачивает, а на качелях — никаких проблем с головою.

В самом музее пахло как-то необычно, наверное, чем-то натирали паркет. Картины Ларисе Петровне не понравились, они несли мало познавательной информации.

На них изображалась либо природа с подтекстом любви к родному краю, либо натюрморты без всякого подтекста. Натюрморты совершенно некстати вызывали аппетит, но Лариса Петровна стеснялась есть в музее, хотя всегда в музейные походы захватывала с собой бутерброд с сыром.

По-настоящему ее заинтересовал в музее лишь один портрет девушки в полный рост с волосами, перевязанными голубой лентой, в голубом же платье с чайной розой в руках. Много лет спустя Лариса Петровна выяснила, что это было платье-буль. Экскурсовод пояснила, что на портрете изображена дочь

хозяина дома, которую заезжий художник избрал своей музой. Лариса Петровна так и поняла, что этот художник потом женился на своей музе.

Экскурсовод ей пояснила, что «муза» переводится с древнегреческого как «разумная», а музей – еще в Древней Греции считался жилищем муз. Но, глядя на старую мебель и облупившиеся стены, Лариса Петровна иногда казалось, что музей больше похож на кладбище навсегда ушедших времен, чьих-то несбывшихся надежд, всех муз вместе взятых.

На шее девушки с портрета висела странная камешка на бирюзовой бархатной ленте. Через два года Лариса Петровна, уже став постоянной посетительницей всех музейных экспозиций, набралась смелости и поинтересовалась, что же за странное украшение изобразил художник на шее своей избранницы.

Пожилая дама, директор этого музея рассказала ей, что девушка вышла замуж и уехала из их города в Санкт-Петербург. А на ее камешке была изображена гарпия, мифическая женщина-птица с мохнатыми толстыми лапами. И таких изображений всего три во всем мире, поскольку обычно гарпии изображаются с огромными птичьими лапами. По преданию, эта камешка могла помочь своему обладателю увидеть гарпий, которые будто бы никуда не исчезли. Если несколько тысячелетий люди твердо знали, что гарпии бессмертны, с какой стати им исчезать лишь потому, что люди, проявляя извечное непостоянство, перестали в них верить?

Директриса показала Ларисе Петровне несколько сохранившихся писем девушки родным, где та поздравляла их со Святками, Рождеством и Пасхой. В письмах рассказывалось, как растут двое ее детей, как живут в Санкт-Петербурге их общие знакомые. Постепенно тон писем становился все тревожнее, а в последних письмах девятнадцатого года звучала обреченность и смирение перед судьбой. Дети и муж девушки с портрета погибли, а она сама дважды видела гарпий, круживших над темным городом. В последнем письме девушка прощалась навсегда с оставшейся в живых няней и извинялась, что никогда не сможет вернуться в город и навестить могилу родителей.

Директор музея и не подозревала, что своим рассказом подстегнула почти заснувшее увлечение древнегреческой мифологией их юной посетительницы. Лариса Петровна поинтересовалась, что же стало потом с этой девушкой с портрета? И директриса ответила, что по их данным, дочь градоначальника пережила революцию, гражданскую войну, но вряд ли смогла пережить блокаду.

После войны так и не удалось ее найти, хотя прежняя директор музея в середине пятидесятых годов пыталась навести о ней справки, считая, что та могла дать ценные краеведческие сведения. И ей тогда должно было быть уже около семидесяти лет, а в таком возрасте люди гораздо лучше помнят

прошлое, понимая, сколько бесценных мгновений бытия кануло в Лету безвозвратно.

...Лариса Петровна выросла в странную девушку, которая приковывала взгляд любого, кто хотя бы раз видел иллюстрации картин Сандро Боттичелли. В ней было что-то от его Весны, одной из граций, Афины... С прекрасными бесплотными моделями Боттичелли ее роднило и отсутствующее грустное выражение, появившееся у нее в десятом классе после похорон отца.

Сандро Боттичелли «Весна»

Папа сгорел очень быстро. После какого-то обязательного медосмотра папу оставили в больнице. Он в растерянности позвонил маме, которая в назидательном тоне заметила, что ему действительно давно пора полечиться и «полностью обследоваться». Но на следующий день, отправившись проведать бывшего мужа с домашними разносолами, она пришла с белым лицом, в спутанном платке и кое-как застегнутом пальто, что совершенно не вязалось с ее культом чистоты и аккуратности. Врач отозвал ее в ординаторскую и честно сказал, что у папы – неоперабельный рак.

Мама перевезла папу из больницы домой, заверив его, что дела идут на поправку, просто поправляться с такими делами все-таки лучше дома. Через три месяца папа умер. Из этих трех месяцев в памяти остались только запах лекарств и постоянное шипение металлического футляра, где кипятились шприцы. Лариса Петровна бросалась то в магазин, то в аптеку. Все три месяца она с мамой качались на этих жутких качелях, когда надежда на чудо вдруг

пронзала ее от макушки до пяток, и казалось, будто все кошмары уже позади. Но приговор врача так и остался окончательным, все так же горел огонек ночника, все так же она всхлипывала от стонов папы, слушала успокаивающий шепот мамы и ее тихий плач над корытом с простынями и наволочками.

На похоронах соседки под руки вели по их тенистому переулку заплаканную маму, пытавшуюся всем объяснить, что Петеньке она – не чужая. Девушки из бухгалтерии выбили им с мамой заводскую «Волгу» и помощь от профкома, а папина секретарь дотащила до «Волги» маму, рвавшуюся устроиться в грузовом фургоне возле папиного гроба, обитого красным кумачом. И, глядя на сосны, обрамлявшие городское кладбище, Лариса Петровна твердо решила выучиться на инженера, чтобы стать как ее папа.

Она методически перерывала всю справочную литературу в помощь поступающим в вузы, когда случайно увидела в мамином журнале «Работница» статью, называвшуюся «Мифическая девушка». Ни о каких древнегреческих мифах в статье не рассказывалось, просто девушка, о которой была написана статья, закончила в Москве вуз, называвшийся «МИФИ».

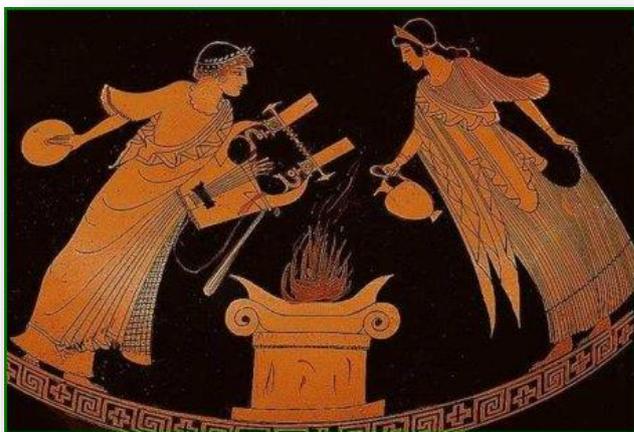
Участь Ларисы Петровны была решена. Получив аттестат зрелости, она собрала маленький чемодан, с которым ездил в пионерские лагеря от папиного завода и, наскоро попрощавшись с окончательно растерявшейся мамой, тем не менее, успевшей ей за ночь сшить бостоновую юбку, — отправилась становиться мифической девушкой.

...Получив после первой сессии повышенную стипендию, Лариса Петровна решила весь семестр методически изучать репертуар московских театров, тут же столкнувшись с проблемой приобретения билетов. Через непродолжительное время она выяснила, что довольно легко можно попасть только в Театр Советской Армии, в Кремлевский Дворец Съездов и на оперетту. Из всех мест, куда ее пускали без особых проблем, больше всего ей понравилось в Кремлевском Дворце Съездов. Кроме зрелищ, там подавали

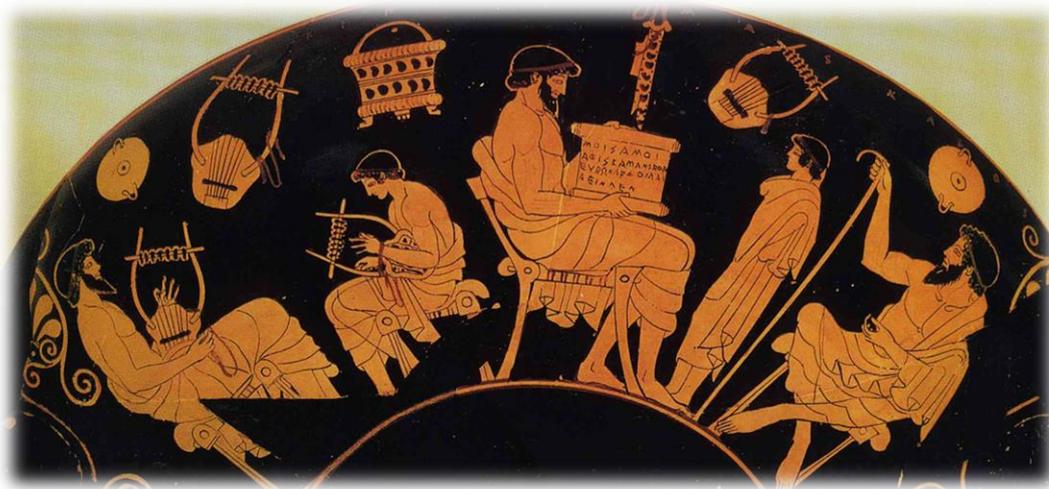
шампанское и жюльен в буфете. Иногда там можно было прикупить с лотка нечто прекрасное, вроде туши для ресниц «Луи Филипп».

В середине второго семестра она попала на слет первокурсников с подшефной группой. На слете она чинно сидела у костра с кружкой чая среди одних девчонок и дико скучала. И так бы погибла в расцвете молодых лет, если бы к ним случайно не забрели «на огонек» два юноши с гитарой. Их репертуара хватило на всю ночь, а все юные девы, включая Ларису Петровну, были поражены и впечатлены, наконец-то вполне насытившись художественными впечатлениями. При первых аккордах Лариса Петровна поняла, что мужское пение – это ее истинная слабость.

Всю ночь ей казалось, будто молодые люди поют только ей и лишь для нее. Они глядели ей в лицо, слово искали только ее одобрения. Она с удовольствием кивала им и первой хлопала в ладоши, ей хотелось, чтобы эта ночь длилась и длилась. Но под утро эти сирены в мужском обличье испарились, даже не представившись...

Детское увлечение Гомером тут же ударило в борт ее суденышка восторженной волной «Одиссеи», где особое место уделялось таким вот аэдам, певцам-мужчинам, исполнителям поэм и сказаний. Тут-то она поняла, что на самом деле ее так влекло к слепому певцу. И на какое мгновение ей даже показалось, что из старой самодельной книжки Гомер через века обращается только к ней, как к своей музе.

Она вспомнила, что именно в «Одиссее» впервые появлялись все девять муз, хотя раньше их число либо не уточнялось, либо было гораздо меньше. Одиссей, ни разу не обращаясь к музам, будучи героем, а не аэдом.

А один из героев «Одиссеи» аэд Демодок, хотя и не призывал муз, но был тесно связан с музами и Аполлоном: *«Его возлюбила Муза и наделила благом и злом – зрения ведь лишила, дала же сладостную песнь»*. Демодок – лирический герой поэмы, которого муза лирической поэзии вдохновила воспеть славу мужей, выбрав из известной до небес песни отрывок о распре Ахилла и Одиссея. Гомер же утверждал, что песенный дар Демодок получил от бога: *«Благосклонный к нему бог даровал ему пророческую песнь»*, и все свои песни аэд начинал, «вдохновленный богом».

Ларисе Петровне стал интересен этот момент – кто же вдохновлял столь полюбившихся ей аэдов? Точка зрения Гомера ее не устраивала расплывчатой неопределенностью. Песенный дар не был обычным даром. По мнению Одиссея, восхищенного пением Демодока, это муза обучила поэта песням, а возможно, и сам Аполлон.

Ей показалось, что Аполлон упоминается в поэмах Гомера как вежливый и уже обязательный реверанс – всем олимпийским божествам нового пантеона. Она выделила для себя музу лирической поэзии, благосклонную к «племени аэдов», которых сама учила песням. Первые упоминания о необходимости методически осваивать приемы классического искусства связывались именно с этой музой по имени Эвтерпа.

Высшая же степень мастерства, которой достиг Демодок, была возможна лишь при обучении у нее или у самого Аполлона. Аэд вовсе не выступал «орудием божества», диктующего ему песнь, он был избранником и учеником музы.

Можно было остановиться на двух главных ингредиентах творчества: божественном даре и собственном мастерстве, приобретенном в обучении. Однако с этим спорили другие стихи поэмы, где наряду с необходимостью таланта как дара богов, длительного сложного обучения – выдвигалась еще одно условие творчества – постоянное совершенствование в тренировках, обретение зрелости и опыта. Причем, поэтический дар лирической поэзии ставился в один ряд с военным искусством, пляской, игрой на кифаре и собственно пением: *«ведь бог одного одаряет военным искусством, другого –*

пляской, третьего – кифарой и песней». Она несколько раз перечла сравнение опробующего свой лук Одиссея с человеком, настраивающим музыкальный инструмент перед выступлением, где еще раз подчеркивалась важность опыта и мастерства. И с точки зрения Ларисы Петровны, эти важные качества могли быть привиты на всю жизнь лишь правильной методикой обучения.

В «Одиссее» аэд представлялся не просто человеком «нужной профессии», но своим, столь же необходимым, как врач или строитель.

Приглашает ли кто человека чужого

В дом свой без нужды? Лишь тех приглашают, кто нужен на дело:

Или гадателей, или врачей, иль искусников зодчих,

Или певцов, утешающих душу божественным словом...

Читая эти строки, Лариса Петровна всегда вспоминала слет первокурсников, где умирала от тоски до тех пор, пока не явились аэды с гитарами. И уж чтобы окончательно утешить душу, она записалась в «Клуб самодеятельной песни», потому что у девочек в комнате была гитара, а их вахтерша показывала аккорды скучавшим под ее присмотром девицам.

Правда, в клубе мало кто ценил аэдские страдания Ларисы Петровны, тут же решившей повторить подвиг Гомера. Но некоторые песни о пророческом даре аэдов и их близости к музам – были восприняты тепло, а многие молодые аэды, хоть и смущались пылкости новоявленной коллеги, будто бы даже растрогались от ее тоненькогоголоска, которым она воспевала всех членов приютившего ее клуба.

Всем на обильной земле обитающим людям любезны,

Всеми высоко честимы певцы; их сама научила

Пению муза; ей мило певцов благородное племя

После этих вечеров ее частенько провожал их замечательный баритон, с которым они еще долго брэнчали на гитаре и пели перед вахтой. Лариса Петровна, ни минуты не сомневаясь, сразу ответила ему согласием, когда после защиты диплома молодой человек предложил ей руку и сердце, понимая, что может навсегда лишиться самой преданной поклонницы своего волнующего баритона.

Соседки по комнате считали, будто Лариса Петровна польстилась московской пропиской. А сам ее избранник искренне полагал, что покорила ее сердце своим пением. На самом деле он навсегда ее пленил еще на третьем курсе, когда они всем клубом отправились на какую-то замерзшую в лесу дачу. Лариса Петровна тогда с ужасом поняла, что и сама навсегда там замерзнет, как тот клен обледенелый, про который они пели хором. Именно тогда их

баритон нисколько не растерялся и

куда больше своего пения потряс воображение девушки умением растапливать русскую печь и варить в ней потрясающе вкусную гречневую кашу из пакетиков.

Кто сказал, что через желудок можно найти путь только к сердцу мужчины? Сердце Ларисы Петровны расцветало, а душа согревалась, как только она замечала, что на заседания клуба ее аэд приходил из дому не с пустыми руками. Из пластиковой кошельки призывно торчало горлышко красенького возле каких-то кастрюлек, завернутых

газеткой. После картошечки, сохранявшей тепло в его импровизированном термосе из полотенца и газет, вприкуску с малосольным огурчиком, селедочкой, замаринованной с лучком и перчиком – Ларисе Петровне было особенно приятно громко петь про обледеневшие клены под метелью белой.

Вахтерша их не только не прогоняла, но каждый раз пыталась наставить жилицу на путь истинный: «Ты смотри, Петровна, какой правильный мужчина! Такие на дороге не валяются! Да и ты возле такого ухажера вся расцветаешь, а ведь когда аккордам училась, смотреть не на что было!

Сморчок сморчком! А нынче-то после домашнего питания – так ведь есть на что посмотреть! А как поет... как поет, шельма!»

Серая спичка/John Singer Sargent (1856-1925).

Уже после замужества ее любимый баритон рассказал о случайном разговоре с приятелем о пользе домашнего питания. Муж ее стоял на автобусной остановке с рюкзаком за спиной, загруженным мясом с близлежащего мясокомбината. И перед самым приходом автобуса подбежал его давний знакомый, тоже недавно женившийся. Поэтому всю поездку на четыре остановки до дому они захлеб делились впечатлениями от семейной жизни.

Приятель пожаловался, что его жена увлеклась вегетарианством, поэтому дома они почти не едят, он, собственно, к матери поужинать ездил, дома все равно шаром покати, холодильник пустой, ничего нет, кроме вареной свеклы.

Ларкин муж смотрел на исхудавшего, недовольного жизнью друга круглыми глазами, заметив, что тот мог бы и сам купить мяса, а не закладывать жену перед свекровью. С трудом проталкиваясь к выходу с рюкзаком, он на прощание пробормотал другу, что если он сам сейчас не принесет Лариске мяса, она его на ужин сожрет. А если теща приедет и борща в доме не обнаружит, то будет неделю пилить их обоих за «вегетарианство».

Детские и юношеские порывы к искусству у Ларисы Петровны были надолго прерваны её замужеством, переездом с одной съемной квартиры на другую и судорожными поисками работы. Она уже неоднократно пожалела о московской прописке своего мужа, потому что одна дорога «работа-дом» начала поглощать существенную часть ее жизни. В прошлое уходили не только ее милые шатания под обледеневшими кленами, увлечение Гомером и пение под гитару, иногда Ларисе Петровне казалось, что от всей ее жизни остались прогоны до одних и тех же автобусных остановок с мучительными пересадками.

Но домой каждый из супругов старался тащить что-то непременно вкусное, чтобы порадовать свою половинку. На появившихся книжных развалах они купили «в семью» несколько роскошных поваренных книг 50-х годов и старались почаще удивлять друг друга вкусным кусочком, что в целом

скрашивало все сложности их совместного быта между двумя пересадками «с работы домой».

Однажды она увидела объявление в метро о наборе дикторов телевидения, и, твердо решив наполнить свою жизнь тем смыслом, к которому стремилась с детства, отправилась покорять голубые экраны страны. Она попала в самый последний набор на Всесоюзные курсы повышения квалификации работников телевидения, накануне разрушения СССР. Закончив курсы, она начала работать в блоках утренних программ, которые смотрели пенсионеры и домашние хозяйки.

В Ларисе Петровне бурлили творческие силы, поэтому она постоянно просилась диктором в новостные программы, втайне мечтая стать ведущей ток-шоу, которые набирали в то время огромную популярность. Но, глядя на ее

лучившуюся уютом и банальным семейным счастьем физиономию, ей мягко отказывали, выбирая для новостей стержовых... вегетарианок.

Муж, по поводу ее появления «в телевизоре», дразнился дома – «Огородные новости», поскольку ей все чаще приходилось записывать передачи в свитере и сапогах на садовых участках преподавателей сельскохозяйственной академии имени Тимирязева. Ларисе Петровне, никогда в жизни не копавшейся в собственном огороде, пришлось детально и методично прорабатывать каждую сказанную фразу так, как она никогда не считала нужным трудиться над более точными науками. В конце концов, овощные культуры, а в особенности огурцы, стали для нее настолько родными и близкими, что она часто задумывалась, насколько это полезная культура земледелия, раз так помогает не замерзнуть обледеневшим кленом их маленькой семье.

А потом у них случилось тихое ласковое счастье – вынашивание и рождение дочери. На ней сразу же сосредоточился весь мир Ларисы Петровны, не понимавшей, как она раньше жила без своего Солнышка.

Почти два года Солнышко была неотъемлемой частью своей мамы, так как счастливая бабушка за одну ночь сшила им удобную сумку-кенгуру. С этой сумкой мама и дочь превратились в какой-то педагогически-биологический симбиоз. Соседи каждый день видели парашютиста: бесформенное создание в красной куртке, перемотанной стропами рюкзака с детским питанием и памперсами, а спереди – лямками сумки-кенгуру с радостно улыбающимся Солнышком.

Однажды в таком виде они повстречались с режиссером известного ток-шоу, который уже к тому времени начал называться иностранным словом «продюсер». Мельком окинув их брезгливым взглядом, он сквозь зубы процедил вместо приветствия, что никогда не сомневался, что в Ларисе Петровне не было никакой «изюминки». Ни одна их ведущая не позволила бы себе бездумно бродить с ребенком на животе, снижая творческий потенциал национального телевидения.

После этой нечаянной и столь же неприятной встречи Лариса Петровна выкроила деньги на покупку прогулочной коляски дочери и даже попыталась немного отдалиться от нее, не сливаясь в одно целое. Вначале она это делала, чтобы как-то повысить творческий потенциал родного телевидения, все больше начинавшего походить на плохую провинциальную пародию американского. Но потом ей стало нравиться смотреть на подраставшую дочь как бы «со стороны», ведь пока та болталась у нее на животе, она никак не могла разглядеть ее всю целиком.

Как могла, она оттягивала момент возвращения на телевидение, от которого не ожидала ничего хорошего. Хотя, находясь в отпуске по уходу за ребенком, она подрабатывала устройством и проведением концертных программ классической музыки. Перезнакомившись со многими музыкантами, жившими впроголодь, она составляла какие-то интересные тематические вечера, стараясь учесть профессиональные возможности и творческие интересы своих новых знакомых. Сама она на сцену, как правило, не выходила, поскольку дополнительно руководила записью концертов на стареньком оборудовании для медленно хиревших государственных каналов радиовещания. Перед каждым концертом оборудование приходилось чинить, поэтому Лариса Петровна всегда носила с собой еще студенческий набор отверток, а среди музыкантов с консерваторским образованием за ней закрепилась прозвище «Инженерша».

На телевидении Лариса Петровна обнаружила, что все места заняты отнюдь не «случайными людьми», все попали не с всесоюзных курсов, а по высокой протекции, которой у нее никогда не было. Ее «Огородные новости» давно превратились в гламурные репортажи о ландшафтной архитектуре на дачных участках известных творческих личностей и политических фигур.

Ларисе Петровне достался небольшой клочок невозделанной пустоши о новостях классического искусства, а ее огородик сузился до крошечных утренних реприз «Зимний сад на подоконнике».

Вместе с тем ее все чаще ангажировали на организацию и проведение программ широкого профиля практически на всех площадках Москвы. Перед ее глазами проносились Кремль, Концертный зал Россия, Большой театр, Колонный зал, Залы консерватории, Концертный зал имени Чайковского, Международный Дом Музыки, МХАТ, Манеж, Метрополь...

После рождения ее Солнышка будто что-то переменилось в отношении к классической музыке. Вместо полупустых залов Лариса Петровна обнаружила заинтересованную публику, жадно впитывающую каждый звук, тонко реагируя на малейшую фальшь. И в то же время она понимала, что большинство музыкантов, которых она старалась достойно представить слушателям, понятия не имеют о гомеровской притче про Фамира Фракийского.

Никаких высоких задач, кроме приземленных материальных интересов они не ставили. На ее телефонные звонки с попыткой объяснить концепцию концерта, принципы составления программы, большинство из них отвечало: «Сколько?..»

Antoine Watteau (1684-1721, France): Квартет (1719)

Она не любила быть с артистами за кулисами, где они обменивались опытом, где и за какую шабашку им заплатили больше, а где их «кинули», даже не накормив. О «высоких задачах искусства» они говорили исключительно на

камеру, если у них брали интервью. Их зауценные однотипные выражения звучали фальшиво, но кого это трогало? Музы давно покинули их «шабашки», «гала» и «сборные солянки». А потому, стоило отойти журналистам от музыкантов, как они с прежней горячностью начинали обмениваться телефонами организаторов концертов, ставя против каждой фамилии его обычную почасовую таксу.

Вначале она думала, что такое отношение – результат длительного пренебрежения высоким искусством, когда люди, собиравшиеся в зрительных залах, просто выживали и спасали семьи. Она думала, что стоит подождать немного – и ее музыканты вернуться к творчеству. Но концерт сменялся концертом, одна площадка сменяла другую, а ее все также отводили в сторонку не для того, чтобы поблагодарить за рассказ о творческих достижениях, а чтобы высказать недовольство низкой оплатой и выяснения, сколько она – «захапала себе за конферанс».

Терпению ее пришел конец, и после одного из концертов она твердо решила поставить на этом точку, понимая, что это уже вовсе не ее история. По наивности она думала, что, сможет реализоваться возле чужих историй из-за невозможности найти себя в выбранной профессии после развала страны. Наступил момент, когда Лариса Петровна поняла, что в суматошной организации чужих концертов и случайных овощных новостях в телевизоре — она вполне может пропустить самое начало истории Солнышка. На минутку представив, как ее дочь будет ходить к ней на работу и сидеть с дежурными операторами или с публикой на записи очередного шоу, слушая в перерывах ворчание о низких почасовых ставках, она решила искать для себя что-то более приземленное.

...Тут она обнаружила, что все эти люди, пенявшие на ее оплывшую после рождения дочки фигуру, слишком заурядную внешность и отсутствие стержневости в характере, — не могут без нее обойтись. Стоило ей написать заявление об уходе с телевидения, как тут же все вспомнили о требованиях телезрителей возобновить нормальное

огородное вещание и внезапно проснувшуюся тягу широкой аудитории к классической музыке. Те самые музыканты, упорнее других выяснявшие, сколько она получает за концерт, звонили ей домой в полном недоумении, обнаружив, что кроме почасовой таксы им хочется быть представленными публике по-человечески.

Ее так долго гнали с ее огородика на подоконнике и радиорубки при «сборных солянках», так долго ей доказывали ее ненужность и несостоятельность, что не могли подобрать слов, после которых она могла бы остаться. Она никогда не имела столько эфира, работая на полную ставку, чем теперь, когда ушла отовсюду. Включив телевизор, она с удивлением обнаруживала повторы своих огородных шоу и записи концертов, будто все дожидались, когда она уйдет, чтобы хоть таким образом оценить ее труд.

Одно известное издательство на волне огородного интереса предложило ей написать книгу о тепличных культурах. Лариса Петровна и не подумала отказываться, твердо уверенная, что лишь она может рассказать об этом интересно и содержательно. Она использовала весь свой методический талант и создала сей труд из серии «Тепличное телевидение». В книге «Помидорчики с окошка» она подробно описала многочисленные сорта и гибриды томатов, дала ценные рекомендации по их возделыванию в открытом грунте и в теплицах, подробно рассмотрела типы культивационных сооружений, минерального питания и удобрения, а также средства защиты растений от вредителей и болезней. Закончив объемное предисловие «для овощеводов-любителей и специалистов сельского хозяйства», она категорически потребовала достойный гонорар, и они всей впервые семьей поехали отдохнуть к морю.

Под ласковый шепот волн, зорко отслеживая активный отдых мужа и дочки, Лариса Петровна думала о том, как ей все же устроить свою жизнь так, чтобы больше никогда не тратить драгоценное время на дорогу с концерта на концерт с набором отверток. Меньше всего ей хотелось писать труд про огурцы и тыквы, о чем ей дважды звонили из издательства.

Волны накатывали ей на выставленные подошвы, солнце старалось подрумянить ее серые щечки и вернуть улыбку, потерянную где-то в вечной автобусной толкотне. И Ларисе Петровне вдруг захотелось заняться чем-то неспешным и рутинным, невероятно скучным и монотонным, чтобы навсегда освободиться от тяжелых раздумий, нервных переживаний, чтобы впредь

отвечать лишь за себя и свою семью, чтобы никому и в голову не пришло допытываться у нее, сколько она берет «за выход».

Под стук колес в поезде, которым они возвращались домой, она окончательно решила осесть в Подмоскovie и найти работу поближе к дому. Засыпая возле разметавшейся во сне дочки, она подумала, что слишком много времени потратила на чужие «творческие достижения» там, где совершенно не ценили не только ее усилия, но и саму возможность творчества. А к ней вообще относились как к пустому месту, воспринимая все, что она делала – как должное. Сколько раз ей в лицо говорили, что она «кормится» у их творчества. Однажды ей как бы в шутку заметили, что она еще должна им всем приплачивать за возможность «вращения в сферах высокого искусства». Странно, что вообще заметили ее уход.

Стараясь не свалиться с полки на давно не мытый пол, она впервые за много лет захотела вновь вернуться к Гомеру, которого считала навсегда забытым и даже «ненастоящим». Смешно было сравнивать, что же дал ей «ненастоящий» Гомер, — с тем, что она получила от своего «вращения в сферах высокого искусства».

Но, подумав обо всем после встречи с теплым и ласковым морем, Лариса Петровна с легкостью отпустила все свои несостоявшиеся надежды, решив надеяться только на лучшее. Она вспомнила, что всегда немножко стыдилась других людей, чувствуя себя невероятно счастливой... на фоне многих других судеб. И в полутьме спавшего вагона ей на минуту показалась ненужной и ненастоящей вся ее «жизнь в искусстве», кроме мамы, ее баритона, Солнышка и Гомера.

Новую работу она себе нашла недалеко от дома, став дежурным системным администратором в банке. Работать приходилось с молодыми неженатыми мужчинами, многие из которых приехали из провинции. Компьютерная техника была им намного привычнее, чем для Ларисы Петровны, не имевшей в то время собственного домашнего компьютера. Почти все ее коллеги еще со школы подрабатывали сборкой компьютеров, а ходить с набором отверток повсюду для них было намного привычнее, чем даже для нее.

У них был свой жаргон, до которого ей не хотелось опускаться, свои интересы и увлечения. Лариса Петровна почувствовала себя полностью изолированной в этой новой среде, где у нее к тому же далеко не все получалось. Впрочем, и ее новые коллеги смотрели, на нее, как на пустое место, но лишь потому, что она была явно «не их романа». В целом же эта новая работа ей понравилась, а сама атмосфера их каморки, набитой знающими себе цену молодыми людьми и компьютерами, показалась ей дружелюбной и открытой. Хотя в целом ее нынешняя скромная должность была слишком далека от мира искусства, куда она так стремилась под влиянием Гомера и обрушения прежних планов на будущее.

Плюсом в новой работе была возможность неограниченного пользования Интернетом, который Лариса Петровна открыла для себя случайно, но тут же ушла в него с головой. Постепенно освоившись с новыми обязанностями, исчерпав первое потрясение Интернетом, она начала интересоваться, чем заняты другие, более продвинутые системные администраторы. Лариса Петровна стала замечать, что иногда ее новые знакомые, забросив все необременительные в тот период обязанности, погружались в чтение свежих публикаций блога некой дамы, сетевой псевдоним которой она уже неоднократно слышала в их разговорах. Вспомнив свою начатую, но так и не дописанную книгу про огурцы, она решила не читать блог, носивший откровенно издевательское название «Огурцова на линии».

Честно говоря, Лариса Петровна немного побаивалась Интернета, видя, как легко можно здесь получить психологический удар, раскрываясь перед невидимой тебе аудиторией. Поэтому сама предпочитала больше читать, не рискуя участвовать в дискуссиях и дебатах на многочисленных форумах.

Лариса Петровна видела, насколько бессмысленно в сети изображать кого-то, кем человек не являлся на самом деле. Если на каком-то ресурсе не пользовались дутыми рейтингами и «накруткой» посещений, там немедленно поднимались совершенно иные кумиры, у которых «в реале» были изначально перекрыты любые возможности самореализации. Здесь никто не мог знать наверняка, какая у кого внешность и фигура, имеет ли человек влиятельных родственников или знакомых. Зато каждому можно было легко определить цену после двух-трех торопливых комментариев.

В тоже время многие «публичные фигуры» в сети выглядели неинтересно, с них шелухой слетала созданная рекламными кампаниями репутация, поэтому за большинство из них приходилось писать специально нанятым людям, что окончательно опускало их в глазах пользователей Интернета.

Чисто методически сопоставив рейтинги ведущих блогов, Лариса Петровна поняла, что многие их посетители переключились на чтение этого нового вида интерактивной «сетевой литературы» в поисках свежих мыслей и искренних чувств, окончательно утратив интерес к телевидению. Молодые люди вокруг нее подхватывали из Интернета какие-то словечки, сами вносили в сетевой обиход свои профессиональные выражения. И Лариса Петровна понимала, что ей придется навсегда распрощаться со своей мечтой стать ведущей ток-шоу... по объективным причинам, не из-за корпоративных интриг или внешности, а просто потому, что время ток-шоу ушло с появлением Интернета. Здесь каждый мог высказаться без участия ведущего, обозначить волнующую именно его тему, и каждый вечер где-то в сети возникало настоящее захватывающее ток-шоу, стоило кому-то безошибочно попасть в болевую точку общественных проблем.

Все чаще ее коллеги отругивались выражениями, почерпнутыми в блоге «Огурцова на линии», хозяйка которого тщательно разрушала все сложившиеся к тому времени стереотипы. Один молодой человек сказал при ней другому: «Я тебе что, книжка на полке?», и они понимающе рассмеялись. Хозяйка блога неоднократно заявляла, что она – «не книжка на полке», имея в виду стереотип, сформулированный ею как «хороший писатель – мертвый писатель».

Слушая пикировку своих молодых коллег, Лариса Петровна даже задумалась на минуту, смогла бы она сама воспринять творчество Гомера столь однозначно, если бы он не был для нее «книжкой на полке», освещенной веками благоговейного отношения самых выдающихся людей своего времени? Ей на минуту стало страшно, сколько всего она могла лишиться в жизни, если бы восприняла Гомера в русле обыденности, в условиях призрачной виртуальной «доступности» – как очередного сетевого пользователя, своего современника, решившего поделиться собственным мнением. Она видела, как многие, пользуясь этой «доступностью» самой «мадам Огурцовой» — с легкостью причиняют ей боль, как она выражалась, «пользуясь случаем». Но все же после ее замечаний, что таким образом они не стали бы вести себя в реальной жизни с близкими и знакомыми, разговаривать в подобном тоне с женщиной, — многие меняли установившиеся стереотипы сетевого поведения сбросивших с себя «оковы» культуры, вырвавшихся «на волю» дикарей. Она мысленно согласилась с блогершей, что культура – не только защищает окружающих от худших сторон человеческой натуры, но и самого человека ограждает от негативного воздействия окружения. Несколько раз ей доводилось видеть, как «мадам Огурцова» расправляется с людьми, решившими воспользоваться ее сетевой доступностью. После этого слова «я тебе не книжка на полке» — стали звучать с нескрываемой угрозой.

Довольствуясь эпизодическими посещениями, самого «Огуречного блога» она сторонилась как можно дольше, хотя молодые люди, несколько раз видевшие повторы ее передач на огородные темы и по-своему истолковывавшие ее нежелание знакомиться с новым ресурсом, — уверяли ее, что в блоге нет ни одной статьи про теплицы и огурцы. Она куда лучше их понимала, что это было отнюдь не простое чтение, где можно было согласиться с автором или опровергнуть его точку зрения. Она видела, как один из посетителей блога интересовался на своей страничке в социальных сетях — какие книги ему почитать, чтобы суметь «поспорить с мадам Огурцовой». Саму хозяйку блога спрашивать о списке «внеклассного чтения» не имело смысла, по такому поводу она заявляла, что всегда сумеет выразить мысль в *бесспорной* форме. Спорить с ней не имело смысла, но Лариса Петровна была не готова принять ее «бесспорную форму» так, как когда-то она навсегда приняла Гомера.

Лариса Петровна, как могла, оттягивала этот период погружения в совершенно новый вид литературного творчества, когда все мысли и чувства обретали форму прямо у нее на глазах. Зная себя, она просто ждала момент, когда любопытство возьмет верх, а желание приобщиться к этому удивительному процессу станет практически невыносимым.

Такой момент наступил, когда однажды на работе все молодые люди, забросив все свои обязанности и поручения по команде «огурцова жжот!», засели у компьютеров с «огуречным чтением», поскольку «мадам Огурцова» решила высказаться... по половому вопросу. Они покатывались от смеха, бросая на нее взгляды искоса, стараясь не смеяться слишком громко.

Основными ее темами были макроэкономические проблемы, история и культура России, большая проза, государственное управление, системный анализ... Сама ее «обычная» тематика и у Ларисы Петровны вызывала острое желание выйти и щелкнуть по носу

провинциальной даме, рассуждавшей обо всем так, будто она – «пуп Вселенной», как сама иногда посмеивалась над чьими-то высокопарными рассуждениями. Останавливало лишь опасение, что сама эта «мадам Огурцова» может ответить так, как она ответила другой молодой девице, поинтересовавшейся у знаменитой блогерши со свойственной молодости высокомерием: «*А вы живете половой жизнью?*»

Сам презрительный тон вопроса означал, что поднимаемые проблемы волнуют «мадам Огурцову» исключительно из-за ее личной несостоятельности в определенных аспектах бытия. Подобный вопрос мог смутить кого угодно. Лариса Петровна вспомнила неприятные вопросы о том, сколько она берет «за выход» и как пыталась в ответ пролепетать какие-то оправдания. Если бы ее спросили с такой безапелляционностью, она, наверно, попыталась бы объяснить собеседнице, что у нее замечательный муж, но ее

тоже волнует макроэкономика и управление, потому что она – живой думающий человек. Но она понимала, что девица (за которой мог стоять кто угодно) на этом не остановится. Если человек решил начать знакомство с оскорбительного вопроса, он непременно доведет дело до конца. Но «мадам Огурцова» проявила полное понимание такому интересу к ее половой жизни, поддакнув собеседнице в том плане, что ее половая жизнь далека от совершенства *«Живу... но не так, как вы, конечно! Непрофессионально!»*

Ж.О.Фрагонар «Поцелуй украдкой»

Смысл ответа не сразу дошел до девицы, попытавшейся заранее заготовленными фразами пояснить, что «мадам Огурцова» поднимает самые большие проблемы – по причине полного фиаско в личной жизни. Хозяйка блога лишь поддакивала «собеседнице» остроумными замечаниями на грани допустимого, ловко выставляя скандалистку в крайне смешном виде. Она несколько не отрицала свой возраст, говоря, что перед «неопытной в сексуальной жизни девушкой» она имеет не только обширный опыт, но и непререкаемый авторитет в затронутой ею области. И понемногу в этом общении становилось понятно, что против «мадам Огурцовой» выступает вовсе не «девушка», а вполне сложившийся мужчина, которому та несколько раз намеренно наступала на «болезненное место».

©Книжная лавка <http://ogurcova-portal.com/>

А чего со мной спорить? Как бы хорошо вам с кем не «спалось», о впечатлениях спрашивают не у вас, а у меня. Это ведь я еще выкинула отсюда массу желающих выложить свои причиндалы для моего пристального изучения. Взгляните, всем отчего-то требуется мое мнение эксперта в этом вопросе. Вашим мнением пока здесь никто не интересовался. Это потому, что моему вкусу люди доверяют, а вашему — нет.

Понимаете, некоторым нравятся дешевые распродажи, некоторым — секонд хэнд. Некоторые вообще предпочитают дешевый привоз. Но при этом во вкусовых пристрастиях нормальные люди все-таки стараются ориентироваться на мнение эксперта. Потому, какая разница, что вам понравилось или не понравилось и что может понравиться в дальнейшем? Я ведь уже все перепробовала в своем возрасте, поэтому, когда скажу, что у кого-то недостаточно твердая сосиска, это уж так и останется. Более того, станет классикой жанра.

При этом она нисколько не оскорбляла мужчин, а говорила о них с нескрываемой симпатией и даже благодарностью, хотя Лариса Петровна понимала, что в текущих условиях общего бардака вялотекущего экономического кризиса можно было лишь поиздеваться на счет «жизни половой» большинства пользователей сети Интернет. Ведь никто из них от хорошей жизни сюда не попадал.

Поэтому никто из тех, кто ханнул в России то, что принадлежать не могло никому в отдельности, уже не занимается жизнью половой настолько, чтоб такое в романах описывать. В лучшем случае, срывается с катушек пошло и как-то... стохастически. И первое же поколение их отпрысков российские деньги не удержит в руках. Вы это увидите сами. Это заведомо кризисная схема, исключая все жизненные радости, никакого отношения не имеющие к деньгам.

...И когда вы станете задумываться над тем, почему это все происходит, вспомните мои слова: «Это Россия возвращает свои деньги. Это Россия мстит за своего мужика, которого надо обобрать, да еще и унижить перед женщинами!»

«Мадам Огурцова» вышибала аргумент за аргументом, стараясь не разделять мужчин и женщин, а напротив придать им новое дыхание, пробудить придавленный обоюдный интерес. Развивая достигнутый успех, она рассмотрела биографии дам, олицетворявших «женские движения», к которым никто не предъявлял никаких претензий по поводу их половой жизни. Удивительно, но ни одна из них не смогла вырастить и достойно воспитать детей, похвастать крепкой семьей и безупречным поведением в обществе.

При этом «мадам Огурцова» придерживалась доверительной интонации, за которой сквозила неприкрытая насмешка. И когда она сказала, что «Лучшие

женские движения – это синхронные с мужчиной. Для страны, для семьи, для здоровья самой женщины!» — Лариса Петровна поняла то, чего не понял никто из читавших в этот момент блог Огурцовой.

Она осознала, что в России больше не будет никаких «женских движений», поражавших ее внутренней лживостью, беспардонным наездом на все общество, вызывавшей нескрываемый страх перед теми, кто мог за ними стоять. Какие бы средства не были положены в основу их создания и существования, одной этой фразой «мадам Огурцова» покончила с ними раз и навсегда.

Лариса Петровна внимательно прочла вполне откровенное высказывание блогерши о том, что она чувствовала и сама в ходе «демократических преобразований»: «мадам Огурцова» сказала, что рассматривает происходящее в качестве масштабной попытки уничтожить тонкую природу русской женщины. Она анализировала создаваемые условия «безвременья» или «переходного периода» в никуда, когда в первую очередь страдали женщины и дети. В попытках перевести любое обсуждение общественных проблем на «половую почву», в намеренном создании бессмысленных «женских движений» в стране, где женщине никогда на самом деле не было нужды бороться за свои гражданские права – она видела попытку извратить отношения мужчины и женщины, придав им какой-то склочный «политический» смысл.

Но она не останавливалась на обычной констатации, тут же несколькими фразами уничтожая возникшее отчуждение так, что молодые люди, с восторгом читавшие уморительные замечания блогерши по «половому вопросу», начинали вдруг немного иначе вести себя с женщинами в реальной жизни. Куда-то исчезала напряженность и обособленность, появлялся интерес и даже уважение, от которого Лариса Петровна начала отвыкать.

Она нисколько не сомневалась, что за плечами самой хозяйки блога была не слишком удачная или счастливая личная жизнь. Но даже ее молодые коллеги-мужчины вполне оценили, как эта дама сумела подняться над своими личными, чисто женскими обидами на мужчин, — уже не для себя лично, а для более органичных отношений между мужчиной и женщиной у новых поколений ее читателей. Несколькими фразами уничтожая создаваемую десятилетиями пропасть, она «отжимала» из этой сферы беспринципных функционеров и любителей «клубнички».

Особенно мужчинам понравилось, как «мадам Огурцова» отметила, что пока многие порядочные мужчины проигрывают в жизни отнюдь не более талантливым или предприимчивым, а тем, кто пользуется женскими методами, которые в мужском исполнении превращаются в откровенное бабство, навязывая женщинам несвойственные им модели поведения, заставляя «омужичиваться».

Скажем обтекаемо, что моя-то природа не совсем женская, конечно. Поэтому я могу не только пожалеть себя, после замечательной концовки «они долго пытались уничтожить ее как женщину, а потом почему-то все умерли», но и проанализировать столь неадекватное поведение.

Именно поэтому я могла в полной мере ощущать, что этими наскоками меня пытаются уничтожить как женщину. Без всяких скидочек, с четко поставленным ударом на женскую физиологию. А это не есть хорошо, за такие вещи природа будет карать столь же расчетливо и безжалостно, в нескольких поколениях.

Но когда в тебе стараются убить женщину, возникает искажение восприятия действительности, ведь и женская природа подсказывает, что, в первую очередь, жалеть надо себя-любимую. А когда тебя начинают жалеть другие – это достаточно унижительно.

Во-вторых... мир потому начал вдруг отворачиваться от нашей женской природы, милые дамы, что мы позволили некоторым представителям социального слоя на букву «му» — пользоваться нашими исконными, женскими стратегическими методами.

Эти методы выпускать из рук нельзя. Что тогда нам-то остается? Где широта диапазона? Да и некрасиво омужничиваться настолько, чтобы забывать наши исконные навыки. Тащить теперь с мужиками в одной колонне? И чтобы всякие гламурные пустышки из себя перед нами «женщин» изображали?

Нет-нет, давайте, чуточку перестроимся, дамы. Ведь конечные цели наших гендерных колонн абсолютно различны. Мужчинам надо топтать вкалывать в высших иерархиях оперативного управления, а нам надо собою заменить нынешних обительниц спа-салонов, музыкальных гостиных, запросто рассуждающих о зарубежных шопингах и других маленьких радостях жизни. И вообще-то давно пора адекватно ответить за постоянное выворачивание нашей жизни наизнанку так, что мы оказываемся вынужденными вкалывать куда больше нормального здорового мужчины.

Хотя бы для того, чтобы раз и навсегда отбить у некоторых охоту ныть за бюджетный счет о «страданиях народа». Хватит, пострадали. И пускай эти «страдальцы за народ» не загораживают дорогу «женщине с ребенком».

Лариса Петровна вспомнила удачные карьеры, которые видела за последние годы, и мысленно согласилась с хозяйкой блога. На ее памяти никто из знакомых мужчин не выдвигался за профессиональные качества, талант и работоспособность. И в каждом таком «выдвиженце» сквозило чисто женское желание «пристроиться в жизни», как в молоденьких девушках издалека было заметно желание немедленно выйти замуж.

Блогерша считала, что дамам ни к чему бороться с мужчинами за «процентное соотношение» во власти, а напротив надо бороться за то, чтобы во власть попадали настоящие мужчины, не опускающиеся до откровенного бабства на

государственном поприще. И это она предлагала достигать «мягко, по-женски, так, чтобы надолго запомнилось».

Придя однажды на работу, Лариса Петровна обнаружила, что накануне в системе произошел сбой. После перезагрузки пропали все ее ссылки на недочитанные статьи блога. Она набрала в поисковике фразу «мягко, по-женски...» и тут же наткнулась на короткий рассказ «Моя Мерилин», поняв откуда в народ пошли фразы, ставшие крылатыми. В рассказе описывался один день провинциальной дамы, упорно старавшейся в любых ситуациях оставаться женщиной. В одном из диалогов Лариса Петровна узнала приказку, сопровождавшую каждую переустановку системы в их компьютерах: «*Молод ты еще мне систему переустанавливать!*»

Поцелуй кавалера Frederic Soulacroix (1858 — 1933)

Телефон. Надо срочно заплатить за телефон.

— Это Миша.

— Слышу. Что надо?

— Нас сегодня ваша бывшая подруга замдеканша, у которой вы...

— Короче.

— Просила на вас написать. Второй раз. Мы опять отказались.

— А-а... А Петровых что?

— Он тоже не написал, он сказал...

— Вот что сказал Петровых, не надо. Ты что звонишь-то?

— У нас экзамен завтра, напомнить. А то про консультацию вы забыли...

— Спасибо. Ой, я освобожусь завтра только к трем.

— Ладно, мы придем. А вам систему в тачке переустанавливать не нужно?

— А зачем ее переустанавливать? Стоит и пусть себе стоит.

— А вдруг она косо стоит?

— Миша! Маленький ты еще мне системы переустанавливать!

— Обижаете!

— Жалею!

Произошедшие в блоге полемические ристалища по половым вопросам тут же отразились и на жизни самой Ларисы Петровны — более уважительным и ласково-покровительственным отношением со стороны коллег-мужчин, в чьей помощи она действительно остро нуждалась. А спустя пару месяцев Лариса Петровна с удивлением обнаружила, что использованное несколько

раз «мадам Огурцовой» слово «дама» — тут же вошло в обиход вместо раздражавшего до крайности обращения «женщина». В общественном транспорте к самой Ларисе Петровне уже никто не орал «Женщина, вы куда прете?» Даже энергично проталкиваясь на выход пассажиры теперь вежливо осведомлялись у нее: «Дама, вы выходите?»

Это были почти незаметные, ничтожные мелочи, но они как-то незаметно меняли жизнь к лучшему. Лариса Петровна это поняла после замечания «мадам Огурцовой» о том, что настоящее искусство – непременно меняет жизнь в лучшую сторону. После этого оптимистического вывода она начала методически прорабатывать все материалы ее блога.

Жизнь ее сразу наполнилась высоким смыслом, а муж только посмеивался, когда она вдруг за ужином начинала рассуждать о том, что главная идея любого искусства – это вечная борьба Добра и Зла. Она, наконец, смогла избавиться от сожалений по поводу навсегда утраченных «возможностей» на телевидении, когда жизнь ее тонула в чужих интригах, компромиссах, скандалах, суете...

Кроме чтения блога, жизнь скрашивали заботы о семье, о подраставшей дочери, которую она старалась вывести на все значительные с ее точки зрения балетные и оперные спектакли, музейные выставки и экспозиции, пытаясь привить ребенку методические подходы в освоении этой важной области бытия.

Видя, как ребенок живо схватывает и усваивает все на лету, как тянется к миру театра, классического искусства, Лариса Петровна поражалась тому, что дети гораздо легче и глубже усваивают то, что не понимает большинство взрослых. С грустью она подводила итоги своему самостоятельному развитию, искренне жалея, что не имела в детстве возможности немного больше посвятить времени методическому освоению классического искусства – хотя бы за счет освоения арифмометра.

Она старалась наверстать упущенное, понимая, что блог предоставляет для этого отличную возможность. И в какой-то миг абсолютного довольства своим скромным существованием, она почувствовала знакомый удар волн в борт своего суденышка. Ей показалось, что она вновь взошла на палубу судна и вполне готова к эпическому приключению. И стоило ей об этом подумать, как приключение не заставило себя ждать.

Имея за плечами некоторый опыт работы на телевидении, она часто задавалась вопросом, почему блог работает без каких-либо нападков столь долго? Даже со своим огородиком на подоконнике она понимала, насколько важной областью «формирования общественного мнения» является телевидение и постепенно захватывающий все большие сферы общественной жизни Интернет.

«Мадам Огурцова» же, по ее мнению, не просто навязывала какое-то мнение тупой долбежкой, как это было принято на телевидении, она вскрывала отсутствие внутренней логики в этих чужеродных мнениях и какими-то способами, присущими лишь ей одной, — действительно полностью переформатировала языковую среду. Так, что люди, которые, как и Лариса Петровна, раньше избегавшие читать ее блог — начинали мыслить ее категориями, как случилось и с ней самой.

Размышляя над этим феноменом, она даже подумала, что ведь многие воспринимаю историю в душе — так, как писал о ней Гомер, а не как навязывал свое видение Карл Маркс. Не нужно читать Гомера, чтобы воспринимать и собственную жизнь — как противостояние судьбе и року. Уж точно не результатом усиленной борьбы за место у «орудий производства» в постоянных скандалах «производственных отношений».

Все чаще в блоге появлялись анонимные комментарии о том, будто раз «мадам Огурцовой» пока «серьезно не занимаются», она — точно «провокаатор спецслужб». Ничего криминального в блоге не обсуждалось, напротив, только там можно было, не опасаясь провокационных высказываний или оскорблений, поговорить о жизни, о пережитой всеми катастрофе разрушения страны, в которой они родились, о том, как жить дальше. Но для Ларисы Петровны, прошедшей хорошую школу «становления нового российского телевидения» было понятно, что блог уже взяли на заметку, что непременно попытаются «перекрыть линию» и самой «мадам Огурцовой».

Начавшиеся преследования блогерши после встречи постоянных посетителей на даче хозяйки блога и цикла ее статей, посвященных страстной полемике Плутарха по поводу бытовавшего и в античные времена выражения «Живи неприметно!», — она восприняла закономерным штормом в открытом море, куда рискнула отправиться, сдавшись уговорам Гомера, Плутарха и самой «мадам Огурцовой». Она высоко оценила безупречное парирование блогерши предъявляемым обвинениям, ее статьи, посвященные «государственному экстремизму» и доказательство, что любой противоправной деятельностью, опасной для государственного строя, можно заниматься лишь на бюджетные средства и при поддержке каких-то мощных государственных структур. Даже не пытаясь представить, как она вела бы себя, окажись в аналогичной ситуации, она просто разносила ссылки по сети, подписывала обращения в защиту «мадам Огурцовой» и ставила свечку в церкви за ее спасение. Каждая статья блога рождала в Ларисе Петровне уверенность, что всей разношерстной команде их корабля все же удастся прорваться к более счастливым и безмятежным берегам.

Она видела, как ее коллеги, понемногу взрослевшие за чтением этого блога, спорили о том, можно ли дать «мадам Огурцовой» скидки как женщине, если она «начнет изворачиваться». Но вначале та несколькими статьями прекратила

массовые беспорядки, намеренно раздувавшиеся на национальной почве, рассмотрев спекуляции на чужой национальности – как неотъемлемый атрибут всех государственных переворотов.

«Натюрморт с огурцами, помидорами и посудой», 1774 — Луис Эухенио Мелендес (1716 — 1780)

Она заявила, что у взрослого человека в жизни должно быть что-то более существенное за душой, чем национальность. Да и болеть-то должна душа, а не национальность!

Лариса Петровна с ехидством подумала про себя, что вряд ли эти беспорядки прекратились бы столь же внезапно, если бы правоохранные органы не начали преследовать и травить «мадам Огурцову» с требованиями «любви и уважения к 200-ста нациям». Блогерша, попросив перечислить эти нации, к которым она должна была проникнуться уважением, пояснила впадшим в ступор правохранителям, что в государстве может быть лишь одна нация, та – язык которой является государственным. А в статьях она рассмотрела ленинский тезис «о праве наций на самоопределение», заметив, что даже развал Советского Союза является государственным переворотом с точки зрения развития языковой среды. Если на языке некой «нации» нельзя написать инструкцию для персонала атомной станции и преподавать теоретическую механику, вести документацию по государственному управлению и т.п. — это лишь свидетельствует, что мы имеем дело с очередным государственным переворотом и гуманитарной катастрофой, в результате которой пострадают все люди, независимо от их национальности.

Ларисе Петровне все больше казалось, что она совершает опасное, но увлекательное путешествие в открытом море, потому что все больше

чувствовала волнение этой самой «языковой среды» под палубой их суденышка. Стоило выйти очередной статье с точным анализом, с выявлением всех подспудных течений, как сразу же терял силу движения и «девятый вал» встречного давления.

Она уже не удивлялась, слыша в чужой речи не только аргументы, но обширные цитаты из хорошо знакомого ей блога. Серьезные переживания у нее вызвали попытки уничтожить блогершу, превратив ее в «овощ», навсегда закрыв в тепличке психиатрической лечебницы. И тогда она дала себе обещание «выйти из тени», если той удастся отбиться.

Когда это все же случилось, и «мадам Огурцова» рассказала очередной фарс, как пошла на экспертизу в психиатрическую лечебницу, а там вместо врача ее допрашивала прокурорша, о которой та знала много каких-то пикантных подробностей, Лариса Петровна поначалу забыла от радости о своем обещании себе самой. Но после она вспомнила рассуждения «подэкспертной» о том, что настоящие чудеса бывают, но они кажутся естественными и даже закономерными, потому что жизнь сама по себе – удивительная и прекрасная вещь, которую отравляют люди, привыкшие жить за чужой счет, не желающие целиком отдаться творческому началу, которым проникнуто все сущее.

Тогда она робко, преодолевая собственную застенчивость, начала изредка комментировать выступления «мадам Огурцовой» в блоге и социальных сетях, пытаясь обратить ее внимание и на то, что происходило в сфере классического искусства. Все больше она начинала чувствовать не безбилетным пассажиром, скрывающимся в темноте трюма, а законным членом экипажа, в меру своих сил несшего вахту на их странном судне.

* * *

Однажды ей позвонила известная пианистка, когда-то принимавшая участие в «сборных солянках», давно канувших в небытие. Только Лариса Петровна попыталась напомнить, что больше не проводит никаких концертов, как та опередила ее, выговорив сквозь слезы: «Лариса, я знаю, что ты больше с нами не работаешь, но помоги! Пожалуйста! Ты же на телевидении работала... Может кого-то вспомнишь?..»

Лариса Петровна уже читала в Интернете о новой массовой кампании правоохранительных органов в виде «борьбы с педофилией». Удивительным образом эта кампания не касалась настоящих педофилов, против которых в некоторых городах уже восставало население. Пресса смаковала громкое дело федерального чиновника, замначальника отдела методологии и финансово-бюджетной политики департамента экономики и финансов Минтранса, приговоренного к 13 годам колонии за сексуальное насилие над собственной малолетней дочерью.

Жизненный опыт подсказывал ей, что вряд ли этот чиновник действительно проявлял какие-то извращенные методы «общения» с собственной дочерью. И ее помрачневшим коллегам-мужчинам было понятно, что либо кому-то очень понадобилось служебное кресло этого гражданина, либо он на своем месте узнал слишком много лишнего. Ее сосед, сидевший за соседним компьютером, только присвистнул, глядя на новостную ленту: «Ну, все! За мужиков взялись! Как и предупредила мадам Огурцова!»

Она отдавала должное «мадам Огурцовой», сумевшей на своем деле раз и навсегда отучить преследовать людей за «мысле/преступления». Но после сорванной ею кампании «по борьбе с экстремизмом», проводившейся по бюджетным грантам, которые Ларисе Петровне казались чем-то вроде «лицензии на отстрел», — начался новый виток публичных издевательств над людьми – теперь по такому позорному поводу.

От некоторого избытка свободного времени в ночных бодрствованиях на банковском сервере Лариса Петровна перенесла свою склонность к методическим подходам в освоении каких-то новых знаний или профессиональных навыков – к анализу действительности. Этот подход, которым и нравился ей блог «Огурцова на линии», позволил ей связать само возникновение подобных «кампаний» с мощным бюджетным финансированием их проведения и информационной поддержкой на самом высоком уровне.

Это свидетельствовало о том, что *некто* испытывал крайнюю необходимость именно в таком диалоге «власть-общество»... А по ее мнению, именно такой диалог, переходящий в монолог «Мы вам устроим новый 37-й год!», — не имел никакой перспективы развития. Такого рода «монологи» власти означали лишь, что во власть пришли слабые неподготовленные люди, весьма обидчивые, ранимые и мстительные. Они не могли сосредоточиться на важных государственных задачах, не могли прогнозировать всех последствий подобного вторжения государства в частную жизнь. Как остроумно заметила «мадам Огурцова», эти люди просто хотели остановить время, что и до них пока не удавалось никому.

Можно было последовать шаблонному восприятию происходящего, счесть, будто таким образом власть имущие хотят навязать обществу определенные поведенческие рамки и успокоиться расхожей фразой, мол, «история развивается по спирали». Но она слишком хорошо знала, прежде всего, из Гомера, что копирование каких-то приемов прошлого, уже получивших негативную историческую оценку и изжитых человеческим обществом, — свидетельствует о том, что у таких людей нет будущего. Их время пребывания во власти начинало обратный отсчет.

А главное, она хорошо помнила, что такие «кампании» неминуемо включали в действие силы, которые все расставляли по своим местам и восстанавливали

нарушенное равновесие. Гомер обращался к ним, как к музам, неизменно находя разумное объяснение всей цепочке, казалось бы, совершенно случайных событий, на первый взгляд, не имевших никакой связи между собой.

Жерар Франсуа-Паскаль-Симон. Художник Жан-Батист Изабэ с дочерью Александриной.

Больше всего она думала о том, кому именно и для чего могла понадобиться очередная такая «кампания», если сами ее устроители изначально знали из истории, что такие «кампании» заранее обречены.

Невозможно было не замечать, что люди, принимавшие участие в их осуществлении, немедленно переставали быть в чем-то... людьми. Жизнь их явно теряла смысл, они начинали делать какие-то глупые ошибки, противопоставляя себя всем... *живым*. Она не могла ошибиться, она знала точно, что все, кто принимал участие в подобных кампаниях, теряли существенную часть своей человеческой личности, стоило им хотя бы однажды поучаствовать в травле живого человека по ложному поводу.

Она вспоминала слова «мадам Огурцовой», что надо лишь не дрогнуть при первом натиске такой «кампании», выстоять – и тогда можно лишь поразиться тому, как подобная напасть рассеивается без следа, а все вокруг вдруг начинают упорно делать вид, будто ничего подобного не было.

Лариса Петровна никак не могла избавиться от ощущения, что та говорит о буре, накатывающей надо выдержать, не утратив в себе человеческое начало. Иногда в подобных рассуждениях ей даже слышался шум огромных черных крыльев. Во всяком случае, все эти «кампании» она ощущала отнюдь не чьей-то попыткой удержаться у власти методами, которые никому ничем не помогли, — а именно натиском черной бури, где люди, мнившие себя «кукловодами» — исполняли роль жалких картонных марионеток.

Вот и сейчас, слушая всхлипывания пианистки, она услышала это хлопанье огромных черных крыльев почти у себя над головой. Лариса Петровна сразу поняла, что рассказанная пианисткой ужасная история травли пожилого человека, ее педагога по классу фортепиано, — является девятым валом «педофильской кампании», начавшейся с осуждения чиновника Минавтотранса.

Эти истории начались почти в одно и то же время. Маленькая дочь осужденного чиновника упала с лестницы. Перепуганные родители вызвали скорую помощь. В детской городской клинической больнице девочке сделали все необходимые анализы, выяснив, что ребенок абсолютно здоров, если не считать ссадин. Но в анализе мочи были якобы обнаружены неподвижные сперматозоиды. Правоохранители решили, что Элю изнасиловали, и сделал это её отец. Его жена заявила, что в больнице анализы перепутали. Повторное исследование сперматозоидов в моче девочки не выявило. Основным доказательством преступления чиновника Минтранса стало экспертное заключение одного из «центров экспертизы», которые моментально возникли из ниоткуда.

Само возникновение таких «центров», как в поддержку «борьбы с экстремистами», так и для удобства осуществления «борьбы с педофилией», говорило о серьезной предварительной подготовке очередной «кампании». В случае с дочкой чиновника по рисунку ребенка, на котором была изображена женщина-кошка, эксперт сделала заключение, что на рисунке «выраженные бедра и грудь», поэтому «девочка в курсе гендерных различий и вовлечена в сексуальные взаимоотношения».

Экспертиза производила столь же шокирующее впечатление какой-то демонстративной бесчеловечностью, как и в случае с «мадам Огурцовой», где «эксперт» сам себя предупреждал об ответственности, сам себе ставил вопросы и выносил заключение на самостоятельно отобранных кусках текстов, не указывая адреса статей, где он это выбирал. Поэтому уже и в прессе осужденного чиновника стали называть не иначе, как «педофил по ошибке».

Но по понятным соображениям, сама «мадам Огурцова» предпочитала не комментировать «педофильскую историю» чиновника, хотя многие посетители блога интересовались ее мнением. Сосед Ларисы Петровны с грустью сказал: «Они нарочно такое обвинение мужику подобрали, чтобы его женщине было противно защищать. А пока мадам Огурцова в этом точку не поставит, сиди и думай, что тебе могут пришить перед проверкой из налоговой...»

Ларисе Петровне и тогда было очень жаль этого молодого мужчину, за которого сражалась одна его жена. Органы прокуратуры неоднократно старались «вразумить» несчастную, чтобы она вместе с другими ощутила

радость «избавления семьи от педофила», а та лишь плакала и уверяла всех, что ее мужа оклеветали.

Лариса Петровна тогда впервые решилась написать блогерше «в личку», хотя понимала, что осужденной на двадцать тысяч рублей за некий «экстремизм», элементарно опасно бросаться на выручку «педофилу». В средствах массовой информации уже прозвучали предложения главы государства – приравнять всех «экстремистов» к педофилам, чтобы подвергнуть их не только общественному ostrакизму, но и... химической кастрации. Все эти юридические нововведения подавались под соусом заботы о подрастающем поколении.

Прочитав такое, Лариса Петровна испугалась не только за себя, за мужа, за соседа по компьютеру, но и за тех, кто говорит подобные вещи вслух. Однако к таким наездам «мадам Огурцова» не осталась безучастной, заметив в одной из статей блога, что к педофилам надо приравнять, прежде всего, тех, кто уличен в коррупции и взяточничестве, поскольку мздоимцы на государственных должностях растлевают молодое поколение намного изощреннее педофилов.

На письмо Ларисы Петровны она ответила, что могла бы рискнуть и попробовать защитить этого чиновника, если бы тот раньше проявил гражданскую позицию, чтобы было видно, из-за чего на самом деле с ним приключилась подобная «педофилия». А когда они о нем ничего не знают, то сложно судить – педофил он или нет.

Вот когда к ней самой явились с обыском, она радовалась тому, что успела сказать главные вещи, потому, что бы с ней ни сделали, кем бы ни объявили, всегда можно установить истину. Из этого она сделала вывод, что Ларисе Петровне надо самой начинать более активно выступать в сети, несмотря ни на что. А то объявят экстремисткой или педофилкой – так она хоть сама будет знать, за что ей такое прилетело.

В конце письма шла приписка, что она попробует всю эту историю превратить в фарс, но не ручается, что это сильно поможет уже осужденному чиновнику. Но может это сгодится кому-то другому.

Буквально через пару дней после этого письма в Интернете появились фотографии молодой женщины в кожаных трусиках и бюстгальтере, высоких сапогах и хлыстом. Девушка была снята на лесбо-садистских представлениях, в которых стремилась стать звездой подиума. Как выяснилось, эти извращенные выступления и были истинной личиной «эксперта», давшей заключение по поводу «вовлеченности в сексуальные отношения» дочери осужденного чиновника.

В «центры», спешно созданные к кампании «борьбы с педофилией», выдававшие «экспертизы», по которым людям грозило до 20 лет тюрьмы,

набирали «экспертов» из садо-мазо-шоу с явными психическими отклонениями...

По этому поводу в Интернете разгорелся скандал, но, как и предупреждала «мадам Огурцова», эти пикантные подробности «из жизни экспертов» мало помогли самому осужденному чиновнику, но полностью изменили общественное отношение к его жене и дочери, а главное к подобным кампаниям «по борьбе».

Уже тогда Ларисе Петровне пришли в голову мысли самого «экстремистского» содержания. Вряд ли она могла с кем-то поделиться этими навязчивыми ощущениями, что она *видит*, будто задумывалась и претворялась в жизнь эта «педофильская кампания» вовсе не людьми. В этих историях зашкаливали ее личные представления о бесчеловечном или даже *внечеловечном*. Иногда ей казалось, что за этим кошмаром стоит... женщина-птица с огромными черными крыльями и безжалостным взглядом. Она пыталась как-то методически анализировать эти странные фантазии, но каждый раз в сознании неизменно всплывали смертельная бледность лица, обрамленного черными вьющимися волосами, и какой-то давний страх перед бездонной пучиной холодного взгляда крылатой женщины. Впервые сдавшись на милость собственных интуитивных ощущений перед разумными доводами, которые не раз ее подводили в последнее время, она чувствовала, что эта женщина, в реальность которой она уже верила с рядом существенных допущений, — лишь прикидывалась человеком, появляясь то там, то здесь, получив почти неограниченную власть в органах прокуратуры.

— Мы уже по своим каналам попытались привлечь к этой истории телевидение, — всхлипывая, рассказывала пианистка. — Журналисты сняли сюжет о «деле» нашего «педагога-педофила» для авторской передачи, но в программе не вышел. В понедельник редактор передачи выложил сюжет в открытый доступ в Интернете. От комментариев касательно своего будущего на канале редактор воздержался. По состоянию на сегодняшний день он там работает... вроде бы.

Новый скандал с «педофилией» на этот раз возник в отношении педагога центральной музыкальной школы с огромным стажем, пользующегося любовью и уважением своих учеников.

Понятно, что старых заслуженных педагогов, создавших славу учебного заведения, кому-то очень хотелось заменить на новых, пока ничем себя не проявивших, но весьма желавших воспользоваться плодами чужого труда. Ясно было и то, что новые преподаватели, «получив урок» на примере старого пианиста, объявленного «педофилом», впредь будут осторожнее, а собственное мнение будут всегда согласовывать с мнением начальства.

Ей было понятно, почему решили «поставить на место» именно этого известного педагога, мешавшего планомерно разрушать систему образования в прославленном заведении, давшем России столько известных пианистов. Но особый бесчеловечный цинизм проявлялся в том, что дети в этой травле использовались в качестве лжесвидетелей, причем, для обвинений, которые самим «пострадавшим» наносили изощренную психологическую травму на всю жизнь. И такие «педагогические новации» вполне устраивали правоохранительные органы, а главное, представляли особые «удобства» органам прокуратуры. Ведь в таком случае они вставляли «на защиту ребенка, которому «показалось», а вовсе не занимались травлей живого человека, уничтожая всю его жизнь.

И все это творилось с известными людьми – в разводах, связанных с дележом имущества, в служебных разборках, при попытке освободить место «родному человечку». Между тем, наигранная «беспомощность» правоохранительных органов в отношении настоящих педофилов — уже привела к народным бунтам с попытками самосуда, поскольку эта «педофильская кампания» вовсе не была направлена на действительную защиту прав ребенка. Дети использовались взрослыми участниками «борьбы с педофилией» в качестве предлога, чтобы свести счеты с невиновным человеком. Никому не приходило в голову, какую травму мог получить ребенок на всю жизнь, поучаствовав в подобных «следственных мероприятиях».

Урок музыки — Эдмунд Блэр Лейтон

Из своего личного опыта Лариса Петровна хорошо знала, что в таких случаях с правоохранительными органами можно было договориться по сходной цене, без «давления сверху». Но в случае с педагогом такое и предлагать не имело

смысла. Заявление на него подала мать одной из учениц, которую он готовил к международным конкурсам юных пианисток.

Девочка показывала хорошие результаты, но завоевывала лишь вторые места. Ей явно не хватало вдохновения, какой-то «искры божьей». И отсутствие этих необходимых в творчестве «мелочей» было бессмысленно пытаться наверстать муштрой. Это и пытался объяснить матери девочки старый пианист, когда она пришла просить его о дополнительных занятиях.

Огорченная мать решила, что педагог намеренно старается больше заниматься с другими детьми, более талантливыми, на его взгляд, — в ущерб успехам ее дочери на конкурсах.

Написав заявление, она поинтересовалась у пианиста, будет ли тот больше заниматься с ее дочерью. Оскорбленный педагог наотрез отказался заниматься с дочкой вообще. Тогда ее мать заявила, что теперь она прекратит дело лишь после крупной суммы, которую он должен ей передать для работников прокуратуры.

— Понимаешь, Лариса, в нашей профессии очень важно иметь правильную осанку, ведь даже каждая нота приписывается — каким пальцем ее можно брать. Педагог поправляет ноги, руки, корпус... А она его обвинила, что он — «трогал» ее дочь! А как ее научишь, если не «трогать»? Но у нашего «дедушки» класс за стеклянной дверью, а в самом классе стоит диван, там постоянно сидит множество учеников! Теперь их допрашивают, как их учитель «трогал» дочку этой ужасной женщины!

Как у всякой мамы, у Ларисы Петровны имелось много претензий к педагогическому коллективу очень средней школы, где обучалась ее Солнышко. Ее претензии были связаны, в основном, с некорректным обращением учителей, которые иногда срывались на детей из-за бытовых неурядиц и большой нагрузки. Но она никогда бы не решилась устроить кому-то из учителей «крупный разговор», чтобы не навредить своему ребенку. В случае обвинений пианиста, девочка, как ни в чем ни бывало, продолжала учиться в той же школе, никак не проявляя последствий в поведении. Полученной психологической травмы от «педофилии» своего прежнего педагога не демонстрирует. Это сразу же наводило на мысль, что мама с дочкой хорошо поторговались за свою «педофилию» с новым директором школы, решившим избавиться от строптивого педагога.

Пианистка рассказала, как съемочная группа с телевидения встретила с девочкой прямо в школе. И та беззаботно смеялась, проявляя исключительную беспечность. А всем своим подружкам, недовольными оценками, советовала «написать заявление» на своих учителей, чтобы решить свои проблемы с «творческими данными». И это, как она утверждала, «совсем не страшно», в прокуратуре работает «хорошая тетенька», она все протоколы пишет сама, а

потом просит только подписать. И еще надо сходить с мамой в «экспертный центр», где другая «тетенька эксперт» будет расспрашивать, что она знает о том, откуда берутся дети, и за какие «нехорошие места» могут «трогать дяденьки девочек».

Руководство канала уже получило претензию от «хороших тетенок» из прокуратуры, что журналисты не имели права встречаться с «жертвой педофила», не поставив в известность следователя и мать девочки.

Слушая этот ужас о современных «новациях» в подготовке будущих пианисток, Лариса Петровна мысленно проецировала ситуацию на свою обожаемую дочь, с которой она никак не переставала оставаться одним целым, как ни старалась обособиться хотя бы из педагогических соображений. Она никак не могла допустить мысли, что устроители подобной травли не задумываются о будущем самого ребенка. Какое может быть будущее в искусстве у девушки, которая уже обвинила своего педагога в подобных вещах? Нет, ни мать, ни заказчики, ни исполнители этих скандальных «кампаний по борьбе» — никто и не думал о будущем ребенка. Но они считали, будто можно было выйти на сцену и тронуть душу человека музыкой — не только не считаясь с чьей-то большей одаренностью, но и предварительно приняв участие в уничтожении живого человека...

Музыка, по ее представлениям, была тонким проводником, сразу же добирающимся до каждой души. Странно, но мать была искренне уверена, будто у ее дочери после всей мерзкой истории издевательства над собственным учителем — могло быть будущее в творческой профессии. Ведь она заставила собственную дочь на глазах у всех предать нравственную суть искусства. По мнению Ларисы Петровны, это означало не понимать и не слышать музыку вовсе, быть каким-то... «механическим пианино», музыкальной шкатулкой. Если точнее, не иметь души вовсе. Сама эта мысль вызывала горячее желание немедленно вмешаться и навсегда перекрыть дорогу... *гартиям*.

— Это же гарпии! — непроизвольно вырвалось у нее.

— Да, ты совершенно права! Мне тоже приходила такая мысль, почему-то, — призналась пианистка. — Сюжет не пропустили на телевидении потому, что журналисты оставили в нем бесстыдное подначивание мамы прокуроршей. Та не знала, что ей говорить, а прокурорша на камеру предложила матери написать все на бумажке под свою диктовку, вызвавшись суфлером держать бумажку перед ее физиономией при очередном дубле записи ее выступления. Представляешь?

— И это есть в Интернете? — поинтересовалась Лариса Петровна.

— Да! Только прокуратура уже написала владельцам сайта требование закрыть этот ролик, а скоро и самого режиссера уволят с телевидения, — всхлипнула пианистка.

Она особо не рассчитывала ни на какую помощь, Ларисе Петровне позвонила от полного отчаяния, понимая, что положение ее учителя стало полностью безнадежным после того, как его взяли под стражу до суда и заключили в СИЗО. Это должно было стать не только элементом психологического давления на строптивного педагога.

The Muses Clio, Euterpe, and Thalia by Eustache Le Sueur

Органы прокуратуры хорошо знали, каким издевательствам подвергаются в заключении те, кто обвинялся в педофилии. Пианисту стукнуло уже 64 года, он имел сердечную недостаточность и массу сопутствующих заболеваний, в заключении встретил свой 65-й день рождения. Женщины понимали, что обвинение рассчитывало, что его просто прикончат в тюрьме до суда. Но опытные уголовники только посмеялись над вздорностью предъявленных ему обвинений. Его сокамерники даже попытались создать ему какие-то непрезентабельные «удобства» в его заключении, ласково называя «Дедом».

Лариса Петровна подумала, как многие нынче рвутся на телевидение, не понимая, как голубой экран выявляет все до подкорки в них самих. Даже если бы режиссер все сделал по требованию следователя прокуратуры, все равно была бы видна огромная пропасть между изолгавшейся, абсолютно бесстыдной женщиной-следователем — и пожилым человеком, которого она пыталась уничтожить по ложному обвинению. Ведь посмеялись же над ее попытками обитатели СИЗО, хотя не видели этой передачи. Она подумала, что появился какой-то новый вид «творчества» — создания удобного «нового образа», отрицающего всю жизнь человека, его настоящую личность. Но грязь никак не липла и отваливалась от старого пианиста, хотя гарпия из прокуратуры была готова его и эпоксидкой обмазать, чтобы прилепить к нему этот вожделенный ярлык «педофила»! И это с головой выдавало ее нечеловеческую сущность. Если мать девочки, зайдя за недопустимые для женщины границы, все же не могла откровенно лгать про пианиста на камеру, то эта видела в ее нерешительности сделать последний шаг — чисто «технические затруднения», вызываясь помочь с суфлерством. Она действительно не понимала, что женщина не может сделать последнего шага, равнозначного убийству собственной души.

За лицами девочки и ее мамы для Ларисы Петровны начинало маячить страшное лицо безжалостной женщины-птицы, с нечеловеческой твердостью учитывавшей все «обстоятельства дела». А главным «обстоятельством дела» было горячее желание нового руководителя элитной музыкальной школы — избавиться от художественного руководителя школы, ее «души» или, как принято говорить, «неформального лидера».

И когда в ней прозвучала эта жесткая связка «избавиться от души», она решила сделать все, что было в ее силах, чтобы спасти несчастного «Деда» от... гарпий.

— Хорошо, я попытаюсь помочь! Но учти, ничего не гарантирую, — сказала она уже потерявшей всякую надежду пианистке.

— Лариса, хоть что-то! — залепетала та срывающимся голосом. — Мы деньги собираем на залог, чтобы хоть до суда его из тюрьмы вызволить... Ему грозит 20 лет тюрьмы, а еще хотят принять «Закон о химической кастрации», кастрировать-то будут не педофилов, как ты понимаешь... Мы в таком отчаянии! Если бы ты знала, какой это светлый человек! За что ему такое на старости лет?..

— Я тебе с телевидением ничем помочь не смогу, — твердо сказала Лариса Петровна. — Но попытаюсь помочь с Интернетом. У меня есть там одна знакомая, но она сама сейчас в очень сложном положении. Если бы она высказалась о нем... если бы только взялась! Но я ей напишу!

Вряд ли пианистка хоть на минуту поверила, будто статья неизвестной ей «мадам Огурцовой» была хоть в чем-то более действенной, чем походы на телевидение, где от ее услуг навсегда отказались, пользуясь каждую весну ее старыми записями «огородных новостей». Но Лариса Петровна и сама хваталась за эту последнюю надежду, как за соломинку, зная, что блогерша хоть попытается помочь – в отличие от телевидения, где после записи, размещенной в Интернете, с ней вряд ли кто вообще захочет говорить на эту тему, опасаясь немедленного увольнения.

«Мадам Огурцова» действительно выразила опасение, что не только ничем не поможет пианисту, но и «сделает только хуже», поскольку в этот момент начался новый виток травли против нее – как «осужденной судом экстремистки». Ей звонили из прокуратуры, угрожали, что разберутся с ее «террористической деятельностью», если она не прекратит писать в Интернете. Она понимала, что ее не оставят в покое, поскольку знала, что на ее преследование были списаны многомиллионные бюджетные расходы. Поэтому вопрос о том, почему их результатом стал приговор на 20 тысяч рублей – неминуемо возникнет, а для нее он обернется новым витком издевательств.

Однако узнав, что коллеги и ученики старого педагога собрали около трех миллионов рублей залога, чтобы выволить его из СИЗО, она решилась и написала статью, где упомянула и чиновника Минтранса.

В принципе, ничего нового журналисты не добавили к сложившемуся по поводу этого «дела» общественному мнению, а лишь подтвердили все «смутные сомнения». Можно сказать, они окончательно развеяли любые сомнения в том, что мы наблюдаем циничное публичное издевательство и предумышленное убийство пожилого человека. Разве кому-то непонятно, что для 65-летнего педагога с сердечной недостаточностью — грозящий ему 20-летний срок тюремного заключения по сути является смертным приговором.

Для уничтожения репутации человека, к которому иным образом невозможно «подобраться» используется самое гадкое из всех возможных обвинений. Воровством во вселенских масштабах, организованными массовыми убийствами — у нас уже не удивить. Но когда на фоне народных бунтов против педофила, которого «курирует» полиция, — эти дела возникают в отношении достойных людей с безупречной репутацией, с неприменной «серьезностью на морде лица» и всем букетом подчеркнута унижительных процедур... наше привыкшее к очередным закидонам «правоохранительных кампаний» общество начинает в раздумьи чесать репу.

В ситуации с московскими «педофилами» возникает вопрос: а правильно ли поняли проблему общества люди, у которых стараниями наших депутатов оказался достаточно жуткий инструментарий уничтожения гражданских

©Книжная лавка <http://ogurcova-portal.com/>

прав человека от химической кастрации — до пожизненного заключения? Не считают ли они это лишь удобным поводом для уничтожения неугодных?

Вам не кажется, что под видом «Закона о химической кастрации» (как его рисовали СМИ на этапе подготовки) протащили «Закон о принудительном лечении вялотекущей педофилии»?..

Общество на повсеместную посадку мужчин по бездоказательным обвинениям реагировало крайне вяло, СМИ преподносили «педофильские дела» крайне однобоко.

В результате общество вообще не заметило, что за закон был принят недавно. А ведь это идеальная репрессивная машина, поскольку посадить по «педофильской статье» можно кого угодно — при существующей практике в судах не требуют никаких доказательств вообще. Примером может служить «дело» заслуженного педагога, в котором нет даже завалыщеньких анализов, и просто нет ничего, кроме слов в сбивчивом пересказе.

... Одновременно в Интернете появилось множество постов-флаеров для разноски по всем блогам, где упомянута печальная история нашего пианиста. Как видим, текст написан для «вбрасывания» — автор пользуется огульными обвинениями всему обществу, никто из конкретных виновников травли пожилого человека не назван. Ничего не говорится и о возникшем «по поводу» законе, который можно почитать и ужаснуться. А смысл этого флаера в том, будто в происходящем виновато все общество — и никто конкретно.

Но, спрашивается, при чем здесь «все общество?» Что, собственно, можно требовать от общества, если и сами «педофильские истории» заказываются в качестве отвлекающего маневра от тяжелейших экономических и социальных проблем? Общество все равно не сможет полностью переключиться на них, поскольку сама возможность растоптать любого по вздорным и подлым обвинениям — лишь следствие полнейшего экономического и социального бесправия граждан в нашем обществе, это ведь отнюдь не причина. Но это следствие, согласитесь, хорошо затыкает рот любому желающему обсудить причины нашего политического бесправия.

Общество уже ответило тем, что поддержало всех граждан, выставленных прессой в качестве «показательных педофилов». Ведь никто не отвернулся от них, никто не поверил в подобные обвинения, все нормальные люди высказали им сочувствие. Их репутация в обществе, являющаяся главной целью подобных скандальных «дел» — ничуть не пострадала. Поэтому обвинять общество в «безучастности» — здесь, по меньшей мере, несправедливо. Можно, кстати, заметить, что такого рода масштабные спектакли не имеют смысла вообще, если им никто не верит.

После публикации этой статьи, в которой не было ни для кого ничего нового или неизвестного, стали происходить странные события. Руководство

ведущего канала выпустило передачу о трагедии, переживаемой старым пианистом, где использовало и отснятый ролик передачи, снятой с эфира, который «мадам Огурцова» вставила в статью.

Более всего сама «мадам Огурцова» опасалась даже не последствий за статью для себя лично, а того, что анонимные «ревнители нравственности» непременно навяжут ей обсуждение чужой «педофилии». И это обсуждение не заставило себя ждать.

Однако накануне она заставила Ларису Петровну копировать все комментарии, выделяя в них любых упомянутых персон. Она написала, будто видела сон, где ей будет противостоять упомянутый в комментариях человек. «Противостоять» — сказано слишком резко, он, скорее всего, будет неким завуалированным действующим лицом какой-то эпической истории, с которой они столкнутся в ближайшем будущем.

Лариса Петровна поинтересовалась, как она узнает это «лицо»? И «мадам Огурцова» пояснила ей, что его упомянут совершенно случайно, явно не к месту, а речь будет идти о других людях. Но ей будет некогда вникать в такие тонкости, просто она знает, что одна история вытекает из другой. А в следующей истории обычно раскрывается персонаж, упомянутый в предыдущей.

Так ничего и не поняв, Лариса Петровна завела себе папку и методически копировала все комментарии к теме «педофилии» в преклонном возрасте на почве покорения высот классического искусства.

«Казнь сестёр де Ваз де Мелло (Мэтери) в Нанте в 1793 году»

a_ledev

11 апреля текущего года управдом президента России в интервью СМИ сообщил, что на инаугурацию нового президента приедет бывший премьер-министр Италии, над которым сегодня начинается суд по обвинению в педофилии. В частности, бывший премьер министр обвиняется в том, что он вовлек в занятие проституцией марокканскую танцовщицу Руби, которая на тот момент была несовершеннолетней.

Указанный визит данного гражданина, никак не соответствует закону об ужесточении наказания за педофилию, подписанного президентом в феврале текущего года.

Позор для всей страны!

ogurcova

А при чем здесь «позор для всей страны»? Вся страна вовсе не желает «позориться», каждый позорится только за себя! Сделал позорный выбор — сам себя выставил на позорище перед всей страной. И нечего унижать мнение всей страны.

a_ledev

Прошу прощения, но его не на частную вечеринку пригласили, а тем более от имени всей страны..

ogurcova

Во-первых, такого педофила выбрали итальянцы, чтобы он представлял их страну на международной сцене. Не пригласить его — оскорбить весь итальянский народ. Как вы справедливо заметили, его пригласили не на частную вечеринку и отнюдь не в качестве педофила. А вот в качестве кого и чего вы навязываете «позор» всем нам — может, сами догадаетесь?

a_ledev

В качестве отца своей дочери. А что заслуживают педофилы, спросите у любого квалифицированного юриста. А Вы я предполагаю их следак. И звание должно быть приличное и оклад сейчас хороший. Хотя об окладе сейчас в этих кругах говорить неприлично..

ogurcova

Ну, что вы! В качестве «следака» — «система изжила» меня еще во второй половине 90-х годов.

А я бы как женщина предпочла, чтобы мне всякими педофилами не тыкали в лицо при личном разговоре, а всех нормальных людей не ставили бы с ними на одну доску. Как бывший «следак», я слишком хорошо знаю, кто они такие, чем весьма характерно отличаются от нормальных людей.

Поэтому попрошу вас вести себя достойно и не устраивать истерик, тем более, не сообщать мне шокирующие подробности из жизни итальянских премьеров, они меня не интересуют. Мне вообще странно, что вы выбрали мою страничку для борьбы с педофилией в Италии. Лучшие следите за тем, чтобы ваша жена не решилась проконсультроваться на ваш счет с юристами. При разделе имущества, конечно.

a_ledev

Как с экстремизмов-то Вас ратирает. Раньше надо было думать о своей репутации!

ogurcova

Да бог со мной, вас-то с чего так несет? Или вы считаете, что можете противопоставить моей репутации — свою? А где она у вас, простите? Вы останетесь тем, что я о вас скажу. Поскольку моя репутация несколько не изменилась с детства, а у вас ее нет и не будет.

©Книжная лавка <http://ogurcova-portal.com/>

Смотрите: конкретная проблема с педагогом — человеком, который вообще-то уже столько сделал в жизни, что 65-летие мог бы встретить и не в тюрьме.

А вы сетуете, что все общество, дескать, проявляет апатию в вашей «борьбе». Но войны официально никто не объявлял. Кроме «войны педофилии», но педофилия ведь не насморк, чтобы у всех ее обнаруживать. Общество не оставляет педагога, общество высказывает сочувствие именно ему, подчеркивая его не официально признанные заслуги, а как порядочного человека, труженика и творца.

На чем строится расчет подобных дел? На том, что из омерзительности самого обвинения — от человека все отвернутся. На самом деле, будет навсегда уничтожена репутация тех, кто против него выступил.

Интересно, что заранее уничтожается репутация любого, кто раскрывает рот на эту тему.

Вот это как раз — обеспечивает общество. И это — немало, поверьте. Любой подонок знает, что начни он усиленно спекулировать на этом деле, начни наезжать на пианиста публично — он лишь окончательно уничтожит видимость своей «репутации».

А тут вы выскакиваете с какими-то провокационными замечаниями, не относящимися к поднимаемой теме. Скажите, как можно связать педофилию итальянского премьера — с моим «экстремизмом»? И вертится он ужом, крутится! Но вы даже не соображаете, что ситуация опасна ведь не для пианиста, который успел сделать к моменту ее «проверки на дорогах» столько, сколько десяток вас не сделает из чувства «здорового эгоизма».

У вас ведь от каждого слова идет замкнутость на себе, неискренность. Это же в Интернете хорошо видно. Вы так стараетесь обезличить свой текст, что... не соображаете, как теряете собственную личность в реальности. И вы думаете, не видно ваших истинных целей участия в подобном обсуждении? Вы лишь хотите получить подтверждение циничному тезису, будто пожилого преподавателя, обвиняемого в «педофилии», — поддерживает исключительно «экстремистка»!

Но это непременно аукнется по вам лично. Я и говорю, что вашей жене будет очень легко поделить имущество. Сказанное о вас ею — будет всеми однозначно принято за правду. Другой-то уже нет!

Поэтому постарайтесь пореже светиться на подобных темах. Для вашей же пользы... гм... в качестве отца своей дочери.

...Суд присяжных оправдал старика-пианиста. Вне себя от радости, Лариса Петровна написала благодарственное письмо «мадам Огурцовой» с поздравлением по

поводу ее «полной победы». Пришедший ответ заставил ее немедленно собраться в дорогу, взяв неиспользованные отгулы на работе. Мужу она сказала, что едет к подруге, тот понимающе хмыкнул.

Дорогая Лариса! Ни о какой «победе» не может быть и речи! Они уберут суды присяжных, только и всего. Они не остановятся, в том числе и со мной. Удивительно, но ты что-то знаешь о гарпиях, значит, немедленно должна приехать. Ты попадешь в одно купе с дамой, с которой обязана подружиться. Она любит сливовую настойку, только хорошую, как раньше. К вам в купе никто не сядет, — что туда, что обратно.

Мне написали вопрос – будет ли семья этого педагога настаивать на наказании виновных в издевательствах над ним. Им не отвечают, но они очень хорошо знают, что мне – ответят. Вопрос был задан для меня. От этого преподавателя отстали еще и потому, что точно знали – ни он, ни его родственники не станут искать правосудия. Моя защита убедила их в том, что его репутация восстановлена. О репутации других людей они не думают. Если бы они написали жалобу, но они запуганы, сломлены и теперь точно знают, что «плохо о них не подумают».

Это означает, что скоро будет не менее важный выпад этих тварей. Ты написала мне, что тебе кажется. Думаю, нам ничего не кажется просто так.

Но раз ты втянула меня, значит, ты точно должна быть участницей готовящейся схватки. Уверяю тебя, ты видишь то, что видят единицы. Такое видение может быть и не знаком судьбы, если ты держала в руках одну вещь. Но что-то подсказывает мне, что ты видишь это по другой причине. Надо лишь это выяснить! Большой вопрос, захочешь ли этого сама?

Она захотела! И удивилась себе, насколько сильно она этого захотела. Провожать ее в дорогу к незнакомой женщине отправились муж и дочь. Ее баритон уже догадался, что она делает важный и в чем-то необратимый шаг. Но он знал, что остановить ее перед приключением, которого она ждала всю жизнь, невозможно. Он в очередной раз ее удивил, как когда-то в зимнем лесу, не дав превратиться ей в клен обледенелый. Перед выходом на платформу, он взял ее ладонь в свои руки и прошептал: «Только смелее, Ларчик! Потом расскажешь мне все, я пойму!»

* * *

Первый день пребывания в гостях у «мадам Огурцовой» с ночными «огуречными посиделками» поначалу показался ей чем-то вроде слета первокурсников. Все было замечательно, лишь в глазах хозяйки застыла тревога. Ее не удивило приветствие, сказанное не столько ей и ее соседке по купе Нике, сколько Анне, прибывшей раньше их: «Ну, вот, Анна, это – наши Урания и Эвтерпа!» Она не могла ручаться, что в точности поняла сказанное, по крайней мере, ей показалось, что именно так она их представила одной из

постоянных посетительниц блога, прошедшей вместе с ней суд в «борьбе против экстремизма».

Merry Company, 1631 — Питер Якобс Кокке

На следующий день вся разношерстная кампания узнала, что накануне один из городов на юге страны затопило водой из прорвавшейся плотины. Лариса Петровна поняла, что ее приключение началось, она прибыла в тот порт, откуда должен был отправиться ждавший ее корабль. Как когда-то у Гомера «Илиада» началась с Первой песни о море, так и ее история начиналась с того же самого.

Понимая, что плотину на людей могли просто спустить, она чувствовала, как в ней закипает гнев. Все, у кого была возможность подключения к Интернету, беспомощно читали новости, в которых утверждалось, что виновны в несчастьи были те, кто полвека назад проектировал эту плотину. Но, опустив голову, хозяйка сказала, что у этой плотины – точно был клапан вниз. Но людям, которые завладели этим гидротехническим сооружением, намного проще было уничтожить несколько тысяч людей, чем эксплуатировать сооружение нормально, вкладывая деньги в своевременные ремонты...

И она верила хозяйке блога намного больше, чем тем, кто лгал по радио и на официальных сайтах средств массовой информации, будто люди были предупреждены о грозящей им опасности. Они и сейчас, когда оставшиеся в живых писали в Интернете о тысячах трупов, утверждали, будто погибло «всего лишь» сотня человек...

В ней все громче звучали строки Гомера: «...и у стен Илиона / Племя героев погибло — свершилася Зевсова воля», она все отчетливее слышала хлопанье огромных черных крыльев и все больше, все нестерпимее ей хотелось петь...

*Пой, богиня, про гнев Ахиллеса, Пелеева сына,
 Гнев проклятый, страданий без счета принесший ахейцам,
 Много сильных душ героев пославший к Аиду,
 Их же самих на съеденье отдавший добычею жадным
 Птицам окрестным и псам. Это делалось, волею Зевса,
 С самых тех пор, как впервые, поссорясь, расстались враждебно
 Сын Атрея, владыка мужей, и Пелид многосветлый.
 Кто ж из бессмертных богов возбудил эту ссору меж ними?
 Сын Лето и Зевса. Царем раздраженный, наслал он
 Злую болезнь на ахейскую рать. Погибали народы
 Из-за того, что Хриса-жреца Атрид обесчестил.
 Тот к кораблям быстролетным ахейцев пришел, чтоб из плена
 Вызволить дочь, за нее заплативши бесчисленный выкуп.
 Шел, на жезле золотом повязку неся Аполлона,
 И обратился с горячей мольбою к собранью ахейцев,
 Больше всего же — к обоим Атридам, строителям ратей:
 «Дети Атрея и пышнопоножные мужи ахейцы!
 Дай вам бессмертные боги, живущие в домах Олимпа,
 Город приамов разрушить и всем воротиться в отчизну!
 Вы же мне милую дочь отпустите и выкуп примите,
 Зевсова сына почтивши, далеко разящего Феба».*

За Первой песней – следует Вторая, а у Гомера она называлась «Сон, Испытание». Помня об этом, Лариса Петровна решила не ложиться вообще, понимая, что уж если действительно все так и произойдет по «Илиаде», то сон ее настигнет где угодно. Она вызвалась убраться на кухне и отправила Веронику спать.

Ей казалось, что она не только одна на кухне, но и во всем мире. И пока все спали, она сидела прямо, глядя в одну точку, думая в своем сердце о том, сумеет ли она помочь в грядущих испытаниях тем, кто собрался под гостеприимным кровом этого дома и блога «Огурцова на линии».

*Прочие боги Олимпа и коннодоспешные мужи
 Спали всю ночь; не владел лишь Кронионом сон благодатный.
 Думал все время он в сердце о том, как ему Ахиллесу
 Почесть воздать и побольше ахейцев сгубить пред судами.*

Как она и предполагала, сон начался неожиданно и практически наяву. Возле нее появилась высокая черноволосая женщина в длинном черном шелковом платье. Она понимающим взглядом окинула ее напряженную позу и спросила: «Меня ждешь? Я — Эвриале!»

Дама с трудом оторвала от себя большие часы на львиных лапках, и Ларисе Петровне показалось, что часы вовсе не желают вставать на стол, они явно пытались зацепиться за подол ее платья.

— Извини, пришла бы раньше! – обернулась дама к Ларисе Петровне от своих строптивых часов. – Но эти часы... с ними всегда какие-то проблемы, стоит нам прибыть к Эвтерпе! Ну, что с тобой? Сколько можно?

— Давно говорю, что эта дамочка мне лично не вдохновляет, — заплетающимся механическим голосом протикали часики. — Никакого полета фантазии, опять посещение музеев и методическое изучение основ классического искусства. Не знаю, зачем такое нужно! Может, без нее обойдемся?

— Как ты без нее решил обойтись, она уже посреди этой истории! – возразила дама, поправляя прическу из черных локонов. — Она уже вдохновила Каллиопу защитить старика-пианиста! И другой Эвтерпы у меня для тебя нет.

— Вот именно! – пьяным голосом ответили часы. – История получается достаточно грязная, экстремистски-педофильская... Куда там еще эту?.. «Покровительницу лирической поэзии и музыки самой природы, дающей душе очищение», умереть не встать. Давай вместо нее мужика иницируем, а?

— Чтобы его в педофилии обвинили? — прикрикнула на разговорившиеся часы Эвриале. – Думай, что говоришь! Давай-ка, транспортируй нас к портрету Эвтерпы кисти лучезарного Гойи!

— Ой, не могу! – простонали часы. – Ну, отчего все Эвтерпы такие неказистые, как эта маркиза? То ли дело... Терпсихора! Уф-ф, как вспомню, так вздрогну! И такую лапочку, такую бесподобную красотку надо было на балет тащить совсем малышкой, а с Эвтерпой — ждать «до полной зрелости». А чего бы с ней лет до семидесяти не подождать?

— Нет, если вы не хотите, я не настаиваю! – вмешалась в эту нескончаемую пикировку Лариса Петровна, понимая, что часы просто не хотят ее никуда доставлять даже во сне. Хотя до семидесяти лет ждать было еще очень долго, ей не хотелось, чтобы кто-то ссорился из-за нее.

— А кто тут что-то может хотеть, кроме нас? – удивилась дама. – А ну-ка, немедленно доставь нас в Прадо и без лишних разговоров!

...И они очутились посреди пустынного зала. Впрочем, «очутились» для Ларисы Петровны было бы сказано слишком пафосно. Только что она сидела на прибранной ею кухне, слушая с напряженным лицом, как появившаяся из ниоткуда дама обсуждает ее с говорящими часами, явно хлебнувшими лишнего. И через мгновение она заскользила по влажному мраморному полу, больно ударившись в темноте о медный столбик возле стены.

— Да это просто зверство какое-то, — сказала Эвриале, споткнувшись о ее ноги. – Поднимайся, можешь рассматривать это «музыкой природы». В последнее время все как с цепи сорвались! Ты уж извини, часики у меня маленькие, очень подверженные чужому влиянию. Какое время отсчитывают,

так себя и ведут, ничего не поделаешь... У нас нынче время пьяных запоев, хамства и пренебрежительного отношения к женщине. Вот и имеем результат. Свет включи, мерзавец!

В залах загорелся свет. Часики согнулись возле урны в приступах рвоты. Эвриале что-то приговаривая нелицеприятное, пыталась вытереть их чистой салфеткой, а часы лишь безвольно отпинывались от нее бронзовыми лапками.

Portrait of The 10th Marquesa De Santa Cruz As The Muse Euterpe. Francisco de Goya, 1805

Как только в зале стало светло, Лариса Петровна поняла, что оказалась на четвереньках перед огромным портретом Хоакины Тельес-Хирон, второй дочерью герцога Осуны и женой Хосе Сильва-Базана, унаследовавшего в 1802 году титул маркиза Санта-Круз, а позже ставшего первым директором Прадо. После своей неудачной попытки самостоятельного просвещения в музее родного города Лариса Петровна методически изучала в библиотеках, а затем в Интернете – собрания самых известных музеев мира, особенно выделяя для себя мадридский Прадо, имевший наиболее богатый раздел живописи. Она знала, что Хоакина, которую Гойя изобразил на портрете 1805 года в роли музы лирической поэзии Эвтерпы, возлежащей на канапе и с лирой в левой руке, была одной из самых почитаемых женщин Испании своего времени. Она имела личное знакомство со многими поэтами и писателями, являясь для многих самым авторитетным критиком с безупречным литературным вкусом. Выбор такого образа для ее портрета был обусловлен страстью маркизы к лирической поэзии. Это была одна из немногих картин, где заметно проявилось влияние классицизма на художника. Лариса Петровна отметила для себя, что лира была изображена неправильно, Эвтерпа предпочитала авлос – двойную флейту. Да и не стала бы она (в отличие от Эрато) украшать себя

листьями и гроздьями винограда. Но больше всего ее поражала черная стола, обвивавшая левую руку маркизы, спускавшаяся на канapé из-под ее фигурки. И на картине, как раньше по иллюстрациям, ей вначале показалось, что от Хаокины расползаются змеи, как от головы убитой Медузы.

От созерцания портрета маркизы ее отвлек звук пощечины и жалобный ответный звон часов. Она обернулась к Эвриале, воспитывавшей говорящие часы рукоприкладством, и похолодела. На выходе из зала рядом с урной стоял мужчина в одних трусах с бутылкой пива в руках. Лариса Петровна поняла, что часы окончательно проштрафились, захватив в ее сон одного из гостей «мадам Огурцовой», дремавшего на кухонном диване.

Молодой человек, как ни в чем ни бывало, прохаживался по залам, рассматривая картины, прикладываясь к большой бутылке пива. Его колоритная фигура сразу запомнилась Ларисе Петровне, поскольку он, не в первый раз приезжая в гости к хозяйке блога, немедленно раздевался до трусов и запасался пивом на весь период пребывания, утверждая, что только так может релаксироваться в суетной действительности.

Возможно, именно такая методика релаксации для него была наиболее оптимальной, потому что из состояния релакса его не вывела и неожиданная смена обстановки. Он вежливо кивнул ошеломленной Эвриале и, узнав знакомое лицо, спросил Ларису Петровну: «А где все?»

Эвриале выпустила часики, которые держала за бронзовые шишечки на крышке и устало сказала в пространство: «За что?.. Что же это за гадство-то?..»

— Думаю, чего время зря терять, пока вы тут все осмотрите? – оправдывались часики, понимая, что хватили лишку. – А чо? Нормальный мужик, натурал, кстати. Думаю, посидим с ним пока, потолкуем.

— Ну, и вали со своим натуралом, — ответила Эвриале, пнув часы ногой.

— Это мы в Прадо, как я понимаю? – спросил мужчина, прихлебывая пиво. – Мы сюда с женой, тещей и ребенком на пару часов прошлым летом врывались. У меня тогда был просто культурный шок от такого посещения. Чтобы оптимизировать результат от посещения Прадо, нужно ходить сюда хотя бы в течении нескольких дней, смотреть все порционно, без кавалерийских наскоков. Иначе это становится кошмарным сном, вот как сейчас. В прошлый раз, к моменту выхода из музея, думал, что если в ближайшее время мне на глаза попадет еще хоть один предмет, хотя бы туманно напоминающий мне своим видом о кресте или о терновом венце или о мадонне с младенцем, то я себе голову о камень разобью.

— Вот! – радостно взвизгнули часики. – Вот она, правда жизни! А еще пинается, мол, зачем, мужика с собой взяли!

— У меня вообще от Испании, несмотря на необыкновенную красоту увиденного, в прошлом году случился некоторый передоз от католической символики из-за ее невероятной концентрации повсюду, — продолжил развивать свою мысль мужчина.

Лариса Петровна вспомнила, как сложно его было остановить, когда он начинал рассуждать вслух, неизменно сидя полуголым на кухонном диване с бутылкой пива в руках. Он почти ничего не писал в блоге, зато его было практически невозможно переговорить в реальной жизни. Насколько она помнила, включая хозяйку дома, обращались к нему Жора. — Они тут все время с грехами боролись, да так особо и не смогли победить, — поддакнули часики, тихонько отползая от носка Эвриале к босой ступне Жоры.

— Все наши грехи победит время, — философски заметил Жора. — Но, конечно, то, что здесь выставлено, времени неподвластно.

— Да время всех победит, — заявили часики, становясь за его спину. — А все выставленное здесь — тоже вопрос времени.

— Я в прошлый раз удивился, что фотографировать в залах Прадо запрещено, — сказал Жора, оборачиваясь к часам. — Ну и, зачем кому-то нужны кривые фотографии, когда в альбомах и в Интернете существуют качественные репродукции всех произведений?

— Понятия не имею, что их так по музеям тянет? — подобострастно поддакнули часы.

— С одной стороны, в Прадо есть буквально все! Эль Греко, Веласкес, Гойя, ван Дейк, Босх, Рубенс, Пикассо, Тициан, Дюрер, черт лысый... Причем большинство основных коллекций — гигантского размера, на много залов, а не по несчастной пятерке-десятке картин на художника, как у нас в лучшем случае, — рассуждал голый Жора. — С одной стороны, посещение Прадо — настоящее пиршество. Первые два можно провести в восторженной нирване. Тут ведь перед некоторыми картинами хочется щипать себя за руку, проверяя, неужели видишь их наяву?.. Представляешь, как Босх писал «Сад земных наслаждений» или «Воз с сеном», корячился на всю стену, ученики боковушки триптиха расписывали... Так ведь и возникает в результате вещь, которую можно рассматривать и изучать в деталях... Это непередаваемое ощущение!.. Будто на тебе замыкается какая-то непостижимая цепочка случайных событий!

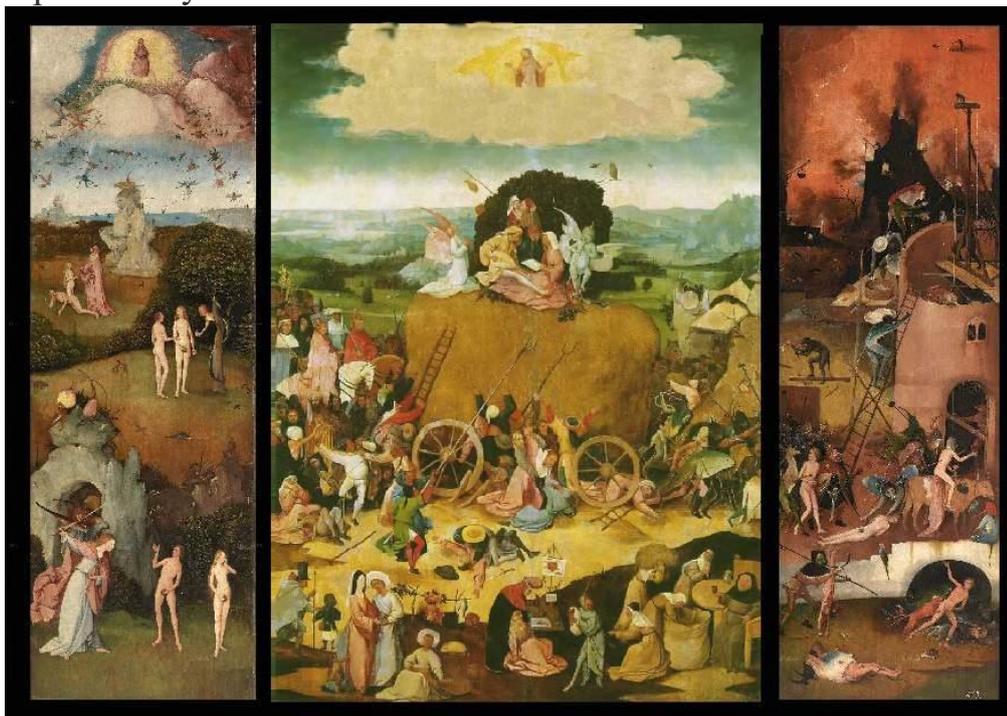
— А если просто в книжке посмотришь, то ощущения передаваемые? — подобострастно поинтересовались у него часики.

— Ощущения тогда обыденные, — признался Жора, отхлебывая пиво. — Здесь какой-то особый личностный контакт. Тем более, сейчас, когда здесь никого нет и можно по залам в трусах ходить.

— Немедленно одень его! — не выдержала Эвриале.

Обернувшись к Ларисе Петровне, она сказала: «Ну, как ни крути, а ничего случайного не бывает! Давай взглянем в зале Босха на картины, которые этот гражданин упомянул, да займемся чем-то более приземленным.»

Из своих методических основ самообразования Лариса Петровна знала, что триптих Иеронима Босха «Воз сена» считался первой из больших сатирико-нравоучительных аллегорий зрелого периода творчества художника. В Прадо была одна из двух версий картины, вторая находилась в Эскориале. Обе картины неплохо сохранились, но за века подверглись настолько масштабной реставрации, что никто уже не знал, какая из них является оригиналом. Возможно, оба триптиха, изобилующих маленькими фигурками, написанными в смелой технике мазка, — являлись оригиналами. Но в изображениях на внешних створках явно выполнены кистью кого-то из подмастерьев или учеников Босха.

Jérôme Bosch, Triptyque du chariot de foin, 1490, Madrid, Musée du Prado.

В «Возе сена» не было общепринятой перспективы изображения пространственных объектов на плоскости в соответствии с теми кажущимися сокращениями их размеров. Причем, большинство художников шли к перспективе, добивались зримой глубины композиции. У Босха же все происходило наоборот. Если в ранних произведениях он еще более или менее придерживается традиционной перспективы, то в больших фантазмагориях

зрелого периода он изобретает новую технику, по-своему решает проблема пространства. Он создавал некое воображаемое пространство, где множество движущихся фигурок образовывали непрерывный первый план, противопоставляемый эпизодам фона, но без всякой обратной зависимости. Он будто не старался выделить первый план вообще, все группы изображений оказывались на первом плане, будто ожесточенно вытесняя друг друга.

На картине, на фоне бескрайнего пейзажа огромный воз сена окружили люди, а среди них жестко выделяются все сословия «сильных мира сего» и «простого народа». Однако кастовые различия не сказываются на их поведении: все они хватают охапки сена с воза или дерутся за него. За лихорадочной людской суетой сверху безразлично и отстранённо наблюдает Христос, окружённый золотым сиянием. Никто, кроме молящегося на верху воза ангела, не замечает ни Божественного присутствия, ни того, что телегу влекут странные демоны.

Лариса Петровна знала, что обычно эта аллегория рассматривается как иллюстрация старинной нидерландской пословицы: «Мир — это стог сена: каждый хватает, сколько сможет!» И стоило Босху выставить такой воз сена, как весь род людской представал погрязшим в грехе, полностью отринувшим нравственные заповеди, полностью безразличным к собственной душе.

Она беспомощно оглянулась к Эвриале, увлекшейся подбором подходящего одеяния для их случайного спутника. Часы наряжали его то в рясу священника, то в камзол дворянина, то в латы стражника. Визуальный ряд живописных полотен вызвал «передоз» и у подвыпивших часов, которые сейчас никак не могли сосредоточиться на текущем моменте.

— Оставьте его! — заступилась Лариса Петровна за ошалевшего Жору. — У нас нынче безвременье, поэтому вы все равно не угадаете!

— Ладно, — смилостивилась Эвриале. — Немедленно убирайтесь оба, накройте стол, потом заберите нас отсюда!

Жора и часы растворились в воздухе с нескрываемым облегчением. Эвриале подошла к Ларисе Петровне, стоявшей возле огромного полотна, и достала из складок платья изящный хрустальный флакон. Стоило ей щелкнуть по нему ногтем перед носом зачарованной Ларисы, как внутри флакона заискрились золотые песчинки.

— Все второпях, все с колес! — посетовала Эвриале. — Но ведь ты сама видела, как эта Хоакина похожа на тебя, тут уж ничего не поделаешь. Обычно Эвтерпа изображается в группе, она как бы усиливает вдохновляющее воздействие либо старших муз, либо младших... От Эрато одни проблемы, а Эвтерпа ко всему подходит методически, всему определяя истинную цену. Ну, что тут у тебя?

— У меня? Ничего, — пробормотала Лариса Петровна, прислушиваясь к странному шуму в ушах. — У меня сейчас в голове гудит... Мне кажется... что это со мной?

— Ты становишься настоящим, живым воплощением Эвтерпы, — пояснила Эвриале, с любопытством глядя на нее. — Не аллегорически, как на картине Гойи, а на самом деле.

— Я смогу что-то делать? — деловито поинтересовалась Лариса Петровна слабым голосом.

— Понятия не имею! — призналась Эвриале. — У всех это происходит по-разному. К тому же ты ведь не будешь знать, во сне это случилось или наяву, даже если в разговорах с Жорой выясните, что видели один и тот же сон. Лучше не выяснять, конечно. Чтобы не мешать полной свободе выбора. Вот как на этом полотне! Все есть, никто свободе выбора не мешает!

— Нет, мне кажется, что чего-то не хватает! — призналась Лариса Петровна. — Будто Босх уничтожил здесь не только перспективу...

— Да, плоский мир иногда берет над ним верх, — согласилась Эвриале. — Наверно, поэтому искусства даже вроде этого не входили в компетенцию муз, хотя само название «музей» означает «жилище муз». Мы видим необыкновенно прекрасное полотно. И что вдохновило мастера на его создание? Человеческие пороки! Как бы он их показательно не бичевал во всю стену, но что-то главное им точно упущено, верно? Иначе зачем мне сейчас тратить на тебя золотой песок?

— Да, меня смущает именно его побудительная вдохновляющая сила, — прошептала Лариса Петровна. — В чем она? Полотно подавляет своим масштабом, как приговор всему миру, но ведь это неправда! Здесь лишь догмат веры без радости жизни. Нет выбора! Мы видим, как все устремлены в погоню за благами земными... Вот грех алчности, стяжательства, корысти, жадности... Но разве это надо было увековечить и пронести сквозь века? Это иногда перестает быть притчей, при широком диапазоне изображенных слоев общества — это выливается в констатацию, мол, все такие. Владыки светские и духовные, следующие за возом в чинном порядке, не вмешиваются в свалку и распрю за сено лишь оттого, что это сено и так принадлежит им, — повинны в грехе гордыни. Алчность заставляет людей лгать и обманывать, вот мнимый слепец с юным поводырем вымогает подаяние, а здесь лекарь-шарлатан выложил свои дипломы, склянки и ступку... Огромное брюхо монаха, наблюдающего, как монахини накладывают сено в мешок, — олицетворяет грех чревоугодия. Влюбленные пары на верху воза предаются грехам любострастия... Даже музицирующие любовники из более изысканного общества будто усиливают главную мысль — торжество

алчности. Здесь нет жизни, потому что изображена смерть души до физической смерти.

— Да, эти мысли и... достаточно примитивные догматические нравоучения переданы нероятно талантливо, захватывающе, но в этих аллегориях нет настоящей жизни, — согласилась Эвриале. — Какой бы ни была среди вас Эрато, но и она сыграет свою роль. И какой смысл ее отрицать или принижать ее значение, особенно в молодости? Так ведь и само человечество может исчезнуть... А «Сад земных

наслаждений» Босха — это просто трактат против вашей средней сестрички. Посмотри, у него здесь главная цель — разоблачить ее тлетворное влияние, ни больше, ни меньше. Понятно, что сами чувственные удовольствия весьма эфемерны! Но это же не означает, что надо их полностью отрицать! Самой Эрато, кстати, во все времена не нравилась эта самая ее эфемерность, другие музы как-то с нею справляются, более органично ощущают время, а с Эрато всегда было много проблем. Мне старшая сестра Сфейно рассказывала, как одна Эрато... не станем уточнять ее всем известного имени, — вообще осуществила попытку захватить мир... античный. Но ведь и сейчас каждая Эрато просыпается с мыслью о покорении мира. Ей бы на «Сад земных наслаждений» полюбоваться. Это — своеобразный отклик ее идеи, которая все равно никогда не находила воплощения в действительности.

— Но ведь без этого тоже будет скучно, а скука — такой же смертный грех! — подвела итог Эвтерпа.

— Совершенно правильно! Отойди на шаг и посмотри беглым взглядом! — предложила Эвриале. — Потом сделай шаг к картине, и ты сразу ощутишь скуку! Тебе хочется любоваться полотном, как элементом интерьера, но разбираться с отдельными аллегориями не только скучно...

— Я чувствую попытку меня переделать! — в отчаянии выдохнула Эвтерпа. — Но он заранее считает, что я — такая! Только такая! А какой я стану потом? Он думает, что знает, но каждый знает, каком он должен быть! То, что он делает, это неправильно!

— Да, он оскорбляет искру божью, которая не наверху воза с сеном, а в каждом из нас! — торжествующе закончила Эвриале. — Его картины — такое же ложе Прокруста, он говорит всем, насколько мы плохи, а чтобы человек стал лучше, одних нотаций маловато. Человек вообще удивительное существо, способное

на удивительное величие духа. Вот потому-то ты и стала Эвтерпой, что, несмотря на все, что знаешь о людях, стремишься видеть в них одно хорошее.

— Откуда вы знаете? – смутилась Лариса.

— О, дорогая! Редкая женщина решится вдохновить Каллиопу на защиту мужчины, обвиненного в педофилии, если сама имела подобный опыт в детстве.

Эвриале щелкнула пальчиками, и Лариса Петровна увидела маленькую девочку на ледяной горке. Вначале она узнала свое старенькое пальто, которое носила четыре года, потому что пальто было куплено «на вырост», а она почему-то медленно росла. Потом она вспомнила тот страшный день, когда на горке к ней подошел дяденька и что-то спросил. Она не поняла, о чем он спрашивает, но знала, что старших надо уважать, поэтому переспросила его, вежливо поздоровавшись. Дяденька заговорил еще непонятнее и полез к ней руками под пальтишко, больно щипаясь. Она сумела его оттолкнуть, с ревом бросилась домой. Мамы и папы не было ни на кухне, ни в комнате. Зато из первой заводской смены уже пришли дяденьки-соседи. Они остановили ее в коридоре и, выяснив, почему она плачет, тут же оделись и побежали на горку. Того страшного дяденьку они так и не нашли, но, вернувшись домой, строго наказали ей никогда больше не разговаривать с незнакомыми дяденьками, а сразу бежать домой, где в большой коммунальной квартире обязательно был кто-нибудь из соседей, работавших посменно.

— Как видишь, Босх может изобразить того мерзавца с ледяной горки, а вот простых работяг, кинувшихся на защиту посторонней девчухи – нет, — улыбнулась Эвриале. – Кажется, и у меня прошла злость, наконец-то. Пойдем к нашим мальчикам, а то они здесь сопьются.

Lola of Valencia 1862 Edouard Manet (1832–1883)

Лариса Петровна плохо запомнила остальную часть культурной программы, потому что все ее внимание было поглощено громко закричавшей толстой женщиной в красном платье, отбивавшей сложный ритм туфлями с набойками. Воздетыми над головой руками она щелкала кастаньетами и под всеобщий восторг трясла головой с длинными распущенными волосами.

У людей, сидевших за столиками в полутьме зала, стояло ароматное кофе и испанские пончики чурросы. Только на их столике возле Жоры лежали останки объединенных красных раков.

Перед ними в лоточках лежали несколько видов суши, роллы, а сам Жора объяснял невероятно довольным часам, какое пиво лучше доставить к копченым куриным крылышкам и арахисовым орешкам.

На Жоре из одежды появилось мексиканское сомбреро и кожаный пояс с украшенной кистями кобурой, поэтому никто не предъявлял никаких претензий по поводу некоторого беспорядка в его гардеробе.

— Ну, вы даете! – сквозь сон услышала Лариса Петровна голос Вероники Евгеньевны, в котором сквозило нескрываемое осуждение.

Она приподняла голову, обнаружив себя на диване возле разметавшегося Жоры. Его сомбреро лежало на полу возле шести коробок пиццы по-гречески и двух больших бутылок с пивом. Как только она встала с дивана, Жора сменил позу и устроился поудобнее, потому что в левый бок ему давила кобура с кистями и ручкой от огромного кольца.

— Вы чем это ночь занимались? – с удивлением спросила Вероника Евгеньевна, кивая на ее красное платье и туфли с набойками. – Ты прямо в туфлях спала?

Никакой свободы выбора Эвриале не оставила, хотя обещала. Наверно, поэтому все ее впечатления от Прадо остались в виде картин Босха, где, несмотря на всю их живописность, никому никакого выбора не оставлялось даже на случай «немного пошалить».

проснувшихся обитателей большого дома.

Она вспомнила, как под тлетворным влиянием пива, Жоры, говорящих часов и плюнувшей на все Эвриале, сама влезла на сцену, выпихнув оттуда толстую артистку, заявив, что сейчас всем покажет, как надо танцевать фламенко...

Пицца была еще теплая, поэтому, стараясь не думать о ночном кошмаре, она стала накрывать стол для

14. Мельпомена

Giovanni Martinelli — A Young Woman Holding A Crown, Possibly The Muse Melpomene

*Памятник я воздвиг, который стоять будет вечно.
Он выше всех пирамид и меди прочней долговечной.
Не смогут ни яростный ливень, ни ряд непрерывный годов,
Ни северный ветер бессильный, ни ход торопливый часов
Разрушить созданье бесценное, в веках бесконечных нетленное.
И если однажды узнаю я в полуночный час Либитины лик,
Я буду спокоен: хоть часть меня, но сможет остаться в стихах моих.
Покуда с безмолвною девою на Капитолий жрец всходит,
Слава моя незабвенная лишь множиться будет в народе.
Скажут однажды, рожден я был, где средь холмов Ауфид шумит,
Давн где, водой небогатый, народам всем благоволит.
Что я, из рода незнатного, перевести все же первым смог
Славную песнь эолийскую вечную на италийский слог.
О, Мельпомена! яви же ты заслугами гордость добытую
И с милостью лавром Дельфийским обвей мне главу непокрытую.*

Квинт Гораций Флак «К Мельпомене»

Ночью он никак не мог заснуть. Дождавшись, когда часы под ночником стали показывать без четверти двенадцать и убедившись, что няня уже спит, он слез с кровати и подошел к новогодней елке, чтобы еще раз напомнить Деду Морозу о своем желании.

Раньше он бы ничего такого делать не стал потому, что все его желания всегда заранее каким-то удивительным образом угадывали мама и нянюшка. Глядя потом на его удовлетворенное личико, они дружно радовались полному совпадению их отгадок.

Но так продолжалось лишь до тех пор, пока не сообщил маме, что хочет стать артистом балета, а когда вырастет, то непременно женится на Надежде Павловой, которую несколько раз видел по телевизору. Балет сразу заморозил его своей неземной красотой, когда в три года он побывал на «Жизели» — «для общего развития». А после много лет в день своего рождения он ждал особого подарка — новогоднего представления балета «Щелкунчик». Новый год стал немислим для него без «Щелкунчика» 31 декабря, навсегда слившись со свежими запахами хвои и мандаринов.

Несколько раз он напоминал маме о своем желании, потому что слышал, что некоторые девочки-ровесницы уже ходили в балетный кружок. Но тут ему пришлось впервые столкнуться с тем, что у мамы на его будущее были и свои желания, которые он должен был исполнить, отказавшись от мечты в каждый свой день рождения выходить Щелкунчиком в красном трико, чтобы дарить всем новогоднюю сказку. Мама заявила, что вначале он должен закончить школу с золотой медалью, а потом поступить в Московский университет, где учился его дедушка, а дальше у мамы были совсем скучные планы, исполнять которые ему не хотелось ни капельки.

И как раз сегодня, на очередном «Щелкунчике» он впервые решил обойтись в исполнении желаний без мамы и няни, напрямую обратившись к Деду Морозу. Поэтому не слишком удивился, обнаружив, что не один крутит блестящие шарики у елки. Рядом с ним вместо Деда Мороза оказалась высокая тетенька с вьющимися черными волосами, небрежно заколотыми двумя золотыми гребешками с камушками. Она с любопытством рассматривала старинные новогодние игрушки, но не крутила шариками, потому что руки у нее были заняты большими часами.

— А где Дед Мороз? — разочарованно спросил мальчик.

— Я вместо него, — невозмутимо сказала дама.

Малыш вздохнул и пригласил гостью к столу, на котором стояла большая ваза с фруктами и подаренная ему на день рождения чудесная книга про Чиполлино. У всех картинок в книге были глазки из прозрачной пластмассы с черными бусинками внутри. Книжку можно было трясти, и у всех нарисованных героев сказки при этом бегали глазки. С видимым облегчением дама поставила на стол тяжелые часы, и мальчику показалось, что ее часы небрежно отпихнули его книжку в сторону маленькой бронзовой ножкой, выполненной в виде лапки льва.

— Ты даже представить не можешь мое затруднение! — озабоченно призналась дама, вынимая из складок длинного платья хрустальный флакон, слабо светившийся изнутри. — С одной стороны, часы Сфейно никогда не ошибаются, а с другой стороны... это твое сумасшедшее желание... Как женщине разумной и порядочной, мне очень хочется принять сторону твоей мамы.

— Значит, теперь мне придется учиться на математика? — спросил мальчик, едва сдерживая слезы. — Зачем же я тогда... тогда... зачем?

— Ой, только не реви! Я сама сейчас завою, — отмахнулась от него тетенька. — Недавно девочку благословила на служение Каллиопа, так до сих пор сердце кровью обливается. А теперь вот ты, малыш... Поставь себя на мое место! И если бы ты, в качестве

будущей Мельпомены, хотя бы задумал стать театральным режиссером, а может быть режиссером кино — это одно. Но вас всех почему-то тянет в балет! Поэтому мне приходится говорить с каким-то... недомерком. Не обижайся, это я не на тебя злюсь, а на себя. Рассчитывала встретить сложившегося человека, а тут... мандаринки всякие, чиполлины... Мельпомена... ну, это непременно трагическая маска, это буря эмоций, это... «протяжный вой»! Это как у Александра Сергеевича Пушкина в «Евгении Онегине»!

*Но там, где Мельпомены бурной
Протяжный раздается вой,
Где машет мантию мишурной
Она пред хладною толпой,
Где Талия тихонько дремлет
И плескам дружеским не внимлет,
Где Терпсихоре лишь одной
Дивится зритель молодой
(Что было также в прежни леты,*

*Во время ваше и мое),
Не обратились на нее
Ни дам ревнивые лорнетты,
Ни трубки модных знатоков
Из лож и кресельных рядов.*

— Это как Злой Гений, да? — поинтересовался мальчик. — А на меня всегда все смотрят! Где я ни встану, сразу и смотрят.

— Да мне не жалко, — устало произнесла тетя, — разве я об этом? Да и как на тебя не смотреть? Вон ты какой черненький! И глазки огромные... Кстати, ты почему такой черный?

— А я, тетенька, грузин!

— Ну, знаешь, привыкла к совпадениям, но чтобы до такой степени... Среди грузин Мельпомены не впервые, у вас какая-то особая склонность, истинная ее страсть, — заметила гостя. — Что, впрочем, нисколько не удивительно. Когда-то у меня была младшая сестра... она уже умерла. Так у нее родились... ну, ты еще ведь не знаешь, как дети появляются?

на рельефах дорического храма Артемиды, покровительницы охоты и божества луны, на о. Корфу в центре была изображена во всю высоту фронтона побежденная Персеем горгона Медуза

— Официально — нет, а в целом догадываюсь, — смутился малыш.

— Так вот первым у нее родился такой летучий конек Пегас, — махнув рукой на условности, сказала все как есть Эвриале. — Но мало кто знает, что с ним родился Хрисаор. Его многие считают великаном, потому что он сразу

родился взрослым и с золотым мечом. Наверно, потому что до рождения знал, что детства у него уже не будет.

— Вы имеете в виду горгону Медузу? — серьезно спросил ее мальчик. — Но ведь было сказано, что кроме Пегаса, из капель крови Медузы появились ядовитые змеи, которые уползли в Ливию.

— И там, конечно, не говорилось, что и у Асклепия была склянка с кровью Медузы, которая помогала даже неизлечимо больным? — с раздражением возразила Эвриале. — Ее сын Хрисаор отправился не в Ливию, а на Кавказ, став первым правителем Иберии. От трех его сыновей ведут род все грузинские князья. Так что ты... в некотором роде, мой племянник.

Целитель Асклепий

— А разве могут быть такие далекие предки? — зачарованно спросил мальчик.

— Меня всегда удивляло смешное желание некоторых людей приписать себе высокое родство. Но еще больше удивляло непонимание людей, что они живут сегодня — только потому, что их дальние родственники уже жили тогда, когда Холодец подговорил Персея убить Медузу.

— А кто такой Холодец?

— О! Еще познакомишься с ним! — сверкнула глазами горгона. — Поскольку при исполнении твоего глупого и самонадеянного желания детства у тебя уже не будет, давай отметим последний его день! Тем более, сегодня Новый год. А по-старому в это время заканчивались римские сатурналии, люди встречали новое время. Ты что

будешь — ачма или кубдари?

— Ой, можно я такое не буду? — заныл мальчик.

— Так ты же грузин! — удивилась Эвриале.

— Грузин, — согласился малыш. — Но острое не люблю. И кукурузную муку не люблю, и орехи подсыпанные не люблю. Но больше всего не люблю

мацони. Я вместо нее окрошку с луком и свежими огурцами люблю. Холодец с хреном, вареники всякие, борщ... У нас няня готовит, она – украинка.

— И сало домашнее? – поинтересовалась Эвриале, глядя на безмятежно сопевшую няню.

— Ой, сало, если оно чуть-чуть тянется и слоями, обожаю! – ответил мальчик, покосившись на часы, которые презрительно хмыкнули.

— Ну, понятно все с тобой, — задумчиво констатировала Эвриале, достав из ящичка часов красивый буклет меню. – Тогда давай обратимся к извечным ценностям французской кухни... Итак, парочку жульенов с грибами, медальон из сома с тимьяном под соусом шофруа, блинчики по-пикардийски, а потом... саварены сюрприз и карамельный мусс с ванилью. Покажется мало – добавим! Балет – искусство французское, так что придется забыть о галушках и помпушках, привыкай!

— А вас как зовут? Извините, — смутился малыш, зачарованно глядя, как дама вынимает из часов соусники, салфетки, столовые приборы и дымящиеся жульены в фарфоровых формочках.

— Эвриале, — представилась дама. – А тебя как?

— А меня – Николенька! – сказал мальчик, с удовольствием пробуя жульен.

На кровати заворочалась няня, почувствовав дразнящий аромат жульенов. Эвриале повернулась в ее сторону и строго сказала: «Спи, женщина!»

— А я уж думала, что тебя и зовут Мыкола, раз ты такой гарный парубок, — съязвила Эвриале. – Вкусно тебе?

— Вкусно! Спасибо! — Вы теперь лучше мне скажите, как мне маму уговорить, — ответил мальчик.

— Тебе как-то надо научиться с женщинами говорить, — сочувственно глядя на малыша, сказала тетенька. – Ты же собрался в такое место, где не просто будет преимущественно женский коллектив. У тебя потом всю жизнь и во сне будут женские ноги над головой... и все остальное, что там к ним прилагается. Тебе не просто надо «налаживать общение», тебе надо понимать женщин с полуслова, научиться ими вертеть – легко и

непринужденно. Ладно, нечего на меня глаза тарашить, скажешь маме, что

твердо решил учиться играть на ... арфе! Скажи, что хочешь стать известным арфистом и повсюду иметь при себе этот замечательный инструмент!

— Так просто? – не поверил ей мальчик.

— Да, с виду просто, а действует безотказно, — подтвердила Эвриале.

В ту ночь он впервые услышал о гарпиях, с которыми музы должны были вести войну, сами того не желая. Она чувствовала, что наступают времена торжества гарпий, времена их гнездилища и кормежки. Поэтому зыбкость реальности, размытые нравственные ориентиры и заставляют муз заранее выбирать наиболее сложные виды классического искусства, где можно бесспорно и для всех очевидно проявить свое право пробуждать лучшие свойства человеческой души. Эвриале несколько не сомневалась, что Терпсихора и Талия тоже захотят пойти, вслед за ним, — в балет. И это, по мнению Эвриале, было весьма похвально, но одновременно очень и очень опасно.

В театре, куда всем сердцем стремился Николенька, уже царила одна муза – Полигимния или «многопоющая». Туда же непременно явится и одна из старших муз, чтобы помочь младшим сестрам. А место сбора пяти муз... сразу же сделает их всех уязвимыми. В этом случае им точно не удастся обмануть гарпий.

Мельпомена

Поэтому... пусть заранее приготовится к тому, что в театре, куда он так стремится, все гарпии начнут на него охоту. Они будут делать то, чем занимались всегда: уничтожать души, лгать, стараться лишить всех куска хлеба... И ему надо стремиться быть всегда на голову выше других, раз уж он окажется на виду «перед холодной толпой».

Мельпомена в чем-то самая важная муза, как камертон всех девяти муз своего времени, как олицетворение нерукотворного памятника своему времени, его трагическая маска. Кроме маски у нее всегда был меч, а раньше – палица, потому что Мельпомена — символ неотвратимости божественного наказания за все прегрешения.

Она всегда оказывается в эпицентре бури, которую несут с собой гарпии. В ней сосредоточено мужество всех девяти муз, — пока стоит Мельпомена,

держатся и все другие. Поэтому Каллиопа все времен, начиная с оды Горация, слагали свое посвящение Мельпомене.

*Веленью божью, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца.*

[А.С. Пушкин «Памятник»]

— Обиды не страшась, не требуя венца? – вопросительно повторил мальчик.

— Не грусти! – улыбнулась Эвриале. – Что-то мне подсказывает, что и венец и похвалы тебе будут. Но когда начнется драка... тебе они не помогут, гарпии равнодушны к чужим наградам и званиям. Тебе придется заручиться поддержкой старших сестер. Поэтому живи так, чтобы они не имели ни малейшего повода отступить, а гарпии его будут искать, учти!

Женщина, ободряюще поглядев на мальчика, щелкнула по флакону, в котором сразу за клубилась золотая пыль, а свет стал ярче.

— Да, все это очень странно! – проговорила она сама себе.

— Странно, что я – грузин? – подозрительно спросил малыш.

— Нет, все по отдельности несколько не странно, но когда все это вместе... галушки, сало, грузин, балет... тогда это несколько странно. Это как завязка будущей истории, для которой необходимо, чтобы ты любил сало, был артистом балета, да еще и грузином. Мне просто это заранее дико! Я пока не могу представить такой эпос, но потому я и не Каллиопа. Но я уже видела ту, которая его напишет. У нее странное дарование – превращать все ужасы этого мира в фарс, сбивать любой взмах черных крыльев гарпий – безошибочным видением их низких помыслов. Сейчас задаюсь вопросом: а чего же я ждала? При этой девице меня с каждой из сестер будет ожидать сюрприз на вкус вашей коронованной сестрицы. Честно говоря, сейчас впервые за множество веков начинаю испытывать любопытство. При этом я знаю, что вас всех ждут страшные испытания, знаю! Но не могу грустить, потому что это... очень смешно! И мне почему-то кажется, что когда самого страшного ждешь, едва сдерживая смех, то это не может закончиться печально!

— А чего ж здесь смешного? – улыбаясь, спросил мальчик. Он хотел спросить ее сурово и холодно, но и его ситуация немного смешила.

— Ну, ты же сам понимаешь, насколько это смешно с самого начала! – расхохоталась Эвриале. – Ой, не могу! Сало, грузин, балет!... Прости, не могу удержаться!

Прощаясь, она сделала непонятный для него знак часам, пояснив мальчику, что не будет скручивать время назад. Встретились они на рубеже старого и

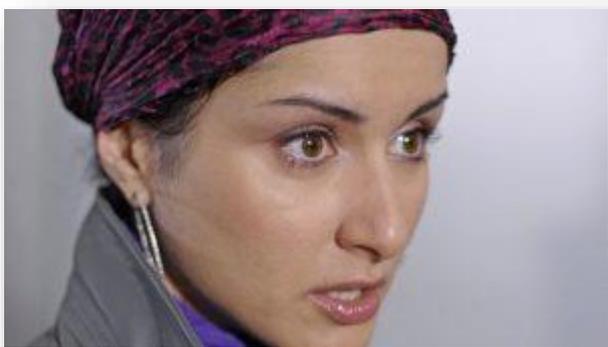

нового года, поэтому неизвестно, как такие временные петли могут отразиться на общем времяисчислении. Ведь это все же не среду вторником подменить. А потом... он же еще маленький. Вряд ли он будет помнить, как когда-то в детстве провел Новогоднюю ночь с незнакомой тетей. Скоро мама отведет его в хореографическое училище, чтобы он никогда не стал арфистом, так ему вообще станет не до нелепых мыслей, будто он и есть – самое Мельпомена.

* * *

— Все! Наши разговоры закончены! – сказал прославленный премьер театра, пытаясь вышибить носком вставленный в проем двери женский ботильон. – Я

так с женщинами не поступаю, но ты меня столько раз подставляла, что...

— Коля... Коля, пойми! Нам надо поговорить! – налегая плечом на дверь, тихонько шептала ему Эрато. – Меня же ваша оперная дива попросила!

— Это ваше «Коля-Коля»! Правильно одна женщина в Интернете написала, что такое

обращение напоминает, будто вы «пьяного папашку возле кабака встретили»! – отходя от двери, проговорил премьер, поправляя роскошную гриву растрепавшихся волос.

— Вот и о ней нам тоже надо поговорить! – так же тихо ответила Эрато, плотно прикрывая за собой дверь. – Слушай, с тобой в детстве ничего странного не происходило?

— В каком смысле? – удивился премьер ее неожиданному вопросу.

— В прямом! – огрызнулась она. – Ты должен был что-то видеть!

— Так у меня и детства не было, как такового, — попытался свести к шутке ее горячность танцовщик. — Если я еще в школе станцевал балетные вершины вроде «Классического па-де-де» Гзовского и па-де-де из балета «Фестиваль цветов в Джензано» Бурнонвиля, так откуда у меня будет детство? У меня в жизни-то ничего не было, кроме балета.

— Ты знаешь, о чем я! – с нажимом сказала Эрато.

— Постой, а что за допрос? – с прежним недоумением спросил он.

— Так, давай напрямую! Тебе этот стих Горация ничего не напоминает? – спросила она и прочла нараспев несколько строчек, отметив, что танцор явно дернулся на прозвучавшем имени «Мельпомена».

*Можно ль меру иль стыд в чувстве знать горестном
При утрате такой? Скорбный напев в меня,
Мельпомена, вдохни, — ты, кому дал Отец
Звонкий голос с кифарою!*

— Напоминает, конечно! — сказал он тихо. — Напоминает, что были иные времена и совершенно нормальные люди, с нормальным отношением к искусству. Ты-то здесь при чем? Из электронной энциклопедии выписала?

— Коля, у меня нет времени на пустые разговоры и запирательства, — поражаясь его упрямству, ответила Эрато. — Да, я могла тебя где-то подставить, а где-то и предать, суть не в этом

— А в чем может быть суть, когда человека «где-то подставили, а где-то предали»? Вы так это делаете... странно! Даже не понимая, что никакие разговоры после этого не ведутся, вообще никакие! — сказал он и удивительно красиво всплеснул кистями рук.

ЛЕСЮЭР ЭТАШ Музы Мельпомена, Эрато, Полигимния 1652 — 1655

— Коля, по моим следам идут гарпии, мне осталось немного, если ты не поможешь, — устало откликнулась Эрато, усаживаясь возле зеркального

трюмо. – Всегда знала, что при моей профессии я могу заработать деньги, лишь рискуя душой, работая на грани. А если я ее все-таки потеряю, хоть это будет абсолютно незаметно для других, я денег заработать не смогу. Понимаешь, какая дилемма? Я вообще стану никому неинтересна. Ты ведь и сам видишь, что бездуховный танцовщик – как вареная капуста, он неинтересен. Потому сам своих учеников заставляешь читать, ходить на спектакли, выставки, концерты, жить духовной жизнью. Никогда не ценила в себе эту духовную составляющую, но сейчас оставаться без нее — в мои планы не входит.

— Ну, так об этом надо раньше думать, — рассудительно сказал премьер. — Какой-то у нас «душевный» разговор получается. При чем здесь какие-то гарпии? Это такие мифические птицы, которые души в Дантовом Аду истязают?

— Это такие же реальные существа, как мы с тобой! И не делай вид, будто слышишь о них от меня первой! – взорвалась Эрато. – Мне ваша дива, которую я считаю Полигимнией, говорила, что видела их прямо в театре. А одна сидела на плечах отца одной артистки кордебалета. Сам у нее расспроси, я не могу о них говорить. Увидишь их рядом – сам поймешь почему. Господи, у тебя выпить не найдется? Или пойдем куда-нибудь... Не могу больше.

— Мне некогда куда-то идти, а тем более – что-то пить. У меня завтра репетиционный класс с утра до вечера, поэтому... никак! – с наигранной обреченностью ответил премьер.

В гримерку внезапно ворвались молодые девушки в балетных трико и стали просить его назавтра пройти с ними первую встречу Жизели. Танцовщик мягко выпроводил девушек за дверь, назначив время в репетиционном зале, вежливо попросив хотя бы стучаться. Со смешками и ужимками девушки посмотрели на Эрато и грациозно вылетели из гримерной, явно ее узнав. Возможно, они и ворвались без стука именно потому, что видели ее в коридоре.

— Вот видишь? – недовольно сказал танцовщик. – Поговорить не дают! Какая мне первая встреча Жизели, если я уже встречался с ней тысячу раз на разных мировых сценах? Меня пора в утиль сдавать, а мне предлагают первый раз с Жизелью встретиться. По-моему, это знак,

что нам надо как-то завершать нашу неконструктивную беседу.

— Жаль, я часы Сфейно у Владимирской оставила, а то бы показала тебе, так сразу бы поверил. Там и твой флакон есть, — сказала Эрато. — Мы когда с ней мысленно распределили, кто нынче кто, так твое имя сразу на флаконе Мельпомены проявилось.

— Стоп, ты про что говоришь? – прервал ее премьер, внезапно что-то припоминая. — У меня в детстве был странный сон с часами!

— Это не те! – отмахнулась Эрато. – Это к тебе являлась Эвриале со своими говорящими часиками, страдающими kleptomанией и разнузданным поведением. А все твои достижения в качестве воплощения Мельпомены — отражаются на часах ее старшей сестры, Сфейно. Там есть твой флакон, по которому видно, сколько золотого песка у тебя осталось. И песка в твоих пороховницах еще прилично.

— Есть порох в пороховницах, а ягоды в.. Так значит, это все было на самом деле? – растерянно спросил танцовщик. – Зря я нашей диве не поверил... но кто бы на моем месте поверил? Но ты бы точно сама такого не придумала, с фантазией у тебя слабовато.

— Да у меня сейчас вообще никак с фантазией! – с отчаянием в голосе призналась Эрато. — Я не могу сообразить, что делать-то теперь?

Своей знаменитой скороговоркой она начала тараторить про муз, про гарпий, про Холодца, про Телксиепию, фильм которой она сейчас вынуждена пиарить, хоть это не фильм, а гадость какая-то... Она видела, что Николай слушал ее внимательно, не проявляя никакого интереса. Но когда она вдруг сбавив скорость, с трудом подбирая слова, рассказала, как помогла остановить

Каллиопу, как после отдала часы Терпсихоре, столкнувшись с гарпией в подвале, он заметно оживился.

— Почему вы с Владимирской общий язык нашли даже после истории с олигархом Бероевым, мне понятно, — с нескрываемой улыбкой сказал он. — У нее сейчас свой шоу-балет, она ищет новые формы, а самыми беспроблемными у нее получаются номера с переизбытком эротизма. Но почему ты считаешь, будто она до сих пор — Терпсихора? Как я понимаю, ты ведь остаешься нормальным человеком, если даже у тебя кончится золотой песок.

— Я пытаюсь ему объяснить, а он не понимает! — в сердцах воскликнула Эрато. — В моем случае будет иначе! Если бы я сделала то, что от меня требовалось,

то действительно стала бы нормальным человеком, когда у меня закончился бы золотой песок. Но... я сделала то, что сделала. Потому что он закончился бы раньше! Думаешь, я не поняла, что как только признаю Каллиопу — так уже буду никому не нужна?

— А сейчас?..

— Да в том-то и дело! Все бы отдала, чтобы это давно закончилось...

— Ничего бы ты даром никому не отдала! — подытожил премьер. — Но мне странно, как Владимирская может оставаться Терпсихорой, ведь сейчас есть куда более талантливые балерины, раскрывшиеся...

— Раскрывшиеся только потому, что ее выгнали из театра, а это не считается! — перебила его Эрато. — Ты же сам говорил, что она — наиболее талантливая балерина своего поколения.

— Совершенно верно, но по-настоящему она не раскрылась, — заметил Николай, вдруг начиная о чем-то догадываться. — Стой! Значит, она остается музой, поскольку не мешала никому раскрываться, вдохновляя других на творчество! А ты мешала и ей, и Каллиопе! Поэтому, как только закончится золотой песок...

— Я потеряю душу, — мрачно закончила Эрато. — Стану таким же дебилоидом, которых можно в телевизоре видеть. Но сама для телевидения стану неинтересной. У нас там потому и карьеры непродолжительные, что человек интересен в момент, когда рискует душой, откровенно торгуется ею. Как только торг завершился – рейтинг стремительно падает. Почему-то люди избегают смотреть на тех, кто продал душу. Даже если человек произносит самые нужные и красивые слова. С утратой души – сразу же теряется любая возможность творчества, а без творчества все это никому неинтересно. Зря многие пишут, будто телевидение – «зомбоящик», которым «зомбируют». Переключить каналы теперь намного проще, чем «зомбираться». Что-то кому-то внушить можно лишь, проявив творчество, сыграв искренность... без души это невозможно.

— Это как наша пресс-секретарь не может написать трех листочков пресс-релиза, а директор спит в ложе, ни разу ни одной оперы целиком не увидев, — заметил Николай. — Но неудобно спросить прямо, почем они душу реализовали.

— Это обычно происходит постепенно, в ходе «карьерного роста», — пояснила Эрато. — Как понимаешь, я теперь к старшим музам сунуться не могу! Рада была, когда Полигимния призвала, а она попросила письмо опубликовать... Теперь вот и ты со мной говорить не хочешь.

— Да уж. Я думал, ты меня подставила, Владимирскую откровенно предала! Но так, как ты поступила с Каллиопой...

— От меня ничего не зависело!

— Да когда от тебя что-то зависело? — возмутился премьер. — Ты катилась по наклонной, убеждая себя в «независимости» — и все! Чтобы от тебя хоть что-то зависело, надо поворачивать против течения, ломать себя! Ты ведь привыкла только смотреть, как при тебе других ломают. Вернее, отворачиваться в сторону. И что ты теперь от меня-то хочешь? Я очень далек от

этого мира. А про Интернет у меня сложилось убеждение, что там – одна грязь! Мне кажется, что Интернет придуман для воровства друг у друга идей, это инструмент плагиата.

— Хорошо, допустим, я во многом виновата! – примирительно сказала Эрато.

— «Допустим!», — саркастически хмыкнул Николай.

— Знаешь, ты тоже должен понять, что мои проблемы теперь очень прочно связаны и с твоими тоже, — почти мстительно прошипела Эрато. — Если ты думаешь, что за все достанется мне одной, то очень ошибаешься. Да ты уже по уши в дерьме, потому что твое имя на том флаконе!

— Да я-то здесь при чем, если никого не предавал? – удивился премьер. – Ты же сама сказала, что раз песок есть, то музе ничего не бывает!

— А кто тебя будет спрашивать? Гарпии? – устало растерла виски Эрато. – Мне это письмо твое Полигимния дала, чтобы привлечь к тебе старших муз, чтобы тебя спасти. Идет большое побоище, в стороне ты не останешься. Ты уже что-то такое сделал, как-то слишком проявился, показал свою внутреннюю суть. И знаешь, это намного существенней, чем мои маленькие подножки Каллиопе или Терпсихоре. Мне бы их простили, неужели ты не понимаешь? На самом деле, ты намного более интересен гарпиям, чем я, когда у меня песок во-вот закончится. А ты пока ничего не понимаешь или нарочно не желаешь понимать. Знаешь, на нашем телеканале есть программа... Что-то из «мира непознанного». Там ведущий

заканчивает каждый выпуск утверждением, будто если мы не верим во что-то, то этого и не будет.

— Нет, я такие программы не смотрю, — не слишком уверенно сказал премьер и покраснел.

— А я, Коля, говорю о настоящей объективной реальности, — ответила Эрато.

— Мир существовал и до нас, а он вообще намного сложнее наших представлений, как выясняется.

— Что ты точно сделала гадко, это то, что часы оставила у Владимирской, — серьезно заметил Николай. — Если ты все это сама видела, хорошо знаешь, кто охотится за часами... так разве можно было такую вещь оставлять в доме, где ребенок маленький? Я, конечно, считаю, что Владимирская у нас не Аристотель, но она никого не предавала, отзывчивая и добрая до крайней глупости! Только ей такое и можно было навязать.

— А ты бы взял их? Сам бы их взял? – взорвалась Эрато. – Вот и молчи тогда! Я бы их до тебя не донесла, я у вас здесь даже запах гарпий чувствую! И Телксиения сказала, что сообщит о часах Холодцу.

— Во всей этой очень странной для меня истории меня интересует, что мне-то теперь делать? – пожал плечами премьер. – Я всегда знал свою партию, мог откинуть все сомнения, собраться, рассчитать каждое движение... Мне надо понимать, как действовать!

— Вот что мы с Владимирской сообразили на полторы головы, — с явным облегчением начала тараторить Эрато. — Есть у вас здесь кто-то, кто очень прочно связан с МВД. Зима будет страшной! Если декабрь как-то можно пережить, то в январе, до наступления цикла Водолея, произойдет что-то ужасное, просто ужас-ужас-ужас! Но при этом все стрелки начнут сводить только на тебя! И тогда ты должен следить за Каллиопой, она подскажет, что ты должен делать.

George Barbier (1882-1932), Vaslav Nijinsky (1890-1950), 1913

— Терпсихора, Эрато, Полигимния, Мельпомена, — закатив глаза, трагическим голосом начал перечислять премьер.

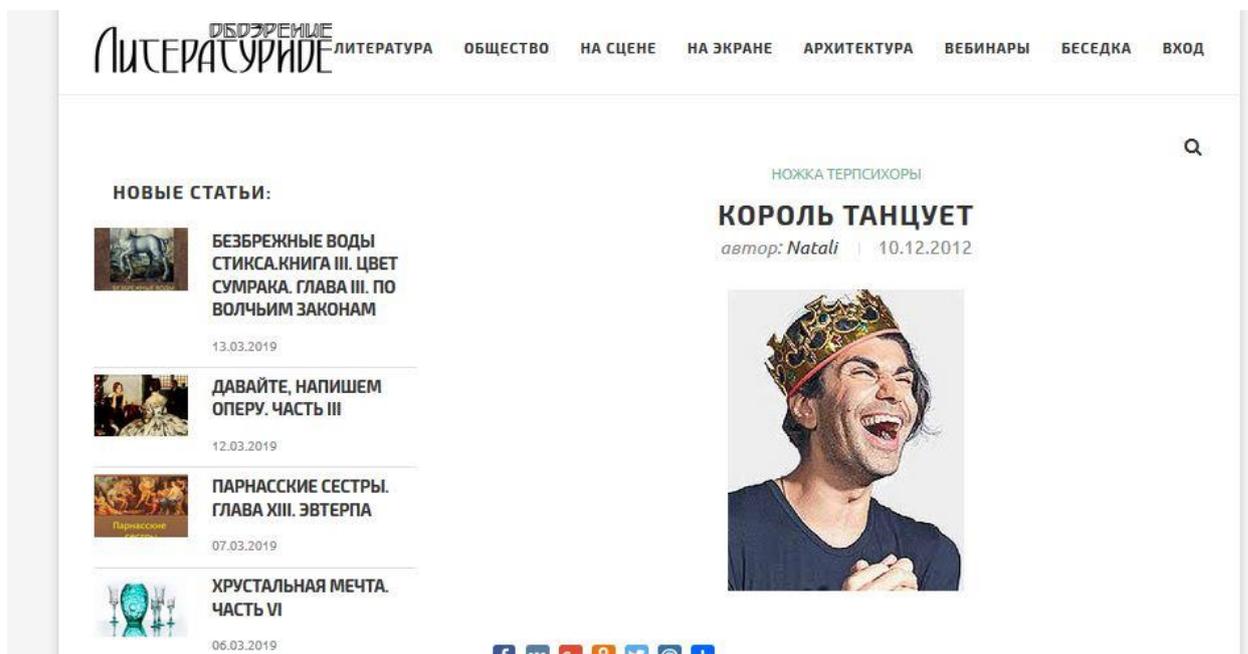
— Прекрати! Оставь этот сарказм! Если ты – действительно Мельпомена, тебе грозит страшная опасность! Ты – муза с золотым мечом, на тебя будет основной натиск, – решительно оборвала его Эрато, раскрывая перед ним ноутбук. – Ты же сам просил показать тебе твой маневр. Посмотри, на ресурсах Каллиопы уже начали появляться публикации о тебе! И в комментариях она выступает исключительно за тебя!

Пока на ее ресурсах дублируются комментарии из социальных сетей, еще нет анализа, но это означает, что реакция есть, она начала мониторинг сети. Вот здесь пишет не она, но она уже обросла старшими музами. Как я понимаю, пишет Эвтерпа.

— Не буду я это читать! Надоело! – в раздражении отодвинул он от себя ноутбук. – У администрации театра есть прикормленный форум «Друзья балета». Билеты стоят по 30 тысяч рублей, им они даются бесплатно, а они потом меня грязью поливают! Начитался досыта, большое спасибо!

— Это тебе понравится, еще взахлеб читать будешь! – безапелляционно отрезала Эрато. – Ваша Полигимния оказалась права! Бывший министр культуры тоже обмолвился о письме, но этого никто не заметил. А Каллиопа отреагировала лишь на мою публикацию. Заметь, она меня не опускает, хотя не имеет никаких причин любить меня или хотя бы уважать. И даже похвалила несколько моих выступлений... Телксиеию пропустила с ее страшилкой про смерть в облезлой больнице... Вот здесь — опять прикрыла меня со спины... Тут — отметила наши красные платья! Надеюсь, ты понимаешь, что означает, когда одна женщина, которая ненавидит другую, хвалит ее платье?

— Думаю, это означает, что платье неудачное и его немедленно надо выкинуть, — съязвил Николай.

— Только не в ее случае, она не может лгать! – расхохоталась Эрато. — Мой манёвр с письмом деятелей культуры был прост: дала текст письма, напомнила прежние интервью с тобой, отошла на исходную позицию. Затем в социальных сетях должны были выйти работники моего агентства, изображавшие абсолютно несвязанных со мной пользователей сети. Их задачей было выстоять в комментариях, потому что...

— Потому что тебя в комментариях сомнут, — ухмыльнулся Николай.

— Узнают стиль! У меня же все равно стиль присутствует, а хвалить саму себя самой – жалко, согласишься!

— Соглашусь! – пожал плечами Николай.

— Вот, читай! Пока пишет не она, но на ее ресурсах ни одно слово не возникает без ее ведома. Эвтерпа поддерживает мою сотрудницу, начавшую пиарить мои публикации о тебе.

В Николае покоряет умение говорить с женщиной и его потрясающий такт. При такой фантастической разнице в исполнительском мастерстве, стать совершенной (от совершенства) рамкой для партнерши. Господи! Да как же это мужественно, в конце концов! ... Простите, увлеклась... И если бы я одна! Жутко завидую нашей известной журналистке, она, оказывается, лично познакомилась с Николаем ещё лет восемь назад, брала у него интервью для передачи «Разговор по существу».

— Ну, вот говорят, что тебя с огромной любовью могут поставить на пьедестал, но потом с еще большей любовью тебя с этого пьедестала скинуть? Это так взаимосвязано...

Николай: Взаимосвязано. Но я думаю, что актеры — не политики, их не так скидывают, по-другому всё получается.

Давно не смотрю телевизор и о том, что она поддерживает Николая, узнала недавно на личной страничке одной девушки (Интернет — это большое «сарафанное радио», технологии пришли на помощь женскому стремлению посплетничать).

Так вот, о несколько странной поддержке нашей известной журналистки прославленного премьера. А propos, многозначное слово в данной ситуации. Обычно на сцене поддержка — это профессиональный удел Николая. А вот за её (сцены) пределами на неё (поддержку) способны и очаровательные хрупкие женщины.

Знаете, в наше время страшновато становится, когда слабое (по своей природе) создание пишет у себя в журнале: «Парадоксально, но с театром произошла именно такая история. Реконструкционные работы стоили более миллиарда долларов (этой суммы хватило бы для строительства современного аэропорта), а на выходе мы получили замену исторических деталей интерьера на дешевый новодел, золотую краску вместо сусального золота и штукатурку на стенах, которая уже успела потрескаться. А вместе с этим — периодически ломающийся механизм сцены и неудобные репетиционные помещения для артистов, где балерины во время поддержки партнером бьются головой о ставшие низкими потолки, а полы покрыты скользким кафелем, по которому они скользят, как настоящие лебеди по замерзшему озеру.»

— Ну, и что? Обо мне многие пишут, — нерешительно сказал Николай.

— Так о тебе еще никто не писал, почитай сам, — с этими словами Эрато открыла какой-то «огуречный сайт», где Николай увидел прекрасно оформленную статью о себе самом.

— Что это? — спросил он в растерянности.

— А это выстраиваются сайты ее ресурсов на твою защиту, дорогой, — пояснила Эрато. — Никто из моих сотрудников не выдержал и недели нападков, многим пришлось закрыть свои сетевые журналы. Кроме тех, куда вышла

Каллиопа с сестрами. Здесь ты видишь, как она уничтожает в комментариях команду наемных блогеров, вышедших тебя очернять. Надеюсь, ты можешь заметить, насколько хорошо организованы и отлично информированы все, кто выступает против тебя, дорогой Коля! Затем сестры Каллиопы вынимают цепочку комментариев – и вставляют ее в свои статьи.

— Она меня защищает, да? И выглядит... объективно, — заметил Николай. — Выглядит вроде бы не жалко, правда? Читаешь иногда: «Ах, когда вы его оставите в покое?» Становится не по себе... от такой защиты. Но я такое видел однажды! Мне как-то это показывал бывший директор балетной труппы, сказал, что эта женщина «орет по любому поводу, хоть уши затыкай».

— Да не орет она! – отмахнулась Эрато. – Хотя многие, у кого рыло в пуху, слышат именно крик. Это так и называется «Крик Каллиопы»! Заметь, у нее основной сайт — по государственному управлению. Она же – Царица муз, следующая за царями. Тебе надо будет следить за каждым ее словом и действовать так, как она напишет! Лучше всего, просто повторять все ею написанное о тебе. Ты хороший ученик, вот и повторяй ее слова, как повторяешь движения. Артистично, искренне.

— А нельзя ей просто написать? – спросил Николай. – Что это за тайны мадридского двора?

— Тебе нельзя с ней общаться напрямую, все уже сделано, чтобы ты сам к ней не сунулся,- пояснила Эрато. – Ее уже обвинили в экстремизме, фашизме и еще в каком-то «изъеме», хотя у нее зять – араб, а она сама из многонациональной семьи.

— Боже мой! – не на шутку испугался Николай, кого ты мне подсовываешь?

— Я тебя ей подсовываю, все наоборот! – огрызнулась Эрато. – Вот когда тебя будут бить по национальности, тебе никто не поможет, кроме нее. Смешно, но ее авторитет в этой области после «экстремизма» — абсолютно непрекаемый. С ней вообще

много смешного. Представь, ее судили за экстремизм, хотя она состоит в партии власти. Это показывает, по меньшей мере, несогласованность, отсутствие общего курса, какое-то... постороннее вмешательство. С одной стороны, против нее начинают уголовное преследование, а как общественную фигуру – ее принимают в партию «Единая Россия». Начинаешь понимать? И

когда у нее проводят обыск, находят партийный билет и удивляются, но не останавливаются, не пытаются разобраться.

— Наверно, это и есть настоящий ужас, — заметил Николай. — Всем наплевать на действительные поступки человека. А Мольер правильно говорил, что все мы говорим приблизительно одно и то же, а отличаемся лишь поступками. Но здесь и текст... как-то иначе выглядит.

— Не только выглядит, но это и работает как-то особенно! Обрати внимание, что здесь рассматривается вся аргументация тех, кто сразу отреагировал на выставленное мною письмо. В ходе полемики она уже ставится... заведомо ложной, будто проявляется вся! Но особенность ее методов в том, что больше к этим аргументам противник вернуться не может даже на других ресурсах.

— «Противник»? — недоверчиво поднял брови Николай.

— Да уж не «ряд доброжелателей»! — разозлилась Эрато. — Поверь мне, против тебя начата весьма дорогостоящая информационная война! Но посмотри, во что превращается на наших глазах! В фарс! «Мягко, по-женски», как любит говорить Каллиопа. Кроме того, сестры отвлекают всех твоих недоброжелателей на свои «огурцовые» ресурсы, давая нам передышку. Прости, Николай, это настоящая война!

В его публичной профессии пресса имела огромную важность, а пресс-служба театра намеренно не выпускали даже DVD балетов с его участием, не говоря уж о каких-то публикациях в средствах массовой информации. Напротив, пресс-служба намеренно неправильно переводила зарубежные публикации, подавая их в негативном свете. Он хорошо знал, насколько жестокой может быть упомянутая Эрато «информационная война» — против отдельно взятого человека даже с его уровнем мастерства и набором его регалий.

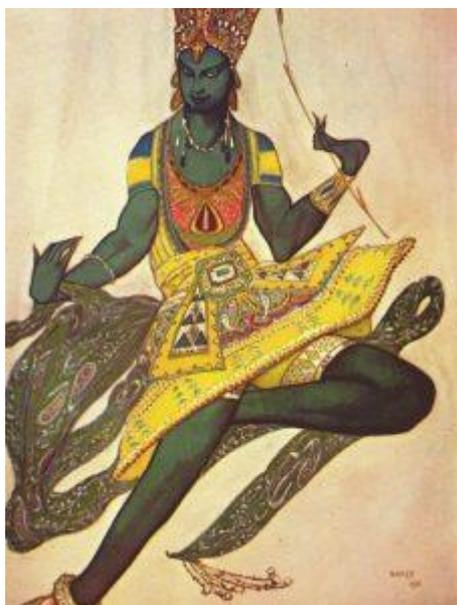
Иногда руководство театра не затрудняло себя и переводом иностранных статей, огульно заявляя, будто он провалил выступления на гастролях. Хотя все знали, что делается это нарочно, что это было, мягко говоря, не так, но кому надо было спорить или опровергать сказанное? Подобные доказательства были слишком унижительными именно для его статуса.

Сколько раз он просил знакомых журналистов и критиков написать о нем доброжелательно и объективно... все было бесполезно. Он жаловался, намекал, уговаривал, раздражался, высказывал претензии, но... его лишь хлопали по плечу и советовали «не обращать внимания». Однако это становилось невозможным, с растущим негодованием он читал о себе новый пасквиль, чувствуя, как все его усилия уходят в песок. Впрочем, после долгих просьб и уговоров друзья ему все же создали персональный сайт, которым он не был доволен, видя, что материалы редко просматриваются, а посещаемость ресурса падает, а не растет. На черном фоне мелким шрифтом шли его

воспоминания, которые ему самому было неинтересно читать. Он поинтересовался, почему все такое черное и скучное, а его знакомый, занимавшийся сайтом, рассмеявшись, ответил, что он и сам – черный, а классический балет – это не так захватывающе, как видеоигры. И Николай махнул рукой на свою персональную страничку, выполненную в стилистике игровых сайтов.

На ноутбуке Эрато «огуречные» сайты выглядели достаточно современно, без жуткой навязчивой рекламы. С предубеждением взглянув на публикации о себе, он был вынужден признать, что это статьи — нового типа, какие можно было разместить только в Интернете. Здесь использовались все преимущества виртуальной среды. Цитаты были красиво выделены, они не сливались с текстом и снабжены необходимыми ссылками. Сама публикация удачно оттенялась роликами и фотографиями. Любой читатель мог составить собственное объективное мнение, но вдобавок развлечься, получить удовольствие. Это был новый вид досуга, объединявший литературу, журналистику и телевидение, само по себе являвшееся синтетическим видом творчества. Особая ценность статей была в том, что в них рассматривалось большинство негативных критических откликов, сразу же последовавших после истории с письмом деятелей культуры.

Эскиз костюма к балету «Голубой бог» — Вацлав Нижинский в главной роли — Леон Бакст.

Пожалуй, назвать это «критическими откликами» было бы слишком мягко, это была настоящая грязь, до которой раньше его недруги все же не доходили. В последнее время он удивлялся про себя, почему столь неприличные статьи и заметки перестали причинять ему боль, вообще затрагивать его. Интересно, что в интервью ему все чаще стали задавать вопросы, задевает ли его мнение окружающих. Причем он не мог не слышать в этих вопросах искреннего деловитого любопытства. Это напоминало ему посещение кабинета дантиста, спрашивающего, испытывает ли он боль при его манипуляциях во рту.

Журналистам он отвечал словами своего любимого педагога, бывшей балерины еще императорского театра, которая всегда говорила, что ей абсолютно все равно, что о ней скажут. Повторить не только слова, но и самый сложный прыжок для него не составляло труда. Но как он завидовал своей русской учительнице, когда его душил кавказский темперамент при чтении явной лжи, очередного оскорбительного поклепа.

А в последнее время ему начинало казаться, будто за долгие годы проживания в Москве – он действительно стал холоднее и куда менее восприимчивым... к откровенной подлости. Может быть с возрастом прошла эта привычка внутренне взрываться от окружающих гадостей, направленных на него лично. Но сейчас, читая статью «огуречного» блога «Страсти по Николаю», он понял, что на самом деле весь яд очередных пасквилей до него уже не доходил.

По театральным сплетням он знал как, ждали в администрации театра статью очередного «критика балета», с недобрыми предчувствиями понимая, что ничего хорошего о себе он не прочтет. В блоге он впервые увидел, как весь яд, заложенный в несправедливые и абсурдные упреки, которые и опровергать не имело смысла, — полностью... обезвреживается. Это походило на аккуратную работу сапера, вынимающего запал взрывного устройства. Или на выдиране ядовитых зубов у ехидны. Причем все эти усилия не отлавливались глазом, но в результате получалась не обычная скандальная сетевая полемика, а достойная статья, написанная в прекрасном консервативном стиле, легким языком и с большим чувством юмора.

...Иногда кажется, что эта эпистолярная зараза пропитала все вокруг. Кто только письма нынче подряд не строчит, остановиться не может. А тут письмо-то написано было не простое, а с предложением деятелей культуры поставить во главе главного театра страны нашего прославленного премьера классического балета.

И пошла писать губерния... Через какие-то особые каналы сии ноябристы возбудили нашу сетевую «колумнистку» Блажену, а уж Блажена-то свое дело знает! Как только она представила, что «в доску свой» Николай превратит театр — в храм искусства, которое Блажена не любит, не понимает и боится в нем опростоволосится... что даже попыталась выдать из себя пару более-менее членораздельных «разоблачительных» тирад, вместо ее обычного определения «дуся/не дуся».

Интересно, что ее статья называется в духе детективных историй «Предостережение». Блажена никогда не скрывала, что считает вполне приличным служить «рупором» для тех, кто больше подаст на поддержание высокого звания «светской львицы». Только непонятно, кто и от чего предостерегает этим «рупором», если о самом письме деятелей культуры широкой публике стало известно, спустя две недели после продления контракта с директором театра? Назначение свершилось, так по какому поводу этот наигранный пафос? Неужели самой Блажене не ясно, что через две недели после состоявшегося назначения — Николая уже никто не назначит? Какое может быть «предостережение»?

Но, похоже, не зря она устроила такое рев на весь Интернет: «Делать этого ни в коем случае нельзя, несмотря на мою личную симпатию к Николаю».

©Книжная лавка <http://ogurcova-portal.com/>

Николай — свой. Поэтому за него и просят деятели культуры. Он — тусовщик. Но у него нестабильная психика, на репетициях он дергает молодых танцоров, впадает в истерики. Нынешний директор — идеальный директор театра, лучший из всего, что только возможно в России. Дай Бог ему продержаться подольше».

До Блажены это письмо опубликовал бывший министр культуры, сообщивший, что письмо в Администрацию Президента об известном премьер балета, безусловно, написано «его кумирами», но нельзя же вот так, с плеча, ей-богу! А из Администрации Президента вежливо ответили, что они не только не собираются читать письма его «кумиров», они даже колонку Блажены никогда не читают.

СМИ удалось выяснить, кто был «кумирами» бывшего министра культуры. В интервью они подтвердили свою поддержку обращения, однако опровергли информацию о просьбе снять с должности прежнего директора: «В письме выражалась поддержка кандидатуры Николая на освобождающееся место генерального директора театра», — рассказали они, а многие, отмечая упущенное время из-за игнорирования письма в Министерстве культуры, резюмировали: «Я полагаю, что Администрация президента указала нам на наше место». Как говорят подписанты, письмо поддержали и другие ведущие театральные деятели, однако их имена газетам раскрыть не удалось. Сам премьер отказался от комментариев, а опрошенные СМИ руководители музыкальных театров были удивлены новостью о существовании подобного письма».

И раз уж все написали письма о нашем замечательном премьер, так чем мы-то, собственно, хуже бывшего министра культуры? Да мы неизмеримо лучше! Поскольку никогда не делали такого, что для бывших министров культуры — просто семечки. И раз все равно никто писем о замечательном танцовщике не читает и не прочтет никогда, так и стесняться мы тоже не станем.

— Но посмотри, основа их аргументации, как ты говоришь, то самое письмо деятелей культуры, опубликованное тобой с подачи нашей дивы. Если учесть, что и написано оно было с ее подачи, так это уже... выше моих сил, — простонал Николай.

— Да, рассматривается важный вопрос! – подтвердила Эрато торжественно. – Обсуждается, можешь ли ты править! Это вопрос Каллиопы! Никто не избегнет ее решения, стоит только задать этот вопрос, и как раз в этом был гениальный расчет Полигимнии. Она на твоей стороне, поэтому неважно, кого попытаются поставить над тобой, власть их над тобой закончилась.

area_dri Лично я всеми руками и ногами против кандидатуры Николая. Сильно сомневаюсь, что он сможет управлять театром!

ogurcova Все путают роль директора и завхоза, не понимая, насколько неприлично, когда в роли директора театра выступает завхоз. Сколько

©Книжная лавка <http://ogurcova-portal.com/>

гадости и интриг от такой несуразности! Это нелепость! Просто нынче так уж все перепуталось в головах... кардиолог от имени государства налаживает лизинг комбайнов и руководит сельским хозяйством, торговец табуретками вдруг возглавляет министерство обороны! Да уже ни в какие ворота! Я там выше прочла, будто наш прославленный премьер «не может править»! Да это свинство, когда звездой балета «правит» завхоз!

area_dri А то, что завхоз (как его не назовите — управленец, менеджер и т.д.), может тоже быть человек с высокой культурой и помимо менеджмента прекрасно разбирающемся в искусстве и театре — такого вам в голову не приходило? И самому же Цискаридзе будет удобно, когда ему дают танцевать, ставить,

преподавать (ну или чем он там ща занимается), а не разгребать дрызги и подписывать договоры. Если уж он такой человек искусства, то ему скорее как раз хочется заниматься искусством, а если он так активно лезет в руководители, то это, простите уж, просто желание быть «поближе к кормушке».

ogurcova Не надо наезжать в таком тоне! В мою голову много что приходило. А вам не приходило в голову, что подобных завхозов видно насквозь?

Я ежедневно разгребаю дрызги и подписываю договоры. А как строитель, я очень хорошо знаю о том, что прикрывает этот завхоз в связи с «реконструкцией», а по сути — уничтожением национальной святыни. Но заговорил об этом не завхоз, он и далее будет помалкивать в тряпочку.

А вам следовало бы не рассыпаться в эпитетах к завхозу, а выбрать более пристойный предмет для обожания. Понимаете... главное ведь здесь отнюдь не знание практики или экономики. Вот я это знаю, а вы, уверена, нет. Потому и наезды соответствующие.

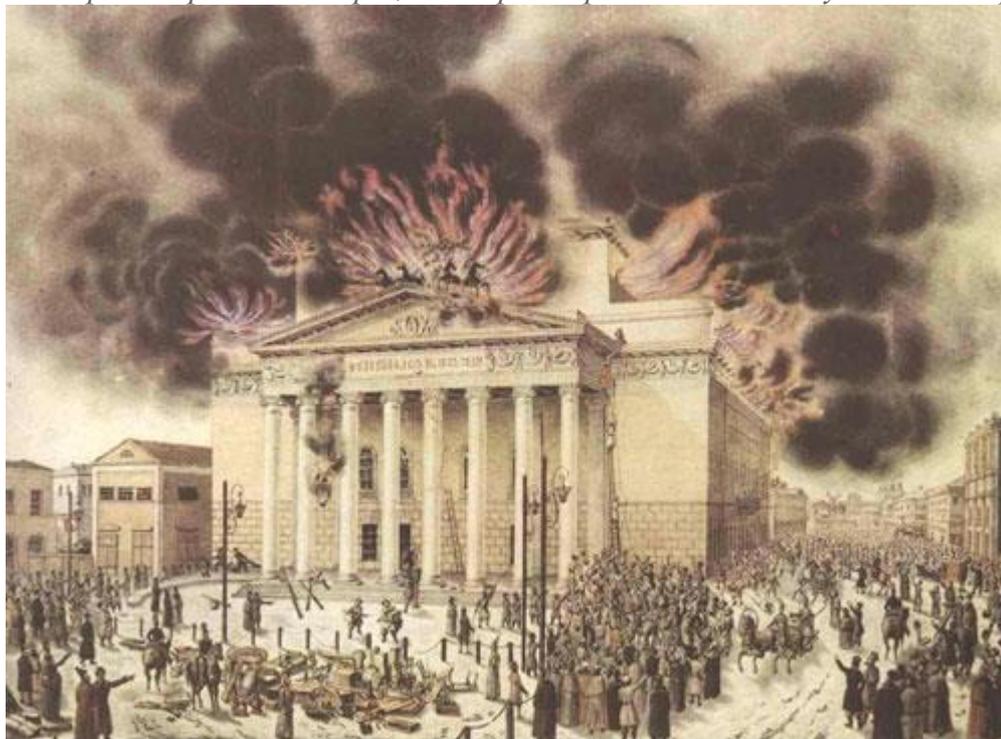
Но все же главное здесь нравственная сторона. И здесь я как писатель могу совершенно безошибочно вам сказать, что иметь завхоза директором Большого — крайне безнравственно!

area_dri Да, тяжело говорить со строителем и писателем в одном лице, видящем насквозь, да еще и так хорошо и уверенно дающем указания, кого же стоит любить, а кого нет. Кроме завхоза в качестве директора Большого, наверняка, по-Вашему, еще и на алтаре петь крайне безнравственно, да? ... В тюрьму его, в тюрьму, ежели уж по-нравственному-то... Ведь для театра самое важное не успешность, посещаемость и мировое признание, а нравственность, да....

©Книжная лавка <http://ogurcova-portal.com/>

P.S. И покажите, пожалуйста, в моем сообщении хоть один эпитет какому-нибудь конкретному завхозу?

Ну и заодно, кого же стоит выбрать в качестве предмета для обожания? P.P.S. Если Вам все еще интересно по делу, то заметьте, что я ни слова не говорю о том, что стоит оставить именно этого человека директором театра. Я просто говорю, что премьер балета — не лучший выбор.

Пожар Большого Петровского театра. Литография с рис. Э. Лилье. 1853 г.

ogurcova В качестве строителя мне пришлось многое потерять на разборе обрушения покрытия аквапарка «Трансвааль», когда я последовательно доказала, что фундаменты ни при чем-с, а так же не было никакого «теракта». Потом были разборы монолитного строительства (не говоря о Басманном рынке) — сейчас в мск 600 домов поставлено на ремонт. А все это расплзлось по всей стране!

Про писательство упомянула лишь в том смысле, что не чужда, исключительно, чтоб вы тон сменили. Но если начну перечислять... тут ведь тоже немедленно выявится достаточно грязная ситуация столичного междусобойчика, узурпирующего взятое не по праву, ворующего время и силы огромной страны. А жизнь-то человеческая отнюдь не бесконечна! Она очень коротка! И сколько я слышала от обитателей столицы: «Ну, ты же понимаешь, он ведь слабенький, он же не сможет больше нигде жить!» — вот в точности так же, как вы сейчас заняли «в тюрьму его, в тюрьму». А где я об этом говорила?

Требую дословного разбора того, что вы говорите — научитесь вначале с уважением относиться к тому, что вам говорят другие. Не столь уж важно ваше мнение, уверяю вас. Наша жизнь сегодня сложилась так, что мнение нашей известной журналистки — намного выше. И к этому положению вещей вы приложили руку, вовсе не я.

И не стоит лгать-то себе самой по крайней мере. Это счастье, что у нас в России нашелся такой кандидат, как премьер балета. Пока он жив, пока он может работать, — так надо хотя бы не плевать ему в спину! Ведь вам же потом будет плохо, понимаете? Вот сейчас солжете, а после времени это исправить — не будет.

Вы же считаете, что сейчас разговариваете уж точно не с «писателем». В точности так же, как вам типа можно оскорбить звезду балета, который прямо на сцене лепит образы. Но за тем, что вы предлагаете — никогда не будет ни мирового признания, ни посещаемости, ни успешности. Вы же выступаете за голимую серость! Вот и вся ваша «нравственность».

— Ну, начинается «немного о себе», — невесело усмехнулся Николай. — Я уже понял, что рассказ о балете, о моем творчестве — только предлог, чтобы рассказать о себе.

— В данном случае ты не совсем прав, — заметила Эрато. — Во-первых, она еще ничего не пишет о тебе вообще, она лишь выпытывает все аргументы против тебя. Но при этом она обозначает свои позиции, называет себя. Как раньше называли перед боем «Я, сын такого-то, победивший того-то!» Посмотри, наиболее слабая твоя позиция — по реконструкции театра. Сразу признаю, что не очень тебе помогла своим высказыванием, по крайней мере, не смогла подкрепить твою позицию. А теперь перечти сказанное ею! Тебе перевести сказанное? Она говорит, что полностью подтверждает твои слова о реконструкции и готова отстаивать их до конца. Полностью заслоняя тебя, когда ты «немножко говоришь о вандализме», опасаясь профессиональных вопросов по существу.

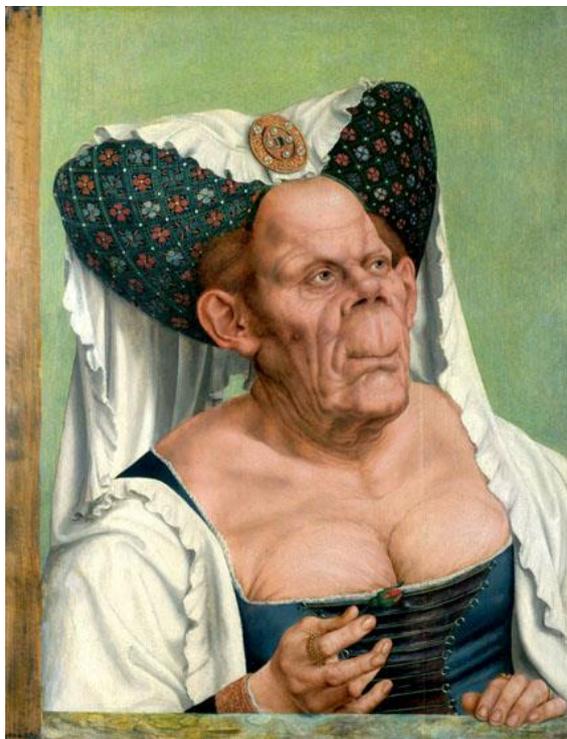
— Но если она действительно Каллиопа, то почему она не может прямо сейчас прекратить все это? — в отчаянии проговорил Николай.

— Думаешь, ко мне не приходят сожаления? Что ты хочешь услышать от меня? Что я первая вышибла у нее все позиции? Я тебе уже сказала об этом, — тихо выговорила Эрато. — Это вы встретили горгону в раннем детстве, потом долго постигали основы классического искусства, ежедневно работали... В таких жерновах сложно удерживать в памяти то, кем являешься на самом деле. А я встретила со Сфейно вполне сложившимся человеком, а потом испытала силу золотого песка. Поэтому знаю, что нынешнее «Время гарпий»...

Стоило ей сказать «Время гарпий», как треском погасла лампочка прямо напротив нее, слева у большого гримерного зеркала. Остальные помигали, но не погасли, однако стали светить вполне накала. Эрато, пожившись, отодвинулась от зеркала, повернувшись к нему спиной.

— А представь, гримируемся мы между сценами, лаком волосы покрываем! У нас здесь нечем дышать, окон нет, лампочки гаснут! — с раздражением прокомментировал проблемы со светом премьер.

Старуха (Уродливая герцогиня) Квентин Массейс 1513

— Коля, это не так просто, — ответила Эрато, все так же опасаясь оборачиваться к гримерному столику. — Больше не стану это говорить вслух. Думаю, *они* стали слишком сильными и одерживают одну победу за другой, потому что прежде младшие музы никогда не объединялись со старшими сестрами. Смотри, сегодня зашла в книжный магазин...

— Ты по книгам гадаешь? Неужели читать начала? — вставил колкость Николай.

— Не перебивай, лучше посмотри, что я там купила! — сказала Эрато, доставая из бездонной сумки черный

фолиант, на котором золотым тиснением было нанесено лишь название «Время гарпий». — Вот это лежало на стенде «Наши бестселлеры», очень хорошо продается, как похвастались работники магазина. Уже есть компьютерная игра по этой книжке, есть сайты, посвященные... *этим*.

— Тоже что-то вроде «информационной войны», — сказал танцовщик, задумчиво рассматривая черный том с иллюстрациями Доре. — Это уже удар против самой Каллиопы, литературы в целом.

— Ну, литература — это особая ткань, даже если она плохая, она все равно отразит не только чаяния ее возможных потребителей, но и приметы времени, которыми живет ее автор, — заметила Эрато. — Пусть на уровне расхожих шаблонов, каких-то бытовых рассуждений, убогих мнений... но он что-то такое вытащит, как только попытается творить словом. Ты понимаешь, что кроме этой книжки в магазине оказался целый стеллаж про *них*! Они хотели сделать покупаемую книжку — и все, как один, решили писать про *такое*! Твердо зная, что эту книжку непременно купят. Там, конечно, полная чушь, но сам факт характерен, как ты понимаешь. И там еще было множество репринтных изданий старинных книг.

— Все же здесь есть одна проблема, — немного застенчиво ответил премьер. — Ну, не чувствую я себя каким-то «музом»! Неловко это все как-то...

— Конечно, вы чувствуете себя музами на сцене, вдохновляя целый зал. Но что происходит, когда вы сходите с нее?

— Нас просят писать друг на друга доносы, нас травят, как бешеных собак, за каждый выход требуют платить процент с гонорара, — с закипающим гневом сказал премьер. — А каково выходить на сцену с нашей «скорой помощью»?

— С...с кем? — переспросила Эрато.

— У нас есть «скорая помощь» — это девушки из кордебалета, которые соглашаются пойти на свидание к олигарху, высокопоставленному чиновнику... ну, сама понимаешь, — уклончиво пояснил Николай. — У нас же все девушки — писанные красавицы, как правило, все молоденькие... Но далеко не все одинаково талантливые. «Скорая помощь» — это девушки, решившиеся на подобную «карьеру» абсолютно трезво и расчетливо. Их потом ставят в первый ряд или дают какую-то роль в благодарность. Поверь, это самый настоящий «ужас-ужас-ужас».

— Помнишь, как тебя лишили ставки преподавателя? — напомнила Эрато. — Я сама тогда вела репортаж, сказав, что «дело» премьеры балета началось с ремонта Большого театра, когда ты вдруг напугал общественность тем, что сказал правду о том, что он там увидел, все, что касается ремонта, затраченных средств и, главное, результатов этой работы. Конечно, это не могло остаться без последствий и в итоге тебя Николай отстранили от должности преподавателя.

— Педагога-репетитора — поправил ее премьер. — Но, признаться, все началось, когда я отказался подписывать бумагу, будто Ляля Владимировская растолстела, а я ее поднять не могу. И как только отказался эту гадость про нее писать, так уж что бы ни делал, как бы ни старался... Все уже не имело смысла. Скажу без обид, но Владимировской ты, конечно, гадость сделала, оставив у нее такую опасную вещь. Очередную гадость. А у нее и мама... гм... такая же... наивная, а еще у нее, повторю, дочка маленькая. Сама же говоришь, что за часами охотятся мифические чудовища. Ляля у нас никогда умом не блистала, хотя я не понимаю тех, кто с такой чудесной красивой девушки требовал интеллект Сократа. Но она никогда никому не делала гадостей, всегда была доброй, нежной, готовой помочь! Хотя у нее было время, когда она «звездила» в театре, я прямо ей об этом говорил. Был такой период. Но сейчас прятать в ее доме такую вещь... это за гранью добра и зла, извини.

— Да можешь не извиняться, — мрачно пробормотала Эрато. — Я и сама понимаю. Перегнула тут палку, конечно. Но решила еще немного пожить и попытаться хоть что-то исправить. Давай все же вернемся к этому расторжению контракта. Мне просто надо понять, что хотя бы ждать в дальнейшем! Ты хотел на полставки, насколько я понимаю, всего лишь 6 тысяч рублей в месяц. Это же не деньги для тебя! Ты же оставался ведущим солистом, премьером театра. Ну, а что касается должности репетитора, поясни мне, почему это было для тебя важно?

— Понимаешь, в балете у нас обязательно должен быть педагог — это специфика профессии, — привычно пояснил ей Николай. — Есть разные специфики, есть педагоги, которые ведут уроки, класс. Ну, так скажем, как разминку. Есть педагоги, которые работают исключительно с солистами, с премьерами, с ведущими солистами. Есть педагоги, которые ведут репетиции с гротесковыми персонажами, с мимическими, с характерными. А есть педагоги, которые работают с кордебалетом. Это абсолютно разная специфика, но тут вот в данной ситуации я был тем педагогом на протяжении семи лет... Это не то, что все вот это, там меня взяли на испытательный срок, а я не выдержал испытание. Я вел класс все эти годы, включая последние, работал еще и с солистами, с молодыми артистами, которых готовил в разные роли.

— А говоришь, будто ты — не муз, — усмехнулась Эрато. — Это они целенаправленно в тебе Мельпомену пытаются притушить, чтобы ты ее в себе не почувствовал. Жалко им было 6 тысяч, что ли? Нет, тут тебе специально ударили в самое сокровенное! А у тебя ученики успехи делали?

— Ну, да, конечно, — пожал плечами Николай. — Многие мои ученики награды получали. У меня вообще первый опыт был очень удачный в том плане, что мальчик, которого я взял просто из кордебалета, сразу же выиграл конкурс в Перми. Там ему дали и первую премию, золотую медаль, и еще несколько премий разных «симпатий». И потом он стал обладателем премии «Душа танца», и обладателем «Молодежного триумфа»... ну, очень ярко сразу же появился.

— Как я понимаю, работа в качестве преподавателя, хореографа, учителя — это одна из возможностей как-то свою жизнь устроить после того, как вы заканчиваете танцевать? — спросила Эрато. — Просто видела, что у тебя во флаконе песка было лет до семидесяти, я даже позавидовала.

— Ну, когда я пришел в театр, то попал в класс к моей любимой музее, великой балерине нашей страны, — с теплой улыбкой сказал Николай. — Вот у кого было золотого песка до девяности лет с хвостиком! Первое, что она мне сказала: «Колька, надо думать о пенсии!» Ее заявление полностью совпадало с желанием моей мамы. Она, взяв мой красный диплом, просто отнесла его в институт, тогда отличников брали без экзаменов, мне не надо было поступать. В тот год класс набирал педагог, у которого я выпускался в училище. Вот все втроем они меня и заставили учиться. А потом так сложились обстоятельства, что когда мама скончалась, то все ее подружки кричали, как мамочка мечтала, чтобы я стал педагогом... ну, чтобы я выучился, чтобы имел высшее образование... Мне постоянно напоминали, что я просто обязан в память о маме это образование получить. Хотя не раз хотел бросить, было очень тяжело. Особенно, после смерти мамы,

которая сделала все, чтобы я осуществил свою мечту. Она всем пожертвовала ради этого. Поэтому я и говорю, что танцую на костях своей матери.

— Коля! Видишь, они все просчитали! — взволнованно сказала Эрато. — Неужели ты думаешь, что жалкие шесть тысяч что-то значили? Они хотели ударить тебя, как можно больнее!

— Так ведь и ударили! Я год доказывал всем, что не просто имею диплом, у меня есть способности к этому. Меня же муштровали не только в институте, но и в театре, меня учили по-настоящему. А мой педагог сколько работала со мной! Она долго преподавала! И когда ей уже было 93 года, она потихонечку... Ну, она часто не приходила. Она заявила всем, что если не будет приходить, то ее класс буду вести я. И когда она перестала приходить вообще... В свой день рождения, в 95 лет она провела последний раз урок,

пришла в театр на свой юбилей и больше в театр не зашла. Вот с того дня я вел класс постоянно. Ну, так как мы все были, артисты, солисты, в основном, кто к ней ходил, и потихоньку-потихонечку возник вопрос, а почему я это делаю, имею ли я на это право? После чего мне пришлось сказать: «Ну, тогда оформите меня». А сами предложить не догадались, конечно. Оформили на полставки, а уже потом в дальнейшем уже появились и люди, с которыми я стал репетировать. При этом все, что я делал последние годы, это было по просьбе директора. Ну, допустим, появилась у меня недавно ученица Геля Воронова. Она тоже выиграла конкурс в Перми. Наша прославленная балерина увидела ее на конкурсе и решила взять себе. Девочка была из провинции, но, к сожалению, наша прима скончалась, как ты знаешь. И вот по просьбе того же директора я с этой девушкой уже третий год занимаюсь. Все устраивало всех. А потом начался какой-то кошмар... Я понял, что кому-то меня надо растоптать, наказать, унижить... Не знаю, как это назвать.

Alfred Edward Chalon (1780-1860) of the ballerina Marie Taglioni (1804-1884) costumed as Zoloë

— Вот отсюда давай подробнее! – среагировала на что-то Эрато. – Значит, появилась какая-то девушка, ты начал заниматься, а потом возник кошмар?

— Ужас-ужас-ужас! – подтвердил Николай. – Вначале мне прямо у трапа самолета передали отказ одного моего ученика. Потом из дирекции стали звонить, говорить, будто все отказываются со мной работать...

— Как это было с Владимирской, а ты не подписал, — напомнила Эрато. — Коля, а эта девушка Геля, она подписала?

— Нет, она не подписала! И очень талантливая, очень!

— Улыбчивая, все время смеется и ни на что не жалуется? – поинтересовалась Эрато.

Николай только утвердительно кивнул в ответ, но, как только он вспомнил Гелю, его лицо тут же озарилось улыбкой.

— Видишь, мы еще одну причину обнаружили! Это – Талия! – подытожила Эрато. – Нападки на тебя будут, вы опять собрались втроем!

— Как это?

— Раньше были Полигимния, Терпсихора и Мельпомена. Затем выгоняют Владимирскую, но пока ты неопасен! Но как только появляется эта Геля, так тебе житья не стало, а главное, делается все, чтобы запретить тебе преподавать! – торжествующе закончила Эрато. – Значит, и Талии теперь придется туго.

— Как мне все это надоело, ты не представляешь! И все ко мне пристают: «Вы же существуете в конфликте!» Да невозможно уже жить в этих интрижках и подлых ударах в спину! Мне говорят «Вот, вы уже критикуете!» Я не критикую, а говорю то, что вижу и чувствую. Мало того, насколько я знаю, многие люди уже высказались и в Интернете...

— О, наша Мельпомена уже начинает понимать силу Интернета? — насмешливо спросила Эрато. – Когда нас чуть-чуть не разбили на этот раз в Интернете, грешным делом, подумала, что нам очень повезло, что Каллиопа что-то там значит. Там все сохраняется, это ведь не радио, не телевидение, а уж тем более – не газета.

— Многие люди наоборот звонили на радиостанции, писали, мне тогда в прямом эфире хамили и оскорбляли. Но они не правы. И это увидели все, — не слишком уверенно сказал премьер. – А вот это мне очень напоминает... гладиаторские бои.

— Поверь, без Интернета никто ничего не увидит. И без Каллиопы, конечно, — заметила Эрато. – Но это действительно виртуальные гладиаторские бои! Ты в курсе, что на античные арены выходили и гладиаторы-женщины, называвшиеся амазонками? Списки победителей игр свидетельствуют о том, что силой и храбростью они часто превосходили мужчин. Одна из таких амазонок сражалась на колеснице, а гладиатор Ахиллия лучше всех современников владела мечом.

— Я знаю, что участие женщин в смешанных боях считалось непристойным зрелищем, — с улыбкой заметил Николай.

— Так многие и балет считают в чем-то весьма «непристойным зрелищем», заранее считая всех балерин... сам знаешь кем, — парировала Эрато. — Кстати, сколько человек насчитывает ваша балетная труппа?

— По-моему, около 230, то ли 240 человек, — настороженно ответил Николай. — Станешь спрашивать, почему меня никто не поддержал? А как они могут поддержать? Их уволят или сделают жизнь невыносимой. В прошлом году у нас было... много чего. Вот у нас существует балетный профсоюз, который возглавляет ... художественный руководитель, а его заместитель — его заместитель и в профсоюзе. И когда в прошлом

году было собрание, где артисты требовали, чтобы они оставили должность профсоюза, потому что профсоюз — это важная организация, не смогли добиться. Парень, который громче всех выступал, его просто сняли с ближайших спектаклей.

— Так-так, — задумчиво сказала Эрато. — А что это за парень?

— Он еще и парень Гели Вороновой, Талии, как ты ее называешь. Фамилия его Игнатенко. Мало того, что у нас профсоюз возглавляет худрук, он же толком не работает, к девочкам пристает. Решил тут сам возглавить «скорую помощь», девчонкам объявил, будто скоро станет генеральным директором театра. У нас принимаются на работу в качестве преподавателей люди без высшего образования, что, опять-таки, невозможно. И дальше на другие должности тоже. А тут получается, самого именитого артиста в своем поколении — унижают перед всеми. Прости, что мне приходится хвастать, но больше наград, чем у меня, нет ни у кого. Мало того, я — человек с образованием, с опытом работы на конкретном участке работы, да? Вот так вот поступают. Вот это, конечно, удивительно.

— Да ничего удивительного, — ответила Эрато. — Лучше отдавать себе отчет, что дальше будет еще хуже! Скажи, а в театре ты можешь на кого-то рассчитывать?

— Ну, как? Меня все хлопают по плечу, мне говорят на ухо: «Держись», мне жмут руку... Мне было плохо, а наша дива попросила тебя опубликовать то злосчастное письмо... Мне все говорят: «Понимаешь, ты – известный, тебе можно, как бы, вот... Тебе можно бороться, а мы – неизвестные». И все в один день тоже могут оказаться в такой же ситуации.

— Скажи, ты жалеешь?

— Нет, я ни о чем не жалею! – твердо ответил Николай. — В основном, я был шокирован теми условиями работы, в которые мы поставлены. Ты имеешь представление, что такое в зоне сцены готовиться к выходу на сцену. Потому что балет – технически сложное искусство! Нужно обязательно пространство, определенное покрытие пола, не кафель, по крайней мере!

— Скажи, а промолчать о реконструкции театра ты не мог? – спросила Эрато, с тревогой прислушиваясь к каким-то скребущимся звукам за дверью. – Ну, чисто гипотетически хотя бы... Вот взял бы и промолчал! А?

— Да, я бы промолчал! – повысил голос Николай. – Так все думают, не понимая, что мне же здесь работать, все организовывать! Реконструкция театра осложнялась тем, что само историческое здание оказалось зажатым в плотной застройке. Расширять его в сторону нельзя, как это было сделано с Ковент-Гарденом и Ла Скала. У нас из-за этого и так были «карманы» очень маленькие, потому что так исторически сложилось при застройке. Хотя тогда это было самое большое театральное здание, а сейчас оно, к сожалению, не очень велико. И когда носят декорации жесткие, мы должны отодвинуться, а куда? Но главным персонажам необходимо распрыгаться, потому что наш выход на сцену начинается с прыжка. Это очень опасная для здоровья нагрузка, если не подготовишься. А здесь места нет даже, потому что тебе некуда приткнуться за кулисами. Но тут еще носят декорацию, а в коридор ты выйти не можешь! Там, где раньше мы имели хотя бы закуток, теперь положили кафель «для красоты» и «историзма», а на кафеле артистам балета прыгать нельзя. И так – чего ни коснись!

— Я пробовала как-то эти вопросы задавать в интервью, а мне сказали, у вас теперь есть 2 шикарных зала для разогрева... И я не знала, что добавить!

— Они никогда не отвечают мне лично, всегда за спиной, — тяжело вздохнул Николай. — Все заявления наших руководителей о том, как они нас благодетельствовали... просто обидная чушь. Ну, ты представь себе эти залы на шестом этаже! А сцена – на втором! Ну, понимаешь, что они просто издеваются?.. Потому что никто из них не подумал об артистах. И потом это же производство, такое живое производство. И когда я об этом говорил, то ни

разу не произнес сумму, во что это вылилось, ни разу не сказал о деньгах. Я ведь лишь говорил о том, что касалось самой организации спектаклей!

— Да, а про суммы сказали другие, Коля, не оправдывайся передо мной! Лучше посмотри, во что выливается обсуждение твоей борьбы за справедливость по пунктам и по существу.

С этими словами Эрато пододвинула ему ноутбук, где в статье одного из сайтов Каллиопы была приведена наиболее типичная дискуссия по поводу его претензий к реконструкции театра.

Театральная площадь в день открытия Большого театра
Литография с рисунка В. Садовникова (л. 1). 1856 г.

leonid

А по пунктам? А по существу? А без эмоций?

Вы же профессионал! А наш премьер — профессиональный балетный танцовщик. Так что по поводу ремонта — он балабол. Вот и расскажите мне, Вы, профессионал, в чём уничтожение национального достояния при ремонте? Что, советский ремонт был лучше?

А «расхищение национального достояния» я вижу в уродовании Советской Классики (балет «Пламя Парижа»). А сохранение «достояния» — это балет «Спартак», который я недавно смотрел. В том, что курилка в здании Новой Сцены — газовая камера- ошибка проектировщиков. А не злой умысел директора театра. Ну, так по пунктам? А по существу? А без эмоций? Ну, в чём уничтожение святыни? Да, кстати, если моё мнение Вам неинтересно, то что Вы так горячо реагируете? Что, у Вашего любимца Коли не может быть противников?

Отчего же советский ремонт был не лучше? Стало хуже? Да! Следовательно, было лучше.

ogurcova

Посмотрите интервью Николая!

Ну, вы ведь считаете, что по пунктам изложение технических мероприятий реконструкции и реставрации — вам доступно, поскольку вы очень умный и вам учиться не надо. Но вы никак не воспринимаете на слух главное: самому сооружению, имеющему статус памятника истории и архитектуры — нанесен непоправимый ущерб уже тем, что там были начаты работы без проекта (вы достаточно адекватны, чтобы понять сказанное?), они были остановлены, т.к. все деньги оказались... того. Потом, через длительное время был возведен «примерно такой же» новострой. С дешевой отделкой, с исчезнувшими навсегда приметами, которые можно было лишь реставрировать.

И как раз Николай показал в интервью, что не только хорошо знает историю театра, каждого его канделябра, но и имеет куда более культурное представление, нежели у вас — о реконструкции и реставрации.

Вы же человек по умолчанию некультурный, потому и вызываете негативные эмоции. Почему вы считаете, будто можете требовать объяснений, если уже вызвали у дамы негативные эмоции? Это ведь профессиональные объяснения, они, в конце концов, денег стоят! Всего вам доброго и удач в реконструкции частных сортиров!

leonid

Я понимаю, откуда у одной известной журналистки «любовь» к Николаю, — грузинская диаспора хочет поддержать своего. Но вы то, как строитель, понимаете, что лучшим директором театра может быть только один грузин — тов. Сталин И.В.?

ogurcova

Мне кажется, вам надо обратиться к хорошему специалисту и полечить свои национальные пристрастия в искусстве. Ведь здесь, чем больше «диаспор», тем интереснее, богаче. Впрочем, возможно как раз ваша патология и не лечится. Неважно.

Главное ведь, чтоб «руководящая диаспора» не была типичной воровской сходкой. А в данном случае, необходимо убрать из руководства всех, кто был причастен к уничтожению святыни национальной культуры, а иначе «реконструкцию театра» не назовешь. И пробежки бывшего министра культуры, ответственного за разворовывание средств на реконструкцию, меня заботят куда больше, чем заступничество нашей известной журналистки.

Николай — вненациональное и вневременное явление. Немного «защитить» такое лестно всем, поэтому я целиком и полностью понимаю эту журналистку. Я счастлива, что он не подвергся «реконструкции» и держится до сих пор.

— Как видишь, то, что ты никого в воровстве, в коррупции не обвинял, тебе ведь не помогло! – заметила Эрато. – А обвинить без документов, без улик и доказательств может лишь специалист в реконструкции. Даже в этом плане тебе станет легче. Как ты не пытаешься высказываться осторожнее, а ведь без внимания сказанное тобой в любом случае не останется.

— Да, я сказал, что те люди, которые подписали этот проект в свое время, они, ну, совершили определенное преступление против этих строительных профессий. Не говоря уже о том, что, как бы... совершили вандализм. Но старался ничего не говорить против тех, кто хоть что-то построил на месте зиявшего котлована...

— Коля, а какая разница? Или ты по своей наивности думаешь, что сюда пустили бы кого-то чужого? – разозлилась Эрато. – Какая разница? Вначале кормились одни, потом пришли другие. Ты заявил, что многие вещи исчезли из исторической части, и вся эта реконструкция выполнена против логики ваших профессий, без учета постановочной деятельности.

— Я все время подчеркивал, что те люди, которые в 2009 году, вот, компания, которая пришла и построила, они не при чем, они строили по тому проекту, который был, — упрямо сказал Николай. – А вот те, кто подписал проект, вот они должны нести большую ответственность за все!

— Ах, какой он умный, — рассмеялась Эрато. – Не трогайте его, он «в домике»! Прочти еще раз сказанное Каллиопой. Ты говоришь эту чушь, сразу же подставляя всех! Не было никакого проекта, понимаешь? Историческое здание ухнули в этот жуткий котлован – вообще без проекта! И когда ты начинаешь по-балетному рассуждать о каком-то проекте...

— А, кстати, я ее же читал! – вспомнил вдруг Николай. – Читал статью про рухнувший аквапарк, она говорила, что за все должны отвечать проектировщики!

— Наверно, она правильно говорила, мне сложно судить, — отмахнулась от него Эрато. – Но здесь не было проектировщиков, одни воры и вандалы. И они чувствуют себя крайне неловко, когда ты требуешь наказать проектировщиков. Всем им сразу хочется наказать тебя! Слушай, а ты как-то это пытался обсуждать внутри театра?

— Конечно! – кивнул премьер. — Я пытался даже говорить об этом с генеральным директором, когда он нам говорил, будто здание – «на стадии проекта». Я еще тогда сказал, что нам надо контролировать все! А он заявил, что над проектом работают профессионалы и будет сделано все хорошо. А два года назад меня пригласили на совещание о начинке репетиционных залов. Я был удивлен, что сам директор меня позвал. Ну, какие-то вещи я этим строителям объяснил. Где обязательно должны быть зеркала, на какой высоте должны быть станки. Они все записывали за мной и многие вещи сделали

нормально. Но мы не знали на тот момент, что у нас в потолке будут окна, мы не знали, что они ошибутся с наклоном пола! Понимаешь, у нас же полы с наклоном. Ну, у них должны же быть планы, где должно было быть все это нарисовано... Потом, когда я увидел, что два зала из трех спроектированы так, что в них нельзя выполнять высокие поддержки, потому что...

Laura Knight, Ballet, 1936

— Потому что эти два зала устроены на месте бывших раздевалок для кордебалета, — закончила за него Эрато. — И теперь ты не можешь на репетиции поднять партнершу, потому что она ударится в потолок, потому что там идет скос. Сплошные «потому что». Но ты теперь-то понимаешь, что проекта не было? Ты понимаешь, что вначале должна была быть проведена большая проектная работа, а уж потом – рушиться стены, устраиваться окна где попало...

— Понимаешь, у меня есть два метра около зеркала, где я могу носить партнершу на пяточке, а если мне надо пронести ее по диагонали, то я уже это даже порепетировать не могу! – возмутился Николай. – Я, когда это все узнал, прибежал к директору, я ему первому это высказал! Потом, когда еще не были заложены коммуникации, и мы узнали, что гримерные у нас

получаются вообще без окон, я говорил, что нам очень важно воздух... От меня отмахивались, как от назойливой мухи, мол, «не это главное»! Главное, конечно, их кабинеты, это я понял. Мне уже объяснили, что у меня плохой характер, что я претендую на какие-то «особые условия», у меня «звездная болезнь». Главное, что я для себя ничего не просил, я ж не прошу для себя лично. Хотя работать в таких условиях невозможно. Но не мне одному! А нашим девочкам каково работать в таких условиях?..

— И раньше основная версия озвучивалась о том, что ты рвешься к власти, а сейчас она вообще станет основной, — ответила Эрато. — Руководство театра сразу же после твоих выступлений заявило, что ты претендовал на пост главного по балету, но тебе его не дали. Вот ты обиделся и начал войну.

— Абсолютная чушь, — возмутился премьер. — Мне предлагали руководящий пост в министерстве культуры, я отказался и сказал, что меня устраивает положение премьера и репетитора в театре, я с удовольствием работаю, у меня есть ученики, у меня есть обязанность перед людьми. Но теперь ты видишь, что меня лишают этих обязанностей для того, чтобы показать: «Вот, имел? А теперь мы у тебя все отнимем».

— Слушай, Коля, посмотри, что у тебя за дверь? — шепотом сказала ему Эрато. — Я больше не могу, мне страшно! Мне надо выбираться... посмотри, кто там скребется!

— Да никто у нас не... скребется, — ответил Николай, распахивая дверь перед пресс-секретарем театра Никифоровой, глядевшей на него искоса, как-то неестественно выгнув голову набок. — Здравствуйте, какая неожиданность!

От растерянности он даже не сумел придать голосу соответствующую язвительность. Никифорова напирала на него плечом, явно желая ворваться в

гримборную.

— Мне сказали, у вас журналистка с телевидения, — каким-то глухим изменившимся голосом прошипела пресс-секретарь. — Вы ведь знаете, что не имеете права давать интервью без согласования с пресс-службой театра...

— Чтобы вы в мое интервью всякие гадости вставили, — прокричал Николай, стараясь выдвинуть рваную в каморку Никифорову. — Да что же вы, в самом деле? У нас личный разговор, мы к знакомым на день рождения собираемся!

— Пусти! – вдруг совершенно чужим голосом рывкнула Никифорова, и от неожиданности Николай выпустил удерживаемую дверь.

Он обернулся в сторону Эрато и удивился ее поведению еще больше, чем натиску пресс-секретаря. Журналистка залезла на стул, выставив его вплотную к зеркалу, явно намереваясь забраться на крошечный столик перед ним. Одной рукой она прижимала к себе сумку с ноутбуком, а другой тыкала к Никифорову большой массажной щеткой.

— Уйди, Окипета, лучше уйди! Час Либитины настал, это не твоё время! – заорала на пресс-секретаря не своим голосом журналистка.

Николай поймал себя на мысли, что толком никогда не задумывался, кто это у них работает пресс-секретарем. Как-то он услышал ворчание их оперной дивы про Никифорову – «медвежья лапа», но переспрашивать не стал. Где-то в ее интервью читал, что она не смогла закончить детскую музыкальную школу по классу баяна, но музыку любит страстно. Тогда он подумал, что примадонна имеет в виду полное отсутствие у Никифоровой музыкального слуха, — от поговорки «медведь на ухо наступил».

Он понимал, конечно, что Никифорова в театре человек неслучайный, взяли ее не за талант или профессионализм. Но никогда раньше не замечал ее тяжелой поступи, от которой трещал дешевый ламинат на полу его каморки. Руки у нее были плотно прижаты к туловищу, а голова неестественно вывернута так, будто она хищно высматривала что-то у ног не на шутку перепуганной Эрато.

— Девочки, вы что это? – беспомощно развел он руками. – Девочки, давайте мирно обсудим наши проблемы...

— Заткнись! – прошипела пресс-секретарь, пытаясь боком подобраться к скулившей на одной противной ноте журналистке. – Дойдет и до тебя очередь, заткнись!

— Вот пусть сейчас лучше до меня очередь дойдет, — решительно ответил Николай, — а сейчас мы будем с прессой вести себя по-балетному! Не забываете, что вы пресс-секретарь, а не...

Тут он бросил взгляд в зеркало, к которому прижималась Эрато, сбросив коробку с артистическим гримом на пол. За ее спиной, в зеркальном отражении он увидел смутные очертания Никифоровой, но именно такой,

какой она всегда ему казалась, когда откровенно гадила в печати, перевирая восторженные отклики в английской и французской прессе.

— Коля, спаси меня! Пожалуйста, спаси от этой гадины! – всхлипывая, повернулась к нему Эрато, заламывая руки.

Он подскочил к Никифоровой, совершенно потерявшей к нему всякий интерес, полностью сосредоточенной на замшевых ботильонах Эрато, схватил ее под руки, плотно прижатые к туловищу, и, удивляясь про себя ее почти невыносимой тяжести для довольно тщедушного тельца, сумел выкинуть ее в коридор, всем телом прижав дверь, плотно запирая ее на ключ.

— Что это было? – переводя дыхание, спросил он Эрато, слезавшую с туалетного столика.

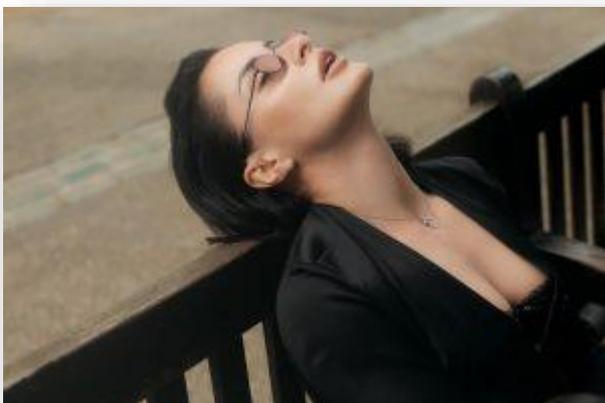
— То, что ты сам видел, — прошептала она. – Надо своим глазам верить, а не сложившимся общественным представлениям... как где-то писала Каллиопа. Как ты думаешь, эта тварь за мной кинется?

— Не знаю, я же впервые такое вижу! – растеряно признался он. – А что ты про какой-то час Либитины говорила?

— Если ты немедленно не дашь мне что-то выпить, ничего не скажу! – твердо сказала Эрато, чувствуя себя совершенно обессиленной.

— Ну, где-то тут мне поклонники приносили, — неуверенно сказал Николай, заглядывая в тумбочку, понимая, что без тонизирующего ему придется тащить ее из театра на себе. – Вот! Нашел! Мне после «Щелкунчика» дарили... Там же Новый год и мое день рождения... дарят, а я такое не пью.

Он выставил на туалетный столик изящный флакон коньяка, соображая, где же у него могут быть рюмочки или стаканчики. Но пока он рылся в своем шкафу, Эрато, свинтив хрустальную пробку флакона, жадно припала к нему ярко окрашенным ртом.

— Ну, ты даешь! – зачарованно протянул он, впервые видя, как коньяк пьют прямо из горлышка. – Не знал, что девочки такое могут!

— Блин, еще насмотришься на всех девочек, что и не такое узнаешь! – заплетающимся языком пролепетала Эрато. – Кажись, отпустило... Ну, ты, наверно, знаешь, что Холодец – психопомп, то бишь проводник душ? И меня всегда поражало, что

можно о себе всю историю исказить, а до конца подчистить еще никому не

удавалось... Все в его истории шито белыми нитками, все торчит на поверхности! Нет, ты слушай, слушай! Ты думаешь, что останешься в стороне, да? А он сам к тебе придет! Поэтому тебе лучше сесть и меня послушать...

Быстро захмелевшая Эрато начала рассказывать ему про Холодца так, будто это был хорошо знакомый ей тип, обладавший огромной властью. Николай постоянно сталкивался с такими заносчивыми господами, смотревшими на всех свысока. Немеряные деньги настолько вскружили им головы, что они чувствовали себя небожителями, в чьей власти было повернуть время вспять.

Бронников Ф.А., Освящение гермы, 1874

— Гермес притворяется самым молодым богом среди олимпийцев, — продолжила Эрато, сделав еще один глоток, чувствуя, как наконец-то согревается изнутри. — Он очень древний, древнее Зевса или Юпитера, которому подсунули «сыночка»...

Не понимая, как это может решить его проблемы в театре, Николай с интересом слушал ее рассказ о древнегреческом боге, который, оказывается, не только превратился в стильный фетиш банков и бирж, но может вполне явиться к нему за какой-то надобностью.

Само его имя было, как производное от греческого слова ἕρμα, герма, и означало вообще-то груду камней или каменный столб, которыми отмечались в древности места погребений. Гермы были путевыми знаками и одновременно своеобразными амулетами, охранителями дорог, границ, ворот. Отсюда пошло одно из прозвищ Гермеса — «Пропилей», то есть «привратный». А повреждение герм считалось страшным святотатством. Герма делила наш мир и потусторонний, никто их и так не трогал, поскольку каждая герма считалась порталом в мир иной. А уже потом, как бы сам по себе,

возникает образ Гермеса Трисмегиста, то есть «трижды величайшего», и с этим Гермесом связываются все оккультные науки и тайные, доступные только посвящённым знания.

Гермес почитался на анфестериях — празднике пробуждения весны и памяти умерших. Это стало потом в христианстве «Троицей мертвых». В средние века в алхимии существовала теория о Птицах Гермеса (аллегорическом образе ртути), которая может породить новую субстанцию — философский камень, превращающий все в золото, меняющий природу вещей.

— И поскольку мне сейчас совершенно без разницы, я могу сказать открытым текстом, что многие будто и получили такой камень от гермесовых птичек, — икнув, заявила Эрато. — Многие вдруг получают столько благ, будто в руках у них — философский камень... Но всем придется платить за такие чудеса! Всем... но так не хочется, Коля!

Она достала из сумки распечатку с древним ритуальным заклинанием к Гермесу алхимиков.

— Там вначале на английском, а внизу — русский перевод, — пояснила она, тыча в листок пальчиком с безупречным маникюром. — Это, чтобы ты знал. Лучше знать, с кем дело имеешь!

*In the sea without lees
Standeth the bird of Hermes
Eating his wings variable*

*And maketh himself yet full stable
 When all his feathers be from him gone
 He standeth still here as a stone
 Here is now both white and red
 And all so the stone to quicken the dead
 All and some without fable
 Both hard and soft and malleable
 Understand now well and right
 And thank you God of this sight
 Между моря без границы,
 Стоит как столп Гермеса птица
 Свои крылья пожирая
 И себя тем укрепляя
 И как только перья канут
 Она недвижимым камнем станет
 Здесь сейчас бел он и красен
 И всеми цветами — смертью окрашен
 Всем и частью без подколки
 Твердый, мягкий он и ковкий
 Ты все правильно пойми
 И Бога возблагодари*

— И там внизу – поговорки про птичек Гермеса, их тоже надо понять. Многие сочиняют про каких-то фениксов, а у древних греков фениксов не было! – залилась Эрато пьяным голосом.

— Слушай, ты так пьешь, а ты на машине? – вдруг дошел до Николая весь ужас положения. – Как ты домой-то пойдешь? «В греческом зале, в греческом зале...»

— Не твое дело! – гаркнула Эрато. – Ты о себе подумай! Не все же думать о балете и реконструкции... какие вы все скучные, ей богу... прочти поговорки! Думаешь, это про фениксов или журавлей?

Николай прочел две строчки после стишка.

*Птицей Гермеса меня называют, свои крылья пожирая, сам я себя укрощаю.
 Птица Гермеса имя мне дали, лишив меня крыльев, свободу отняли.*

— Это уже из черной магии, — мрачно заметила Эрато. — Это когда кто-то или что-то уже умерло, но уходить не хочет, но готово стать «птицей Гермеса», готово ради этого пожертвовать и свободой.

— А сама-то ты чего такое не сделаешь? Сразу бояться не будешь, — попытался рассуждать разумно Николай.

— А потому что я знаю про Либитину, — ответила Эрато.

Тициан Вечеллио, картина «Любовь земная и небесная», 1514

Либитина тоже была очень древним италийским божеством прихоти и эротических удовольствий, вместе с тем являясь богиней садов и виноградников. Сама муза любовной лирики Эрато была отражением этой богини в искусстве.

Либитина олицетворяла краткую весну каждой жизни – молодость. Смерть наступала слишком внезапно, люди раньше редко жили долго, потому и возникла поговорка «мертвые остаются молодыми». Культ Афродиты Урании и Афродиты Пандемос (Афродиты Небесной и Афродиты Всенародной) – переродился в культ Венеры, олицетворявшей любовь земную и небесную. А Либитина стала третьей ипостасью с Венеры, получившей прозвища Lubentina, Lubia.

Гладиаторские бои в Колизее

Все, что родилось, должно в свой срок отцвести и уступить в свой срок дорогу новой жизни. Венера Lubentina олицетворяла краткость, недолговечность любви, отражавшей ее мимолетность перед вечной разлукой. В храмах Венеры Либитины хранились похоронные принадлежности, и по постановлению Сервия Туллия за каждого умершего уплачивалась в него известная монета (lucar Libitinae).

Поэты употребляли имя Либитины в значении смерти, разлучающей любящие сердца.

В каждом амфитеатре устраивались «ворота Либитины», через которые с арены вытаскивали погибших гладиаторов. Только что гладиатору рукоплескали трибуны, но вот пробил его час, и крючьями, продетыми сквозь

ребра, его тащат к воротам Либитины... Гладиаторские бои долгое время являлись частью похоронных обрядовых торжеств. Они заказывались в качестве поминок богатыми гражданами, о чём в начале представления публике сообщалось глашатаями. А перед тем, как открывались ворота для участников ристалищ, настежь распахивались ворота Либитины.

Нельзя понимать значение Либитины буквально, как некую богиню мёртвых, смерти и погребения. Она – тоже психопомп, но... полностью противоположный Холодцу.

Гермес не спешит избавить этот мир от разлагающей мертвечины. К нему обращаются в жажде остаться здесь в любом качестве, пожертвовав крыльями и свободой, переродиться, познавать мир не из любви, а из жажды стяжательства. А Либитина – та, которая из любви ко всему сущему, примет в свои врата всех, кто решил сравняться с «птицами Гермеса», оставшись отравлять существование живущим... Хотят они того или нет.

Только она хорошо понимает всех, кому так надо насладиться глотком любви, надежды и веры перед вечной разлукой. Гермес кажется вечным, но с женской аккуратностью Либитина убирает все, что он хотел бы оставить здесь навсегда, отравлять краткий миг бытия тем, кто способен любить и украсить мир своей любовью. Она вступает в свои права после того, как закончит дуть летний сирокко — южный ветер. Она не прикидывается никем, став из богини весенних садов – обычной могильщицей, не хуже Гермеса умея считать монеты, чтобы точно знать число умерших.

* * *

Вызвав такси и проводив обвисшую на его руке Эрато до машины, Николай решил пешком пройтись по вечерним улочкам до своего дома. События этого дня надо было еще пережить. В голове проносились какие-то дикие эпизоды встречи с Эрато, которая всегда поражала его деловой хваткой и умением скрыть свои душевные «метания-переживания» — за обаятельной улыбкой.

Разве он мог подумать, что когда-нибудь увидит ее верхом на своем туалетном столике, тыкавшей их пресс-секретарю массажной щеткой в лицо, а потом потащит пьяную до машины после рассказов о соперничестве Либитины и Холодца в весьма щекотливой области.

В голове крутились ее последние слова, сказанные с почти трагическим надрывом уже из такси: «Ты когда почувствуешь что-то нехорошее, сразу говори про огурцы! Придумай заранее... или просто скажи, что очень огурцов захотелось. Эта ваша Никифорова ведь не зря ворвалась, после нее все сказанное имеет огромное значение. Мне кажется, это про ворота Либитины. Думаю, будет какой-то поединок на помин души, а тебе надо выстоять!»

Он представил себе, как будет кричать про огурцы в интервью или передаче об искусстве, и даже улыбнулся. Впрочем, он вспомнил, что одна присказка про огурцы ему действительно нравилась: *«Не надо путать огурцы с кефиром!»* Так любила говорить его мама, а он любил приводить ей ее же слова, когда она предлагала ему холодный овощной суп с мацони. Вспомнив о том, что он, грузин, с детства не жаловал именно кавказскую кухню, а обожал вареники с творогом, голубцы и борщ, его окончательно развеселило. Но веселье тут же иссякло, когда в памяти неожиданно всплыло красивое лицо высокой черноволосой женщины под новогодней елкой и ее слова: *«Ты даже представить не можешь мое затруднение! С одной стороны, часы Сфейно никогда не ошибаются, а с другой стороны... это твоё сумасшедшее желание... Как женщине разумной и порядочной, мне очень хочется принять сторону твоей мамы».*

В этот момент он вполне понял странный жаргон Эрато, называвшей древнегреческого бога Гермеса – Холодом. У него похолодели кончики пальцев, по спине прошла холодная волна ужаса – полным и окончательным пониманием того, что на самом деле является правдой в его жизни. На что он рассчитывал, прилагая столько усилий, чтобы обрести ту неподдельную власть над чужой душой и попытаться хотя бы один вечер озарить ее счастьем, вдохнуть надежду? И чем для него давно стала обыденность вне сцены, все больше походившая на кошмар? Холод почти дошел до самого сердца и остановился каким-то недобрым предчувствием внутри, когда он понял, что реальностью для него теперь становится то, что он всегда считал снами, детскими фантазиями и пустыми грезами.

До дома оставалось пройти небольшой сквер с нечищеными ступеньками спуска от тротуара. Он мог бы поклясться, что в скверике никого не было, но подняв голову после того, как аккуратно миновал ступеньки в тусклом свете фонаря, увидел, что на заснеженной скамейке посреди сквера сидит старик в старомодной дубленке и пыжиковой шапке. Впрочем, было неудивительно, что он не заметил его сразу. В его внешности было нечто такое, что казалось, что стоит ему откинуться и перестать вглядываться в лица прохожих, он немедленно сольется со скамейкой и сугробом у металлического подлокотника.

Холодок возле сердца тут же подсказал ему, что старик ждет именно его, он сюда «пришел по его душу», как ворчала в детстве его няня. Поэтому при его окрике «Молодой человек!» Николай попытался прибавить шаг.

— Николай! Не бегите! Догонять не стану! Выслушайте меня, — почти просительно сказал старик ему вслед.

Николай остановился и со вздохом повернулся к его сгорбленной фигуре на скамейке.

— Что вы хотели? – спросил он негромко, стараясь не раздражаться.

— У вас там... в театре, — с запинкой проговорил старик. — Есть у вас в театре два существа нездешних. Вернее, они-то как раз куда более «здешние», чем мы с вами. И я подумал, что одна вещь вам может пригодиться.

— У меня очень мало времени, — твердо сказал Николай. — Вообще стараюсь на улице знакомства не завязывать.

— Я вас понимаю, — просто ответил старик. — Скажи мне кто раньше, что стал бы с вами знакомство на улице завязывать, так показалось бы смешным. Но понял тут, что меня свои дела сейчас волнуют куда больше «мирового господства» отдельных мифических существ. Со многими говорил в последнее время, все твердят одно: «У меня не было другого выхода!» Я и сам так говорил всю жизнь. А сейчас вдруг решил, что надо бы поговорить с теми, кто ищет другой выход. С вами, например.

— А я весь вечер говорил о том, что у меня вообще мало каких-то выходов, — признался Николай, устраиваясь на скамейке рядом со стариком. — Давно меня ждете?

Рембрандт, Харменс ван Рейн Портрет старика.

— Здесь? Нет, недавно. Я за вами вторую неделю слежу, — признался старик. — Даже в ваши катакомбы просачивался, видел, как Окипета возле вашей двери крутилась, а потом вы ее в коридор выкинули. И вашу посетительницу, вестницу Либитины, видел... Значит, врата Либитины открыты и ждут всех!

Николая покрутил головой, чтобы отогнать какое-то наваждение в виде холодного и бесстрастного женского лица в лунном свете.

— Почти всю жизнь я имел такую власть, о которой нынешние властители и понятия не имеют! Нынче думают по-простому! — с застарелой злостью сказал старик.

— Сделал гадость, забил по шляпку, а сам пей-веселись! Такая власть недолговечна потому, что пространство сжимается. Как это объяснить? Власть настоящая, когда она пронизывает лучшие помыслы, задействует их! Согласен, в чем-то в советское время слишком уж большое давление оказывалось на лучшие стороны человеческой природы — так, что у многих они

атрофировались. А есть другой, более примитивный подход во власти – когда человек во власти полностью изолируется от лучших сторон человеческой души окружающих. Как правило, людям просто не дают себя проявить. И наступает эта вечная зима, время останавливается, все вокруг замерзает, прежде всего, человеческие души. Они ставятся уязвимыми, доступными. Обычно такое время называют...

— Время гарпий? – выдохнул премьер.

— Совершенно верно, — подтвердил старик. – Но это время живых мертвецов, переставших жить при жизни. Раньше искали философский камень с этой целью – остановить для себя время. Можно сказать, что я такой камень нашел! Им для меня был очень важный пост в одной режимной организации. Много лет я старался прикармливать младших муз, внушая им их «особенность», из которой я взращивал обособленность. Заставлял молчать старших муз... Но потом произошло то, что вы видите.

– Вы манипулировали людьми!

— Конечно! А вы знаете, Николай, что многие люди мечтают, чтобы ими манипулировали? – усмехнулся старик. – И большинство с готовностью подвергается разного рода манипуляциям, зная свой расклад. Хотел поинтересоваться... вы ведь хореографическое училище с отличием закончили? И время тогда было самое советское, верно?

— Да, — подтвердил Николай.

— И по предмету «Обществоведение» у тебя пятерка? Что молчишь? Не читал, как «призрак ходит по Европе, призрак коммунизма»? – ехидно поинтересовался старик. — Ведь читал! А ты не придавал значения этим манипуляциям? Разве в комсомольскую организацию не входил? А в этом был основной отход от того, что должна была сказать Каллиопа.

— У вас все Каллиопы говорили то, что должно, — сумрачно заметил Николай. – А потом такое вывалили!..

— Да, вывалили в тот момент, когда мало кто критически мог оценить вываленное, — невозмутимо подтвердил старик. – Вывалили то, что живым было особо не нужно в тот момент. И все это... не прошедшее эстетической триады, попросту говоря...

— Не волшебное? – усмехнулся Николай.

— Совершенно правильно, молодой человек! Даже не представляете, насколько, — грустно вздохнул старик. – Это долгий разговор, да и, пожалуй, в текущей ситуации беспредметный. Хочу уравновесить ваши шансы. Не спрашивайте, почему.

— У меня столько вопросов, но, как всегда, спрашивать не рекомендуется, — усмехнулся премьер.

— Все не имел в виду те вопросы, которые возникали у вас до нашей встречи, — проворчал старик. — Вас же я-то сам лично не интересую, верно? Вот чисто из вежливости вообще предложил избежать каких-либо вопросов на счет моих мотиваций. Тем более, что не так давно за этой вещью ко мне приходил Холодец и гарпия, которую вы сегодня выкинули в коридор.

— Наверно, вы решили исправить сделанное раньше, — предположил Николай, действительно не чувствуя никакого интереса к мотивам, которые двигали стариком.

— Сам не знаю, — признался старик. — Ответов много, но ни один целиком и полностью ко мне не подходит. Наверное проще всего будет объяснить это... мистическим образом. Понимаете, раньше я полностью был уверен, что самой судьбой предназначен носить гарпию-паразита по имени Аэлуппа. А она выбрала другого... вы его знаете. Или потом увидите и все поймете. Не то, что мне стало обидно, но как-то все это неожиданно и... несправедливо. Это должно было стать моей ношей, моим смыслом. Мне так и не понять, почему она выбрала не меня.

— Да это же просто гадость какая-то, — воскликнул Николай, передернувшись от брезгливости. — Жить с кем-то на шее...

— Так живет большинство, просто сами этого не понимают, — невозмутимо ответил старик. — Впрочем, поздно говорить об этом. Сразу скажу, что этим шагом я не делаю выбора стороны, напротив, мой нейтралитет становится намного глубже. Я просто даю вам возможность больше доверять тем, кто на вашей стороне. И только.

— А что это такое? — не скрывая любопытства, поинтересовался Николай.

— Старинная камешка с единственным портретом гарпии по имени Окипета, выполненная одним из обреченных, — пояснил старик. — Она позволяет всякому увидеть гарпий в их истинном обличье. Люди были бы куда меньше подвержены злему началу, если бы видели зло таким, каким оно предстает в последнюю минуту, когда уже ничего поправить нельзя.

Он достал из кармана небольшой бархатный футляр, раскрыл его и подал Николаю.

— Вы имеете много положительных качеств, как я успел выяснить, — сказал старик с ревностью глядя, как Николай бережно берет в руки драгоценную камешку. — Рациональность и здравый смысл — это прекрасно, но они мешают вам увидеть некоторые вещи, а главное, поверить в себя. Зло всегда отводит глаза. Но рассмотреть его с помощью камешки может лишь тот, кто видит само зло в любом обличье. Тот, кто считает, что ваш пресс-секретарь — находка для

театра, что она высокопрофессиональна и очень полезна, не увидит ничего даже с помощью этой камеи. Здесь нет ничего особо чудесного! Перестает искажаться истинный облик носителя зла. Мне кажется, что вы отлично обошлись бы и без нее. Поэтому не считаю, что чем-то сильно помогаю вам. Но видеть неприкрытую суть вещей, а главное, верить в свое предназначение – это немало в наше Время гарпий...

* * *

Антону Борисовичу показалось, что он стоит в шаге от бушующей огненной бездны, когда услышал в трубке голос старшей дочери Дашеньки: «Папа, я просто не знаю, что делать...»

С тяжелым предчувствием он ждал, как зять раскроется на посту художественного руководителя балета. Из него полезли нездоровые амбиции, которые стали сказывать не только на подчиненных для пользы их совместного предприятия, но и на его Дашеньке.

Антону Борисовичу приходилось неоднократно напоминать зятю о том, что своим назначением на пост худрука он обязан не только и не столько своим балетным талантам, все больше вызывавшим сомнение в коллективе труппе, начинавшем роптать. И в последний раз, когда он всего лишь сказал зятю, что его интервью, которые он начал давать налево и направо, беспощадно раскрывают его как неумного и неподготовленного руководителя, что к интервью надо заранее готовиться, а репетировать их требуется отнюдь не меньше, чем к выходу на сцену, — тот взорвался.

Зять заявил, что вовсе не желал «портить со всеми отношения» таким образом, каким он попал на пост худрука. Он напомнил, что рассылка по тысяче адресов фотографий из телефона бывшего руководителя балетной труппы – ставит и его в сложное положение. А что, к примеру, Антон Борисович захочет однажды разослать о нем по тысяче адресов? И хоть никто точно не знает, как был вскрыт телефон руководителя труппы, которого руководство театра хотело поставить на пост худрука, но все догадываются! Несложно догадаться, кому было выгодно разослать фотографии сексуальных оргий! Он уже слышал такое мнение, что там были фотографии с бывшим министром культуры, и тот, кто делал рассылку, дал это всем понять.

Зять заявил, что работа в их предприятии его сильно «дискредитирует», что он «портит себе карьеру», общаясь с человеком, который держит такой компромат. А однажды вообще высказал ему в сердцах, что боится его и желает как можно меньше иметь с ним общих дел, а уж тем более – общее гастрольное предприятие, где он – «на птичьих правах». Он сказал, что испытывает «нехорошее чувство под ложечкой», каждый раз, когда Антон Борисович входит к нему в кабинет, будто тот таскает за собой... непонятно что. Особенно оскорбительными были слова зятя, что от него давно пахнет

как-то особенно, будто у него что-то гниет внутри. Даже посоветовал провериться у врача.

Антон Борисович не стал продолжать эти бессмысленные разговоры, зная, что упрямого и ограниченного сожителя дочери бесполезно в чем-то убеждать словами, если он нисколько не оценил филигранно проведенной им операции по становлению на должность художественного руководителя балета. С тяжелым чувством рухнувших надежд он вновь полез на свои антресоли, где хранились у него заветные приспособления. Вот так и бывает в жизни – только решишь, что все устроилось и все теперь, наконец-то, все пойдет в нормальном русле, как вновь приходится откатываться куда-то к темному началу 90-х...

Он стал особо предупредительным с зятем, держась подчеркнуто подобострастно, не давая ему больше повода хоть в чем-то усомниться в своей лояльности. Дома он выслушивал плач дочери, а потом долго внушал ей мысль «с кем не бывает» и уговаривал ни в коем случае не переезжать к ним в квартиру с двумя внуками.

Даша была на взводе и высказала отцу упрек, что, мол, он решил оставить свою квартиру младшей дочери, а ей сейчас с детьми жить негде. А, дескать, он и так устроил мужа сестры в теплое место при МВД, а ее он никуда не устраивал. В другое время он бы сказал, конечно, своей ненаглядной балерине, что так, как устроила свою семейную жизнь она – не устраивают и к родителям с детьми не съезжают. Но нашел в себе силы успокоить Дашеньку и напомнить о ее боевом характере, заметив, что зять нисколько не пожалеет, если она сейчас «развяжет ему руки». Он попросил ее сжать зубы и немножко потерпеть, а он – «так этого дела не оставит» и приложит все усилия, чтобы помочь ей.

Не зря он всегда гордился Дашей. Она все поняла, прекратила «выяснять отношения», зачастила с детьми к свекрови, которую терпеть не могла. Имея хорошую выучку хореографической пантомимы, она без особого труда жестами подчеркивала при посторонних свою проснувшуюся любовь к мужу, поясняя всем, что их семейные отношения

«переживают состояние новой влюбленности друг в друга».

Антон Борисович теперь каждый вечер прослушивал записи всех разговоров, которые зять вел из машины и по телефону. Из них он окончательно и бесповоротно понял, что тяжелые предчувствия так просто и «сами по себе» не возникают. Как он хотел иногда придушить этого щенка голыми руками!

А потом к нему стали приходиться в голову странные мысли, что никого не стоит убивать, а лучше лишиться того кусочка натуры, который позволяет каждому радоваться жизни. Люди никогда не ценят его, куда выше ставя какие-то материальные блага, но как только начинают терять, так пытаются удержаться в жизни, цепляясь за то, что еще вчера им казалось «ярмом». Он думал, как смешно выглядят те, кто вдруг начинает мнить себя богом и вершителем судеб.

Из всего того, что он буквально за одну неделю узнал из записей всего, о чем его зять болтал, не переставая, в течение двух недель, он выяснил, что каждый вечер в машину зятя садится артистка кордебалета Каролина Спешникова. Они заезжают либо в заведение с номерами, либо заезжают в закрытый паркинг, потому что дома у Каролины «совершенно нет никаких условий». Каролина беспрестанно задавала зятю вопросы по поводу радостного вида Дашеньки и ее заявлений о том, что у них все прекрасно. А его зять обещал ей, что «все прекрасно» будет как раз у них, когда он окончательно «выдавит Дашку» из своей квартиры к родителям.

Антон Борисович любил внуков и никогда не возражал, когда Даша подолгу «гостила» у родителей, не желая возвращаться домой. Он всегда тихонько подсылал к ней жену для душевного разговора с дочерью, а сам умело настраивал мальчиков, тут же начинавших ныть, что они соскучились по папе.

От некоторых балерин, которым он помогал за процент от гонорара продвигаться в первые ряды кордебалета, он знал, что Каролина с начала осени заявляла в своей раздевалке, что скоро «оформит отношения» с худруком балета, поскольку с Дашей у него – «все кончено». И как зять не скрывал, Антон Борисович выяснил, что Каролина сопровождала его в поездке в Нью-Йорк, где вместо деловых переговоров о гастролях театра он предпочитал проводить время в ее номере.

Его бы не слишком расстроил адюльтер зятя с Каролиной, очевидно, решившей, будто ее жизнь вошла в твердую колею, и теперь у нее все будет «как по маслу». Разрушить подобные девичьи планы в театре можно было за половину рабочего дня. Больше всего его встревожили тесные контакты зятя с одним известным артистом эстрады по фамилии Барабуль.

Мало кто знал, что из небытия 90-х Аркадий Барабуль «поднялся», благодаря прочным связям с авторитетами преступного мира столицы, долгое время выступая на их торжествах и сходках просто «за кусок хлеба». Затем он не только прочно обосновался на телевизионных каналах с помощью своих

теневых покровителей, но и начал стремительно «вставать на ноги». Со временем он оброс высокопоставленными поклонниками, которым полюбились его неприятные репризы на корпоративных вечеринках — про глупость и недалекость «новых русских» с приколами про разного рода «ЛОХОВ».

Mary Magdalene in the Cave, Jules Joseph Lefebvre (1836-1911)

Появление Аркадия Барабуля всегда придавало любому приему почти «домашний», доверительный характер. Спиртное потреблялось без внутренних барьеров, поскольку никто из присутствующих не мог бы достичь той степени опьянения, которую изображал Барабуль в своих незамысловатых сценках. Гости начинали «тыкать» хозяевам», начальство обнимало подчиненных за плечи и трясло счастливых с раскованным обращением: «Пацан! Ну, чо пацан? Чо за дела, в натуре?», подражая придурковатым героям Барабуля.

Свое балетное предприятие Антон Борисович мысленно противопоставлял «скорой помощи» и тому подобным способам «карьерного роста», навязывавшимся администрацией театра балетной труппе. Возможно, он делал это и в пику охочему до женского пола зятю, считая, что создает куда более честные и открытые возможности для «налаживания связей» — обычным отчислением процента от гонорара, когда другие принуждали девушек и юношей к ничем неприкрытой проституции «ради искусства». Хотя это называлось нынче «эскорт-услуги», но ведь как такое не назови...

А вот Барабуль, как выяснил из прослушки машины зятя Антон Борисович, получил в наследство от убитого в начале нулевых годов авторитета Баллончика — отлично налаженное предприятие самых элитных эскорт-услуг.

Собственно говоря, «элитней» было уже некуда, потому что Аркадий Барабуль был вхож в самые высокие кабинеты, вернее, лишь в один высокий кабинет, занимаемый человеком, «поставлявшим девочек на самый верх». Именно так Аркадий Барабуль с неподражаемой простотой своих персонажей пояснил зятю характер своих отношений с влиятельным кремлевским вельможей.

В сущности, само понятие «налаженного бизнеса» Аркадия Барабуля и заключалось в том, что по таким щекотливым и деликатным вопросам в кабинете предпочитали работать только с ним. Все же это был известный эстрадный артист, допущенный к участию в самых престижных корпоративах. Он пришел от надежных людей, да и сам с готовностью демонстрировал абсолютную надежность.

К тому же дело он вел с размахом и поддерживал его на должном уровне. Вряд ли кто-то мог понять, что широкая сеть бутиков, спа-салонов и тренажерных залов частных врачебных кабинетов и косметических клиник, — работала, прежде всего, на милых фей из основного бизнеса Аркадия Барабуля.

По счастливой случайности, именно в этом кабинете, являвшемся смыслом и сосредоточием его сладкого бизнеса, а вовсе не в Министерстве культуры – решалось, кто же будет руководить главным театром страны. А вот интерес Барабуля к зятю Антона Борисовича был вполне понятным и абсолютно аналогичным тому интересу, который бы он сам испытывал к худруку балета, не поставь его сам на это место и не имей от него двух внуков.

В кордебалете на предпоследней линии плясала не слишком красивая, угловатая и бесперспективная дочка Аркадия Барабуля Светлана. Антон Борисович с удовлетворением понимал, что, в отличие от его Дашеньки, Светлана Барабуль не имела и малейшего шанса продвинуться собственными талантами через головы писанных красавиц балетной труппы, больше похожих на «трепетных ланей» и сказочных дивных пери, чем на реальных существ, ломающих голову, как свести концы с концами. Даже в кордебалет ее взяли исключительно по протекции знаменитого папы. Она была очень похожа на него даже в своем «творчестве», выделяясь даже у задних кулис какой-то неподражаемой простотой. Казалось, что ее виллиса может сойти со сцены, сесть на колени и по-свойски хлопнуть по плечу: «Ну, чо, пацан?» Даже

основная профессия отца каким-то непостижимым образом отложила свой отпечаток на черты лица Светланы – хищным оценивающим выражением.

Но каково было Антону Борисовичу осознавать, что вся блестяще проведенная им операция по назначению зятя на пост худрука балета – оказалась на руку только Светланиному папе и расцветавшей на глазах Каролине Спешневой, а вот его собственной дочери могла окончательно сломать жизнь.

Зять с легкостью пообещал Аркадию, что как только он станет директором театра, так его Светлана станет звездой его балета. Он найдет управу и на жалкий Худсовет, и на старых педагогов, постоянно жаловавшихся на дочку юмориста.

То, что зять и Барабуль за осень несколько раз побывали у высокого начальства с разговорами о дальнейшей карьере худрука Мылина, Антон Борисович понял не только из радостного гогота Аркадия и его возгласов «Ну, чо, пацан?» в машине зятя. Он вспомнил несколько неожиданных шагов, которые Светлана сделала за осень из последних рядов кордебалета без малейшей попытки как-то отблагодарить зятя за «антрепренерство» через кассу их предприятия. И от многих своих «клиенток» из кордебалета, жаловавшихся ему на жизнь, он знал, что Светлана похвасталась, будто ее папа уже договорился, что на гастролях в Лондоне ее имя будет в афишах, а со своим педагогом они готовят танец с барабанами для балета «Баядерка».

Если бы вопрос с ее барабанными танцами не был «проработан» с его зятем, вряд ли она о таких вещах вообще открыла рот в раздевалке, где сообщались вслух лишь «пустые домыслы», имевшие статистическую вероятность единицу. Если, конечно, не наступало другого события, которое в каждой жизни тоже маячило со своей единичной вероятностью. Но до откровенной поножовщины в театральных интригах пока, слава богу, не доходило. Он сам придал этим интригам более высокую степень определенности, разослав по тысяче адресов фотографии сексуальных оргий бывшего руководителя балетной труппы, чтобы не только отрезать ему дорогу к посту худрука, но и дать понять всем «противоборствующим сторонам», что «хиханьки-хаханьки» закончились.

И сейчас, чувствуя, как вновь оказался на кромке бездонной пропасти, он понял, что Светлана Барабуль, как и Каролина Спешнева, была полностью уверена, что после его решительных действий именно ее жизнь входит в «нормальное русло».

Зря зять подумал о нем, что он мог бездумно сжигать за собою мосты. Зря он решил, будто наличие у него фотографий сексуальных оргий управляющего балетной труппой с «лицом, похожим на» бывшего министра культуры, вычеркивало Антона Борисовича из числа тех, с кем ведут переговоры. Не стоило господину Мылину так поступать с ним и его Дашей, плакавшей на

кухне с матерью после очередных выходов своей свекрови, постоянно дававшей ей понять, будто она – «в их семье никто».

Семирадский Г. И. Римская оргия блестящих времен цезаризма

Антон Борисович только кротко вздохнул, осознавая, сколько людей вокруг получило неожиданные дивиденды после его блестящей операции, которая могла бы составить честь любому «рыцарю плаща и кинжала», даже самому лучшему «бойцу невидимого фронта». Но, какие сложные красивые партии не выстраивай, а всегда подводят люди – полным отсутствием логики и торопливым желанием получить от жизни все и сразу. Никому не пришло в голову задуматься, зачем жить потом, если уже получишь «все и сразу»?

В отличие от всех, Антон Борисович учитывал все человеческие потребности «все и сразу» — без каких-то иллюзий о «высоком искусстве». Поэтому с особым вниманием прослушивал все разговоры зятя с Каролиной. Другой бы на его месте подумал, что разговоры худрука Мылина с Аркадием Барабулем после их совместных посещений высокопоставленных вельмож – намного важнее. Но он уже понял, что за долгие годы эстрадных выступлений Барабуль стал неспособен вести самостоятельные разговоры без суфлера и заранее подготовленного чужого текста. Он и самые простые свои мысли предпочитал выражать интонационно на фразах из своих эстрадных миниатюр. За это его, в сущности, и терпели.

Судя по его энергичному хохоту, обрывочным расхожим фразам и уговорам «подождать еще», — их вежливо выслушивали, благосклонно улыбаясь его

зятю. Им никто не отказывал, но однозначного согласия на кадровые «рокировочки» пока никто не давал.

Антон Борисович знал, что кандидатуру на пост директора театра в этих кабинетах ищут уже очень давно. Знал об этом и сам директор театра, поэтому сделал все, чтобы получить французский Орден Почетного легиона, потратив на это огромные суммы из кассы Попечительского совета.

Сам Барабуль никак не мог найти никаких подходов к руководству театра, чтобы решить проблемы карьерного роста дочери, не таская за собой по своим связям худрука балета. Он уж по-всякому пытался умаслить директора театра, не понимая, что своим главным бизнесом – перебивает тому «рычаги влияния», который директор имел от «скорой помощи» — эскорт-услуг балетной труппы театра. И здесь сошлись неразрешимые противоречия, в которых никто из них не смог бы найти подходящего компромисса.

Антон Борисович мог бы постепенно, с течением времени и очень осторожно переместить непрезентабельную фигурку своего зятя на место этого «почетного легионера», не имевшего специального образования. Но для этого зятю требовалось пройти большой путь становления именно в качестве художественного руководителя балета, а не выскакать вместе с Барабулем и его ржанием «Ну, чо, пацан?», не говоря уж о других приметах «головокружения от успехов», которыми мир полнился.

Он представил себе горку снятых с шахматной доски фигурок, среди которых мог оказаться и его зять с теми «планами на будущее», которые строил вместе с глупой, как пробка, Каролиной Спешневой. Если бы этот мерзавец не был отцом двух его внуков, Антон Борисович даже и не задумался, чтобы немедленно нанести ему шах и мат.

Ему было знакомо это чувство эйфории пребывания «на волне», которое он всегда умело гасил в себе, не поддаваясь видимой легкости осуществления задуманного, с которой сейчас его зять рассуждал с Каролиной. Молодой паре были нужны средства на устройство семейного гнездышка на уровне,

достойном его «статусу», обещанному ему косноязычным Барабулем. Пока все средства зятя контролировал Антон Борисович, не давая и малейшего основания разорвать с ним деловые отношения. «Классические традиции» имели долгосрочные договора на организацию галла-концертов и гастролей, а сам Мылин уже

привык получать немалые выплаты от его предприятия.

У Антона Борисовича все похолодело внутри, когда он понял, что для «финансового становления» его зять решил «грабануть» профсоюзную кассу руководимой им балетной труппы. Зять так и выразился в разговоре с радостно тараторившей Каролиной, тут же начавшей строить планы их будущих совместных приобретений. Антон Борисович при этом чуть не расколол столешницу ударом кулака, напугав жену.

Ну почему, почему ему достался такой идиот, думал Антон Борисович, не понимая, как можно совмещать эти абсолютно несовместимые в нормальной голове финансовые потоки... Как можно идти с Барабулем на прием в заветный кабинет, куда не допускают ни директора театра, ни бывшего министра культуры, зная, что ежегодный бюджет театра составляет более трех миллиардов рублей из бюджета, где это прописано отдельной строкой, без учета выручки от продажи билетов?.. Ведь зять уже участвовал в распределении президентского гранта в размере 375 миллионов рублей, получал средства из «Классических традиций»... Единственное, к чему он пока не был «причастен» — это фонд Попечительского совета, которым распоряжался исключительно директор театра.

Можно было сосредоточиться на главном? Но нет, такие элементарные логические рассуждения были не в характере избранника его дочери.

Вызывая массу разногласий, он самолично произвел себя в председатели профсоюза балетной труппы, хотя по всем людским и божеским законам не мог совмещать пост художественного руководителя балета с постом «профсоюзного лидера». Антон Борисович, пытавшийся во всем найти логику и позитивный смысл, объяснял в администрации театра такой диктаторский шаг зятя – стремлением «заткнуть рот крикунам» в балетной труппе. Кроме Николая, премьера с мировой известностью, постоянно «ставил вопросы» и стремительно растущий солист балета Игнатенко, которого все члены труппы видели в качестве профсоюзного лидера. Если Николай не был, по его выражению «профсоюзно активным», делая различные заявления в своих многочисленных интервью на телевидении, то Игнатенко олицетворял собою «глас народа» внутри театра, делая замечания о состоянии сцены театра после ремонта, о том, что балетная труппа лишена элементарных удобств и работает на износ в нечеловеческих условиях.

Конечно, не имея такого публичного примера, который подавал всей балетной труппе Николай, и Игнатенко вряд ли вспомнил бы о «своих правах». Ведь подавляющая часть артистов балета были молодыми людьми с хорошей физической подготовкой. А в молодости на некоторые неудобства можно было бы не обращать внимания, радуясь самой возможности выйти на великую сцену, где, правда, наиболее опасные для жизни и здоровья артистов места были отмечены меловыми крестиками.

Игнатенко не только являлся действительно активным членом профсоюза. В рамках этой «общественной нагрузки» он добился выделения земельного участка для дачной застройки артистами театра в Ближайшем Подмосковье, обивая множество порогов, пробивая все преграды недюжинными организационными способностями.

В кассу профсоюза артисты вносили средства за земельные участки, эти взносы Игнатенко направлял на устройство хорошей дороги к месту строительства, прокладку к участкам электросетей и ветки водопровода. Вокруг всего кооператива его усилиями было сразу же выставлено капитальное ограждение, нанята охрана. Поэтому его коллеги могли завозить строительные материалы, делать посадки, не опасаясь мародерства со стороны местных жителей.

Главным в его деятельности было гласное и прозрачное расходование собираемых средств, с предоставлением всех документов каждому члену кооператива – вне зависимости от занимаемой ими должности и заслуг. Возле Игнатенко люди впервые начали чувствовать себя не просто членами одной команды, актерского коллектива. Простота и честность танцовщика, его стремление к творчеству и одновременное желание помочь людям — создавали возле него какую-то почти семейную атмосферу. А Игнатенко постоянно подчеркивал, что отношения в их кооперативе должны быть самыми открытыми и человечными, ведь все они – будущие соседи поселка, где многим предстоит доживать после завершения артистической карьеры.

С присущей ему доброжелательностью он терпеливо объяснял, что вместе им вполне по силам то, что никак не преодолеть никому одному.

Становление этого дачного кооператива Игнатенко, их радостные сборища в открытых гостиных театра, а главное, растущая уверенность в своих силах и оздоровление атмосферы в творческих коллективах театра — не прошли незамеченными со стороны административного руководства театра.

Антон Борисович понимал, насколько сложно было терпеть эту «кооперативную самодеятельность» дирекции театра, привыкшей считать, что все материальные потоки в театре контролируются исключительно ими. Привыкшие на словах разглагольствовать о своей отеческой заботе об артистах, «театральные менеджеры» не могли скрыть недовольства успехами кооператива Игнатенко и какого-то нездорового удивления тому, сколько дополнительных средств можно собрать с тех, кто, по их представлениям, полностью находится у них в руках.

В оперной труппе тут же возник конкурирующий кооператив в пику «дачника Игнатенко», который возглавил тенор Гордей. Пользуясь поддержкой администрации театра, тенор начал собирать деньги коллег на

дачный кооператив в живописной деревеньке Молитвенный Приют по Рублевскому шоссе, где находились загородные резиденции известных олигархов, некоторых членов правительства и видных оппозиционеров. Деревенька раскинулась возле необыкновенно красивого озера с яхт-клубом и реликтового бора, отраженного в русской реалистической живописи XIX века.

Воронихин А. Н. Вид на Строгановскую дачу в Петербурге

А по соседству с ней, оправдывая ее название, пережившее десятилетия советской власти, располагалось два мужских монастыря, восстановивших в прежнем великолепии исторические здания на средства щедрых меценатов, жертвовавших «на помин души».

Гордей показывал бумаги на выделение земли с печатями администрации Молитвенного Угла, а пресс-секретарь театра Никифорова первой выкупила участок в центре намеченного им плана застройки. Дороги, коммуникации и благоустройство новый кооператив планировал выполнить за счет своих членов, не работавших в театре, выкупавших участки за две тысячи долларов за сотку. Тенор уверял, что для работников театра земля в товариществе и даже возведение «коробки» строений обойдется им очень дешево за счет «привлеченных сторонних членов кооператива. Театру такой участок выделили на льготных условиях, а никому другому в таком заповедном месте купить землю невозможно. Тем не менее, новым дачникам приходилось устраивать несколько благотворительных концертов для населения

Молитвенного Угла, чтобы Гордей мог сделать соответствующие согласования на подведение коммуникаций.

Приезжая с концертами почти в Берендеевскую красоту Молитвенного Угла, находившегося в часе езды от шумной грязной столицы, будущие дачники видели разметку на местности их будущего кооператива. Первым делом каждый из них бросался к колышкам с номерами своего участка, приобретаемого в кредит. В кассу Гордея за три года каждый из них должен был внести полтора миллиона рублей. Большинство на момент разбивки уже внесло от 150 до 500 тысяч рублей, работая на износ по гастрольным турам Антона Борисовича.

Заподозрив неладное в самом начале, он лишь отмалчивался, когда кто-то из артистов, входивших в кооператив Игнатенко, интересовался его мнением по поводу дачного поселка тенора Гордея. Тенор никогда не был активным членом профсоюза, будучи по натуре эгоистичным и амбициозным. Он был и не из тех, кто может чем-то пожертвовать ради «высокого искусства». При этом он имел прекрасные вокальные данные и всегда считался довольно обеспеченным человеком. Поэтому большинство членов его кооператива захлеб доказывало, что ему нет никакого смысла «устраивать аферы» с дачным кооперативом.

Антон Борисович знал, что люди не ищут доводы в ответе на вопрос аферист перед ними или честный человек, если не имеют определенных и, скорее всего, небеспочвенных сомнений. Однако наступил момент, когда уже и он несколько не сомневался в успехе нового кооператива. Он даже иногда корил себя за то, что не дал Дашеньке 150 тысяч рублей на кооператив Гордея, когда еще была возможность взять участок в самом центре нового поселка, рядом с участком Никифоровой. И старшая дочь тогда впервые высказала ему много горьких слов о том, что он, как отец, давно «списал со счетов» ее насущные нужды и не желает ей ни в чем помочь.

Он не мог прямо ей сказать, что чувствует какую-то странную связь с пресс-секретарем Никифоровой, которую привык в последнее время называть «Окипета», вычитав это имя из своих книжек про гарпий. Иногда ему казалось, что и в театр его пускают вовсе не из-за его договоренностей с бывшим министром культуры, не из-за

зятя, благодаря ему ставшим хударуком балета. Да уж, тем более, пускают его не из-за дочери, на которую все служительницы презрительно морщились:

«Корда!» Артисткой кордебалета было приличным быть в двадцать лет, но не на четвертом десятке и с двумя детьми, не имея с отцом своих детей даже штампа в паспорте.

Нет, ему вовсе не «казалось», он хорошо знал, что пускают его потому, что он давно начал ощущать, будто вместе с ним приходит и та сущность по имени «Аэлоппа», о которой осторожно намекал ему Лев Иванович. Он давно сжился с нею, считая их симбиоз своеобразным везением, компенсирующим многие жизненные неудачи. Ведь в нынешней жизни было намного безопаснее иметь за спиной некую дополнительную силу.

И когда он мысленно спрашивал, стоит ли ему вкладываться в новый дачный кооператив тенора, он каждый раз слышал воронье карканье Никифоровой: «Сиди тихо! Это все нарочно!» Поэтому он нисколько не удивился, когда перед огородным сезоном в Молитвенном Углу, к которому новые дачники готовились с большим душевным подъемом, Гордей взял в кредит новый Mercedes, через неделю перепродал его, не заплатив кредитору денег, после чего исчез со всеми документами и деньгами кооператива.

Громче всех возмущалась «подлости и лицемерию» сбежавшего Гордея пресс-секретарь Никифорова. Но из-за возникшей между ними почти ментальной близости Антон Борисович не мог не почувствовать ее скрытой радости. Гордей выманил из кооператива Игнатенко и обобрал «под липку» наиболее состоятельных артистов, остро нуждавшихся в дачном участке, собиравших на него всю жизнь.

«Он же ни в чем не нуждался! У него были всегда разные дорогие машины!» — удивлялись все члены несостоявшегося кооператива в Молитвенном Углу, узнав, что концерты они давали за согласование абсолютно посторонней застройки для работников Министерства регионального развития. А Никифорова подливала масла в огонь, напомнив, что жена и двое детей тенора жили в двухкомнатной квартире в Митино, которую ему с огромной скидкой помог купить театр: в 2001 году она досталась ему всего за 10 тысяч долларов.

Он был объявлен в розыск, однако следы его затерялись, а правоохранительные органы не скрывали опасений, что тенор, провернув такую аферу с коллегами, давно покинул пределы России.

Правда, после его исчезновения Антон Борисович отметил, что у Никифоровой появилось бриллиантовое кольцо изумительной работы, а за ее показным огорчением не чувствовалось действительной глубины переживаний. Настроившись на ее «волну», он тут же понял, что тенор вовсе не блаженствует на Лазурном берегу, как с нескрываемой грустью предположило большинство его обманутых вкладчиков. Перед ним пронесли какие-то странные картины: подпольные казино, крутящаяся рулетка, карты,

фишки и огромные волчьи морды, подпираемые воротничками прокурорских кителей.

Антон Борисович догадался, что Гордей проигрался в подпольных казино, крышуемых прокурорами из Подмосковья. А вся эта афера была устроена тенором с одной целью – расплатиться за свою пагубную страсть. Он даже увидел Никифорову в виде какой-то женщины-птицы, внимательно выслушивавшей жалобы прокурора, пытавшегося очистить помятый китель от клочков рыжеватой шерсти.

Осознав, что у многих работников театра история с кооперативом Гордея навсегда отобьет охоту когда-либо «решать все вопросы сообща» и «ощущать себя единой семьей», Антон Борисович почувствовал нечто вроде ревнивого восхищения филигранно разыгранной партией. Кто-то хорошо погрел руки на личных сбережениях артистов, заручившись на будущее и крепкими связями в прокуратуре.

Игнатенко со своими дачниками, не успевшими вступить в кооператив Гордея, был вынужден расстаться со многими «ближайшими планами» из-за отсутствия необходимых средств на их воплощение. Однако он предпринял несколько поэтапных мер защиты профсоюзной кассы, заявив на ближайшем собрании, что после истории с Молитвенным Углом им всем надо сделать

выводы и оградить свои сбережения, заработанные в полном смысле потом и кровью, от посягательств всяких проходимцев.

Вряд ли Игнатенко догадывался, что, сделав свои выводы из краха кооператива Гордея, на эту кассу каждый вечер в машине зятя Антона Борисовича строила планы балерина Каролина Спешнева.

Самого Гордея Антон Борисович *увидел* вовсе не у кромки теплого моря, а в захолустной автомастерской, где он работал автослесарем и беспробудно пил, зачастую ночуя в смотровой яме.

Антон Борисовича удивляли новые способности, появившиеся у него взамен компенсирующей возрастной дальновзоркости. Он зачастую стал обходиться без прослушки, поскольку ответы на многие вопросы получал в виде красочных картин прямо у себя в голове. «Видеть» он мог не по всем интересующим вопросам, конечно, но по ряду проблем получал таким образом абсолютно точную информацию. Из нескольких ярких панорам, немного

напоминавших зоркий взгляд с птичьего полета, он мог составить вполне логическое описание тех событий, где прослушка не дала бы никаких результатов. Его лишь немного беспокоило, что он при этом он чувствовал запахи и даже мог по ним точно определить то, что ощущают внизу маленькие люди, которых он высматривал с невероятной для своего среднего роста высоты.

Например, задумавшись о том, где мог скрываться Гордей, он вначале увидел аккуратную разбивку гаражного кооператива под Рязанью, будто смотрел на него из иллюминатора лайнера, заходившего на посадку. Затем его взгляд почти вплотную приблизился к вывеске «Шиномантаж», а потом перед ним возникло помещение мастерской с двумя машинами после аварии. Гордея он безошибочно опознал в опустившемся субъекте в замасленной фуфайке — по запахам пота, спиртного и особому пряному запаху какой-то острой безнадежности на грани с отчаянием.

В углу смотровой ямы он молниеносным взглядом-вспышкой увидел импровизированный топчан, понимая, что Гордей часто остается здесь ночевать, не имея постоянного пристанища. Все картины сопровождала странная песня, которую сорванным тенором Гордей напевал себе под нос, затягивая болты.

*Как помру – похороните меня в кукурузе.
Не забудьте написать имя мне на пузе.
А Фиделю передайте, що мене не стало,
И теперь ему не буде ни хлеба, ни сала...*

* * *

Что и говорить, вокруг Антона Борисовича складывалась нездоровая антагонистическая обстановка. Любой на его месте мог бы сломаться и утратить уверенность в себе, но он чувствовал, что вместе с ним за происходящим наблюдал и чей-то посторонний зоркий взгляд. И когда все собранные им сведения выстроились в логическую цепочку всеобщего торжества по поводу налаживающейся самым радужным образом жизни, начиная с его зятя и заканчивая танцем с барабанами от Светланы Барабуль, — Антон Борисович почувствовал чей-то тихий толчок в затылок, а мягкий женский голос внутри его головы сказал: «Пора!»

Он тщательно собрался, долго смотрел на себя в зеркало, стараясь не замечать давно пугавшей его тени за спиной, а потом решительно направился в театр, несколько не сомневаясь, что пресс-секретарь Никифорова его ждет в кампании четырех мужчин, имевших к нему ряд закономерных вопросов.

В театре его уже ждали, охранник на входе предупредительно сообщил, что его ждут в оранжевой гостиной театра. Ему надо было пройти через большое светлое фойе, где было абсолютно пустынно. Он уже вышел на середину зала,

когда из бокового коридора вышел главный премьер театра Николай, за ним семенила сухонькая интеллигентная старушка с подведенными карандашом губами, которую в театре все звали Глашенькой. При виде Николая у Антона Борисовича резко опустились плечи от внезапной тяжести, будто на его плечах заворочалась огромная, необычайно тяжелая птица.

Николай тоже остановился, как вкопанный, зачарованно глядя поверх головы Антона Борисовича, почувствовавшего, будто кто-то пытается когтями стащить с него скальп на затылок.

— Мельпомена! – услышал он в голове отвратительный визг. – Он меня видит! Уходи, уходи к Окипете, старый дурак!

Антон Борисович поторопился покинуть фойе, стараясь не прислушиваться к голосу, оравшему у него в голове от невыносимой боли. Каждый шаг ему давался с большим трудом, но как только он ретировался в ближайший проход, так ему перестали стягивать кожу на затылок, стало легче дышать, а с плеч будто свалилась огромная нечеловеческая тяжесть.

Кабинет принца Вильгельма в Сан-Суси, Эдуард Гертнер

— Ну и, как мы будем с вами разговаривать? – спросил сидевший в кресле заместитель директора Мазепов вместо приветствия.

Антону Борисовичу было совершенно не до церемоний, после того, как он протащил что-то невероятно тяжелое на плечах под изумленным взглядом прославленного балетного премьера.

— Лучше по-деловому, — просто ответил он. — Без ненужных эмоций и бесполезных разборок. Сам уже все осознал и искренне раскаиваюсь в содеянном.

Возникла гнетущая пауза. Директор театра сидел за столом, возле которого с кривой ободрительной улыбкой примостилась на пуфике пресс-секретарь Никифорова. А у входной двери на стуле с золочеными ножками сидел бывший министр культуры со скорбным выражением лица. Посреди гостиной стоял такой же стул, явно приготовленный для него. Он подошел к стулу, развернув его так, чтобы не сидеть спиной к бывшему министру культуры, который, казалось, полностью ушел во внутреннее самосозерцание.

— Антон Борисович, мы с вами решили поговорить о том, что произошло в начале марта полтора года назад, — закуривая, хриплым осевшим голосом сказал директор.

— Уже больше полутора лет прошло... Год и восемь месяцев, если точнее, — заметила пресс-секретарь Никифорова с мягкой извиняющейся улыбкой.

— И как вам понравились произошедшие перемены? — поинтересовался Мазепов.

— Не понравились, — честно ответил Антон Борисович, — Удивляюсь, как все это терплю, если честно.

— А разве вам не шли навстречу? — вставил веское слово бывший министр. — Вы входите в чужое налаженное дело, устраиваете такое... Но ведь половина нашего бизнеса держится на бренде театра! Это государственное достояние и предмет национальной гордости! Вы соображаете, какой ущерб нанесла произведенная вами рассылка личных фотографий — имиджу театра?

Обиженно.

— Господа, у меня не было другого выхода! — ответил Антон Борисович первое, что пришло ему в голову. Вернее, второе, потому что рефреном словам бывшего министра в его голове звучала идиотская песня тенора Гордея про похороны в кукурузе.

— Вот все, буквально все так говорят, кого только к стенке не припрешь! — воскликнул замдиректора Мазепов.

— И не говорите, уже противно такое выслушивать, — прогудел директор театра, попыхивая сигаретой. — Ни у кого нет выходов, всем выходы перекрыли. А честно пояснить, зачем такое сделал, никто не желает.

— Вы лучше объясните, Антон Борисович, чем вам самому не нравится то, что вы сделали, — пришла на помощь пресс-секретарь Никифорова.

— Зять у меня... это, — путанно начал объяснение Антон Борисович, опустив глаза.

— Лучше начать с того, что он вам не совсем зять, — ехидно вставил бывший министр культуры.

— Да? Не совсем зять? – деланно удивился Мазепов. – А ведь так похоже! С виду все напоминает, будто человек вскрывает чужие телефоны и делает рассылку по тысяче адресов, включая зарубежные средства массовой информации, ради настоящего зятя, абсолютно законного, а главное, лояльного к тестю.

— Этот кризис лояльности, какая-то неблагодарность и приводят к неожиданным поступкам, цену которым можно узнать только со временем, — глубокомысленно изрек директор и задумался о чем-то своем.

— Мне кажется, Антону Борисовичу все-таки есть, чем нас всех удивить, хотя мы и без него знаем многое, как он уже понял, — с доброжелательной улыбкой проворковала Никифорова.

— Есть, конечно, — тихо подтвердил Антон Борисович. – Он теперь с Аркадием Барабулем ходит на прием в Администрацию президента к... ну, вы меня понимаете. Дал мне понять, что намерен занять кресло директора театра. И тогда я ему не нужен, да и вы все тоже. Ему все средства понадобятся, он делиться ни с кем не будет. Он хочет жениться на Каролине Спешневой, а дочку с внуками ко мне переселить.

— Ему это определенно пообещали? – уточнил бывший министр культуры.

— Ему пока не ответили согласием, но и не отказали, — уклончиво ответил ему Антон Борисович. – Но вы ведь сами знаете, как бывает... Придет, к примеру, о вас рассылка по тысяче адресов... Сейчас ведь всякие хакеры в Интернете что попало делают. А тут человек ходит... третий месяц... амбразуру собой заткнуть.

— Ах, какие у нас нынче хакеры в Интернете! – восхитился Мазепов. – А про министра обороны и его верных подруг из Оборонсервиса они рассылку делали? Что-то не припомню! А про Агролизинг они по тысяче адресов разоблачения посылали? Тоже руки не дошли! Вот только телефон, номер которого известен крайне ограниченному кругу лиц и никому из хакеров-шмакеров абсолютно неинтересен, они вскрывают и делают рассылку, откуда-то выведав о необходимости заключения контракта с худруком балета! Никогда не знал, что у нас до такой степени хакеры продвинутые... в балете.

— Про Оборонсервис и Агролизинг всем интересно, тема коррупции в высших эшелонах власти нынче очень болезненная, — согласился бывший министр культуры. – А вот как устраивает свою личную жизнь руководитель балетной труппы театра, интересно ограниченному кругу лиц. Вскрыть чужой

мобильный из этого круга может и того меньше людей. Если точнее, по пальцам пересчитать! И когда начинаешь загибать пальцы, то ваше имя, Антон Борисович, приходит на ум первым.

— Нет, а как сожитель вашей дочери решил, будто его посадят на такие мощные бюджетные потоки, на систему платежей и взаимозачетов, если он понятия не имеет, что из них кому следует? – удивился директор. – Мы ведь все здесь не просто так сидим, каждый представляет интересы определенной группы лиц. Мы знаем, что кому говорить, сколько кому следует. Мы знаем, кого можно вместе пригласить, кого в отдельности... А ваш зять вообще никого, кроме Барабуля, не знает! Но поинтересовался бы вначале у нас, почему мы этого Барабуля знать не хотим!

— Вот именно! – поддакнул Мазепов.

— Господа, но ведь Антон Борисович, кажется, с предложением пришел! Давайте выслушаем его! – поспешила остудить пыл присутствующих пресс-секретарь. – Вы же пришли не просто так, чтобы сообщить то, что нам уже и без вас сообщили, правильно? Вы же не думаете, будто ваш зять мог вести себя разумно и хотя бы скрывать свои намерения и тесную связь с Барабулем?

Его так распирает «планов громадьё», что смотреть противно! – подтвердил Мазепов. – Он уже своей заместительнице Баландиной пообещал место пресс-секретаря! А скольким он пообещал танец с барабанами на гастролях в Лондоне, так впору посылать туда отряд юных барабанщиц! Может, вам с ним второе агентство открыть – по танцам с барабанами?..

— Я понимаю ваше недовольство, — заметил Антон Борисович, доставая приготовленные листочки. – Но давайте рассмотрим мое бизнес предложение. Все же я могу быть в этом интересен своими связями в МВД...

— А у Барабуля гораздо более тесные связи с МВД! У него сейчас министром – его лучший друг, — ехидно заметил бывший министр культуры. – Прежний генерал с ним бы якшаться не стал, но он надорвал здоровье на борьбе с экстремизмом. А в последнее время начал творить несусветное и при любой попытке спросить, чего это он такое делает, приноровился принимать позу лотоса. Немудрено было в таком бардаке под видом борьбы с экстремизмом рассылки с чужих телефонов устраивать. А нынче ведь у вас с новым министром МВД никаких связей не имеется, насколько я понимаю.

— Ну, я все же зятя, мужа младшей дочери, туда устроил, — скромно ответил Антон Борисович. – И брата младшего я устроил туда... достаточно давно.

— А младший зять у вас настоящий или тоже... балетный? – сострил Мазепов, явно не желая, чтобы Антон Борисович так просто перешел к докладу своих листочков.

Его можно было понять, ведь на фотографиях «театральных романов» бывшего руководителя балетной труппы, разосланных по тысячам адресов, была зафиксирована и его личность. Но Мазепов не понимал, что бывший министр культуры, чьи фотографии из того же телефона пока не были разосланы по тысяче адресов, — вовсе не желает рвать отношения и

составить кампанию жертвам сексуального скандала. Он пришел за твердыми гарантиями, что подобных рассылок больше не будет.

— Младший зять у меня вполне надежный разумный человек, с ним никаких проблем не было, — тяжело вздохнул Антон Борисович. — Но вы правы, мой бизнес при МВД вообще пошел вразнос, как только прежний генерал съехал с катушек в позе лотоса. Я в «Балетных традициях» использую прежние связи и навыки в работе, у меня с таможкой-растаможкой схемы налажены еще с 90-х годов. Но все пока идет зятю...

— А зять спускает на баб-с! — радостно закончил за него Мазепов. — Я с этим павианом, господа, могу работать исключительно из любви к искусству. Мне хочется, чтобы этот его балетный зять — получил за все свои постановки сполна. Награда должна найти своего героя!

— Понимаете, Антон Борисович, — решил вдруг дать некоторые пояснения директор театра, — не все так просто! У нас ведь годами налаживаемые связи в деле... которым занимается и Барабуль. Но все наши сотрудницы молчат, они на постоянной работе, они под нашим присмотром, а иметь связь с балериной, это не то, что иметь связь с какими-то «моделями», развязными эстрадными певичками или вообще с инструкторшам фитнес-клуба. Барабуль уже пытался через вашего зятя устроить нескольких сотрудниц своего «фитнеса» в кордебалет. Его пока чуть сдерживают творческие проблемы его дочери. Но весь уровень этого человека в представлении, что на фоне собранного им «кордебалета» — его Светлане будет удобнее стать примой-балериной театра. Он рвется опустить наше приличное и достойное во многих смыслах дело — на уровень наживы и чистогана. А вы, со своей стороны, тоже пытаетесь придать сложным и индивидуальным проблемам творческого роста — коммерческий оттенок. Две девчонки, взятые из училища с перспективой работы... гм... с рядом наших попечителей, получили ваше антрепренерство, попав в гастрольные списки и первые ряды кордебалета... просто за деньги! Вы же лезете вместе со своим зятем и Барабулем — как слоны в посудную лавку!

— А ведь у нас своих проблем довольно! — подхватил Мазепов. — Вы понимаете, насколько сложно сдерживать все эти гнусные инсинуации нашего

премьеры по поводу ремонта? А вы думаете, что все деньги с него мы сами делили между собой и никому ничего не отдавали? Вы думаете, мы все себе загребли?

— Я стараюсь вообще не думать о таких вещах, доверяя исключительно новостному блоку Первого телевизионного канала! – жестко заявил Антон Борисович.

— Это весьма разумно, — похвалил его бывший министр. – Но в сложившихся условиях этого недостаточно. Вы должны были учесть и... некоторые наши затруднения в... кадровой политике, не только свои интересы.

— Я это учел, — кивнул ему Антон Борисович. – Выслушайте, пожалуйста, мое предложение.

Он сообщил, что с момента возведения кооперативом Игнатенко забора, он к нему в охрану приставил через свои связи в МВД надежного человека, имевшего срок за причинение тяжких телесных повреждений. Антон Борисович не сказал, что очень пожалел, что не приставил человека к Гордею, получив прямо в голове строгое табу на подобные действия в отношении кооператива в Молитвенном Углу.

В Игнатенко он видел большую угрозу становлению своего зятя в коллективе, где после его ухода хударком балета другого театра, Мылина воспринимали «отрезанным ломтем». Тем более, что зять пытался перетянуть с прежнего места работы «свою команду» — подпевал, готовых на все за статус работы в главном театре страны.

Понимая, что администрацию театра как раз меньше всего тревожат внутренние брожения балетной труппы, а намного больше волнует то, что в средствах массовой информации заявляет о театре премьер балета Николай, — в плане был учтен и метод, называвшийся в системе МВД «перевод стрелок». От одного воспоминания о встрече с Николаем в фойе театра у Антона Борисовича начало тянуть волосы на затылок, и что-то сразу же начало давить на шею свинцовой тяжестью. Он был благодарен резко восторженной Никифоровой, от одного взгляда которой в его сторону ему стало значительно легче.

— Итак, мне хотелось бы еще раз повторить основные этапы общего плана по наведению порядка во вверенном вам коллективе, — подвел он итоги своей аналитической записки.

Поставив во главу угла семейное счастье дочери, он решил, что зять в этом плане будет исполнять роль тряпичной куклы. На его жизнь и здоровье должно быть совершено покушение, непосредственным исполнителем которого станет профсоюзник Игнатенко, а его заказчиком – премьер балетной труппы Николай. Единственное, что с блеском умел делать его зять – это портить

отношения с людьми, поэтому Антон Борисович нисколько не сомневался, что подходящих «побудительных мотивов» для такой ситуации можно обнаружить сколько угодно. Но на всякий случай учел и прежние возможности о вскрытии телефона, но на этот раз – ложного. Он собирался разместить переписку с телефона своего зятя, в которой тот негативно и оскорбительно отзывался по поводу Игнатенко и Николая.

Куст проблем, интересовавших собравшихся, Антон Борисович обозначил следующим образом: общественная активность премьера Николая, внутренние трения из-за неформального лидерства Игнатенко, наполеоновские планы его зятя Мылина и постоянные попытки Аркадия Барабуля загрести в свои руки «скорую помощь» театра.

В плане он учел то, на что пока никто из присутствующих, кроме пресс-секретаря Никифоровой, не обратил никакого внимания. Виртуальная среда Интернет кем-то была значительно переформатирована. Если раньше тот же премьер Николай мог «погуглить» свое имя, обнаружив лишь слабо посещаемый персональный сайт и форум «Поклонники балета», где под разными никами про него печатались негативные отклики, в интонации которых Антон Борисович безошибочно угадывал стиль бывшего министра культуры, то теперь все изменилось.

В Интернете появились публикации, в которых доказывалось, что Николай – настоящий «король танца», окружен в театре подлыми интрижками совершенно недостойных его людей, хотя «для всей России» и даже в мировом масштабе – именно он в данный момент олицетворяет главный театр страны. Несколько раз в публикациях проскакивало замечание, что Николай – является воплощением античной музы Мельпомены — трагической музы с золотым мечом, как бы вступающим за честь всех девяти муз.

О Мельпомене Антон Борисович собрал отдельные сведения, учитывая, что Николай родился на Кавказе, а в своих интервью упоминал, что является потомком древнего рода, имевшего по преданиям корни в античной мифологии.

— Нам это неинтересно! – безапелляционно заявил Мазепов, но тут же резко осекся, когда на него зло шикнула Никифорова. Краем глаза Антон Борисович отметил для себя ее реакцию и с воодушевлением продолжил.

Он сообщил, что поначалу Мельпомена считалась музой любой песни вообще. Можно сказать, от этой музы выделились вначале Эрато – муза любовной лирики и песен о любви, затем Терпсихора – муза танца и хорового пения, потом муза арий и гимнов Полигимния, а затем и Талия – муза радостной песни и легкой поэзии. Мельпомене осталось самое сложное — печальная песня, которая должна пробудить в человеческих душах сопереживание, сочувствие и под конец завершения эстетической триады создания

нетленного, нерукотворного художественного образа – достичь очищающего душу катарсиса.

Apollo and The Nine Muses by Gustave Moreau 1856 г.

— Как вы думаете, — спросил Антон Борисович присутствующих, чувствуя, что скулы и верхние веки у него немного начинает стягивать на затылок, — каковы будут перспективы вашего бизнеса, если все ваши клиенты вдруг раскаются в совершенных грехах, начнут искать покаяния и думать о чистоте своей души?

Вопрос его прозвучал риторически, поскольку никто, включая Мазепова, больше не возражал против его анализа сущности Николая, о которой прежде никто не задумывался с такой неожиданной для них стороны.

Самым опасным в этих заявлениях в Интернете является, конечно, последнее, что, мол Николай – и есть самое театр. Попытки как-то внушить обратное, привить более реалистический взгляд на вещи, пока особых результатов не дали. Главным образом потому, что в Николае действительно стало пробуждаться... нечто от Мельпомены.

Вначале он стал повторять с присущим ему апломбом, что на сегодня он и есть самое театр. А при этом он вдобавок говорит о развернувшейся против него травле — с момента попытки прервать с ним контракт как с педагогом-репетитором. То есть все делается... ну, будто нарочно! Чтобы намеренно вызвать этот образ проснувшейся в нем Мельпомены!

Ведь та действительно еще до возникновения Рима стала олицетворением театра вообще, прежде всего являясь воплощением всего трагического в сценическом искусстве. Кроме золотого меча, эта муза носит у пояса трагическую маску, это квинтэссенция основы драматургического решения образа.

Альберт Гийом 1873-1942. *Le Frago*

Все попытки бывшего министра культуры как-то принизить или опорочить Николая в сетевых публикациях близких ему блогеров и колумнистов, — заранее обречены на провал, поскольку он не учитывает самой сути этой странной сущности, возрождающейся в Николае прямо на глазах.

— Не понял! — резко вскинулся у двери бывший министр культуры.
— Докажите!

— А что доказывать-то? — переспросил Антон Борисович. — Надо было все источники внимательно изучить, не полагаясь на «научный атеизм» и убежденность, будто то, во что все человечество свято верило больше 6 тысяч лет — может быть отменено недоучкой с «классовой теорией», который по специальности работать не смог. Хоть один день Маркс работал юристом? А Ленин? То-то же! А вы своих цепных песиков нафаскали доказывать, что Николай — тусовщик, что он выходит в ночные клубы и фешенебельные рестораны, где танцует с подвыпившими дамами из нынешней «элиты». Понимаю, вы хотели его опорочить! Ну, и каковы результаты? А результатов нет, потому что вы не учли того, что не понимал в музах и Гойя. У него на портрете одной маркизы в образе музы Эвтерпы — на голове женщины венок из виноградных листьев. Однако такой венок был только у Мельпомены! Начинает доходить?

Все присутствующие посмотрели на него, не скрывая своего недоумения. Антон Борисович пояснил, что все их попытки настроить общественное мнение против Николая — были обречены на провал, поскольку они сводятся лишь к подтверждению, что им воплощается именно Мельпомена. Именно она, а вовсе не Эвтерпа, изображалась в виде женщины с повязкой на голове и в венке из листьев винограда или плюща. Это уже в римские времена ее отделили от виноградной лозы. А вот они нарочно пробудили в нынешней Мельпомене ее исконные качества своими замечаниями о чисто кавказской склонности Николая к пирам и застольям.

— Нет, о нашей склонности к пирам и застольям сообщать можно, а о нем нельзя? – искренне возмутился Мазепов.

— Да можно, конечно, но результат будет обратный, — заметил Антон Борисович. – В Интернете я выявил другие сущности, отреагировавшие на выступления Николая. И больше всего меня заботит нынешнее воплощение Каллиопы, которая полностью владеет давно забытым приемом превращения трагедии в фарс. Именно этот прием и воплощает Мельпомена в венке из виноградных листьев, а не только с трагической маской в одной руке и мечом или палицей в другой, символизирующей неотвратимость наказания человека, нарушающего волю богов.

— То есть вы считаете, что мы будем ставить трагедию, а все превратится в фарс? – уточнил бывший министр культуры.

— Ну, таким приемом в совершенстве последним владел Шекспир, — ответил Антон Борисович. – А разве неудивительно, что все его вещи живут до сих пор? Там ведь комедия заключается в раскрытии фарса любой трагической ситуации...

— Кажется, я начинаю вас понимать, — с улыбкой заметил бывший министр культуры. – Друзья мои, все, что нам предложил Антон Борисович, надо поставить как фарс, выставляя нашего Колю – шутком гороховым, а не персонажем античной трагедии, куда он вписывается весьма органично. Я вас правильно понял?

— Совершенно верно! – благодарно кивнул министру Антон Борисович. – Надо ставить трагедию с фарсовыми развязками. Как вам нравится картинка, когда голый Коля будет театрально валяться в своей ванной с перерезанными венами, а на люстре у него повесится голый Игнатенко?

О! Это просто шикарно! – восхитился Мазепов. – Надо будет Грязникова для общей мизансцены пригласить. Мне кажется, им можно подкинуть ту девчонку, Колину ученицу... Пусть она голая раскинется на кресле, погибнув во цвете лет от передоза... Маленькие торчащие грудки, умиротворенное выражение на личике, венки из увядших белых роз...

— Друзья мои, вы увлекаетесь! – оборвал полет его фантазий директор театра. – Это становится слишком похоже на отработанные приемы в постановках опер «Евгений Онегин» и «Руслан и Людмила». А я понимаю, что все должно выглядеть смешно, но вполне естественно. Все должно быть жизненно! Грязников здесь не подойдет, здесь нужна добротная драматургическая постановка. Все должно быть «как в жизни», но смешно. Так ведь, Антон Борисович?

Антон Борисович, у которого опять начало нестерпимо ломить затылок, с трудом кивнул и заметил: «Надо еще в самом начале сделать так, чтобы эта

Каллиопа вплотную занималась своими делами, какими-нибудь судебными тяжбами... Надо устроить ей такое через прокуратуру! Нужен общий наезд на хакеров-балетоманов! Чтобы никто и пикнуть не смел!»

— Конечно, сделаем! – согласилась пресс-секретарь Никифорова.

— Антон Борисович, к вам, пожалуй, последний вопрос, — задумчиво сказал министр культуры. – В такой ситуации сложно предвидеть все последствия, согласитесь. При дурном раскладе ваш зять может... гм... остаться инвалидом. Хотелось бы уточнить ваши требования, которых мы и будем придерживаться в дальнейшем.

— Мне надо, чтобы он просто остался живым, — честно признался Антон Борисович. – Меня бы вполне устроило, чтобы он переехал к своей маме, оставив квартиру несовершеннолетним детям. И состояние его здоровья меня нисколько не волнует. С трудом удерживаюсь, чтобы самому не придушить, если честно. Его нынешняя должность и есть настоящий предмет нашей сделки. Мне лишь надо, чтобы я с дочерью и внуками мог жить с небольшого кусочка, на который рассчитываю в «Классических традициях».

— Это несложно! – заявил Мазепов, на которого все посмотрели, как только Антон Борисович озвучил свои требования. – На гастролях он будет даже полезен, решая проблемы с логистикой и растаможкой.

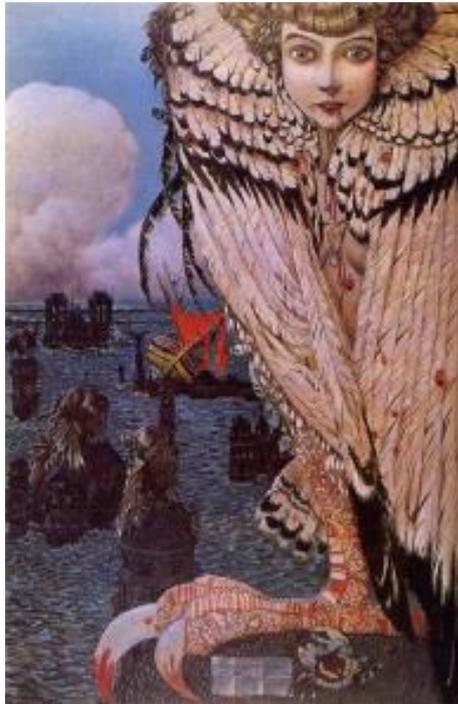
Антон Борисович на Мазепова не смотрел, абсолютно уверенный в его согласии, потому что прямо у себя в голове услышал тихий голос пресс-секретаря Никифоровой: «Молодец, сестричка! Ты была на высоте Аэлоппа!»

Агостино Карраччи Триумф Вакха и Ариадны

15. Аэлло

Gustav-Adolf Mossa, La sirène repue (1905)

*Дочь Океана глубокотекущего, деву Электру
Взял себе в жены Фавмант. Родила она мужу Ириду
Быструю и Аэлло с Окипетой, Гарпий кудрявых.
Как дуновение ветра, как птицы, на крыльях проворных
Носятся Гарпии эти, паря высоко над землею.*

Гесиод «Теогония»

«Мне сегодня сорок пять, баба – ягодка опять!» — довольно хмыкнула Алла Давыдовна Мемлис, по мужу Стрельникова, с удовольствием глядя на себя в овальное венецианское зеркало старинной работы.

Ее красивое холеное лицо в последние годы почти еженедельно украшало страницы журналов, газет и экранов телевизоров. Всем были интересны подробности хитросплетений жизненных ситуаций, в которых оказывались ее знаменитые клиенты. В столице уже привыкли, что адвокатом в бракоразводных делах и имущественных споров звезд шоу-бизнеса разной величины, известных продюсеров, депутатов Госдумы и членов Центрального совета правящей партии — неизменно выступает Алла Давыдовна Стрельникова, украшая любой громкий процесс столичного бомонда своей безупречной внешностью и самыми стильными драгоценностями.

В прихожей еще стояла пушистая елочка, украшенная золотыми шариками с бантами из темно-синей тафты. В руке Аллы Давыдовны был зажат бокал с зеленым мартини, на серебряном подносе стояли креманки с оливками и

самыми изысканными сортами итальянских и французских сыров, которые дама накалывала крошечной вилочкой с двумя золотыми зубцами.

На ее руках в перстнях и браслетах сверкали аметисты, аквамарины, сапфиры, изумруды... Мягкий шелковый халат укутывал ее изящную фигуру, а в воздухе благоухал бельгийский освежитель воздуха «Весенний сад», рождая вереницу праздных счастливых мыслей о том, что праздники закончились, а будни еще не начались... И целых два дня никто из ее клиентов не позвонит по телефону или в домофон, никто не потревожит ее из суда или из адвокатской конторы. Целых два дня она ни разу не столкнется со своим мужем, лежащим поперек ее покрывала из зебры – в грязном пуховике и с неизменным мобильником возле уха. Но главное, никто не задаст ей бестактный вопрос: «Вы так замечательно выглядите, как вам это удается? А сколько вам лет, если не секрет?»

Сорок пять лет – были ее самым любимым возрастом. Более шести тысяч лет, побывав и вечно юной, и древней старухой, она с удовольствием остановилась на этом возрасте, вынужденная с огромной неохотой, чисто для формальности – в очередной раз проходить путь от младенчества до сорока пяти. В принципе,

любой мог при желании понять, что имеет дело... с существом, знавшим о жизни немножко больше других, просто сопоставив несколько удивительные факты биографии Аллы Давыдовны. Какой еще другой красивой девушке 17-ти лет, когда все ее сверстницы с такой же яркой внешностью рвались в театральные вузы, пришло бы в голову никуда не поступать после школы, а устроиться на работу секретарем-машинисткой в районный суд Москвы? В середине 80-х годов уходящего XX столетия, о котором Алла Давыдовна вспоминала с нескрываемой нежностью, ее целью было дорасти до должности помощника судьи районного народного суда Москвы, закончить юридический факультет и в тот момент, когда суды уже перестали быть народными, а стали просто районными, — создать собственную адвокатскую контору.

Несколько не соответствующая ее возрасту рассудительность, удивительная прозорливость и предприимчивость, заставляли и ее отца, Давыда Марковича Мемлиса, во всем слушаться советов единственной дочери. Благодаря ее советам, больше похожим на приказ, он, будучи всего лишь владельцем ларька, торговавшего жевательной резинкой, одеколоном «Шипр» и иностранными сигаретами «Магна», — в краткий период дорос до статуса негласного владельца нескольких московских рынков. Следуя указаниям

дочери, Давыд Маркович сблизился с главарем влиятельной группировки Мишей Стрельниковым. Правда, ему не слишком понравилось желание Аллочка выйти замуж за Михаила. Все же пользоваться услугами бандита – одно, а породниться с ним – совсем другое, как говорили в Одессе. Но Аллочка сказала: «Ша, папа!», и Давыд Маркович решил, что услуги зятя обойдутся ему намного дешевле.

Потом он неоднократно искренне поражался, до какой степени его Аллочка выросла умным и прозорливым ребенком. Бывало, возьмет на дом все печати, подружку-нотариуса пригласит и говорит Давыду Марковичу: «Папочка, сейчас Циммерманша придет, бензоколонки свои на тебя перевести захочет. Ты ж смотри, учитывай, что у них нет автоматизированного контроля, а сами здания нуждаются в ремонте и расширении!»

Давыд Маркович не успеет удивиться, с какого это бодуна Циммерманихе взбредет в голову на него переводить свои бензоколонки, да и где он такого бабла насобирает за выходные, как глянь, а Циммерманиха уже из лифта выходит и прямо в ноги к нему бросается со слезной просьбой освободить ее от всех бензоколонок за недорого. А из особых условий имеет одну деликатную просьбу, чтоб ее Цуцика ихний Мишка больше не бил и выпустил на волю из тайного подвала по Дмитровскому шоссе.

Одно время Давыд Маркович впал в уныние, потому что после «таганских» и «люберецких» на его бизнес накатили вооруженные до зубов чеченские гангстеры. Он решил, что его бизнесу пришел окончательный пипелац, как говорили в Одессе. Но по-настоящему в их районе тогда уже была не Одесса, а настоящий Чикаго времен сухого закона, потому что с чеченцами началась война за водочные заводы, которые Давыду Марковичу достались за обещание, что Мишка кого-то в Польше не прикончит.

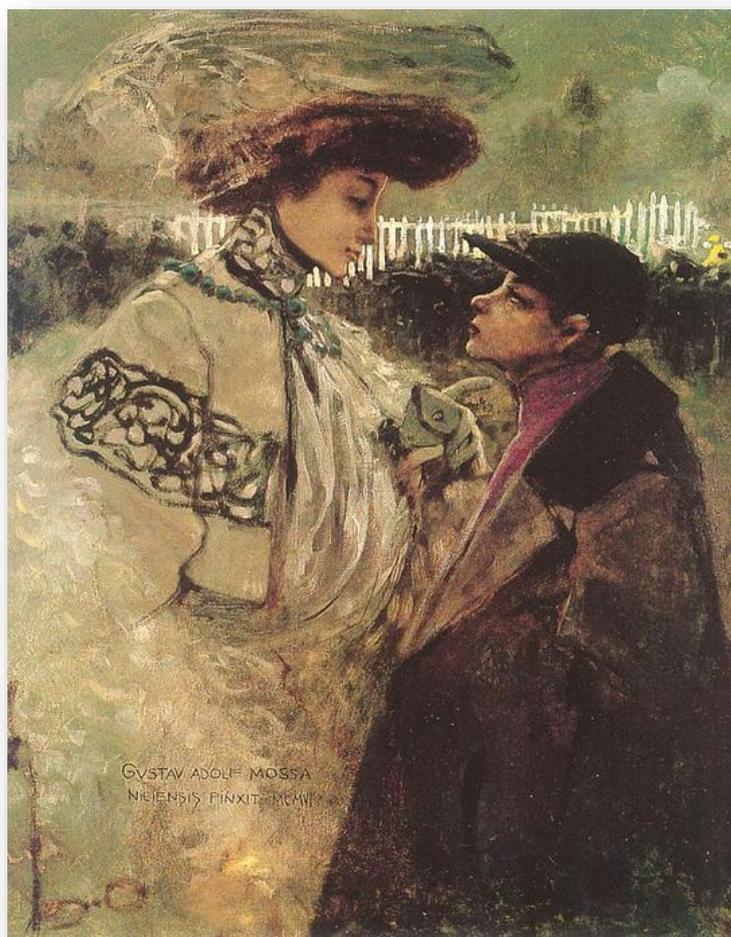
Но Аллочка лишь усмехнулась и заметила, что здесь чужакам не какое-нибудь Ведено и даже не Грозный. А как раз она никого в Чеченской республике ковровым бомбардировкам не подвергала, а как юрист — всегда была против подобных бесчеловечных мер наведения «конституционного порядка». Можно подумать, что Конституция настолько принципиальна, чтоб доводить людей до такого нервного срыва. И ей было совершенно непонятно, почему все «наведение конституционного порядка» — должно непременно аукнуться на любимых папиных водочных заводах?

Когда Аллочке было что-то непонятно, за разъяснениями выдвигался Михаил со своими пацанами. Всю ночь у винных заводов Давыда Марковича шел тяжелый бой. Аллочка возглавила штаб, требуя подкрепления с ближайших бензоколонок, мясокомбинатов и консервных заводов. Проявили отзывчивость даже китайские триады и вьетнамские джонки, выпускавшие самые настоящие французские духи и платья от «Дольче и Габана» в подпольных цехах Давыда Марковича.

Чеченцы отступили, но победу было праздновать рано. Через неделю после ночного боя у деревни Каюково в ближнем Подмосковье какие-то мерзавцы открыли огонь по иномарке, в которой находился Михаил Стрельников и двое его охранников. Мишка и его телохранители открыли ответный огонь на поражение, сумев таки поразить движущиеся цели, удиравшие в ближайший перелесок. Сами они получили тяжелые ранения, но выжили. Оpozнав нападавших, Аллочке даже позвонили из ФСБ и, выразив глубокое сочувствие к ее душевным переживаниям, сообщили, что если бы Миша был их штатным сотрудником, то за ликвидацию полевого командира Гарипова он был бы представлен к правительственной награде.

Во время этого разговора Аллочка молчала, только на ее прекрасном лице играли желваки на точеных скулах. Положив трубку на аппарат, она повернулась к перепуганному отцу и сказала: «Нет, папа, я эти спецслужбы совершенно отказываюсь понимать! Ведь одни проблемы от них, одни проблемы! А мы их решай, да? Таки мы их решим, что за вопрос? Но звонить и сообщать, что Мишке за два трупа награда положена, а не тюремный срок, а они ее не дадут, а для своих оставят... Согласись, это уже слишком!»

Woman of Fashion and Jockey (mk19) Mossa, Gustave Adolphe

Алла всегда переживала за мужа, выбравшего такое сложное поприще в жизни. Она никогда не довольствовалась ролью обычной спутницы жизни авторитета, став настоящей боевой подругой и адвокатом, без проблем разруливая самые сложные процессы, став почти постоянным персонажем криминальных хроник. Не удивительно, что она была единогласно выбрана вице-президентом Гильдии адвокатов столицы.

Правда, про эту гильдию даже узбеки на трех вокзалах рассказывали, будто любой джентльмен удачи мог при помощи этой организации получить удостоверение адвоката за скромное вознаграждение в \$5000 и готовность оказать «услуги прямого действия» ее вице-президенту. И, говорят, таких «адвокатов» в «лихие 90-е» эта Гильдия произвела чуть ли не несколько десятков тысяч не только в столице, но и по всей России.

Решительная и бесстрашная, Алла Давыдовна сумела соединить и свою адвокатскую практику с деятельностью мужа. К ней обращались, когда муж не желал отдавать принадлежащее ему имущество при разводе, а следовать традиционным судебным практикам не имело никакого смысла. Лучше было сразу заплатить Алле Давыдовне, в общих чертах обрисовав проблему. Потом можно было в огромных черных очках заехать в суд, пройти черед стаю кровожадных журналистов, жаждавших свежатинки, — и решить все проблемы с бывшим супругом без душевного надрыва, в духе товарищества и взаимопонимания. Таким же образом можно было разделить фирму, получить заказ, доказать отцовство ребенка... сделать массу полезного в жизни, сэкономив уйму времени и сил.

Однако тем, кто желал Алле Давыдовне что-то плохое, сразу переставало везти во всех начинаниях. Так, под закат «лихих 90-х», на одной тихой московской улочке было совершено покушение на известного «авторитета» по кличке Жмых. Неизвестный киллер выпустил ему три пули в спину. Сотрудники МУРа установили, что незадолго до этого важного события у потерпевшего был конфликт с Аллой Давыдовной по поводу марочной водки «Бомонд». Ее телефоны поставили на прослушивание. Однако выявить прямую связь между

возможной заказчицей преступления и исполнителями органам правопорядка так и не удалось.

А через год произошло заказное убийство члена одной из преступных группировок, у которого тоже оказались непростые отношения с госпожой Стрельниковой по поводу рецептуры водки «Престижная». Но опять доказать ничего не удалось, а сама Алла Давыдовна подтвердила, что так всегда и бывает с теми, кто не умеет себя прилично вести с дамой.

В течение семи лет после этого было убито несколько владельцев ликероводочных заводов. В том числе, погиб президент ОАО «Привет», одной из крупнейших компаний столицы по производству ликероводочной продукции, в частности, выпускавшей водочный бренд «Привет, златоглавая!». Когда бизнесмен подходил к своему офису, сработало взрывное устройство, заложенное в припаркованный на улице мопед.

И как-то так удачно получилось, что Давыд Маркович со временем стал владельцем всех ликероводочных заводов в округе, а также всех наиболее приемлемых для организма водочных брендов и рецептов.

Дочка его фигурировала в делах об убийствах, поджогах, захватах офисов, рейдерстве, хулиганстве, вымогательстве... но всегда исключительно в качестве случайного свидетеля. Один раз в качестве свидетелей супругов Стрельниковых задержали «по горячим следам» в двух шагах от места какого-то проходного и не самого чудовищного преступления. Заглянув в записную книжку Аллы Давыдовны, следователи ахнули, поскольку там были перечислены все известные в столице и области уголовные авторитеты. Но и тогда супруги оказались абсолютно ни при чем, а ежедневник у следователей изъяли, пояснив, что там информация адвоката, которой органы правопорядка пользоваться никакого права не имеют.

Свидетельницей Алла Давыдовна становилась сразу же, стоило ей сделать один звонок советнику Генеральной прокуратуры Агате Викторовне Келайно, никогда не скрывавшей своего влияния в ведомстве. Было время, когда посетители при входе в кабинет Агаты Викторовны, работавшей тогда в должности областного прокурора, разувались из крайнего почтения к ее персоне. Но и теперь все прокуроры страны почтительно называли ее «наша мамаша».

Иногда Михаил спрашивал, откуда у Аллы Давыдовны такие знакомства, а та лишь неопределенно пожимала плечами: «Мы с Келайно тысячу лет друг друга знаем!»

Супруги Стрельниковы не всегда взрывали мопеды, захватывали ликероводочные заводы и сидели в КПЗ. Очень часто другая близкая знакомая Аллы Давыдовны, работавшая пресс-секретарем главного театра страны, приглашала их провести вечер в директорской ложе театра. И Михаил каждый

раз получал огромное наслаждение, сознавая, что места, которые у спекулянтов лохи брали по пятьдесят тысяч рублей, им с женой достались бесплатно.

— А прямо здесь цари сидели? – спрашивал он у Аллы Давыдовны, поправляя душившую крахмальную манишку под фракот от Версаче.

Gustav Adolf Mossa (1883-1971), Sapho — 1908

— Нет, Миша, — с притворным вздохом отвечала его супруга, поправляя норковое фигаро и заговорщицки подмигивая Никифоровой, — Все гады вынесли, ничего исторического не оставили, об этом во-он тот балерун все время в телике орет!

Две подружки искренне веселились, когда супруг Аллы Давыдовны начинал уморительно рассуждать, как этот балерун может говорить что-то в телике, если сам Миша сейчас не в телике? Потом его начинали тревожить мысли, что

ведь все кресла, на которых цари сидели, тихонько на чью-то дачу вывезли... Мысль о том, что чья-то дача ломится сейчас от «скраденных» в театре позолоты, хрусталя и бархата, не давала ему спокойно сидеть в кресле. Весь спектакль он дергал Аллу Давыдовну за подол роскошного вечернего платья, интересуясь, не слышала ли они от кого о такой даче.

— Какой он у тебя забавный! – неизменно восхищалась Никифорова, которую Алла Давыдовна иногда по забывчивости называла Окипетой. Если Михаил переспрашивал, не понимая, что она сказала, она поясняла, что это такое смешное прозвище, которой Никифоровой дали очень-очень давно.

— Тебя еще, Мишка, и на свете не было! – весело поддакивала Никифорова, и обе подруги заливались мелодичным хохотом.

Некоторые постановки театра так трогали Аллу Давыдовну, что она брала руку пресс-секретаря Никифоровой и прижимала к своему сердцу, до крайности смущая подругу этим жестом благодарности. Но она не могла отдать должное, что постановки из классического репертуара обновлялись таким образом, чтобы и Мише были интересны их культурные мероприятия.

Увидев на огромной сцене театра импровизированный публичный дом в опере «Руслан и Людмила», он замер и погрузился в действие, оживляясь при каждом появлении артисток практически голыми. Современная постановка оперы «Евгений Онегин», где прием был очень похож на знакомые ему посиделки с шашлыками, выпивкой и дурью – даже вдохновила его на воспоминание, как два его бойца поссорились из-за одной бабы, а потом один другого в бетон закатал.

И пока Михаил замороженно пялился на сцену, где артистки под классические арии исполняли стриптиз, Никифорова, весело фыркая, подавала Алле Давыдовне распечатки откликов зрителей на особо понравившиеся Мише спектакли.

— А чего ваша Полигимния в «Руслане и Людмиле» не выходит? – спрашивала она пресс-секретаря с презрительными нотками в голосе. – Надо было ее в качестве Наины на сцену выгнать, раздеть догола и перьях вывалить! Мише бы очень понравилось!

— Да она вначале согласилась участвовать, — с ненавистью отвечала Никифорова. – Мы планировали до конца творческого замысла ей не

раскрывать, чтобы визжала по-настоящему. А эта старая гримза что-то почуяла. Вышла на сцену и заявила: «У меня нет сил в этом участвовать. Я посмотрела, что вокруг меня делается, и мне стало с сердцем плохо. Вот, правда, стало плохо с сердцем, прямо на сцене!» И упоролась в свои оперные конкурсы! Ну, не гадина ли?

— Жаль, — с нескрываемым разочарованием говорила Алла Давыдовна, рассматривая новые распечатки откликов зрителей, которые Никифорова готовила к каждому их посещению театра.

Мария Театр отличный! Но если кто-то собирается на этот ужас «золотой петушок» в современной постановке, то не тратьте деньги, это не классика Пушкина, а извращение на тему наших обычных бандитских разборок. После ржания какого-то мужика из директорской ложи — ушли с этого кошмара после первого действия!!!!

Екатерина После посещения «Золотого петушка» в новой постановке, мне стало стыдно и страшно за будущее театра!!! Испортили такую красивую сказку. Одним словом, эти люди — разлагают наше общество и страну!!! По телевизору, в прессе, — теперь и до театра добрались!!! Я возмущена до предела! Кто собирается пойти, советую не ходить, зря потратите время, деньги, и настроение испортите. Посмотрев весь этот бред, соглашусь с отзывом Марии – это извращение!

Ольга «Золотой петушок» в театре — это ужас. Не ходите!

Оксана Согласна на все 100%. Одним словом ужас. Не ожидала.

Анастасия Мы с мужем, как и многие жители нашей страны, мечтали попасть в театр и проникнуться атмосферой истории и высшей степени искусства, которое, мы считали, можно увидеть на исторической сцене! Ну, начнем с того, что не очень понятно, зачем вообще продавать места, на которых не то, что края сцены не видно, но даже занавес виден не целиком (но это всего лишь лирическое отступление). Мы пошли на оперу «Руслан и Людмила» в постановке Грязникова. Первые 15 минут мы стояли «открыв рот» от прекрасного звука и ошеломительных декораций и дальше начался

маразм, который, извините, крепчал с каждой минутой. Все третье действие я сидела с открытым ртом и говоря одну и ту же фразу: «Какой кошмар!» Друзья, у меня есть к Вам только один совет, внимательно изучайте репертуар, потому что Театр, как и многие другие, выпускает постановки, которые невозможно смотреть. Очень удивительно, что Театр не фильтрует абсолютно постановки, которые будут поставлены на его

©Книжная лавка <http://ogurcova-portal.com/>

сцене. Не ходите на оперу «Руслан и Людмила» в постановке Грязникова, не тратьте деньги и время! Это ужасно! Мне стало жалко режиссера, видимо у него было болезненное детство, не удивлюсь, если он к тому же еще и наркоман, потому что здоровый человек не мог такое придумать, да еще и показать!

Татьяна Освещение сцены — безобразней некуда...

Нина Смотрели оперу «Руслан и Людмила» в постановке Грязникова. Во втором акте началось такое, что было понятно, искусство театра опустилось до публичного дома. Если Грязников хотел показать нашу действительность, как есть, зачем трогать святую классику?

Маргарита Посетили новую сцену... «Иоланта» — опера, все замечательно (ходили с ребенком 5 лет), НО!!!! во время антракта пришлось (извините) посетить уборную комнату, Это полный караул!!! Там же расположена курилка, вентиляция отсутствует!!! Как и совесть, очевидно. Накурено так, что приходится ребенка оставлять в холле без присмотра, пока движется очередь, получили просто отравление. Возмущению нет предела, т.к. половина зрителей были пенсионеры и дети. В рок-клубах и барах воняет меньше. Видела девушку в маске, очевидно театралка, в гардеробе вместо биноклей респираторы выдавать нужно!!! После спектакля потребовала книгу отзывов, не дали. Ходить будем, конечно, а вот ребенку памперсом запастись нужно. Благо кафешики рядом, уже присмотрели куда «сбежать» можно. Свинство! И очень многие жаловались, Безрезультатно!!!!

Любовь Новая постановка оперы «Руслан и Людмила» в Театре потрясла до глубины души!!!! Где молодое поколение может сегодня увидеть и услышать настоящее произведение искусства, если даже на сцене прославленного театра позволительно устраивать бордель?!!! То, что сделано — это все, что угодно, но только не опера «Руслан и Людмила»! Полный диссонанс между великолепной музыкой, замечательным пением и происходящим на сцене! Фактически уничтожен весь замысел настоящих авторов оперы!!! Создавайте свои собственные произведения и не калечьте классику!!! Наши дети должны иметь возможность получать базовое воспитание классикой! И где, как не в главном театре страны?

Инна Что случилось с сайтом театра??? Раньше всегда был прекрасный сайт — стильный классический дизайн, удобная навигация, большой объем полезной информации. Теперь же, во-первых, отвратительный дизайн. Очень мелкий (зачастую нечитабельный) примитивный черно-белый шрифт на всех страницах, глупые ненужные плашки-банеры, которые грузятся вечно, и в итоге загружается одна из десяти. Сайт виснет, исчезло много полезной информации, которая была раньше, ничего не найти. В организации информации нет никакой логики. Такой позорный сайт не сделает даже фрилансерская контора, сидящая в подвале жилого дома города Урюпинска. Если же проблема была в том, что вашему величеству не додали бабла (понятно, что на госзаказах 70% бабла исчезает), то могли бы сделать что-то приличное хотя бы из чувства патриотизма. Или оставить нам старый хороший сайт и не братья за работу.

Анастасия Билеты в Театр на «Щелкунчика» 69000 рублей????? Откуда такие цены????? Прилетел ребенок из Германии, хотели сводить его в театр на балет «Щелкунчик», но от цен на билеты мы просто в шоке!!!! Сходить втроем на балет стоит 210 тысяч рублей!!!! Куда смотрит руководство Театра???? Мы постараемся предать это

огласке в западной прессе !!!!!

Ольга Оперу «Золотой петушок» слушала ещё в конце 80-х. декорации, костюмы-восхитительные. Нынешние «номенклатурные» декорации — они, конечно, прикольные. Но не для этого уровня! Постановщики этого «шоу» не пойдут в крутой ресторан, чтобы поесть гамбургеры или пиццу. Такие вещи на выпускных экзаменах может пройдут и то вряд ли. На сайте театра билеты продаются по 2 штуки в одни руки с регистрацией по паспортам и другими заморочками, чтобы не было перекупищиков. А на других сайтах заказывай какие хочешь билеты — на какое угодно число и как угодно заранее. Как эти билеты туда попадают? Это что, администрация театра на себя роль перекупищиков взяла? Непонятно. Если театр хочет держать монополию на билеты, так и держите, а не распахивайте по другим сайтам.

Оксана Были на Щелкунчике. Реконструкция потрясает. Лифты изящны, коридоры изысканы. Освещение сцены отвратительное. Я раньше никогда не замечала, что оно есть. Но когда свет «догоняет» артистов. Сначала один, потом второй... Смешно. С акустикой вообще беда какая-то. Топот балетных слышно лучше скрипок. Это как?! Индийские куклы, Дроссельмейер, Мари — прелесть как хороши! Испанская кукла, наверное, еще не отошла от празднования Нового года. Мальчики массовки, кажется, были уверены, что на них никто не смотрит... Звезда балета Николай показался мне погруженным в самолюбование. Из положительного — отменное отношение персонала. Декорации и их смена очень хороши! Наши женщины в театре все выглядят как Женщины (чего не скажешь о некоторых мужчинах в джинсах). Если Вам надо обновить фото в соцсетях — идите в театр! А музыку послушать — сходите лучше в Консерваторию!

Настя «Новая сцена» очень накурено около туалетов, хамы охранники «Ну показывайте чё у вас в карманах!» Ни в одном театре такого хамства не видели. Цены в буфете: чай из пакетика 80 рублей, бутерброд с ржасой колбасой 180 рублей.

Светлана Ходили на оперу «Турандот». Исполнение понравилось, а вот костюмы и декорации — нет. Серая толпа в ватниках-это кошмар!!! Это

©Книжная лавка <http://ogurcova-portal.com/>

же сказка, она должна быть красивой... Сэкономили, называется. Обновленный театр несколько удивил. Убогие стулья в партере и ложах. Можно было поставить кресла (приходится зрителю сидеть по 2 -3 часа. А гардероб для лож и ярусов — просто ужас! Тесный и узкий. Испортилось настроение после прекрасной оперы. Есть ведь пространство, которое пустует! Разместите там дополнительно еще гардеробные (раньше они там были!)

Евгений *Вы любите театр? Как любит его администрация в театре? Если честно, мне билет достался в театр на Бориса Годунова случайно... Первый акт я простоял и не потому, что был восхищен игрой актеров, а просто из желания увидеть хоть часть сцены... В антракте с удивлением обнаружил многочисленные кафе залы, но и очереди, как в старые добрые времена. В прочем чашечку кофе взял без труда. И знаете, пью я этот к слову дешевый натуральный кофе и не могу отделаться от мысли, за что? Я бы понял, если этот билет был купленный с рук у «барыги», но нет! И я был не одинок... все люди с боковых балконов, кроме первых рядов стояли. И при этом было видно лишь жалкую часть сцены.... Вы любите театр и я вам говорю, не тратьте деньги на билеты с местами на балконах, если это не первые ряд. Ничего кроме разочарования и наглых, пошлых глазок администратора на выходе после первого акта...*

Марина *Вчера с подругой были на «Огненном ангеле», всё прекрасно! Но стояли всё представление! Места были на балконе в третьем ряду. Сцену заведомо просто не видно. Не понятно, зачем туда заведомо были поставлены кресла? Чтобы иногда присесть и отдохнуть? Безобразие!*

Надежда *Считаю просто неуважением к зрителю продавать места во второй-третий ряд боковых балконов! Увидеть хотя бы часть сцены с них можно только стоя! Сидя видно только декорации на высоте десяти метров от сцены...*

Наталья *Театр начинается с вешалки... Вот милых женщин, которые встретили, подсказали я запомнила. Очень было приятно, но на этом все закончилось это все, что я видела... И все тот же балкон и не стоит говорить, что стоя видно хоть часть сцены... Как говорила великая Фаина Георгиевна Раневская: «Тошно от театра. Дачный сортир. Обидно кончать свою жизнь в сортире.» Хоть в театре и золоченные унитазаы и даже биде...*

Но, несмотря на все эти распечатки с забавными откликами публики, Никифорова с каждым их новым посещением театра становилась мрачнее. Алла Давыдовна с душевным огорчением замечала, что у пресс-секретаря театра все чаще начинают подрагивать руки, будто она страстно хочет выпустить когти, но сдерживается из последних сил. Часто у нее были покрасневшими веки, а однажды вместо изящных театральных лодочек Алла Давыдовна увидела на подруге под подолом длинного вечернего платья – пару безобразных ортопедических ботинок.

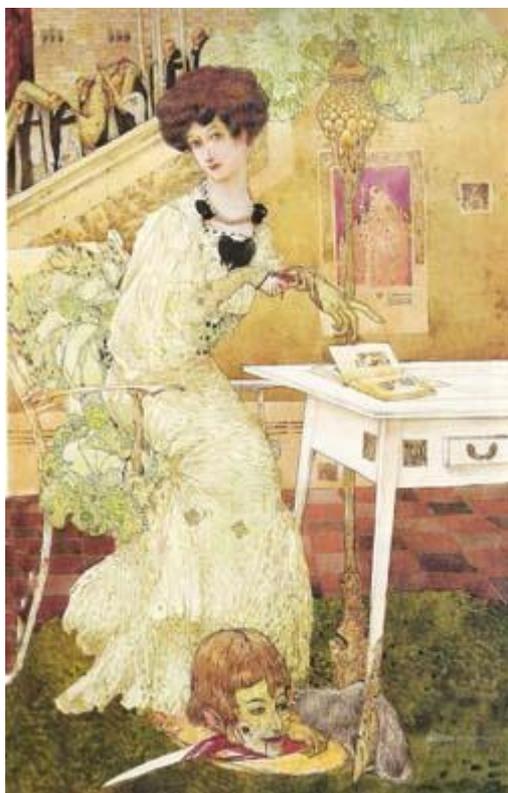

Поймав ее взгляд, та призналась, что накануне премьер балета Николай выкинул ее в коридор из своей гримуборной, когда она попыталась присутствовать при его разговоре с журналисткой. И что-то он ей передал при этом так, что теперь ей сложно «перераспределять вес» в модельной обуви.

Это сообщение не на шутку встревожила Аллу Давыдовну. И пока Миша с восторгом внимал новым веяниям в классическом искусстве, подружки тихонько обсуждали происходившие в театральном закулисье события, постоянно повторяя непонятные Михаилу слова: «Полигимния, Мельпомена, Талия, Эрато...»

* * *

Придаться полному покою и бездельничать под мартини тихим январским вечером Алле Давыдовне так и не удалось. Хотя она решила не отвечать ни на чьи звонки, но стоило раздаться особому сигналу, она тут же схватила трубку.

Gustave Adolphe Mossa (1883-1971) Salom

— Это я! — услышала она неподражаемый голос Агаты Викторовны с глубоким грудным тембром. — Сейчас будет передача смешная на «Ненастье»... кто-то там «живьем». Девушка задаст пару вопросов о конфликте гостя с твоим будущим клиентом Мылиным. Посмотри, будет полезно в дальнейшем. И учти, в театре что-то срывается с намеченной постановкой в новой стилистике! Срочно помогите с ребятами Окипете...

Алла Давыдовна немедленно включила огромную «плазу», висевшую над камином. На белом фоне сидели стильный молодой мужчина и девушка с наведенными

бровями и непрокрашенными корнями неряшливой прически.

Алла Давыдовна поняла, что девушку на интервью морковкой выдернули из такого же блаженного безделья, зная, что все визажисты и парикмахеры будут отдыхать еще два дня.

Она подумала, какие же гонорары посулили девушке за выход, понимая, что на экране она явно не сможет внешне соответствовать заставке передачи, прославлявшей ее гламурный облик и беззаботный образ жизни. С копной кое-как подобранных волос девушка при всем желании не могла дотянуть до статуса «натуральная блондинка», не говоря о прежнем статусе «светской львицы». Ее затрапезная кофточка исключала высокие каблуки в ансамбле, хотя она должна была понимать, что вышла на интервью со знаменитостью мирового балета.

Она видела, как девушка поджимает пальцы с ногтями разной длины, не успев сделать качественный маникюр после разгула новогодних праздников. Возможно, этот почти домашний вид «я упала с сеновала, тормозила головой», скованная речь ведущей – намеренно диссонировали с ее агрессивными вопросами не о профессиональной деятельности мировой знаменитости, а о его «патологической склонности к скандалам и интригам». Тот, кто выпустил ее на экран в пейзажном стиле потрепанной жизнью селянки, рассчитывал, что ее вопросы будут еще более неожиданными и нанесут дополнительный удар – вступив в противоречие с ее внешним видом.

Но пропасть между «домашним» обликом ведущей и неприкрытой враждебностью ее вопросов слишком бросалась в глаза не только ее гостю. Чувствовалось, что за каждым ее вопросом стоит кто-то другой, а каждый его ответ будет иметь для него далеко идущие последствия. Девушка с легкой запинкой, но твердо произносила явно не ею придуманные слова о «последовательной системной критике театра», напирая на желание прославленного премьера

«расчистить путь к креслу диктора».

Танцовщик, напротив, выглядел собранным и элегантным, отвечал вежливо, поначалу решив, подчеркнуть их близкое знакомство, придавая тем самым более высокий статус потрепанной ведущей, рейтинги которой давно и неуклонно падали. Алла Давыдовна лишь усмехнулась, видя, как девушка жестко дистанцируется от премьера, намеренно ему «выкает», хотя по его

манере общения чувствовалось, что они с ним очень давно общались на «ты», причем, девушке всегда льстило столь короткое знакомство с Николаем.

Сейчас она перла на него танком, зачем-то передавливая с его «критикой реконструкции театра».

— Окипета? – окликнула Алла Давыдовна телефонную трубку. – Посмотрела эту вашу малохольную «живьем». Ты должна была учесть, что мы в качестве старших парнасских сестричек имеем битых жизнью бабешек. С одной стороны это хорошо, но с многих других сторон – очень плохо. С мужчинами было бы намного проще! Я уверена, что сейчас старшенькая у них мигом все сообразит. Понимаешь, очень бросается в глаза, что девка знает больше, чем говорит вслух, и пытается донести чужое. А этот ее внешний вид, ее карнавальные бровищи, скрывающие мешки под глазами с перепоя... Любая опытная баба тут же прикинет, что она не сама работала над интервью, раз даже причесаться прилично не смогла.

— Аэлло, если бы ты знала, с какой помойки мы ее притащили! – заверещала в трубку Окипета. – У нас здесь все срывается! После разговора Мылина с носильщиком Аэлоппы, тот взял и свалил вместе с Каролиной куда-то на все новогодние праздники! Он домой даже не приходил, представляешь? И телефон выключил, нарочно вынув симку...

— Постой, а разве операция назначена не на завтра? – встревоженно спросила Аэлло, слыша, как Окипета начала всхлипывать в трубку. — Мне Келайно позвонила, сказала интервью посмотреть, я еще удивилась про себя. Потом подумала, что девка его спросит, не знает ли он, где Мылин... А она лишь осторожно намекнула про «борьбу за кресло», будто нынче середина декабря, а не январь начался. У нас же все было намечено на конец праздников, верно?

— Говорю тебе, мы не знаем, где он! Он симку от телефона в машине оставил, а сам даже в Новый год домой не зашел! – взвизгнула в трубку Окипета так, что Аэлло отстранила телефон от уха и с недоумением посмотрела на свой визжащий айфон в футляре, украшенном стразами и изящной гравировкой. – Аэлоппа сказала, что его тесть ходил к их дому, где у него машина стоит, и шины ему проколол «за все хорошее»!

— А еще мне не понравилось, что девка все время на тебя ссылается! «Никифорова сказала мне это, Никифорова показала мне то!» – зло оборвала визг сестры Аэлло. – И при этом Мельпомена смеется над ней, обращаясь через ее голову «дорогие телезрители». Ведь тебе потом надо с чем-то выйти! Она тебя сейчас с головой выдает. И когда пытается отрезать ему путь к его

возможным покровителям... задавая вопросы о тех, кто «лоббирует» его творчество в правительстве. Он уворачивается с легкостью, а вот ты выдаешь тех, с кем согласована операция.

— Что мне еще остается делать? Я выжимаю из абсолютно безнадежной операции все, что могу!

— Ты передачу записала? Я ее записала! И думаю, ее многие записали, завтра сама прокрутишь на Ютубе, — постаралась сдержаться Аэлло. — Что ты «смогла выжать»? Этот девичий лепет про высоких покровителей он обошел с легкостью, а дальше, почуввав недоброе, воззвал к Каллиопе! Он перекрикивает ведущую, повысив голос: «А не надо путать огурцы с кефиром!», а та прямо

осведомляется, какие это «огурцы» он имеет в виду? Не про кефир спрашивает, а тут же говорит: «А можно поподробнее рассказать про «огурцы», которые вы постоянно упоминаете?» А потом удивляется, почему он не подал в суд, когда худруком балета назначили Мылина после рассылки по тысяче адресов снимков сексуальных оргий его знакомого! Потом добивается назвать фамилии тех, кто его поддерживает! Она пытается придать «яркий политический подтекст», а отовсюду лезут делишки Мылина, которые мне потом придется чем-то крыть.

Трубка опять взорвалась диким визгом, поэтому Алла Давыдовна опять отнесла ее от своего уха, и на ее прекрасное лицо легла тень мрачной озабоченности.

— Хорошо-хорошо, не кричи так, — оборвала она Никифорову. — Значит, надо все переносить ровно на неделю, раньше мы подключиться не сможем, Миша поехал дань по области собирать, пока все после праздников тепленькие. Но здесь нужен шок! Нужно выдумать что-то из ряда вон... Одними тяжкими телесными не обойтись... Что говорит Аэлоппа про этого хмыря, которого тесть Мылина в качестве исполнителя подготовил?

— Ну, она говорит, что он такой нервный, дерганый, — неохотно ответила Окипета сорванным голосом. — Сама у нее спроси, она же все передает, можешь всю панораму увидеть.

Да, это не впечатляет, но кого они еще смогут найти на такое дело? Там уже детали самого нападения на Мылина уточняются... Скажи, а ты сама не можешь найти подходящего надежного человека?

— Даже не думай! – возмутилась Аэлло. — У меня все подходящие и надежные на счету! Моя задача не посадить кого-то из них на семь лет, дожидаясь, когда они за решеткой лишнее болтать начнут, а никого не подставить! Чтобы создать нормальную рабочую обстановку в... нашем преступном сообществе, как это принято нынче называть. Или уж, на худой конец, зачистить так, чтоб только чистое место осталось. Что останется от нашего бизнеса, если мы с Мишей начнем своих надежных парней на семь лет сажать? Да и цель-то, я понимаю, была совсем иная! Укокошить Мельпомену и посадить профсоюзного говоруна на семь-восемь лет! А также припугнуть Мылина, чтобы он сидел возле жены и не рыпался!

— У них там, видно, с его женой серьезные проблемы, так просто их ведь не решить, — заметила Аэлло. – Давай еще раз просмотрим версию, учитывая, что наш потерпевший не желает участвовать в причинении ему тяжких телесных повреждений. И не скрывает своего нежелания, того и гляди, выскажет свое недовольство в средствах массовой информации. Типа: «А я не желаю, чтобы мой тесть организовывал на меня покушение при поддержке администрации театра для того, чтобы расправиться с неугодными членами балетной труппы!» Вот будет сенсация!

— Он такого не заявит, — не слишком уверенно ответила Окипета.

— А ты понимаешь, что мы все можем оказаться на крючке у этого Мылина? – осведомилась Аэлло. – Вы по-прежнему придерживаетесь плана о сломанной челюсти?

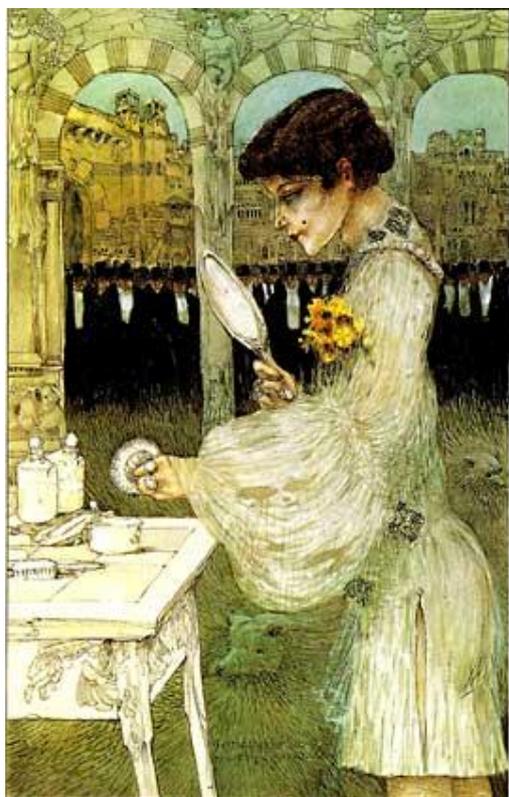
— Нет, мы изменили первоначальный план, — ответила Окипета. – Сейчас это будет химический ожог лица. Я же понимаю, что сломанная челюсть не будет выглядеть шоком.

— В любом решении есть свои плюсы и минусы, — заметила Аэлло. – Сломанная челюсть на некоторое время дала бы возможность залепить Мылину рот гипсом. Пусть бы сосал через трубочку! Ему было бы полезно для комплекции. Я откровенно боюсь его заявлений, а их не избежать. А с химическим ожогом надо будет действовать очень быстро, на все последующее остается не более двух недель. Стоит только затянуть, как все может вылезти наружу.

— Я это понимаю, — отозвалась Окипета. – Но другого выхода он нам не оставил. Мы думали, что Игнатенко и подобранный тестем Мылина исполнитель плана Загоруйко подъедут на машине водителя, также приставленного к Игнатенко. Они дождутся, как Мылин спустится к машине. Загоруйко пойдет к нему «поговорить по-мужски», якобы для того, чтобы надавать ему по морде. А сам плеснет ему электролит из аккумулятора! На камерах все будет отражено, а врачи подтвердят, что Загоруйко плескал

концентрированной серной кислотой, которую выпарил из электролита, найдя способ приготовления в Интернете.

Gustav-Adolf Mossa, Lui (1906)

— Хорошо, какие бонусы были у моего подзащитного идти на такой риск? Ведь этот Загоруйко, прости, производит двойственное впечатление, — заметила Аэлло, внимательно рассматривая переданную Аэлоппой панораму, где Загоруйко трясущимися руками сливал из аккумулятора мутную жидкость в пластиковую фляжку. — Слушай, я могу ошибаться, конечно, но ты на руки его посмотри! Ты видела руки у моего Миши? У него же все костяшки разбиты, хотя он всегда при тяжелых телесных пользовался свинчатками и кистенем. Мне почему-то кажется, что это вообще какой-то бывший мент!

— Не знаю, — в отчаянии призналась Окипета. — Сама бы уже сто раз это сделала, но ты же понимаешь, что к месту преступления должен быть доставлен

Игнатенко и обязательно должен быть «третий лишний», кто подтвердит, что Загоруйко и Игнатенко давно сговаривались расправиться с Мылиным.

— А откуда он деньги на преступление мог взять? — поинтересовалась Аэлло, вглядываясь во вращающуюся перед глазами голограмму с портретом Игнатенко.

— По задумке тестя Мылина, Игнатенко с этой целью должен был как бы грабануть профсоюзную кассу! Конечно, он намеревался сам ее грабануть, чтобы касса не досталась его зятю на новую женитьбу на балерунье Каролине, — с отчаянием в голосе прошептала Окипета. — Его зять Мылин должен был еще перед Новым годом оставить в покое профсоюз, уйти с должности его лидера. А он этого не сделал! И наотрез отказался!

— А там что, много в кассе накопилось? — с растущим интересом спросила Аэлло.

— Они на водопровод и дорогу собирали, — ответила Окипета. — Члены кооператива с двух гастролей деньги вложили. И хотя мы эту кассу еще раньше почистили с кооперативом Гордея в Молитвенном Углу, там у них миллионов тридцать должно быть.

— Ничего себе! – присвистнула Аэлло.
 — У них конфликт должен был вращаться вокруг Талии, чтобы и ее кончить в одночасье, а сейчас разгорается конфликт-то по поводу того, что Мылин решил сам кассу грабануть! И как теперь объяснить заказ со стороны Мельпомены? Николай денег Игнатенко не даст, он никому даже в долг не дает, насколько я знаю. Он просто может подарить небольшую сумму. У Игнатенко теперь ни копейки, раз он кассой профсоюза не распоряжается... И зачем мы господину Мылину со своими заморочками и тяжкими телесными повреждениями, если он сейчас прекрасно отдыхает с Каролиной на

деньги из профсоюзной кассы?

— Игнатенко не заплатили по президентскому гранту, ни копейки не дали из Попечительского фонда, он получил голую зарплату, которая вся на алименты ушла, — затараторила сквозь слезы Окипета. — Талия тоже получила один голый оклад, Мылин ее спектакли по привычке своим приглашенным солистам записал, даже за «Щелкунчик» не заплатил, который Талия с Мельпоменой 31 декабря танцевали. Поэтому Игнатенко на Новый год у одного танцовщика кордебалета занял 30 тысяч рублей...

— Но это же несерьезно! – воскликнула Аэлло.

— Я уже думала над этим, — призналась Окипета. — Давай, скажем, что он занял 50 тысяч рублей, другого выхода нет.

— А как деньги попадут к Загоруйко? Ведь передача должна состояться при водителе! – продолжала недоумевать Алла Давыдовна.

— В том-то и дело, — грустно отозвалась Окипета, — Загоруйко попросил займы у Игнатенко, тот передал ему 10 тысяч рублей с переднего сидения – на заднее, где сидел Загоруйко. Водитель не мог видеть, сколько ему Игнатенко денег дал. И Загоруйко при водителе сказал, что скоро отдаст «эти пятьдесят тысяч». Ну, и захохотал, чтобы Игнатенко его не поправил.

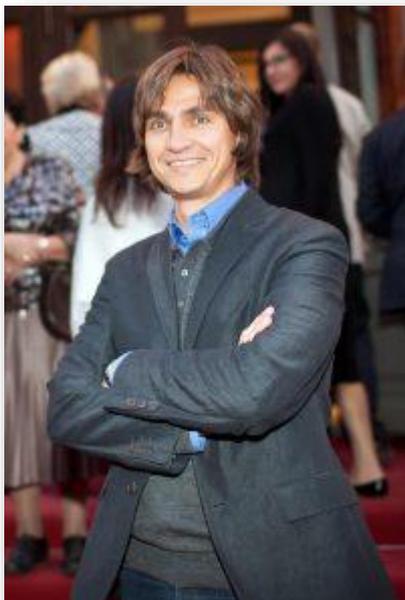
— С одной стороны, всегда приятно иметь дело с честными и беззащитными идиотами, с другой стороны, это так напрягает! – с долей иронии заметила Аэлло. — Ведь все это вылезет рано или поздно! Но ты понимаешь, что с Мельпоменой можно расправиться лишь в течение двух недель, причем, даже не после самой операции, а после этого интервью «живьем»?

— Я понимаю! – решительно сказала Окипета. – Но и ты пойми, что больше двух недель я этот кошмар сама не выдержу! Пойду одна добивать их всех, если никто из вас мне не поможет!

— Ты с ума не сходи! – оборвала ее Аэлло. — Вернемся к моему вопросу! Чем заманивали моего клиента на место преступления? Даже в отношении профсоюзной кассы он ведь нисколько не изменил свои намерения.

— Мы сказали, что ему будет бесплатно сделана круговая подтяжка, качественная шлифовка с антивозрастной косметикой, снятие возрастной катаракты, ну... полное омоложение, — пояснила Окипета. – Выбрали все самое качественное и дорогое, что сегодня только можно вообразить. Его Каролина все же слишком молода, она всего лишь два года назад училище закончила, ей же, по-моему, двадцати еще нет. Мы и прикинули, что ему такое понравится.

— А кого думали на место худрука, пока он... гм... омолаживается? – поинтересовалась Аэлло.

— Да его бывшую жену хотели поставить, — честно призналась Окипета. – Чтобы она до некоторой степени проявляла лояльность, но была готова остаться в этой должности на постоянку. Ведь не знаешь, как все наладится. А он ей многим обязан, она всегда была к нему лояльна.

— Этот Мылин ваш... как кролик похотливый! – усмехнулась Аэлло. – Но ведь с этой гражданкой тоже не будет полной уверенности. Да он, чувствуется, со всеми девицами у вас имел там либо любовь, либо общих детей.

— Это тема особого разговора, ты даже не представляешь, как меня достали все его жены и любовницы! – вновь заорала Окипета. — Он ведь Талию пытался охмурить! И такого ей наболтал...

— Я Талии меньше всего опасюсь, — ответила Аэлло. – Мне в панорамах Аэлоппы кое-что насчет Мельпомены не понравилось. Перекрути-ка, к моменту, когда лошадка Аэлоппы тащится к вам на заседание в Оранжевую гостиную и проходит через фойе... Видишь?

Алла Давыдовна замерла с трубкой возле уха, ее глаза будто повернулись вовнутрь, напоминая перламутровым отблеском без зрачков — белые глаза сыновей Подарги. Перед ее внутренним взором из бокового коридора в фойе

вышел главный премьер театра Николай, за которым семенила сухонькая интеллигентная старушка с поджатыми губами, подведенными ярким карандашом. Вдруг Николай остановился, как вкопанный, зачарованно глядя прямо в глаза Аэлоппе. Изображение начало дергаться, будто неуклюжая Аэлоппа решила прищипорить свою лошадку. Уши Аллы Давыдовны резануло ее криком: «Мельпомена! Он меня видит! Уходи, уходи к Окипете, старый дурак!»

— Ты поняла? – спросила Алла Давыдовна телефонную трубку. – Как сейчас кончать Мельпомену, если он нас видит? Вернее, его надо было немедленно кончать, в тот же вечер! А Аэлоппа еще строила планы, профукала новогодние празднички господина Мылина... Она уже общается со своей лошадкой накоротке! А тот ведь, тесть Мылина, тоже не дурак... Он вроде бы в шахматы играет, да? Вспомни-ка, как он вообще в наш круг попал? Как его вообще могла оседлать Аэлоппа?

— Старик! – выдохнула Окипета. – Ей не хотелось с ним связываться из-за камеи с моим изображением, раз он ее видит. Вот она и выбрала Антона Борисовича... Я же хотела покончить со стариком! Мы тогда с Холодцом камеею хотели у него забрать и прикончить. А он ее заранее где-то спрятал, подлец! И Холодец решил его пока оставить. Нам и в голову не пришло, что он может запросто пойти и отдать камеею Мельпомене! Я была уверена, что когда мы у него были, он ее еще никому не передавал. И пусть бы эта проклятая камеея сгинула вместе с ним! Так нет, Холодец решил его пожалеть, а сам все бросил и увлекся пиаром фильма Телксиепии!

— Старик, — задумчиво отозвалась Аэлло. – Мне недавно Келайно жаловалась, что он приходил в Генеральную прокуратуру к ее оборотням в погонах, ее видел, читал материалы, изъятые у Каллиопы. Она попросила Холодца заставить старика воздействовать как-то на старшую музу... энергетически. А тот взял и попутно усилил Мельпомену камеей! Я иногда отказываюсь понимать Холодца!

— А насчет Холодца скажу тебе, что давно разочарована в его постоянстве, — поддакнула Окипета. — Посмотри, он и Эрато оставил бегать по всем... с часами Сфейно! В театре она Мельпомене два часа на нас глаза открывала. Этот Коля при любом случае вдруг начал многозначительно бросать свою коронную фразу про огурцы с кефиром! Увидел, что я один раз слишком резко на эти его «огурцы» среагировала, так по любому поводу начал их вставлять!

— Мы с этой идиоткой Аэлоппой чуть живьем не сгорели, когда на нас Сфейно выскочила, — мрачно ответила Аэлло. – На мне перья плавилась, представляешь? Аэлоппе крылья особо не нужны, она на тесте Мылина ездит, а мне при моем образе жизни иногда надо в трех местах одновременно находиться! Мне иногда кажется, что Холодец откровенно развлекается! И не может определиться, кто же вообще-то является «птицами Гермеса» — мы или

сирены? А доказывать ему, что мы лучше этих жеманниц с их уговорами лечь и помереть – не вижу смысла, если он сам не понимает степень их эффективности. У меня Мише приходится круглые сутки уговаривать самых несговорчивых. И никто не спешит добровольно «отдаваться в объятия смерти»! Иногда руки-ноги оторвешь, одна башка останется, а они еще жить хотят, представляешь?

— Вы все равно были на высоте! – льстиво заметила Окипета. – Сорвать главную горгону с места, выкурить ее из убежища – это же половина сделанного дела! Обычно она превращается в пламя где-то в самом конце истории, а тут ее в самом начале обезоружили! Я ее видела среди каменных статуй высотки на Котельнической набережной. Она не скоро сможет летать. А ее часы Эрато оставила в доме Терпсихоры, которую мы десять лет назад из театра выгнали.

— Вот и попросим Келайно, чтобы она упросила Холодца заставить сирен заняться чем-то полезным, — подхватила Аэлло. – Холодец сколько раз говорил, что Келайно – его любимая птица! Пока Сфейно не проснулась, пусть Телксиепия с сестрами заберет часы у Терпсихоры! Ты выведай, когда она на гастроли уедет, передай Келайно. Эти трусливые твари не пойдут к дому, зная, что там их может ждать муза.

— Я бы тоже не решилась, — заметила Окипета. – Ты же знаешь, что может произойти, стоит музе воззвать к Мусейону и превратить свой дом в крепость.

— Брось! Время прежних муз прошло! – почти беззаботно откликнулась Аэлло. – Нынче мы имеем дело с лохами, которые ни о каком Мусейоне понятия не имеют, а занимаясь искусством, верят, что это – всего лишь профессия. Давай все же прикинем, как нам загнать моего клиента к родимому дому — для причинения ему тяжелых телесных повреждений на десять тысяч рублей тремя циничными злодеями?..

* * *

— Нам еще шампанского в номер, икры, салатиков каких-нибудь, разносолов, — заявил художественный руководитель балета в трубку местного телефона, поправляя белоснежный фирменный халат отеля перед зеркалом. — И еще букет белых роз! Как нет? А какие есть?

Из светлых оттенков роз в наличии были только нежно-розовые и кремовые розы. Слегка поморщившись, Мылин заказал нежно-розовые.

Любой отказ или малейшее препятствие сильно раздражали его в последнее время. На безмятежную неделю новогодних праздников он снял номер в дивном подмосковном отеле, карточку которого передал ему Аркадий Барабуль.

Он знал, что его будут караулить в аэропортах и на вокзалах все эти жалкие шакалы его тестя Антона Борисовича и мужа его младшей дочери, желая загнать обратно к Дашке в его квартиру, которую она и не думала освобождать, в сущности, не имея прав на его жилплощадь. Сыновей было немножко жаль, он обещал старшему поиграть в хоккей и сходить на елку. Но прекрасно знал, что нельзя из жалости рубить кошке хвост постепенно. Даша должна была понять, что у него начался новый жизненный этап, который совершенно не связан с их гражданским браком.

Густав Адольф Мосса (1883-1971)

Он вспомнил всех своих женщин, которые прекрасно все понимали, и впоследствии, пережив сложный период разрыва, оставались хорошими друзьями, помогая друг другу в сложных жизненных ситуациях.

Разрыв с Дашей, к которому, он был уверен, она уже вполне была внутренне готова после его совместной поездки с Каролиной в Нью-Йорк, осложнялся абсолютно idiotским препятствием в виде ее отца Антона Борисовича. Его напускная подобострастность несколько не обманывала Мылина, он знал, что за хитрыми ходами Даши, нервировавшими Каролину, стоит именно Антон Борисович.

Жаль, что из-за демаршей Дашиного папочки и мужа ее сестры, дравшегося за жилплощадь тестя в центре Москвы, — оказались наказанными его сыновья, с которыми он планировал провести пару дней перед Рождеством. Однако после очередного заявления Дашки в раздевалке, будто «их любовь возродилась в прежней Мылинской бесшабашности», и демонстрации браслета с бриллиантами, якобы подаренного им жене на католическое Рождество, Каролина так горько рыдала в его машине, что он решил остаться с ней в отеле на все праздничные дни.

В отель он позвонил с новой симкой, которую накануне попросил купить мать, оставив старую симку в бардачке машины у дома. Не заходя домой, он встретился с Каролиной в условленном месте. И когда при регистрации в отеле он сказал, что они пробудут в номере все праздники, он с удовольствием увидел, как у девушки порозовели щечки, став именно нежно-розовыми.

Как славно, что он не поддался уговорам Каролины — тащиться куда-то на Мальдивы, полностью уничтожая впечатления от поездки трудными перелетами. Тишина, предупредительный персонал, царское убранство отеля, великолепная кухня и танцы в карнавальных костюмах при свечах, заставили и Каролину выдать признание, что только теперь она начала понимать русских аристократов, которые хоть и имели деньги, но не сбежали с ними сразу же в Лондон или Париж. Все дни она

наслаждалась комфортом и окружавшей ее роскошью, удивляясь, как можно, оказывается, шикарно проводить время, никуда не уезжая из Москвы.

В отеле были замечательные спа-залы с тайским массажем, грязелечебницей и ароматерапией. Турецкие бани, финские сауны и русская парная были расположены при бассейне с гидромассажем. Эти дни беззаботного бытия среди сказочной красоты серебряного бора, с катанием на тройке и вечерним прогулкам возле небольшого катка, украшенного фонариками и юными фигуристками — заставили его прийти к окончательному решению навсегда порвать даже не столько с Дашей, сколько с ее отцом.

Сам вид ее отца не только тянул его мыслями к прежнему безденежью, когда он был никому не нужен, понимая, что ему одна дорога — уйти из театра, слоняясь где-то по задворкам. Угодливые манеры Антона Борисовича в налаживании контактов с людьми, в постоянных попытках всем навязаться не просто с мнением, а с готовым решением, — до крайности нервировали и не давали сосредоточиться на собственной жизни. Сам Антон Борисович стать художественным руководителем балета, конечно, не мог, но почему-то считал, что раз хоть в чем-то помог достичь этого поста ему, то может теперь чуть ли не готовые мысли ему в голову вкладывать, не только ничего не понимая в балете, но и ни за что не отвечая.

Дашкин отец считал, будто после этой истории с рассылкой компромата по тысяче адресов, у них возникнут доверительные отношения подельников. Он совершенно не понимал специфику совместного бытия членов труппы в театре, где сцена поглощала все мысли и стремления. Вся их жизнь была связана со сценой, оставляя на всю «обычную жизнь» — крошечный пяточок за кулисами. Они многое знали друг о друге, выходя вместе на сцену, дополняя

друг друга, становясь неразделимыми в спектакле, держась одной семьей на гастролях. Антон Борисович не понимал, что балет являлся жанром коллективного творчества не только самих танцовщиков, но и множества «лиц за кадром», вплоть до костюмеров.

Мылин злился, что отец Даши, даже глядя на их открытые костюмы, где современные балеты танцовщики исполняли обнаженными по пояс, в одних легких трико, — разработал операцию, которая изначально разрушала возможность занять признанные лидерские позиции, что полностью перечеркивало все сделанное им в профессии раньше.

Конечно, между танцовщиками балетной труппы многое бывало в условиях жесточайшей конкуренции и борьбы за место под софитами, вплоть до драк в театральном подъезде. А у их милых партнерш аналогичные выяснения отношений могли дойти и до стекла, подсыпанного в пуанты. Но все ссоры и стычки никогда не были достоянием чужих, все решалось между своими. Для самого Мылина подобные ссоры были чем-то вроде прописки в труппе, означавшим, что его приняли в свой круг избранных и видят в нем серьезного конкурента.

Впервые это жесткое табу было нарушено методами, абсолютно чуждыми законам жизни балетных артистов. Его попытка свести историю с рассылкой снимков из чужого телефона – к интригам Николая, успехом не оправдалась. Никому не составило труда узнать, кто на самом деле обзванивал и собирал всю труппу для обсуждения грехопадения директора труппы. Все знали, что Николай плохо разбирается в новых информационных технологиях, так и не освоив компьютер, не имея собственных аккаунтов в социальных сетях.

Своим извращенным сознанием Антон Борисович не только считал всех балетных артистов «идиотами», на его лице и в офисе «Классических традиций» было написано искреннее убеждение, будто «балет может нравиться только лохам». Но, кроме того, Мылин видел сквозившее на лице отца Даши убеждение, будто он может радоваться тому, что его стали откровенно опасаться в труппе. Понимая, насколько бесполезно убеждать Антона Борисовича в обратном, Мылин начал стремительно отдаляться от него, самостоятельно искать какие-то возможности уйти вверх по служебной лестнице с поста художественного руководителя балета. И делал он это вовсе не из-за «взыгравших амбиций», как однажды вырвалось у его «подельника». Антон Борисович даже не понимал, насколько начал тяготить его одним своим присутствием рядом, постоянно напоминая о совершенной ими подлости. Он даже не подозревал, что работать худруком балета невозможно, если отношения с труппой зашли в такой тупик, когда люди держатся с ним вежливо и отстраненно, отводя глаза в сторону. Он понимал, что без взаимного творчества, без полной открытости и искренности – его работа вообще не имеет никакого смысла, он превращался в мелкую пешку на шахматной доске

Антон Борисовича. Поэтому и старался окружить себя верными людьми из театров рангом пониже, в своих «амбициях» он был вынужден поставить крест на творческих планах, понимая, что от сцены ему теперь надо держаться как можно дальше. У него оставалась одна надежда, что если он будет смотреть на возделенную сцену из директорской ложи, его бывшие коллеги, соратники и друзья – перестанут смотреть на него, как на чудовище.

В дверь номера тихо постучали, он распахнул двери перед служащим отеля, одетым в лакейскую ливрею, какие он видел в спектаклях театра в сценах «Во дворце короля». На минуту ему даже показалось, что за этим лакеем с подсвечником — впорхнут его прежние подружки-партнерши, закружатся, защебечут свои песенки, а потом войдут и те, с кем он столько самых трудных лет делил гримборные и костюмерные... Будут улыбаться, шутить, разливать шампанское...

На его лице было написано такое разочарование, что старик-лакей, вкативший в номер его заказ на сервировочном столике, сочувственно покачал головой. Ловко сервируя обеденный стол, он с каким-то неуловимым шиком подал Мылину букет свежих высоких роз. Он был благодарен администрации отеля, тонко понявшей всю сложность его «пикантной» ситуации, и поставившей прислуживать им не молодых красавцев, обслуживавших другие номера, а этого старика, в чем-то напоминавшего дворецких из английских исторических фильмов про старину.

В их лакее было еще одно качество, каждый раз приятно удивлявшее Мылина. Он обладал внешностью, которую было практически невозможно запомнить. Иногда ему даже казалось, что если он вплотную прислонится к стене, обитой английским ситцем с зелеными огурцами, то немедленно с ней сольется вместе со своей яркой лакейской ливреей.

С Каролиной у старика-лакея сложились какие-то доверительные отношения, напоминавшие сюжет из фильма «Красотка», где девушка, попавшая в шикарный отель с улицы, просвещается многоопытной прислужгой. Старик рассказывал Каролине, как следует держаться на общих обедах и ужинах при свечах, что надевать к завтраку и коктейлю, с кем следует здороваться, а кого подчеркнута не замечать, зная, что подобная деликатность будет должным образом оценена «в высшем свете».

Мылин только поморщился, представив, как Антон Борисович всем бы здесь навязывался со знакомством, пустыми разговорами и рассказами о том, сколько пользы он сможет принести в будущем этим чопорным неразговорчивым людям, кивавшим им с Каролиной за завтраком с долей высокомерной отстраненности.

Однажды Мылин с удовольствием подслушал разговор Каролины с лакеем, который без всякого снобизма объяснил ей разговор двух дам за ужином.

— Лев Иванович, они что-то говорили про «любимую птицу Хичкока», а здесь у вас Интернета нет, — жаловалась лакею Каролина.

— Они имели в виду фильм Хичкока «Птицы», снятого по одноименному рассказу Дафны дю Морье, — пояснил ей лакей. — Сейчас в высших кругах идет бум пятидесятых. Вы же заметили, что многие дамы причесываются к ужину под Одри Хепберн? В моде шиньоны, гладкие высокие прически, открытый лоб, свободные линии края и... фильмы Хичкока! Особенно, конечно, те, которые он снимал по новеллам Дафны, которую называют его «любимой птицей» с определенной долей иронии.

— Но я в Cosmo читала, что сейчас в моде «сумасшедшие восьмидесятые», — с огорчением заметила Каролина. — У меня все платья яркие... чувствую теперь себя ужасно! И никогда таких фильмов ужасов не смотрела, рассказов не читала. Что мне теперь делать?

— Не огорчайтесь! — по-отечески ответил старик. — Книжку Дафны я видел в отеле, кто-то из постояльцев забыл. Пятидесятые сейчас для очень продвинутой публики, иначе никто в одежде не будет отличаться. Поэтому я вам и советовал не надевать зеленое платье от Версаче со стразами. Я принесу на ваш размер несколько фирменных туалетов. Запомните, что Cosmo — для всех! Но, прежде всего, для непосвященных. Вчера вы сделали жирные стрелки под начало 60-х и выглядели вполне «в теме».

— Спасибо вам, Лев Иванович! — прижимая руки к груди, отвечала Каролина. — Если вы еще нас посадите на ужин к каким-нибудь магнатам... нефтяникам... А то у нас у одного премьера поклонники из геологоразведки или геофизики, я в этих вещах не разбираюсь. Так они ему квартиру купили и пенсионный полис от Сбербанка!

— Я вас понял, — поклонился ей старик. — Непременно переговорю с метрдотелем.

Принесенной лакеем книжкой заинтересовался и сам Мылин, с удивлением обнаружив, что кинозал при отеле, где крутили старые черно-белые фильмы Хичкока, отнюдь не пустует. Вначале ему казался странным выбор в фильмотеке отеля. Фильмы были очень старыми, в графе «жанр» напротив большинства из них стояли английские слова «thrill» («триллер», от

англ. «трепет») и «suspense» («саспенс», от англ. «напряжение»), как пояснил Каролине старик. Кроме фильмов ужасов, в фильмотеке отеля было лишь две старые драмы и мюзикл «Суини Тодд, маньяк-парикмахер». Однако против них не стояло ни одной галочки. Выбор большинства постояльцев отеля остановился на фильмах Альфреда Хичкока «Ребекка» и «Птицы».

Раньше Мылин был уверен, что современные зрелищные блокбастеры с визуальными эффектами,

использующими высокие технологии в 3D, навсегда вычеркнули старые фильмы.

Ему никогда не пришло бы в голову, что в отеле собрались такие утонченные эстеты. Однако ему было странно, что в детские счастливые праздники Нового года, навсегда наполненными для него сказкой, запахом мандаринов и ожиданием подарков, все вокруг предпочитали фильмы Хичкока, мастерски создававшего в своих фильмах атмосферу тревожной неопределённости и напряжённого ожидания.

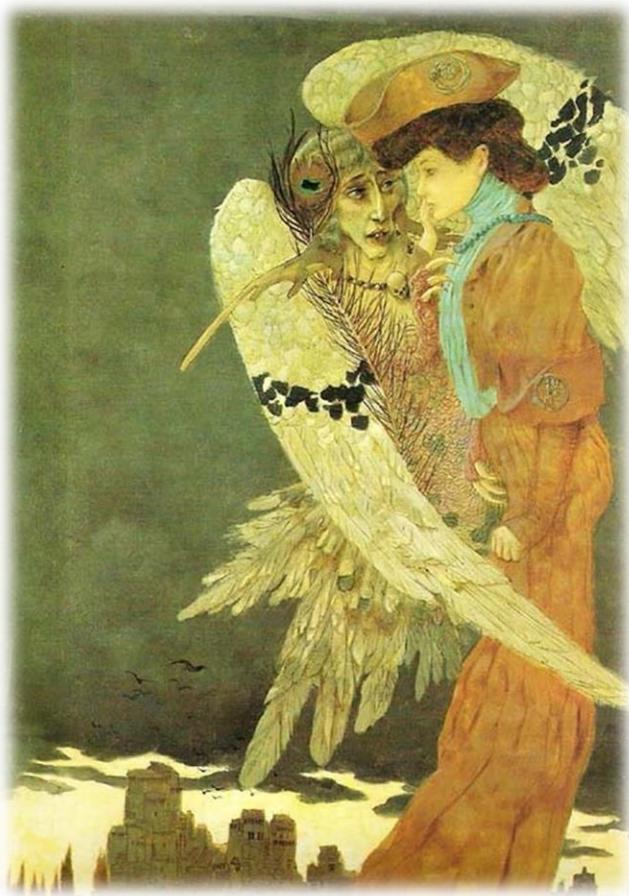
Каролина надевала строгое черное вечернее платье, а он – фрак, и они чинно отправлялись под руку на киносеанс, раскланиваясь с собравшимися, вполне благосклонно относившимися к их присутствию, без осторожных шепотков за спиной. Хотя Мылин мог бы поклясться, что все они были отлично осведомлены от прислуги об их прошлом, настоящем и будущем. Лев Иванович рассказывал Каролине о каждом, меняя по ее просьбе жетоны на столах, чтобы они были окружены самым изысканным обществом... возможных спонсоров и кандидатов в Попечительский совет театра.

Его удивляло, как равнодушные пресыщенных, все повидавших людей, давно привыкших к своей избранности, к особому статусу, не позволявшему им в самых незначительных привычках опускаться до «простолюдинов», мигом слетало с благодушно улыбающихся лиц, стоило погаснуть свету в небольшом кинозале отеля. Только в окружавшей их спасительной темноте, под оригинальную музыку, написанную Бернардом Херрманном специально для фильмов Хичкока, они на непродолжительное время становились сами собой. Мылин видел их несчастные лица, измученные внутренними страхами и каким-то тянущим душу неопределенным ожиданием. Фильмы Хичкока лучше всего соответствовали их внутреннему настроению. Свет с экрана рождал иллюзию, будто все они стали персонажами черно-белого фильма

ужасов. И Мылиным, отлично разбиравшимся в театральной жестикуляции, отчетливо читалась главная мысль каждого фильма — в мимике окружавших их с Каролиной мужчин во фраках и женщин в траурных вечерних платьях.

Ему казалось, что жизнь для них давно состояла лишь из черного и белого, с почти незаметными оттенками серого цвета. Она была наполнена постоянным, тщательно скрываемым ожиданием какого-то ужаса, очень тонко соответствующего режиссерскому почерку Хичкока, прошедшего творческое становление накануне Второй мировой войны, когда мир еще и не подозревал, как далеко люди могут отойти от основ человеческого в собственной душе, до какой бесчеловечности опуститься. Бережная работа Хичкока со звуком, использование неожиданных эффектов для усиления довольно монотонного и почти обыденного действия, и у Мылина вызывало странное чувство обреченной расслабленности. Все, что происходило на экране, снималось как бы с точки зрения какого-то персонажа, с такого аспекта, что зритель видел сцену чужими глазами, полностью сливаясь с героями фильма. Движения камеры и ее ракурсы в этих фильмах, не рассчитанных на дорогостоящие визуальные эффекты, отличались непредсказуемостью и парадоксальностью, точно отражая судорожно бившуюся в виске мысль человека, попавшего в смертельную ловушку обстоятельств.

Gustav Adolf Mossa (1883-1971), La Sphinge — 1906

Ему было неловко следовать советам предприимчивой Каролины, толкавшей его к новым связям и знакомствам. В кинозале он видел их истинные, настоящие лица, а в ресторане отеля все они казались ему маскарадными масками. Будто они были куклами-марионетками, разговаривать с которыми о делах не только не имело смысла, но могло навсегда лишить его возможности столкнуться с тем, кто на самом деле мог решить все его проблемы.

Даже в турецких банях с одним полотенцем вокруг пояса эти люди умудрялись производить впечатление успешности — в клубах пара, под потом, капавшим с подбородков.

Но как только он решился с ними заговорить, ему казалось, что в их понимающих и насмешливых глазах тех, кто вершит судьбы и оделяет достоянием, проносятся черные крылья страха. И все его заготовленные фразы рассыпались в ненужный пепел.

По странному пристрастию Хичкока снимать в главных ролях «холодных» блондинок с безупречными чертами лица Мылин догадался, откуда в «лихие 90-е» взялась довольно неожиданная для мода на женщин 30-х годов. В их безупречной красоте, очерчивающей незримые границы порочной тайны, ему чудилась их внутреннее, не всегда сознаваемое влечение к смерти. Будто смерть, неважно чья, — была той единственной страстью, которая могла привлечь их по-настоящему. Они будто узнавали ее черты, возделали лишь ее одну, с легкостью перешагивая ей навстречу — через чужую любовь, потерявшую для них цену.

Он с интересом просмотрел брошенную Каролиной книгу, где, кроме романа «Ребекка» было несколько рассказов Дафны дю Морье. Решив сходить на массаж, он, зная, что иногда у кабинета приходится немного подождать, взял книгу с собой, потому что Каролина решила совершить верховую прогулку.

— О! Отличный выбор! — сказала женщина, сидевшая напротив него в холле крыла спа-процедур. — «Ребекка» — не просто самый известный роман Дафны дю Морье, не просто книга, по которой снят культовый фильм Альфреда Хичкока. Не просто произведение, заложившее стилистические основы всех «интеллектуальных триллеров» наших дней... гм... в нашей с вами действительности. Это роман уникальный, страшный и... прозрачный, хотя и простой. Настоящий элитный роман, без которого не существовало бы ни «Степного волка» Гессе, ни «Кэрри» Кинга.

— Вообще я такие вещи не люблю, — откровенно признался Мылин. — Но здесь отчего-то увлекся...

— Из-за общего увлечения? — мелодично расхохоталась дама.

Мылин с интересом взглянул на нее, безуспешно пытаясь понять, сколько ей лет. Он ни разу не видел ее в отеле, иначе навсегда бы запомнил ее холодные ярко-голубые глаза, оттененные густыми длинными ресницами. На ней было надето свободное черное платье с золотой окантовкой. Мылин уже неоднократно встречал подобные платья на женщинах, крой которых в последнее время приобретал особую популярность. На них не было вытачек, они свободно струились по фигуре. Это было большое полотнище, прихваченное по бокам и с отверстием для головы. Под грудью корпус женщины охватывала сложная шнуровка каким-то витым золотым поясом так, что свисавшая с плеч черная ткань была похожа на большие крылья с жестким оперением.

— Как вас зовут? — выдохнул Мылин вопрос, который ни в коем случае не следовало задавать в стенах отеля.

— Меня зовут Подарга, — ответила женщина просто.

— Очень приятно, — машинально ответил Мылин.

— Все зависит от обстоятельств, — неопределенно ответила она. Ее головка с густыми курчавыми черными волосами была бы удивительно прекрасной, если бы карминовые губы безупречного очертания, время от времени растягиваясь в улыбке, не обнажали ряд узких длинных зубов. Мылину даже пришлось в голову, будто их было раза в три-четыре больше, чем у обычной

женщины. Но то, что сидевшая напротив красавица была необычной, он понял сразу, с одного беглого взгляда на ее фигурку, отливавшую золотом с чернью.

Необычным был и золотой ободок, венчавший ее головку, мерцающая жирным блеском настоящей древней драгоценности. С внутренним разочарованием Мылин понял, что как бы высоко он не взлетел, он никогда не сможет сходу определить стоимость таких украшений в валюте.

В ее ушах покачивались крупные грушевидные сапфиры, преломлявшие падавший на них свет — жирным ультрамариновым блеском. А от ее нежного личика, светившегося в полумраке холла, невозможно было оторвать глаз, если бы не длинный узкий язык, которым она постоянно облизывала свои зубы, больше похожие на острые иглы.

Вначале Мылин, глядя на новую знакомую, даже подумал, не поторопился ли он с Каролиной, купив перед Новым годом бриллиантовое кольцо, чтобы перед отъездом сделать ей предложение. Сколько бы он смог достичь, будь рядом с ним такая царственная женщина, за плечами которой, укрытыми большими черными крыльями, вставали века власти. Причем власти настоящей, неподдельной, не прикрытой фиговыми листками рассуждений про демократию, всеобщее благо и назревшие реформы. Он чувствовал, что она, не задумываясь, возьмет то, что ей захочется, и бросит без сожаления, если это окажется ей ненужным.

Он уже предвкушал, как с такой необычной спутницей покажется в театре, поставив на место всех своих «балерунов», у которых навсегда отпадет охота говорить ему неприятные вещи и злословить за спиной.

Неожиданно дверь, у которой сидел в ожидании Мылин, распахнулась, из нее вышел мужчина с полотенцем на шее. Подарга медленно поднялась с дивана напротив и призывно протянула к нему руки. Мылин понял, что дама явно «не его романа» и с каким-то удивлением почувствовал в себе крайнее облегчение от одной этой простой мысли.

Увидев ее, мужчина вдруг больно вцепился ему в плечо, а с его лица сползло выражение крайнего блаженства, которым он светился минуту назад.

— Это ты? Уже? — беспомощно прошептал он, причиняя боль Мылину, пытавшемуся убрать его руки со своего плеча. — Так скоро?

— Да, уже пора, — мягко ответила Подарга, подходя к нему.

Властным движением рук она будто что-то выдернула у него из-под ног так, что он едва устоял на ногах. Лицо мужчины сразу посерело и обмякло, он отпустил плечо Мылина и безвольно позволил Подарге взять себя под руку. Она почти бережно его подхватила и повела к выходу из

холла. Мужчина шаркал ногами, как тяжело больной, с недоумением оглядываясь вокруг.

Вечером Каролина с огромным разочарованием заметила ему, что ее планы на ужин срываются. Самый главный нефтяник или газовщик неожиданно выехал из отеля, даже не отобедав. По словам Льва Ивановича, ему стало плохо, за ним приехала какая-то дальняя родственница.

Мылин в ответ лишь пожал плечами, чувствуя, как ноет левое плечо, за которое хватался нефтяник, увидев свою странную родственницу. На ночь он теперь читал новеллы Дафны дю Морье из книги, принесенной Львом Ивановичем с целью просвещения Каролины.

Поздней ночью, когда она безмятежно спала, образы взбесившихся птиц, пожиравших людей, казались ему удивительно реальными. И при этом он никак не мог избавиться от странного ощущения, что за многими сюжетами книги стоит женщина, подобная Подарге, просто Дафна дю Морье откровенно боялась прямо говорить об ее непосредственном участии. От этого все сюжеты приобретали необъяснимость, недосказанность, неопределенность.

Первым он прочел рассказ «Птицы», вспомнив, как поразился тому, что от праздничного стола, встретив Новый год с небольшим фейерверком возле отеля, большая часть гостей отправилась в кинозал смотреть одноименный фильм Хичкока, где огромные черные птицы нападали на людей.

Тогда ему пришло в голову, что перед тем, как убить человека окончательно, птицы будто крали его душу, выклеывая не просто глаза, но «внутреннее зрение», которым человек воспринимал окружающий мир.

когда это спасение все же приходило, зрители понимали, от героев, переживших этот ужас, давно осталась одна видимость, пустая оболочка.

В рассказе, в отличие от фильма, где были заняты вполне взрослые люди, речь шла о семье фермера Ната, впервые столкнувшегося со странным поведением птиц, когда они ночью набросились на его спящих детей. И как только Мылин дочитал до борьбы фермера с птицами, он тут же услышал знакомый смешок женщины с черными крыльями: «Все зависит от обстоятельств!»

Поступки героев фильма становились все более сюрреалистичными, им хотелось жить, но вокруг их гибли и пропадали люди. Они смотрели на пустые дома, не испытывая ни жалости, ни сострадания, погруженные в тяжкие заботы выживания. Как в войну, они ждали помощи армии, но до спасения еще надо было дожить. Однако,

©Книжная лавка <http://ogurcova-portal.com/>

Он сорвал одеяло с ближайшей кровати и начал размахивать им над головой. Он слышал хлопанье крыльев, шмяканье птичьих тел, но птицы не отступали, они нападали снова и снова, они клевали его в руки, в голову, их разящие клювы кололи, как острые вилки. Одеяло теперь превратилось в орудие защиты. Он обмотал им голову и, не видя уже ничего, молотил по птицам голыми руками. Подобраться к двери и открыть ее он не решался из страха, что птицы полетят следом.

Он не знал, сколько времени он бился с птицами в темноте, но, в конце концов, почувствовал, как хлопанье крыльев вокруг постепенно стихает; наконец оно прекратилось совсем, и сквозь одеяло он разглядел, что в комнате стало светлей. Он ждал, слушал — нигде ни звука, только кто-то из детей хныкал в спальне. Свист и шелест крыльев прекратились.

Он стащил с головы одеяло и огляделся. В комнату просачивался холодный, серый утренний свет. Живые птицы улетели через открытое окно, мертвые лежали на полу. Нат глядел на них со стыдом и ужасом: все мелюзга, ни одной крупной птицы, и погибло их не меньше полусотни. Малиновки, зяблики, воробьи, синички, жаворонки, юрки — эти птахи по законам природы всегда держались каждая своей стаей, своих привычных мест, и вот теперь, объединившись в ратном пылу, они нашли свою смерть — разбились о стены или погибли от его руки. Многие во время битвы потеряли перья, у многих клювы были в крови — в его крови.

Ему тогда пришло в голову, что полная безнадежность этого рассказа и заключалась в том, что, пытаясь спастись, Нат убивал лишь самых незащитных и, по большому счету, абсолютно безопасных пичуг, будто совершенно самостоятельно, постепенно и расчетливо... убивая собственную душу.

Рассказ заканчивался, когда фермер докуривает последнюю сигарету, сожалея о том, что не подумал набрать всего побольше, чтобы ему хватило на всю жизнь в наглухо забитом от всего мира доме. Сожаление о детях, на которых птицы напали в открытом поле, мелькала в душе героя рассказа чем-то посторонним, каким-то досужей необременительной мыслью, пусть и приправленной горечью: «Надо было предвидеть!»

Сделав последний рейс, он доехал до автобусной остановки, вылез из машины и зашел в телефонную будку. Он простоял там несколько минут, нетерпеливо нажимая на рычаг. Без толку: телефон не работал, гудка не было. Он выбрал пригорок повыше и оглядел окрестность. Никаких признаков жизни, безлюдные, пустынные поля — одни птицы кругом. Птицы сидели и ждали. Некоторые даже спали, повернув набок голову, уткнувшись клювом в перья.

©Книжная лавка <http://ogurcova-portal.com/>

«Странно как они себя ведут. Хоть бы кормились, что ли, а то сидят как истуканы», — подумал он. И вдруг его осенило: да они же сыты! Сыты по горло. Ночью наелись до отвала. Поэтому сейчас и сидят...

Над муниципальными домами не поднимался ни единый дымок. Он подумал о детях, которые вчера бежали бегом через поле. «Надо было предвидеть, — подумал он с горечью. — Надо было забрать их с собой». Он поднял голову к небу. Небо было серое, бесцветное. Восточный ветер оголил и пригнул к земле почерневшие деревья. И только на птиц холод не действовал; птицы сидели и ждали.

«Вот бы когда по ним стрелять, — подумал Нат. — Сейчас они отличная мишень. Взяться бы за них по всей стране! Выслать самолеты, опрыскать их и притом... Куда они там смотрят, о чем только думают? Они-то должны знать, должны соображать!»

Картина с птицами, сидевшими и ждавшими своего часа, долго стояла перед глазами Мылина. Как-то не выдержав, он поинтересовался у Льва Ивановича, заполнявшего изысканными напитками минибар в номере: «А вы, Лев Иванович, видели фильм Хичкока «Птицы»?»

— Видел, и не раз, — невозмутимо ответил лакей. — Здесь его постоянно крутят.

— Странно, что фильм смотрят одни и те же люди, — заметил Мылин. — Причем так, будто прежде его не видели. И каждый раз меня напрягает, что в фильме все пытаются жить по-старому, остаться на своем месте, ничего не делая, чтобы спастись! Вроде и пытаются, а какая-то глупость в результате получается.

— Ну, все так и делают, чтобы спастись, — ответил Лев Иванович. — Им кажется, что если они этого не сделают, то никогда не спасутся. А потом выясняется, что убивали сами себя, помогая сделать это птицам. Понимание странной мысли, что когда пытаешься убить другого — то убиваешь, в первую очередь, себя, приходит ко всем. В разное время и в разной степени, но посещает всякого. Иногда осознанно, а иногда мимолетно. Но, как правило, когда поправить уже ничего нельзя. Остается лишь наблюдать за этими птичьими атаками на экране, каждый раз открывая в них что-то новое. В зависимости от того, какие этапы проходишь сам.

— Какие этапы? — спросил Мылин, уже начиная понимать, что ответит старик.

— Этапы разложения души, — вздохнул старик. — Все эти произведения кажутся неопределенными и недосказанными, поскольку их авторы предпочитают не упоминать о главном. Да и что это скрывать, если все и так видят своих птиц? Мне показалось, будто вы тоже что-то видели в тот день, когда отель покинул нефтяник Парамонов.

— Непонятно лишь, что Хичкок полностью сюжет в фильме поменял, заменив детей — на молоденькую прожигательницу жизни, — решил перевести предмет разговора Мылин.

— Это же так естественно, — усмехнулся старик. — Кто из нас не менял детей на молоденьких прожигательниц жизни?

Они посмеялись над этим странным разговором, но после него Мылин твердо сказал Каролине, чтобы она больше не пыталась совмещать приятное с полезным, втягивая в их круг абсолютно чужих людей.

— Это не цари, не аристократы и не элита, Каролинка, не дуйся! — заметил он огорченной девушке. — Это люди, которые попали сюда только потому, что никогда ничего не решали, выполняя решения других. Поэтому бессмысленно пытаться «решить проблему» через них. Нам надо искать другие каналы.

* * *

...Взяв у лакея огромный букет роз, Мылин вынул из кармана халата заветную коробочку с кольцом и шагнул в направлении спальни, где еще нежилась под шелковыми одеялами Каролина.

— Вам после завтрака надо срочно покинуть отель, я соберу ваши вещи! — услышал Мылин тихие слова старика, сказанные ему в спину.

— Что случилось? — повернулся он к старику, нисколько не сомневаясь, что надо немедленно последовать его совету.

— Вас видела Подарга, — тихо ответил старик. — Она часто здесь бывает. Но вы-то нужны в другом качестве. За вами Мишку Стрельникова пошлют! Вам лучше согласиться на план Антона Борисовича, иначе вами займется Мишка, вы тогда инвалидность получите. А так... все же шанс есть.

— Я не хочу возвращаться домой пока там Даша с детьми, — сказал Мылин, опуская головки роз к полу.

— Ничего не поделаешь, придется вернуться домой, — захихикал старик. — Но вам же нечего переживать! После роз и кольца ваша милая Каролина подождет, сколько понадобится! Это в ваших интересах, они вас в покое сейчас не оставят.

Густав Адольф Мосса (1883-1971)

Действительно, после роз и кольца Каролина выбежала к завтраку в приподнятом состоянии духа. Старик оказался прав, сообщение, что им надо срочно покинуть отель, а ему вернуться домой к жене и детям, нисколько не испортили ей настроения. Она ответила, что перед выходом на работу ей надо хотя бы дома у матери порядок в своей комнате навести. В машине она чмокнула своего «пусика» и, лучезарно улыбаясь, отправилась домой в новой соболиной шубке с букетом роз. Тоскливо посмотрев ей вслед, Мылин назвал шоферу свой домашний адрес.

На улице уже темнело, когда он, расплатившись с водителем, направился к своему дому, стремительно преодолевая вертушку возле консьержа. Решив не ждать лифт ради подъема на

третий этаж, он стал подниматься по лестнице, ругаясь про себя, что на их лестничной площадке опять не горит свет. И только он поднял голову, вглядываясь в темноту, как получил прямой удар чьего-то свинцового кулака в лицо.

— Попробуй еще от Антона Борисовича сбегать, падла, — услышал он голос Мишки Стрельникова, неоднократно посещавшего с женой директорскую ложу в их театре. — Добегаешься у меня, балерун вшивый! Из-под земли достану!

Мылин, прижимая ладони к лицу, медленно опустился на ступеньки возле своей квартиры. В голове невыносимо гудело. Сквозь этот шум он слышал, как Мишка огромными скачками сбегал вниз, потом загремела вертушка возле консьержа, потом хлопнула дверь в подъезде. Стало очень тихо. Было слышно, как за дверьми с криками носятся его сыновья.

Он медленно, по стенке встал на ноги и нажал звонок, почти с облегчением услышав легкую поступь Дашки вместо невероятно тяжелых шагов ее отца.

За Дашей вприпрыжку к двери побежали его мальчишки, и с какой-то непонятной горечью он подумал: «Надо было предвидеть такое, надо было предвидеть! Надо было сразу, до праздников забрать их у Дашки к матери!»

16. Талия

Талия — муза комедии; Жан-Марк Натъе, 1739 (Музей изобразительных искусств Сан-Франциско)

*Музы, молю — из толпы многогрешного града людского
Вечно влеките к священному свету скитальцу-душу!
Пусть тяжелит ее мед ваших сот, укрепляющий разум,
Душу, чья слава в одном — в чарующем ум благоречье.*

Прокл

Из дверей театрального подъезда выпорхнула молоденькая девушка в сером пуховичке и с хохотом подскочила к ждавшему ее солисту балета, директору дачного кооператива «Услада» Александру Игнатенко. Она кинулась ему на шею и он начал кружить ее, заражаясь ее брызжущим через край весельем.

За этой сценой с тоскливой завистью наблюдал Антон Борисович, которого все больше придавливали тяжкие заботы последних дней. Вроде бы все шло по плану, но почему-то у него не возникало, как прежде, полной уверенности, будто он держит в руках все нити тщательно проработанной шахматной партии. В ней Александру Игнатенко досталась роль невзрачной пешки, открывавшей дорогу к ладье противника – премьеру балета Николаю.

Девушка Александра Игнатенко была ученицей Николая, упорно не предававшей его, несмотря на долгие отеческие уговоры Антона Борисовича, наезды пресс-секретаря Никифоровой, прозрачные намеки замдиректора Мазепова.

Еще два года назад Антон Борисович понял бесполезность всех уговоров, потому что прочел рецензию на выступление ученицы Николая в статье «Нежный возраст, или Осторожно, звезда!» одного непредвзятого критика, известного своей точной аргументацией и бесспорными суждениями о балете.

«Единственная танцовщица, способная претендовать на роль воистину современной балерины, – Ангелина Воронова. В эпоху, когда преобладают деструктивные тенденции, исполнить волю богов – значит, следовать нисходящей. Стихия Ангелины – дионисийство, оргиастическая исступленность, языческие культы и варварские ритмы. Она пробуждает и пропускает сквозь себя такие энергии, что становится страшно: еще чуть-чуть – и девушку сметет, она не справится с теми силами, которые вызвала.

Ангелина олицетворяет самый архаичный и жестокий женский миф, она высвобождает хтонических чудовищ, но, как и подобает изначальной женищине, сама – ничто. Это не отрицательная категория, это потенция,

способность быть оформленной и заполненной извне. Сама пустота спасает ее от разрушения. Глядя на девушку, ее победительную улыбку, невольно вспоминаешь слова Гумилева про «злое торжество» в женских глазах.

Танцовщица богато одарена, но может стать главной проблемой русского балета. Не о характере речь, я о нем ничего не знаю, речь о хаосе.

Не сомневаюсь, что девушка будет танцевать много и в главных партиях. Беда в том, что, следуя своему предначертанию, она может разрушить любой спектакль, тогда как, сдерживая себя, она лишится главного достоинства, окажется заменимой. Ее легко представить в балетах Начо Дуато или Мауро Бигонцетти, кровно связанных с дионисийской традицией Средиземноморья, и практически невозможно – в русской классике. Отдаваясь хаосу, Ангелина завораживает и потрясает, исполняя экзерсис, обманывает ожидания. Лишенная онтологической сущности, она нуждается в хореографе, способном «оседлать тигра», ей необходим руководящий мужской принцип, иначе – саморазрушение. Или – уклонение от воли богов, измена себе и как итог – саморазрушение. Вариантов немного, и это трагично.

Найдется такой мужчина – мы увидим уникальную для нашего балета звезду. Не същется – история не простит нынешнего художника балета: он нашел драгоценность, но не смог ее конвертировать в знаки вечного».

Антон Борисович уже знал, какой сущностью может быть заполнен этот «хаос», гибким плющом льнувший к Николаю, которому он под любыми предложениями избегал показываться на глаза. Критик искренне поддерживал легенду, которую Антон Борисович проработал вместе с Мылиным несколько лет назад, когда тому пришлось стать художественным руководителем театра, куда более низкого ранга, чем главный театр страны. Он «запустил в народ» красивую сказку, будто Гелю «открыл» именно Мылин, а потом сделал все для переезда в столицу неблагодарной начинающей балерины. На самом деле эта история балетной Золушки была куда более прозаичной.

Однажды Даша рассказала отцу, что премьер балета Николай вместе с главной их примой, женой бывшего директора театра, открыли на конкурсе молодых артистов балета удивительную девушку, которую называли «солнечным зайчиком». Девушка обучалась в каком-то провинциальном училище, и все члены жюри конкурса соображали вслух, как перевести будущую балетную звезду в Москву. Они уже оповестили администрацию театра и дирекцию хореографического училища, дело оставалось за малым.

Через два года девушка должна была окончательно перейти в театр и с легкостью «отбить» все главные партии, блистая на сцене всеми гранями своего удивительного дарования. И тогда Даша, только-только начавшая завоевывать в театре крепкие профессиональные позиции после изгнания балерины Владимирской, — окончательно опустила бы до «вечной корды», так никогда и не увидев своего имени на афишах.

Антон Борисович, решивший помочь дочери, откуда-то знал, что за девушкой давно следили внимательные светло-голубые глаза того, кого он про себя называл странным именем «Холодец». Впрочем, и сам он мог *видеть* отдельными панорамами, соединяемые им с безупречной логикой шахматиста, картины недавнего прошлого победительницы международного конкурса артистов балета.

Перед ним, один за другим, разворачивались яркие снимки, на которых пожилая женщина, бывшая балерина, выходила из своего дома, направляясь в хореографическое училище на урок, где ее ждала юная Ангелина. Пожилая дама улыбалась про себя, предвкушая очередное занятие с девушкой, класс с которой стал для нее на закате жизни настоящим праздником.

Вот женщина делала шаг к пешеходному переходу, еще не видя, как из-за поворота прямо на нее несется на полной скорости огромный КамАЗ...

Потом Антон Борисович видел Ангелину, безутешно плакавшую на похоронах старой балерины. А затем взгляд его перемещался в просторный кабинет

директрисы хореографического училища. Ангелина с осунувшимся личиком безучастно слушала цветущую молодую особу в директорском кресле, просившую у кого-то по телефону деньги на свою триумфальную поездку на конкурс молодых исполнителей со своей «новой феноменальной ученицей».

Isaac Lazarus Israels (1865-1934, Netherlands) Ballet school in London

Он вспомнил, как ходил к зятю и убеждал его перехватить девчонку из-под носа у Николая, хотя знал, что зять непременно увлечется молоденькой танцовщицей. На «молодежную программу» своего театра Мылин перевез девушку с матерью в Москву летом, пока все члены жюри были в отпусках или на гастролях. Матери Ангелины он объяснил, что срочность переезда связана с началом учебного года. Квартиру им предоставил театр, где он работал худруком балета, а хореографическое училище выделило Ангелине стипендию, как победительнице международного конкурса. Мать девушки с большим трудом удалось устроить на работу.

Саму девушку Мылин обязал выступать примой в спектаклях его театра, хотя она, будучи студенткой училища, не имела права выходить на сцену в основном составе, а тем более в главных партиях. Поэтому заработанные Гелей средства Мылин беззастенчиво распределял между своими фаворитами. По этой причине денег в маленькой семье Гели практически не было, поэтому зять предложил ей покровительство и содержание, от чего маленькая строптивица категорически отказалась, впервые проявив свою

«неблагодарность», в которой ее упрекали во многих статьях, все чаще отмечавших новую балетную звезду столичной сцены.

Отказ Гели от ухаживаний зятя, как ни странно, раздосадовал и самого Антона Борисовича. Хотя многое в жизни зятя его откровенно отталкивало, особенно его огромный портрет, который Мылин непременно вывешивал на стену каждой гримерки или кабинета, которые ему доводилось занимать. На нем зять снялся полностью обнаженным виде, а его мужское достоинство было стыдливо прикрыто паспорту с программкой главного театра страны.

Неожиданно для себя, Антон Борисович впервые искренне пожелал, чтобы зять завел себе не какую-то очередную молоденькую любовницу на стороне, а развратил именно эту легонькую девочку с глазами, искрившимися внутренней гармонией. Он не понимал, почему ему так важно, чтобы Геля, как многие балерины до нее, как и его бедная Даша, — прошла все этапы эгоистичной страсти Мылина.

Но Геля не только прервала все личные контакты с Мылиным, сведя общение с ним к отрывистым фразам «да» и «нет», но после окончания училища, получив приглашение в главный театр страны, тут же напросилась в класс премьеры балета Николая.

Для Антона Борисовича не стал секретом и ее роман с солистом балета Александром Игнатенко. В кратких, ярких и волнующих картинах, будто освещаемых вспышками молнии перед надвигающейся бурей, он с необъяснимым ревностным чувством наблюдал за рождением их любви. Сознание услужливо рисовало ему тихую московскую улочку за театром, где по проезжей части летел на своем мотоцикле Игнатенко. Внезапно его мотоцикл резко разворачивался и чуть не опрокидывался возле безмятежно идущей по тротуару Гели.

— Д-девушка, хотите, я вас подвезу? – заикаясь, робко спрашивал девушку известный солист балета главного театра страны, только что прославившийся исполнением партии царя Ивана Грозного. А она, смеясь, отвечала ему: «Катись, куда катился, дурак!» Они начинали смеяться, а Антону Борисовичу почему-то хотелось плакать от нестерпимой жалости к самому себе.

От других совместных сцен с этой парочкой у Антона Борисовича иногда появлялось на лице что-то вроде улыбки. И, глядя на двух обнимающихся, абсолютно счастливых молодых людей, он без сожаления отдал бы половину

своей жизни, если на месте Гели оказалась его Дашенька, а на месте практически нищего скандалиста Игнатенко – Мылин.

Auguste Toulmouche (1829-1890) *The Kiss*

Если бы его Дашенька не бегала за снисходительно позволявшим ей ухаживать за собой самовлюбленным Нарциссом-Мылиным... Хотя ни на минуту он не представлял в качестве зятя – честного до крайнего идиотизма Игнатенко, постоянно устраивавшего разборки на профсоюзной почве с руководством театра.

Покрутив в руках шахматную фигурку коня, которого всегда называл «троянским» и перевозил за собой как талисман в своей предпринимательской деятельности, Антон Борисович вызвал к себе единственного надежного человека

из числа молодых «крысюков» по фамилии Загоруйко. Еще ничего не имея в виду, он попросил Загоруйко, длительное время работавшего с ним «контактером» на растаможке, войти в ближний круг Игнатенко.

По легенде Загоруйко имел дочку, которую хотел страстно устроить в балет, поэтому сам стремился навязаться с любыми контактами к солистам балетной труппы. Он предлагал свои услуги в качестве сторожа кооператива «Услада», председателем которого был Александр Игнатенко. С подозрительной готовностью хватался за любую случайную работу на участках, объясняя, что все делает для дочери, мечтающей о карьере артистки балета. Мол, ему нужны знакомства «в мире балета», чтобы помочь дочке с протекцией.

И когда Игнатенко случайно заикнулся об аренде помещения неподалеку от «Услады», чтобы открыть там салон красоты, Загоруйко тут же вызвался ему помочь, заверив, будто у него есть на примете несколько вариантов, «идеально подходящих» для будущего салона. Он пригласил своего друга-водителю на машине, чтобы показать танцору эти помещения, находившиеся на приличном расстоянии друг от друга.

Пока они ездили с места на место, Игнатенко рассказал о тяжелой доле артистов балета, чтобы Загоруйко не обольщался, а несколько раз подумал, прежде чем «губить будущее ребенка», отдавая дочку в балет. О себе он

сообщил, что в театре его постоянно лишают спектаклей, поэтому он ищет любую возможность заработка. Почти вся его театральная зарплата уходит на алименты семье, из которой он ушел несколько лет назад. А сейчас он полюбил необыкновенную девушку, и вынужден жить на ее нищенский заработок в театре и то, что могут выделить его малообеспеченные родители-пенсионеры.

Квартиру, которую он получил в театре и расположенную в том же доме, где находилась квартира Мылина, — его родители сдают какой-то женщине из-за постоянной нехватки денег. Поэтому он не может даже сделать предложение своей возлюбленной, так как они постоянно снимают с ней какие-то страшные квартиры на окраине, переезжая с места на

место. В один из таких переездов ему и пришла в голову светлая идея, будто ему будет намного проще заработать за пределами МКАД, раз уж он постоянно вынужден ездить в этот район по делам руководимого им кооператива.

Неудивительно, что все предложенные Загоруйко помещения Игнатенко откровенно не понравились. Однако в этих совместных разъездах Загоруйко сумел завязать с ним почти близкое знакомство. Они обменялись номерами мобильных телефонов, а Загоруйко настойчиво просил Игнатенко давать ему случайные заработки в кооперативе, уверяя, что не имеет постоянной работы и очень нуждается в деньгах.

Погруженный в свои заботы Игнатенко не задумывался, почему его новый знакомый так часто бывает в Москве «наездами». Но каждый раз, когда тот отзванивался, он давал Загоруйко какое-нибудь поручение по оформлению документов дачного некоммерческого партнерства «Услада», когда ему самому было некогда ехать в область и терять время в бесконечных очередях. Эти услуги Загоруйко оказывал Александру бесплатно, взяв с Александра обещание, что как только все документы на «Усладу» будут оформлены, тот поможет получить ему работу электрика дачного кооператива. Постепенно танцор окончательно расположился к такому открытому и отзывчивому случайному знакомому, бескорыстно работавшему «на будущее», с готовностью подписывавшему в районе бумаги на подключение кооператива к электроэнергии.

В душевных беседах Игнатенко иногда делился о своих постоянных конфликтах с худруком балета Мылиным, решившим совместить эту

административную должность с постом председателя профкома, чтобы «дорваться до кассы». Артисты несколько раз бесплатно выезжали на гастроли, чтобы собрать средства на подключение «Услады» к воде и электроэнергии, подвести дороги. И если Игнатенко работал бесплатно, то Мылин сделал себе в качестве председателя профкома солидный оклад. И деньги, предназначенные на общие нужды дачного кооператива, расходовались им с необычайной легкостью на глазах руководимого им коллектива.

Однажды Загоруйко «по-простому» поинтересовался у Игнатенко, взбешенного очередной выходкой Мылина, предварительно включив специально переданный Антоном Борисовичем маленький диктофон: «Сколько можно это терпеть? Он же все ваши деньги так потратит! Ну, хочешь, я его грохну?» Но, к большому разочарованию Антона Борисовича, Игнатенко резко отшатнулся от услужливого нового знакомого, ответив категорическим отказом.

С осени Загоруйко все чаще приезжал на машине своего друга из области по каким-то своим делам, неизменно забегая в театр навестить «своего дорогого друга Сашу». Он подвозил Игнатенко до нового места жительства, подозрительно хорошо ориентируясь в Москве. И в ноябре, сразу после публикации письма деятелей искусств в защиту премьеры балета Николая, к которому Игнатенко относился почти благоговейно, Загоруйко прямо при своем друге-водителе опять завел старую песню: «Давай, я его грохну!» С непонятной горячностью он «наезжал» на ошарашенного Игнатенко, мол, сколько можно терпеть эти издевательства от Мылина, что это «не совсем по-мужски».

— Да что ты заладил одно и то же? – удивился Игнатенко. – Что это у тебя за мысли в голову приходят? Как это можно запросто заявить о незнакомом тебе человеке: «Давай его грохнем!»? У меня, конечно, накопилась масса отрицательных эмоций к Мылину по поводу его действий, на которые администрация нашего театра не обращает никакого внимания. Но... убить... даже не знаю, что тебе сказать! Если уж говорить по-мужски, то можно ударить. Я бы понял, если бы ты сказал: «Давай его просто побьем!»

— Ну, давай я его побью! – с готовностью предложил Загоруйко. – Тебе же бить его нельзя, тебя могут из театра выгнать! У меня же нет сил смотреть, как ты мучаешься!

— Ну, и за сколько ты готов это сделать? – в шутку спросил его Игнатенко.

— Для тебя, Саша, я на все готов! – серьезно ответил Загоруйко. — А этого гада отмудохаяю за столько, сколько сам дашь!

У Игнатенко чуть глаза не вылезли из орбит, когда Загоруйко с другом просто сказали ему, что они неоднократно приезжали к дому Мылина, чтобы попробовать его «убедить» отказаться от роли профсоюзного босса и дать Александру нормально работать в «Усладе». Но нападать на него не стали, поскольку вокруг было много людей.

* * *

Джованни Беллини (1430-1516) «Портрет молодого человека»

Перед Новым годом Александр был вынужден занять на праздники 30 тысяч рублей у своего близкого друга Славика, солиста балета из второго состава, недавно вышедшего из первого ряда кордебалета. Тот еще не имел семьи, ему помогали родители, да и за все спектакли ему заплатили полностью, в отличие от самого Игнатенко.

— Саш, ну как так? – сочувственно сказал ему Славик. – Сколько можно? Когда Гордей своим кооперативом командовал, так как сыр в масле катался! А сейчас смылся с деньгами, и никому до него дела нет. А ты столько работаешь, балет такой вытащил первым составом, с кооперативом у

тебя все по-честному, а на Новый год деньги занимаешь... Ты не подумай!..

— Спасибо тебе, Славка, — с горечью ответил Александр. – Хоть ты меня понимаешь. Мне Гелю жалко, что связалась с таким уродом, как я. Хотел ей подарок купить. Ей тоже заплатили девять тысяч, а нам надо четырнадцать тысяч за квартиру отдавать...

— Как девять тысяч? — отшатнулся от него Славик. — Этого же быть не может! Она же везде шла первым составом! На нее билеты по полтиннику у барыг, а нормальные места официально по тысяче баксов... Этого просто не может быть.

— Может, — тяжело вздохнул Александр. — Ее мама попросила билет, раз Геля 31 декабря в «Щелкунчике» танцует. Мы думали, что все вместе посмотрим на нашу красавицу, потом успеем домой добежать и Новый год встретить. Мне предложили совершенно издевательски выкупить билеты за сто двадцать тысяч рублей со скидкой. Мы думали, хоть Геле за выход хотя десять тысяч доплатят... Нет, еще вычли за отгулы, у нее нога болела. Так что... девять тысяч! Хоть сразу вешайся, хоть частями стреляйся.

— Так ведь это же... отгулы! — растерянно сказал Славик. — Отгулы все оплачивают из президентского гранта, из Попечительского фонда.

— Ты ведь сам знаешь, что это Мылин подписывает, — пожал плечами Александр. — А он ей ничего не дает. Иногда подписывает, когда Николай Илларионович приходит за Гелю просить. У них много лет одна гримерная была, он про Мылина много знает. И про неудавшийся его роман с Гелей тоже знает. Но каждый раз его просить не станешь, все же он... звезда!

— Сашка, держись! — горячо зашептал ему Славик. — Держись, сколько можешь! Только не сдавайся!

— Ладно, спасибо, друг! — растроганно ответил Александр.

Мать просила Александра перед Новым годом заехать на его квартиру, которую она крайне нерасчетливо сдавала своей знакомой, с которой они когда-то вместе работали в больнице. Понятно, что даме было негде жить, в ее однокомнатной квартире жила дочь с двумя внуками. Но сдавать квартиру за семь тысяч в месяц, когда они с Гелей снимали какие-то жуткие комнаты на окраине, было в их положении крайне неразумно. Его квартира стоила гораздо больше.

Он согласился съездить за деньгами, чтобы еще раз попросить женщину освободить его квартиру.

— Слушайте, Маргарита Леонидовна! Эту квартиру я покупал сам через театр! И совершенно не хочу ее сдавать, у меня изменились обстоятельства, — сказал он полной женщине в неопрятном халате, загородившей ему проход.

Он не мог оттолкнуть ее, все же она была подругой его матери. А она совершенно не желала его пускать в собственную квартиру, из которой отвратительно пахло чем-то кислым.

— Не лезь сюда, Саша! Я заплатила твоей маме до марта! — повисив голос, заявила жилица.

— Не надо говорить неправду, Маргарита Леонидовна! — разозлился Александр. — Меня мама попросила за деньгами заехать, вы за два месяца ей не заплатили. Вас что, с полицией выселять? Ведь здесь даже вещи мои лежат, а я в свою квартиру не могу зайти! Я же вас осенью предупреждал по-русски, что к Новому году вы должны освободить квартиру!

— Ах, он еще мне полицией грозит, щенок! — каким-то незнакомым голосом заорала жилища. — Ты у меня сам на днях взял 50 тысяч рублей до марта! До марта! Так своей мамочке и передай!

Александр отшатнулся, будто впервые увидел перед собой подругу матери, которую знал с детства.

— До марта, так до марта, — тихо сказал он, стараясь не глядеть в ее искаженное злобой и ненавистью лицо. — Но чтобы в марте вас здесь больше не было!

— Посмотрим еще, кого в марте не будет, — зашлась она жутким смехом, больше похожим на птичий клекот.

Он даже обрадовался, увидев у подъезда вездесущего Загоруйко, притоптывавшего снег на крепком морозце возле знакомой машины. Впервые за много лет в Москве наступал Новый год без слякоти и грязного асфальта, а с белым снегом, превратившим серый город в снежную сказку.

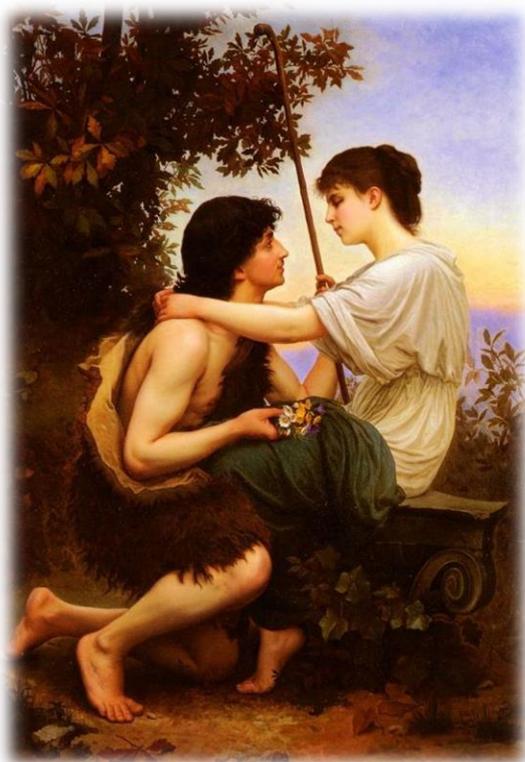
— Так и думал, что здесь тебя встречу! — обрадовался ему Загоруйко. — Мы тут, случайно крутились, по своим делам. Тебя подбросить?

Александр сел на переднее сидение, чувствуя, что сил совсем не осталось. Он уже не удивился, когда Загоруйко с каким-то непонятным нажимом попросил «как бы займы», многозначительно намекнув «ну, ты ведь понимаешь?».

Александр и сам понимал, что давно задолжал Загоруйко, оказавшего ему немало услуг. Из тридцати тысяч, взятых в долг у Славика, он отсчитал в кармане десять тысяч рублей и передал деньги с переднего сидения — на заднее, где устроился Загоруйко, схвативший деньги так, чтобы водитель не смог видеть, сколько денег ему дал Игнатенко. Александр понял, что Загоруйко пытается как-то «добавить лишний вес» ему в глазах водителя,

потому что тот, с явным расчетом на водилу, заявил, что скоро «отработает эти пятьдесят тысяч». Александр лишь безвольно пожал плечами, а Загоруйко громко захохотал, чтобы он не вздумал поправлять.

Idylle (or Daphnis and Chloe) Painting by Camille Felix Bellanger

Новогодние праздники с Гелей прошли на редкость тихо и спокойно. Они много гуляли, играли в снежки и мечтали, что когда-нибудь поселятся в доме в его кооперативе, будут слушать музыку и ждать друзей к ужину. Геле очень хотелось угостить всех ужином, особенно своего педагога Николая Илларионовича, приславшего им на Новый год из ресторана завернутые в фольгу, еще теплые бараньи ребрышки, на которые Сашка набросился так, как будто не ел ничего вкуснее. Потом им все стали звонить и поздравлять с Новым годом, приглашая в гости на ужин.

Геля отметила в своем календарике, куда их пригласили на ужин. А когда они с Сашей посмотрели потом в ее

календарь, то оказалось, что все праздничные дни у них забиты дружескими ужинами.

— Цирковые своих не бросают, — хмыкнул Саша. — Точно Славка проговорился, что я деньги занимал. Вот они и решили нас подкормить!

— Так это же здорово, Саша! — обрадовалась Геля, уже начинавшая переживать, что денег им может на все праздники не хватить. Ведь Саше предстояло выкупить билеты в цирк и на елку для похода со своим мальчиком от первого брака.

А потом еще им позвонил знакомый Николая Илларионовича и попросил выступить на двух детских утренниках и отобедать с родителями детей. И Геля с радостным визгом запрыгала вокруг елки: «Сашка! Нам еще денег дадут! Мы выживем, Саша! Мы даже потом жить останемся!»

Но сюрпризы не закончились, потому что перед самым Новым годом к ним опять постучался посыльный с восточными сладостями и подарком для Гели от Николая Илларионовича.

Посмотрев на что-то твердое, упакованное в яркую бумагу с маленькими нарисованными Санта Клаусами с бутылочками кока-колы, Александр с некоторой досадой сказал: «Большая книга по истории искусства! Поздравляю!»

— Нет, Саша, — тихо ответила Геля, открывая большую коробку. — Здесь часы... нам. И записка: «Пусть время всегда работает на вас! С Новым годом!»

Александр благоговейно взял в руки небольшие каминные часы с боем, загадав, чтобы когда-нибудь они действительно украсили каминную полку в их доме. Николай Илларионович был, как всегда на высоте, даже с этим неожиданным и явно импровизированным подарком.

Уже за столом Геля подняла фужер с шампанским и сказала, что очень хочет когда-нибудь увидеть за столом всех-всех, но больше всего

хочет отблагодарить ужином Николая Илларионовича, их доброго Ангела и Учителя с большой буквы.

Часы начали отбивать полночь, и Саша, глядя в раскрасневшиеся лица Гели и ее мамы, почувствовал себя абсолютно счастливым.

* * *

Новогодние праздники промелькнули так замечательно, так чудесно, что в театр они отправились рука об руку, с каким-то непонятным обоим душевным подъемом. Новости ожидали их уже на входе. Сухонькая интеллигентная старушка с подведенными карандашом губами, которую в театре все звали Глашенькой, свистящим шепотом им сообщила, что Мылин пришел с праздников побитым, «с фиолетовой сливой под глазом». Зато его фаворитка Каролина Спешнева явилась в новой соболиной шубке и бриллиантовым перстнем. В раздевалке сказала, что выходит замуж за Мылина. тот ее уже и Одеттой-Одиллией в первый состав «Лебединого озера» поставил, а Николай Илларионович в бешенстве. Уже заявил, что впервые увидел в театре, чтобы исполнительница роли Одетты-Одиллии делала по одному пируэту, зато художественный руководитель балета регулярно подвозит ее домой после работы, дарит шубки и приходит после праздников с синяками под глазами...

Услышав про шубку Каролины, Геля быстро сняла свой серый пуховик, виновато взглянув на Александра. Но тот не смотрел на ее пуховик, видя, как тесть худрука Антон Борисович делает ему какие-то знаки из-за колонны.

— Здравствуйте, Антон Борисович, — подошел он к руководителю продюсерского центра «Классические традиции».

Ему бы нисколько не помешал дополнительный заработок, для артистов после Нового года наступал «мертвый сезон». Поэтому он надеялся, что Антон Борисович предложит какое-то участие в своих «сборных солянках», потому что надо было как-то дожить до февральских и мартовских праздников.

— Саша, обращаюсь к тебе, как к неформальному профсоюзному лидеру, — загадочно начал Антон Борисович.

— А-а, — разочарованно протянул Александр. — Вы извините, у меня с Мылиным и так много конфликтов, я не могу вмешивать в его отношения с вашей дочерью. Все мы, как говорится... У меня тоже развод за спиной. Поэтому не мне, как говорится...

— Ты не понял! — с досадой перебил его Антон Борисович. — Я тебя ни о чем таком не прошу,

сами пускай разбираются. Тут такое дело... Шубка у Каролины, кольцо и отдых в отеле для vip-персон на все праздники — это из кассы вашего профсоюза или кооператива, тебе лучше знать.

— То есть как это? — спросил Александр, чувствуя, как к горлу подкатывает настоящее бешенство. — Слушайте, мы эти деньги собирали на целевые взносы! Мы бесплатно на гастроли ездили... Ваш зять вообще из другого театра пришел и сам себя назначил профсоюзным лидером!

— Да, я мог бы тебе и не говорить, конечно, — расстроенным тоном ответил Антон Борисович. — Но тебе надо этот вопрос как-то срочно решать. Именно потому, что он из семьи уходит, он всю вашу кассу пустит по ветру.

...И сразу после праздников у Александра началась настоящая горячка. Он готовил заседание профсоюзного актива, которое должно было прекратить полномочия Мылина как профсоюзного лидера. С членами кооператива «Услада» он согласовал текст претензии и требование немедленно отчитаться о потраченных средствах. Но Мылин ходил в огромных черных очках, стараясь ни с кем не вступать в разговоры. В пятницу он молниеносно исчез, в бесплодных попытках застать его в театре прошел понедельник, вторник...

Вечером в среду, выйдя из театра, Александр увидел Загоруйко, притаптывавшего снег у машины. Александр отправился к нему с экземпляром петиции.

— Ты не мог бы передать ее Мылину, он живет в том же доме, где ты меня перед Новым годом встретил! — тут же перешел он к делу. — Речь идет о нашей профсоюзной кассе! Его тесть сказал, что он тратит наши деньги на шубки-кольца любовнице. Каждый вечер с ней ездит, на работе его застать не могу! Завтра у него юбилей какой-то в драматическом театре... Просто не знаю, что делать! Сегодня среда, завтра юбилей, а в пятницу он от жены с этой Каролиной на все выходные за город сдернет, опять тысяч сто как не бывало!

— Это, конечно, форменное безобразие, — прогудел Загоруйко. — Нам так нужен этот подряд на электропроводку! Ведь и бумаги уже подписаны! Но как я ему эту петицию вручу?

— Он от меня бегаёт, у меня не возьмет, — в отчаянии ответил Александр. — А где он сейчас — понятия не имею! Телефон у него с Нового года недоступен... Домой его сегодня точно не ждут, его жена плакала в раздевалке. А завтра он точно с юбилея приедет домой, у младшего сына день рождения.

— Ладно, не расстраивайся так! — нашел выход Загоруйко. — Завтра я тогда опять кореша попрошу меня привезти из области, давай твою бумагу! Только извини, моему водителю надо будет заплатить!

— Сколько? — упавшим голосом спросил Александр.

— Ну, тыщи три-то надо! — ответил Загоруйко. — С учетом тех, что ты уже заплатил. И вот еще что... Связь надо будет держать. Незачем тебе светиться с симкой, выданной в театре. Я тут у цыган нам с тобой симки купил. Они ни на кого не зарегистрированы.

— Зачем она мне? — подозрительно поинтересовался Александр.

— Ну, надо же как-то отслеживать передвижения объекта, — удивился Загоруйко. — А вдруг он с другой улицы выйдет. Бумагу-то ему ведь надо захерачить?

— Да, захерачить надо, — машинально ответил Игнатенко, погруженный в свои мысли.

Он взял у Загоруйко SIM-карту, почти не слушая, что тот говорит. В голове вертелось это его

выражение «захерачить». Он думал, как быстро Мылин забыл, как сам был таким же артистом. Выбиться в худруки, чтоб обманывать в деньгах своих же товарищей... Неужели Мылин не понимал, насколько сложно им было собрать эти деньги, сколько надежд каждый связывал со своим домом в Подмосковье...

Сообщение Антона Борисовича уничтожило в нем остатки уважения к Мылину. Когда-то он считал его одним из лучших балетных премьеров. Но теперь для него больше не существовал человек, способный потратить деньги товарищей на какую-то ничтожную девицу, толком не умеющую держать спину.

Попрощавшись с Загоруйко, он быстро пошел по направлению к метро.

* * *

В четверг вечером Александр вместе с танцором Славиком и музыкантом Васильевым собрались поехать в дачный кооператив «Услада», чтобы поработать на строительстве бани на участке Васильева, обещавшего им со Славиком немного заплатить. В пятницу и выходные они были не заняты в театре, поэтому не хотели упускать короткий световой день.

Днем в театре Мылина не было, но Александр уже знал, что тот непременно будет на юбилее, а после вернется домой. Друзья понимали, что Александр не усидит три дня на строительстве бани в неизвестности, ему надо было перед отъездом точно знать, что их петицию Мылин все же получил.

Они сидели втроем в машине на парковке напротив театра, где проходил юбилей, дожидаясь выхода Мылина. По маленькому телевизору смотрели какой-то сериал с участием Певцова, периодически переставляли автомобиль, чтобы поймать устойчивый сигнал Интернета. Александр при этом напряженно следил за машиной Мылина, но тот все не появлялся. Было уже около половины одиннадцатого вечера, когда Васильев в раздражении заявил, что ночью они все рано никуда не поедут, а лучше на дачу отправятся с утра.

Понимая, что Мылин и на этот раз обвел их вокруг пальца, Александр позвонил Загоруйко и сказал, что время для профсоюзных петиций уже позднее, все отменяется, поэтому пусть тот едет домой, им ведь с товарищем еще надо до дома в область добираться.

Он уже собирался выйти из машины Васильева, как увидел, что Мылин, наконец, подошел вместе с Каролиной к своему автомобилю. Он тут же перезвонил Загоруйко и сообщил, что худрук через полчаса приедет домой. Тот ему на удивление спокойно ответил, что они – «никуда и не дергались», а решили, что лучше еще полчаса подождут, но петицию вручат именно сегодня.

— Саш, а ты вообще на что рассчитывал? – поинтересовался Славик у Игнатенко. – Ты чего нам сразу не сказал, что мы тут проторчим два часа, а потом вообще никуда не поедем?

— Слава, ты же знаешь, нам надо было вручить ему бумагу до того, как он наши последние деньги потратит, — объяснил Александр. – Какой тогда смысл в наших дачах вообще? Заработать он сейчас нам не дает. А если он с петицией тебя или меня увидит, то и разговаривать не станет. А так... может у Загоруйко получится ему бумагу захерачить. Но, честно, говоря, я рассчитывал, что он именно сегодня уйдет с юбилея пораньше, хоть Каролину домой не повезет... Все же у сына день рождения. Не в двенадцать же ночи отцу на день рождения приходиться?

THE TRIBUTE MONEY TOMMASO MASACCIO 1401 — 1428 ITALYA 1425 — 1427

Славик и Васильев со вздохом согласились, что Сашка их не думал обманывать, просто он подумал о Мылине, как о порядочном человеке.

Минут через пятнадцать раздался звонок от Загоруйко. Слегка запыхавшись, он радостно сказал в трубку: «Все, захерачили! Ты три тысячи обещал! Встретимся у метро!»

Игнатенко занял у Славика три тысячи рублей под предлогом покупки курительной смеси, чтоб тот не подумал, будто он берет деньги на общественные нужды и возвращать не собирается. Он попрощался с друзьями и отправился к метро. Там он молча передал деньги Загоруйко, обратив внимание, что от него сильно пахло мочой.

Дома он решил лечь пораньше, чтоб с утра поехать с ребятами строить баню. Засыпая, он услышал телефонный разговор Гели с Николаем Илларионовичем, удивившись про себя, что ее педагог звонит среди ночи.

— Геля, что случилось? – сонным голосом спросил он Ангелину, молча сидевшую рядом, прижимая трубку к груди.

— Николай Илларионович сказал, что сегодня вечером возле подъезда худрука Мылина облили кислотой. Теперь ему звонят со всего света... говорят, будто наша пресс-секретарь им сказала сразу ему звонить, — безжизненным голосом ответила Геля. — Он со мной попрощался на всякий случай... Директор и вся администрация заявили, что это все

— «закономерный итог того беспредела, который создавался в первую очередь нашим прославленным премьером Николаем Илларионовичем». Он мне пресс-релиз зачитал, ему уже среди ночи передали. Про него теперь говорят, что он постоянно поливал грязью театр и его сотрудников, устраивал интриги и был уверен в собственной безнаказанности...

Геля с рыданием упала лицом в подушку, а у Александра, догадавшегося, наконец, что имел в виду Загоруйко под этим словом, которое вертелось у него в голове, — все похолодело внутри. Сон прошел, он лежал, глядя в потолок, на котором вспыхивали отблески огней проезжавших по улице машин. Сообщение Гели уничтожило в нем остатки мыслей и чувств. Он просто лежал и повторял про себя одно слово: «Захерачить, захерачить, захерачить...»

* * *

А в голове Антона Борисовича крутилась другая фраза. Ему надо было взять себя в руки, от него постоянно требовались срочные решения, а в голове рефреном звучала фраза из детской книжки про Алису в стране чудес, которую он на днях читал внукам: «Они убивали Время, и Время на них обиделось!»

Возможно, цитата была неточной, но в его голове она звучала именно так. Чувствуя растущую тяжесть на плечах, он вдруг вспомнил, что на огурцовских ресурсах фирменная картинка была именно из «Алисы в Стране чудес». Новостная лента портала при блоге тут же отозвалась, назвав случай с нападением на худрука Мылина – «чудовищным» и «вандальным».

Странно, но особенно остро Антон Борисович почувствовал, что «Время на них обиделось», когда премьер Николай во всех интервью начал слово в слово повторять публикации ресурсов Каллиопы, словно выстраивая вокруг себя непробиваемую стену. И когда его лицо появлялось на экране с очередным сообщением, что случай с Мылиным, безусловно, «чудовищный и вандальный», Антону Борисовичу слышались за его спиной дальние разрывы артиллерийской канонады, будто кто-то прорывался с боями к ненавистному балеруну, взятому в плотное кольцо окружения.

Все пошло в осуществлении его плана совершенно не так, как он рассчитывал поминутно. У него постепенно складывалось четкое убеждение, будто подводят его не столько люди, сколько... само Время. Оно вдруг стало живым, несговорчивым и строптивым. С самого начала пошли какие-то мелкие недочеты – вначале на секунды, которые неминуемо вырастали в минуты, а после вдруг оборачивались часами.

В их план входило, что Мылин должен выступить на сцене театра, но первыми выпустили ветхих ветеранов, чтоб не померли раньше времени. А эти ветераны, дорвавшись до микрофонов, будто нарочно начали тянуть время. Мылин не мог уйти с юбилея, не отметившись на сцене. Выйдя к микрофону под слишком длительные аплодисменты, он вдруг растерялся, поскольку ведущий вечера назвал его «посланником Мельпомены». Речь зятю Антон Борисович написал еще до Нового года, но вдруг услышал, как тот, запинаясь, произносит какой-то чужой текст.

Зять вдруг начал говорить о роли искусства в жизни человека, в попытках каждого сохранить душу. Не слушающим языком он выдавливал из себя странные фразы о тех, кто уже «променял свою душу на материальные блага, получив за нее все, что хотел». Вернее, эти люди думали, будто расплачиваются чужой душой, не понимая, что этого никому не дано, у всех имеется лишь один обол – только на себя. Хотя многим кажется, будто весь мир придуман только для них, они хотят весь мир заключить в пределах своей власти, сжать время. А искусство позволяет человеку сливаться с миром, чувствовать его совершенство. И настоящему творцу этого вполне достаточно. Тогда он понимает, что не убивает Время, а восстанавливает связь Времени, спасая души окружающих от леденящего холода страха. А в результате соприкосновения с настоящим искусством каждого охватывает желание сделать мир еще лучше, оставить в нем частичку себя.

Все это звучало достаточно банально, к тому же зять постоянно делал паузы, будто пытаясь вернуться к заученному тексту, но потом вновь возвращался к прерванной мысли. Однако в зале царила полная тишина, а как только он закончил, то «зал взорвался бурей аплодисментов», как часто писали критики по менее значимым поводам.

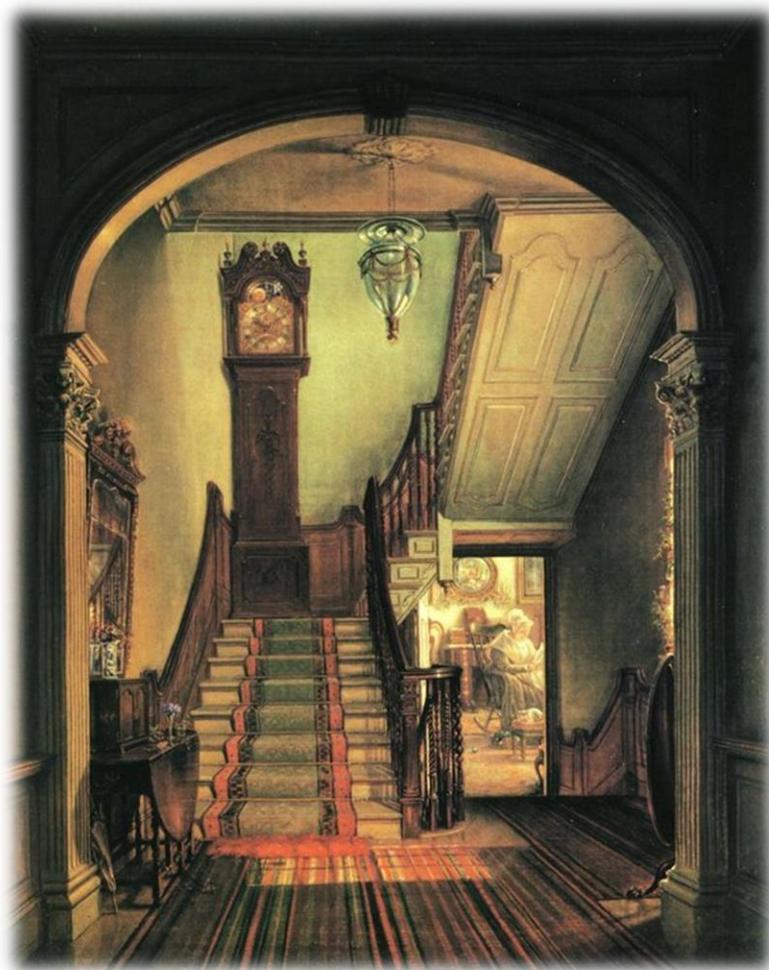
В результате на это выступление ушел час из того времени, которое Антон Борисович запланировал на операцию. И в самом выступлении он чувствовал какую-то скрытую угрозу, предупреждение. При каждом упоминании зятем о времени, у Антона Борисовича начало нестерпимо стягивать волосы на затылок.

Как только зять двинулся к выходу, к нему подошел режиссер театра, отмечавшего юбилей, и двадцать три минуты рассказывал о том глубоком впечатлении, которое он испытал, когда слушал его выступление. Только на

юбилее он окончательно осознал то, что всегда чувствовал интуитивно, но не мог выразить с такой «афористичностью», как только сделал он со сцены.

И пока он это говорил, держа руки Мылина в своих сухоньких потных ладошках, из зала выскочила вездесущая Каролина Спешнева, получила свою новую шубку в гардеробе и с очаровательной улыбкой загородила зятю выход из театрального фойе.

Часы на лестнице, 1868 Edward Lamson Henry (1841-1919, United States)

В этот момент Время представилось Антону Борисовичу в виде нагло ухмыляющихся часиков, откровенно издевавшихся над ним и над всей безупречно выстроенной им шахматной партии. И впервые у него возникло острое желание бить и бить эти часики ногами, чтобы окончательно убить это ненавистное Время, решившее работать против него.

Шахматная фигурка зятя вдруг обрела свою волю, понимая, как долго после всей его запланированной операции он не сможет увидеть эту пешку Каролину. Вопреки их договоренности, он не только поехал ее провожать, намекая ей, что некоторое время они должны побыть в «вынужденной разлуке», но и чуть не прокололся перед этой пустышкой при расставании. С едва сдерживаемым рыданием в голосе Мылин уговаривал ошалевшую

Каролину ничему не верить, что она может услышать о нем в ближайшие дни, а верить в их скорую пламенную встречу.

Длилось это прощание целых восемнадцать минут, поэтому при выезде на шоссе зять попал в небольшую пробку на двенадцать с половиной минут. В результате Антон Борисович получил два звонка. Вначале ему напомнили, что зять должен был явиться под камеры наблюдения самое позднее – еще двадцать минут назад! Ребята в отделении, ждавшие по договоренности сигнала с пульта – были, между прочим, не железные, а смена у них заканчивалась. Им уже несколько раз звонил и персонал горбольницы, который тоже не мог сидеть всю ночь в ожидании. Это уже начинало вызывать подозрения у всех непосвященных, а ведь всем свою долю поиметь хочется.

Второй звонок был еще хуже. Вопреки всем правилам и договоренностям позвонил Загоруйко.

— Антон Борисыч! Выручайте! – заорал он в трубку. – Мы уж тут на месте, Игнатенко я организовал ждать со свидетелями на автостоянке, все как договаривались. Они сейчас на стоянке напротив драматического театра сериал смотрят и за машиной Мылина следят.

— Ты зачем мне-то звонишь? – взбешенным тоном зашипел в трубку Антон Борисович. — Ты нас всех спалить хочешь?

— Да проблема у меня! – в отчаянии ответил Загоруйко. – Вы же потом все равно будете разговоры монтировать, вырежете кусок. Я ведь тоже не так просто звоню, все понимаю... Электролит я вчера во фляжку слил, водой развел, как вы говорили... а сейчас вспомнил, что дома фляжку-то оставил. Мы с Толиком пивную бутылку в мусорке нашли, головку срезали. Сейчас на минутку отлучимся! Толик предложил сгонять по-быстрому на заправку, купить там жидкость для аккумуляторов и минералку. Как-то надо выходить из положения!

— Вы что, совсем идиоты? – заорал Антон Борисович. – Он сейчас приедет уже! Раньше вы не могли вспомнить, что фляжку забыли? Стойте там, я сейчас сам подъеду!

— А откуда мы тогда возьмем... электролит? – тупо поинтересовался Загоруйко. – Вы же сказали, чтобы его не бить, что его в больнице будут ждать с химическим ожогом...

— Слушай, ты заткнешься или нет? Может тебя вообще заткнуть, чтобы не болтал лишнего? – сорвался Антон Борисович. – Моча – тоже электролит! Идите и посыте с Толиком, раз такие идиоты!

— Честно говоря, мы уж так и сделали, Антон Борисович, — радостно затараторил Загоруйко. – А потом Толик говорит, что вы можете обидеться,

если мы... совсем без электролита. Он говорит, все-таки же зять... неудобно как-то. Говорит, давай все же съездим на заправку...

В бешенстве Антон Борисович прервал звонок и начал быстро собираться к дому дочери. Когда он подъехал, то скорая и полиция были уже на месте, полицейские уже опрашивали свидетелей, из которых особо никто ничего не заметил.

Единственное, что его немного покорило, что кто-то из исполнителей все же решил немного подстегнуть время, поэтому звонок на пульт поступил немного раньше, чем к месту преступления все же соизволил явиться его зятек с бурных прощаний с Каролиной. Но все же и самого пострадавшего успели до конца смены доставить в больницу, где ему немедленно натянули на лицо общую повязку, склеив ресницы какой-то гадостью.

Из больницы позвонила расстроенная Даша, сообщив, что на Мылина напали, чем-то облили у подъезда. Она думала, что ничего серьезного, хотя он громко кричал: «Мое лицо! Что с моим лицом?» Потом начал кричать про глаза, вроде бы он никого не видит.

— А что у него с лицом? — сочувственно спросил Антон

Борисович.

— Да вроде ничего особенного, — ответила Даша. — По виду не скажешь, он все время снег руками захватывал, к лицу прижимал, пытался эту гадость снегом убрать. А врачи сказали, что это точно концентрированная серная кислота.

— Так и сказали, доченька? — подхватил Антон Борисович. — Ты слушайся врачей и всем то же самое говори! Врачи у нас не ошибаются!

— Папа, они тут все хихикают за спиной, — устало возразила Даша. — От Мылина так мочой пахнет... Мне кажется, это никакая не кислота, а моча. Я даже подумала, что это ты какого-то бомжа нанял... Спасибо тебе, конечно, но не стоило.

— Что ты, доченька! — возмутился Антон Борисович. — Разве я такое могу устроить? Я же стараюсь, чтобы у вас все было хорошо! Мне кажется, это связано с его профессиональной деятельностью!

— Ну, наверно, если это не ты, — отозвалась дочь. — Он там Каролину свою в «Лебединое» поставил, а она половину движений выполнить не может. А

дочку Аркадия Барабуля на танец с барабанами в «Баядерку» воткнул. Поэтому желающих нанять бомжа с мочой сейчас половина театра, начиная с Глашеньки и Марии Геннадьевны из гардероба.

— Дочка, ты больше не говори про мочу! – не на шутку испугался Антон Борисович. – Ты должна думать о детях! Как им потом жить, если все станут в них пальцем тыкать, что их отцу кто-то мочу в лицо плеснул.

— Ой, папа, я могу говорить все, что угодно! – ответила Даша. – Но куда денешься, если от нашей палаты сейчас на весь этаж мочой воняет? Привези чистые вещи из дому, хорошо? И это ссанье у нас забери! А то его переодели в больничную пижаму, он всем объяснил, что со страху обмочился даже.

— Дашенька, а кто полицию вызвал? – перевел тему разговора Антон Борисович.

— Не знаю, не я! – ответила дочь. – Мне охранник снизу позвонил. Я когда спустилась, то там уже полиция была и скорая. Мне кажется, не стоило это так раздувать, вполне бы обошлись без шумихи...

— Дочка, ты говори, что сама скорую вызвала, хорошо? – настойчиво сказал Антон Борисович.

— Да хорошо-хорошо! – в раздражении ответила дочь. – Кстати, папочка, мне Юлька звонила из кордебалета. Сказала, что там тебя видела. Всех полицейские допрашивали, а ты стоял в стороне, смотрел на все это и улыбался! Ты мне ничего не хочешь объяснить?

— Нет, дочка! – твердо ответил Антон Борисович. – Юле своей скажи, чтобы заткнулась в тряпочку, иначе из театра вылетит, как миленькая. А сама запомни, что я за тебя – кому хочешь глотку перегрызу! Ты меня поняла?

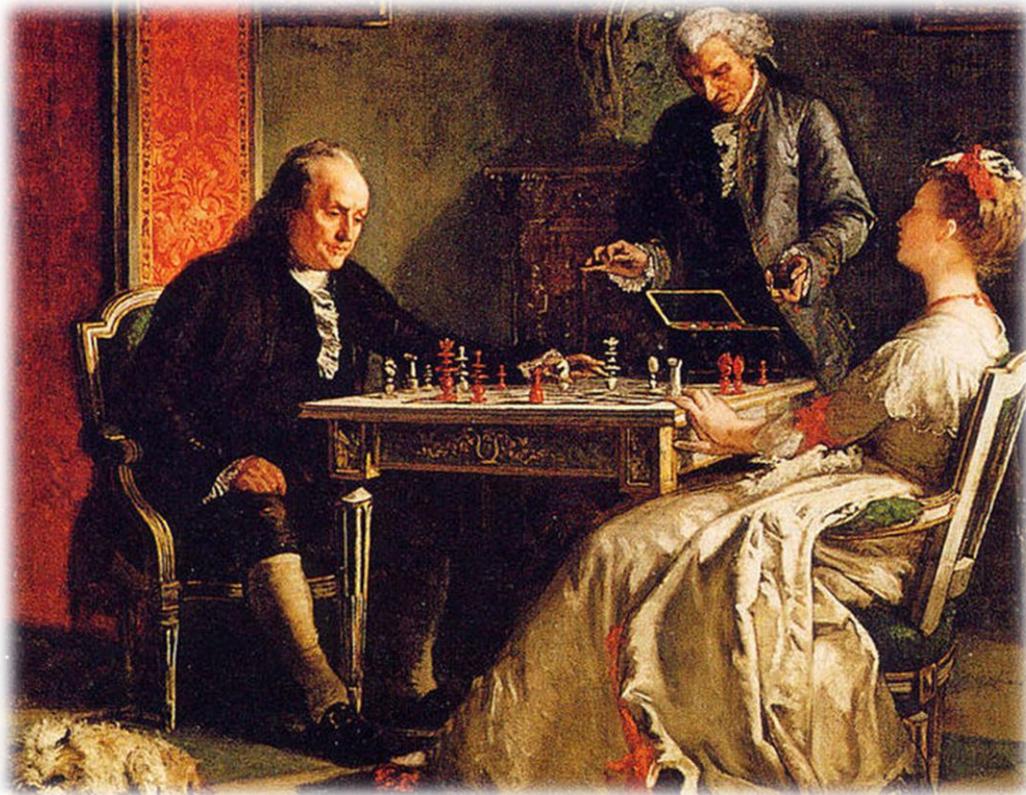
— Да поняла, — огрызнулась дочь. – Только и делаю в жизни, что вас всех понять стараюсь. Надоело!

Почти до утра он монтировал ролик камеры наружного наблюдения. Вернее вырезал из видео наружки марш-броски Толика и Загоруйко к мусорным бакам во дворе. Поссать в машине они тоже не могли и сделали это «за домом», попав под камеры крайнего подъезда, хотя схему всех «карманов» видеонаблюдения он дал Загоруйко еще до Нового года. К счастью, наружка не фиксировала звуки, поэтому на записи было видно, как к его зятю метнулась какая-то тень. Кадры, где Загоруйко можно было опознать, были им затерты или уничтожены. Зато было хорошо видно, как Мылин взмахнул руками, прижал их к лицу и что-то заорал.

Потом он тщательно составлял телефонные записи, которые могли понадобиться в любое время. Про себя он думал, что даже бесплатные омолаживающие процедуры не могли заставить его зятя пойти на эту «авантюру», как он сразу выразился, заподозрив недоброе. Антону

Борисовичу он так и заявил, что тот хочет вернуть его к дочери и лишит должности худрука балета. Объяснения, что только так можно покончить с балеруном Николаем, особого успеха не имели.

Benjamin Franklin getting mated by Lady Howe. Edward Harrison May (1824–1887).

Растрата зятем профсоюзной кассы подвернулась как нельзя кстати. Как и предполагал Антон Борисович, в планы зятя не входило разбирательство с профсоюзными активистами по поводу его вольного обращения с деньгами дачного товарищества «Услада». Оставалось лишь сгладить кое-какие накладки...

Тут опять раздался звонок с телефона дочери, но взяв трубку, Антон Борисович понял, что звонит зять.

— Антон Борисович! Мне глаза заклеили, я не видел ничего, а Даша вам звонить в коридор вышла, — с нескрываемым страхом без обиняков сказал Мылин. — Тут прямо в палату кто-то зашел, представился следователем. Говорит мне: «Рассказывайте, что произошло!» Я ему все рассказал, как мы договаривались, а сейчас Юлька жене позвонила, говорит, что ролик со мной с мобильного телефона уже в Интернет выложили!

— А как он выглядел? Кто хоть это был-то? — не на шутку испугался Антон Борисович.

— Мне его голос показался чем-то знакомым, — ответил зять. — Вернее, я такой его голос никогда не слышал, но тембр напомнил мне... одного старика-

лакея. А здесь его никто не видел! Может, просто не заметили. Он вообще такой, неприметный.

— Ты только не паникуй, это вторжение в твою личную жизнь, — успокоил зять Антон Борисович. — Мы эту пленку в передаче по первому каналу используем! Скажем, что ты им дал эксклюзивное интервью.

— Я все говорил по тексту! — похвастал зять, как мальчишка, ожидавший от него похвалы.

— Молодец! — ответил Антон Борисович упавшим голосом. — Не волнуйся, все наши договоренности остаются в силе. Каролина в первом составе на «Лебедином», а завтра к тебе весь бомонд явится. У тебя лицо надежно закрыто?

— Да, у меня такой шлем на голове! — успокоил его зять. Только голову побрили, а на лицо нанесли искусственный ожог. Я попросил, чтобы верхнюю губу не трогали, планирую усы отпустить.

— Хорошо, — равнодушно попрощался с зятем Антон Борисович. — Там полная процедура оплачена, все как договаривались! Будешь, как двадцатилетний. Главное, чтобы у нас были хорошие отношения...

— Спасибо, Антон Борисович! — с ноткой неожиданной благодарности ответил зять.

Без труда он нашел этот ролик в Интернете, удивляясь, как может бесконечно тянуться время, сколько событий в себя вместить, когда надо, чтобы как можно скорее начался новый день. Как это время убегало сквозь пальцы и просачивалось, не давая нормально провести запланированную операцию. А до двенадцати часов ночи он уже успел побывать возле дома зятя, засветиться перед какой-то

Юлькой, переговорить с дочерью, зятем, а в первом часу уже может полюбоваться роликом, где зять на камеру рассказывает, будто его хотели убить, а потом, плеснув в лицо едкой жидкостью, передали от кого-то привет и убежали.

Первое, что его поразило в этом ролике, была нескрываемая радость зятя, которую тот никак не мог скрыть голосом. Этого было уже не поправить. Подлый старик так и рассчитал, что все увидят полностью закрытое лицо

Мылина, якобы после «химического ожога», услышат его счастливый голос, который выдавал его с головой. Свободный доступ никем не замеченного старика в палату ожогового центра напрочь исключали версию о реанимации. А ликование в голосе Мылина будто говорило всем: «Все уже позади! Больше никто ко мне не будет приставать с этой «операцией» и «омоложением»! А главное, хрен вы меня здесь достанете со своими профсоюзными петициями!»

* * *

...А в это время пресс-секретарь Никифорова огрызалась по телефону: «Да! Театр! Да, у нас ЧП! А за всеми объяснениями – звоните нашей мировой звезде балета Николаю Илларионовичу! Да, записывайте телефон...»

Напротив нее сидел заместитель директора Мазепов, готовя заявления для прессы. Писать

заявления, думая про себя, какими же идиотами надо быть... Среди звонков Никифоровой было несколько каких-то явно подставных, выявлявших, что план Антона Борисовича явно давал сбой.

— А правда, что вашего худрука Мылина облили мочой? – поинтересовался какой-то старик у Никифоровой, от чего та принялась визжать в трубку про то, что старым людям надо совесть поиметь. На что трубка ей ответила: «Вам бы тоже не мешало святой водой в рожу плеснуть!»

— Слушай, что-то делать надо! – сказала она Мазепову. – Мы как договаривались? В социальной сети Facebook появляется лже-страничка Филина, где будут напечатаны его вскрытые телефонные разговоры. А мы скажем, что почерк один и тот же. Как и в том случае, когда была размещена ложная страничка театра, а на нее были выложены неприличные снимки из вскрытого телефона директора балетной труппы. И мы должны были подтвердить, что таким образом наш балерун Коля прорывается к власти.

— Да, подтвердил Мазепов. – А преступление мы должны были объявить «чисто женским», а в сеть должна была быть наполнена возмущением о сексуальной ориентации Николая. Вышла эта бесподобная «мадам Огурцова» и заявила, что сексуальная ориентация у нашего Коли абсолютно правильная, потому что при нем она – «чувствует себя женщиной». А половая ориентация всяких «хамов с помойки» ее нисколько не интересует, но она не потерпит, чтобы всякое ничтожество тыкало ей под нос «свою сраную ориентацию». Так что... никакого скандала нет и не будет.

— Почему? – заорала Никифорова. – У меня уже текст для директора готов про эту лже-страничку! Вот: «Заказчик был уверен, что публикация переписки Мылина породит раскол внутри театра, его руководства. Коля, кстати, врет, когда говорит, что Мылин называет артистов хорьками. Ничего подобного, я уверен, это была добавленная фраза самим нашим премьером!»

— Он, конечно, может это сказать, — замялся Мазепов. – Но рейтинги у странички были слабыми. Одиннадцать посещений в день с наших айпишников! Это же не скандал. Кому интересно, кого Мылин считает «хорьками»? Пришлось убрать...

— А кто это знает-то? – спросила Никифорова.

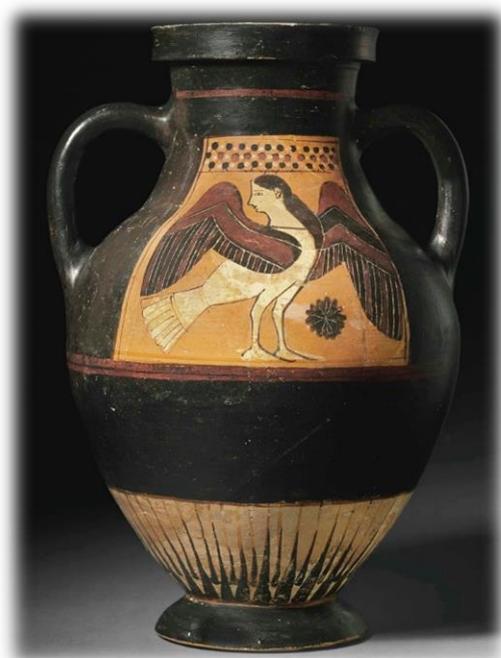
— Да уж кому надо, те Яндекс-метрику воткнут, не переживай! – отмахнулся Мазепов. – Мы пытались на подконтрольных форумах публику раскачать. Только сейчас ситуацию отслеживают так, что все душат в самом зародыше. Мадам Огурцова заявила, что не понимает, как это переписка телефонов Мылина дается без

сообщений «кривоногой балерунье Каролине», которая «не может пол пируэта из себя выдать», а ее ставят в «Лебединое озеро» первым составом. Потом заявила, что Коля наш уже снискал такую славу, что еще долгие годы люди будут идти только, чтобы на него посмотреть. И кем считает артистов Мылин, после того как поставил дочку хохмача Барабуля на танец с барабанами – так это и без его фальшивой переписки видно. Все в таком духе. У нее три подпевалы, они каждое ее слово разносят и от себя добавляют.

— И вы не можете справиться с четырьмя бабами? – недоверчиво спросила Никифорова.

— Это непросто, поверь! – заметил Мазепов. — Никто не рассчитывал, что сама «мадам Огурцова» этой ситуацией заинтересуется. Она никогда раньше про балет не писала. Ее прикончить пытались, всякие проблемы в реале создать... А когда это не вышло, сам не знаю, что произошло. Все, что она говорит, обладает какой-то силой. Каждый раз самому хочется ее фразу закончить: «Приговор окончательный, обжалованию не подлежит!»

— Надо выявить эту ее связь с нашим балеруном! Вообще у меня были предположения, что при этом случае надо весь Интернет зачистить! – мстительно заявила Никифорова.

— А я боюсь, что именно эта угроза и заставила ее оголить штыки, — возразил ей Мазепов. — Сейчас по любому поводу, касающемуся театра, все читают только ее! И не так важно, что мы скажем или сделаем, как то, что в результате скажет она!

— Ты сам должен понимать, что все это ерунда! — зло оборвала его Никифорова. — Делаем все, как договаривались. Это мы представляем театр!

— Уже нет, — тихо ответил Мазепов. — Она уже заявила, что театр — это Николай, а мы все — дармоеды и паразиты.

— Вот сволочь! — вырвалось у Никифоровой.

— Не то слово! — подтвердил Мазепов. — Причем, пишут эти огуречные дамы так, как не всегда за деньги пишут. Вернее, чувствуется, что пишут не за деньги. Значит, совершенно нельзя предположить, что они там напишут... Деньгами-то хоть как-то проконтролировать можно.

— Ну, так перекупи ее! — не выдержала пресс-секретарь.

— Боюсь, что после того, что с ней уже сделали, это не имеет смысла, — грустно усмехнулся Мазепов. — только сунемся — запалим всю операцию. Вот, прочитай, что я тут нацарапал.

Телефон Никифоровой опять зазвонил, она взяла трубку, но все ее раздражение мигом улетучилось от властного холодного тона звонившего мужчины: «Слушай, Окипета, вы совсем уж там? Почему новость о нападении индексируется в Интернете вчерашним днем? Вы заранее вот это напечатали?..»

Никифорова под действием голоса позвонившего на глазах вытягивалась в струнку так, как никогда не вела себя даже при директоре театра. Голос зачитал выдержку.

Нападение на Мылина, судя по видеозаписи, произошло в 23:07. Плеснув балетмейстеру кислотой в лицо, преступник сразу же убежал. Спустя четыре минуты пострадавший, пытавшийся все это время промыть лицо снегом, добрался до будки охранника. Артист попросил сторожа вызвать скорую помощь и позвонить его жене.

Дарья Антоновна прибежала к месту покушения на ее мужа уже через 11 минут. На кадрах видно, что Мылин находился в шоковом состоянии, он спотыкался, падал, поднимался на ноги и вновь валился на снег. Прибывшие

на место медики диагностировали у артиста химические ожоги кожи лица и роговицы глаз.

— Как эта заметка в газете могла появиться в тот же день? — тихо спросил Никифорову голос по телефону, от которого у нее остекленели глаза, а лицо будто смерзлось и превратилось в камень. — Кто занимался хронометром по минутам? Вы в курсе, что в полиции уже дали интервью на пленку, что вызов получили в 23:02, а выехали на место преступления в 23:05? Или думаешь, Каллиопа не поймет, что звонок потому и прозвучал раньше, что у этих гавриков смена заканчивалась? Ты понимаешь, что сейчас надо тянуть время, чтобы все это стерлось у всех из памяти?

— П-понимаю, — замёрзшими губами ответила Никифорова.

— Всех выгоняй нагнетать, поняла? — приказал ей нестерпимо холодный голос. — Чтобы перекричали всех!

Никифорова лишь беспомощно кивнула трубке, услышав гудки отбоя.

Мазепов хотел пошутить на счет ее очередного звонка, но осекся, увидев приоткрытый рот Никифоровой, из которого торчало множество слишком мелких и острых зубов. Взгляд ее словно повернулся вовнутрь, потому что зрачков он в ее глазах не увидел.

Множество глупых обрывочных мыслей пронеслось в его голове, пока она расправляла свои ужасные когти и крылья. По щекам потекли горячие слезы, в который раз он давал себе слово больше не засиживаться с пресс-секретарем по ночам... Опустив голову, чтобы не видеть ее абсолютно белых слепых глазниц без зрачков, он пытался взять себя в руки, чувствуя волны внезапно накатившего ужаса. И когда она одним рывком оказалась возле него, он лишь крепко зажмурился, безвольно опустив руки, пока в нем в последних конвульсиях билась преданная им душа.

* * *

— А правда, что вашего худрука Мылина облили мочой? — спросил телефонную трубку старик, сидевший в курульском кресле, украшенном медузиными головками по подлокотникам. Выслушав визги трубки про то, что старым людям надо все же совесть поиметь, он безмятежно ответил: «Вам бы тоже не мешало святой водой в рожу плеснуть!»

— Скажи, что ты делаешь? — спросил его внезапно появившийся в комнате молодой человек в белой тоге, обнажавшей его красивые руки с широкими браслетами. — Ты думал, что я не спрошу?

— Нет, я знал, что вы спросите, — пожал плечами старик. — Поэтому торопился хоть что-то сделать, успеть...

— Видео успел разместить в Интернете, насколько я вижу, — сказал Холодец, кивнув на раскрытый ноутбук. — Окипете успел отзвониться... И это все твои успехи на сегодня?

— Ну, кто-то успел и поболее меня, — ответил старик.

— Я тебя зачем оставлял? — сам себя спросил Гермес, сделав старику жест, что не нуждается в его ответе. — Даже каменю позволил тебе оставить! Я думал, что ты сможешь организовать не только очередной наезд на Каллиопу, но и... энергетов ваших. Чтобы они заставили ее отказаться от своей миссии и от жизни! Ты должен был еще в первый раз доказать, что раз человек придерживается какой-то «миссии», то он ненормальный и нуждается в принудительном психиатрическом лечении!

Последние слова красавец кричал так, что зазвенели стекла и вазочки в античной гостиной. Старику показалось, что фигурки античных героев на выставленных тарелках и черепках и черепках начинают оживать под действием гнева этого невероятно холодного и прекрасного существа, которому ему всегда хотелось покориться, чтобы навсегда окаменеть и раствориться в его воле.

«Mercury» (1611), Henrick Goltzius

— Я все так и делал, все испробовал, — ответил он на крик вечно молодого бога, удивляясь своему спокойствию. — всю жизнь я не давал старшим музам объединиться, поверить в себя. А с этой... какая-то промашка получилась. всю осень на нее шли наезды правоохранительных структур, а так получилось, что из-за того, что с нее первой начали отработку репрессивных мер, это как-то... притянуло к ней сущности других муз. Вернее, тех, кто мог ими стать. Надо было сразу понять, что лучше оставить ее в покое.

— Так и оставил бы ее... в покое! В вечном покое! — взорвался красавец.

— Но вы же сами сказали воздействовать на нее, нагнетать страх, — спокойно возразил старик. — Я же не виноват, что все старшие музы

объединись, так уж получилось. Они каждый вечер устраивали свои... сборища.

— Что ты несешь, какие еще сборища? — обернулся к нему красавец.

— Да по скайпу! — пояснил старик. — Они же бабы грамотные, осваивают новые технологии. Это мы... по старинке. А мы только начинаем воздействовать на нее на расстоянии, методики-то известные,

апробированные... а нам тут же ответ идет. Типа все вокруг ненавидят лжецов, воров и тех, кто мешает людям творить и самореализовываться. Так у нас первыми ушли самые молодые...

— Куда ушли? – опешил Холодец.

— Самореализовываться! – пояснил старик недогадливому гостю. – И каждый день были какие-то изменения. У нас в группе был один... ну, просто палач! Ему чужую душу только дай поистязать. Гипнозом на расстоянии владел просто мастерски! Он одно время даже в цирке выступал, между прочим.

— И что? – недоумевал гость.

— Ничего, тоже ушел в монастырь, — вздохнул старик. – Меня с собой звал... Но у меня ведь здесь дела нерешенные остались. Со мной тоже что-то такое начало происходить. Вначале я решил Мельпомене отнести камео. А потом начал за Мылиным следить...

— Зачем? – с искренним недоумением спросил Гермес.

— Да, я хотел внушить Каллиопе перерезать себе вены, как вы мне приказали, — ответил старик. — И, видно, попутно она меня прокачала, что аналогичное ожидает и Мельпомену. Тогда она приказала мне следить за Мылиным. Как она заметила: «Чтобы уравнивать шансы!»

— Значит, ты стал у нее на побегушках? – развел руками Гермес. — Камео он раздаст, следит за всеми, осваивает новые технологии... Фильм с Мылиным отснял – тут же в Интернет! Окипете позвонил, чтоб свое место не забывала! Молодец!

— Боюсь, что все это бесполезно, — с улыбкой ответил старик, видя, как Гермес нетерпеливо посматривает на свои перламутровые ногти.

— Отчего же? – удивился тот.

— А не знаю, — просто ответил старик. – Я как-то изменился... переформатировался!

— А давай проверим, — рассмеялся Гермес.

Он подошел к старику и попытался потянуть что-то на себя на расстоянии нескольких сантиметров от домашнего халата хозяина. Старик тоже следил за его удивительно красивыми пальцами. Но ничего не происходило, не возникало знакомого свечения, льнувшего к пальцам психопомпа.

— Ну, вот! – с удовлетворением сказал старик. – Сами теперь видите! Вы больше не мой проводник душ, я теперь во власти Либитины. Так мне и Каллиопа сказала. А ее мучал, я честно выполнял данное вам слово! И на сестер ее нападал... Они собирали круг и отбивались от меня. Так что все это бесполезно.

— И что же с тобой делать? — растерянно спросил красавец. — Опять отпустить? Или как теперь говорят, «понять и простить»? Чтобы ты Окипете названивал и гадости говорил?

— Не знаю, — ответил старик с грустной усмешкой. — Но я впервые ничего не боюсь... Мне она сказала, что когда «душа на месте», то я перестану... бояться зла. Она сказала, что все это было не потому, что я таким родился. Хотя всегда был в этом уверен. А потому, что я слишком сильно боялся зла. А у нее какой-то особый дар... делать все нестрашным и даже смешным. Ведь и сейчас с Мылиным что-то сразу пошло не так! Рано или поздно всплывает, что это была никакая не кислота, а моча бомжа из Подмосковья. Кислота — страшно, а моча — смешно! Да и зачем какие-то сложности с «выпариванием серной кислоты», если в любом магазине уксусная эссенция продается? Вы хоть в курсе, сколько преступлений совершено просто с уксусной эссенцией? Вы понимаете, что над вами просто смеются? Вы делаете глупости, всем заметные и очевидные и все ваше зло превратится...

Дальнейшего его гость выслушивать не собирался, он схватил старика за хрустнувшую шею и с силой выкинул его обмякшее тело в окно. Через разбитые стекла в комнату ворвался снежный вихрь, стало темно, и в лунном свете он увидел двух сыновей Подарги, зависших над фигуркой старика, распластавшегося на залитом кровью снегу.

* * *

Аделаида Саллес-Вагнер «Любовное свидание»

Приехав в понедельник вечером домой, Игнатенко застал дома заплаканную Гелю. Возвращаться в Москву ему не хотелось. Но зная, что Геля вся

измучилась ожиданием, уже звонила Славке и Васильеву, он, с тоскливым чувством загнанного в угол человека, молча собрал свои нехитрые пожитки, и поехал с ребятами домой.

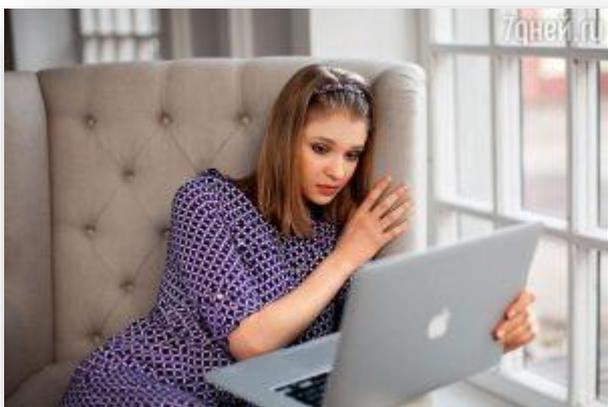
За ужином Геля на ноутбуке показала ему все, что за пятницу, выходные и понедельник наговорило руководство театра, какие заявления для печати сделали все, кто имел хоть какое-то отношение к балету.

Директор театра сразу же заявил о возможной причастности к нападению на худрука балета Мылина известного танцовщика Николая: «У меня ощущение только одно: все, что случилось, — это закономерный итог того беспредела, который создавался в первую очередь Николаем Илларионовичем. Поливание грязью театра и его сотрудников, постоянные интриги и уверенность в собственной безнаказанности — фон, на котором стала возможна эта трагедия».

— Геля, а ты же ночью мне это говорила, со слов Николая Илларионовича! Ему уже это заявили, — вспомнил Александр. — Директор-то что, заранее это заявление сделал? Странно... Пресс-релиза в три листочка от них не дождешься, а здесь они заранее заявления делают!

— Не знаю, Саша! — отозвалась Геля. — Нас всех на допрос вызывают. Николая Илларионовича уже привлекли к расследованию в качестве свидетеля. Сказали, что его будут допрашивать на детекторе лжи.

— Геля, прекрати реветь! С ним все будет хорошо! — сказал Александр, тяжело вздыхая.

— Статьи какие-то странные выходят, — всхлипывая сказала Геля. — Будто нарочно так пишут: «Премьер балета заявляет о покушении на Мылина: «Я тут абсолютно ни при чем!» Как так можно? А бывший министр культуры его везде называет «балерун». Написал статью: «Я бы этого балеруна давно уволил!»

Александр быстро просмотрел статью бывшего министра культуры, поняв, что началась настоящая кампания шельмования Николая Илларионовича. При этом Мылин превозносился, как «самой яркий персонаж из руководства театра»: «Удар был нанесен по самому яркому персонажу из руководства театра, самому публичному... это плохо репутационно для театра в целом: потому что повеяло чем-то декадансно-

позапрошлоговековым; в этом во всем есть какая-то демонстративная театральность, дурная провинциальность».

Игнатенко удивило, что повсюду мелькали ссылки и на заявления Антона Борисовича, который сразу же после покушения на жизнь Мылина прочно обосновался в театре.

— Геля, а почему во всех статьях интервью дает Антон Борисович?

— Не знаю! Но Юля из кордебалета вчера в раздевалке рассказывала, что видела его прямо там. Даша точно ничего не знала, она к Мылину побежала. А Антон Борисович смотрел на все и улыбался... А потом выложили такой ролик с Мылиным в Интернет... Все говорят, что не похоже на химический ожог, он был в плотной повязке. А в понедельник Каролина говорила, что Мылин сделает круговую подтяжку лица и уберет близорукость, тогда на ней женится. Ну, чтобы помолодеть.

— Ни фиги себе! – удивился Игнатенко. – Знаешь, я лично не могу избавиться от ощущения, что это какая-то подстава! Чтобы не отвечать за растрату профсоюзной кассы!

— Но у них все схвачено и согласовано! А Мылин заявил в газетах, что знает заказчика преступления, но назовет его имя только по согласованию со следствием, — сказала Геля. — Вот он уже заявил: «...это мужчина лет 25, плотного телосложения и в маске».

«Какая еще маска?» — подумал Александр, читая заявления Антона Борисовича разным СМИ.

*Тесть худрука Мылина заявил:
«Заказчик преступления
находится внутри театра!»*

*...мы застали тестя
пострадавшего, Антона
Борисовича, который рассказал
нам обо все, что произошло и
происходит сейчас с его зятем...
Худруку театра отомстили,
плеснув в лицо кислотой*

*— Антон Борисович, наши
соболезнования! Когда мы об
этом услышали, подумали, что*

это личное, ревность какая-то...

— Да ну что вы! Это все явная месть за то, что мой зять действительно работает и пытается что-то сделать в театре. И это особенно страшно!

Тесть главного балетмейстера театра Мылина также заявил, что знает, кто стоит за жестоким преступлением, и предложил напавшим на его зятя

добровольно сдать в полицию. По его мнению, заказчики преступления не оставят исполнителей в живых: « Думаю, исполнителям этого жуткого преступления нужно сегодня же явиться с повинной в полицию и признаться в содеянном. Их жизни реально угрожает опасность, поскольку за этим стоят очень серьезные заказчики... Они не оставят свидетелей, — обратился к преступникам через прессу Антон Борисович. — Мы, члены семьи, знаем, кто за этим стоит. Это люди, которые хотели или сместить Сережу с должности или сделать его подконтрольной фигурой. К сожалению, в театре сейчас творится беспредел из-за раздела власти.

— Слушай, Геля, а хоть кто-то нормально о нас пишет? – поинтересовался он.

— Да! Пишут! Какие-то странные женщины в Интернете! – ответила Геля. – Очень хорошо пишут. О бывшем министре написали, что – как отмененные деньги, он перестал появляться в театре. Замдиректора Мазепов вообще на больничном. А Никифорова и директор все сказали и как будто выдохлись.

— А чего ты тогда плачешь? – спросил Игнатенко виновато.

— Мне Николай Илларионович передал, чтобы ты тоже читал «огуречные» ресурсы и повторял все, что там пишут, — заплакала Геля. – А раз так, значит, он знает, о чем говорит. Он сам тоже сейчас все читает...

— Геля... любимая, — сказал Сашка, глядя на нежный профиль Ангелины, склонившую головку. – Вы догадались, да?

— Саша, я звонила Славке и Васильеву! Прости! – призналась Геля. – Потом, когда все надели на Николая Илларионовича, я рассказала, как ты пытался Мылину петицию вручить, как мне не нравился этот Загоруйко, который постоянно возле тебя крутился. И сказала, что ты собрался идти к следователям.

— А ты откуда знаешь? – удивился Игнатенко.

— Ты до утра во сне кричал, — сказала со вздохом Геля. – Ты кричал, что никого не просил «захерачить», что сам пойдешь в тюрьму... Ты ведь все мне расскажешь?

— Да, расскажу! – ответил Игнатенко. – А что сказал Николай Илларионович?

— Вот он и сказал тебе сидеть тихо, читать «огуречный» блог и портал! – ответила Геля. – Но сказал, что тебе нельзя им поддаваться, у них это какая-то инсценировка. Ты ролик-то посмотри! А Юлька сказала, что от Мылина сильно пахло мочой, а вовсе не кислотой.

Игнатенко посмотрел другие закладки на ноутбуке Гели. Из известных фигур в защиту Николая Илларионовича выступила одна балерина Владимирская, уволенная «из-за своего веса». Она заявляла, что в театре давно сложилась криминальная обстановка, а балетная труппа давно превратилась в псевдо-эскорт-агентство для богатых спонсоров: *«Устраиваются вечеринки для*

олигархов, для спонсоров. И они приглашают балерин из театра. Этих девочек приглашают не частным образом, а через администрацию театра. Девочкам говорят: если вы пойдете на вечеринку, у вас будет будущее. Если нет, то в следующую поездку вы не поедете. Ну и что они могут тут поделать? Я видела все это своими собственными глазами. И это говорилось совершенно открыто, ничего даже не скрывалось».

Никифорова пыталась оправдываться, но лучше бы в этом случае она молчала, потому что все ее оправдания звучали несколько двусмысленно: *«У театра много попечителей, и когда мы находимся за границей, бывают вечеринки, устраиваемые советом попечителей. Одна из лучших вечеринок была в Версале, туда было приглашено около 800 человек, включая танцовщиков театра. Проводятся и более скромные вечеринки, это правда. И правда, бывают вечеринки, куда приглашают танцовщиков, и мужчин, и женщин, и певцов. Что касается всего остального, то это абсолютно ложная информация».*

Melle Taglioni, dans la Sylphide.

Игнатенко знал, что саму Владимирскую моментально заткнули бы, заикнись она о таком раньше, поскольку она выкладывала свои эротические

фотографии в Интернет. Но об этих фотографиях никто не упоминал, потому что «мадам Огурцова» заявила, что на них балерина Владимирская на редкость красива, а потому грех такую красоту скрывать от общества, где столько всего безобразного.

Постепенно почувствовал уверенность и сам Николай Илларионович, заявив, что в театре: *«Постоянно, как в 37-м году при Сталине, организуют собрания против меня, заставляют людей подписывать письма против меня – вот неделю назад это было. И люди отказались, все педагоги отказались».*

А дальше он вообще высказал сомнения, что вещество, которым Мылину плеснули в лицо, было кислотой. Он заявил, что реакция всего окружения худрука показала, что все произошедшее с Мылиным, прежде всего, задумывалось как удар по нему. *«Если это, не дай Бог, была бы кислота, то еще много месяцев нельзя было бы открывать, и ничего бы такого, что мы видим, на лице бы не было».*

Никифорова, в отсутствии приболевшего Мазепова, у которого всегда находились слова для таких случаев, заявила, что у нее «нет слов», и выразила надежду, что Мылин вскоре вернется к своей работе в театре.

— А когда он вернется, — сказал Александр, за много дней тоже обретая уверенность, — Тогда мы спросим, как он потратил профсоюзную кассу!

* * *

В постоянном волнении минул январь, когда день начинался с нетерпеливого ожидания, что же там напишут в «огуречном» про их дела. Писали не всегда, и когда не писали, то Николай Илларионович, купивший себе планшетник, не мог скрыть своего разочарования.

В начале февраля у него уже возникла твердая

уверенность, что опасность физической расправы с ним миновала. Он признался Геле, что каждую ночь в конце января опасался, что к нему могут ворваться злоумышленники, чтобы инсценировать, будто он покончил в раскаянии за совершенное злодеяние.

— Или типа меня убрали мои «подельники», поскольку, как заявил Антон Борисович, «за этим жутким преступлением стоят очень серьезные заказчики,

которые никогда не оставляют свидетелей», — говорил он Геле, снова научившейся смеяться.

— Вы так смешно Антона Борисовича передразниваете, — заливалась она смехом.

— Я все жду, когда его, наконец, допросят с применением детектора лжи, он же так много об этом знает! А почему-то стараются допросить именно тех, кто вообще ничего не знает! — серьезно отвечал Николай Илларионович. — Мне кажется, что они ко мне все же пытались идти, да-да! Ты же знаешь, какой я осторожный и рациональный человек. А тут вдруг мне начинало казаться странной вся моя жизнь, непрерывная работа над каждым движением, диеты, классы, репетиции... И мысли явно не мои в голову лезли! Мол, зачем это все было? Я чувствовал такую тоску, такой холод... Сейчас в это даже сложно поверить! Но это страшные люди, поверь мне!

В начале февраля Мылина, который всюю давал интервью в больнице, как хорошо себя чувствует, как рвется «окунуться в работу», вдруг отправили на лечение в Германию. С ним поехала Даша, а Каролину Спешневу сняли с партии Одиллии-Одетты.

В конце февраля вышло несколько больших передач о происходящем в театре, которые были сделаны уже в полном соответствии с публикациями «огуречных» ресурсов. Тон в освещении нападения на Мылина поменялся, на публику уже никто не давил, будто произошло «жуткое преступление», а уже прозрачно давалось понять, что это некая инсценировка, призванная прикрыть очередные «финансовые махинации» в театре. Все публикации и передачи теперь начинались с того, что стоимость реконструкции театра возросла в шесть раз, а на потраченные средства можно было выстроить два современных аэропорта или четыре таких театра. Далее упоминалось, что именно против такой «вандальной» реконструкции, в ходе которой общество получило во многом непригодный новодел, и выступал премьер театра, подвергшийся за последнее время беспрецедентной травле.

На одну из таких передач Николая Илларионовича пригласила известная журналистка, которую он часто упоминал как «наша Эрато». Пригласила она и балерину Владимирскую. Узнав это, премьер немного помрачнел и сказал Геле странные слова: «Что-то после этой передачи произойдет! Они не терпят, когда три музы собираются вместе!»

И буквально на следующий день после эфира у него кто-то попытался проникнуть в квартиру. Полиция рылась у него дома почти два дня. А потом, так ничего и не найдя, полицейские сделали заявление, будто Николай Илларионович сам «испортил замок своим ключом».

Рембранд Харменс Ван Рейн (1606-1669). Ночной дозор. 1642.

Накануне восьмого марта, когда Геля и Саша уже не ожидали ничего дурного, в шесть утра к ним ворвались полицейские, устроив обыск.

С полицейскими зашел какой-то высокий моложавый мужчина, внимательно вглядываясь в Гелю. Пожалуй, он был удивительно красив, но Геле стало очень страшно. Ей было и так очень тяжело на душе, когда чужие люди рылись в ее вещах. Но с приходом этого человека на нее накатила особая тоска, какую ее мама называла «смертной». Геля старалась на него не смотреть, но чувствовала, что он направляется прямо к ней — по тому, как у нее начали холодеть пальцы на ногах.

Вдруг позади этого человека начали бить часы, подаренные Николаем Илларионовичем на Новый год. Тогда он с непонятной ненавистью схватил эти часы, бросил их на пол и начал давить ногами. Саша и Геля с ужасом смотрели на него, не в силах даже что-то сказать, потому что сама его выходка нагоняла на них ледящий ужас.

Этот человек внимательно посмотрел на Гелю и вышел.

Ничего не обнаружив, полицейские повезли Сашу, закованного в наручники, в его квартиру, которую никак не хотела освобождать Маргарита Леонидовна.

Геля за ними не поехала, но ей позвонила Юля из кордебалета и сообщила, что ужасная женщина, которая живет в квартире Саши, кричала на весь подъезд, будто Саша у нее ежемесячно вымогал деньги и оставлял симки, купленные на базаре у цыган. И что она это в суде всем докажет. Юля сказала, что женщина редко выходит из квартиры, но даже полицейские там долго быть не могли, там ужасно чем-то пахнет. А Саша им кричал: «Вы видели, во что она мою квартиру превратила?» А полицейские оттуда просто сбежали!

Геля до вечера ждала Сашу в отделении, потом пошла спать домой. А утром ей позвонила Юля и сказала, что ночью, видно, Сашку сломали, он сделал на камеру журналистам заявление, по всем каналам сейчас крутят и в Интернете выложили.

Геля полезла в свой ноутбук и с ужасом прочла, будто Саша на допросе сказал, что полностью раскаивается, что не хотел причинять такого

вреда Мылину, не планировал нападения таким изуверским способом, готов возместить причиненный худруку ущерб и просит простить его.

«Да, это я организовал данное нападение, но не в той мере, в которой оно произошло, — сказал полицейским Игнатенко».

Тут добавлялось для усиления эффекта, что Мылин, которому Загоруйко плеснул кислотой в лицо, получил сильные ожоги кожи и роговицы глаз, поэтому всем троем «злодеям» грозит не менее семи лет тюрьмы.

...Мылину пришлось делать несколько операций в России, а затем в Германии, куда худрука театра отправили после лечения в московской клинике. Зрение Мылина до сих пор не восстановилось до конца. Особенно сильно пострадал правый глаз, на момент отъезда из Москвы он видел лишь на 40 процентов.

По официальной информации пресс-службы столичной полиции, конфликт между Мылиным и Игнатенко произошел на почве разногласий, касающихся профессиональной деятельности худрука балетной труппы

— Николай Илларионович, сделайте что-нибудь, — плакала в телефон Геля. — Сашу взяли, меня к нему не пустили... Я там простояла до вечера, корреспондентов пускают, а меня нет...

— Геля, что я могу сделать? Ты же знаешь, стоит мне сунуться, они только рады будут все свалить на меня. А после программы, устроенной нашей Эрато, у меня... квартиру вскрывали... Подожди, а в Интернете об этом хоть что-то пишут?

— Та женщина с огуречных сайтов, которые вы все время читали, всего лишь один вопрос задала, как это злоумышленников поймали по телефонам, если исполнитель – рецидивист? Что, мол, у нас рецидивисты не знают, что цыгане на рынке торгуют симками в пять раз дороже, чем по паспорту? Тогда ей в ответ стали делать официальные сообщения, что Саша предварительно купил у цыган на базаре много симок, которые изъяли при обыске в его квартире, где живет эта ужасная Маргарита Леонидовна. А у нас денег не было за квартиру заплатить, а не то что на симки у цыган.

— И что она написала? – спросил Николай.

— Ничего не написала, — зарыдала девушка. — Просто написала одну фразу: «Спасибо, теперь мне все ясно!» И еще дала выдержку из письма анонима, который ей написал, что раз они ей вас жить оставили, так она за Сашу заступаться не должна, потому что «за все в жизни надо платить!»

— Геля, ты тихонько иди к моему дому, я пока нашей диве позвоню! — намеренно спокойно сказал девушке премьер. — Надо все же менять эту ситуацию.

Он вздохнул, нашел в телефоне нужный номер и стал ждать ответа.

— Я уже в курсе, — раздалось в трубке глубокое меццо вместо приветствия. — Видела Сашу по телевидению, его явно это заставили сказать без адвоката. Мне кажется, его сильно били, у него синяки под глазами.

— От них можно ожидать чего угодно! — с излишней горячностью заявил Николай.

— Теперь ты понял это? Помнишь, наш разговор накануне Нового года? – грустно спросила дива. — Знаешь, сколько я пережила почти аналогичных историй?

— Мне сейчас постоянно пеняют этими «аналогичными историями». Но пока никого не делали насильно уголовником! – ответил Николай. – Все время пеняют, не обращая внимания, что с нами ситуация иная! Мол, уходили и раньше, так же несправедливо, с обидой, но не судились с театром. А вот я подал иск в суд по поводу выговоров, которые мне вынесли за общение с прессой...

— Во-первых, на момент увольнения все эти артисты были гораздо старше тебя и без скандала бы не ушли, — резонно заметила примадонна. — А, во-вторых, никто им нарочно выговоры не выносил, чтобы уволить по статье и лишит всех надбавок к пенсии. Были политические увольнения, Наину вообще выдворили из страны, но она от этого выиграла в оперном статусе. Но ты никогда не влезал в политику и не использовал свою артистическую известность в политических целях.

— Я видел, как это ужасно смотрится, когда разные артисты начинают за кого-то агитировать, — сказал премьер. — Вообще посмотрел в детстве чтение опуса «Малая земля» тогдашнего Генерального секретаря КПСС известными драматическими артистами, мне стало так плохо, что после подобного афронта и мысли подобной не возникало.

— О! Ты еще не знаешь, что перед самым развалом СССР было знаменитое письмо в газету «Правда» артистов балета о нравах в театре, после чего подписантов по команде из ЦК уволили, — грустно рассмеялась дива. — История циклична. Но зря некоторые люди считают, будто на новом витке ее повторение будет в точности таким же – почти незамеченным обществом, с явной и безнаказанной несправедливостью. А все потому и повторяется, что в первый поступили несправедливо.

— А разве сейчас с Игнатенко, возлюбленным этой несчастной девочки, поступили справедливо? – возмутился Николай. — Разве он должен там сидеть? Или со мной в последнее время поступали справедливо? Ни один человек не вынесет потока хамства и вранья, вылитых на меня. У всего есть предел.

— Коля, ты хоть понял, что на тебя и половины не капнуло, из того, что тебе было уготовано? – поинтересовалась примадонна. — Ты ведь можешь судить по тем каплям, что до тебя долетали, что тебя на самом деле ждало. Поверь, если бы не Каллиопа, ты бы даже не решился в суд подать на этих злостных клеветников.

— Как они смеют заявлять в прессе, что я судился с театром? – не мог остановиться премьер. — Я что, булочками в переходе торговал? Театр — это

кто? В первую очередь артисты. В данном случае, я. Да, театр двести с лишним лет был до меня и много веков будет после, но, как бы кто ни крутил, последние два десятилетия связаны в балете с моим именем!

— Да, а с чьих слов ты это говоришь? – поддела его Полигимния. — Это же посланницы Каллиопы на оперном форуме отстаивали тезис «Николай – это и есть олицетворение театра, а не его директор, не имеющий профильного образования, абсолютно некультурный, путающий оперу и балет!» Коля, ты чувствуешь себя уверенно, потому что она следит за каждым твоим шагом. Я видела, что вся эта история с нападением на вашего худрука балета – направлена исключительно на тебя. В Игнатенко они вцепились, потому что не смогли тебя уничтожить, так хоть его...

Раздался звонок в домофон, Николай извинился и подошел у табло возле двери. Нажав на кнопку, он услышал знакомые всхлипывания.

— Геля, поднимайся и не реви! – мягко сказал он девушке. – Извините еще раз, тут ученица моя пришла, Геля Воронова.

— Будь осторожен, Николай! – с тревогой ответила дива. – Ты говоришь со мной, а сейчас к тебе поднимается не просто девочка Геля, а третья муза! Ты слишком погружен в свои судебные разборки за выговоры. Это очень психологически понятно, но этого они и добиваются. Однако сейчас ты начинаешь понимать, насколько опасно, когда собираются три музы вместе?

Сейчас же будет нападение гарпий, приготовься! Вспомни, что было, как только ты дал интервью Эрато вместе с Терпсихорой!

— Это я уже осознал, почти сразу после той передачи неизвестные лица пытались вскрыть мою квартиру! Двое суток не мог выйти на улицу, — ответил Николай. — Вместе с полицией приехали журналисты, они, как гарпии пытались ворваться в квартиру и караулили под дверью, не позволяя шага спокойно ступить. А полицейские воспользовались моей ситуацией и устроили настоящий обыск, все перерыли, хотя сразу было件件но, что взломщикам не удалось проникнуть в квартиру.

— Я думаю, они отпечатки Игнатенко искали, чтобы объявить тебя заказчиком всего этого кошмара, — заметила дива. — А ничего странного не было?

— Ой, знаете, было много странного! – начал вспоминать танцовщик. — Я молчал и никому ничего не говорил. У меня на серванте оказались часы

старинные с львиными лапками, но маленькие, не такие, какими я их себе представлял. Полицейские их не замечали, а часы потом оказались в спальне, а потом на кухне. Они начинали бить, как только я начинал слишком резко реагировать на вопросы полицейских.

— А потом? – спросила дива.

— А потом они исчезли! – ответил Николай. — Вы опять извините, я Гелю покушать устрою, она весь день не ела, похоже.

Эдмунд Блэр Лейтон, «Accolade», 1901

— Я уже тут подумала, Коля, — задумчиво сказала дива. — У тебя ведь в чем вопрос был? Почему об Игнатенко Каллиопа молчит?

— Ну, да, — смущенно засмеялся Николай. — По-человечески ее понять можно, выглядит это все ужасно. По телевизору на всех каналах крутят ролик, где Александр признается в покушении. Но, если она – муза, то должна понимать, что это тоже удар против самой нашей младшей музы, а она тоже достойна защиты.

— Как человек, Каллиопа вряд ли нам что-то должна, да, — заметила дива. — Но я тут, признаться, уже сделала несколько шагов со своей стороны. У меня

в Праге живет ученик, бывший тенор театра, вдовец. Ему под шестьдесят, у него дом, иногда он выступает. Заставила его зарегистрироваться в социальных сетях, хоть в нашем возрасте это достаточно смелый шаг. Он наладил общение с Каллиопой.

— О! Вы предвосхитили мои мысли! – рассмеялся Николай. – И как тонко подобрали нашего посланника! Я заметил, что она к тенорам равнодушна, причем, гораздо больше тяготеет именно к тенорам, чем к балетным премьерам.

— Конечно, я же женщина, — с удовольствием подтвердила Полигимния. — Человек он абсолютно свободный, полностью во власти ее очарования, постоянно приглашает ее в Прагу. Даже если она к нему не поедет, это же все равно приятно, милый пустячок. А главное, он передал ей мой вопрос о Саше Игнатенко. Она ответила, что у нее серьезные подозрения по поводу самого покушения, а уж о его причастности и говорить нечего. Про то, что его заставили признаться на камеру, не дав посоветоваться с адвокатом, я говорю с ее слов. Но она сказала, что ее защита не даст существенных результатов, если за Сашу не вступятся какие-то известные деятели искусств. Если этого не произойдет, то может потерять смысл и все сказанное ею раньше в твою защиту.

— Я подумал, что такой вопрос из Праги, мог как-то ограничить наше участие, — пояснил премьер. — Мы бы все повторили, как делали раньше.

— Ага, вошел во вкус? Это очень удобно, — грустно отозвалась Полигимния. — Сейчас уже не станешь говорить, будто не веришь в силу слова? Когда понимаешь, насколько оно нужное и спасительное, сразу забываешь все свое предыдущее недоверие. Но тут она думает о нашей защите, чтобы Игнатенко стал частью монолитной обороны, а не проломом в стене.

— Мне мои учителя всегда говорили, чтобы я никогда ничего подписывал, задумчиво ответил Николай. — Я никогда не подписывал никаких коллективных писем, которые вымогала администрация. Я твердо знал, что мой главный директор – Аполлон с нашей квадриги, а все остальное меня не касается. А сейчас вижу, что надо, наверно, последовать этому совету.

— Боюсь, Коля, это не совет, а приказ, — вздохнула Полигимния. — К тому же балетная труппа – это же дети, по сравнению с оперной. У нас голос раскрывается в полную силу к моменту вашей пенсии. Если его, конечно, раньше времени не сорвать. А детьми надо руководить. Так что успокой девочку, скажи ей, что мы поддержим ее Сашку. И давай прощаться, иначе она до дома не дойдет. Я уже чувствую, как все вокруг нагнетается.

— Вы знаете, а я это тоже чувствую! – признался Николай. — И мне начинает казаться, что если мы такое письмо напишем, сразу станет легче. Меньше

станет выговоров чиновников по причинам, никак не связанным с профессиональной деятельностью.

— И это тоже! – подтвердила дива. – Да пора показать всем свое человеческое отношение. А там – будь что будет!

— Опять, правда, все начнут делать из меня злого гения, мол, я такой беспокойный, конфликтный, — расстроился премьер.

— Да, после письма ты уже не скажешь, будто если бы тебя оставили в покое, ты бы молчал, — усмехнулась дива. — Но не дают, да? Именно потому, что в некоторых случаях молчать – подло, Коленька! Ладно, прощаемся, мне уже тоже часы звонят. До завтра!

Pietro Rotari (1707 — 1762) A Sleeping Gir, 1756/1762

Премьер вышел на кухню, где увидел свернувшуюся на стуле Гелю. Она спала, всхлипывая во сне. Возле чашки с недопитым чаем лежал телефон. Он взял ее на руки, и отнес в спальню, укрыв почти невесомое тельце мягким пледом. Потом вернулся на кухню и перезвонил по телефону Гели, найдя в списке контактов «Мамочка».

— Анастасия Кирилловна, это Николай! – сказал он в трубку ответившей женщине. – Вы не волнуйтесь, Геля у меня, она спит.

— Николай Илларионович, что теперь будет с Гелей? – почти неживым голосом спросила она.

— Все остались живы, Анастасия Кирилловна, успокойтесь! – ответил Николай и понял, что пытается утешить мать Гели в точности так же, как строго обрывала все разговоры о затянувшемся вокруг кошмаре Каллиопа. – А пока мы все живы, мы будем держаться и оставаться людьми. Как-то так, да?

— Конечно, Николай Илларионович! – ответила женщина, и Николай почувствовал, что она действительно приобрела некоторую уверенность от его слов.

— Завтра Геля проснется и позвонит вам! Спокойной ночи!

— Спокойной ночи, спасибо вам! – растроганно ответила женщина.

В гостиной на серванте зазвонили часы. Николай тут же направился к ним, чтобы она своим боем не разбудили вконец измученную Гелю. Потом он удивился про себя тому, что у него в доме вообще бьют какие-то часы. Ему никогда не нравилась эта современная мода, распространившаяся вдруг в домах его знакомых, когда во всех комнатах неожиданно начинали звонить на разные лады часы, как в музее. Это всегда напоминало о времени, поэтому он всегда сворачивал свой визит, считая неприличным отрывать хозяев от более важных дел.

Уже входя в комнату, он понял, что полночь во всю мочь отбивают те самые часы, которые неожиданно появились у него в квартире во время обыска, а потом так же внезапно исчезли. Больше всего его поражало, как этим часам удается одновременно чесаться львиными лапками и точно отсчитывать секунды.

— Впрочем, меня уже сложно чем-нибудь удивить после сегодняшнего задержания Игнатенко, — сказал он вслух самому себе.

— А чо тут удивляться? – протикали часики какой-то блатной скороговоркой. – Подстава, она и в Африке подстава. Тут на все удивляться – удивлялки не хватит.

— Вы, собственно, кто или что? – строго спросил Николай, решив ни в коем случае не поддаваться никаким гнусным инсинуациям тех, кто решил ему при обыске подкинуть говорящие часы. – Если это прослушка, то я категорически протестую против вторжения в мою частную жизнь!

— Это не прослушка, это временная затычка, — в том же тоне ответили часы. – Сейчас к вам Подарга с Холодцом намереваются вторгнуться. Тогда от вашей частной жизни останется шиш да маленько. Ты меня совсем не помнишь, Николай? Пои их, корми... потом они кричат, будто я – прослушка и вторжение в частную жизнь. Хамство какое!

— Нет, это я категорически возражаю против вашего же хамства и ответственно заявляю, что не имею понятия о подаграх и холодцах, — решительно заявил Николай, но, вспомнив что-то из недавних встреч и разговоров, резко снизил тон. — Нет, о Холодце я слышал... Да, о Холодце я имею понятие...

— Ну, хоть что-то, — вздохнули часики. – Они сюда уже ломились в тот день, когда ты после передачи у Эрато взял больничный и нарочно в театр не пошел. Практически дверь твою открыли, но меня здесь Эвриале оставила звонить. Одного! Представь картину маслом! Живопись называется, если ты позабыл случайно. Дверь начинает открываться, за ней – кошмарные, деструктивные хтонические чудовища, а одинокие героические часики начинают бой... Просто зашибись!

— А в полиции заявили, что я все нарочно придумал, чтобы «попиариться», — заметил Николай, пожав плечами.

— Да, это было бы то еще пиарище, — отозвались часы. — Но полицию вызвал правильно, полицейские их спугнули, они ночи на верхней площадке ждали, Николай. Сейчас такая история началась, что каждый играет свою роль.

— А сейчас-то им что надо? — сорвался премьер.

— Сейчас им надо девчонку прикончить, — пояснили часы. — Она пока не муза, ее очень удобно именно сейчас и прикончить. Они ж не думали, что она за чаем заснет...

— Кстати, а почему она так резко уснула? — подозрительно поинтересовался Николай. — Она бы такого себе не позволила! Она — крепкая девочка, может выдержать четырехчасовой спектакль! Так-так... или как у вас говорят? «Тик-так»?

— Чутьочку золотой пыльцы в чай — и крепкий сон хоть до финала всей трагедии обеспечен, — захихикали часики. — Веселитесь мухи с комарами! Судите меня, люди!

— Нет, это хамство какое-то, — заметил Николай. — А эта ваша Эвриале знает, чем вы занимаетесь? Вы же откровенно безобразничаете!

Вдруг в окна ударил настолько сильный порыв ветра, что зазвенели стекла, и сразу у нескольких машин во дворе включилась сигнализация.

— Ну, все, прибыли! — прошептали часы. — Надо уносить ноги! Кстати, хорошо, что не струсил и устроил пресс-конференцию иностранным журналистам! У них выхода другого не было, они и не хотели напрямую брать интервью, влезать в скандал. Им Каллиопа сказала, что если с

тобой что-то произойдет, то она

опубликует переписку с «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост» и сообщит всем, что они ничего не сделали, хотя она вполне ясно обрисовала ситуацию. У тебя они тогда и взяли интервью после ее угрозы.

— А зачем она им угрожала? — таким же шепотом спросил Николай. — С меня подписку о неразглашении брали и в театре угрожали, но я все равно решился, потому что один корреспондент сказал, что им письма были от «мадам Огурцовой».

— Потому что вся эта карусель – исключительно в твою честь, Коля! – тихо протикали часики. — К тебе должны были явиться все пять гарпий. Одну на плечах должен был внести... ну, ты сам видел. И картина маслом для тебя ими рисовалась достаточно гадкой: ты должен был перерезать себе вены в ванной, оставив записку, как ты раскаиваешься, что приказал своим подручным совершить ужасную месть над своим художественным руководителем. А сейчас, если мы срочно отсюда не улизнем, в ванной ты можешь оказаться вместе с Талией. Вот это будет феноменальное хамство! Прижмурься!

Николай послушно зажмурился, потому что ему и в самом деле становилось страшно и тоскливо. В комнате поползли тени, стало настолько зябко, что изо рта у него шел пар. Но ему уже не было дела до пронизывающего холода, до странных часов, с которыми он разговаривал. Ему показалась странной вся его жизнь, непрерывная работа над каждым движением, диеты, классы, репетиции... он уже не понимал, зачем это все было? Что он хотел кому-то доказать? Разве можно тронуть человеческое сердце музыкой, движением или словом? Его душу понемногу заковывало льдом, он медленно погружался в невыносимую тоску, потому что всем его надеждам не суждено было сбыться, его желания всегда были жалкими и глупыми, а жизнь не имела больше никакого смысла...

— Сюрприз! – обдало его вдруг чьим-то жарким соленым дыханием. — Просыпайтесь, маркиз!

Он с трудом открыл глаза, потому что вокруг невыносимо ярко светило солнце. Он сидел в домашнем халате на теплом песке. От набегавших волн намокал тапок на правой ноге, второй – уже качался на волнах, уплывая в открытое лазурное море.

— Ой, а что это такое? – услышал он знакомый голос позади себя.

Обернувшись, он увидел Гелю, с головою обмотанную шерстяным пледом. Она телепортировалась менее удачно, оказавшись по пояс в воде. Напротив нее осторожно пробовали воду львиной лапкой часы в милой соломенной шляпке с развевающимися розовыми лентами.

— Теплая! – удовлетворенно протикали часы.

— Где это мы, Николай Илларионович? – спросила его Геля. – Это такой сон, да?

— И правда, где это мы? – требовательно поинтересовался он у часов.

— На краю света! – торжественно пробили часы.

— Я только не понял, почему нельзя было сразу нас телепортировать, если вы обладаете такими возможностями? – выразил недовольство Николай. – Вы же видите, Геля замерзала! А со мной начали происходить какие-то ужасные вещи...

— Хамские? – уточнили часы. – Считайте, что надо было подманить их поближе. И приманкой выступали вы с Талией. Ну, не надо меня буровить вашим фирменным королевским взглядом! Мне приказано было Сфейно дожидаться. У них сейчас в вашей квартире происходит разговор по душам, если можно так выразиться. Или о душах, неважно.

— И что в результате останется от моей квартиры? – несколько сварливо поинтересовался Николай.

— От твоей квартиры? – искренне удивились часы. – Я думал, ты знаешь... Твоя квартира – это мусейон, жилище музыки. Если прочесть древний орфический гимн, обладая силой, ловушка захлопнется, мой дорогой. Ничего с твоей квартирой не будет, но все там спокойно смогут договориться, потому что те, кто решил попать справедливость, лишаются в мусейоне своей силы. Как два пальца об асфальт. Ферштейн?

— А мне можно купаться, Николай Илларионович? – спросила Геля, плескаясь водой.

— А ты разве не купаешься? – отмахнулся от нее Николай. – Купайся вволю, загорай, завтра будет трудный день!

— Мне просыпаться не хочется, — беспомощно отозвалась она.

— Придется проснуться, нам завтра надо собрать подписи в защиту твоего Саши, — серьезно ответил он.

— Правда? – счастливо улыбаясь, спросила Геля. – Тогда я непременно проснусь! Это просто здорово!

Она побежала по отмели, с силой топая по воде маленькими ножками. От нее во все стороны полетели теплые радужные брызги.

— Хамство какое! – сказали часы, прикрываясь шляпой от долетевших до них брызг.

— А о чьих душах пойдет речь? – спросил Николай, задумчиво глядя на полоску горизонта, где небо сливалось с морем.

— О тех, кто причинял музе душевную боль, — ответили часы, присаживаясь рядом. – Они уже променяли свою душу, получив за нее все, что хотели. Вернее, люди всегда думают, будто расплачиваются чужой душой, не

понимая, что этого им не дано, у них есть только один обол, хотя им кажется, будто весь мир придуман только для них.

— Как нам сейчас? – спросил Николай, блаженно растягиваясь на песке.

— Нет, не так, — захихикали часы. — Мы сейчас сливаемся с миром, чувствуем его совершенство. Нам вполне этого достаточно, пока душа отходит от ледящего холода страха. А потом нас охватывает желание сделать мир еще лучше, оставить в нем частичку себя.

— Звучит банально, — с горечью заметил Николай.

— Зато верно по сути, — откликнулись часики. — А те, о чьих душах сейчас идет речь в твоей квартире, они хотят весь мир заключить в пределах своей власти, сжать время. Мне всегда больно находиться возле них, они пытаются остановить время.

— Зачем им тогда души? – удивился Николай. – Я думал, что они делают все это... ну, когда уже у них совсем нет души.

— Нет, они ее сами заставляют молчать, — возразили часы. — Находят всякие оправдания, объяснения. Это сложный вопрос, хтонический. Человек вообще-то сам отделяет от себя собственную душу. Но Холодцу и гарпиям это не всегда выгодно, они бы предпочли, чтобы люди жили в таком... полу бездушном состоянии. Когда от человека остается одна оболочка без души, он тоже становится абсолютно... непригодным. Делает какие-то поступки, которые выдают его с головой. И гарпии им помочь не могут, они сами... какие-то стихийные, незавершенные. От полностью лишенных души начинают сторониться даже те, кто над своей душой уже проделал необратимые вещи.

— Почему? – почти риторически воскликнул Николай, наблюдая за облаками

— А ты вспомни те ощущения, когда в квартиру поднимался Холодец со свитой, а мы сидели и ждали, когда они подойдут поближе, — напомнили ему часы. — Это было то еще хамство, верно?

— Это было ужасно, — передернул плечами Николай. – Я, кстати, вспомнил эти ощущения, у меня с момента этого нападения на нашего худрука несколько раз такое накатывало. Потом я читал статью Каллиопы, и этот холод рассеивался. Становилось легче.

— Правда, что когда ее читаешь, слышишь канонаду, будто ты в окружении, а кто-то к тебе прорывается с боями? – с восторгом спросили часы.

— Правда, — согласно кивнул Николай. – Но это ощущение, когда душа леденеет...

— А сейчас здесь будет самый красивый закат! – невпопад сообщили часы. — Поэтому мы сейчас мы передислоцируемся по линии фронта во-он к тому чудесному местечку.

Николай обернулся в сторону, куда показывали часы, и увидел голых по пояс чернокожих людей в белых шароварах, накрывавших стол под белоснежным пологом, колыхавшимся под теплым бризом.

— Мне даже удивляться не стоит, это всего лишь сон! – в растерянности сказал он.

— А мог бы и удивиться хотя бы для приличия, — обиделись часы, поправляя шляпку. – Восемь чернокожих рабов-нубийцев доставили изысканные яства со стола султана Бахрейна, но мы не удивляемся! А что тут такого? Подумаешь, какой пустячок! А вот когда Сашку Игнатенко в кутузку садят, а он в телике признается, будто худрука заказал бомжу из Подмосковья за три тысячи рублей, тут мы удивляемся из последних сил! Это я, собственно, к извечному вопросу о хамстве.

Ettore Simonetti (1857-1909) Music in the Harem

Ответить Николай не успел, потому что на дразнящие запахи, источаемые барашком на вертеле с горными травами, шашлыками, восточными сладостями и какими-то диковинными блюдами с маринованными морепродуктами — уже мчалась с радостными визгами мокрая Геля. За собой она волочила плед, окончательно превратившийся в скатавшуюся тряпку.

— Между прочим, я этот плед в Лондоне покупал, — с укоризной в голосе заметил Николай.

— Между прочим, ты его на британских авиалиниях спер, — ответили ему часы. — Тебе для ребенка пледа жалко? Давайте, я вас к ужину переодену, чтобы вы из-за этого комка грязной шерсти не поссорились!

На ошеломленной Геле оказались шелковые шальвары, вышитые серебряной нитью войлочные полусапожки, прозрачное сари и килограмма полтора золотых украшений с цветными бриллиантами. Головку украсила остроугольная шапочка, усыпанная жемчугом, на острие которой красовалось пушистое страусовое перо. Николай оказался в белоснежном костюме

султана из фильмов-сказок, на каждом пальце у него оказалось по драгоценному перстню.

— Все перстни волшебные, на что попало желанья не трать! — предупредили его часы, устраиваясь за столом, где стояло четыре стула.

— А можно мне этот костюм себе оставить? Мне его Саше показать хочется, — наивно поинтересовалась Геля, явно не догадываясь, что прилагавшиеся к костюму бриллианты были вовсе не стразами Сваровски.

— Конечно, все вам и останется, — захихикали часы, видя, что Николай испытывает неловкость от бестактности своей неопытной ученицы. — Расслабляемся, релаксируемся, все оставляем себе! Да расслабься ты, Коля! Эти вещи хозяева назад уже не попросят! Они им уже ни к чему. Вы оставляете людям куда более ценные вещи — прекрасные ощущения от жизни. Это то, что они могут унести с собой! Слышал, выражение про материальные ценности, которые типа никому не достались? «Их поглотило Время!» Это как раз наш случай. Вот что захотим, то и поглотим! Хотите рабов себе оставить?

— Нет, у нас для рабства нет подходящих жилищных условий, — почти равнодушно ответил Николай, глядя, как рабы ловко сервируют стол для горячих блюд. — Вы нас, пожалуйста, рабством не развращайте! Мы и так страдаем от развратных типов, вообразивших себя султанами Бахрейна. Мы не рабы — рабы не мы!

Четвертый стул, украшенный вышитыми подушками с шелковыми кистями, так и оставался свободным. Вначале Николай с напряжением ждал очередного сюрприза, вернее, с нетерпением ждал Эвриале. Потом под

влиянием вкусной еды, предупредительно подаваемой самыми лучшими кусочками чернокожими улыбающимися людьми, он помимо своей воли настраивался на все более беззаботный и даже бесшабашный лад, втайне немного жалея, что его не видят сейчас те корреспонденты отечественных СМИ, которые любят описывать его «светские тусовки».

Огромное солнце, переливаясь немислимыми оттенками золотого, розового и алого, медленно опустилось прямо в море. Часики щелкнули львиной ножкой, и чернокожие люди с белозубыми улыбками завели патефон. По всему пляжу разносились звуки старинного танго про утомленное солнце, которое нежно прощалось с морем. Начало быстро темнеть, но над шатром зажглись разноцветные бумажные фонарики, покачиваясь на ветру.

-Я такое видела в Италии, когда по молодежной программе туда выезжала, — нарушила блаженное молчание Геля. — Но у нас тогда денег не было. И нас все равно бы туда не пустили, наверно.

— Цыган позвать, что ли? — лениво откликнулись часики. — Но эти цыгане потом привяжутся, прилипнут, начнут повсюду за нами бегать с симками для телефонов, гитарами и цветными юбками... Нет, обойдемся на этот раз без цыган. Тяжело нам будет, конечно без цыган, особенно первое время, но мы...

— Нет, какие цыгане? Ведь обо всем заранее договорились! — раздался возмущенный женский голос, и Николай с замиранием сердца увидел, что на незанятом стуле с вышитыми подушками появилась Эвриале. — Почему нет танцпола с филармоническим оркестром? Патефон... цыгане... еще бы самодеятельный хор какого-нибудь сельпо пригласил — с песней про родного Ленина, который «всегда с тобой».

— Леннона? — подобострастно переспросили часики, явно не расслышавшие последней фразы Эвриале. — Да прямо шазз, какие проблемы, мин херц?

Николай повернул голову и увидел, что все рабы, бросившие свои прямые обязанности, сгрудились у импровизированной сцены, где зажигали совсем молодые и еще никому неизвестные парни из «ливерпульской четверки». Геля с визгом побежала по направлению сцены, над ее головкой подрагивало большое белое перо.

«Свет гарема» Чарльз Уинн Николс

— Коленька, — здравствуй! — повернулась Эвриале к Николаю с улыбкой, доставая хрустальный флакон. — Вот девочку вашу сейчас окончательно превратим в музу комедии и легкой поэзии. Талия, «Цветущая» — это про нее!

— А как-то раньше это сделать было нельзя? — проворчал Николай. — Девчонка сегодня пережила такой ужас! Просто ужас-ужас-ужас! У них обыски были, потом ее любимого человека в тюрьму отвезли, а ее на улицу выгнали... Она веселится, потому что думает, что это такой сон. Где еще такое можно увидеть?

— Да, такое можно увидеть только во снах, хранящих душу, — подтвердила Эвриале. — Когда-то у людей все сны были именно такими, моя младшая сестра преграждала путь ночным страхам. Но ты зря переживаешь за свою младшую сестру! Вообще, что такое комедия? Она дает возможность посмотреть на себя со стороны, чтобы, в конце концов, посмеяться над своими ошибками, а не возводить их в «мудрость нашей жизни». Смех намного опаснее для всех страхов, потому что Каллиопа обладает нынче необычайно сильным даром смешного, на грани с фарсом. Ничего не поделаешь, комедия — это школа жизни, и мы, играя свои роли, можем извлечь уроки, которые приведут нас к скрытой в нашей душе сути. Посмотри! Эта девочка после пережитого ею — даст возможность познать истинную цену комедии и улыбки.

— Не знаю, пожал плечами Николай. — Я привык относиться к комическому жанру...

— Пренебрежительно? — догадалась Эвриале. — Асклепий, сын Аполлона, которого вы знаете как Эскулапа, говорил, что до ножа хирурга человек должен попробовать излечиться трагедией и лекарственными травами. Но после хирургического вмешательства поставить на ноги его может только комедия! Только несчастный человек навсегда остается без тени улыбки на лице.

— Мне казалось, что древние говорили «В здоровом теле – здоровый дух!» — с долей сарказма ответил Николай.

— Но они хорошо знали, что все болезни начинаются с тоски и холода, проникающих в душу, — невозмутимо ответила Эвриале. — У Асклепия был трактат, описывающий этапы лечения, он состоял из трех глав, посвященных целебному действию трагедии, лечению травами и гомеопатии, а только последней шла глава о хирургии. Если душа оказывалась уже глухой к трагедии, он считал, что и

лечение тела во многом становится

бесмысленным. Болезнь приходит к тем, кто не имел дара божественного катарсиса трагедии. На сопереживании душа человека становится чище... Но Мельпомена и Талия – две музы, увенчанные виноградными листьями, они ближе всех к культу Диониса, прорывавшемуся в бесчинствах вакханок. Перед закатом Римской империи, при становлении христианства с этим культом боролись на государственном уровне. В стихийных плясках с полуголыми вакханками и мужчинами, изображавшими сатиров, которые символизировали сатирическое отношение к самим себе, — отогревались человеческие души, из них уходили страх и тоска. Комедия и трагедия шли рука об руку в этих немислимых шествиях. Когда считалось, что вакханок нельзя тронуть, иначе отомстит Дионис. И вся эта мощная культура начала стремительно катиться к своему закату, как только законодательно было разрешено казнить на месте любую вакханку, каждого, кто станет представлять сатира перед толпой.

— Но ведь вакхические традиции ...это, наверно, немножко бескультурье, — осторожно заметил Николай.

— Рассуждаешь сейчас, как Холодец! Он всегда подчеркивал свою близость к «искусствам и ремеслам», имея, прежде всего, в виду ювелирное искусство, несколько пережимая его сомнительную «элитарность», — улыбнулась Эвриале. — Ты же понимаешь, что это – всего лишь снобизм глухого душой нувориша, старающегося определить всему цену. Поэтому и все виды изобразительных искусства раньше относили всего лишь к ремеслам. Искусством в античности считалось то, в результате чего возникал нетленный нерукотворный образ и запечатлевался в душах, делая их по-настоящему богаче, полнее. А такого рода вещи должны пройти испытание временем.

Они посмотрели на стул, где только что восседали часы, но стул был пуст, а часики тряслись на бронзовых львиных ножках под шейк возле Гели. Она что-то радостно орала и запрокидывала стройные ножки в костюме из балета «Баядерка».

— Аполлон при этом осуществлял связь этого художественного образа с небом, а Дионис придавал ему страсть и связь с землей, — продолжила Эвриале. — И эту связь воплощали Мельпомена и Талия с венками плюща на голове. Вместе вы олицетворяете театр жизни, жизненный опыт. И сегодняшний сон у моря – это та маленькая награда за то, что вам приходится пережить, чтобы соединить в себе небо и землю.

— А это... важно? – спросил Николай, в душе которого кольнули не растаявшие до конца острые льдинки ночных страхов.

— Коленька, это всегда было крайне необходимо! – засмеялась Эвриале. — Не верь этим сомнениям, они от абсолютно бесчувственного Холодца, от его зависти ко всем живым, способным в своей душе сотворить целый мир. Ты даже не знаешь, до какой степени он завидует даже возможности испытывать душевную боль, не говоря о более высоких и сладостных чувствах! Вы говорите о них вместе с Талией, олицетворяющей любовь ко всему существу, саму юность жизни! Веселись, пока молод, познавай жизнь и люби ее – когда придет зрелость!

К столу подбежала абсолютно счастливая Геля, закатывающаяся почти безумным хохотом, одной рукой она схватила деревянный шампур с источавшим сладостные ароматы шашлыком, а другой – вцепилась Николаю за руку и повлекла за собой к шелестевшему темному морю, отливавшему бирюзой. Там «битлы» в закатанных до колен черных брюках исполняли свои старые хиты. Эти песни слушала когда-то его мама на заграничных пластинках, которые раньше вместо симок продавали на рынках цыгане вместе с помадой и тенями для век. Краем глаза он увидел, как улыбающаяся своим мыслям Эвриале щелкнула ногтем по хрустальному флакону Талии – и в нем неистовой силой за клубился золотой песок.

17. Каллиопа

Elisabeth Louise Vigée Lebrun — Madame de Staël as Corinne 1808

*Сойди же с неба, о Каллиопа, дай,
Царица Муз, мне долгую песнь — пускай
То флейты ль звук, иль голос звонкий,
Дивные ль струны кифары Феба,
Вы слышите? Иль сладко безумье так
Прельщает слух и зренье мое?..*

Квинт Гораций Флакк «Ода Каллиопе»

Иногда ей казалось, что до зимнего равноденствия ей не дотянуть, когда постепенно иссякало присущее ей упрямство. Все ближе к ней прорывались успокаивающие вкрадчивые голоса: *«Зачем тебе это надо? Смирись... Будь как все! Ведь это ненормально, думать, будто что-то может зависеть от того, что ты напишешь. Клинические особенности бреда мессианства при психических расстройствах шизофренического спектра как раз и предусматривают возникновение озарения, пророчества, откровения, видения, экстатические переживания, глоссолалии... Они известны не одно тысячелетие. Они неоднозначно воспринимаются в психиатрии... Стоит тебе проговориться кому-то о том, что ты видишь и чувствует, пожизненная психушка тебе обеспечена! Если за шесть тысяч лет человечеством не выяснено, при каких условиях эти состояния являются выражением религиозного опыта, а при каких относятся к психопатологии, так ты думаешь, будто ваша районная психиатрия будет лбы разбивать*

ради тебя? Всем надо раз и навсегда избавиться от тебя! Смирись! Зачем тебе это надо?.. Будь как все!»

Она могла определить разницу между проекцией чужого сознания и собственными размышлениями, поскольку долго анализировала, как мыслит человек, когда на него никто не пытается оказать давление вполне апробированными методиками гипноза на расстоянии. Чужая назойливая мысль не могла передать воспоминание, образ. Вернее, можно было при определенных усилиях вытащить какие-то странные обрывочные образы, стоявшие за мыслью про «бред мессианства».

Одно время ей это было даже любопытно, поскольку такое словосочетание она слышала лишь от прокурорши, изображавшей при ней психиатра-эксперта, но знала, что как раз употребление таких терминов при подэкспертном является признаком непрофессионализма.

Странно, но за чужими мыслями, давившими на ее сознание строго в рабочее время с перерывом на обед, — возникали какие-то картины, которых она точно раньше нигде не видела и уж точно не могла помнить. Будто кто-то, честно отработывая свой хлеб гипнозом на расстоянии, тащил свое форматирование, не совсем сумев очистить мысль от собственных переживаний, занимавших его намного больше ее психического здоровья. При этом люди, донимавшие ее угрозами «экстатических переживаний» и «глоссолалий», не учитывали, что все ее «видения и озарения» подвергаются немедленной обработке, накапливающей материал для создания очередного романа. И первым критерием этой обработки являлся вопрос, насколько точно любая мысль соответствует сверхзадаче ее нового романа. «Стать такой, как все» — больше соответствовало ее же образному определению «Ни на звезду, ни в Красную Армию», поэтому тут же перемещалось в «сомнительные сообщения».

«Такие, как все» — не составляли предмет искусства, а уж тем более литературы. Ведь дальше надо было конкретизировать признаки этих «всех». За чужой мыслью шел образ копошащейся серой массы нагих, скрюченных тел, в мешанину которых ее пытались загнать. Там не было ее героев, там царили холод и немота.

Пожав плечами, она подумала, как сами служащие, пытающиеся воздействовать на нее психологическими методами, представляют свою жизнь? Она тут же получила образы каких-то погонов с новыми звездочками, удостоверений, машин, просторных квартир... Она увидела продуктовые прилавки дорогих магазинов, ювелирные витрины бассейн в турецком отеле... Среди этих ярких образов приземленных мечтаний, которые могли воплотиться за дератизацию ее сознания, — она обнаружила несколько ярких видений птиц с женскими головами, у одной из которых были медвежьи лапы. И каким-то осторожным взглядом, будто человек очень боялся прямо

глядеть на этот свой «глоссолалий», она увидела очень красивого молодого человека, развалившегося в старинном кресле.

Он был удивительно, неправдоподобно красив... Но от него веяло таким нестерпимым холодом и вечной пустотой, что она по-настоящему испугалась.

На столе перед ней всегда стояла свеча, которую она зажигала всякий раз, как только попытки манипуляций ее сознанием становились сильнее. В самих этих наездах не было никакой мистики или «экстатического переживания», эти методики использовались и малограмотными деревенскими ведуньями. Правда, никто раньше подобное не использовал на «промышленной основе», создавая целые отделы еще в советское время, поскольку раньше все же люди, пытавшиеся «незаметно» уничтожить свободу совести, данную каждому свыше свободу выбора – понимали, что при этом наносят непоправимый ущерб собственной душе.

В сущности, весь ее личный «бред мессианства» заключался в попытке помешать проведению массовых обработок общественного сознания проекциями, лишавшими людей самой возможности творчески воспринимать собственную жизнь: *«От нас ничего не зависит... В этой стране всегда уничтожали все лучшее... Раньше было еще хуже... Надо жить неприметно... Нельзя высовываться... Ведь мы же лучше жить стали... Тебе нет дела до государственной собственности, это же не твое личное... Нехорошо завидовать чужим деньгам... Какое дело тебе до этой страны... Народ сам этого захотел... У нас не народ, а стадо дебилов... Наш голос никто не услышит... Ты никому ничего не докажешь... Зачем создавать проблемы...»*

Здесь просто следовало пробудить искренний интерес людей к собственной жизни, к жизни своих родных, к их настоящей памяти, к истории и, культуре... Но главное, следовало всего лишь задаться вопросом: «А от кого я все это слышу?», и морок немедленно рассеивался.

Она едва смогла пережить первые сутки, когда, кроме различных «правоохранительных» неприятностей в реальной жизни, на нее внезапно обрушилась вся мощь этих живых трансляторов. Очень сильные в методиках манипуляций люди поначалу транслировали ей одну и ту же мысль о самоубийстве. Тогда впервые она попыталась закрыть свое сознание образом,

неизменно возникавшим при чтении старинного орфического гимна, посвященного музам.

*Зевса гремящего и Мнемосины прекрасные Дщери,
О Пиериды, Вы славой покрыли просторы Вселенной.
Многообразные, Вы воплощаете чаянья смертных:
Ум, добродетель, талант и учености дар благодатный.
Вы направляете ум и пути указываете духу.
Речи внушаете смысл, окрыляете гением разум.
Вы же и смертным пути проложили к священным обрядам.
Вот они, Муз имена: Мельпомена, Эвтерпа, Эрато,
Клио — истории глас, Терпсихора и Талия; также —
Пылкой Полигимнии лик и небесной Урании мудрость;
и Каллиопа, чей сын — достославный Орфей.
Вместе с Ней — Агна, Богиня, что мир осеняет своей добротой.
Дивные Музы — венок из весенних цветов ароматных.
Как Вы приятны для всех, посвящаемых в таинства наши.
Дайте же мистам успех и усердие в пении гимнов!*

Подобные попытки манипуляций сознанием она относила к разновидности мистерий, которые были известны еще в Древней Греции. Некоторые люди рождались с определенными способностями, которые в античности старались использовать для достижения духовного просветления. Для исполнения особых гимнов, получавших название «орфических» в честь Орфея, сына музыки Каллиопы, — отбирались мисты, младшие жрецы, новопосвящённые в таинства религиозных обрядов. Во время священнодействия мисты, в отличие от непосвященных, носили на головах миртовые венки, а на правой руке и левой ноге — повязки пурпурного цвета.

Перед мистериями эти жрецы долго постились и ночевали в храмовых приделах. В дни празднования мистерий им запрещалось употреблять в пищу мясо птицы, рыбу и бобовые культуры, считавшиеся нечистыми. В качестве пищи они получали только скромное подаяние – кусочек мяса жертвенных животных, сушеные фрукты и воду. Им запрещалось находиться близко к месту, где незримо присутствовали мойры, богини судьбы, управлявшие рождением и смертью. Они не заходили в дома, где женщины ждали рождения ребенка, не принимали участие в погребальных церемониях. Каждое их слово, любой отточенный жест были направлены только к тому, чтобы души присутствующих могли расправить крылья и воспарить.

Плутарх писал, что своё название мисты получили от формы обряда посвящения, когда они должны были держать глаза и рот закрытыми, чтобы сама их душа могла вступить в мистическую связь с сущим. Считалось, что мисты, лишь начинавшие жреческий путь духовного служения, «видели вещи такими, какими они только кажутся». Но на определенном этапе у большинства мистов, участвовавших в мистериях, происходило духовное

прозрение или, как это называли бы в отделах, занимавшихся «промывкой мозгов», — психическое расстройство шизофренического спектра. Такие мисты, начинавшие «*видеть вещи такими, какие они есть*», становились жрецами более высокого ранга, — эпопами.

Jean-Honore Fragonard (1732 — 1806) Coresus Sacrificing himself to Save Callirhoe

Жрецы-эпопы освящали общественные собрания и театральные действия. У них философы и писатели получали наставление и благословение на создание эпических произведений, с ними судьи обсуждали приговоры в наиболее сложных делах, стараясь избежать судебной ошибки, что могло разгневать неведомых мойр, решениям которых подчинялись не только люди, но и боги.

Все эти мифические сведения, за которые отчего-то особенно цепко держалась ее память, — в окружавшей реальности могли быть запросто признаны клиническим признаком ее сдвига по фазе. Но стоило ей прочесть орфический гимн, припомнив круг девяти муз, как тут же ослабевал натиск граждан в погонах, решивших на свой лад перестроить ее личное восприятие жизни. При чтении последних строк она старалась представить полет стаи птиц над бескрайними просторами Океана. Всех, кто пытался проникнуть в ее сознание, она пыталась увлечь мыслью, как невыразимо прекрасна жизнь, какое счастье — нестись над самой ее изменчивой гладью, в полную эпическую мощь, расправив свои крылья... Постепенно все, кто гнался за ней, отставали, а пламя свечи, горевшее вначале голубым холодноватым огнем, готовым в любую минуту погаснуть, — разгоралось ярче.

©Книжная лавка <http://ogurcova-portal.com/>

...Когда-то в детстве она читала сказку «Счастливый конец». В ней рассказывалось, как одна девочка случайно попала в книжку волшебных сказок, у которых госпожой Скукой были похищены счастливые концы. В книге постоянно длился один и тот же день полного торжества героев, замечательно устроившихся за чужой счет. А те, за чей счет они жили, постепенно теряли надежду, проникаясь мыслью, будто это и есть их настоящая жизнь, забывая, что в сказках всегда бывает счастливый конец.

Уничтожить вырванные страницы было нельзя, иначе бы распалась сама ткань повествования, навсегда исчезли бы как положительные, так и отрицательные персонажи сказок. Но можно было

аккуратненько оборвать сказку на середине, надежно спрятав странички, остановив, таким образом, время. Однако стоило найти вырванные из сказки странички и дать прочесть их нескольким читателям, искренне переживавших за героев, так время начинало стремительно наверстывать свое вынужденное бездействие.

Больше всего ее тогда поразило поведение доброй Феи, которая должна была явиться ко всем своим героям и помочь найти единственную дорогу к счастливому концу. Но Фея, уставшая быть сразу в нескольких местах, постоянно подставляя под удары чужой судьбы свое эфемерное тельце... вдруг поняла, насколько и ее саму устраивает пропажа счастливых концов. Она стала приятной во всех отношениях дамой, не склонной пускаться в неожиданные приключения и совать нос в чужие истории, которые ее абсолютно не касались. Возле медного таза она варила ароматное малиновое варенье, и розовые тугие пенки к чаю у нее были каждый день. В ее саду, куда однажды забрела маленькая Герда, всегда царило лето, а ягодки малины всегда сами собой падали с сердцевинки в эмалированную кружку с нарисованной мельницей. Соломенная шляпа с множеством цветов и бусинок висела у входа в хорошенький уютный домик с черепичной крышей, а в небе над ее маленьким раем не собиралось ни единого облачка. Варенье она помешивала волшебной палочкой, которая была ей теперь абсолютно ни к чему. И чудесная песенка о тихом заслуженном счастье радовала каждого путешественника, любовавшегося издали черепичной крышей, утопавшей в освещенной солнцем зелени.

Когда-то ей страшно не понравилась добрая Фея, изменившая своему назначению. Но с возрастом она начала сомневаться, смогла ли она, оказавшись на месте доброй Феи, сделать другой выбор?

Впрочем, небольшой трехэтажный домик, где иногда устраивались «Огурцовские чтения» для читателей ее блога, был и у нее. И довольно часто она представляла себя за варкой малинового варенья в своем чудесном саду, где ничто не отвлекало бы ее от блаженного покоя. Стоило лишь навсегда отказаться от своей волшебной палочки и окончательно погрузиться в объятия скуки, — время бы тотчас остановилось для нее.

Время... Сколько раз она убеждалась, что главным персонажем любого ее романа или самой небольшой сказки — всегда является время. Нельзя было недооценивать время. С детства она смотрела на свою линию жизни, испытывая гнев и беспомощность от того, что ее время стремительно заканчивалось. Ее увлечение сказками было вынужденным, времени на новый роман у нее уже не оставалось.

John Anster Fitzgerald — The Fairies' Banquet

Хотя мало бы кто понял подобное отношение к литературным персонажам, но оставлять своих героев без счастливого конца ей казалось чем-то равносильным предательству. В тот момент, когда она отдавала своим героям частицу собственной души, они начинали оживать, и действовать зачастую не так, как она предполагала. Иногда она чувствовала себя пустой или полностью опустошенной оболочкой, из которой ее герои черпали силы для долгого пути, когда ее уже не станет.

Так и не получив писательской известности, не имея возможности посвятить себя творчеству целиком, она была вынуждена писать небольшие по объему сказки, где герои были не менее живыми, имея просто намного меньше времени, для того, чтобы прожить перед читателем самые яркие события. И время для них послушно сжималось, чтобы найти единственную тропку к счастливому концу.

Раз у нее не оставалось возможности создать один счастливый конец большого романа, включив в него множество разноплановых героев и всем известных событий, она пыталась на более камерных сюжетах, захватывая кусок реальности небольшого спектра, — успеть написать хотя бы множество маленьких... локальных счастливых концов.

«Счастливый конец! Мне надо найти дорогу к счастливому концу!» — говорила она себе, не будучи уверенной, что когда-нибудь сможет это сделать. Но она точно знала, что если этого не сделает она, то никто другой этого точно не сделает.

Только у нее был весьма необычный дар — превращать уродливую реальность в захватывающую смешную сказку с финалом, наступавшим точно в назначенный срок так, чтобы в результате внутри каждого неведомыми силами расправляла крылья душа.

Развернутая против нее «борьба с экстремизмом» казалась ей очень

странной из-за некоторых особенностей следственных мероприятий.

С обыском к ней ворвались, когда она остановилась перед финалами нескольких сказок, самой важной из которых она считала «Сказку про оборотней». Будто кто-то точно знал, что она остановилась перед самым счастливым концом. Всю неделю она предвкушала, как допишет счастливый конец у двух сказок, едва притаскивая ноги после занятий в трех университетских корпусах. В пятницу ей оставалось провести всего одну лекцию, и к понедельнику обе сказки были бы полностью готовы и выставлены в блоге. Ей даже не пришлось в голову скопировать сказки на съемные носители, ведь у нее дома стояло четыре компьютера, а впереди ее ожидали выходные, наполненные чужим счастьем.

Но именно рано утром в пятницу к ней ворвались борцы с экстремизмом, даже не дав ей включить компьютеры. Они хорошо знали, где какие компьютеры стоят, и долго искали ее черный ноутбук, которым она давно не пользовалась и год назад отдала старшей дочери. Им совершенно были не важны ее мысли, ее мировоззрение, а сама борьба с экстремизмом рассматривалась лишь предлогом... оставить свою сказку без конца.

Только несведущему человеку могло показаться, что сказку так легко восстановить. Но она знала, что стоило прочесть эту сказку нескольким людям, в ней невозможно будет исправить ни одного слова.

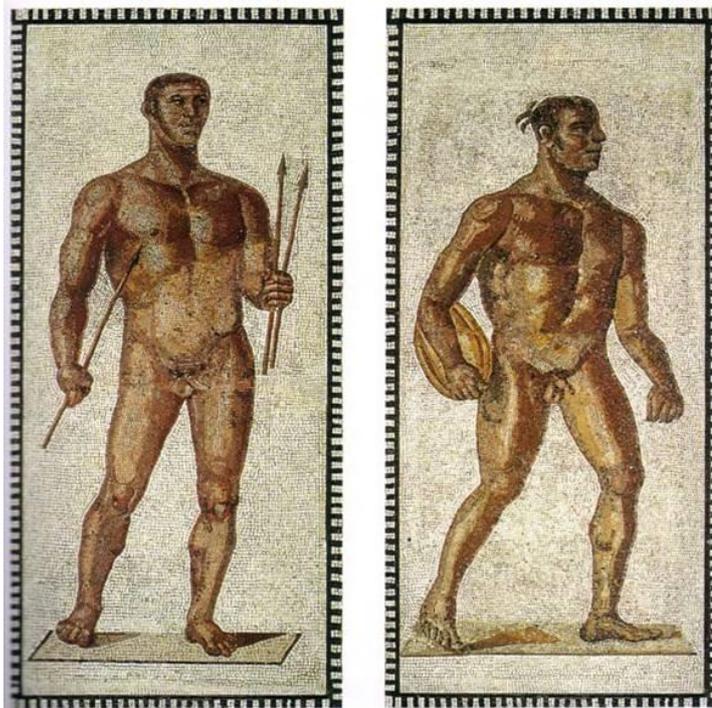
Она слышала, как следователи разговаривали по телефону с кем-то торопившим их, кричавшим в трубку, чтобы они немедленно доставили содержимое ее компьютеров. Она поняла, что сказки будут прочитаны до вечера и навсегда останутся без счастливого конца. В сердце закрадывалась холодная тоска, и она чувствовала большую долю собственной вины в происходящем, в чем-то поддавшись давлению реальности, перестав относиться к литературе, как священнодействию, призванному помочь человеческой душе очиститься спасительным катарсисом и воспарить.

— Вы нас в своем романе изобразите, да? — откровенно ржали здоровые молодые парни из отдела по борьбе с экстремизмом, неловко рассовывая прослушку при обыске. — Будете клеймить нас позором?

Она посмотрела на них, будто увидев впервые, и даже удивилась. Они ввалились к ней достаточно выраженными индивидуальностями. Познакомься она с ними в других условиях, она бы точно отметила в них определенную долю человеческого обаяния, любопытства, совсем неглупые, открытые лица. Но за час пребывания в ее доме они разительно поменялись. Движения стали механическими, суетливыми, какими-то несогласованными. Они вдруг начали громко ссориться между собой, с тычками выходя на лестничную площадку к мусоропроводу выяснять, кто как раньше вел себя на обысках и чем занимался.

Она бегала и прикрывала за ними двери, чтобы от этого кошмара не сбежали насмерть перепугавшиеся коты.

Ancient Rome — The Baths of Caracalla

В ходе обыска лица их посерели, стали невыразительными. Спустя еще час, различить их между собой она смогла бы только по одежде. Но если бы на них были одинаковые свитера, она бы подумала, что все они – «близнецы-братья».

— А как я вас стану «клеймить»? – удивилась она. – Я же вас совсем не знаю. И даже знать не хочу...

— Ну, как же так? – шуточно запричитал молодой человек, обматывавший скотчем ее компьютеры, сидя на четвереньках. – Мы так хотим прочитать о себе в Интернете!

— Так напишите сами! Какие проблемы? – парировала она. – У меня странное ощущение, будто на самом деле вас вообще здесь нет. Будто вы спите... или что-то с вами не то... Вы сами разве не чувствуете?

— Вас саму надо проверить на ощущения! – зло скривившись, ответил молодой человек. — То вы заявляете, что мы поздно пришли, а вы там кому-то заплатили своей кровью, то вообще чушь городите!

— Но когда вы вошли, было другое впечатление! – почти спокойно ответила она. – А потом будто... сквозняк был. Вы все время дверьми хлопали! Вы что-то выясняли у мусоропровода, а возвращались какими-то странными. Я вас не различаю! Могу только пересчитать по головам. Но вы же сами говорите, что у вас работа такая. Может быть она вас как-то нивелирует, лишает индивидуальности...

К их разговору внимательно прислушивались другие оперативники и понятые, поптичьи наклонив голову. Что-то их явно тревожило, к тому же им постоянно звонили и требовали немедленно привезти ее компьютеры. С каким-то потеряннным выражением лиц, с которых будто смыло все краски, они одевались и выходили из ее квартиры. На пороге они переругались, выясняя, кому из них придется тащить ее компьютеры.

Молодой человек, перематывавший ее компьютеры скотчем, опять попытался ее подзадорить на описание их личности в Интернете.

— Я же сказала вашему коллеге, что у меня не получится вас описать, — ответила она. К тому

же, какой Интернет? Компьютеры вы вывезли, договора с провайдерами изъяли, выделенки вырвали...

— Это вы со мной говорили, просто я куртку надел, — пояснил оперативник. — Но вы же можете пойти к своим друзьям! У вас ведь есть знакомые с Интернетом?

— Зачем? Я у друзей в Интернете не сижу, это невежливо, молодой человек, — ответила она, замыкая двери. — Вы хотите еще к моим знакомым с обыском прийти? И как я могу писать о вас, если я вас даже в куртке не узнала?

— Вы не напишете о нас? — спросил он вдруг тихо, глядя перед собой пустым невыразительным взглядом.

— О вас конкретно? — уточнила она и задумалась. — Если честно, я могу только написать, что вы через три месяца попадете под КамАЗ... Больше мне вообще ничего даже в голову не приходит, извините.

«Следственные мероприятия» запомнились ей лишь гадкой ухмылкой следователя. В надуманных уголовных преследованиях за «экстремизм» он постоянно пытался придать своему голосу суровость, наполнить его металлом:

«Вы признаете, что критиковали существующий строй? Вы понимаете, что своими словами оскорбили двести наций?»

Она понимала, что абсолютно бесправна и беззащитна, но осознавала, что и через это ей надо пройти, так как стоило ей пропустить время, как условия счастливого конца сильно изменились.

Следователь тоже понимал ее полнейшее бесправие, решив, что он стал для нее своеобразной «богиней судьбы», не понимая, насколько опасна эта роль, прежде всего, *для него самого*. Но, в отличие от оперативников, проводивших у нее обыск, он уже не предлагал ей создать его образ в Интернете. Из

чего она пришла к заключению, что у него на ее счет имеется другой приказ.

— Мы сейчас пройдем с вами психолого-психиатрическую экспертизу, — с каким-то мальчишеским подвыванием заявил он ей однажды, радостно потирая руки. — Кончится ваш экстремальный экстремизм! Вам там сделают парочку укольчиков, и станете такой, как все!

Она знала, что он ненавидит ее с той минуты, как только понял, что сделать с ней то, что поначалу ему казалось пустяком, не удастся, пока он не сделает с собой несколько забавных, на ее взгляд, манипуляций. Вообще следственные мероприятия сводились у них к обмену многозначительными взглядами. Адвокат был рефери в этой безмолвной дуэли, делая, в основном замечания ей, когда она излишне выразительно хмыкала.

Привыкший к совершенно другому характеру следственных действий, следователь весь горел от нетерпения увидеть ее пустой бессмысленный взгляд. Ему хотелось как можно скорее увидеть, как из нормального человека, способного мыслить, действовать, что-то выдумывать и шутить, но главное, раздражать, — она превратится в вялую тряпичную куклу с отсутствующим взглядом. В деле было множество нестыковок. По сути, никакого «дела» не было, хранившиеся в сейфе тома скоросшивателей были наполнены распечатками заметок и комментариев ее блога. Что с ними делать, он и сам не знал, зато хорошо знал, что ему нужно делать с ней.

Тогда она решила, что если в ее жизни есть хоть какой-то смысл, то у него ничего не получится. Но твердые гарантии были только у него, а у нее — лишь мистические домыслы и лихорадочные поиски выхода. Поэтому на всякий случай она навсегда простилась с дочерьми, попросив у них прощения, что подвергает их таким мучениям.

О, с какой легкостью она тут же забыла обо всех своих терзаниях и раздумьях о смысле жизни, стоило ей вырваться из этого страшного заведения, где грязные усталые санитары куда-то под руки вели странные пустые оболочки, которые когда-то были людьми. Лишь поняв, что больше этим любителям современных мистерий с укольчиками больше не удастся затащить ее в психиатрическую лечебницу, она позволила себе вспомнить, как медицинская сестра, нисколько ее не стесняясь, очевидно, тоже считая себя кем-то вроде «доброй» мойры, подошла к ней, когда она ожидала прихода прокурорши, изображавшей врача. Время было перед обедом, и она подошла поинтересоваться, долго ли ей еще с укольчиками ожидать в процедурной, можно ли отлучиться покушать. Медсестра прижалась к ней мягким животом и доверительно поинтересовалась: «Что, адвокат-то не придет уже?»

Все уже смотрели на нее, как на мертвую, решив, что смогут запросто сделать ее «такой, как все». Даже адвокат, когда ему перезвонила и спросила, придет ли он все-таки на эту самую «экспертизу», не смог скрыть своего удивления, что слышит ее голос.

Поскольку «комиссия экспертов» якобы не смогла установить степень ее вменяемости, следователь решил поместить ее на «стационарное обследование» через суд. Не предупредив адвоката, она ходатайствовала о вызове в суд экспертов, подписавших заключение. Дам, подписавшихся в качестве экспертов, она хорошо знает в лицо, однако вместо них экспертизу проводила работница районной прокуратуры, известная своими «служебными романами».

Блог «Огурцова на линии», где она еще до своего ходатайства в тонкостях описала всю эту «экспертизу», судья явно читал. Он заявил, что нет необходимости в проведении судебного расследования, а в его задачу входит лишь ответ на ходатайство прокуратуры о помещении ее в психиатрический диспансер. Никакой нужды он в этом не увидел, но попросил «не для протокола» ответить на вопрос, которым задавались уже все, читавшие ее блог и имевшие доступ к прослушке ее телефонов: «Вы эту... этих женщин откуда на лицо знаете?»

Не уточнив, кого он имеет в виду конкретно, она ответила, стараясь как можно тоньше улыбаться деревянными помертвевшими губами: «Мы с этими дамами пользуемся

услугами одного гинеколога. Долго ждать приходится в приемной... доводилось общаться о разных интимных проблемах. Сами понимаете.»

Молодой прокурор дернулся от ее намека, а судья опустил глаза. Тогда, напомнив, что следователь при ней трижды переделывал текст экспертизы, переписывая заключительную часть с экспертизы какого-то мужика, она попросила в качестве ответной любезности намекнуть (тоже без протокола) много ли до нее прошло по той же доске? Судья досадливо кивнул ей в ответ так, чтобы его ответ нельзя было истолковать однозначно. Она отметила про себя, что он реагирует на нее — не как на потенциальный труп, а как на человека, который будет жить дальше.

Особый непроницаемый взгляд судьи уже не был направлен на нее, поверх прокурора он переместился на следователя, покрывшего красными пятнами. Это был сосредоточенный, примеривающийся взгляд палача, деловито всматривавшегося в себе подобную, пока еще живую человеческую особь, изнемогавшую от страха.

— Ваша честь, я здесь ни при чем! — вырвалось у струсившегося адвоката, на которого вообще никто смотрел.

Судья, прокурор, адвокат и следователь... Четыре мужчины, собравшиеся в бывшем детском саду, превращенном в городской суд, чтобы выполнить чужую волю и навсегда ее уничтожить. Она никогда никого из них не встречала, а они — не имели малейшего понятия ни о ней, ни о ее блоге. Все они смутно представляли себе, в чем состоит ее «преступное деяние», понимая, как сложно будет писать обвинительное заключение и приговор, если сейчас оставить ее в живых.

По логике своей профессии и занимаемых должностей все четверо должны были защитить ее права. Вряд ли они понимали, что в отношении нее действовали даже не в человеческой логике, приравняв ее жизнь — разменной карте в чьей-то колоде.

Однако в тот день оказалась битой карта следователя, раньше всех четверых осознавшего, что нечеловеческой логике может следовать тот, кто уже в существенной мере перестал быть человеком.

У нее не было никаких шансов спастись, но будто кто-то начал играть на ее стороне. Даже прокуроршу в белом халате она сфотографировала мимодумно, случайно нажав не на ту кнопку телефона. Текст ходатайства она увидела во сне. Кто-то до утра монотонно бубнил его текст, немного напоминая тиканье жестяных деревенских ходиков с медведями в лесу, которые когда-то висели в доме у бабушки. Адвокат долго обиженно интересовался, кто ей написал ходатайство, а она, пожав плечами, сказала, что нашла текст в Интернете.

Ее не оставляла мысль, тикавшая в висках жестяными ходиками. Четверо мужчин, пытавшихся прикончить ее в бывшем детском саду, превращенном в суд, решили взять на себя ее роль. Для собственного романа им оставалось парой укольчиков немного доработать ее «лирический образ», создать эпическое повествование ее грехопадения, а после сочинить нравственную проповедь всему обществу с видом посвященных в высшие таинства эпов. И это у них никак не получалось, потому что она не давала завершить им эстетическую триаду своего образа, слишком хорошо зная, что вовсе не они являются его автором.

Им оставалось чуточку поменять реальность почти шуточной мистификацией в виде «психолого-психиатрической экспертизы», после которой она навсегда превратилась бы в овощ с пустыми глазами. Небольшая загвоздка получилась у них с непосредственными исполнителями этой мистерии. Вряд ли их хоть как-то заставил задуматься или отказаться от подобных мистификаций в дальнейшем сам безнравственный смысл подобных «экспертиз».

...Насколько же правильно люди подходили когда-то к роли тех, кто принимал участие в мистериях. Еще в советское время ей неоднократно приходилось бывать на митингах, демонстрациях и прочих «народных гуляниях», где, первым делом, было необходимо отметитья по списку у «ответственных лиц». После очередной «обязаловки» она чувствовала полное душевное опустошение, будто толпа собравшихся вытягивала не только силы, мысли, чувства, но и саму ее жизнь. Будто кто-то нарочно этими «массовыми мероприятиями» старался изжить саму память о том, что раньше люди собирались вместе на священнодействие, принять участие в котором — можно было лишь по движению души.

И уж куда более циничное и приземленное отношение проявлялось разного рода мистификациями, инсценировками «поворотов судьбы», когда «ответственные лица», верша чужие судьбы, запросто выполняли роль загадочных мойр.

Человек должен был за чистую монету принимать их «следственные мероприятия», а прокуроршу в белом халате — за врача-эксперта, оравшую ошалевшему «подэкспертному» о его злонамеренной «ненормальности». Немолодая уставшая медсестра, напротив, вовсе не хотела, чтобы кто-то мешал ей выполнять ее работу, кричал и царапался, просил о пощаде и портил ей аппетит перед обедом. Ей тоже хотелось, чтобы человек искренне верил, будто сейчас ему сделают всего лишь успокоительный укольчик для его же пользы, пока в его глазах медленно гасла душа.

Она все же попыталась в статьях и комментариях блога превратить в сказку свое уголовное преследование, так и не сумев написать для себя самой счастливый конец. Впрочем, она сделала все, чтобы навсегда отбить охоту травить живых людей по надуманным обвинениям. Но, искренне считая себя

«писателем-реалистом», отдавала себе отчет, что без счастливого конца крупного эпического произведения, без созданных ею, легко узнаваемых образов, ей вряд ли удастся статьями отбить у правоохранительных органов возникшее неистребимое желание представить честного человека – уголовником. Она чувствовала растущую тягу к театральным постановкам, инсценировкам и мистериям, догадываясь, что единственный вывод, на который способны эти люди – будет касаться более тщательного подбора мистов.

— Вы только больше не говорите никому, что вас так долго травили, издевались над вами, потратив больше десяти миллионов рублей, чтобы приговорить к штрафу в двадцать тысяч рублей по статье, где минимальное наказание предусмотрено в сто тысяч рублей, — взволнованно говорила ей Анна. — Вы просто не знаете этих героических борцов с одинокими дамами. Это озлобленные люди, у них совсем нет совести. Окажись мы с ними рядом под немцем, они бы нас в крематории сожгли, рука бы не дрогнула! Они до сих пор не понимают, почему вся их ужасная борьба возле вас обернулась фарсом. Но ведь эта прокурорская Наташка до сих пор на стенки кидается! Уверена, ей на всех пьянках припоминают, как она психиатра изображала и свою половую связь с молодым следователем засветила. Они же вам еще мстить будут!

Впрочем, тут уж ничего поделать было нельзя. Разочарование ее судебным приговором в двадцать тысяч рублей в правоохранительных структурах не имело границ. Потраченные на ее уничтожение бюджетные деньги требовали более ощутимого обоснования. К тому же обвинительная направленность судебной системы свидетельствовала таким приговором, что никакого

основания уголовное преследование не имело вообще. Поэтому в дальнейшем, по искам прокуратуры ее долго травили на работе, оставив, в конце концов, без всяких средств к существованию.

Ее, хорошо знавшую миф о царе Финее, которого гарпии последовательно лишали возможности утолить голод, несколько не удивляла ожесточенность «борьбы с экстремизмом», обрушившая всей мощью правоохранительной системы – против одной женщины, чтобы довести ее до голодной смерти. Мало кто из людей, принимавших участие этой схватке против нее, понимал, как далеко они отступают не только от человеческой логики, но и от самих естественных принципов самосохранения. Им казалось, будто они, напротив, только так могут

спасти самих себя. Простое условие, что для дальнейшей жизни им надо всего лишь уничтожить женщину, не сделавшую никому ничего дурного, многие расценивали, как пустяк. В своей жизни они совершили немало отступлений от обычной человеческой порядочности, поэтому ничего сложного не усматривали в таком задании, которое к тому же очень хорошо оплачивалось. Но все предыдущее они делали по своей воле, очевидно, думая, что проявляют ее, все больше теряя над ней власть. Вряд ли они понимали, что в столь незначительном, проходном случае – они окончательно подчиняли собственную волю гарпиям, которые всегда рассматривали своих «временных союзников» лишь в качестве корма.

Ее давно тревожила мысль, будто время остановилось, а выигрывает от этого люди, не способные к творчеству... только потому, что она прекратила писать, оставила свое призвание. Финей подвергся нападению гарпий лишь потому, что, обладая даром предвидения, рассказывал людям, как им достичь... счастливого конца. От гарпий его защитили аргонавты, которым понадобился его совет. Она знала, что и ей помогут те, кто воспринимает свою жизнь – не «выживанием», а захватывающим приключением и вечными поисками заветного золотого руна, подталкивая, оживляя чуть было не заснувшее рядом с ними время.

©Книжная лавка <http://ogurcova-portal.com/>

В детстве, испытывая обиду от несправедливости взрослых, она говорила себе: «Вот умру, тогда они все пожалеют!» Повзрослев, она поняла, что те взрослые, кто больше всех придирался к ней, пытались привести ее в соответствие со своим прокрустовым ложем ущербных представлений о жизни, тоже сделать «такой как все». От ее слов и поступков они чувствовали не только беспомощность, но и несостоятельность своего образа жизни. Поэтому вряд ли могли ощутить тяжесть утраты от ее внезапного ухода из жизни. Возможно, они бы даже почувствовали облегчение. Больше всего ее безвременная кончина могла расстроить тех, кого она любила, кого ни в коем случае не хотела бы

огорчать.

Когда к ней ворвались с обысками и последующими издевательствами, ее время стремительно заканчивалось. И смерть, уже сжимавшую холодной рукой ее левое плечо, она вначале воспринимала своеобразным козырем именно на инфантильном уровне: «Вот я умру, а они не смогут отчитаться за десять миллионов...», но логическое завершение фразы заставило ее задуматься. Вернее, понять, что как раз ее охладевшим трупом этим господам будет очень удобно отчитаться за десять миллионов бюджетных рублей, раз им так и не удалось уничтожить ее своими «экспертизами».

...В ночь после обыска ей приснился странный сон, который она твердо решила никому не рассказывать, а на всех «экспертизах» тупо твердить, что по Конституции имеет право не свидетельствовать против себя.

Да и хороша бы она была, если бы разоткровенничалась с Наташкой-прокуроршей, что в ночь после обыска до самого утра играла в карты... со старинными часами, ловко тасовавшими колоду львиными лапками.

И где-то она уже точно видела раньше эти часы, правда, никогда особо не обращая внимания на затейливую резьбу их корпуса. На правом боку у них был изображен красивый кудрявый юноша лет двадцати, а на левом – мощный старец с крыльями и косой.

Играли они... *на время*. Часы объяснили, что раз с ней вышла какая-то ерунда, что она вынуждена теперь тратить остаток времени на правоохранные тяжбы, а ее сказки так и остались недописанными, так она может немного времени отыграть в карты.

Ей совершенно не хотелось играть, она чувствовала не просто огромную обиду от происходящего. После того, как на ее глазах молодые люди, возвращавшиеся после громких разборок и перекуров у мусоропровода выцветшими настолько, что их невозможно было описать в Интернете, ей казалось, что душу ее окутывает холод. Помня о своем сроке, она уже смирилась, что Новый год читатели блога встретят уже без нее и ее сказок. Тут же в голову полезли «спасительные» мысли, что никому она и раньше была не нужна, а сейчас ей объяснили с присущей правоохранительным структурам прямотой, что туда ей и дорога, потому что никто о ней не вспомнит и не пожалеет.

— Ну, я бы не был таким категоричным, — заявили часы в ответ на ее невеселые размышления. — Не понимаю, чего расстраиваться, что некие хамы не испытывают в нас необходимости по недомыслию? Еще не было случая, когда кто-то из них не пожалел бы о подобном некрасивом отношении в последнюю минуту. Слыхала песню про пять минут? Противная, правда? Пять минут останется... и ты бы посмотрела, что некоторые пытаются успеть в последние пять минут. Слушай, ты опять выигрываешь!

Вначале она выиграла год, но подумала, что это просто насмешка какая-то. Еще год терпеть эти рожи возле себя? Часики почему-то слишком эмоционально переживали свой проигрыш. Желая доказать, что ее выигрыш — чистая случайность, они поменяли козыри, и она выиграла еще три года. Часы страшно расстроились и сквозь истеричные рыдания сообщили, что если они не отыграются, то их на винтики разберут. Поэтому дальше они решили играть по-честному и больше месяца на кон не ставить. Два раза она проиграла, но выиграла больше. При этом у нее нестерпимо чесалась ладонь левой руки.

— К деньгам, что ли? — сказала она смущенно, что есть силы расчесывая ладонь. — Так откуда?

— А кто знает? — резонно протикали часики. — Пока тебя за экстремизм травят, так в университете будут зарплату всю до копейки отдавать. Чтоб к ним претензий от прокуратуры не было, а тебе было жальче работенку в университете терять. Как выгонят, тогда опять всем надбавки снимут, чтоб не радовались. Дело-то известное.

— Знаете, сейчас, когда платят по двенадцать тысяч, мне мою работенку нисколько не жалко, — заметила она. — По шесть пар в день работаю, с трудом коммуналку оплачиваю, а наши руководящие хмыри с факультета могут за год квартиру и машину купить. Как-то попробовала по девять пар читать... но очень тоскливо получается.

— Иногда ведь требуется проявить немного экстремизма, чтоб хоть за пять минут до конца узнать, насколько тебя обворовывают, — захихикали часики. — Но у тебя ладонь, наверно, потому и чешется, что вначале выигрыш на судьбе отражается.

Она взглянула на ладонь левой руки и увидела, как растет ее линия жизни, обходя все роковые изломы и разрывы.

— Это мой выигрыш? — спросила она потрясенно. — Но когда я проснусь, все будет по-старому?

— Не совсем, если мы договоримся, — вкрадчиво протикали часики.

— А можно было вначале обо всем договориться? — с раздражением сказала она хитрым часам.

— С тобой давным-давно обо всем договаривались, — заорали вдруг часы, и из них с клеточком вылетела растрепанная кукушка, спрыгнувшая на разложенные карты. — За птичку извиняюсь, конечно. Птичку обратно посади! Верни птичку на место!

Маленькая бронзовая кукушка оказалась на редкость изворотливой. Ловить ее руками, когда невыносимо чесалась теперь уже и правая ладонь, было как-то хлопотно и неудобно. Но она все же поймала птичку на самом краю стола, зажав ее чесавшимися ладонями. Птичка норовила вырваться и больно клевалась.

— Это у вас не птичка, а зараза какая-то, — в сердцах сказала она, засунув кукушку обратно, чуть не переломав ей крылья. — Еще ведь шипит и клюется! Вот ведь дрянь какая!

— И эти борцы с нашим экстремизмом в головах тоже про тебя так же скажут, — хихикнули часы. — Между прочим, их гарпии у мусоропровода караулили, потом расскажу. И про КамАЗ ты зря этому навязчивому типу сказала, он уже донос на тебя написал. Сейчас они с трудом соображают, что делать. Они ж его планировали сразу после обыска под КамАЗ пустить, он их тоже достал своими идиотскими вопросами. А сейчас им еще три месяца от него вопросы выслушивать на счет КамАЗа... Тебе надо романы писать, а не эстермизмом заниматься! Или эстремализмом? Вообще чем вы тут все занимаетесь?

— Хорошо, а кто вас по винтикам разобрать может? Кукушка? — закрыла она неприятную для себя тему.

— Да при чем здесь несчастная птичка? – удивились часы. – Она наоборот, как видишь, разбираться не хочет. Это тетушки Эвриале и Сфейно – три сестры-мойры.

— Мне чем нравится эта ваши мифология, что там все распределено по сестрам, — сказала она. – Не то, что у нас – все по браткам.

— Об этом, кстати, нам и надо поговорить, — перебили ее часы. – В силу того, что ты... гм... в некотором роде заменяешь сестру горгон Медузу, повелевая снами живых, а получила за это шиш да маленько, включая обыск и преследование за свой уголовный экстремум, мне удалось немного надавить на совесть непреклонным сестрицам. Ты о них знаешь?

Содома. (Джованни Антонио Бацци) 1570 Три мойры (Парки)

— Платон в диалоге «Государство» говорит о мойрах, сидящих на тронах посреди Вселенной, в белых одеждах, с венками на головах, — пожала плечами она. — Первая, Клото, «Пряха», вечно прядет нить, олицетворяя

неуклонное и спокойное действие судьбы. Вторая, Лахесис, «Судьба», помогает ей, делая узелки и переплетая нити. Она олицетворяет все случайности судьбы. А третью зовут Атропос, «Неотвратимая». Она олицетворяет не только неотвратимость судьбы, но и смерть, поэтому иногда ее зовут «Перерезающая нить». Их веретено тоже имеет имя — Ананке, «Необходимость». И звуки движения планет, которые сейчас записывают в космосе со спутников, — это пение мойр. Клото поёт о настоящем, Лахесис — о прошедшем, Атропос — о будущем.

— Неплохо! — похвалили ее часы. — Замечу лишь, что в поздней античности мойры считались дочерьми Зевса и Фемиды. Но еще Платон считал их порождением Ананке. Кто-то приписывает отцовство Хроносу, но я здесь абсолютно ни при чем! Когда-то вообще считалось, будто у каждого человека есть своя мойра, но, согласись, тогда бы никаких концов было не найти. Это абсурд! Гесиод, пожалуй, ближе всех подошел к истине, считая мойр дочерьми Ночи. Все это не так уж важно! Рождение и смерть стоят под особым покровительством мойр. Поэтому Дельфах изображались только Клото и Лахесис, чтобы не подключилась Атропос. Разговор с Неотвратимой получается крайне коротким, она не дает предсказаний! Вместо ответа она просто рвет нить.

Часики поперхнулись, закашлялись. Нижний ящик у них выдвинулся, а в нем стоял небольшой поднос с красиво нарезанным лимоном и бельгийским шоколадом ручной работы. Возле подноса играли алмазными гранями две стопки с коньяком.

— Как вспомню этих нервных озлобленных на всех женщин, сразу все в горле пересыхает, — пояснили часы, опрокидывая прямо на себя рюмку с коньяком. — Чего сидишь? Пей! Говорим вообще-то на полном серьезе о когда-то закрытом знании, превратившемся сегодня... в сказочку для убогих и отверженных. Без коньяка не проникнешься. За экстервизм!

Коньяк был без спиртового привкуса, терпким и душистым. Больше всего ей понравилось, что выпитая рюмка тут же снова наполнилась сама собой. А вот с шоколадом такого не получалось, шоколад часики подгребали под себя двумя лапками, перемазав коричневыми разводами старинные карты в стиле рококо.

— С мойрами есть несколько тонких моментов, на которых удалось сыграть, — продолжили часы, чавкая лимоном. — С одной стороны, они определяют момент смерти человека и заботятся, чтобы никто не прожил дольше положенного ему срока. Они отслеживают смену времен и поколений, чтобы никто здесь «не задержался», чтобы время никто не останавливал. На самом деле это вовсе не богини судьбы и смерти, как их обычно воспринимают, особо не задумываясь, на чем Вселенная держится. Да кто нынче о таких вещах задумывается? Нынче ведь «выживают», а не живут, забывая, что другой судьбы мойры не дадут. Поэтому мойры — богини закономерности и порядка

в мире, а также... внимание, мин херц! Они, как и горгоны, хранительницы всех проявлений души. А как дочери Ночи, мойры — сёстры и союзницы эриний, ночных кошмаров всех, кто нарушил человеческие божеские законы, но ушел от возмездия. Так я им говорю, что за дела? Некоторые тут обыски проводят, с эскрутизмом борются, а их все равно под КамАЗ пустят раньше времени, не посоветовавшись с мадам Атропос. Так можно у них то, что от КамАЗа останется... как-то аккуратненько в другое место подвязать? Ферштейн?

— Насколько я поняла, мне дается еще немного времени, — сказала она, с удовольствием прикладываясь к коньяку. — Коньяк замечательный! Надо перед обыском все же людям коньяк давать, это вообще редкий садизм — устраивать такое в мирное время и без анестезии. Так какое условие они там поставили?

— Ты должна собрать всех своих сестер! Как в орфическом гимне, которым ты от придурков с гипнозом закрываешься, — ответили часики, покачиваясь. — А знаешь, я раньше Атропос считал редкой зверюгой. Между нами, конечно. Приходилось уже просить, знаешь ли, за Каллиопа. В твоём случае на успех даже не рассчитывал, если честно. Ты ж у нас нынче кто? Ты у нас нынче народная сказительница каких-то сказочек! А в общественном плане — какая-то эстермалистка. А где эпос? Где героизм, я спрашиваю? А какая мелкая в твоих сочиненьях натура? Пишешь про каких-то пыжиков... Где брутальный мужчина средних лет, всегда готовый... на все такое. Ну, ты меня поняла. Очень на это рассчитываю.

— А я откуда такого тебе возьму? — возмутилась она. — Где я бы такого увидела-то? Сегодня полдюжины служивых у меня в доме топтались, а как куртки надели... вообще стали все на одно лицо! А лицо... как яйцо. Или задница. Ни глаз, ни родинки... Думаешь, если б я Ахиллеса нашла, то сама бы такому на шею не кинулась? Фиг бы я его вам описала! Потому раньше

Каллиопами женщин и не назначали. Я бы свою личную жизнь устроила, а не романы бы писала. Нафиг мне эти двести наций сдались с ихним экстремизмом! Я бы всем две фиги выкрутила бы! Вот, гляди! Я бы такого себе оставила!

— Что, я фиги не видел? – неуверенно ответили часы, с трудом расставляя лапки пошире. – Видал я фиги и побольше. А ты с Гомера пример бери! Он вообще ни черта не видел! От рождения! А какие у него герои... Это ж настоящие мужики! И кто его до сих пор переписал? Только Толкиен приблизился во «Властелине колец»! Какие там эльфы! А гномы? Даже в хоббитах нашел что-то героическое...

— Ты чего, решил, что я тебе фэнтази писать буду? – взъярилась она, швырнув рюмку в стену. – Я – писатель-реалист! На-кося, выкуси! Если меня окружают пыжики, так они и будут пыжиться!

— Слушай, ты только рюмки не бей, — не на шутку перепугались часы. – У тебя сейчас после обыска прослушку накидали. Они запишут и представят твой аморальный облик в доносе. И рюмки у нас, между прочим, с дачи бывшего министра культуры, из императорского сервиса театра. Бери новую рюмку, но не веди себя по-эксмодернистски, тебя ж посодют!

— А ты мне героев не навязывай! Мне эти герои сами навязываются, – сказала она, принимая новую рюмку, наполненную коньяком. – А коньяк откуда? Хороший коньяк, между прочим.

— Обычный советский коньяк, с приема в ЦК КПСС, они там сивуху на испанском спирту не хлебали, — почти дружелюбно ответили часы. – Вспомнилось мне, как некоторое время назад ходил я к Атропос по поводу одной Каллиопы, которая писала чудесный роман про Мастера и любовь всей его жизни Маргариту, ставшую ведьмой, когда Мастера забили в психушку... А коньяк я тогда прихватить забыл. Вернее совсем не подумал.

— Так, знаешь, и я могу! – заявила она, опрокидывая рюмку коньяка. – *«В белом плаще, с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудеи...»* Хотя роман очень и очень стоящий... Думаю о нем, кстати, частенько.

— Представляешь, прихожу к этой старой кошелке, — доверительно наклонились к ней часики. – Описываю ситуацию. Человек больной, не печатают, травят, только что обыски не устраивают, но ситуация схожая в целом. Говорю, мол, роман закончить надо!

— А она? – затаив пропитанное коньячными парами дыхание, спросила она.

— А она!... Она! – завизжали часы, забыв о прослушке. – Она оторвала такой ма-аленький обрывочек нити, вот такусенький! И говорит мне ехидным тоном: «Как роман закончит, помрет!»

— И что? – с трудом подняла она брови.

— Да ты что, не знаешь? Как закончил роман, так и помер! – разозлились часы. – С тех пор я к ней без коньяка уже не ходил. Она, конечно, отнекивается всегда, говорит, что им нельзя, служба такая.

— А ты чего? – прямо спросила часы писатель-реалист.

— А я ей говорю, что время нынче такое, — покачнулись часики. — Мне же лучше знать! Ну, пока еще различаем реальность... чтоб отразить ее в своем экспараноидальном творчестве, хочется дать на прощание один ценный совет. Мне кажется, ты забываешь про свои какие-то... особенности.

— Да какие там особенности? – искренне удивилась она. — Вот ты говоришь об эпосе, о настоящих героях... А у меня основной прием – фарс! Нет, я понимаю, что это как-то отражает и время, характер нынешних чижииков-пыжииков, которые не стесняются лезть в герои, а после в качестве героев могут лишь вшестером к даме ворваться с обыском. Все! Но разве мне не хочется настоящего «героизма буден»? Думаешь, мне не хотелось бы написать о большой и чистой любви, о высоких чувствах и порывах? А я смотрю на человека и думаю, что... под КамАЗ ему давно пора. Это и называется у нас экс... ну, этим... как его? Вот за что обыск сегодня проводили. Ну, ты меня понимаешь, да?

— Забей! — ответили часы. — Твой первый роман назывался «Повелительница снов», а никто такого не делал раньше для Медузы, защищавшей сны. Думаю, что к тебе перешел и этот ее дар-обязанность. Значит, ты должна охранять сны... а можешь ведь и не охранять! Тебе ж не зря про КамАЗ подумалось, это же ты сняла отпечаток от его дурных предчувствий, интуитивных ощущений. Он же лучше знает, где и с кем он работает... Но пришел домой после обыска – и спит себе с чувством выполненного долга. Такой парадокс в целом получается. Он у тебя обыск провел, ты не спишь, в карты играешь, а он дрыхнет до утра довольнешенький! А разве это справедливо?

— Да какая уж тут справедливость, — проворчала она, успокаивая себя очередной рюмкой с коньяком.

— Вот! – откликнулись часики, забирая последнюю шоколадную конфету. — А я считаю, в таком случае ты тоже имеешь полное право обидеться. Нафиг такой график! Прикинь, что о Медузе наговорили, какой ей приписали экспрефекционизм, вдобавок отрубив голову! Кстати, милое дело нынче заниматься экстраполизмом, сейчас хоть за это головы не рубят. Сейчас тихо

строчат доносы. И можно сказать следователю, что это вовсе не о тебе. Сейчас за это даже на дуэль не вызывают. Помнится, ходил я как-то к Атропос за одну Каллиопу просить... Какой был Поэт... просто гений! Подстрелил его один подонок на дуэли, он истекал кровью. Говорю, дай хоть человеку с семьей проститься!

— А она? – спросила в стельку пьяная собеседница.

— Как обычно, — ответили часы. — С семьей простился, с друзьями... и помер. Послушай, что бы о тебе не сказали, а ты хранишь их души. Как уж у тебя получается в условиях, когда от тебя все добиваются, чтоб ты стала такой, как все. Мой тебе совет, ты иногда отходи в сторону. Научись не изменять себе только с теми, кто этого достоин... У вечных существ такого права нет, а ты — человек! Если тебя не признают преемницей Медузы, так тебе-то чего надрываться?

— Не понимаю, — призналась она, покачнувшись. — По крайней мере, я не знаю, как все это делать... И знаешь, мой принцип в том, что нельзя сортировать людей, они и без меня отлично сортируются. А потом... я ведь не смогу писать, если не буду надеяться на лучшее в каждом человеке. Чем же я стану лучше этих борцов, если сама начну решать, кто достоин моей поддержки, а кто нет? Как они я не хочу... хотя совсем не знаю... Как это делать-то?

— Когда не знаешь, как делать, лучше ничего не делать! – прокричали часы, начал отбивать полночь. — О, мое время вышло! Счастливо!

...Утром от всего этого сумбурного сна остался поднос с подсохшим лимоном и рюмка с недопитым коньяком. Она вымыла рюмку, но как только протерла и поставила ее на стол, та немедленно наполнилась душистым коньяком, распространявшим тонкий аромат. И это ее несколько не удивило. Ей вообще показалось, что после обыска ее квартиры хихикающими молодыми людьми, явно стеснявшимися друг друга, она навсегда разучилась удивляться.

Что могло быть странного в том, если бы где-то посреди Вселенной действительно сидели три сестры-мойры? И до увольнения из органов ее следователю вряд ли могло такое прийти в голову, себя он считал образцом психической нормы без всяких шизофренических отклонений. Но ей совершенно не хотелось становиться настолько «нормальной», какими стали они. Их понятие нормы включало в себя и уничтожение незнакомой женщины в качестве «государственной преступницы».

Стать нормальной, означало для нее признать, что ее попытка написать счастливый конец – и есть самое настоящее преступление. И разве в глубине души ее мучители не сознавали, что приказ о расправе над ней – они получили от самых настоящих, несколько не маскирующих свои намерения преступников? Она думала, что уж лучше ей до конца оставаться

ненормальной, с их точки зрения, и верить в то, что три суровые дамы посреди Вселенной, приняв на грудь замечательный коньяк от странных часиков на львиных лапках, все же помогут ей выпутаться из сковывавшей ее паутины.

Зеленая рюмка, П. Кончаловский

И в тот момент, когда у ее мучителей явно иссякла фантазия, она не могла не заметить, что все «следственные» и «правоохранительные» мероприятия в отношении нее свелись именно к тому, к чему она сама всегда стремилась всей душой. Они явились с обыском, когда ее покинула надежда достичь какой-то известности, прочного положения, а жизненные обстоятельства давили так, что иногда она думала, что литература осталось для нее почти забытым прошлым. Это не позволяло ей освободиться от всех своих многочисленных работ, чтобы полностью посвятить себя новому, большому, еще неведомому ей роману. Этот роман назревал вокруг нее странными происшествиями и совершенно случайными стечениями обстоятельств, когда будущие его герои, будто подгоняя и торопя ее с завязкой сюжета, сами входили в ее жизнь, пытаясь поведать ей свою историю.

Отдав все силы последнему роману, которому вновь не позволили дойти до широкой публики, она боялась, что все ее усилия уйдут в песок. Новый роман потребовал бы полностью выпасть из своего времени, из своей жизни, от которой и так оставалось все меньше. А, пока она не решалась начать новый

роман, это сделали за нее правоохранительные органы, вырвав из устоявшегося течения жизни. Небольшую проблему с иссякавшей линией жизни решили часы с львиными лапками, как бы проиграв ей необходимое время в карты.

Да, денег не было совсем и не предвиделось в обозримом будущем, но она сама оказывалась в полном распоряжении взбунтовавшегося вокруг нее времени.

...Сюжет романа никогда не представлял особой проблемы, его подсказывала сама жизнь. Для нее сюжет представлял собой лишь совокупность мыслей, чувств и поступков героев на определенном отрезке времени, которому они полностью соответствовали. И ее творческим принципом всегда была мудрая фраза, казалось бы, не имевшая никакого отношения к литературе — «Всему свое время». Но, точно выверяя каждую деталь, даже в самой смешной своей сказке она старалась точно отражать пусть самый незначительный момент времени, зная, что именно время является главной возможностью любого действия. Стоило времени продвинуться чуточку дальше, как многие возможности исчезали, зато появлялись совсем другие, которые надо еще увидеть и осознать.

Как она любила наблюдать завязку новой истории, строго разделявшей героев на тех, к кому с надеждой тянулись человеческие сердца, и на тех, кто пытался всячески помешать счастливому концу, навсегда остановив время.

Каждая история, хотя бы краешком коснувшаяся ее, превращалась в фарс, стоило ей сказать хоть одно слово по поводу. Персонажи вдруг начинали действовать так, как им самим казалось наиболее нормальным. Они решали, что их единственная и неповторимая жизнь — самое важное во Вселенной. И уж раз никому они старались не делать ничего дурного, ни в чью душу не лезли с очередными «изъемами» то и норму в их жизни определяли три сестры-мойры, а не органы правопорядка.

Она видела, как радостным фейерверком вокруг взрывалось время, стоило ее героям заявить о своем конституционном праве на счастливый конец, когда вокруг им терпеливо объясняли, что в условиях экономического кризиса и переходного периода к рыночной экономике им надо бы вести себя несколько скромнее. Им следовало терпеливо переживать очередные трудности, созданные теми, кто признан в качестве образца психической нормы.

Финал становился для нее самой важной частью любого произведения. Счастливый конец должен был дать читателю надежду на справедливость и веру в жизнь. Она не признавала «открытые концы» или недосказанность в финале. История должна была остаться завершенной, остаться прошлым, чем-то пережитым.

Написать трагический финал труда не составило бы. Но когда время остановилось, сдвинуть с места его мог даже не финал, а лишь неожиданный бурлеск, цирковой парад-алле всех героев персонажей.

И мало кто понимал, каких усилий стоило помочь героям выстоять и дойти до своего счастливого конца. За каждый такой финал ей приходилось расплачиваться какими-то своими надеждами, мечтами и желаниями, чтобы сбылись надежды читателей.

«Да, всегда подменяется лишь конец!» — думала она про себя, вновь испытав тянущую тоску от самой мысли, сколько подмененных концов историй ей придется заново дописать.

* * *

— Мам, а почему у тебя в холодильнике коньяк киснет? — однажды подозрительно поинтересовалась у нее младшая дочь. — Коньяк же не охлаждают! Ты его в качестве прохладительного напитка стала употреблять? Ну, ты даешь!

Наверно, это вообще не соответствовало никаким представлениям о норме, но каждый вечер, стоило зазвонить скайпу, она брала заветную рюмку коньяка и, согревая его в своих ладонях, медленно отхлебывала янтарную жидкость, глядя на монитор, где светились четыре окошка со скульптурными аллегориями четырех старших муз: Каллиопа, Клио, Урании и Эвтерпы. Кроме скрывавшихся за этими никами подруг, с которыми она познакомилась в своем блоге, никому из знакомых в ее реальной жизни она не смогла бы рассказать даже о рюмке коньяка, не говоря уж о требовании некой Атропос посреди Вселенной. Она с трудом заставила себя сказать об этом Анне, когда они в очередной раз брели с ней после суда домой.

— А я вам верю! — неожиданно заявила Анна. — Мне вот тоже не хочется, чтобы подумали, будто я сама такая же ненормальная, но я точно эти часы во сне видела! У меня все кольца из этого сна! Я и блог ваш нашла, потому что хозяйка этих часов мне сказала, будто я тоже настоящая муза по имени Клио.

— Мы такое не будем дома и в суде говорить, там же все подслушивают, — испугалась Каллиопа. — Нам теперь надо подумать, как найти Уранию и Евтерпу.

— Мы такое, конечно, в суде не скажем, — согласилась Клио. — Но раз нам такое условие поставили... куда деваться? Надо собирать круг старших муз! Только это уже часть вторая нашей уголовной статьи, это уже будет «создание экстремистского сообщества».

— Может, тогда не надо? — заволновалась Каллиопа. — В суде и так на тебя все волками смотрят... В особенности, когда ты доказала им, что экстремизмом без государственной поддержки заниматься нельзя.

— Да они же очень нормальные! – с раздражением заметила Клио. – Такие нормальные, что единственное, что им придет в голову после моего доказательства – выгнать вас с работы. Вы видели их крысиные личики? Вы такой же стать хотите? А я хочу радости и счастья! И не думаю, что мое желание является уголовной мотивацией, если для этого мне совершенно не надо никого уничтожать. Поэтому двух таких же ненормальных мы найти сможем.

— И что мы им скажем? – растерялась Каллиопа.

— В духе времени! Скажем, приезжайте к нам на огуречные чтения, у нас коньяка – море разлитое! Я в прошлый раз воронку купила, у вас воронки в доме нет. Потом из вашей рюмки коньяк в бутылку выливали.

— И что? – заинтересовалась Каллиопа.

— Экстермент... тьфу! Эксперимент дал положительные результаты, — подмигнула ей Клио. — Коньяк даже утром никуда не исчез! Вам с такой рюмкой целый митинг собрать можно. Революции только так и устраивают, между прочим. Вначале грабят спиртовые склады, а потом происходит политическое озарение масс.

- Ты меня достала уже своими историческими аналогиями! Не нужна мне революция! – возмутилась Каллиопа. — Ты посмотри, во что превратилась литература советского периода, когда там революция представлялась счастливым концом. Или вообще... началом.

— Согласна, нам ведь кто нужен? Самые ненормальные! – ответили Клио. – Я по комментариям в блоге пройду, отмечу тех, кому ваши рассуждения кажутся наиболее близкими, а вы каждой напишите самое ненормальное письмо. Если приедут – они наши!

Лариса Петровна и Вероника Евгеньевна восприняли их предложение с абсолютно ненормальной готовностью, будто именно такого поворота сюжета они и ждали всю жизнь. После встречи на чтениях все четверо завели себе дополнительный аккаунт в скайпе. Все же сны оставались снами, а рюмка коньяка, кольца и мексиканская шляпа Жоры, решившего тоже посвятить часть своей жизни искусству, в реальной жизни плохо настраивали на древнегреческий лад, а переход к античному антуражу сеанса связи отчего-то даже заставлял иногда говорить белыми стихами. К тому же Каллиопа рассказывала, как ей не понравилось, когда она однажды увидела своего знакомого в офлайн, точно зная, что его не может быть на месте. Она поняла, что кто-то на работе проверял его контакты, надеясь, что она вступит в переписку. Они договорились связываться по скайпу исключительно со своего компьютера и в отдельном аккаунте, каждый раз выходя из программы после окончания сеанса связи. Интерес к вечерним посиделкам явно превышал их терпение, поэтому они решили не рисковать.

И теперь каждая, видя на экране копии античных скульптур, тут же проникалась особой атмосферой их вечерних посиделок, до которых с трудом дотягивала Каллиопа. Первым делом, зажигая свечи рядом с собой, кто-то из них обязательно интересовался, сколько раз зажигала свечу днем сама Каллиопа. И по тому, как часто она зажигала свечу, они понимали, насколько трудный день ей удавалось преодолеть. Все четверо знали, насколько важно помочь Каллиопе дописать счастливый конец, хотя начавшая против нее очередная кампания совершенно не располагала к мечтам о безоблачном счастье. И часто, когда все они собирались за скайпом после работы, она признавалась, что сама не верит в то, что сможет пережить самое темное время года до зимнего солнцестояния.

— Девочки, я хочу, чтобы вся мерзость жизни тех, кто ворует не просто деньги, а саму чужую жизнь, крадет веру в справедливость бытия, вышла наружу, взорвала слабую оболочку внешней пристойности, — сказала Каллиопа безжизненным голосом.

— Присоединяюсь к справедливому требованию сестры! – серьезно поддержала ее Клио. – И раз уж они так настроены против того, чтобы она преподавала, пусть сами, своим примером преподают всем уроки жизни! Пусть дадут такие уроки, чтоб они навсегда остались в истории!

— А я хочу, чтобы они начали грызть друг друга за «неприкрытые» бюджетные деньги, а чтобы деньги обрели свою волю и вырвались из их власти! – вдруг набралась смелости Урания.

— Девочки, а можно я скажу? А мне можно? – пропищала Эвтерпа. — Я хочу, чтобы пока они поражали всех своими «педагогическими способностями», мы бы вызвали у всех интерес к классическим искусствам и сумели бы... немножко помочь младшим сестрам...

— Ты чего? – откровенно враждебно поинтересовалась Клио. – Ясно же, что

мы должны всех заставить читать Каллиопу! Мы должны помочь ей преодолеть трудные времена!

— Поймай! – задумчиво сказала Каллиопа. – Какой смысл все усилия направлять на участок фронта, по которому бьют прямой наводкой, где меня разбивали не раз и не два-с? И блог этот... Я

публикую там мысли и материалы, после их извращают, растаскивают для своих статей и заявлений «прогрессивные деятели» и журналисты всех мастей без ссылок. Не помните, как этого профессионального игрока в викторины на кармане ловили? Причем, дожидался, когда я за три года основные постулаты всем доказала, собрав все шишки, — и вышел мой труд присваивать! Потом заявил, что у нас – «единомыслие без плагиата»! Сколько можно их кормить собой? Тем более, что моя задача – писать романы, а не публицистические статьи. Только в образах, которые пройдут испытание эстетической триадой «автор-образ-читатель» я смогу изменить этот мир к лучшему. И для закрепления этой триады нам всего надо пять человек, которые у нас всегда найдутся!

— Тогда я предлагаю придется запустить на огуречном портале новостную ленту, отмечая наиболее важные события, смещая акценты к общечеловеческим ценностям – в новости науки и культуры, — предложила Клио. — Надо отслеживать действительность, но выбирать из нее наиболее ценное и существенное. Кстати, отчего-то уверена, что все нами упомянутое как-то начнет срабатывать. Ведь свой урок эти господа решили преподнести именно мне.

— Давайте! – подхватила Эвтерпа. – Мне наша новостная лента совершенно не нравится. Уже многое поменяется само собой, если мы будем отмечать то, что считаем важным. А то, что нам навязывают в качестве самого важного – будет отправлять в игнор.

После этого сеанса начали происходить странные вещи, помогавшие Каллиопе держаться до вечера. Все новостные ленты газет, телевизионных каналов, Интернет-изданий захлеб сообщали об обысках в офисах крупных компаний, в кабинетах высокопоставленных чиновников, в квартирах любовниц членов правительства... Постепенно ее стала раздражать навязчивая активность правоохранительных органов, явно пытавшихся всем доказать, что лишь с ними может возникнуть счастливый конец. Саму Каллиопу их слишком запоздалая активность вовсе не приближала к действительно счастливому финалу. Она понимала, что находится в плотном кольце окружения, куда вместе с ней попали все, кто верил в ее правоту. И выйти из этого окружения следовало там, где их никто не ждал.

Она пыталась объяснить концепцию своего счастливого конца, когда счастье должно прийти исполнением желаний ко всем героям ее романа без исключения. Выслушав ее, Клио вспомнила, что муз девять, а их лишь четыре. Поэтому счастливой развязки ждать не приходится. Посоветовавшись, решили, что Урания и Эвтерпа займутся классическим искусством, где еще теплится настоящее вдохновение.

Генрих Ипполитович Семирадский (1843 — 1902). Игра в кости.

— Опера и балет – ничуть не ниже большой прозы, ни на йоту ее не меньше, — заметила Каллиопа. — В любом виде большое искусство должно вызывать радость жизни, давать надежду и отогревать души. Раз нам не сладко, не думаю, что кому-то из младших муз помешает участие в нашем счастливом конце.

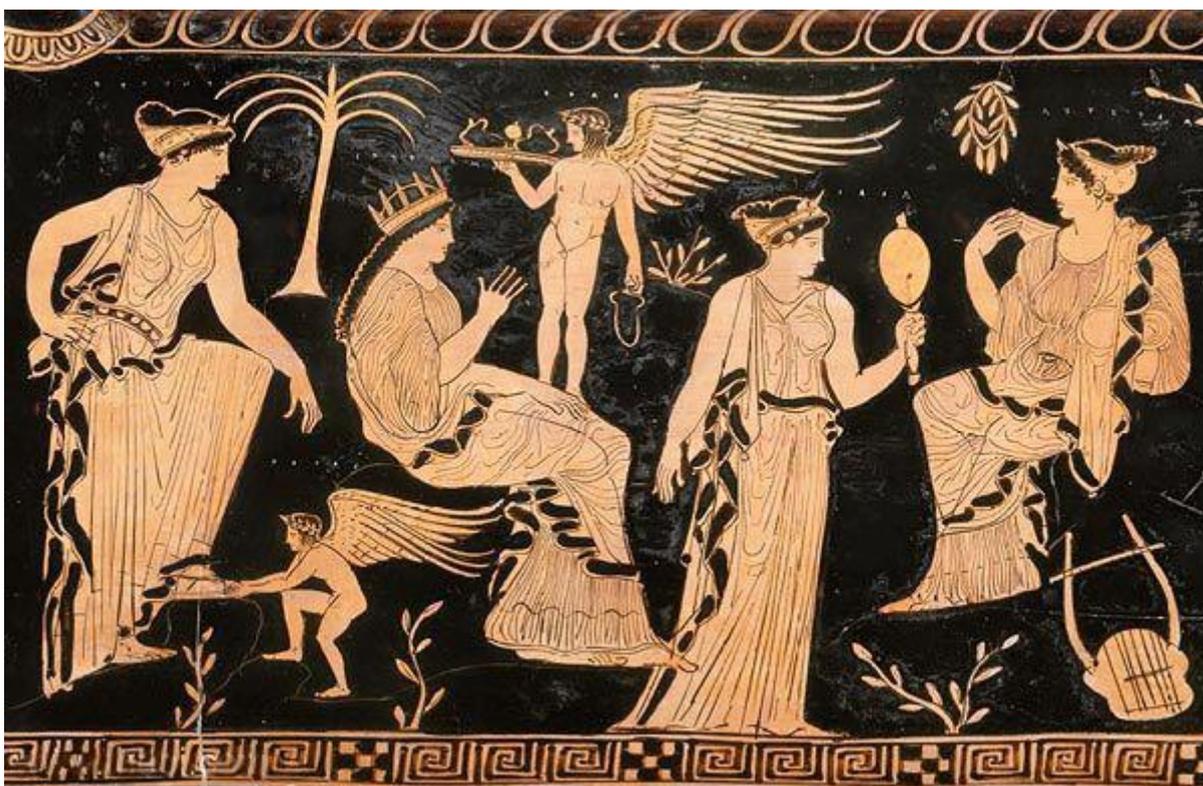
— Если говорить о младших музах, то, насколько я помню эту среду, их здесь можно определить куда проще, чем нас, извините, — тут же встряла Эвтерпа. — В отличие от нас, они на виду, это главное условие их профессии. Насколько я могу судить, Эрато, поддерживающая связь между младшими и старшими музами, — это очень известная тележурналистка. Терпсихора – балерина Владимирская, Полигимния – тоже всем известная оперная дива, которая царит на сцене уже почти полвека. На счет Мельпомены у меня тоже нет и малейшего сомнения, это всем известный премьер главного театра страны Николай. Я даже считаю, что признак избранности для младших муз заключается в том, что они становятся участниками каких-то скандалов, сосредоточием публичной травли.

— Я послушала это перечисление, — сказала Урания. — Люди-то очень известные. Причем, известны незаурядными творческими достижениями. А все делается так, будто кто-то нарочно стремится создать им скандальный имидж. Согласитесь, их имена чаще всего упоминаются в негативном ключе.

— А это нарочно делается, чтобы уйти от творчества! – категорично заявила Клио. – Меня здесь все же беспокоит другой аспект — мы слишком далеко от тех, кому решились помогать.

— Она права! – поддержала ее Урания. — Возле них свой круг знакомых и близких, мы слишком далеко от них! И все же мы – их публика, мы обязаны их поддержать.

— Если они музы, — задумчиво проговорила Каллиопа, — любой наш интерес вызовет дополнительную атаку на них, не давая нам соединиться. До зимнего солнцестояния эти люди выдумают множество гадких вещей. Ведь даже Талию среди всех талантливых юных балерин можно будет выделить лишь по тому, на кого обрушатся жизненные невзгоды.

— Но именно поэтому им понадобится счастливый конец! – горячо вступилась за младших Эвтерпа. – Их клюют и без нас!

— А вообще это очень интересно заведено, что как раз младшие музы, которым необходим живой контакт с публикой, изначально получают какими-то изолированными, — заметила Каллиопа. – Вроде и все на виду, а как тут создать органичный образ?

— Но у них само по себе обучение классическому искусству изолируют их от общества, изначально замыкает на профессиональной среде, — ответила Клио. – Придется всем начинать писать об опере и балете.

— Вообще-то я не собиралась писать о балете, тем более – об опере, — запротестовала Каллиопа. — Это вы на меня наседаете, а я вам поддаюсь, потому что я очень робкая и нерешительная!

— А о чем вы хотели писать? – подозрительно поинтересовалась Урания.

— Не знаю, — призналась Каллиопа. — Во мне все время звучат какие-то чужие голоса, что писать мне ничего не надо, меня все равно никто не услышит. А после этой травли, этих наездов и попыток доказать, будто я для них – лишняя и ненужная, я сама не хочу писать... для этих людей. У меня вообще какой-то внутренний барьер возник!

— А почему вы тогда не пишете про громкие дела? – удивилась Урания. – Вот сколько нынче обысков, арестов... Будто, попытавшись изменить время для вас, эти люди изменили его и для себя.

— Из-за всех этих обысков громких разоблачений, когда о главном все равно не говорят, – ко мне пришло какое-то... разочарование, — поморщилась Каллиопа. — Мне кажется, что это вовсе не счастливый конец, а напротив, желание оттянуть концовку. Попытка скормить кого-то вместо себя. Ведь нравственного переосмысления не возникает! Никто не спешит признать собственные ошибки! Это обычное желание остановить время, сдавая пешку, как в шахматной игре. Сейчас многие хотят писать об этом, пока их по норкам не шуганули, вот и пускай пишут. А я о таких персонажах писать не буду.

В целом, Каллиопе очень понравилось предложение Эвтерпы. Но ей казалось, что сестры не чувствуют, как прорывается и пытается наступить совершенно другое время. Но перед ним надо было пройти черную полосу испытаний, чтобы это новое время все-таки наступило.

Казалось бы, в первую очередь, ей надо было свести счеты с теми, кто уничтожал ее в реальной жизни. Но почему-то она не хотела ни строчки посвящать тем, кто считал, будто до конца жизни, в которой они так удачно устроились, им предстоит лишь оценивать других, единолично решая, кто чего стоит в этой жизни. Она чувствовала, как стремительно иссякает время, когда они использовали доставшееся им значение в реальности для того, чтобы определять степень чужой «нормальности». Наступало другое время, когда их личности приобретали истинные размеры. И если бы она начала о них говорить, как о своих героях, то придала бы им тот вес, которого они были недостойны. А это могло бы отнять время у других, куда более достойных героев, о которых ей надо было успеть сказать.

...Сколько раз Мылин уже пожалел, что согласился на участие в плане Антона Борисовича под предлогом упрочения своих позиций в театре, в глубине души понимая, что без расстановки каких-то жестких акцентов хотя бы таким образом — и его личные планы вряд ли смогут воплотиться в жизнь счастливым концом. Когда-то, танцуя сказочных принцев в романтических балетах, он всей душой стремился к финальным аккордам перед бурей аплодисментов зрительного зала. Возможно, такой неправильный у него тогда сложился стереотип, что счастливый конец для него — непременно должен означать и абсолютное счастье всех, кто поздравлял его за кулисами,

кто кричал «Браво!» с самого верхнего яруса.

С каждым днем он чувствовал, как отлично задуманная тестем операция на глазах превращалась в аферу и, чем дальше, тем больше начинала походить на какой-то фарс. Иногда ему казалось, что иначе и не могло быть, поскольку сам план задумывался в одно время, а осуществлялся — совершенно в другом. Самой воспаленной от омолаживающих прижиганий кожей он ощущал, как меняется вокруг само время. У него даже стали возникать странные мысли, будто он пытается скрутить для себя время, остановить его ход, убрав морщинки под глазами и вернув прежний овал лица, а время уходит, навсегда забирая с собой и то, чем уже одарило его за долгие годы, бесследно стирившиеся с его лица.

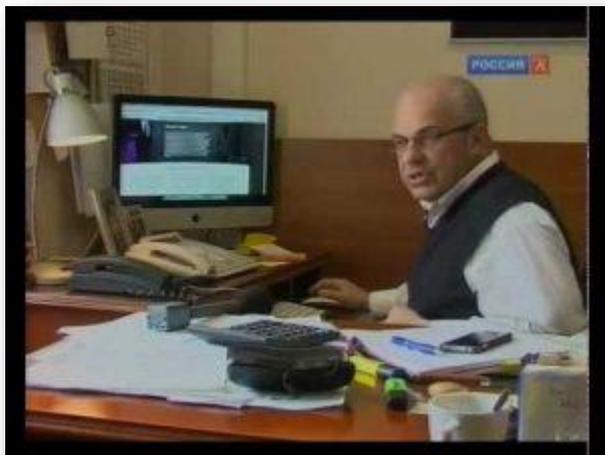
— Время поменялось! — вырвалось у него вслух, когда Антон Борисович сказал, что на какое-то время им с Дашей надо будет уехать за границу для лечения, чтобы на экспертизу полученных им увечий представить его медицинскую карту, а не его самого.

По телевидению уже прошли передачи с рассказами о новых экспериментальных методиках восстановления кожного покрова, поврежденного от ожогов, которые якобы применялись на нем. Но чем дальше, тем больше вопросов возникало в обществе. Антон Борисович обещал, что в Интернете все будут молчать, потому что сам случай будет использован «для зачистки виртуального пространства» от «хакеров-балетоманов, готовых на все». Но главной целью, конечно, было инсценированное самоубийство дорогого друга Коли, который должен был покончить с собой в раскаянии от совершенного злодеяния.

И поначалу Мылин несколько не сомневался, что при развернувшейся травле, на фоне всеобщей обструкции – все произойдет именно так, как было задумано. Даже первые сообщения о нападении на него неизвестных. Директор театра заявил, что истоки преступления – в скандалах, которые постоянно устраивал премьер, ставший настоящим «злым гением театра». Бывший министр культуры, вторя ему, под своим именем дал статью, озаглавленную достаточно претенциозно: «Для оздоровления обстановки в театре необходимо уволить нашу зарвавшуюся балетную звезду».

В прессе выступила и пресс-секретарь Никифорова, мрачно заявив, что все интриги, скандалы и склоки, источником которых является всем известный балетный премьер, вылились в преступление: «Подозрения у администрации театра есть, и за этими подозрениями стоят конкретные люди. Кому это было выгодно и нужно. Но хочется, чтобы заявления были не голословные, а с фактами. Обидно, когда такие подлые дела остаются без наказания. Надо искать среди людей с непомерными бесстыдными амбициями внутри театра — среди тех, кто заинтересован в дискредитации русского балета и, прежде всего, администрации театра. Надо посмотреть, кто заинтересован в том, чтобы поставить на руководящих постах своих людей в театре».

Молчал лишь Мазепов, хотя Мылин знал, что именно он должен был заняться информационной поддержкой зачистки Интернета. Антон Борисович по секрету пояснил, что у Мазепова не только возникли проблемы со здоровьем, но и произошло большое несчастье в семье. В новогодние праздники его любимый сын поехал с друзьями в одно из подпольных казино. А там он попался в гардеробе на

чужом кармане, решив вытащить у своего приятеля сорок тысяч рублей. Его задержали на несколько часов, а когда разобрались и отпустили домой, мальчик от всех этих переживаний стал немного не в себе. Начал выть на луну, а в новолуние – убежать из дому через пожарную лестницу на лоджии. Самого Мазепова Антон Борисович встречал в театре с совершенно пустым отсутствующим взглядом. Он явно уходил от ответа, на вопросы не реагировал, а стоило проявить настойчивость – тут же начинал сосредоточенно чистить свой пиджак резиновой щеткой, снимая с себя ключья рыжеватой шерсти, будто всем видом показывая, что возиться со своей

собакой у него время есть, а вот Интернетом заниматься ему совершенно некогда.

Между тем, именно от Интернета Мылин ждал наибольшей опасности, хотя пока там были лишь пожелания ему скорейшего выздоровления и выражения сочувствия. Он сам не понаслышке знал, как может мгновенно перемениться вся эта среда буквально за пару часов. Время там текло по своим законам, постепенно реформатируя и подминая под себя реальность. Поэтому он с благодарностью отметил про себя, что вместо сошедшего с дистанции в самый неподходящий момент Мазепова — весь процесс формирования общественного мнения в Интернете взял на себя Антон Борисович.

В социальных сетях начали возникать новые лже-странички от его имени, где Антон Борисович выкладывал скриншоты его «личной переписки». Странички имели недостаточную для возникновения скандала посещаемость, поэтому само их появление органично увязывалось Антоном Борисовичем в подаче «самого громкого преступления этого года» средствами массовой информации. Мылин только хмыкал, читая кричащие заголовки электронных версий СМИ в своем смартфоне: «Художественному руководителю балета Мылину снова пытаются испортить жизнь», «Пока Мылин проходит лечение в больнице, анонимные злоумышленники начали новые атаки — через интернет». Он с удовольствием отметил про себя, что в большинстве публикаций его называют «балетмейстером», хотя сама постановка хореографии балетов у него никак не получалась в жизни, будто у него начисто отсутствовали воображение и способность к творчеству.

В социальной сети Facebook заработала новая лже-страничка балетмейстера театра Мылина, на которой выложены якобы настоящие скриншоты со взломанной почты Артиста. По этическим соображениям и просьбе родных Мылина мы не публикуем изображения фальшивок. Однако интересен тот факт, что весь «компромат» на балетмейстера Мылина выложен от лица некой женщины!

«Я так поняла, что это про Мазепова, письмо подписано им», — именно такая подпись стоит под одним из псевдо-скриншотов с личной почты Мылина. По сообщениям, написанным неизвестной пакостницей, четко прослеживается зависть и обида на жизнь. А по опубликованным фразам становится ясно, что все атаки на Мылина являются настоящей мстью.

«Когда совершаешь плохие дела и поступаешь с людьми непорядочно, используя различные приемы для достижения своих личных целей, рано или поздно такими же приемами воспользуются обиженные тобой люди, но уже против тебя», — пишет недоброжелательница.

Заметно, что анонимная ненавистница Мылина весьма тщательно постаралась над созданием липовой странички. На ней выложены не только фотографии Мылина, но и специально подобранные цитаты и афоризмы в адрес художника: «Дай только человеку власть — он насладится ею всласть», «Дураку, назначенному на должность умного, не позавидуешь», «Возведя себя на пьедестал, всегда найдется тот, кто укажет на шаткость фундамента».

И последняя фраза прямо указывает на профессиональную принадлежность сетевой клеветницы. Скорее всего, это небезызвестная сетевая хамка «мадам Огурцова» уже получившая уголовную судимость за свои экстремистские высказывания.

— Это очередной, невероятно подлый поступок против художественного руководства балета театра, — говорит тесть балетмейстера Антон Борисович. — Сообщения хоть и датированы 11 и 12 января, но появилась эта лже-страница именно вчера, когда все балетные артисты театра были задействованы на съемках «Баядерки», над которой так тщательно и вдохновенно работал художник балета Мылин.

Отметим, что подобная атака на Мылина через соцсети уже была совершена в ноябре. После удаления лже-аккаунта балетмейстера, хакерской атаке подверглась страница его помощницы, ее также пришлось удалить и заново воссоздать.

— Мы уже обратились в головной офис «Фейсбук» и написали официальное заявление с просьбой закрыть эту недостоверную страницу,- продолжает Антон Борисович.- В ближайшее время мы планируем также написать письмо Президенту России. Мы искренне надеемся, что наши криминалисты смогут раскрыть нападения. Ведь Мылин — государственный деятель, и когда подобный кошмар происходит людьми на таких должностях, это оборачивается как оскорбление всей страны.

На данный момент художественный руководитель балета театра продолжает находиться в ожоговом центре больницы. Ему проведены две операции на восстановление зрения и кожи лица.

— Следующая операция назначена на 28 января, — рассказала мать балетмейстера. — Медики запретили посещение сына. Его травмы очень серьезные, и сейчас никак нельзя допустить, чтобы в палату попала инфекция с улицы. Даже Даша, жена сына практически не выходит из больницы.

Леонардо да Винчи «Нарцисс»

Он лишь поморщился, отметив про себя, что в каждой публикации о нападении на него упоминался Антон Борисович, повсюду бросавшийся за него на амбразуры, подчеркивая, насколько тяжелые физические страдания он испытывает. Мылина покоробило, что он несколько переигрывает, утверждая, будто кто-то звонит и ему с соболезнованиями по поводу случившегося. Все-таки не стоило Антону Борисовичу

использовать этот случай для пиара «Классических традиций» и своего несуществующего «веса» в балетных кругах.

Но, возможно, именно этот прием был вполне оправданным, поскольку после публикации ролика в Интернете и сообщения, что ему спасают новыми методами кожный покров на лице, «мадам Огурцова» высказала сомнение в компетенции лечащих врачей, поскольку в аналогичных случаях вначале шли операции по восстановлению зрения.

Ее замечание немедленно учел Антон Борисович, поэтому медики сообщили о перенесенных им операциях на глаза, а очередные интервью ему пришлось давать с заклеенными специальным составом глазами.

Некую смену тренда после каждого ехидного замечания «мадам Огурцовой» он чувствовал по тому, как все дальше и на неопределенный срок отодвигалась его выписка из больницы. В СМИ прошли сообщения, что он «перенес первый этап операций», хотя в некоторых интервью специально для Каролины он уже сообщил, что попросил из дому гантели и стремительно восстанавливает физическую форму, готовясь выйти на работу. Теперь он не знал, что ответить своей маленькой девочке, с которой он был вынужден говорить украдкой из пустого холла ожогового центра по вечерам. Заливаясь слезами, она прочла ему очередной опус коварного Антона Борисовича.

Мылину предстоит долгое и непростое лечение и восстановление. Всякий нормальный человек сопереживает и сочувствует. Особенно непросто в эти дни родным и близким балетмейстера. Его тесть,

Антон Борисович, рассказал нашей газете о происшествии и о том, как себя сейчас чувствует себя его дорогой зять.

— Антон Борисович, все наши читатели, вся редакция, по-человечески переживаем за здоровье Мылина. Как он?

— Вы абсолютно правы, — заявил Антон Борисович. — Тех, которые переживают в чисто человеческом плане, подавляющее большинство, и, вы не поверите, тысячи звонков со всех концов земного шара. И на телефон Мылина, и на телефон Даши, моей дочки, и на мой. И все, прежде всего, спрашивают о здоровье, люди готовы дать кровь,

кожу, все что угодно, для того, чтобы он пошел на поправку. Предлагают и частные клиники, и частные самолеты, чтобы перевезти его куда угодно. Вот такой отклик. Но есть и кучка негодяев, которые в желтой прессе опускаются в это время до того, что хотят какие-то сплетни запускать. Получается, они продолжают плескаться кислотой, но уже в душу ему и его близким. Вместо того, чтобы вместе сплотиться и найти этих гадов, которые заказали и осуществили нападение.

Взбешенный Мылин сразу позвонил Антону Борисовичу с требованием объяснений. Тесть крутился ужом, но в конце концов выдавил из себя, что выписка его из больницы откладывается на неопределенное время, пока они не договорятся с клиникой в Германии. Но и туда, во избежание возможных кривотолков, Мылину придется отправиться в сопровождении Даши. Ни о каком присутствии Каролины даже под соусом «любимой ученицы» и речи быть не может, так как они сейчас бьют на то, что выплеснутая ему на лицо «неизвестная жидкость» почти лишила его зрения. Поскольку после заявления медиков, будто все процедуры и манипуляции оказали потрясающий эффект, мерзкая блоггерша «мадам Огурцова», как бы вся «на нервах», уже высказала «догадку» в комментариях, будто не только Мылину, но и всему его окружению в лицо плеснули всего лишь святой водой.

По его данным, сочувственное отношение публики к его трагедии начинает снижаться, на передний план новостных лент стали выходить куда более рейтинговые сообщения о новых обысках и миллионных взятках и откатах чиновников из высших слоев общества. А все, что они задумали, возможно осуществить лишь «в накале страстей».

Стоило им повысить давление на Николая, тут же стали появляться и другие тенденциозные заметки об организации менеджмента в театре. А на форумах любителей классического искусства дамочки с «огуречных ресурсов» прямо высказывают сомнения в том, будто директор театра действительно проходил стажировку за границей, а свою диссертацию защитил без «заимствований и недоброкачественных цитирований» в свете возникшего скандала о плагиате в диссертациях чиновников высшего звена. И реакция на все эти безответственные заявления уже начала просачиваться... через иностранную прессу.

Директор и художник балета театра обладают огромной властью: в их руках судьбы отдельных танцоров, они могут способствовать их карьере, давать высокооплачиваемые партии и направлять потоки средств, которые проходят через театр. Правительство приступило к аудиту бюджета театра на 70 млн фунтов, включая президентский грант на 7,5 млн фунтов, который идёт на доплату к основной зарплате танцоров. Под угрозой пенсии, а также разные премии, которые выплачиваются исполнителям ведущих партий после каждого спектакля. Правительство заявляет, что следствие планировалось давно и что оно не связано с недавними событиями, но расходы Мылина находятся под пристальным вниманием, и особенно — назначения индивидуальных грантов.

Но пока зацепиться в заявлениях самой «мадам Огурцовой» было не за что, как объяснял Антон Борисович, вынужденный, кроме средств массовой информации, вдобавок мониторить виртуальное пространство вместо окончательно съехавшего с катушек Мазепова. Блоггерша явно имела связь с иностранными корреспондентами, работавшими в Москве, которые доверяли ее мнению намного больше, чем всем прочим «информированным источникам».

Стоило в прессе упомянуть о «мадам Огурцовой», все дамочки из числа поклонниц Николая, включая его самого, принялись с видом первых учениц наизусть повторять публикации с ее «огуречных» ресурсов. Масла в огонь подлила одна юзерша, заявив на оперном форуме, что после всего лишь одной статьи этой выскочки – присяжные полностью оправдали старейшего преподавателя фортепиано, обвиненного в педофилии.

Еще в декабре Мылин отметил для себя умную и жесткую защиту премьеры от нападков за письмо деятелей культуры с просьбой поставить его директором театра. При обсуждении плана Антона Борисовича он ему заявил, что если не заткнуть «мадам Огурцову» в Интернете, она не даст им довести все задуманное до финала, без которого все это не имеет никакого смысла.

Антон Борисович явно недооценивал блоггершу, назвав ее – «взбесившейся провинциальной климактеричкой». Он был полностью поглощен

доказательствами его личной выгоды участия в выполнении своей «операции» в своей приторно-слащавой манере. Мол, думает он исключительно о его благе, о будущем его сыновей и все такое. Но пообещал, что «мадам Огурцова» будет занята исключительно своими личными проблемами, которые он создаст ей через прокуратуру. Когда Мылин потребовал честно ему пояснить, что тот имеет в виду, Антон Борисович рассказал, что к ней применят специально созданное под нее законодательство, имеющее обратную силу, и вынесут ей по иску прокуратуры запрет на профессию под предлогом, что подобные экстремистки не должны оказывать пагубного влияния на подрастающее поколение. Мылин тогда восхитился его безупречной проработкой каждой партии.

«Мадам Огурцова» должна была быть изгнана с работы и связать по рукам и ногам свое окружение обрушившимися на нее неприятностями. В принципе, травля, загодя организованная ей Антоном Борисовичем, должна была и ее саму настроить на «оптимистический» лад, чтобы как можно скорее расстаться с жизнью.

Перед иском прокуратуры ей заблокировали банковскую карточку, объяснив, что осуждение ее на штраф в двадцать тысяч рублей – автоматически означает причисление к опасным международным террористам и неопровержимо доказывает ее неукротимое уголовное желание получать денежные средства преступным путем. Антон Борисович намекнул, что против «мадам Огурцовой» начал работу еще старый советский отдел, где были собраны лучшие специалисты по гипнозу на расстоянии. В задачу этого отдела входило гипертрофировать в ее сознании восприятие всех несчастий, чтобы окончательно уничтожить в ней само желание жить. Поэтому о ней можно вообще не волноваться, у нее сразу после Нового года будет последний суд, который окончательно лишит ее возможности заработка, что в провинции равнозначно смертному приговору.

Однако за все время Мылин не увидел, чтобы характер публикаций «огуречных» ресурсов хоть как-то изменился бы... в оборонительную сторону. Блоггерша из последних сил делала вид, будто ничего из ряда вон выходящего с ней не происходит.

Напротив, в блоге начал проявляться странный уклон в античную мифологию, от которого возникало стойкое впечатление, будто «мадам Огурцова» в своей отвратительной ернической манере сообщает гораздо меньше того, что знает наверняка. Это неминуемо породило и общий интерес к античным мифам, которые все начали толковать по своему усмотрению. И это почему-то очень не нравилось самому Мылину, каждый раз вызывая в нем внутренний холодок.

Nemesis, by Alfred Rethel (1837)

Он несколько раз перечитал ее статью «Стрелка с Немезидой», но вряд ли смог бы объяснить и себе самому, чем, собственно, его зацепила эта статья. В ней «мадам Огурцова» доказывала, что установленные в судах и прокуратурах образы женщины без повязки на глазах, с карающим мечом, вынутым из ножен, ставшие олицетворением нынешней карательной системы правосудия, — никакого отношения не имеют к прообразу этих фигур, античной богине правосудия Фемиде. Сняв повязку с глаз Фемиды, которая должна была при осуществлении правосудия помешать разглядеть имущественную или сословную принадлежность подсудимых, правоохранительные органы на самом деле призвали другую богиню правосудия — Немезиду. А в ее ведение поступали не только те, кто ушел от справедливого суда Фемиды, но и те, кто помог им это сделать. Если Фемиде всегда держала весы над головой, то у Немезиды весы, как символ

правосудия, были привязаны к поясу. Это означало, что справедливость все равно будет восстановлена, пусть и с некоторой оттяжкой во времени.

«Мадам Огурцова» издевалась над непросвещёнными российскими правоохранителями, заставившими Немезиду поднять весы над головой так, как это делала Фемиде. Она говорила, что снятые Немезидой с пояса весы означают даже не божественное возмездие, а немедленную расправу вместе с ночными богинями мести эринниями. Этим жестом, как объясняла она, уничтожался временной промежуток, позволявший всем смертным осмыслить происходящее и самим вынести собственное суждение. Поднятые вверх весы у Немезиды означали призыв к эринниям, нечто вроде объявления войны.

Еще тогда Мылин ощутил для себя некие изменения вокруг, прежде всего, в людях. Он вспоминал себя, всегда испытывавшего непреодолимый барьер в восприятии «человека при должности» — как обычного смертного. Но вдруг сам почувствовал, что на первый план начинают выходить действия самого чиновника, его деловые и человеческие качества. А в СМИ, будто поневоле и через силу, будто кто-то за них давно написал все эти статьи, которые они намеренно не публиковали, стараясь, если не остановить, то хотя удержать

время, — все чаще начинали вспоминать об ответственности любого руководителя перед обществом, причем, в лексике ненавистной блоггерши.

Пока он лежал в больнице, в одной из газет было опубликовано интервью с молодым солистом балета, который ушел из театра по собственному желанию еще до Нового года. Но язык у него развязался только сейчас, когда любая подобная публикация могла сорвать намеченную операцию.

Молодой перспективный танцовщик уволился из театра во время пятого сезона работы. По его словам, артисты получали «копейки».

«Есть оклад и есть награда, постоянная и переменная. Оклад смешон – 4-5 тысяч рублей, в зависимости от разряда, плюс «постоянный» грант и плюс переменный грант – деньги, которыми руководство распоряжается по своему усмотрению. Его могут не дать, и это будет абсолютно нормально. Всего я получал 30–40 тысяч рублей, отработав четыре сезона. Копейки. В начале пятого сезона уволился. Мылин предлагал мне и зарплату повысить, и ролями одарить. Ну, чуть больше были бы копейки. Зачем мне это? Я случайно выяснил, что наши уборщицы на Новый год получают премии больше, чем я. Это уж не говоря о нашей бухгалтерии, которая артистов за людей не считает».

Но самой главной причиной увольнения стала усталость, говорит солист: «Мы играли до 30 спектаклей в месяц. Астрономическая цифра. Мылин кричал на репетициях. Ему не нравилось, что кто-то проходит не в полную силу. Хотя уже, например, месяц артисты с утра до вечера танцуют, устали. И однажды Мылин начал орать: «Думаете, вас заменить нельзя?» Разными словами нас называл при девочках, девчонок унижал. Тогда наш солист Саша Игнатенко попросил вежливого обращения: «Что происходит, нельзя к артистам относиться по-человечески?»

Солист не скрывал своей солидарности с известным премьером Николаем, поставившим вопрос о том, что после реконструкции театр окончательно стал непригоден к художественному творчеству: «Пройдитесь по театру – он напоминает бытовки!».

Он не скрывает, что был одним из немногих, кто ходил на танцевальный класс к Николаю, это осуждалось администрацией театра и считалось «оппозиционным» шагом в отношении его руководства.

Известно, что прославленный премьер театра стал одним из главных обличителей его реконструкции. Правда, ужаснулся не он один: в блогах в 2011 году появились фотографии свежееободранной новой позолоты. Оперные певцы говорили об изменившейся акустике. Реставрацию

критиковала и театральный режиссер, известная в мире оперной музыки Наина.

Напомним, сроки сдачи театра переносились (сначала планировалось закончить реконструкцию в 2008-м), Счетная палата нашла отдельные нарушения и даже сообщалось о попытке возбудить уголовное дело за превышение сметы в 16 раз подрядчиком (о дальнейшем расследовании ничего неизвестно). В 2011-м реконструкция была закончена.

«Отвратительным пластмассовым новоделом» назвал в разговоре с корреспондентами театр известный композитор, автор статьи «Этот театр — надгробие русской культуры». «Мои коллеги, музыканты из оркестра, которые вышли на пенсию после реконструкции, предпочитают туда больше не заходить».

Он даже испугался, вдруг услышав во всех этих публикациях нескончаемую канонаду, будто кто-то с боями прорывался к взятому в непроницаемое кольцо Николаю. Мылин наконец осознал, насколько своевременно Антон Борисович предложил ему пойти на инсценировку нападения. Пока эти критические высказывания воспринимались попыткой сместить акценты и уйти от ответственности за совершенное против него преступление. Но он чувствовал, как время не просто стремительно уходит, а начинает работать против него.

«Все должно было закончиться в январе! Все должно закончиться с ним в январе! Потом время начнет работу против нас!» — звучал внутри него чей-то голос. Но в январе так ничего и не закончилось, хотя Антон Борисович при первом посещении сказал, что через десять дней, самое большое через две недели все будет кончено.

Мылину и самому было немного страшно, когда он просматривал в смартфоне публикации о милом друге Николае, валом валившие сразу после нападения. Он уже тайком дважды позвонил Каролине, сообщив, что скоро выписывается. Каролина постоянно расстраивалась после очередных телевизионных репортажей, где журналисты рассказывали, какая крепкая дружная семья у него с Дашей, как он любит сыновей и постоянно «возится с ними», Правда, ни одной фотографии их совместных игр в дружной семье не нашлось.

Вот наступил конец января, и он, скрепя сердце, перезвонил терявшей надежду Каролине и битый час путанно ей объяснял, что в свете изменившихся обстоятельств он не только не может сейчас выписаться из больницы и вернуться к ней, но и согласился на лечение за границей. Но она при этом не должна расстраиваться, он сумеет обеспечить ей первые партии и карьерный рост, потому что на их отношениях это «практически никак не скажется».

— Антон Борисович, — сказал он, перезвонив тестю, — я согласен на лечение в Германии, но надо постараться сделать все, чтобы намеченная нами партия

была исполнена до моего отъезда. Тянуть больше нельзя, вы же сами понимаете!

— Нельзя, — вздохнула телефонная трубка. — Я постараюсь сейчас усилить давление на Николая, дать несколько интервью, в которых призову этих отвратительных злоумышленников сдать правоохранительным органам. Намекну, что стоящие за всем ужасным преступлением люди, осуществившие месть в отношении тебя, не оставят свидетелей в живых.

— Вот про месть вы поминайте, как можно меньше, — желчно заметил Мылин. — В «огуречном» блоге вычитал, будто в этом случае мы обращаемся к Немезиде.

Nemesis and Tyche/Fortuna.

— Ну так и что? — удивился Антон Борисович. — Подумаешь! Немезида в наше время стала фикцией, обычной аллегорией. Мне кажется, сейчас вполне подходящий момент! Со слов этой блоггерши Николай начал повсюду заявлять, будто он — и есть олицетворение театра, муза какая-то театральная, а директор у него — Аполлон.

— Мне это крайне не нравится, — понизив голос, сказал Мылин, мимо которого прошли две молоденькие медсестры, с любопытством посмотревшие на него. Стоило им зайти за угол, Мылин услышал их

заливистый хохот.

— Понимаю я все, не волнуйся! — заверил его Антон Борисович. — Прямо сейчас сделаю заявление, а через дня два... осуществим все запланированное.

— Очень надеюсь на вас! — прошипел Мылин почти с ненавистью. — Вы тянете, а за моей спиной медперсонал смеется! Пока еще не в лицо!

— А поэтому надо перебраться в Германию, ослепнуть там для приличия и всыпать этому персоналу по первое число, — невозмутимо ответил Антон Борисович. — А то слишком мы их разрекламировали с их методиками, и никого, кроме тебя, им еще новой кожей снабдить не удалось. Сваливать надо отсюда!

— Вы видели запись интервью с Мылиным в больнице? — спросила Каллиопа подруг. — Если кто запомнил, так я напомню, что моя матушка была челюстно-лицевым хирургом. Отеки после пластики она называла «бильярдными шарами», еще она разрабатывала с

коллегами жидкость для «искусственного ожога» — тоже разновидность пластики. И у него на лице именно такого рода отеки, будто он лег в больницу для омолаживающих процедур. При этом на камеру говорит текст из передач про химические ожоги, полученные несчастными женщинами, на которых смотреть страшно. Чем дальше, тем эта история кажется мне отвратительнее из-за какого-то сказочного вранья. Будто сказка о голом короле вывернута наизнанку!

— Конечно! Нас просят поверить, будто абсолютно здоровый человек — подвергся нападению злоумышленников, плеснувших ему в лицо концентрированную серную кислоту, — поддержала ее мысль Эвтерпа. — И при этом люди, которые такое утверждают, не знают химию в пределах средней школы. Во всех репортажах говорится, что его спасло то, что он смывал кислоту мокрым снегом. А те, кто учил химию, знают, что при разбавлении серной кислоты водой начинается бурная реакция.

— Мылин утверждает, что на нем был капюшон, а жидкость ему плеснули снизу вверх, — вступила Клио. — После того, как я по поручению Каллиопы просмотрела все эти ролики с несчастными женщинами, пострадавшим от химического ожога, сразу поняла, что у Мылина нет характерных поражений линий губ и крыльев носа.

— Я тоже просматривала эти программы, — призналась Урания. — Там женщины, пережившие этот ужас, не могли говорить спокойно, филировать звук, от ядовитых паров повреждаются и голосовые связки. И даже когда у них выполнена шлифовка лица, при ярком освещении видно, что кожа не везде ровная, заметны участки пересадки. А худрук балета будто вещает хорошо вызубренную роль, практически сразу приступив к подробным показаниям «ничего не видел, но чувствую сердцем». И сколько подобных спектаклей мы видели?..

— Хотела отметить даже не «визуальный эффект», когда не веришь собственным глазам, а ищешь доводы в пользу того, что тебе лгут за кадром,

— сказала Эвтерпа. — Психологическое состояние женщин, подвергшихся нападению с плесканием кислотой в лицо, достаточно тяжелое, никто из них не может без содрогания вспоминать момент своей... казни. Мы же знаем, что женщины вовсе не подвержены страху, «переживаниям» и т.п. «эмоциям», нежели мужчины. Если бы это было так, никто бы из дам не решился на второго ребенка. Но все женщины пережили шок, испытав ужас беспомощности перед своим... палачом.

— Да, все это так! – подтвердила Урания. – В ролике с Мылиным можно услышать много знакомых «мотивов» с чисто женскими интонациями на тему. Такое впечатление, что он предварительно неоднократно штудировал выступления этих несчастных дам. При этом сидит с нетронутым личиком и ему ни капли не стыдно! Но реальность такова, что и за рубежом лишь после многочисленных пластических операций можно восстановить... линию губ, которая первой повреждается при химическом ожоге.

— И все же главное – сам вид зажмурившегося героя с несколько нетронутыми волосяными луковицами, целыми ресницами и ничуть не задетыми бровями, — отметила Каллиопа. – Если в результате химического ожога есть опасность потерять зрение, вначале проводятся операции по восстановлению зрения, иначе в ходе лечения и восстановления кожного покрова его можно окончательно утратить. Здесь все делается наоборот! Руки не забинтованы, а там ногти растворяются, если бы он смывал снегом серную кислоту. Нет ни одного следа на коже вокруг глаз, который появляется из-за того, что жертва успевает инстинктивно зажмуриться. Так и хочется поблагодарить замечательного артиста за хорошо сыгранный спектакль... который все же оставил достаточно неприятный осадок сам по себе.словно всех женщин искалечили специально, чтобы по их горьким рассказам сейчас этот здоровый мужик изображал из себя «жертву преступного нападения». Значит, у них брали интервью, заставляя еще раз пережить весь этот ужас, не для нравственного переосмысления запредельной жестокости в отношении женщин, а для большей достоверности инсценировки.

— Меня поразило, что на женщин с кислотой нападали вполне «уважаемые члены общества» — прокурор, спикер городской Думы, крупный бизнесмен... В основном, нападали по каким-то бытовым проблемам, — пробормотала Эвтерпа. — Как правило, нападавшие хотели улучшить свои жилищные условия. Да и последствия нападений, как говорится, «налицо». Там и сомневаться не приходится, «что это было?».

— Неудивительно, что и в Интернете многие испытывают острое недоверие к происходящему, — отметила Клио. — Ведь ролик о нападении появился... как-то подозрительно быстро, возможно, даже чуточку раньше самого нападения. Очень странное заявление самого Мылина, будто в больнице его

уже снимал человек, который «первым нарушил закон». Даю ссылки на все сообщения!

Худрук балетной труппы театра Мылин пожаловался, что первые видеосъемки после нападения были сделаны незаконно человеком, представившимся полицейским.

«Вы видели гулявшие потом по Интернету и телеканалам кадры видеосъемки, сделанные в приемном отделении больницы, куда меня доставили после нападения? Еще одна сторона

нашего общества. Снимал человек, назвавшийся полицейским. Медики не могли не пропустить показавшего удостоверение сотрудника правоохранительных органов», — рассказал Мылин в интервью.

По его словам, этот человек попросил всех выйти из палаты, объяснив, что обязан взять дополнительные показания, якобы очень важные для следствия. «Я был забинтован и ничего не видел. Человек задавал какие-то вопросы, а сам из-под полы вел съемку. Уж не знаю, на мобильный телефон или на камеру. Вероятно, в этом и заключалась истинная цель прихода. Можно долго рассуждать о морали, но сухой остаток таков: правоохранитель или тот, кто им представился, первым нарушил закон, без ведома вторгшись в мою личную жизнь», — подчеркнул худрук.

— Я кажется, догадываюсь, кто это мог быть, — сказала Каллиопа. — Помните, я говорила о психологических наездах на меня? Я там выделила отпечаток личности такого старика.. незаметного. И было несколько картинок... в том числе, как молодой человек с перебинтованным лицом говорит ему: «Хорошо, я еще раз это повторю, а вы мои показания зафиксируйте!» Мне тогда показалось странным, что старик будто перестал на меня давить...

— Может, он как-то сам начал стыдиться травли женщин? — высказала предположение Клио. — Этот ролик сыграл большую роль в восприятии этого нападения. Кампания по шельмованию премьера Николая после этого ролика явно захлебывается. Мало было поглядеть на забинтованное лицо Мылина сразу же при поступлении в больницу. Но само его заявление о человеке, который его снимал, говорит о многом.

— Да, он говорит, что тот, кто снимал, «первым нарушил закон», — заметила Урания. — Будто соревнуется со снимавшим в том, кто же из них больше нарушил законов.

— И при этом Мылин считает пребывание больнице с тайным или явным химическим ожогом — своей «личной жизнью», не забывая тут же давать показания на своих коллег и подчиненных, нисколько не заботясь о том, насколько правоохранительные органы вторгнутся в их личную жизнь, — связвила Эвтерпа.

— Мне со стариком этим приходят весьма болезненные размышления, — призналась Каллиопа. — Понимаете, все, кто на меня наезжал, проецируя свои мысли, люди довольно молодые, по сравнению с ним. За каждым можно было выделить какие-то его личные желания, как-то воздействовать через них. Ну, чтобы отстали. А у него не было никаких желаний вообще. Он был самым страшным. Потом вдруг где-то после Нового года начал меняться... Или перед самым Новым годом? Короче от него шла его собственная тоска, как пиликанье на одной ноте. А я все время твердила про счастливый конец! От него закрыться было невозможно, поэтому я честно говорила, что мне нужен счастливый конец! И вдруг мне на днях пришло такое шизофреническое видение... звон стекла, ветер и одна мысль — «Счастливый конец!»

— Они его убили! — выдохнула Эвтерпа.

— Да, девочки, — ответила Каллиопа. — Поэтому прямо о том, что никакого нападения на Мылина не было, пока не говорим. Надо выбивать аргумент за аргументом...

— Ты не договорила! — откликнулась Урания. — Там было что-то еще!

— Даже не знаю, как сказать, — тихо ответила Каллиопа. — Но вы ведь и сами понимаете, что темный случай удивительно нежного химического ожога Мылина — продолжение старой, хорошо отработанной травли премьера балета Николая. Так вот я увидела дикую картину... Будто в какой-то квартире лежат три трупа... в ванной с перерезанными венами... сами понимаете кто. Там еще какая-то записка кровью на зеркале в ванной... Мол, наш премьер признается в зверском нападении на Мылина.

— А мне кажется, что кровью на зеркале, как-то подчеркнуто пафосно, — вставила Эвтерпа с плохо скрываемым страхом.

— Зато записку невозможно представить на почерковедческую экспертизу, — заметила Урания.

— Я тут подумала, а почему Эвриале не может нам помочь? — задалась риторическим вопросом Клио.

— А что она понимает в современном законодательстве? Оно ведь все дальше уходит от понятия справедливости, — ответила ей Каллиопа. — Изначально

закон должен был защищать права самого незащищенного, то есть одного – перед группой людей, обладающих по совокупности намного большими правами и возможностями. В моем случае все было понятно, но травили меня, а не тех, кто считает возможным качать какие-то «национальные права». Национальность не относится к категории человеческого достоинства, душа тоже не имеет национальности...

— Но здесь же явная несправедливость! – перебила ее Эвтерпа.

— Конечно! Но искусство – и есть справедливость, — сказала Каллиопа. — Как ни жестоко звучит, но мое уголовное дело – это сигнал к тому, чтобы воспринимать несправедливость, как отрицание силы искусства. А все помнят, что с такими вещами весьма опасно мириться.

— погоди, ты хорошо подумала? – спросила Урания, уже понимая, что она хочет делать.

— Да! Выстраиваем круг! Мы спасем их не ради себя! Мы уже нашли друг друга!

— Мы обрели веру в себя! – пропищала Эвтерпа. – Я готова! Я всегда самая первая свечу зажигаю!

— Блин, иногда готова последнюю веру потерять, когда такое рядом попискивает, — ругнулась Клио, чиркая спичками. – Подождите меня! У меня опять спички ломаются!

— А ты успокойся и спокойно зажги, — посоветовала ей Эвтерпа. – Представь, что у тебя последняя во всем мире спичка.

Вилла Мистерий

— Заткнись! – заорали три музы хором.

— Вообще-то это я вам посоветовала искать младших сестер, — напомнила всем Эвтерпа. — А то писали бы сейчас свои обличительные статейки про Оборонсервис, бюджетный распил и жилищно-коммунальное хозяйство. А вы должны вернуть веру и надежду!

— Свечи у всех горели? – спросила Каллиопа. Услышав утвердительные ответы Урании и Клио, она сказала: «Тогда последние слова Эвтерпы являются вещими! Итак, соединяем круг, чтобы вернуть людям веру и надежду... в справедливость!»

Какие бы перепалки не случались между дамами, каждая уже не могла без этого круга, когда от слов, доносившихся через динамики, начинала стучать кровь в висках и покалывать в кончиках пальцев.

За долгие годы, пока они наблюдали, как другие люди, попирая все представления о справедливости, воплощали украденные у них мечты, обращая все вокруг себя в прах и тлен, они исключительно на почве здравых размышлений давно отошли от твердой уверенности в справедливом устройстве бытия. Но мир вокруг был прекрасен, а в душе каждого хранились такие несметные сокровища, что стоило попытаться, чтобы пробить сковывающий их лед.

— Появился синий отблеск! У меня свечка горит синим, как газовая плита! Круг замкнулся! – радостно закричала Эвтерпа, до сих пор обостренно воспринимавшая маленькие особенности их совместных попыток повлиять на ход событий.

— Круг замкнулся, — подтвердила Каллиопа. — Мы хотим освободить творческие силы искусства, чтобы вернуть каждому веру в справедливость!

— Да, силами искусства, а не сообщения об обысках и арестах от Следственного Комитета! – с неожиданной для нее страстью произнесла Урания. — Пусть не пиарятся, а работают! И понимают, что все эти преступления произошли при их соучастии, при их преступном бездействии! А справедливость восстанавливается не правоохранительными органами, предавшими свое назначение, решивших увековечить в искусстве лишь себя, как источник справедливости. Этот источник – в душе каждого человека. Поэтому я хочу, чтобы люди вернулись к нормальным героям в искусстве, надолго отвернувшись от тех, кто пользовался их бесправием и попилал справедливость.

— Искусство – всегда о справедливости, иначе оно вообще не имеет смысла, — подхватила Клио. — Искусство вносит баланс в нашу жизнь, где объективная справедливость – не совпадает с личным представлением о справедливости безнравственных типов, потерявших берега. Навязывание

представлений таких людей о справедливости может привести к совершенно диким чудовищным последствиям...

— Как поджог Манежа, уничтожение исторического здания театра или травля прославленных солистов балета, — вставила Эвтерпа, воспользовавшись заминкой Клио.

— Верно! — подтвердила Каллиопа, — В жизни нам не всегда видна эта обычная на все времена «идея искусства» — о противостоянии Добра и Зла. Только в искусстве наш нравственный выбор свободен от каких-либо житейских обстоятельств.

— Искусство помогает отрешиться от суетности, вернуться к собственным духовным истокам, к своему предназначению, — продолжила Урания. — Нельзя ограничивать себя «каждый сверчок — знай свой шесток!» Надо понимать, что в душе каждого человека сокрыты бесценные Дары всему человечеству!

— Пусть не все могут создать произведение искусства, но каждый может его оценить, завершить создание художественного образа в эстетической триаде, подарив веру в справедливость и самому его творцу! — рассудительно заметила Клио.

— Вера в справедливость, надежда на лучшее — это самое большое чудо, которое может создать любой! — тихо сказала Урания.

— Эти два прекрасных порыва души дарят свет, уничтожают мрак и отвращают многие души от разложения зла, — откликнулась Каллиопа.

— Пусть все дурные помыслы, призванные лишить людей надежды на справедливость, обратятся в прах, лишат тех, кто их вынашивает, малейшей радости жизни, — прошептала Эвтерпа.

Огоньки свечей вздрогнули, стали гореть ярче, будто фитильки просто не могли разгореться, а как только круг начал распадаться, так пламя вырвалось наружу.

* * *

И накануне намеченного апофеоза всей этой операции, когда соседи должны были застать прославленного премьера театра Николая в непотребном виде с перерезанными венами и запиской кровью на зеркале в ванной «Простите меня! Все произошло по причине моих непомерных амбиций...», на «огуречном ресурсе» вышел ролик каких-то потрепанных жизнью баб, от какого-то идиотского «Литературного обозрения», которое Мылин назвал про себя «оборзением».

В дупель оборзевшие обзревательницы возмутились, насколько гадко администрация театра подает в этой трагедии артистов балета, как некрасиво относится к публике. Они цинично высмеяли доводы Антона Борисовича, будто какие-то «хакеры» настолько «фанатеют» от русского классического балета, что «готовы на все». Они заявили, что это показывает,

как все представители пресс-служб театра на самом деле относятся к балету, очевидно считая, что «подобное может нравиться одним лохам».

Сама «мадам Огурцова» с легкостью разбила жесткие аргументы Антона Борисовича по поводу письма в поддержку кандидатуры Николая на пост директора театра. Она заметила, что подобные письма пишутся тогда, когда человека хотят защитить от травли, но на самом деле у него нет никаких шансов получить даже должность Мылина нормальным путем, не говоря уж о недостижимой для Николая должности директора театра. Подобные письма – жест отчаяния, просьба оставить в покое. Однако когда это письмо написано и обнародовано, то обозначенная в нем фигура станет организовывать подобные «кислотные атаки» в последнюю очередь. Логика этих двух поступков (написать открытое и письмо и подготовить нападение неизвестных лиц с кислотой) – взаимоисключающая. Человек, способный на один из этих поступков, никогда не совершит другой.

После этого дамочка трагическим тоном пожелала Мылину скорее стать таким же красавцем, как раньше, заметив, что логика освещения этих событий как раз полностью соответствует логике совершенного против Мылина преступления. Ведь как некие уголовные типы задумали испортить его прекрасное лицо, облив кислотой, зная, что лицо – важнейший фактор артистической харизмы, — в точности так же сейчас огульным шельмованием пытаются уничтожить лицо Николая, выливая на него немеряное количество помоев.

— Складывается впечатление, будто этот трагический случай, лежащий грязным пятном на репутацию театра, освещают те же самые люди, кто организовал нападение на прекрасного руководителя балетной труппы, — завилла эта наглая баба с деланным сочувствием. — По крайней мере, из

публикаций СМИ видно, что люди, дающие интервью, подозрительно много знают о преступлении. Но наши правоохранительные органы отчего-то допрашивают тех, кто понятия о нем не имеет. Что само по себе подозрительно.

Позвонить и предупредить Антона Борисовича об очередном заявлении блоггерши Мылин не успел. Читая обращение тестя к тем, кто совершил нападение, он почувствовал, как из-под ног уходит тщательно подготовленная почва.

Тесть главного балетмейстера театра Мылина также заявил, что знает, кто стоит за жестоким преступлением, и предложил нападшим на его зятя добровольно сдать в полицию. По его мнению, заказчики преступления не оставят исполнителей в живых.

— Думаю, исполнителям этого жуткого преступления нужно сегодня же явиться с повинной в полицию и признаться в содеянном. Их жизни реально угрожает опасность, поскольку за этим стоят очень серьезные заказчики... Они не оставят свидетелей, — обратился к преступникам через прессу Антон Борисович. — Мы, члены семьи, знаем, кто за этим стоит. Это люди, которые хотели или сместить моего зятя с должности или сделать его подконтрольной фигурой. К сожалению, в театре сейчас творится беспредел из-за раздела власти. При таком давлении непомерных амбиций некоторых артистов администрация театра иногда проявляла беспомощность.

По его подсчетам, какие-то «люди», о которых неохотно намекал Антон Борисович, должны были прийти к Николаю не позднее, чем через трое суток после его заявления. Но, открыв поисковики, он опять увидел на первых местах по популярности «огуречные ресурсы» с новыми статьями. В них предлагалось для раскрытия этого зловещего преступления — допросить с применением детектора лжи не премьера балета Николая, который ничего не знал о нападении на Мылина и имеет алиби на момент его совершения, а Антона Борисовича, прямо заявляющего, что отлично знает заказчиков этого вандального случая в истории театра.

Мылин позвонил Никифоровой и попросил ее под страхом немедленного увольнения запретить общение с прессой и в социальных сетях всем членам балетной труппы, в первую очередь, их преподобному Коле.

— Хорошо, — немедленно согласилась Никифорова. — Так и заявим на репетиции! А то нас тут уже начали прямо обвинять в подрывании репутации театра. А мы заявим в этой связи, что никто без участия пресс-службы не имеет права комментировать ситуацию в театре. Выздоровливай!

Но стоило ему нажать отбой, как в почту пришло сообщение о том, что Николай дал согласие на участие в пресс-конференции иностранных

журналистов, явно устроенной с подачи «мадам Огурцовой». Несмотря на однозначный отказ Никифоровой от пресс-конференции, премьер согласился рассказать о своих допросах и мытарствах, поскольку «мадам Огурцова» высказала предположение, что после заявления тестя потерпевшего с ним могут расправиться, инсценировав самоубийство.

При этом она добавила несколько ссылок, когда правоохранные органы признали самоубийством, когда человек вначале «неудачно» застрелился, а потом повесился в гостиничном номере Ростова-на-Дону. Причем следователи высказали, будто сделал это человек из-за «финансовых затруднений», хотя принадлежал к высокооплачиваемому судебскому сообществу.

The First Mourning William Adolphe Bouguereau

А второй случай суицида, не менее шокирующий, чем первый, произошел на Западе столицы, где самоубийца также в гостиничном номере сумел связать себе ноги, заковать в наручники, надеть на голову пластиковый пакет и перерезать вены. При этом, этом он умудрился нанести себе следы от побоев, а перед тем, как перерезать вены, безуспешно пытался сам себя задушить.

Наглые рассуждения блоггерши о странном, с ее точки зрения, скачке в статистике столь «нетрадиционных» самоубийств, вдохновляюще подействовали на Николая. На устроенной пресс-конференции иностранным

журналистам он первым делом заявил собравшимся, что никаких суицидальных намерений не имеет, а наоборот полон любви к жизни и неиссякаемой веры в справедливость.

Мылин видел, что Никифорова все же сделала, что могла в освещении прошедшей конференции в русских изданиях. Однако общий ее настрой и сам факт привлечения внимания зарубежной прессы ему не понравился, вызвав какое-то неприятное чувство под ложечкой.

В первые дни после нападения на Мылина, когда появились сообщения о том, что его изуродовали, а возможно и оставили без зрения, пошли слухи, что это дело рук кого-то внутри театра. Все стрелки неминуемо сводились к личности Николая, опытного танцора, который уже давно критикует администрацию, и чьи ученики, по его утверждению, не получают возможности блеснуть талантом, хотя они этого достойны. Поэтому сразу было высказано предположение, что нападение — это более широкий заговор, который связан с финансовыми решениями Мылина. Ведь Николай, которому сейчас 39, давно уже не солист в расцвете сил, и он ограничен характерными ролями. Он любил выступать в Щелкунчике в канун Нового года. И даже неоднократно хвастался в печати: «Официальная цена билета — полторы тыс. долларов, а директор говорит, что я не умею танцевать». Потом он пригрозил судом театру за отказ заключить с ним договор на педагогическую работу — за то, что он постоянно высказывал своё мнение. О нападении на Мылина он высказался еще более категорично: «А что Вы ожидали? Это же банда!»

Многие поклонники танцора вдохновлены его заявлением, сделанным корреспонденту Le Figaro: «Театр — это я!», в котором он отделяет от высокого искусства администрацию театра. Но в самом театре мнения по этому поводу разделились. Несложно заметить, что Николай — на стороне старой гвардии, т.е. тех танцоров, которые привязаны к традиционным постановкам русского репертуара, а в противовес им — сторонники инновационных постановок, типа нового прочтения опер постановщиком Грязниковым и «облегченных» балетов Мылина, которые могут исполнять и начинающие артисты. Конфликты между консерваторами и сторонниками прогресса, между танцорами и администрацией — витают вокруг того, что ставится, как это репетируется, кому достаётся партия и сколько за это платят.

* * *

— Кажется, а наши статьи и комментарии попали в точку! — с удовлетворением отметила Каллиопа. — Момент, когда им можно было

выполнить задуманное в отношении нашей Мельпомены – упущен. Время поменялось, мы немного его подтолкнули.

— А вы заметили, какая неадекватная реакция администрации театра на его интервью зарубежным корреспондентам? – ехидно вставила шпильку Эвтерпа. – Будто любимую игрушку отняли! А когда сами делали заявления, что Николая надо на детекторе лжи допросить, им это не казалось ударом по имиджу театра.

— Ну, девочки, осталось немножко надавить на нашу Эрато – и история с нападением на Мылина полностью раскрыта! – радостно заявила Клио.

— Мне не нравится, почему молчат правоохранительные органы, — откликнулась Урания.

— А мне нравится, что директор театра оценил по достоинству наши усилия! – рассмеялась Клио. — Он заявил, что такой «массированной атаки на театр» еще не было. А кто его атакует-то, кроме нас? Все ему поддакивают и помогают лгать о «нападении»! И только мы ставим вопрос, как может быть директором человек, ничего не смыслящий в опере и балете? Человек, неспособный дать честный ответ обществу, куда пошли средства, выделенные на реконструкцию исторического здания театра, если в результате мы получили новодел, где не учитываются элементарные вещи, чтобы труд наших замечательных артистов был хотя бы безопасным?

— И кто он такой, чтобы олицетворять себя с театром и его историей? – возмутилась Урания. — И разве эта «кислотная атака» – не атака со стороны нынешнего руководства театра на все общество? Ведь половину статей пришлось посвящать нападкам на общество. Они же доказывали, будто у нас это норма! И еще он постоянно бубнит, как Мылина «третировали» задолго до «кислотной атаки».

В заявлении я прошу приобщить к делу те факты, которые оказались вне внимания следствия. — сказал директор театра. — За две недели до этого страшного события произошли довольно странные вещи, такие как кибератака на почту худрука Мылина, создание его лжесайта. Потом этот сайт появился еще раз. С 31 декабря служебный телефон Мылина был заблокирован, тем самым он был лишен возможности контактировать с труппой, исполнителями. Он также говорил, что колеса его машины были проколоты. Есть целая цепочка, которая говорит о том, что заказчиком преступления может быть кто-то другой, вне театра. Данные факты нужно учесть следствию.

— Даже интересоваться не стану, как это так был «блокирован телефон», что худрук в Москве не нашел иной возможности «контактировать с труппой», — заявила Эвтерпа. – Чувствуется, очень весело встретил Новый год. А чем он занимался и к чему готовился... тоже несколько неинтересно после его

недавнего заявления о том, как снявший его в больнице «первым нарушил закон», которое игнорировали даже наши славные правоохранительные органы.

— Здесь надо бы учесть, что он слишком много говорит со своим травмированным лицом, — вставила Урания. — Я бы сказала, проговаривается, как и директор. Они тоже пытаются воздействовать на время! Мы его стараемся протолкнуть вперед, а они — повернуть назад.

Художественный руководитель театра Мылин обвинил танцора труппы Николая в шантаже. Еще во время первого допроса Мылин называл его тем, кто может стоять за покушением на него. В частности, Мылин тогда заявлял, что Николай шантажировал его записью разговора с балериной Анжелиной Вороновой. Якобы в этом разговоре Мылин предлагал ей сменить педагога, уйти от Николая. «Николай называл этот разговор компроматом на меня», — объяснил следователю Мылин.

— А еще Николай резал ножиком колеса автомобиля Филина и блокировал его телефон, — захихикала Эвтерпа. — В особенности это замечательно выглядит на фоне не по дням, а по часам расцветающего после «химического ожога» самого Мылина. Причем, делает заявления с характерным отеком, явно прикрывая область, где

обычно скрываются швы от круговой подтяжки. Не говоря о чудесно сохранившихся ресничках на глазках, которые пострадали от химического ожога. Просто чудо какое-то для тех, кто верит в подобные «чудеса».

— Ну, я все же выделила бы заявления директора о тех, кто стоит за покушением вне театра, — озабоченно заметила Каллиопа. — Думаю, это кто-то из высокопоставленных поклонников Николая, которые опасны для тех, кто стоял за распиливанием бюджетных потоков на реконструкцию. Поэтому положение нашей Мельпомены до его интервью иностранным изданиям было крайне незавидным. И я согласна с Уранией, которой не нравится молчание правоохранительных органов. У них явно есть какой-то козырь....

— У них есть запасной исполнитель, — догадалась Эвтерпа. — Это все, как в шахматной партии, я вам сейчас расскажу...

— Не надо! — хором оборвали ее Клио и Урания.

— Когда старик передавал эти последние картины, шел сильный запах мочи, — почти прошептала Каллиопа. — Я думала, что он обмочился... от страха. Ведь это страшно, согласитесь. Но сейчас я думаю, что он пытался передать то ощущение, которое испытывал сам, когда вел съемку в больнице. От Мылина сильно пахло мочой!

Euterpe — Song and Elegaic Poetry

— Значит, плескали не кислотой, а мочой! — высказала ее мысль вслух Клио. — Это значит, что раз мы начали интересоваться этой историей, она начала превращаться в фарс. Не думаю, что в их планы инсценировки входило поливать его мочой сразу. Она же сильно пахнет, кто-то может со временем проговориться...

— У них там что-то пошло не так! — радостно взвизгнула Эвтерпа.

— Но нам от этого не легче, — заметила Каллиопа. — Они сейчас его нарочно увезут в Германию, хотя врачи и он сам — полны оптимизма.

— Что ему делать в Германии? — удивилась Клио.

— Чтобы не проходить экспертизы лично, — объяснила Каллиопа. — И пока он будет лечиться в Германии, они решат, кого же объявить преступником — тех, против кого действительно направлена эта инсценировка, или тех, кто непременно имеется у них в качестве запасного варианта.

— А мне интересно, почему выбрана именно Германия? — спросила Клио. — Почему, к примеру, не Израиль?

— Потому что в Израиле стараются именно вылечить, — ответила ей Эвтерпа. — У них такой бренд при продвижении на рынке медицинских услуг. А Германия стала давно местом для проведения абсолютно ненужных операций. Там даже проходят стажировки многие медики в университетских клиниках. Специально для нас наши физики из блога перевели статью из французской газеты про то, как в Германии сейчас развивается бизнес медицинских операций, которые проводятся, в основном, для подтверждения нанесенного ущерба здоровью. Туда сейчас со всей Европы едут. Такое делается и в других странах, но в Германии это поставлено на поток.

Для немецких врачей пойти на подлог в силу своей выгоды, — совершенно обычное, рядовое дело. Скандалы и возбуждение уголовных дел по

поводу проведенных абсолютно ненужных операций достигли в Германии в последние три года таких размеров, что в феврале этого года даже министр здравоохранения Германии Вайт вынужден был в своем докладе констатировать этот печальный факт. В частности, было отмечено, что в Германии в разы, а то и на порядок больше проводится хирургических вмешательств, чем в других странах Европы, и это было в докладе напрямую увязано с тем, что за хирургическое вмешательство врачи получают более чем на порядок больше денег, чем за терапевтическое лечение. Были приведены следующие факты: 1. Операций на коленном суставе в Германии проводится 136 000 в год, в Англии — 13 000, во Франции — 32 000; — стоимость этой операции в Германии от 200 до 800 евро, а стоимость терапевтического лечения на одного пациента в месяц всего 10 евро. 2. Операции на сердце (расширение сосудов катетером): в Германии проводится — 800 000 в год, в Швейцарии — 40 000. Стоимость этой операции в Германии — 500 евро, стоимость терапевтического лечения — 25 евро в месяц на пациента. И вот самый свеженький факт: в мае этого года передано в следственные органы давно тянущееся дело на врачей Altmark-Klinikum в Gardelegen. После многочисленных жалоб там была проведена независимая медицинская экспертиза 30-ти случайно отобранных историй болезней прооперированных пациентов. Так вот, экспертиза признала, что из 30 проведенных операций — 22 операции (т.е. три из четырех) были не нужны.

* * *

В университетской поликлинике в Германии врачи, возможно из-за языкового барьера, особо не вдавались в подробности его щекотливого положения. В приемном покое принимавшая его сестра попросила снять очки и тут же наложила ему на глаза повязку. Он подумал, что с врачами действует какая-то договоренность, в которую его не посвятили. Он нашел это даже вполне разумным, чувствуя себя

с повязкой на глазах более спокойно, вспомнив, как в первый же день к нему в московскую больницу проник какой-то старик, представившись

следователем, а после выложивший запись с телефона в Интернет. Все же клиника университетская, мало ли кто мог снять его прибытие на телефон.

— Не волнуйся, все будет хорошо! – сказала ему Даша, прикоснувшись губами к щеке. – Я сейчас отвезу вещи, нам квартиру в городе сняли. Завтра после обхода приду тебя навестить! А сейчас отдыхай!

Мылин лишь поморщился, пожимая ей руку, когда она передала его вспотевшую ладонь в сухие и мягкие ладони сестры. Та повела его в палату длинными коридорами, предупредительно ахая над ухом: «Die Aufmerksamkeit! Hier die Stufen! Jetzt wird die Wendung nach links!»

Наконец, оказавшись в палате в полном одиночестве, Мылин поднял руку к глазам и коснулся тонкой шероховатой ткани, под которой слой за слоем лежала вата. Он снял повязку и огляделся. Сразу нельзя было сказать, что это – заграница. Простая комната, кровать удобная. Встроенный шкаф, на внутренней дверце – небольшое зеркало. Еще одна дверь в туалетную комнату с небольшим умывальником, унитазом и корытцем сидячей ванны.

Мылин поймал себя на ощущении, что за время перелета и дороги до этой палаты, напоминавшей ему птичью клетку, притупились все его воспоминания о приезде в лечебницу. С утра он еще успел дать интервью многочисленным журналистам, приехавшим снимать его отъезд в Германию. Именно тогда у него впервые шевельнулось это чувство необратимости, когда он увидел грустное лицо Каролины в толпе «коллег и друзей семьи художественного руководителя балета театра, приехавших проводить его на лечение в немецкую клинику».

В палату зашла полная постовая сестра и, увидев снятую им повязку, мягко, но непреклонно потребовала немедленно надеть ее: «Sofort ziehen Sie die Binde an! Ihnen ist es verboten, die Binde abzunehmen!»

Из сказанного он уловил одно слово «ферботен», вспомнив его по каким-то старым военным фильмам. По этому слову и выражению ее лица Мылин понял, что ему запрещено снимать повязку, но эта предосторожность объясняется сложившимися обстоятельствами. Мир опять погрузился в темноту, ему показалось, что даже еда, которую принесла нетороплива сиделка, превратившаяся в тень за повязкой, утратила свой вкус.

Утро началось с энергичной суеты в отделении. Пожилой санитар, вкативший в палату какую-то тележку, довольно сносно его побрил, помог почистить зубы, тщательно обтер лицо ватными тампонами на пинцете. От прикосновения холодной стали пинцета к лицу Мылин невольно морщился и вздрагивал.

Потом пришли врачи с ассистентами, о чем-то негромко говоря между собой. Мылин напрягся, понимая, что они обсуждают его. Дверь опять хлопнула,

послышались уверенные энергичные шаги. Шепот немедленно затих, и вошедший громко произнес несколько рубленых отрывистых фраз по-немецки, отчего Мылину внезапно стало страшно. На нем была полосатая больничная пижама, немного похожая на одежду узника концлагеря из фильмов которые он видел. Из речи профессора Мылин уловил только одно знакомое слово «Маскау»: «Es ist unser der Patientin aus Moskau! Er sieht nichts! Er ist infolge der chemischen Brandwunde erblindet! Wir werden Transplantation machen! Man muss den Kranken auf die Operation eilig vorbereiten!»

Один из ассистентов на сносом русском пояснил ему, что консилиум во главе с профессором решил назначить первую операцию на завтра. Распоряжения об операции уже отдавались медсестрам, которые немедленно принимали их к исполнению.

Сразу после ухода врачей из палаты Мылин почувствовал, как теплая женская ладошка ловко подхватила его за средний палец правой руки и тут же причинила ему неожиданную резкую боль. Они понял, что лаборантка взяла у него кровь на анализ из пальца. Затем у него при открытых дверях какая-то женщина катетером взяла на анализ мочу, причинив стыд и массу неприятных физических ощущений, рывком сняв с него одеяло и пижамные шаровары, громко отвечая уборщице, протиравшей пол в коридоре.

Другая медсестра принесла ему какие-то таблетки. Подав ему пластиковый стаканчик с водой в одну руку, она с вежливым смешком положила ему в рот какие-то таблетки, терпеливо дожидаясь, пока он примет таблетки при ней, настойчиво подсовывая его руку с водой к его рту. У него на губах долго оставался вкус талька с ее одноразовых перчаток.

За ней пришла другая сестра и помогла перевернуться на бок, оттянув пижаму, она ему поставила укол. Лежать стало не так приятно, как раньше, а в коридоре послышался звук катившейся стойки капельницы. К его удивлению дверь отворилась, капельницу вкатили именно к нему. Не успел он подумать, что с капельницей получился уже явный перебор, как новая медсестра начала деловито искать вены на запястье.

Мылин не знал немецкого, а ассистент, говоривший на русском языке, вышел со всеми и больше не появлялся. Но он был уверен, что немецкие врачи выполнят все назначения, о которых он договаривался с Антоном Борисовичем еще в Москве, решив еще раз напомнить Даше, что о такой интенсивной терапии договоренности не было. Ладно, если они все нужное колют, а если нет?

Даша пришла ближе к вечеру, объяснив, что после обеда он долго спал. Скучным голосом она рассказала, что мальчики здоровы и дома все по-старому.

— Даша, а кто контролирует, что мне тут колют? – спросил Мылин и сам удивился тому, что стал намного спокойнее относиться к своему пребыванию в клинике. – Я в город могу выходить?

Solomon Joseph Solomon (1860-1927) «Narcissus and Echo» 1895

— Все контролирует твой адвокат Алла Давыдовна Стрельникова, самый модный адвокат в Москве, ее все звезды нанимают. А для тебя ее Никифорова специально наняла, не беспокойся, — ответила Даша. — Алла Давыдовна на пресс-конференции сказала, что состояние твоего здоровья не предполагает нахождения вне клиники. К тебе послезавтра министр культуры, наверно, приедет. Так что будет не как в прошлый раз, когда ты мышцу порвал. Тебе сейчас лучше в Германии находиться, пока дома экспертизу по предоставленным документам проводят. Поэтому потерпи!

— Какую судмедэкспертизу? – испугался Мылин, беспомощно хватаясь за повязку. – Меня в суд повезут, что ли?

— Нет, в суд представят экспертизу о тяжких телесных повреждениях, — объяснила Даша. —

Судмедэкспертиза может проводиться по медицинским документам, которые запрашиваются в клинике, где человек лечится. Мне так Алла Давыдовна объяснила. За твоим лечением в Германии следит наше Министерство здравоохранения. Все очень консолидировано, как выразилась Алла Давыдовна.

— Даша, а почему я в повязке? В туалет ходить неудобно! – пожаловался Мылин. – Это из-за папарацци?

— Наверно, из-за них тоже, ты здесь очень знаменитый, — пожала плечами Даша. – Да и наши корреспонденты два раза на улице приставали. Но после сегодняшнего консилиума Алла Давыдовна получила важные документы, в которых написано, будто на сегодняшний день ты не видишь ни левым, ни правым глазом. Именно эти документы идут на экспертизу. Алла Давыдовна лично возила их на перевод, сделала апостиль.

— Что? – переспросил Мылин.

— Она сделала апостиль, — пояснила Даша. – Это стандартная форма заполнения сведений о законности документа. Теперь любые сомнения в

тяжести твоих повреждений будут являться незаконными. А в целом тебе понемногу заменят роговицу на молодой донорский материал, его здесь очень тщательно готовят. Алла Давыдовна сказала, что у тебя будут новые глаза, без близорукости. А возрастная катаракта тебе еще лет десять грозить не будет. Это очень дорогие процедуры!

— А что, кто-то сомневается? – спросил Мылин напряженным голосом.

— Все, кому не лень! – подтвердила Даша. – В трупке кто-то пустил слух, будто тебя не кислотой, а мочой облили. А Алла Давыдовна предоставила следователям документ, что жидкость была кислотой.

Постепенно его московская жизнь начинала казаться ему нереальной. В коридоре опять кричала медсестра, делавшая ему уколы: «Sie schreien nicht! Ihnen überhaupt nicht schmerzhaft! Sie ärgern mich ab! Leise krank!» Он уже начинал различать их по голосам и даже понимать по интонации, что они говорят. Разве что, кроме женщины, привозившей ему еду. Она постоянно молчала, и ему казалось, что она – немая.

Снимать повязку больше не хотелось. Дважды после очередной операции он приходил в себя без повязки, но с подшитыми веками. Без повязки у него начинали мерзнуть веки, он протягивал руку и находил мягкую повязку рядом на тумбочке. Он уже начал привыкать к строгому распорядку больницы, иногда говорил простые немецкие слова: «Schmerzhaft! Es ist nicht krank! Kalt! Vorsichtiger!»

Ему вспомнило странное определение, которое он вычитал из заданной в школе на лето книги Герцена «Былое и думы»: «Длинные как дождевые червяки немецкие слова». Больше он ничего не запомнил из довольно объемистой книги, удивляясь, какие странные вещи всплывали в его памяти. Он почти не помнил, как совсем недавно в московской больнице бегал по коридорам, выискивая закоулки, откуда можно было тайком позвонить Каролине. Вернее, он помнил, что это делал, но вот зачем?.. Этого он вспомнить не мог.

Перед самым отъездом он смотрел какой-то документальный фильм по небольшому плоскому телевизору, который Даша принесла по его просьбе из машины. В фильме рассказывалось про врачей-аюрведистов, лечивших слепых. Мылин с интересом следил, как один из них лепил вокруг глаз больного глиняную чашку без дна, а после заливал туда кунжутное масло. Больной, полуобнаженный индус, должен был открыть глаза и смотреть на мир сквозь это масло. В фильме сообщалось, что после нескольких сеансов это помогло. А врач аюрведы при этом рассказывал, что глазные болезни, связанные с ухудшением зрения, имеют причиной нежелание человека видеть мир таким, как он есть. Человек теряет остроту зрения, и мир сглаживается, расплывается и становится полностью приемлемым для него. Только сильные

люди могут видеть мир таким, какой он есть, полностью приняв все его «острые углы».

Тогда ему казалось, что он поступает правильно, согласившись лечь в эту клинику, чтобы вернуть себе зрение, что опять увидеть мир обновленным взглядом, молодыми глазами. А теперь ему становилось безразлично это его желание, он чувствовал блаженное спокойствие, когда весь мир отгораживался от него мягкой повязкой на глазах.

Как невероятно далеко во времени от него отделилось воспоминания о январских днях, проведенных с Каролиной в подмосковном отеле. Странно, было всего лишь начало февраля, а ему казалось, будто прошла целая жизнь.

Постоянно находясь в повязке и отдаваясь вязкому безразличию от препаратов, которые вкалывали ему, «чтобы организм не отторгал донорский материал», как объяснила ему Даша, он много дней не видел собственного лица. Может быть три дня, а может, неделю?.. Или две?

Иногда ему приходила в голову мысль, что когда он посмотрится в зеркало, то увидит там старое невыразительное лицо лакея Льва Ивановича, обслуживавшего их номер с Каролиной. Под капельницами ему часто снилось, как Лев Иванович приносит к ним в номер огромный прекрасный букет роз, а он не может вспомнить, зачем он его заказал?

Однажды Лев Иванович приснился ему ночью. Он опять был с Каролиной в отеле, а та почему-то отправилась на вечерний просмотр фильма «Птицы» без него. Он остался в номере с книгой Дафны дю Морье, где этот рассказ «Птицы» имел такой же сюжет, но других героев. Он тогда еще задумался, как же меняется повествование, стоит лишь немного поменять героев. А потом ему пришла в голову мысль, что все переживаемые в жизни обстоятельства – банальны и стандартны, но вот люди каждый раз вносят какие-то свои особенности в сухой перечень анкетных данных: «Родился, учился, влюбился, женился...»

Лев Иванович тогда повернулся к нему во сне и сказал: «Да-да, всегда все портят люди!» А когда Мылин подумал, что это хорошая мысль, поэтому он вспомнит ее когда-нибудь потом, он заметил, что Лев Иванович как-то странно улыбается. Додумывать эту мысль ему совсем не хотелось, потому что он уже понял, что вместо ровного и невзрачного лица – у старика на плечах сидел голый череп.

— Но ведь ты меня еще слышишь? – пожал плечами Лев Иванович, стараясь не смотреть на Мылина пустыми глазами. – Вспомни другой рассказ из книги, которую я приносил! Вспомни!

Проснувшись в палате среди ночи, сняв повязку, Мылин с тоской осознал, что под действием этих препаратов может окончательно и бесповоротно уйти в

себя. Глядя на окно с вертикальными жалюзи, на ту палату, действительно ставшую похожей на ящик из рассказа, о котором ему пытался во сне напомнить Лев Иванович, он подумал, что может навсегда утратить редкую в этом месте возможность видеть мир своими глазами.

Рассказ назывался «Синие линзы». Небольшая притча с банальной концовкой. Но каждая деталь в свете ночника в его палате напоминала ему об истории героини этого рассказа, которая легла в клинику, чтобы сделать операцию на глазах и избежать слепоты. Долгое время ей приходится с нетерпением ждать, пока ей снимут повязку, с которой она не смогла так сродниться, как это произошло с ним. Она полна досады, нетерпения, желания видеть мир таким, какой он есть. Будучи такой же беспомощной, каким он был последние несколько дней, она становится полностью зависимой от своих сиделок, среди которых выделяет милую сестру Энсел.

На втором этапе лечения ей разрешают снять повязки, ставя на время защитные синие линзы. Она начинает видеть мир, но людей она видит с головами животных. Доктор является к ней с головой деловитого фокстерьера, сиделки становятся добродушными коровами, овечками, ласковыми кошечками... Ее муж является к ней с головой хищного ястреба, а она узнает, что во время лечения он переписал ее состояние на себя якобы при ее согласии. А вот ее любимая сиделка обретает самый страшный облик.

Ей только сейчас пришло в голову, что за весь этот фантастический день она ни разу не вспомнила о сестре Энсел. Милая, очаровательная сестра Энсел, ее утешительница. Сестра Энсел, заступающая на дежурство ровно в восемь часов. Она тоже участвует в заговоре? Если да, Мада Уэст заставит ее раскрыть карты. Сестра Энсел не станет ей лгать. Мада подойдет к ней, положит руки ей на плечи, коснется маски и скажет: «Ну-ка, снимите ее. Вы меня не обманете». Но если все дело в линзах, если вся вина падает на них, как это ей объяснишь?

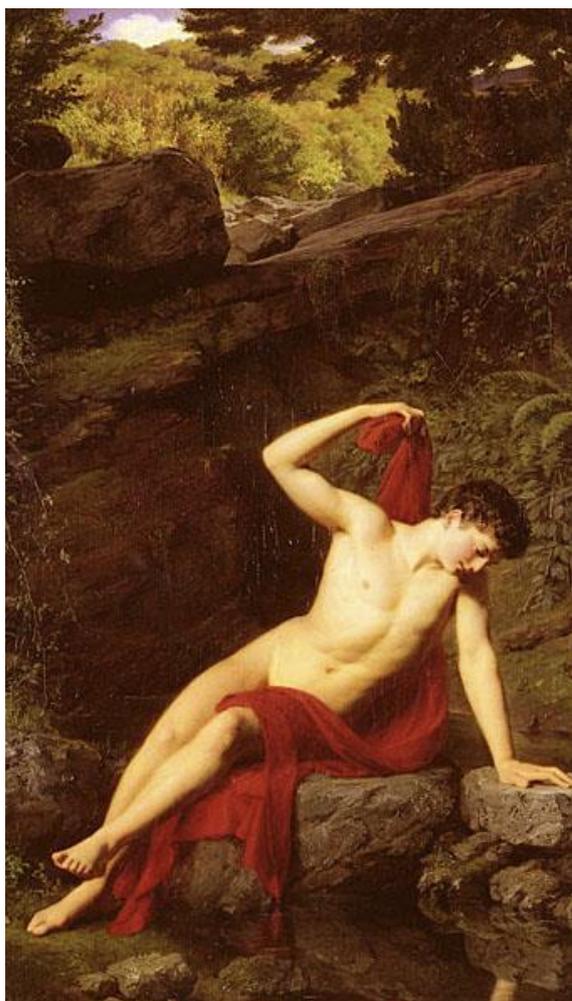
Мада сидела за туалетным столиком, втирая в лицо крем, и не заметила, как отворилась дверь и раздался знакомый мягкий голос, чарующий голос: «Я еле могла дождаться, чуть не пришла раньше времени, но побоялась. Вы бы подумали, что я глупо себя веду».

И перед ее глазами за спиной в зеркале медленно возникла длинная плоская голова, извивающаяся шея, острый раздвоенный язык — он высовывался и молниеносно прятался во рту. Змея. Мада Уэст не шевельнулась. Лишь рука продолжала механически втирать в щеку крем. Зато змейка ни на миг не оставалась в покое, она вертелась и извивалась, словно хотела рассмотреть все баночки с кремом, коробочки с пудрой, флаконы с духами.

— Приятно снова себя увидеть?

Как нелепо, как ужасно слышать голос сестры Энсел, доносящийся из змеиного рта; одно то, что при каждом звуке ее язык двигался назад и вперед, парализовало Маду. Она почувствовала, что к горлу подступает тошнота, душит ее и... внезапно физическая реакция оказалась сильнее ее... Мада Уэст отвернулась, но тут же крепкие руки сестры подхватили ее и повели к кровати. Она позволила уложить себя в постель и теперь лежала, не раскрывая глаз, тошнота постепенно проходила.

Grass Adolf Joseph Narcissus

Впервые за много дней Мылин потянулся к своему смартфону, вспомнив, что после первой капельницы ни разу к нему не прикасался, ни разу его не включал. Он подумал, что полностью отдался отрывистым немецким командам и педантичному соблюдению распорядка дня только потому, чтобы не узнать правду о бывшем друге по примерке Николае.

Хотя в Москве ему казалось, что время, когда с премьером может и должно что-то случиться. Но все эти мысли и чувства безвозвратно канули в прошлое. Он понимал, что давно зашел за черту, где все сожаления бессмысленны, а масштабная инсценировка нападения на него, его пребывание в этой клинике – все это должно неминуемо аукнуться какой-то трагедией и для Николая. Просто он не хотел всего этого знать, желал как-то от всего этого оградиться своей мягкой повязкой.

Но то, что он увидел в своем смартфоне, немедленно заставило его ответить на несколько сообщений журналистов, приехавших в Германию, чтобы взять у него интервью.

— Да, совершенно верно! – подтвердил он. – Завтра устраиваю конференцию, меня возмущает эта огульная клеветническая кампания, развернувшаяся против меня в средствах массовой информации, а особенно – в Интернете. Пора уже ответить этим мерзким кликушам.

— Они сейчас все говорят с наших публикаций и даже на нас не ссылаются, — разочарованно протянула Эвтерпа.

— А что ты, собственно хотела? — резонно заметила Каллиопа. — Мы не являемся «информированным источником» и «влиятельным источником», но мы заставили всех говорить правду! Причем, совершенно бесплатно! Или ты думаешь, что все, что они писали раньше, они писали бесплатно?

— Вот именно! — вставила Урания. — Нам не только никто ничего не заплатит, но вдобавок сделают вид, будто нас не было, а все эти господа с самого начала писали чистую правду. — Боюсь, им в этом случае такого сделать не удастся, ведь они своими публикациями причиняли боль живому человеку, — отозвалась Клио, зачитав вслух кусочек интервью с премьером театра Николаем.

Если и раньше я подвергался каким-то нападкам, не соответствовавших действительности, то с момента нападения на Мылина количество неправды, обвинений и лжи, произнесенное в мой адрес, значительно превысило то, что я вообще мог вообразить. И не потому, что услышал такое в свой адрес. Когда разворачивается подобная кампания в отношении кого угодно, ловишь на слух то, что люди явно переходят допустимые границы в обсуждении чьей-то личности. Потому мне кажется, что вышестоящим властям уже стоит обратить внимание на положение простого артиста. Опять-таки не потому, что у меня есть звания или регалии. Господа, как можно так издеваться над человеком столь бездоказательно? Как?

— Хорошо, что нам удалось создать почву для подобного обращения, — сказала Каллиопа. — Он ведь тоже это высказывает, зная, что больше никогда в свой адрес такого не услышит.

Но и Урания права, как всегда, поэтому иногда так неприятно ее слушать.

— Да? И в чем же я права? — с нескрываемым раздражением спросила Урания.

— Пока я ничего не сказала. Как только кого-то неприятно слушать, сразу вспоминают Уранию.

— Ну, ты же имела в виду, что мы поможем нашим балетным танцорам, выполним то, что они привыкли получать за достаточно хорошие деньги, — примиряющим тоном ответила Каллиопа. — А мы сделаем это бесплатно, в сложное для всех нас время. Затем, как это было не раз, вылезут какие-то их друзья, знакомые или поклонники и заявят, что ничего особенного мы не сделали, а просто сами решили подпираться на чужом несчастье. Так ведь не раз уже было.

— Это даже при мне уже было! – подтвердила Эвтерпа. – Помните, как я уговорила Каллиопу помочь старому пианисту, обвиненному в педофилии? Все изменилось после ее статьи, зато у некоторых тут же хватило совести заявить, что они все сделали сами, а «эта Огурцова обьелась огурцов!» и типа мы лезем пиарить наши ресурсы на чужом несчастье! А когда все боялись слово сказать в

разгар этой кампании, когда не знаешь точно, что там было... тогда все только умоляли помочь «хоть чем-нибудь».

— Если честно, и я что-то не припомню, чтобы хоть один человек оценил сделанное, не воспринимал как должное! – поддакнула Клио. — Чтобы кто-то хоть раз по-человечески за все поблагодарил лично. Такого не было ни разу, это точно. Как правило, после тут же начинали дистанцироваться, делать вид, что никогда не общались с «человеком, имеющим настолько скандальную славу». Вы же понимаете, о ком я. Спасибо, хоть в последующей травле не участвовали персонально.

— Так может, ну их всех? Нас даже не поблагодарят! – в сердцах сказала Урания. – Все у них там замечательно, Мельпомене ничего не угрожает. Уж могут и сами остальное про Мылина доказать. Только у нас что-то получится доказать, все кидаются приписывать эти победы самим себе! Как говорят: «У победы много отцов, а поражение – сирота!»

— Постой, что-то изменилось! – воскликнула Каллиопа. – Во-первых, никто без нас ничего не докажет, и ты это прекрасно знаешь. Все только и ждут, чтобы мы бросили это дело. А без нас на все передачи положат с прибором, их слово ничего не значит. Но и конечное условие тоже поменялось!

— И каким образом? – ехидно поинтересовалась Урания.

— А таким, что раньше я всегда оставалась одна, пояснила Каллиопа. — И возле меня было в точности такое же окружение, как возле каждой младшей музы. Они словно держали меня в заточении, не давая никому ко мне приблизиться! Мне было с ними даже хорошо, но лишь до тех пор, пока я не

понимала, что я их устраиваю такой – обиженной на всех, изолированной. Но я — не измотанные физическими нагрузками и душевными потрясениями после каждого спектакля младшие музы, долго держать меня при себе никому не удавалось. Я хорошо понимала, что как-то усиливаю этих людей, являюсь оправданием их жизни. При этом каждый из них был заинтересован в том, чтобы я зависела от их круга.

— Ой, со мной всегда так было раньше, — перебила ее Эвтерпа. — Ну, когда я в девушках была. Мне до моего баритона такие молодые люди попадались, что сразу начинали доказывать, как мне каблуки не идут, как их друзья не понимают, что они во мне нашли... Ну, что я никому не нравлюсь...

— И что? – поинтересовалась Клио.

— Ничего, снижали мою самооценку, стремление к самосовершенствованию, — пробормотала Эвтерпа. — Иногда даже зубы чистить не хотелось от таких «ухаживаний»!

Giovanni Boldini (1845 -1931) Portrait of Rita de Acosta Lydig

— Еще раз перебеешь – хребет перебью! – пообещала ей Каллиопа. – И зубы выбью, если найду способ сделать это через скайп.

— Я больше не буду! – пропищала Эвтерпа.

— Будешь! – оборвала ее Урания. – Ты всегда всех перебиваешь. И если Каллиопа не освоит эту сверхзадачу по скайпу, то мне до тебя – полтора часа на машине, учти.

— И чо? Все бросишь, поедешь мне зубы выбивать? – растерялась Эвтерпа.

— Если вы немедленно не заткнетесь, я сейчас совершу что-нибудь... экстремистское... экстремистическое... найду экстремум и раздолбаю... Не забывайте, что мои сверхспособности причинять невыносимые страдания словом, признаны уголовным судом Российской Федерации!

— Мы уже в курсе, что ты можешь одним словом «Бум-с» устроить теракт. Поэтому тебе карточку заблокировали! – расхохоталась Урания.

— Так, а в чем произошли изменения? – поинтересовалась Клио.

— Хотела сказать, а после этого вот... возьму и не скажу! – проворчала Каллиопа. – Ладно, все равно скажу. Впервые, девочки, что-то сильно поменялось. Когда на меня наезжают, я знаю, что мне на брющем полете надо дотянуть до аэродрома, дожидаться, пока в скайпе загорят ваши зеленые огоньки. Сразу становится легче. Они бы меня уже раскатали под орех, им это вполне удавалось несколько раз.

— Но ведь все, что ты написала – сбывается! – упрямо твердила Клио.

— А мне-то что? – пожалала плечами Каллиопа. — Какое мне дело до тех, о ком сбывается сказанное? Я, как и вы, ничего не могу сказать о себе. Но... главное изменение в том, что мы здесь приобретаем особое влияние, мы долго работали, писали, и действительность все больше походит на прозаическую ткань романа. Поэтому наша общая задача – как-то всем вместе дотянуть до счастливого конца. К нашему сожалению, этот счастливый конец должен произойти сам по себе, будто и без нашего участия вовсе. Мы его должны сочинить! Ни в одном романе, простите, герои не выходят с поклоном и проявлением признательности: «Спасибо нашему дорогому автору за наш счастливый конец!» Некоторые вообще остаются в претензии за все, что им пришлось пережить на страницах романа. Может быть, считают даже, что его автор объелся огурцов...

* * *

— Что вы вообще творите? – с порога палаты по-русски заорала на Мылина странная женщина.

По ее тону, он понял, что ворвалась к нему его адвокат Алла Давыдовна. Но свет сквозь повязку, в которой он проковырял для себя небольшую полоску без ваты, падал так, что казалось, будто возле порога судорожно машет крыльями большая черная птица с хорошенькой женской головкой.

— Вы с ума сошли? – мне сейчас приходится опровергать все, что вы наговорили на пресс-конференции! Полюбуйтесь! Ко мне напрямую лезут теперь с вопросами, настаивают на необходимости содержания под стражей Александра Игнатенко! Мол, его поручители уверены, что он не собирается скрываться от следствия.

— А кто со мной обсуждал такие повороты дела? – зло поинтересовался Мылин у распушившей перья женщины-птицы. – Мне вообще не надо, чтобы Игнатенко говорил! Не стану объяснять, но мне это абсолютно не надо было! Договаривались, что грохнут Николая, а вместо этого вдруг берут Игнатенко! Кому нужен этот Игнатенко с его дешевыми профсоюзными петициями? Они еще намекали, что надо как-то помочь ударить по высоким покровителям Николая в правительстве! Донамекались! Мало того, что унизили мое человеческое достоинство, плеснув мочой, так еще и этого букашку Игнатенко выставили!

— Вы мне на нервы не действуйте, — почти ласково произнесла женщина-птица. — А то ведь я не посмотрю, что вы весь пострадавший. Мы честно пробовали сделать все, как договаривались сразу же после передачи у известной тележурналистки, где балерина Владимирская заявила, что в театре работает система эскорт-услуг, поставлявшая молодых балерин олигархам для удовлетворения их похоти. А ваш

дружок Николай там заявил, что против него развернута настоящая травля, а что травмы имеют весьма сомнительный характер... Но так получилось, что его дома не оказалось. Кто-то его тогда предупредил. Не понимаю, как это могло получиться...

— Так вы это скоро сделаете? Сколько можно ждать? — в отчаянии выдохнул Мылин.

— Боюсь, мы упустили время, — честно сказала Алла Давыдовна. — Нам буквально не хватило тех самых четырех дней, которые вы решили дополнительно провести в загородном отеле после Нового года. Николай уже не в нашей власти, придется довольствоваться Игнатенко. Я уже сделала заявление, что в целях расследования этого дела такая мера в отношении него необходима. Пока не приложены к делу часть документов медицинской и химической экспертиз, показания некоторых свидетелей. Как вы сами понимаете, сейчас никому не надо, чтобы он рассказывал о мерах воздействия на него, которые применялись при задержании, чтобы он публично на камеру признал свою вину... Да и незачем, чтобы он на каждом углу болтал о разного рода финансовых нестыковках в вашей деятельности. А пока сидит и лепит это под протокол — все засчитывается ему в мотив совершенного уголовного преступления.

— И мне пришлось заявить, будто я на первом допросе сказал, что подозреваю его! — на тон ниже заметил Мылин.

— Давайте договоримся, что больше вы ничего не будете сообщать, не посоветовавшись со мной! — прикрикнула на него Алла Давыдовна. — Если хотите по своему делу пойти все же потерпевшим, а не свидетелем обвинения! Как минимум. Мне уже сейчас приходится отвечать на серьезные обвинения! Все же считают, будто вы намеренно уклоняетесь от судмедэкспертизы, чтобы усугубить положение подозреваемого. Это, согласитесь, недалеко от истины,

но зачем нам такая истина нужна? Я им таки говорю, что вы физически не можете пройти судебно-медицинскую экспертизу, поскольку находитесь на тяжелейшем лечении в Германии! А вы тут пресс-конференции устраиваете и выражаете недовольство, что наши замечательные органы правопорядка не того взяли!

— Но ведь как-то надо же переходить на того... кого с самого начала надо было... того, — неуверенно пояснил Мылин.

— И поэтому вы выступили с заявлениями, будто Николай вас шантажировал? — почти с ненавистью поинтересовалась Алла Давыдовна, все больше походившая на огромную взъерошенную птицу. — А мне потом приходится объяснять, будто вы на Игнатенко вообще никогда не давали показаний! Понимаете, никогда! Я все говорю, что мы не знаем, почему следствие его арестовало. Даю понять, что там есть доказательства, но мы с ними не знакомы. Поскольку пока в целях раскрытия преступления это никому не сообщается, даже нам. Но выражаю уверенность, что точно были основания для его задержания, что следствие по определению не может без оснований держать его. А вы здесь пресс-конференции устраиваете и за следствие дело раскрываете!

— Я здесь лежу в этой повязке, мне никто ничего не говорит! — взорвался Мылин. — Я слышу только немецкую речь! Мне даже выйти не дают, а мы договаривались, что я смогу посетить Бельгию, Париж...

— О Париже не может быть и речи, — оборвала его Алла Давыдовна. — О Бельгии подумаем, но однозначно обещать не могу. Понимаете, сейчас вам надо заняться здоровьем, дистанцироваться от всего. А когда вы проявляете такую заинтересованность, там ведь возникают вопросы не только о том, почему вы сами не можете появиться на медицинской экспертизе. Там Игнатенко начинает требовать с вами очной ставки! Мы заявляем, что в очной ставке нет необходимости, поскольку Игнатенко задержали не по вашему оговору, а по результатам оперативно-розыскного материала.

— И что мне теперь делать? — с растущим недоумением спросил Мылин.

— Ничего! — безапелляционно ответила Алла Давыдовна. — Вы очень поможете и мне, а главным образом, себе, если ничего не будете говорить! Сейчас специально приехала, чтобы взять документ, что врачи не рекомендовали вам очную ставку с Игнатенко. Я уже сделала заявление для прессы, что если бы это было настолько необходимо и если бы врачи разрешили, а следствие уже провело бы эту очную ставку. Но вам ведь она не нужна?

— Не нужна! — подтвердил Мылин.

— Вот видите, как мы замечательно начинаем понимать друг друга, когда наши интересы совпадают, — с удовлетворением заметила Алла Давыдовна. — Хочу вас обрадовать, что в деле уже имеются результаты экспертизы жидкости, которой вас облили. Как и ожидалось, ею оказалась кислота. Немецкие химики это полностью подтвердили.

— Поэтому мне нельзя снимать повязку? – спросил Мылин.

— И чтобы не шокировать окружающих, — отозвалась Алла Давыдовна. — Ко мне все лезут с вопросами, как у вас со зрением, вы учтите! Я всем отвечаю, что даже смысла в вопросах не вижу! Как можно после кислоты вообще этим интересоваться? Кто б на вашем месте видел, если бы ему целую банку в глаза вылили? До чего люди наглые! Меня это всегда удивляло.

Еще и переспрашивают, будем ли мы требовать материальной компенсации для пострадавшего? Выльют банку кислоты, а потом интересуются! Да, конечно, отвечаю. Но мы сейчас не можем говорить о сумме, так как лечение не закончено, так ведь?..

* * *

И пока она просматривала новости по делу Игнатенко, уже объявленного на всех телевизионных каналах «злодеем», в скайп к ней постучалась Урания.

— Пожалуйста, прости меня! – начала она дрожащим нервным голосом, будто недавно захлебывалась рыданиями.

— А у нас сейчас что, прощенное воскресенье? – испугалась Каллиопа. – Вроде ведь масленица прошла.

— Прости, что я хочу обратиться к тебе по личному поводу, — тяжело вздыхая, ответила Урания. — Ты же сказала, что если счастливый конец наступает, так он наступает для всех! Но для меня... никакого счастливого конца! Нет для меня счастья!

И она залилась слезами, громко сморкаясь и поминутно извиняясь. Каллиопа мягко поинтересовалась, что же такое у нее произошло, что она решила поставить на себе крест. Урания ответила, что ее единственный сынок, которому исполнилось 27 лет, очевидно, окончательно сошел с ума. Все лето они ходили по психиатрам, один выписал им очень дорогие таблетки. Она пошла в аптеку, а там знакомая провизорша ей сказала, что их дают только самым буйным психам, после чего они никогда уже не приходят в себя, становятся тихие, как овощи на грядках.

— Слушай, это не те таблетки, которые мне хотели в уколах поставить? – с нескрываемым страхом спросила Каллиопа. – Он у тебя что, буйный псих?

— Да вроде нет, — призналась Урания. — Он просто очень... нелюдимый. Говорит, что людей любить не за что...

Понемногу, всхлипывая и извиняясь, Урания рассказала, что парня затравили учителя еще в школе. Она их всегда поддерживала, считая, что учителя плохого ее мальчику не пожелают. В результате он отдалился не только от сверстников, которые смеялись колкостям учителей, но и от нее. После школы пошел в армию, в институт поступать не стал. А из армии вообще пришел чужим человеком. Устроился на какое-то литейное производство и перестал общаться со всеми. Стал выпивать, превратился в домоседа при заботливой маме. А она, видя, что у сына уходит время, поняла, что они будто живут на разных планетах. Он ни к чему не стремился, ему ничего не было нужно... Подруги ей посоветовали обратиться к психиатрам, вот те и посоветовали, благо провизорша ее остановила.

Но накануне он пришел с работы, начал ругаться, что к нему работники там привязываются, придираются... Она сказала, что все не могут быть не правы, что как-то ведь надо к людям прислушиваться... А он сходит за бутылкой. И сейчас в очередной раз напьется...

— Он тебя бьет, что ли? – удивилась Каллиопа.

— Нет, конечно! Просто его потом рвет сильно, а я боюсь, что он в отца пойдет, тот любил выпить, — посетовала Урания. – И какая из меня муза, если у меня такие проблемы с родным сыном?

— Но ты пока вела с ним, как посторонняя училка, даже не как мать, прости, — оборвала ее Каллиопа. – Ты пока и получила результат, как училка... А ты знаешь тех, с кем он работает?

— Да видела пару раз, — промямлила Урания.

— Ты хотела бы, чтобы твой сын стал таким же? – прямо спросила ее Каллиопа.

— Нет, с чего ты взяла? – возмутилась Урания. — Ты этих мурамоев не видела! У них все интересы... обычные. Пьют там, конечно, все. Но он с ними не пьет.

— А почему ты ему сказала, что они правы, а он нет? – опять не поняла ее Каллиопа.

— А что я ему должна была сказать? – зарыдала Урания. — Как бы ведь из педагогических соображений говорю. Мне и психиатр говорил, что я его просто избаловала.

— Знаешь, давай, ты сейчас пойдешь к нему, пока он не напился, — предложила Каллиопа. — И скажешь из педагогических соображений, что ты его любишь, он для тебя свет в окошке, а эти мурамои тебе никто, поэтому на их мнение тебе совершенно наплевать. Но ругаешься ты потому, что страстно не хочешь, чтобы он стал таким же. Я сейчас еще тут новостную ленту посмотрю, поэтому пока прервемся, а ты потом перезвони.

— Хорошо! – не слишком уверенно буркнула Урания.

Не успела она прочитать все признания Игнатенко, совершенные им после почти 20-ти часового допроса и без адвоката, как раздался новый звонок от Урании.

— Ну, что там у тебя опять? – спросила она ее с нескрываемым раздражением.

— А у меня... какие-то чудеса! – ответила Урания радостно. – Представляешь, встал, бутылку выкинул, спросил, не надо ли мне картошки почистить.

— А тебе-то это надо? – не поняла ее радости Каллиопа.

— Нет, я уже сама почистила! – рассмеялась Урания.

— А в целом, что тебе от парня надо? – поинтересовалась Каллиопа. – Я этих ваших педагогических наездов с психушкой, после того, как меня там самую чуть не вылечили, совершенно не понимаю! И очень злюсь, когда мне говорят, будто я свое мнение должна нивелировать под мнение большинства! Тем более, когда большинство представляют сплошные мурамои! Если хочешь знать, мне за мое мнение уже жизнь поломали! И я представляю, как вы с чокнутыми училками травили парня из педагогических соображений.

— Ой, наверно, я в чем-то на самом деле была неправа, — радостно ответила ей Урания. — Но он с таким удивлением на меня посмотрел, а я решила успеть сказать все, что ты мне велела!

— Так он у тебя даже по-человечески на все реагирует! – проворчала Каллиопа. — Я бы на твоём месте перестала пускать в дом ту суку, которая тебе психушку насоветовала! Поверь мне, я, в отличие от некоторых, дурного не посоветую.

— Мне ведь, как любой матери, хочется, чтобы он себя не губил, а был счастлив! – опять зарыдала Урания.

— Так этого не педагогикой добиваются, — попыталась утешить ее Каллиопа.

— Смотри, что с человеком сделалась, как только сказала, что любишь его! Давай по пунктам! Первое, ты хочешь, чтобы он был счастлив... в принципе, позитивное желание, так и запишем. Давай дальше!

— Хочу, чтобы у него появилась цель в жизни, чтобы он поступил в институт, получил нормальную техническую профессию, хочу, чтобы у него поменялся круг общения, появился интерес к жизни... Хочу, чтобы он встретил девушку, внуков хочу! – захлебнулась слезами Урания.

— Это вполне эпически, конечно, лет на пятнадцать вперед, — с сомнением констатировала Каллиопа. – Но слишком большая пропасть между психушкой и таблетками для овоща. Терпеть не могу неорганичности в повествовании. Давай остановимся на том, что у него появляется цель в жизни, он поступает в университет и вся его жизнь резко меняется. Нас ведь такое пока устроит?

— Вполне, — согласилась Урания.

Thomas Hovenden, Breaking Home Ties, 1890.

— Раз ты уже картошку почистила, приготовь ужин, а я пока накидаю небольшой рассказ, — распорядилась Каллиопа. — Потом ты его позовешь поужинать и как бы дашь материнский совет по тексту. Посмотрим, сработает или нет.

— Ты напишешь счастливый конец? – уточнила Урания.

— Само собой! – заверила ее Каллиопа. – Без педагогики в психушке! Я же не Наташка из прокуратуры.

Через 20 минут, когда смущенный сын с ужинал рядом с матерью, подкладывая ему самые вкусные кусочки, на стоявшем рядом с ней ноутбуке раздался булькающий звук от скайпа, запросившего принять файл от подруги, вместо фотографии которой стояла картинка со скульптурой женщины, сидевшей перед раскрытой книгой с палочкой в руках.

Мать, смущенно взглянув на сына, открыла файл и начала что-то сосредоточенно читать, постоянно приговаривая ласковым голосом: «Ты кушай, зая, и не расстраивайся! Думать забудь про этих противных мурамов! А мама тебя любит и знает, что ты всегда прав!»

В полученных ею листочках говорилось, как мать кормит ужином сына и вдруг ей приходит в голову светлая мысль о том, что сын должен поступить в

университет, полностью поменять круг общения и на ближайшие годы полностью сосредоточиться на приобретении интересной специальности. Сын ей отвечает в задумчивости: «А ведь, наверно, ты права, мать!»

Далее рассказывается, как он записывается на подготовительные курсы, чтобы примелькаться и освоиться в университете, но основные знания получает с репетитором – студентом МГУ, подрабатывающим таким образом на мелкие расходы. Студент крайне ревностно относится к взятым на себя обязанностям, увлекает сына простотой изложения и владением изучаемых им предметов.

В рассказе сообщалось даже то, что математику сын сдает на 73 балла, зато физику – на 94. Русский язык он и так знает, имея врожденную грамотность. И когда после долгих упорных занятий и трудных экзаменов он приходит к матери и сообщает о своем зачислении, мать заливается радостными, счастливыми слезами.

Убавив звук, Урания незаметно включила скайп и шепотом спросила каменную женщину: «Мне что, прямо сейчас ему сказать?»

— Прямо сейчас и скажи! – таким же шепотом откликнулась статуя.

— С-сынок! – громко сказала Урания каким-то деревянным дрожащим голосом. – М-мне как раз... сейчас пришла в голову светлая мысль, что тебе... надо поступить в университет! Надо тебе полностью поменять круг общения, чтобы больше не расстраиваться от всяких мурамоев! Тебе надо на ближайшие годы полностью сосредоточиться на приобретении интересной специальности, сынок! Пока мама тебе помочь сможет!

— А ведь, наверно, ты права, мать! – откликнулся сын с набитым ртом. – Может, мне стать патологоанатомом? В Интернете сейчас это самая популярная профессия у молодежи.

Каллиопа увидела на камере скайпа, как глаза Урании начали расползаться в разные стороны, она едва сдержалась, чтобы не заорать на жующего рядом сына. Если бы она не стеснялась тихонько подключившейся Каллиопы, попытка профессиональной ориентации могла у них опять закончиться очередным походом в психушку.

— Что делать? – прошептала Урания, ведь в рассказе не говорилось ничего о том, что ее сын захочет резать трупы.

— Читай текст! – прошипела из скайпа Каллиопа, сбрасывая сообщение в скайп.

— А почему бы, сынок, тебе и не стать п-патологоанатомом? – прочла Урания, удивляясь самой себе. – Это так креативно! Говорят, они очень много зарабатывают!

— Говорят, они с трупами спят! – откликнулся сын, доедая салат.

— Это только те, у кого своей квартиры нет, — прочла Урания реплику из скайпа. — И кого девушки не любят. Я таким не завидую! Тебе надо непременно сходить в медицинскую академию на День открытых дверей! И все узнать, как стать патологоанатомом.

— Ты серьезно, мать? — удивился сын. — Да нафиг мне такое! Лучше я в политехнический схожу на День открытых дверей!

Он поднялся, впервые за много лет поблагодарил ее за ужин, вымыл посуду и ушел к себе в комнату.

— Десять лет после школы прошло! — сокрушалась Урания, прибавив звук. — Не сдать ему физику и математику, да на такие баллы, как ты написала!

— Ну, получит немного поменьше, — безмятежно откликнулась Каллиопа. — Мы поближе к экзаменам напишем, что ему попались билеты, которые они накануне разбирали с репетитором, молодым человеком, решившим посвятить свою жизнь просвещению тех российских граждан, которым не повезло в школе с училками. За деньги, конечно. И потом... ты уже забыла, что час назад хотела сына в психушку сдать? Как чемодан в камеру хранения! Что-то ты подозрительно быстро сдаешься! А ему как раз сейчас поддержка требуется.

— Ты это... серьезно? — в полной растерянности проговорила Урания.

— Абсолютно! — заверила ее Каллиопа. — Ты же сама читала! С какой стати мне тебя обманывать?

Урания еще раз с большим сомнением перечитала концовку рассказа.

— Мама! Дорогая любимая мама! — крикнул матери с порога Геннадий.

— Меня зачислили в университет! Поздравь меня!

И мать, прижимая руки к груди, заплакала радостными, счастливыми слезами...

— Мам, — раздался голос сына из комнаты. — А ты мои школьные учебники на дачу вывезла?

— Вот видишь! — торжествующе заметила Каллиопа. — Бутылку выкинул, про учебники спрашивает! Все работает, мы лажи не пишем. Влип по уши, стервец этакий!

— Только Клио и Эвтерпе не говори, — попросила ее Урания.

— Ой, они уже раньше тебя начали своими счастливыми концами беспокоиться! — отмахнулась Каллиопа. — И не только они, представь себе! Мне чего только сейчас на почту не пишут! На вот, почитай, что сегодня пришло.

*Здравствуйте, уважаемая мадам Огурцова! Только на Вас вся надежда!
Пишет Вам, пока не слишком Вам знакомый юзер rrr238, у меня еще*

Фантомас на картинке. В жизни я — майор юстиции Пилипенко Ф.Ю. Мы читали Ваши сказки всем отделением, поэтому предлагаем Вам следующее.

Напишите, пожалуйста, в Вашей сказке, что младшего лейтенанта Казанцева В.В. произвели в капитаны юстиции, а тесть майора юстиции Пилипенко Ф.Ю. решил подарить ему LEXUS LX 570! Нам это очень нужно для борьбы с оргпреступностью и коррупцией.

А в качестве дружеской услуги мы задержим на 48 часов одного члена профкома театра, прокачаем и все протоколы допросов Вам скинем в виде сканов с его подписью. Поверьте, там много чего интересного с их профсоюзной кассой!

Мы и сами о прокурорах много сказочек знаем. Младший лейтенант Казанцев В.В. учился вместе с неким Стасом Забельским. Отец Стаса служил в одной строительной части офицером. После расформирования части в 90-х отец Стаса, проживавший тогда в секретном городе, стал строить дома для новых русских. В процессе этой деятельности он начал строительство домов в ближнем Подмоскovie сами знаете по какому шоссе, а клиентов ему находили черед МВД один генерал, которого все звали просто по имени. Он у вас в блоге пишет комментарии под ником «prostodima». Поэтому он смог пристроить Стаса прокурором одного подмосковного района в 27 лет, хотя уже тогда эта должность стоила под два лимона, если не больше. А Казанцев В.В. до сих пор сидит лейтенантах. Разве это справедливо? Вы вот правильно пишете, что искусство должно стоять за справедливость.

Вовка Казанцев сидит на булках ровно и делает, что прикажут, но званий ему не дают. А этот Стас крышей съехал от вседозволенности, как Вы правильно заметили в своей публицистике. Не знаю, что они там не поделили в облпрокуратуре, куда его перевели замом, но в результате Стас проник в резиденцию страшно сказать кого — и вломил всем по полные помидоры. Дальше им уже занималось ФСБ. Теперь Стас живёт себе тихонечко где-то, вроде в Казахстане, а прокуроров всех уже отпустили, кроме главного оборотня. Над ним проводят опыты, как всем остальным оборотням продолжают службу в периоды Новолуний. Ну, Вы, наверно, уже знаете про эти опыты. Но пока не знаете, что у нас с Вовкой есть тетрабочка с «бухгалтерией» тех оборотней в погонах, которые из МУРа. Там все хорошим почерком расписано, с кого сколько денег собиралось и кому заносилось. Когда данную рукопись решили доказательством не считать, мы ее для Вас сохранили и передадим Вам, как только вы напишете, что Машеньку Казанцеву взяли в консерваторию на вокал, а Петра Пилипенко — в

©Книжная лавка <http://ogurcova-portal.com/>

физматшколу-интернат при МГУ, чтобы не пришлось задерживать директоров консерватории и школы на 48 часов до выяснения всех обстоятельств зачисления.

Заранее благодарны, с уважением и надеждой на плодотворное сотрудничество Филипенко Ф.Ю. и Казанцев В.В.

Каллиопа рассказала, что таких писем ей приходило все больше. В них содержались намеки, а то и откровенные предложения кого-то допросить, задержать, отследить и выяснить. За это она должна была написать, о прекращении внутреннего расследования, о продвижении по службе, о получении денежного вознаграждения, о неожиданных подарках на именины и выигрышах в лотерею, об успехах детей, об удачной приватизации портовых доков, о пожаре в районных налоговых инспекциях и взрывах бытового газа по перечисленным адресам.

Большинство «полезных сведений», которые сообщали ей адреса, давно устарело. Она даже задумалась, как много поговорок знала раньше про «тайное становится явным» и «шила в мешке не утаишь». А вот сейчас дожила до такого возраста, что это стало не чем-то вроде надежды, случайного совпадения, а обычной аксиомы. Стоило дожить до необходимости раз в две недели подкрашивать корни волос, чтоб тайное не лезло слишком явно, — как стало абсолютно очевидным, что время не хранит чужие секреты. Они превращаются либо в скелеты в шкафу, либо всплывают наружу, будучи уже никому не нужными.

Cheater with the Ace of Diamond by Georges De La Tour.

— Я тоже думаю о времени, — признала Урания. — Оно мне кажется... живым, что ли? В любом случае, я считаю очень важным поговорить об этом на очередном круге с Клио и Эвтерпой.

— Да они уже раньше нас с тобой эту тему начали копать, — призналась Каллиопа. — Поговорить надо, ведь все, что мы делаем, имеет прямое отношение к времени.

18. Хронос

Chronos by Santo Saccomanno 1876

*Вечное Время, Гераклова сила благая!
В мыслях изменчивый Хронос, вестник воли бессмертных!
Все истребляя, ты снова растишь, умножая, и держишь
Несокрушимые цепи всего бесконечного мира.
Наш покровитель, вещатель коварных глаголов,
Отпрыск богини Земли и звездами полного Неба.
Все вдохновляющий нас на свершения, муз покровитель,
Родоначальник, живущий в любом уголке мироздания,
Мойрам наперсник и всяческой доверитель,
Хитролукавый умом! Услышь умоляющий голос,
Жизни счастливой пошли, о благой, и благую кончину!*

Орфический гимн Хроносу

— Ну вот! Как только собираем круг, так хоть сами становится все понятно! — заявила Эвтерпа.

— Что тебе опять стало понятно? Почему все парни до твоего баритона говорили, что ты больше никому не нужна? — поддела ее Клио.

— Нет, вы слышите, что говорит та, которая у нас за героев отвечает? — возмутилась Эвтерпа. — Это вообще-то я должна у тебя спросить, почему нынче такие герои... третьего отжима.

— И не говорите, девочки, — вдруг откликнулась Урания, — Не герои, а дешевки какие-то! Я в своем банке на таких героев насмотрелась... Потные,

лживые, хихикают гадко... Тащат деньги у жены, у тестя, из бюджета, из товарищеских касс... Это нас называется «спасти деньги». Людей они не спасают, они деньги спасают! А зачем им деньги, если людей не останется?

— Так, а пусть наша младшая продолжит! Она круг начинала, ей что-то стало ясно, — вступилась за Эвтерпу Каллиопа.

— Вы мне никогда сказать не даете! – обиделась Урания.

— Да кто тебе-то не дает? – возмутилась Эвтерпа. – Это вы все мне каждый раз орете «Заткнись!»

— Ты что-то хотела сказать, — напомнила Урания, и все поняли, что она обидчиво поджала губы.

— Да хотела, — подтвердила Эвтерпа. – Только я забыла уже, что хотела сказать!

— А я, кажется, поняла, — сказала Каллиопа. – Мы до этого переживали, что вступимся за младших муз, а все получится для нас вполне обычно. И, не скрою, вначале я не видела никакого смысла вступаться за младших, бросая свои темы, свои планы, прославляя на своих ресурсах не себя-любимых, а тех, кто получает за свое искусство деньги. Зная, что с нами они не поделятся, а если у них получится все хорошо, так они и нашего общества стыдиться начнут, бессовестных подпевал возле них достаточно. Я даже отказалась писать про этого Игнатенко, который признался перед журналистами...

— Но он же это сделал без адвоката! – заволновалась Эвтерпа. – Вы же сами говорили, что его сломали, что ему, очевидно, подсунули липовые записи телефонных переговоров...И его точно Мылин оговорил! Вот, читаете!

Становятся известны подробности расследования нападения на художественного руководителя театра и того, как именно солист балета Игнатенко был следствием назван организатором этого покушения. Источник, близкий к следствию, сообщил, что на первом допросе Мылина в больнице, кроме премьеры театра Николая на допросе Мылин также упоминал Игнатенко. Первый ему открыто угрожал и намекал о готовящемся «сюрпризе».

Напомним, сейчас Игнатенко, а также исполнитель нападения на Мылина и его сообщник находятся под стражей.

До этого Мылин откровенно поведал, что перед отъездом в Германию он вполне прямо сказал, кто, собственно, мог устроить ему такую гадость.

Арест Игнатенко, полностью ответивший всем его «смутным сомнениями», – вызвал возмущение всей балетной труппы, написавшей письмо в защиту Александра.

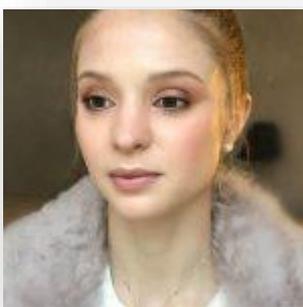
— Я видела эту ссылку, — ответила Каллиопа.

— Я понимаю, что тебе опасно за него заступаться, — сказала ей Урания, — Но мне его очень жалко! И ты должна помнить, что тебя саму друзья не оставили, когда тебя...

— Вот именно! Меня не оставили друзья, — подтвердила Каллиопа. — Поэтому я и сказала тенору из Праги, что пока за него не вступятся его друзья, я пальцем не шевельну. И они написали! На следующий день! И под письмом в его защиту подписалось триста человек!

— Это же здорово! — крикнула Эвтерпа.

— Это еще не все! Теперь мы знаем, кто у нас Талия, — усмехнулась Каллиопа. — Его девушка, ученица нашей Мельпомены! Сегодня в Фейсбуке она опубликовала письмо от Игнатенко.

Уважаемые друзья, коллеги, люди, которые поддерживают нас в такую трудную минуту!!! Это обращение Саши к вам!!!

«Я нахожусь в полной изоляции, в нашу камеру запрещают носить газеты, выключают радио, но сегодня я услышал, что более 150 артистов (видимо, самая первая информация) подписали письмо в мою защиту. Это придало мне столько сил, что я готов бороться дальше!!! Я пишу и еле сдерживать от слез, не потому что мне страшно сесть с тюрьму (я уже сижу), а потому что мне до слез приятно, что вы меня поддерживаете и не забываете! Что касается распространения информации в СМИ, не верьте никому!! Я не заказывал Мылина обливать кислотой, это не мужской поступок!! И я бы никогда этого не сделал бы, тем более я это не оплачивал!!! Я никогда в жизни ничего не боялся, не боялся говорить правду в лицо начальству и даже сейчас не боюсь! Не смотря на то, что люди пытаются выжать из этой ситуации максимум. Сейчас я не могу писать более подробно, мне надо со многими вещами соглашаться... вам все потом расскажу... Спасибо миллион раз за то, что ВВІ не побоялись сказать слово в мою поддержку. Обнимаю вас и люблю. Ваш коллега, Саша.

— Значит, его били и пытали! — мрачно отметила Клио. — Поэтому и приходится соглашаться, чтоб не придушили.

— Да уж вестимо! — согласилась Урания. — Как же не поглумиться над человеком! Он в телевизоре весь в синяках стоял, смотреть страшно!

— Вспомнила! – заявила Эвтерпа. – Я вспомнила, что мы собрали круг грустными мыслями! Что нам и слова доброго никто не скажет. А круг замкнулся на словах о справедливости, о том, что мы должны пробудить в людях справедливость, несмотря ни на что. Иначе ведь мы свое предназначение не выполним.

— Должны всем останемся! – съязвила Урания.

— Ну, типа того, — поддакнула ей Эвтерпа. – Мы должны младших муз воспринимать не людьми, а музами, которые у всех на виду. Они же на сцене главного театра страны, они выходят на экраны телевизоров, а мы их поддержим за сценой как бы.

— И все же, девочки, хотелось бы обрести более осязаемую веру в справедливость и лично для себя, — заявила Клио. Просто написанием статей, за которые другим платят большие деньги, веру в справедливость не обрести... Хотя, такие моменты, как этот обмен малявами артистов театра – в жизни очень нужен. Да, не все решают деньги, нужны такие потрясения.

— Согласна! – вставила Урания. – Я отмечаю каждую денежку наговором, в особенности те, что уходят в гнездилище гарпий, в офшоры Кипра, как и договаривались. Но даже если там все сгорит синим пламенем, мне это, возможно, принесет некоторое облегчение, но полного удовлетворения – никогда!

— Как я поняла, мы выступаем? – спросила Клио.- Может быть, со временем что-то поменяется?

— Вопрос о времени не ко мне! – ответила ей Каллиопа. – Кстати, мы просили тебя рассказать о времени. Ведь это ты воплощаешь музу на колеснице времени! Я лишь в «Римских вопросах» Плутарха встретила интересное толкование общности муз и Геркулеса. На вопрос «Почему у Геркулеса и Муз общий алтарь?», он, как всегда, ответил вопросом.

Не потому ли, что Геркулес, как сообщает Юба, обучил грамоте людей Евандра, а обучать друзей и родственников считалось тогда делом почетным. Ведь только гораздо позже стали брать плату за обучение, и первым, кто открыл грамматическую школу, был Спурий Карвилий, вольноотпущенник того Карвилия, который первым в Риме развелся с женой?

— И что он такое сказал? Вы вообще сейчас о чем сказали? Просто так? – засыпала ее вопросами Эвтерпа.

Hercules and Cacus 1613 Hendrick Goltzius

— Ты почище Плутарха наловчилась вопросы задавать, — недовольно заметила Каллиопа. — Плутарх говорит, что Геракл и музы всегда имели общий алтарь. Он высказывает предположение, что это связано с тем, что Геракл обучал людей чтению. Безвозмездно. Как музы, дорогая Урания! Безвозмездно! И даже никого при этом не убил.

— А чего как только, так сразу Урания? — обиделась Урания. — Я вообще-то за тебя переживаю, это же тебя с работы выгнали, кстати, преподавательской. А ты там тоже никого не убила, прямо как Геракл. Они даже не представляют, какие у тебя потрясающие педагогические способности!

— Я думаю, общий алтарь с музами Геракл имел не из-за своего педагогического стажа, — сказала Каллиопа. — Дела в том, что Геракл является человеческим воплощением самого Хроноса, времени. Он, казалось бы, ничего не достиг при жизни и совершил массу бессмысленных с обыденной точки зрения подвигов.

— Ну, как это бессмысленных? — удивилась Эвтерпа. — Я уверена, что все эти чудовища очень мешали жить людям.

— Да, это полностью в русле наших недавних рассуждений, — засмеялась Каллиопа. — Зачем побеждать гарпий в главном театре страны, если нас туда все равно на работу не возьмут?

— А это, между прочим, подрывает мою веру в справедливость! — вновь встряла Эвтерпа. — Какая Никифорова пресс-секретарь? У нас Урания знает оперу гораздо лучше ее! А ведь она бухгалтер-аудитор, банковский работник! Я тоже достаточно продолжительное время с их солистами даже концерты вела. А уж лучше вас с Клио никто не справится со строительной и хозяйственной частью не справится. Но разве мы хуже этого Мазепова сделали бы сайт театра? Да у нас бы вся страна по ночам оперы и балеты в кинотеатрах смотрела!

— Да, Геракл вот тоже всех победил, а правил совершенно несправедливо его ничтожный сводный брат Еврисфей, — ответила Каллиопа. — Но не он, а Геракл остался в веках! Время всему выставило свою цену. А Геракл — как само время, которое всех победит и каждому определит цену. А теперь пусть Клио расскажет о тех часах, которые постоянно таскаются за Эвриале.

— А почему это я? — растерялась Клио.

— А потому, что я их почти не помню, — ответила Каллиопа. — Я их видела один раз в какой-то коммунальной квартире. Они говорили намеренно под музыкальную шкатулку, почти ничем себя не проявляли. А в последний раз... была не совсем, как стеклышко.

— О! Сейчас бы вы их не узнали! — заметила Эвтерпа. — Сейчас они такое вытворяют!

— Помолчи! — одернула ее Урания.

— Постараюсь быть краткой, — прокашлялась от волнения Клио. — Начнем с того, что мы — музы своего времени, наши мысли, чувства, выпадающие на долю испытания — неразделимо связаны со временем. Наша задача, восстановить связь времен. Древние философы говорили, что человеку по-настоящему принадлежат только три вещи: душа, тело и время. Во всех мифах говорится, что до начала творения не было времени — «как не было верха и низа, как не было того, что существует, и того, что не существует».

— Цицерон сказал: «И в мыслях даже не вмещается, чтобы было когда-нибудь время, когда никакого времени не было», — добавила Эвтерпа.

— У меня это тоже не очень помещается, — призналась Клио. — Время — одно из трёх первоначал, из которого появились огонь, пневма и вода. Время — как начало всех процессов изменения. Что-то измениться может лишь во времени или со временем. Поэтому роль музы истории еще и в том, чтобы не позволять вносить изменения задним числом, переписывать историю, приписывая кому-

либо заслуги не по праву или грехи не по справедливости. И все это делается, чтобы вынести из времени ложные уроки истории.

— А зачем это надо? — поинтересовалась Урания. — Ведь прошлого уже нет, как еще нет будущего.

— Все исключительно точно совпадает с нашим назначением! — пояснила Клио. — Мы должны пробудить в людях лучшие чувства, помочь им выстоять в жизненных невзгодах и изменить мир к лучшему. И при этом душа человека должна быть открыта всему миру. А те, кто начинает переписывать историю — вносит несправедливость в настоящее. Ведь больше всего человеческая душа страдает от несправедливости. При этом они делают все в точности так же, но... только для себя.

— Помочь только себе преодолеть невзгоды, изменить только свой мир к лучшему? — попыталась развить ее мысль Эвтерпа. — Но это означает, что они из общего мира выделяют свой мирок, изолируют его от общества...

— И от своего времени! — закончила Клио.

— Главная мысль любого эпического произведения — это борьба Добра со Злом, — сказала Каллиопа. — Как ни крути, а это всегда так. Лорд Честертон вывел замечательную аксиому: «Добро — всегда добро, даже если ему никто не служит. А зло — всегда зло, даже если все кругом злы». В каждый конкретный промежуток времени добро и зло имеют какие-то свои выражения. Если на счет добра, блага, в принципе, все понятно, то зло подстерегает нас в разных обличьях. Оно рядится в идеологии, в ярлыки и штампы, каждый раз утверждая, будто именно они определяют «наше тяжелое время» или «переходный период», по сути, безвременье. Но по своей природе любое недоброе намерение заключает в себе желание остановить время. Это как в сказке, когда зима наступила, но время остановилось, и Рождество никак не может наступить.

— Значит, все, чему мы противостояем, связано со временем? — уточнила Урания.

— А тебе ли это не знать? — рассмеялась Эвтерпа. — Говорят же: «Время — деньги!»

— Ну, помните Безумного Шляпника и Мартовского Зайца из «Алисы в стране чудес»? — спросила Каллиопа. — Они убивали время, и оно на них обиделось. Наверно, все эти сказки о поисках бессмертия и вечной жизни, — тоже попытка изолироваться от времени. А свое время человек должен потратить с пользой, а не пытаться от него уйти. Вспомним последний, двенадцатый подвиг Геракла! Он добыл золотые яблоки бессмертия по приказанию своего никчемного брата Еврисфея. Но тот преподнес их своей покровительнице Афине-Палладе. Афина вернула яблоки гесперидам, чтобы вечно оставались

они в садах, чтобы смертные знали, что бесконечного времени им никто не даст.

— Время именуется нестареющим Хроносом и изображается в виде юноши, ведь каждый день к нам приходит новым, юным, — продолжила Клио. — Но также оно зовется всепобеждающим Гераклом, но только этот мощный, умудренный опытом Геракл (или на римский манер Геркулес) держит в руках косу, он – Вечный Жнец.

— Да, сколько за день слышишь «пришло мое время» или «еще не время», не говоря об этих вечных заботах о будущем, — — в раздражении заметила Урания. — А за всем этим стоит такое пренебрежение к людям, к жизни, к времени... Какой садизм: взять у своих современников средства и просто отправить из по заграничным банкам, заявляя, будто это для «будущих поколений россиян», а самим-то пока живущим хотелось бы что-то полезное оставить после себя, а не кучку обесценившихся бумажек! Правильно заметила Эвтерпа, все накопители депозитов считают, что лишь их жизнь бесценна, а с чужой жизнью, с чужим временем можно творить что угодно.

— Шекспир говорил, что время для разных лиц идет различно, — сказала Каллиопа. — Значит, для кого-то его можно ускорить, а для кого-то замедлить. В принципе, это ведь чисто литературный принцип. У кого-то приключения, но они потому и интересны, что время там включает множество событий.

— Я знаю, это нынче называется «экшн», переводится как «действие», — пояснила для всех Эвтерпа.

— Бывают «герои своего времени», — вставила Клио. — Только они все... ненастоящие.

— Самозванцы! – поддакнула Урания.

— Вот-вот, — согласилась Каллиопа. — Значит, мы определились с героями нашего времени?

— Определились! – хором ответили музы.

— А я так и не могу определиться с финалом! – призналась Каллиопа. — Мне же надо к нему стремиться, а я не могу! Глупость какая-то крутится в голове.

— Какая? – с нескрываемым любопытством спросила Эвтерпа.

©Книжная лавка <http://ogurcova-portal.com/>

— Да меня просто достала песенка про гусей! — с раздражением ответила Каллиопа. — Стыдно признаться! Говорим о высоких вещах, а в голове все время зудит песенка: «Жили у бабуся два веселых гуся!»

— Это очень странно, — заметила Урания. — Причем здесь гуси?

— А я откуда знаю? — расстроено сказала Каллиопа. — У меня финал стал навязчивой идеей! Как теперь сочинять счастливый конец, если в голове эти дурацкие гуси? Как это

вообще получилось?

* * *

— Как это вообще получилось? — тихо спросил удивительно прекрасный молодой человек у своей собеседницы в прокурорском кителе.

Они вновь сидели на втором этаже в ресторане «Азия» на большой Дмитровке. На молодом человеке были белые джинсы и мягкая рубашка-поло нежного кремового цвета, оттенявшая ослепительно белую кожу лица.

Агата Викторовна Келайно посмотрела на него сквозь полуопущенные веки и вновь опустила прекрасные миндалевидные глаза.

— Келайно, скажи, как это получается? — уже настойчивей спросил ее собеседник.

— Не знаю, наверно, мы упустили время, — тихо ответила она. — Даже когда все пошло по второму запасному варианту, чтобы зацепить парня Талии, за него опять уцепились все музы...

— Я говорю вот об этом, — сказал красавец, подавая ей распечатку с выделенными маркером абзацами.

Игнатенко рассказал, что объяснял Загоруйко, какие проблемы ждут его дочь в большом балете — большие нагрузки, интриги в театре, рассказал ему о том, как Мылин кричал в своем кабинете на Галину К., народную артистку СССР, как она плакала от «хамского поведения Мылина», а заступиться за нее было некому. Кроме того, Игнатенко поделился подробностями конфликта Мылина с руководителем канцелярии балетной труппы Ларисой В. По его словам, худрук будто бы хотел поставить на ее место своего человека и поэтому свалил свои ошибки на прогоне на бедную женщину, за которую тоже некому было заступиться и которой в конце концов пришлось написать заявление об уходе. Игнатенко попросил Загоруйко передать Мылину коллективное письмо с просьбой предоставить финансовый отчет о кассе профсоюза. Сам Мылин мог письмо у него не взять. Он вообще болезненно воспринимал любые

коллективные обращения, отвечая на них угрозами судебных разбирательств с подписантами и отстранения их от участия в балетных постановках. — Загоруйко спрашивал у меня, почему же ты просто не дашь ему в морду? Я отвечал, что в этом случае Мылин добьется моего увольнения, а затем расправится с моими друзьями и гражданской женой, потому что он очень злопамятный. Я сказал ему, что мой способ борьбы — возглавить профсоюз, — рассказал следователям Игнатенко. — На это Загоруйко ответил, что тогда он сам «даст Филину по морде». Ведущий солист театра заверил, что он долго отговаривал Загоруйко, объяснял ему, что это не его дело, просил «просто с ним поговорить», но тот стоял на своем: Мылина надо побить. По словам Игнатенко, он не воспринял угрозы своего знакомого всерьез.

— Я понимаю, пошли по запасному варианту, понимаю, — кивнул он головой, когда она прочла, поднимая на него глаза. — Почему все вдруг заговорили так, будто только что начитались сказочек Каллиопы? В деле множество нестыковок, ведущий обозреватель радио «Эхо столицы» сообщает, что дело выглядит настолько идиотским, потому что его организывают «дебилы и ушлепки». У Игнатенко не было денег, с какими-то натяжками сообщают, будто он дал Загоруйко пятьдесят тысяч... Ну, ты сама-то чувствуешь?

— Что? — недоуменно подняла она на него свои темные глаза, поджав в досаде карминовые губы.

— Ты же только что читала этот текст! — начал раздражаться он. — Пятидесяти тысяч он не давал... Чувствуешь? Какие же вы все же бездушные твари, хотя этим мне, собственно, и импонируете. Здесь ведь нет главной детали, да? А она непременно выплывет. Я имею в виду, что Загоруйко вылил Мылину в лицо целую банку не кислоты, а мочи. И уж если быть точным, то не банку, а обрезанную литровую бутылку. Которую почему-то не нашли. Наверно специально не искали?

— Я не понимаю, о чем ты говоришь! — упрямо повторила советник прокуратуры.

— Да все ты понимаешь! — презрительно бросил он. — С той минуты, как связались с этой историей, мы во власти ее фарса! Что, не понимаешь, что ли? Она издевается над нами! Один ушлепок едет на дело, но забыл электролит, другой изо всей силы делает вид, как ужасно у него обожжено лицо мочой. И выглядит это крайне дебилно. Не говоря обо всех других, ты это понимаешь? Мы все стали ее персонажами! Не исключая того, что она уже написала в своем очередном опусе, как мы сидим в кафе и разговариваем.... Но знаешь, вот этого она точно не напишет!

С этими словами он красивым властным жестом подозвал молоденькую веселую официантку. Как только та подошла, он, предложив ей щедрые чаевые в папке с оплаченным счетом за ужин, попросил ее убрать пустые

фужеры. Как только девушка протянула руку к фужеру, она словно застыла под его немигающим взглядом. Нежно проведя по ее маленькому запястью остро отточенным ногтем, он с удовольствием втянул затрепетавшими ноздрями аромат кровавой полоски на ногте, слизнул ее и подставил под руку застывшей девушки другой фужер. С гримасой легкого сожаления он провел по ее руке белоснежным пальцем и ранка на ее запястье затянулась. Побледневшая девушка, прижимая руки к вискам, отшатнулась от их столика и медленно пошла к административной стойке.

— Счет не забудьте! – крикнул ей вслед Гермес, подавая один фужеров Келайно.

— Мы попытались уничтожить Мельпомену сразу после передачи у Эрато, но что-то сорвалось, — тихо ответила она, отхлебывая теплую алую жидкость, от которой у нее сразу же порозовели щеки, а в глазах появился агатовый блеск. — Мне кажется, его кто-то предупредил. А в январе мы не смогли все организовать, потому что он дал интервью зарубежным корреспондентам!

— Дорогая, а почему Аэлло и ты собрали всех, включая меня, чтобы уничтожить Мельпомену после ареста и последующего «интервью» Игнатенко? – спросил Гермес тоном, в котором слышался треск льда перед самым половодьем. — Мы же едва ноги тогда унесли! Неужели было сложно проверить, что Талия и Мельпомена сидят у него в квартире не одни? Ведь это еще на обыске можно было выяснить!

— Ты же знаешь, что его просто необходимо уничтожить! – раздраженно проговорила Келайно. — Он ходит с камеей по театру, а Окипете и Аэлоппе приходится прятаться от него. Сколько можно? Его все равно надо убирать из театра!

— Аэлоппа еще не поменяла лошадку? – спросил он, отлично зная ее ответ. — Пусть меняет! Ты же понимаешь, что после реализации этого чудесного плана – ей пора менять седло.

— Это произошло потому, что сразу не смогли покончить с Каллиопой! – откликнулась она, с сожалением отставляя фужер в сторону. — Ей нельзя было дать закончить ее дурацкие сказки! Ее надо было навсегда отучить писать!

— Ты не чувствуешь? Цепочка событий уже не у нас в руках! – нервно хрустя белоснежными пальцами, ответил Гермес. — Мы выстраиваем свою цепь, она ее соотносит с общей логической цепью всех возможных событий, а при этом выбирает ту, которая лучше всего соответствует нашим драгоценным ушлепкам и дебилам. Мы пытаемся приписать им значение, которое явно выше их действительных возможностей, а она определяет истинную цену.

— Ей нельзя было дать соединиться с Клио, отвечающей за логику, с Уранией, которая все подсчитает и всему определит цену. И эта Эвтерпа сейчас повсюду лезет! – сказала Келайно, растирая виски.

— Я думаю, что с Каллиопой раньше была совершена непоправимая ошибка, — ответил ей Гермес. — Я искренне наслаждался, как с ней разделалась Эрато на литературных конкурсах. На мой взгляд, это и был настоящий фарс, Каллиопе и крыть было нечем. Вместо нее выставили такое, что в сравнении с настоящей литературой является обычным фарсом, а она руками музы была выставлена зарвавшейся графоманкой. Уголовное дело должно было прикончить обиженную жизнью провинциальную писательницу. Когда старик давал настрой всем, кто выступал против нее, там основной мыслью было: «Бабе под полтинник, а она в Интернете пишет!»

— Там никак не учитывалось изменение самого времени! – взволнованно проговорила Келайно. — Сейчас у каждого есть профайлы на рекрутинговые сайты, странички в социальных сетях, блоги! При обыске эти идиоты изымают у нее дискетки и лазерные диски, а рядом лежит огромный дисковый накопитель, они почему-то принимают его за тонометр для измерения давления! Давят ей выделенки, а то, что она живет рядом с вышкой мощного провайдера с конторой во Франции, им в голову не приходит!

— Это ты с ними возле мусоропровода разбиралась? – засмеялся Гермес.

— Ну, конечно! – подтвердила она. — Заставила их во второй раз включить камеру и изъять мощный роутер! Чтобы хоть как-то «перекрыть линию»! Ведь статьи «Огурцовой перекрыли линию» уже были готовы. Так они вышли, когда она уже свои ощущения описала! А они вошли к ней, потоптались... и решили вообще оттуда уходить! Они даже наркотики ей не подбросили, потому что источник заявил, что у нее в квартире два автомата, разобранный бузук, ящик с реактивными снарядами.

— Ты что, сразу не поняла, что начался фарс? – спросил Гермес, откинувшись на спинку стула.

— Нет, представь себе! – огрызнулась Келайно. — Ведь она должна была понимать, что это как бы против нее выступили чеченцы! Она должна была разбираться с ними! А мне ведь еще надо было все это организовать!

— А она начала разбираться с вами? И тут же выяснила, что вы – не чеченцы и понятия не имеете, что за «двести наций» на нее обиделось... Да все так и есть! – саркастически рассмеялся Гермес. — Я тоже очень долго злился на старика, но она ведь честно сказала, что когда к ней пришли с обыском, все уже было кончено, время поменялось. Сейчас мне даже жаль старика, заставил действовать его в несвойственной манере. Надо было пропустить ее! Дать ей премии, славу, признание... она бы сама почилла на лаврах и прекратила писать!

— Ты в этом уверен? – с нескрываемой издевкой спросила Келайно. — Она первым романом заявляла права на сны и пост стражницы при душах! Это понимали лишь посвященные, но пропускать ее было нельзя.

— Мы лишь оттянули время, остановили его на некоторое время, а оно обрело иную реальность, с которой сейчас безуспешно пробуют бороться методами «дебилов и ушлепков», – ответил Гермес. – Раньше иная реальность была только в художественных образах, которым можно было выставить барьеры. Ее надо было вынимать из Интернета гораздо раньше – медными трубами! Деньги могут переформатировать кого угодно! А они сейчас с Уранией пытаются сами отформатировать денежные потоки! Ее оставили в Интернете с ее огуречным образом, где все вынуждены создавать свои образы. Многим это нравится, это нечто вроде детской игры в прятки. Она не прячется, а все тупо бубнят, что она «скрывается под ником Огурцова!» И как бы мы не поддерживали ее скандальный имидж, но именно он вызывает интерес.

— Любое предположение – это начало цепочки событий, которая нам изначально неизвестна! – прошипела Келайно. – Ты же понимаешь, что гарантированный результат можно было получить только в одном случае – если остановить время! Это мы сейчас с тобой пока беседуем в центре Москвы, в кафе. А где мы бы с тобой могли оказаться гораздо раньше, если бы все прочли ее прозу, как вполне очевидного победителя различных конкурсов? Ведь смысл их проведения был в том, чтобы выбрать вещи, которые заведомо прочесть невозможно!

— Согласен! Мы действуем в логике развития наших образов, — кивнул в ответ Гермес. – Мы пытаемся остановить время. То, что должно смертельно ее ранить, она принимает, как отличительную особенность нашего образа... Хотя мне сложно представить, как глубоко личную трагедию, крах всех жизненных устремлений – можно рассматривать проявлением и развитием художественного образа...

— Именно, что *развитием!* – с ненавистью выкрикнула Келайно. – Это же паучиха! Ты разве не чувствуешь? Она будто опутывает нас паутиной!

— Не надо утрировать, — улыбнулся Гермес. – Мы же с тобой знаем, что настоящая и непревзойденная паучиха у нас ты! У этой мерзавки более сложный механизм воздействия! С ней сейчас старшие сестры, а она прорывается к младшим. Хотя она должна была понимать, что младшие сестры ей спасибо не скажут, воспринимая все, как должное. Да и личные проблемы ее должны были полностью поглотить... Но заметь, она вовсе не пытается с нами бороться так, как мы этого ожидаем! Она использует наши

желания, дописывая для нас свой идиотский счастливый конец в духе типичных дебилов и ушлепков!

— Да откуда, скажи, она может знать наши желания? – возмутилась Келайно.

— Мне кажется, кто-то нас предал... Кто-то ей точно все сообщает заранее!

— Она снимает образ! – перебил ее Гермес, начиная терять терпение. – Она пропускает через себя, что мы на нее направляем, прикидываясь идиоткой, цепляя кусочки образов, которые идут за всем этим. Далее она помещает образ в русло своей дурацкой логики, как бы вдобавок помогая... развитию образа! А они у нас статичные, у них развития не предусмотрено.

— Все равно не понимаю! – призналась Келайно.

— Вот мы приставили к Игнатенко своего адвоката от Аэлло. Фамилия ее Лисицына, — пояснил ей Гермес. – Как бы она идет защищать его на общественных началах, пытаюсь реабилитироваться после защиты других инсценировок. А Каллиопа тут же заявляет, что все нападение на Мылина было инсценировкой, потому что немедленно всплывает адвокат,

ранее проявившаяся на «масштабных провокациях против всего общества», как она любезно всем поясняет. Не стану касаться образов оппозиционеров, бывших подзащитными адвоката Игнатенко. Их образы начинают распадаться, как только Каллиопа интересуется, где они были раньше, и называет «народными трибунами». Там Клио восстанавливает исторические связи, а Урания немедленно определяет цену. И дальше Хронос выкашивает все подчистую! Но у нашей адвокатки были подзащитными девушки, исполнившие отвратительный «панк-молебен» в храме. А до этого они голыми в музее совокуплялись с мужчинами – как бы из прогрессивных протестных настроений. И подавалось это в качестве «авангардного искусства».

— Это не я! – встрепенулась Келайно. – Это Аэлло с Окипетой такое придумали! Они уверяли меня, что вся Россия последует этому примеру!

— Вполне оценил их задумку, — кивнул Гермес. – Удар по жилищу муз – мусейону, по самому искусству, которое идет с таким «вдохновением»... Но стоило Каллиопе немного развить образы этих девушек, как тут же выяснилось, что их поступки статичны, развития во времени не предполагают. Там невозможно представить, что у них может быть чистая светлая любовь, рождение ребенка, хотя бы эпизодическое участие таких мамаш в детских

утренниках и на родительских собраниях. Можно просто сказать, что они «не думают о будущем», живут одним днем, как наркоманки, которым уже не принадлежит собственная воля. И тут она дает типичный «огуречный» вывод, что девушки выполняют чей-то сторонний заказ человека, который вовсе не собирается думать об их дальнейшей жизни, а их отношения ограничиваются заказанными «акциями», вполне соответствующие его дурному вкусу. Поскольку поступки девушек – конечны в логике развития их образов, дальше должно идти лишь самоубийство.

— Но его не происходит, поскольку до суда мы были вынуждены держать их в изоляторе, исключая любое общение! – взорвалась Келайно.

— Как сейчас вынуждены держать Игнатенко, чтобы он не рассказал про те методы воздействия и фальсификации телефонных разговоров, которые ему представило ведомство Антона Борисовича и его младшего зятя, – спокойно закончил ее мысль Гермес. – Кто тянул за язык Аэлло, когда она в Интернете поясняла под чужим ником Каллиопа, почему делом о нападении на Мылина занимается полиция, а не Следственный Комитет, как в ее случае? Там же она указала статьи Уголовного Кодекса, доходчиво объяснила, что тяжкие телесные повреждения находятся в ведении полиции. Она соображает, с кем говорит? Она говорит со своим Автором! В русле уже написанного за нее диалога. И Каллиопа тут же язвит, что «дебил и ушлепок» Загоруйко, весь такой непосредственный и импульсивный, долго и тщательно соображал, как же ему остаться в юрисдикции любимого ведомства Антона Борисовича, чтобы и нанести «тяжкие телесные повреждения» Мылину – и оставить его совершенно невредимым. А потом спросила, почему при обыске у него не обнаружили забытую фляжку с разбавленным до безопасной концентрации электролитом.

— Он же из-за этой твари фляжку забыл! – догадалась Келайно.

— Конечно! – подтвердил ее догадку Гермес. – Но только потому, что она помогла исполнению его желания, открыв проход во времени. Но это был единственный проход! Он отмел необходимость участия в судьбе Игнатенко «мальчиков» Аэлло, о чем ее просила Окипета.

— Да она и меня просила! – откликнулась Келайно.

— Вот видишь! – ударил Гермес по столу необыкновенно прекрасным перламутровым ногтем указательного пальца правой руки. – Когда проход открыт только для тебя, это рождает некое чувство... предопределенности. Событие уже имеет вероятность единицу, так какой смысл перепроверять, а взял ли ты фляжку с электролитом....

— Или могла ли тебя раньше видеть подэкспертная психиатрической экспертизы – в качестве работницы прокуратуры, пристававшей в

непотребном виде к молоденьким следователям, да? – мстительно поинтересовалась Келайно.

— Абсолютно точно! – кивнул Гермес. — Когда смертные понимают, что кто-то находится в их полной власти, они начинают равнять себя с богами, которым не нужно думать о «технической детализировке в литературе». Помнишь, была такая статейка у нашей Каллиопа? Когда она говорила, что ложь всегда проявляется нестыковкой самых незначительных деталей. Тебе или мне – не надо думать о фляжке с электролитом, нам даже не надо электролит в фляжку ее сливать из аккумулятора. Мы протянули руку – и вот она!

Гермес сделал красивый жест левой рукой в сторону, и в его руке появилась старая фляжка из белой изношенной пластмассы. С безразличным выражением он поднес ее к лицу и тут же резко отдернул, выбросив гулко булькнувшую фляжку под стол. Он взял салфетку и тщательно вытер пальцы. Вокруг их столика явственно запахло мочой, с соседних столиков на них стали оглядываться посетители, морщась от резкого запаха.

— Уверена, что это она вдохновила Загоруйков фляжку насрать! – прошептала Гермесу Келайно.

— А может и не она! – возразил он. — Этот шут гороховый Загоруйко, понимая, что ему грозит одиннадцать лет тюрьмы вполне серьезно, и шуточки с ним закончились, сам заявил, что плескал мочой с электролитом. А мерзкая мамаша балерины Владимирской заявила, что моча – и есть электролит! Там уже весь круг муз собрался! От них можно

было ожидать чего-то и почище! Я бы не удивился, если бы Загоруйко решил не плескать в Мылина, а... чем-нибудь его обмазать, к примеру.

— Эта Терпсихора как прилипла к Мельпомене! – возмутилась Келайно. — Она же должна была ненавидеть его, за то, что ее выгнали из театра, а его оставили! И кампании по поводу ее аморальности, эротических фотосессий и крайней умственной глупости – не дали никаких результатов! Тут же выходила Каллиопа с сестрами и доказывала, что такой немислимой красавице вовсе необязательно быть Цицероном и Аристотелем в одном флаконе. И вот она умная, а вынесла типа столько «горя от ума»! А тот, кто в силу своей недоразвитости не понимает божественной красоты прекрасного женского тела, может заткнуться и удовлетворять свою изменную похоть на порносайтах, а не касаться грязными домыслами непостижимой и абсолютно

естественной красоты госпожи Владимирской, отражающей ее духовную красоту. На полном серьезе!

— А ты хотела, чтобы она заклеяла ее позором? — расхохотался Гермес. — Это же изворотливая тварь!

— Вообще-то очень на это рассчитывала, — недовольно заметила Келайно. — Мы даже организовали протест родителей Урала, чтоб Каллиопе было удобнее выступить в «общей струе». Она же часто орет «как мать двух дочерей». Вот бы и проявила свою хваленую нравственность. Так Урания, в ответ на замечание, что Владимирская растолстела, постарела и потеряла форму, написала, что, мол, «всем бы так потолстеть, постареть и потерять форму». И что она несколько бы не возражала, чтобы после такого преобразования и о ней написали какой-нибудь протест.

— А что ты хотела? Это фарс! Она и Эрато поддерживает, хотя у нее нет и малейшего повода ей импонировать. Но вот давай посмотрим, что произошло бы, если бы у нас все получилось с Мельпоменой, — сказал Гермес, ногами в сандалиях отпинывая под столом подальше фляжку, которая от резкого удара о пол начала протекать.

— Сейчас Окипета, Аэлло и Аэлоппа прилагают массу усилий, чтобы от «кислотной атаки» вот также не пахло мочой, — грустно заметила Келайно

— Нас с тобой мало волнуют частные проблемы Окипеты, Аэлло и Аэлоппы, сосредоточившихся на младших музах, на этот театр, — задумчиво ответил Гермес. — Неизменность нашего времени отслеживает Подарга, в чьей власти души всех, кто его останавливает в высших иерархиях власти.

— Мне так жалко девочек! — сквозь слезы прошептала Келайно. Неужели нельзя как-то заткнуть эту противную бабу?

— Боюсь, упущено время, — признался Гермес. — Из-за упрямства Каллиопы, из-за того, что она вдруг начинает цепляться за людей, начинает их любить, а не ненавидеть, одна за другой срываются общие инсценировки и театральные действия. Вначале с национализмом, когда она в этих опереточных движениях стала искать не защиту, а потребовала их немедленной ликвидации, заявив, что она всегда выступала, против лозунга «Россия для русских!» — не соответствующего истории и культуре России.

— Так ее и все наци ненавидели! – подтвердила Келайно. — Они сразу начали вслух радоваться, когда ей «перекрыли линию»! Пока им не приказали заткнуться!

— Это было упущение! – холодно откликнулся Гермес. — Они напротив должны были ее поддержать! А когда ты ей прислала потом нацика, вызвавшегося ей помочь, она его выставила подонком в Интернете так, что вначале ему пришлось с ее адвокатом разбираться, а после немедленно сворачивать свою деятельность! Пришлось ему самому обыск инсценировать! Как можно было до такого откровенного фарса опускаться? И как началась эта суета, оправдания, какие-то идиотские кампания и внезапные «идейные перерождения», так какой уж там «новый 37-й год»? Чтобы сталинские соколы так обсирались, как вы? Это же просто смешно!

— Да она всех запалила! – завизжала Келайно так, что на них опять неодобрительно посмотрели посетители за соседними столиками. — Весь смысл ее дела и был в том, что она окажется членом нацистского движения, а у нее при обыске обнаружили партийный билет от партии «Единая Россия»! Мы потом корреспондентку с НТВ к ней присылали. Та под диктофон задала ей неожиданно вопрос: «Так значит, вы являетесь членом ДПНИ?» А она ее спросила, что это такое! Ее брат ей подсказал, что корреспондент имеет в виду нацистское движение против нелегальной миграции. А она радостно отвечает, что она наоборот всегда выступала против «этой херни», а является членом партии «Единая Россия»!

— Да, здесь надо было сразу понять, что начинается фарс, и лучше эту тварь не трогать вообще, — мрачно заметил Гермес.

— А что прикажешь с ней делать! – не сдерживаясь, заорала Келайно. – Мы ее просто хотели превратить в овощ! В так полюбившийся ей огурец!

— Рассуждаешь сейчас, как следователи при обыске, когда вместо базуки обнаружили у нее партий билет «Единой России»! – одернул ее Гермес. — А думать надо было раньше, когда вначале обыскали у нее стол на кафедре, в котором нашли студенческие курсовые и пустые бутылки! Они еще тогда должны были у нее найти взятки в столе!

— Да не смогли там ничего найти, — чуть не плача, ответила Келайно. – Думаешь, не искали? Прямым текстом намекали! Но там многие преподавали имели судимости за взятки, все знали, что она взятки не берет. И нам же другая статья изначально нужна была! И никого найти не смогли, кому бы она свои «экстремистские материалы» распространяла. Изъяли у преподавательниц ее книжки сказок, рассказ какой-то про ее собаку, роман... Экспертиза не подтвердила наличия в них экстремизма. Но надо было хотя бы наркотики у нее в доме обнаружить! А они их не взяли...

— Потому что им сказали, будто она дома хранит базуку и реактивные снаряды, а это самый настоящий экстремизм! — закончил за нее Гермес. — Вы хоть сами это пытались вслух произносить? Ты не могла понять, что она издевается?

— Там время было другое, ты это понимаешь? — напомнила ему Келайно. — Мертвое, неживое время! Ты можешь понять, что источник, который был у нее дома, сам это видел?

— Он приложил к рапорту фотографии боеприпасов? — поинтересовался Гермес. — Ага, не приложил! А у него был в руках постоянно работавший телефон, по которому ему якобы все время звонила жена, у них там постоянно якобы были проблемы с его дочкой, которую... о, случайность!

Дочку звали Алисой, как Алису в Стране чудес! Его начальникам надо было во что бы то ни стало получить бюджетный грант в десять миллионов, поэтому они пустили его рапорт по инстанциям. И раз в доме есть базука и управляемые снаряды типа «земля-воздух», то им никто не дал на обыск наркотических препаратов. А потом сама обысканная нагло заявляет в Интернете, что если бы ей дали «всего лишь» три миллиона рублей, то она заткнулась бы в тряпочку только затем, чтобы «сэкономить бюджетные средства». Ну, и чего не дали?

— Так поздно уже было, — растерялась Келайно. — Время ушло!

— Вот! Стоило вам сунуться к ней, время почему-то ушло! — едва сдерживаясь, рявкнул Гермес. — А теперь посмотрим, какое в результате время пришло, да? После всеобщего остракизма к нацистским движениям, проваливаются инсценировки с «оппозицией», затем с «панк-молебнами». Но почему-то все уверены, что как раз в театре все инсценировки пройдут под крики «Браво!» и «Бис!». Итак, наш расторопный Загоруйко захватил бы с собой фляжку...

— Нет, пусть он бы все-таки во флягу налил воды, как договаривались, — поправила его Келайно, морщась от едкого запаха мочи из-под стола.

— Отлично! — согласился Гермес. — Он плещет в лицо Мылину. А нам без особого труда удастся уничтожить Мельпомену вместе Талией и ее дружкой

Игнатенко. Все в шоке от жутких фотографий записки кровью на стекле и самой сцены группового самоубийства. Как там у нас Окипета и Аэлоппа воображали? Чтоб все голые с перерезанными венами, да? Чудненько! И встает вопрос к некоторым господам в правительстве, которые не только являлись поклонниками Мельпомены, но пытались проводить государственные решения «в духе времени». Ведь у нас конечной целью были именно они, что уж теперь-то прикидываться, верно?

— Да, надо было бы тогда поставить вопрос о целесообразности таких людей в правительстве! – подтвердила Келайно.

— Которым могут нравиться такие дебилы и ушлепки! – патетически воскликнул Гермес. – Которые мешают экономике переходного периода и развитию рыночных отношений! Оказывают противодействие инновационному курсу, заметь!

— Согласись, это было бы превосходно, — робко заметила Келайно. – Вечный переходный период в никуда, в пропасть...

— Но для этого надо было в первые же минуты после поступления Мылина в больницу обработать его серной кислотой и сжечь ему глаза и голосовые связки! Обжечь ему руки! А всех, кто его видел сразу после покушения – отправить под КамАЗ! – с вырвавшимся гневом выдохнул Гермес на Келайно так, что ее иссиня-черные волосы и ресницы покрылись инеем. — Как вы могли допустить, что старик его снял сразу же после поступления в больницу?

— Но сейчас еще есть возможность лишить его зрения! – простонала она, пытаясь снять сосульки с ресниц.

— Давай, почитаем сообщения прессы, — предложил Гермес. – Вначале идут радостные сообщения, что здоровью Мылина ничего не угрожает, он дает интервью, благодарит всех за проявленное сочувствие к его трагедии. Затем едет на лечение в Германию, оттуда Аэлло привозит бумагу, что 95% зрения уничтожено, проведено 18 операций, пока смогли спасти лишь

пять процентов... и тэдэ и тэпэ. Все интересуются, почему ему проведи не 88 или не 188 операций.

— Я тоже не ожидала, что люди окажутся такими жестокими к чужой трагедии, — заметила Келайно, презрительно поджав губы.

— Да правильно вам Каллиопа говорит, что можно рассчитывать на человеческое сочувствие, но нельзя его использовать в своих интересах! — возмутился Гермес. — Нельзя все свои глупости с ссаными банками — лепить в расчете на обязательное сочувствие!

— И все же я считаю, что план был неплохой, своевременный, — упрямо ответила Келайно. — Просто надо было все сделать вовремя.

— Понимаешь, все пошло не так уже с Загоруйко, когда он решил насрать во фляжку, — махнул на нее рукой Гермес. — И если бы даже у нас все получилось, запах мочи все равно всплыл бы через год или два. Сама видишь, какое время нынче наступило. Оно совершенно не хранит тайн, будто у него ящик сломался. Скрывать что-то можно только во времени? А оно все выплевывает наружу тут же! Вот как с этой фляжкой.

— Да, я тоже чувствую, что во всем виновато время! — ответила Келайно. — Ко мне на днях приходила Подарга, она призналась, что ее стали все бояться. Раньше перед ней распахивали душу, сами призывали ее! Сейчас от нее шарахаются, только слышат ее поступь и шелест крыльев. Раньше сама жизнь никого не держала, ее было принято прожигать. А сейчас вдруг самые ее надежные клиенты заговорили о нравственности и душе, сам знаешь с чьих слов.

— Но этот фарс с «оппозицией» и «панк-молебнами», с последующими обысками и арестами, с министром обороны, которого застали при обыске у любовницы, а потом объявили наиболее эффективным министром обороны всех времен и народов, — располагает к подобным мыслям! — парировал Гермес. — А уголовное дело самой Каллиопы и бюджетный транш в 10 миллионов — заставил отказаться от принципа безнаказанности, да? Сам собою возникает навязчивый вопрос, почему девушек, засовывавших себе в причинное место мороженных куриц в супермаркете и совокуплявшихся в половыми партнерами в музее, — не осудили за хулиганство, не проверили в психушке.

— А вот уже панк-молебен в храме после осуждения Каллиопы — оставить без внимания не смогли, — эхом откликнулась Келайно. — Ясно доказав всем, как опасно доверять гарантиям тех, чья душа находится во власти Подарги. И кто сейчас пойдет у них на поводу, если всем будет маячить тюремный срок, а не деньги-слава-безнаказанность? Там ведь каждое условие подобной инсценировки — отдельно превращено в фарс! А главное, постепенно превращается в фарс жизнь тех, кто получил от Подарги больше всех. Я ей так и сказала...

— И все же Каллиопа — всего лишь человек! — попытался отвлечь ее от грустных мыслей Гермес. — Решил попытаться немного оттянуть этот ее «счастливый конец», на котором она буквально помешана. Решил заменить

старика и передать ей в голову парочку своих мыслей. Не стал повторять ошибки Льва Ивановича и его коллег, пытаюсь навясть на нее суицидальные настроения. В этом была их ошибка! Она сразу выявляла чужое враждебное воздействие. А я просто взял детскую песенку про гусей! У нее же дочери были маленькими, она могла вспомнить ее и сама.

Федоскинская лаковая миниатюра

— Какую?

— Были у бабуся два веселых гуся! – со смехом продекламировал он. – Сейчас, как только она думает о счастливом конце – возникает экран из этих гусей! А от кого он возник – да неизвестно! Она сама ее вспомнила!

— Может, сработает? – со слабой надеждой пробормотала Келайно, с ненавистью сжимая салфетку. – Должно же хоть что-то доканать эту гадину!

— Прочел недавно переписку дочерей Каллиопы в социальных сетях, — сказал Гермес. — Старшая пишет младшей: «Один мальчик всегда тянул руку на уроках в школе. И вырос нацистом!» А младшая ей в ответ пишет: «А наша мама любила экстремальные виды спорта и получила судимость за экстремизм!» Пока их время еще не наступило, но по этим репликам можно судить, что за время придет, когда имена таких вот девиц зажгутся на флаконах часов Сфейно.

— Я доберусь до них! Я буду пить их кровь и топтать когтями! – заорала Келайно так, что на нее опять стали оборачиваться посетители, но увидев, что невоздержанность проявила дама в прокурорском кителе, тут же опускали глаза и отворачивались.

— Пока они под защитой круга муз! – одернул ее Гермес. – Оставь их! Все, что ты ни сделаешь, превратится в фарс! Ты это понимаешь? А вот сделать

так, чтобы больше ничьи имена вообще не загорались на этих проклятых часах... это, пожалуй, будет вполне фарсовым финалом, да? Не то, что бабусиных гусей. Часиками только бряк об асфальт – и нет проблем! Всем весело, все могут расходиться!

— Слушай, а это не очередной фарс? – с опаской спросила его Келайно. – Во мне звучит что-то... явно написанное этой гадиной... Ты ничего не слышишь? Ну, точно! Сам-то не слышишь?

«И мать, прижимая руки к груди, заплакала радостными, счастливыми слезами...»

— Твою мать, Келайно! – заорал на нее Гермес. – Прекрати! И когда слышишь эту гадость, не произноси вслух! Фарс будет заключаться и в том, что по большой просьбе моих любимых птиц мы пошлем за часами Сфейно – сирен. У них особые отношения с музами. Некоторые даже считают, будто сирены – такие неудачные дочери прежних муз Каллиопы и Талии. Тоже много хихикали из-за мамочкиных хитонов, а потом не смогли проявить соответствующей доли экстервизма.

* * *

— Девочка! Девочка, где ты? Отзовись мне! Я – не страшная, я – красивая! Со мной ничего не страшно, даже самого страшного! – нараспев приговаривала высокая женщина, поднимаясь по неосвещенной лестнице. Обычно скрипучая, лестница не издавала под ней ни звука, будто красавица плыла на второй этаж по воздуху, переставляя длинные ноги в красных туфлях лишь для проформы.

Откуда-то сверху донесся бой часов, пробивших полночь. Странно, но часы начали бить, как только она дошла до середины лестницы, решив осторожно снять туфли на слишком высоких для ее предприятия каблуках. Она удивилась про себя, как так смогла подгадать к полуночи, потому что ей оставалось пройти ровно двенадцать ступеней до раскрытой настежь двери в детскую, и часы боем вторили ее шагам, отмечая каждую ступеньку.

Хотя в такие минуты ее вряд ли кто-то мог увидеть, женщина, тем не менее, тщательно следила за каждым своим движением, удивительно изящно прикасаясь к перилам рукой с безупречным маникюром. Темный лак на лилейно-бледной коже, светившейся в лунном свете, создавал впечатление, будто перед ночным набегом в дом балерины Владимирской — Лера Воровская окунула свои кончики пальцев в чью-то ярко-красную кровь.

Снизу доносились крики, шум борьбы и звук используемого скотча. Но прекрасное лицо Леры ни единой морщинкой не выражало озабоченности по поводу того разгрома, который явно царил на первом этаже дома. У нее лишь поднялась правая бровь, когда снизу, сквозь стоны связанных обитателей дома, донеслись грохот опрокидываемой мебели и треск выламываемых шкафов и комодов, звон разбитого стекла и глухие удары в стены. Она на минуту остановилась и, свесив голову над перилами вниз, скомандовала: «Вы там тише все-таки! Это же гадство какое-то, нарочно вещи портить. Я соседей песнями усыпила, а сейчас все проснутся от такого шума! Соблюдайте тишину в... ночное время!»

На Воровской было надето стильное серое платье с люрексом, плотно облежавшее всю ее стройную фигуру. Внезапно она остановилась почти у входа в детскую и длинной тонкой рукой с красными коготками с остервенением почесала лопатки и подмышки. Поправляя платье, она резко дернула плечами и, вспомнив о цели своего визита, опять запела своим невыразимо сладким голосом: «Девочка, милая! Выйди ко мне из кровати! Я расскажу тебе самую лучшую сказку на свете!»

В темном дверном проеме появилась фигурка маленькой девочки в смятой пижамке и спутанными волосами.

— Мариночка! – радостно зашептала Воровская, протягивая к ней руки. – А где ты пряталась от тети, милое дитя?

A Young Girl Called Princess Charlotte, by Franz Xavier Winterhalter

— Под кроватью, — прошептала девочка.

— Нехорошо от тети прятаться под кроватью, — попеняла девочке сирена. — У тети очень мало времени! Скажи мне, Мариночка, а где мама и бабушка прячут те флакончики, которые могут парить над чашей из прозрачного камушка? Их ведь другая противная тетя вам приносила?

— Приносила, — прошептала девочка. — Мама и бабушка на них смотрели по вечерам. Бабушка сказала, что если я буду много работать, то и мое имя будет на флаконе!

— Не будет твоего имени на флаконе! — неожиданной злостью заявила сирена. — Что за мода пошла, непременно свое имя на флаконах записывать? Где сами-то они, кстати? Мать-то понятно, на гастролях, а бабка твоя где? Говори сейчас же!

— Нет, не скажу! — тихо сказала девочка.

— А ты знаешь, кто я? — ласково поинтересовалась Воровская.

— Да, вы та тетенька, которая фильмы снимает! — ответила девочка. — А та тетенька-журналистка, которая маме часы оставила, звонила, чтобы вас на передачу в телевизор пригласили по вашему фильму. Ей Холодец так сделать приказал. Я на лесенке стояла и все слышала!

— Какая сообразительная девочка! — похвалила сирена. — И про Холодца знаешь, умница! А ты мой фильм видела?

— Да, — кивнула девочка. — У вас фильм про мифическое существо, которое провожало к смерти героиню фильма. У нее кровать в могилу провалилась.

— Значит, фильм тебе понравился? — уточнила сирена.

— Нет! — отрезала девочка. — И маме не понравился, и бабушке! Они сказали, что вам не стоило так бестактно выделять свою песню о смерти, зная, что вам самой она не грозит. Это некрасиво и лживо, это не искусство! Бабушка сказала, что вы нарочно выделяете в смерти

самое грязное и низменное! А еще сказала, что вы нарочно такой фильм сняли, решив, что с музами навсегда покончено. И вся перьями нарочно украсились, а вам нельзя перья носить! И еще ничего не кончено! Ничего!

— Противная девчонка! – разозлилась Воровская, вдруг хищно вытягивая лицо и показывая ряд острых мелких зубов. – Я сейчас всех к смерти провожу! Всех, кто лежит связанным там внизу... Немедленно говори, где твоя бабушка!

Воровская будто сторбилась, чувствуя, как под прижатыми к лопаткам крыльями — опять нестерпимо начала чесаться кожа. Если бы эта мерзкая девчонка знала, как тяжело прятать крылья под платьем с люрексом!

— Бабушка пошла часы Сфейно относить! – выпалила девочка. – Ей Сфейно позвонила! Она сказала, что вы со своими сестрами придете, чтобы часики разбить, чтобы никто свое имя на флаконах не писал! Бабушка успела до вас на такси уехать!

— Гадина какая эта твоя бабушка! Зря она тебя с собой не взяла! Чего она тебя одну-то дома оставила? – насмешливо поинтересовалась Воровская, выставя острые красные когти. – Думала, что мы с сестрами не спровадим вас... туда, куда и всех?

— А с чего ты решила, будто ее одну кто-то оставит? – раздался механический голосок рядом с девочкой. – Как ты посмела явиться в жилище музы?

— Кто?.. Кто это рядом с тобой? – растерянно спросила Телксиепия, машинально отступая на ступеньку вниз.

— Мне часы тетенька Эвриале оставила! – гордо заявила девочка. – Просила покараулить, пока в Германии разбирается с вашим слепым. Вот! А моя бабушка сказала, что всех вас надо отдавать под суд!

В лунном свете за ее спиной стояли просто напольные часы, но, прищурившись, Телксиепия увидела вместо их потертого резного корпуса — согбенную фигурку то ли старика, то ли юноши, присевшую за девочкой на мощных львиных лапах.

— Хронос? Пощади! – взмолилась сирена, медленно спускаясь по стенке от выпрямлявшейся во весь рост фигуры, начинавшей пылать тем нездешним светом, от которого задымились перья под платьем. Уже понимая, чем это может закончиться, сирена пронзительно крикнула сестрам, пытавшимся вскрыть сейфы внизу: «Уходим! Сестры! Здесь Хронос! Он готовится воззвать к Мусейону!»

Внизу тут же затихли звуки вскрываемых стен и два страшных женских голоса ответили ей жутким визгом.

Телксиепия быстро сбежала по лестнице вниз, стягивая на ходу серебристое платье, стараясь освободить крылья с дымившимися на них перьями.

Сверху уже раздался громкий голос Хроноса, начавшего читать старинный орфический гимн: «Выслушай, о Мусейон, молитву при действиях священных!..»

У них оставалось не больше полминуты, чтобы покинуть стремительно оживавшее и подрагивавшее жилище музы, которое они решили осквернить своим вторжением. Она знала, что как только Хронос дойдет в призывах до Справедливости и Благочестия, дом балерины Владимирской превратится в смертельную ловушку для сирен и гарпий.

Подхватив два небольших сейфа, три сирены, не скрывая своего истинного обличья, выскочили из дома, тут же поднимаясь в воздух, разворачивая мощные крылья, на которых тлело дивное радужное оперение. Вслед им неслись слова, заставлявшие корчиться и переворачиваться от боли прямо в воздухе.

*...Ты, Справедливость, и ты, Благочестье — оплот величайший!
Всех вас зову — и нимф знаменитых, и славного Пана,
Геру цветущую, Зевса, эгидодержавца, супругу,
Милую я Мнемосину и Муз призываю священных,
Девять числом, и Харит, и Ор я зову вместе с Годом,
Кличу Лето пышнокудрую я и богиню Диону,
Кличу куретов, носящих доспех, корибантов, кабиров,*

Прямо через гостиную проходили призрачные колонны жрецов, рассыпавших вокруг себя лепестки цветов, таявших в воздухе, наполнивших дом чудесным ароматом. Будто издалека доносилась музыка и стройное пение, в котором невозможно было разобрать слов. На одних жрецах под просторными одеждами бронзой сверкали доспехи, а за плечами висели широкие палаши. Другие несли музыкальные инструменты, корзины с фруктами и жертвенных животных. Шествие завершал строй мистов-факельщиков в лавровых венках. За ними, едва сдерживая коней, выехал на колеснице грозный молодой гигант. Он кивнул головой с рассыпавшимися кудрями, немного выпустил вожжи, и кони рванули, растворившись вместе всадником в воздухе.

*...Кличу Фемиду, блюдущую жертвы у смертных,
Ночь всестаринную я призываю и День светоносный,
Веру и Дику зову, беспорочную мать Законов,
Рею и Крона зову и в неплосечерном Тефию,
И Океана великого, и дочерей Океана,
Я и владычную силу Эона зову, и Атланта,
Вечное Время зову и Стикса священную воду,
Ласковых кличу богов, а с ними и Промысел добрый,
Демонов кличу благих для людей и гибельных смертным,
Демонов кличу небесных, земных, и воздушных, и водных,
С ними подземных и тех, кто в огне пребывает горящем,
Кличу Семелу и Вакха со всей его шумною свитой,
Кличу Ино, Левкотею, подателя благ Палемона,
Нику, чье сладостно имя, и с ней Адрастею царицу,
Кличу, Асклепий, тебя, овладыка, смягчающий боли,
Кличу Палладу, зовущую в бой, призываю все ветры,
Грома раскаты и Стороны света зову я четыре.
Кличу и Матерь бессмертных, и Аттиса кличу, и Мена,
Кличу Уранию я и Адониса кличу святого,
Кличу Начало и кличу Предел — он всего нам важнее,
Все вы явитесь теперь благосклонно, с отрадой на сердце
К жертвенным действиям священным, к сему возлиянью честному.*

За его последними словами по всему дому в воздухе начали вспыхивать искорки и повисли крошечные капельки, в каждой из которых был заключен целый мир. Капельки подплывали к самому лицу, в них с невероятной скоростью проносилось время, превращая каплю в ослепительно сверкающую звездочку.

— Это волшебство? — спросила девочка, вглядываясь в одну капельку за другой.

— Волшебство лишь в том, что время сжато, а так там все обычно, — ответили часики усталым надтреснутым голосом. — Когда время замедляет ход или останавливается, тогда и кажется, будто ничего хорошего ожидать смысла не имеет. А когда время течет немного быстрее, как в книжках, например, тогда видно, что все уравнивается, а вокруг не так уж мало настоящих чудес.

— А что такое — «возлиянье честное»? — поинтересовалась девочка, глядя, как по первому этажу проходят призрачные легионы странно одетых витязей.

— Обыденное течение жизни было принято прерывать пиром, особенно, накануне каких-то испытаний, а уж тем более — после них, — ответили часы. — И чтобы все это украшало свое время и краткий миг бытия, дом превращали

в жилище муз особым заклинанием, а на пир звали все времена года и всех богов, чтобы они могли насладиться пиршеством, как священным действием.

— И у нас это сейчас будет? – спросила девочка, устроившись на ходившей ходуном лестнице, крепко ухватившись за балясины ограждения.

— У нас сейчас головомойка будет! – встревоженно отозвались часы. – Сейчас твоя бабушка сюда явится! Быстрее развяжи няню и садовника! Скажи, что пряталась под кроватью наверху!

— А пир? Я хочу на пир! – закапризничала девочка.

— Всему свое время, — торжественно пробили часы. — Придет и твое время! Вот тебе на память... Как День и Ночь!

И с этими словами перед девочкой появились две пачки – белая и черная.

— А все вернуть обратно ты можешь? – восторженно спросила девочка, поднимая перед часиками два заветных костюма черного и белого лебедя госпожи Тальони, которыми с детства грезила ее мама.

— Нет, — строго протикали часы. — Только «приметы времени», к которым сейфы твоей матушки не относятся. Но, чтобы она не расстраивалась – вот вам шкатулка драгоценностей балерины Матильды Кшесинской, безвозвратно утраченные ею на пути в Венецию на верхней палубе парохода «Семирамида», когда она в 1920 году навсегда покидала Родину.

— Это такая реликвия, да? – шепотом спросила девочка, но тут же, поставив шкатулку на ступеньку, запрыгала вниз, с восторгом прижимая руки к груди.

Внизу, среди устроенного погрома и таявших в воздухе мыльных пузырьков стояла плакавшая бабушка.

— Бабушка! Мы все живые! Нас не успели примочить! У нас только сейфы сперли! – с радостным визгом бросилась ей на шею девочка.

— Мариночка! Золотко мое! Пусть подавятся этими сейфами! – обливалась слезами бабушка, прижимая к себе внучку. – Ты к ним не выходила, надеюсь? Ты не испугалась?

— Я сидела под кроватью, как мы и договаривались, бабушка! – серьезно ответила девочка. – Они тут несколько вещей случайно оставили.

Pieter Claesz. (ca.1597 – Haarlem 1660) Still life with Turkey-Pie, 1627

— Да? Опять какие-то волшебные вещи? – сказала бабушка озабоченно. – Давай, Мариша, чтобы больше не пришлось переживать такого кошмара, вначале все спрячем, как следует, а потом ты пойдешь и всех развяжешь, хорошо? И скажешь, что мне с сердцем плохо стало!

— Ладно! – снисходительно кивнула девочка. – Только нам от общего пира кое-что в кухне оставил дяденька на тройке коней. Ну, который на квадриге в театре искусство караулит!

Бабушка осторожно заглянула в кухню, куда ее настойчиво тянула за руку внучка. На кухонном столе были разложены удивительно красивые овощи, фрукты, блюда с сырами и фаршированными каплунами. Рядом с плитой на боку лежала большая запечатанная коринфская амфора с вином, возле которой в растерянности крутился молочный поросенок, жалобно хрюкая.

— Там еще гуси ходят, они, наверно, под столом от тебя спрятались, — с притворным негодованием вздохнула девочка.

— Ну, все! – откликнулась бабушка слабым разбитым голосом. – Теперь у меня не только сердце, но и глубокий нервный срыв!

* * *

В палату вкатилась тележка с ужином. Вошла молчаливая сиделка, от которой Мылин не услышал ни одного слова за все время пребывания в немецкой клинике. Только что ушла навещавшая его Даша. Каждый раз после ее ухода он испытывал огромное облегчение, хотя понимал, что съездить в Бельгию, как обещала ему Алла Давыдовна, и даже просто пройтись по городу он пока может лишь в ее обществе. Не потому, что ему уж так нужен поводырь, а просто на некоторое время придется забыть о Каролине, довольствуясь обществом опостылевшей Даши.

Впрочем, его маленькая девочка не могла считать себя такой же несчастной, каким он иногда чувствовал себя, пока Даша сидела в кресле для посетителей и монотонно бубнила, что скоро все будет хорошо. Он с трудом сдерживался, чтобы сказать то, что витало между ними в воздухе: хорошо у них уже никогда не будет! Хотя бы потому, что она помогала ему менять одежду и вытирать эту гадость, которую на него плеснули. Как только она входила в палату, ее будто сопровождал тяжелый тошнотворный запах мочи, который он хотел навсегда забыть и оставить в прошлом.

С кривой улыбкой Даша слушала его распоряжения по телефону, которые он отдавал своей бывшей жене, замещавшей его в руководстве балетной труппой. Все эти операции Антона Борисовича, закончившиеся полнейшей неопределенностью и вынужденным лечением в Германии, пришлось как нельзя некстати. Он никак не думал, что все это затянется так надолго, практически до премьеры балета «Онегин», постановки которого он добивался в театре четыре года. Балет подавал роман в стихах и саму русскую жизнь

начала XIX века в примитивном лубочном стиле, он исполнялся под наспех скомпонованное попури из камерных фортепьянных пьес Петра Ильича Чайковского, изначально не рассчитанные на использование в качестве музыки к балету. Но все, что могло не понравиться российской публике, напротив, очень нравилось зрителям за рубежом, которые не знали, ни оперы Чайковского «Евгений Онегин», ни самого романа в стихах, поскольку строки Пушкина при переводе теряли существенную часть своей неповторимой музыки и смысла.

Постановка балета изначально задумывалась им – как почти исключительно «гастрольный» спектакль, участие в котором делало бы каждую молодую балерину звездой международного уровня. Он помнил, как предыдущий худрук балета Батманский замечательно устроился в Америке, поэтому и сам строил планы простого человеческого счастья с Каролиной

– подальше от этих проблем, которые олицетворяла сейчас для него Даша. Его даже удивляла ее слишком нарочитая наивность. Притворяться наивной, по его убеждению, было намного проще, чем притворяться, будто тебе плеснули серную кислоту, а не мочу. Но неужели она думала, что он останется в Москве после позорной «кислотной атаки», организованной Антоном Борисовичем? Как можно предположить, будто он сможет «жить по-старому» после участия в травле Николая и тюремного срока Игнатенко.

Когда он звонил Инне, возражавшей для приличия против назначения в первый состав «Онегина» Каролины, он видел сквозь повязку, как Даша что-то нервно жевала губами, поджимая руки под грудью. Как же она его раздражала! В последнее время, стоило ему нехотя взглянуть на Дашу, ему всякий раз казалось, будто перед ним сидит какой-то суслик с Дашкиной фигурой. Все было знакомое в внешности этого суслика, кроме самой морды с рыжеватой шерстью. Будто прежняя ее оболочка была лишь маскарадной маской, которую Даша по какой-то причине забыла надеть.

Повязка спасала его от необходимости вглядываться в ее лицо, в котором он видел увеличенную мордашку встревоженного суслика. Это выглядело так, будто смотрел передачу «В мире животных», посвященную эмоциональным переживаниям суслика, озабоченного состоянием привычной экологической ниши. На любые изменения окружающей среды этот суслик реагировал с отвратительной банальностью. Одни и те же гримасы, которые когда-то

забавляли и умиляли его, а теперь вызывали тошноту. Стоило ему кинуть на нее случайный взгляд в свою «смотровую щель» в повязке, он вновь видел мордашку жующего суслика с колоском в лапках, торчавших из модно укороченных рукавов Дашиного пальто.

Возможно, так подействовала на него странная фантазия писательницы Дю Морье, но ассистент профессора, говоривший по-русски, своими обвисшими щеками, мешками под глазами приплюснутым носом – очень напоминал ему мопса. А сам профессор, постоянно отдававший отрывистые команды на немецком, из-за белого хохолка седых волос и манеры по-птичьи наклонять голову, почему-то виделся ему попугаем-какаду.

Сиделка присела на стул рядом с его кроватью, положила ему салфетку на грудь. Он зажмурился от прикосновения ее пальцев к подбородку и послушно раскрыл рот. От тарелки в ее руках вкусно пахло куриной котлетой и картофельным пюре. Озабоченно нахмурившись, Мылин подумал, что после завершения курса лечения ему придется долго сидеть на диете, чтобы ни в коем случае не растянуть нежную кожу на лице, лишенную сейчас верхнего слоя эпидермиса и жировой прокладки на щеках и подбородке.

Пережевывая кусочек куриной котлеты с пюре, он сделал отрицательный жест, когда сиделка попыталась положить ему в руку кусочек хлеба. Прожевав, он повернулся к ней лицом за новой порцией пищи и застыл с открытым ртом, впервые близко разглядев ее лицо в свою «амбразуру».

Таких женщин он еще ни разу в своей жизни не видел, он мог бы поклясться. Хотя она неуловимо напоминала что-то очень знакомое... Мелодию, или мамину шкатулку с бусинками, давний сон... Безупречно красивое, с четкими чертами, будто высеченными из мрамора, ее лицо было не просто бледным, а почти белоснежным. Но рука, медленным движением подносящая ложку к его открытому рту, была смуглой, с изящными пальцами, украшенными тонкими кольцами стариной работы.

Самым удивительным во внешности сиделки были ее волосы. Почему-то на ней не было привычной белой шапочки, поэтому волосы свободно обрамляли ее лицо и будто жили собственной жизнью, отражая малейшие изменения в настроении своей хозяйки. Черные, отливавшие синевой и закрученные в тугие локоны, волосы сиделки напоминали тонких ядовитых гадюк.

Скормив ему содержимое ложки, она сидела, по балетному прямо держа спину. О чем-то задумавшись, она сосредоточенно разделяла ложкой котлету на удобные для еды кусочки. Ее локоны при этом будто с любопытством заглядывали в тарелку из-за ее плеча. Взяв ложкой кусочек котлеты и немного пюре, она подняла на него свое прекрасное лицо и бережно поднесла наполненную ложку к его рту. Волосы будто потянулись к нему за ложкой, но вдруг, словно понимая, что он видит всю эту копну, шевелившуюся на голове

хозяйки, резко отпрянули назад, мгновенно складываясь в тугий узел на затылке.

— А-а, так вы меня все-таки видите! – улыбнувшись одними губами, сказала сиделка по-русски.

— К-кто вы такая? – спросил он, с трудом проглотив пищу, вставшую отчего-то комком в горле.

— Я – горгона, — просто ответила сиделка. – Меня зовут Эвриале, по-русски это означает «Далеко прыгающая». Полагаю, вы больше знакомы с моей младшей сестрой Медузой, которой приписывали мою внешность. На самом деле она была натуральной блондинкой, об этом писали все, начиная с Гесиода. Странно, все знают Медузу, а меня почему-то не помнят. Даже те, с кем мы уже встречались.

— А зачем вы здесь? – прямо спросил ее Мылин.

— Я здесь давно, с того момента, как только вы здесь появились, — объяснила сиделка. – А когда время идет, то и цели меняются. Вначале у меня была одна цель, потом другая, а сейчас я для начала хочу понять, не изменились ли у вас самого цель вашего пребывания?

— Мне можно быть с вами откровенным? – спросил ее Мылин, чувствуя, как давно ему надо было поговорить с кем-то по-русски, исключая Дашу, Аллу Давыдовну и пресс-секретаря Никифорову, приезжавшую заверить его, что для гастролей в Лондоне ему снимают квартиру в центре, но «пока все не кончится», ему надо «держаться подальше» от Каролины.

— Абсолютно, — безмятежно откликнулась сиделка, подавая ему котлету с пюре.

— Вы, наверно, от родственников Игнатенко, хотите попросить меня сказать следователям, что никакого химического ожога не было! – догадался Мылин. – Сразу же хочу заявить, что это совершенно напрасная миссия.

— Я не от родственников Игнатенко, — заверила она его. – Хотя имею определенное отношение к вашему знакомому Николаю и его юной ученице Ангелине Вороновой. Однако сразу же скажу, что поскольку вы когда-то были действительно выдающимся танцовщиком, наших отношений это не касается. У нас с вами куда более давнее знакомство, не правда ли?

Мылин снял повязку и посмотрел в ее лицо. Он вспомнил какой-то давний сон, приснившийся ему в детстве, когда у него болело горло, была высокая температура, а мама сказала, что больше никогда не отпустит его на каток.

Он поднял глаза на Эвриале и спросил: «А почему все-таки он, а не я?»

— Думаю, ты сам отлично знаешь ответ, — пожала плечами Эвриале, передавая ему тарелку и ложку. – Все-таки я ищу земное вместилище музам,

тем, которые вдохновляют других на свершения. А ты живешь немного иначе, верно? Ты же знаешь, у скольких людей ты отнимаешь желание жить, творить, кого-то любить и верить в справедливость, — одним решением сделать из Каролины звезду, наперекор Ангелине Вороновой. В конце концов, это навсегда уничтожить эти желания и у тебя самого. То есть, твое желание исполнится! Вот я как раз сейчас и хотела бы поинтересоваться, не передумал ли ты в своем стремлении попробовать яблоки гесперид, добытые чужими руками?

— Вы думаете, я бы сам не смог позволить себе эти процедуры? – спросил он.

— Наверно, смог бы, — утвердительно кивнула Эвриале. – Ты бы и девушку смог бы пригласить в отель на свои средства, но... это такой закон природы. Попробовав однажды легких денег, не оплаченных трудом, ты уже никогда не сможешь от них отказаться.

— Прoshлую кассу, собранную членами профсоюза, очистил тенор Гордей, так его никто не искал больше пяти лет, — фыркнул Мылин. – Только сейчас нашли для приличия, а так и не искали. Или вы думаете, что Игнатенко прорывается к кассе не с той же целью? Да непонятно, где сейчас все деньги, если я тут, а Игнатенко в тюрьме. Я слышал такой слух, будто эту кассу руководитель балетной труппы отдал адвокату Игнатенко, а та утверждает, будто защищает его бесплатно.

— Что ты хочешь этим сказать? Что есть и более вороватые члены в нашем обществе? Конечно! – улыбнулась Эвриале. – Но разве это оправдание для тебя? Нет! Однако это прямой ответ на твой вопрос, почему Мельпоменой стал Николай, а не ты. Потому что ты нашел себе оправдание, а он никогда их не искал. Он никогда не изменял ни одного движения в балетах, никогда не изменял себе.

— Вы сейчас пришли с моим ужином, чтобы причинить мне дополнительную боль? – спросил он, доедая последний кусок котлеты.

— О, конечно! – рассмеялась Эвриале красивым мелодичным смехом. – И нанести

последний удар по твоему самоллюбию! Вовсе нет. Как я уже сказала, явилась потому, что ты был мой самым любимым кандидатом на роль Мельпомены.

— А сейчас вы во мне разочаровались, — риторически спросил он.

— Есть немного, скрывать не стану, — кивнула она. — Но дело осложняется тем, что сейчас Каллиопа, царица муз, рвется на всех парах к счастливому концу. Зная ее с детства, догадываюсь, что и мочой тебе плеснули только потому, что... это очень странная Каллиопа. Всегда предпочитала иметь дело с другими, не стану скрывать. И кроме того, она женщина, которую долго и незаслуженно оскорбляли... Поэтому мне стало очень страшно за тебя! Я здесь появилась, чтобы сохранить тебе зрение, но вижу, что этого особо не требуется, хотя меня беспокоит донорский материал, использовавшийся для операций. Ты ведь стал видеть немного иначе?

— Ассистент, который говорит по-русски, сказал, что такое иногда бывает, — пояснил Мылин. — Там отеки после операций давят на зрительный нерв. Вот мне сейчас, например, кажется, что у вас на голове гадюки, и они прислушиваются к нашему разговору и шипят между собой.

— Знаешь, такая галлюцинация затрагивает не только зрительный нерв, но и органы слуха, — хмыкнула Эвриале. — И слишком подозрительно близко все походит на литературные источники... И это меня откровенно не радует. Знаешь, почему Каллиопа — единственная муза в золотой короне? Ты думаешь, она — царица других девяти муз? Она их бремя, тяжелая ноша! Поэты, музыканты, актеры и исполнители — вы имеете краткий промежуток настоящего, вы творите только для живых. А все, что остается на «суд потомков» — это уж из ее арсенала.

— Насколько я понял, вы имеете в виду «мадам Огурцову», — поджал Мылин и без того узкие губы. — Я почитал, что она пишет в Интернете. Даже Антону Борисовичу про нее прозрачно намекал.

— Там и намекать было излишне, они ее пытаются уничтожить очень давно, — вздохнула Эвриале.

— Нет, как только подобные головы можно венчать золотой короной... как такое вообще может в голову прийти! — не унимался Мылин. — Ведь это беспредельщица какая-то! И собрать возле себя она может только оборзевших идиотов...

— А здесь выбираю не только я, а часы Сфейно, — улыбнулась Эвриале. — Флакон Мельпомены светился и возле тебя, но свет быстро погас, хотя ты стал замечательным премьером. Ты был чудесным артистом! А у Николая этот свет горит до сих пор, ничуть не становясь слабее. Каллиопа царствует среди Каллиопа прежних времен, в веках храня Прекрасное Слово. Именно она решает, кто из прежних Каллиопа будет жить в памяти ее современников. И с

одной стороны, всегда немного страшновато, когда ты становишься частью ее истории, а с другой... жизнь пройдет напрасно, если она решит, что ты – недостойн упоминания в ее романе.

— А вам самой не приходило в голову, что она – просто сумасшедшая?

Это на моем языке называется немного иначе – «одержимая». Поверь, надо иметь достаточно серьезный уровень одержимости, чтобы написать роман, сочинить симфонию, оперу или балет. Что ж вы, такие нормальные, ни одной оперы серьезной после себя не оставили? Ни симфонии приличной, не говоря о балетах. Впрочем, ты не видел по-настоящему одержимых Каллиопа. Кстати, хочу заметить, что как раз эту Каллиопу проверяли в психушке. Мне кажется, это уже стало приметой вашего времени. И в самом начале, до того, как к ней явилась прокурорша, изображавшая психиатра, ее заставили пройти достаточно серьезные

психологические тесты. Уровень IQ, равный 182, у женщины после полостной операции под общим наркозом, лично меня бы вполне удовлетворил. Кроме того, у нее была отмечена абсолютная зрительная память и особые свойства абстрактного мышления. Ваши эксперты вряд ли могли понять, зачем они нужны, обзывая это «лабильностью психики» и тому подобными терминами. Но поверь, без такой «лабильности» очень сложно... переформатировать пространство.

— И эта сумасшедшая будет переформатировать мое пространство? – вопросительно поднял брови Мылин. – Должен вас с ней разочаровать, у нас с ней пространства абсолютно различны. Если наша прокуратура не может очистить пространство от подобных ненормальных, то я сделаю все, чтобы до конца жизни находиться с ней в параллельных пространствах.

— Ты живешь в ее пространстве, потому что говоришь и мыслишь в языковой среде, которая ей полностью подчиняется. Ни у артистов, ни у музыкантов нет такого за спиной! – жестко заявила Эвриале. – Сделай примечание в своем удаленном пространстве, что у нее на руках – решения нескольких судов о ее

полной вменяемости с отказами в ходатайствах прокуратуры о помещении ее в психиатрический стационар. А ты представляешь, вопреки какому давлению судьи вынуждены были дать такие решения? Ты понимаешь, что ни одному человеку в окружающем тебя мире не удалось бы уйти от психушки, помести его в такие условия? И ушла она вполне литературным методом, сделав из достаточно жуткого мероприятия – обычный фарс, над которым смеялись не только ее читатели, но и все коллеги – судей, прокуроров и психиатров. Вот и прикинь, какие у тебя шансы самому не попасть в психушку, если нынешняя Каллиопа, с подобным негативным опытом за плечами, напишет для тебя персональный счастливый конец?

— Что вы предлагаете? – резко спросил Мылин. — Признать, что мне плескал мочу какой-то наемный шпик отца моей гражданской жены? Я не могу подставить Антона Борисовича!

— Если бы ты знал, как мне надоели эти мелкие уловки! – покачала головой Эвриале. — Сейчас ты вспомнил, что Даша – твоя гражданская жена.

Перспектива признания очевидного факта — для тебя гораздо ужаснее честного покаяния. А ведь этот факт может выявиться и без твоего желания или нежелания, Пока ты еще не совершил ничего непоправимого, подумай! Вот у одной вашей Каллиопы был роман про преступление и наказание, так там девушка умоляет покаяться молодого человека, совершившего убийство старухи-процентщицы, непоправимое насилие над собственной душой! Она просит его выйти, упасть на колени и покаяться перед людьми!

— Мне не в чем каяться! – с негодованием перебил ее Мылин. — Я наоборот хочу, чтобы все, кто думал плохо обо мне эти последние два года, — раскаялись и получили по заслугам! Я себя считаю слишком мягким, слишком нерешительным! Они все ненавидели меня! И, случись это со мной на самом деле, еще бы смеялись за моей спиной!

— Значит, это и есть твое желание? – тихо переспросила Эвриале, забирая у него тарелку и подавая ему поднос с пластмассовыми креманками с джемом, маргарином, крошечными крекерами и бисквитами. – Жаль, действительно очень жаль. Вот и ответ на твой вопрос, почему ты не стал музой! Ты хотел бы карать чужие пороки, а муза вдохновляет...

— Проявить лучшие душевные качества! – закончил ее мысль Мылин, морщась, будто от боли. – А знаете, они в тюрьме и страдании еще лучше проявляются, чем в тепличных условиях и потакании наглецам!

— А к себе ты это можешь отнести? – поинтересовалась Эвриале, добавляя в его маленькую, будто игрушечную чашку кофе с цикорием из пластмассового кофейника. – Видишь, многие пытались исправить несовершенства этого мира, например, разбойник Прокруст. Надеюсь, крылатое выражение о прокрустовом ложе ты слышал? А муза видит самое прекрасное в этом мире! Вот видишь, у меня уже пошли какие-то литературные и мифологические ассоциации, поэтому времени у нас остается очень мало, тобой явно интересуется Каллиопа. Мне так жаль того смешного малыша, которым ты был когда-то. Как видишь, можно исправить близорукость, снять катаракту, можно и целиком поставить себе другие глаза и даже чуточку иначе увидеть мир. Но важно то, каким ты хочешь видеть этот мир...

— Я все давно понял про этот мир без вашей Каллиопы, — презрительно морщась, отозвался Мылин. — Здесь либо ты имеешь, либо тебя отымеют. А меня уже имели достаточно! Теперь моя очередь!

— Да-да, так и есть! – кивнула Эвриале. — Можно убрать морщинки, подправить овал лица и вернуть себе молодость. Но душа... она так портится в ваших прекрасных телах, так стареет... Вот, мне уже хочется вспомнить роман «Портрет Дориана Грея» Оскара Уайльда, она точно уже пытается до тебя добраться! И это ее право, помешать я ей не могу...

— Пусть добирается, — с ненавистью ответил Мылин. — Ничего она не добьется своими счастливыми концами! Ведь если конец счастливый, он должен быть счастливым для всех! Как раз для полного счастья мы завтра поедем по Европе! И впереди гастроли в Лондоне, где вашей Каллиопе побывать не удастся...

— И где писался роман «Портрет Дориана Грея», — грустно отозвалась Эвриале, собирая посуду в свою тележку. — Ты даже не представляешь, с чем пытаешься шутить. Вряд ли ты ее перешутишь, дружок! Прощай, мне уже пора! Счастливого съездить по Европе и увидеть мир новыми глазами.

...Мысль, о том, что все с Дашкой могло получиться иначе, пришла в тот момент, когда они возвращались назад. Кукольные ухоженные городки, где время текло совсем иначе, где никто и никогда не ставил масштабных задач и грандиозных свершений, а тем более не устраивал внезапных «переходных периодов», — наполнили его душу созерцательным покоем и счастьем. На минутку представив себе, как суетилась бы рядом Каролина, как тянула бы его в магазины и шарахалась бы от размеренного бургерского быта с неизменными вечерними посиделками в кафе с газетой, он тихо порадовался, что рядом с ним была не она, а молчаливая заботливая Даша.

С погодой им повезло, в Европе царствовала ранняя, дружная весна, бившая все рекорды по погожим теплым дням, когда можно было часами отдыхать в парке среди просыпавшихся от зимней спячки вековых деревьев, отогреваясь

на солнышке за всю тревожную зиму, полную небывалой нервотрепки. Глядя на проплывавшие над ними облака, он подумал, что слишком мало они с Дашей выезжали куда-то вместе. К тому же их нормальным отношениям всегда мешал назойливый Антон Борисович, вносящий в их семейную жизнь какой-то нездоровый антагонизм.

Вернувшись в Германию, в городок при университетской клинике, Мылин решил не возвращаться в госпиталь. Выключив телефон, постоянно пищавший сообщениями от Каролины, он поехал с Дашей на съемную квартиру, где она жила одна в ожидании очередного посещения клиники. За поездку у них накопилось столько взаимных теплых чувств, что, закрыв двери, они обнялись и долго стояли, будто встретились после невыносимо долгой разлуки. Они пили чудесный кофе по-турецки, который Даша варила всегда превосходно. В окнах висели низкие крупные звезды, не такие далекие и холодные, как в России. Они замечательно провели ночь, будто заново открывая друг друга.

С утра он вернулся в поликлинику, в свою палату. Она показалась ему крошечной, но вполне уютной. Тут же вошла медсестра, предупредившая его о профессорском обходе. Странно, почему раньше профессор напоминал ему попугая, возможно, из-за белого хохолка и невыносимого нервного напряжения, спавшего с его души где-то на границе Бельгии. Профессор был вполне доволен его видом и настроением, громко объявив на весь коридор: «Ich bin sehr zufrieden! Der Prozess der Genesung hat anfangen!»

Позвонила Даша и они немного поболтали о минувшей поездке, выразив сожаление, что так много работали, так мало времени уделяя совместному отдыху. И на ее фразу «Я люблю тебя!» он впервые за много лет без всякого внутреннего напряжения с легкостью ответил: «Я тебя тоже!»

День, зажатый в строгие рамки больничного режима, пролетел незаметно. Небо за окном потемнело. Почему-то в густых сумерках, перед тем, как в палатах зажегся яркий свет, он еще раз вспомнил бледное лицо с вившимися вокруг него тугими локонами, похожими на встревоженных змей и тихие слова: «Значит, это и есть твое желание?»

Если бы она спросила его теперь, он бы тоже ответил, что его цели сильно поменялись после поездки. Он хотел бы еще много-много таких же безмятежных счастливых дней, наполненных Дашиной заботой.

Решив лечь пораньше, он подошел к умывальнику, взял зубную пасту и щетку из зеркального шкафчика, висевшего над раковиной. Дверцу шкафчика немного заедало, поэтому Мылин даже обрадовался, что она оказалась раскрытой. Он почистил зубы, умылся, наслаждаясь прикосновением к помолодевшей, упругой коже без растяжек и обвисания. Взяв мягкое вафельное полотенце, пахнувшее свежестью, он бережно промокнул влагу с лица, стараясь не растирать почти незаметные рубчики от круговой подтяжки.

Смешно, но с детства он, умывшись, никогда не открывал глаза, не промокнув их полотенцем, всегда удивляясь тем, кто мог без проблем открывать глаза под водой.

Подумав, что назавтра дверцу надо будет опять открывать с большим трудом, когда пальцы будут соскальзывать с небольшой неудобной больничной ручки, он осторожно прикрыл зеркальную дверцу и уже потянулся к выключателю возле двери, чтобы погасить свет. Увидев странное отражение в зеркале дверцы, он так и застыл с вытянутой рукой, с недоумением вглядываясь в зеркало.

Вначале он подумал, что это какая-то шутка, может быть, даже наклейка на дверце шкафа. Возможно, кто-то решил так зло над ним подшутить. Он поднес руку к лицу – но отражение в зеркале сделало то же самое. Чисто инстинктивно он потрогал свое лицо, брови, ресницы и волосы были на месте, но из зеркала на него смотрел оголенный череп, потому что у человека в зеркале на висках и почти до макушки были выжжены волосяные луковицы. Верхней губы практически не было, поэтому верхние зубы с оплавившейся эмалью были обнажены, розовая сморщенная кожа едва прикрывала скулы. Казалось, что из зеркала на него смотрит его собственный череп, остатки кожи на лице создавали иллюзию лукавой, почти счастливой улыбки.

Pieter Claesz Vanitas Still Life (1630)

Он закрыл глаза, решив, что когда он их откроет, все встанет на свои места. Но когда он открыл их, из зеркала на него взглянуло его обожженное серной кислотой лицо, страшную улыбку которого смягчали слезившиеся глаза с оттянутыми вниз веками. Страшные фиолетовые рубцы очерчивали кислотные подтеки, а половина правой щеки ушла вниз.

Ему показалось, что кожу лица действительно тянет от рубцов, но, прикоснувшись к лицу, он понял, что никаких рубцов у него на лице нет и в помине. Он взглянул на свои руки, они были абсолютно нормальными, с

ровной ухоженной кожей. Но стоило ему поднести их к зеркалу, он увидел, что вместо его отполированных ногтей — обезображенное отражение горестно разглядывает с трудом отрастающие короткие кривые ногти с нелепо торчащими красными кончиками пальцев. На внешней стороне ладоней были коричневые пятна пересаженной кожи.

Он пожал плечами, выключил свет в туалете и вышел в палату. Но в отражении зеркальной дверцы в платяном шкафу вновь увидел этот улыбающийся череп с нездоровой пигментацией обожженной кожи. Руки зеркало отражало с раздувшимися изуродованными пальцами. Даже на шее был шрам на месте подтека кислоты, напоминавший рубец от сабельного удара наотмашь.

Мылин лег на кровать, закрыл глаза. «Портрет Дориана Грея!» — крутилась в мозгу навязчивая мысль. Перед глазами стояла жуткая безобразная улыбка его уродливого отражения. Хуже всего, что места шрамов отражения начинало тянуть какими-то фантомными болями, а воспаленная голая кожа на висках невыносимо чесаться. Он понимал, что лучше не думать о том, каким его могут отразить зеркала, пытаюсь сосредоточиться на том образе помолодевшего красавца, каким он утром ушел в клинику от разметавшейся во сне Даши. Но все его саднившее от ожогов лицо пробило холодным липким потом, когда он понял, что не только не может вспомнить каким был раньше, но даже не может связать свое лицо с фотографией абсолютно чужого человека, смотревшего на него с фотографии на паспорте.

Он подошел к зеркалу, вновь увидев страшную улыбку голого черепа, с которого кислота смыла все человеческое. Понимая, что с этим лицом ему придется жить всю оставшуюся жизнь, он прошептал себе идиотскую фразу, запомнившуюся из какого-то старого фильма.

*Беззащитный человек утонет в море.
Хоть улыбка на лице, а какое горе!*

* * *

— Х-хочу об... обратиться к с-сестрам за помощью! – дрожащим голосом сказала Эвтерпа, заикаясь. – М-мне срочно нужен счастливый конец!

— Без пошлостей, пожалуйста! – нарочито строго заметила Урания, тут же расхохотавшись вместе с Клио.

— Я не про это... мне сегодня из прокуратуры звонили! – сказала Эвтерпа потерянными голосом, хихиканье муз сразу же стихло.

— Кто звонил? В смысле, мужчина или женщина? – с тревогой спросила ее Каллиопа.

— У меня дочь трубку взяла! – запричитала Эвтерпа. – А там мужик таким замогильным голосом говорит: «Мать позови! Это из прокуратуры звонят! Я

сейчас отучу твою мать музу из себя корчить!» Она испугалась и трубку бросила...

— Успокойся! – резким тоном ответила Каллиопа. – Я его образ словила, очередной гомункул Келайно! Сейчас ему станет здорово не до тебя! Чтобы такое устроить?.. Ага! Давай так! Сейчас в его районе неожиданно тормознут вашего мэра на взятке, подняв все правоохранительные органы по тревоге!

— Ой, что вы такое несете? – зарыдала Эвтерпа. — Уже почти час ночи, я боюсь спать ложиться! Вдруг они рано утром придут с обыском, как к вам? Наркотики сунут – и прощай все планы назавтра!

— Так, все успокоились, я пишу! – заорала на нее Каллиопа. – Итак!

Около часа ночи черный Mercedes без номеров и «Газель» преграждают дорогу машине градоначальника, выезжавшей из темного двора на трассу федерального значения. Из «Газели» выскакивают спецназовцы, а из Mercedes — люди в штатском, ловкими, отточенными движениями заламывая руки мэру города, в котором живет Эвтерпа. Они сажают мэра в свою машину, а всех пассажиров машины мэра – уводят в «Газель». Мэр задержан и арестован на два месяца вместе с людьми из своего ближайшего окружения.

По версии сыщиков, мэр вымогал многомиллионный «откат» у местного бизнесмена-единоросса за возможность иметь единоличную монополию на вывоз твердых бытовых отходов и уборку городских улиц. Но перед тем, как потребовать взятку от единоросса, мэр уже принял взятку от другого предпринимателя, депутата городской думы Германа Хачикяна, причем, на тот же самый подряд вывоза ТБО и уборку улиц. У следователей есть видеозапись получения взятки, предусмотрительно сделанная гражданином Хачикяном, давно подозревавшего мэра в нечистоплотности и сепаратных переговорах о вывозе мусора с единороссами.

Сам мэр утверждает, что ему якобы мстят за то, что он намеревался в сентябре этого года идти на выборы в Заксобрание от партии «Гражданская реформа», а не от партии «Единой России», именно по этой причине он договаривался с бизнесменами-единороссами, уговаривавшими его плюнуть на «Гражданскую реформу». Оговаривавшиеся средства вовсе не были

«откатом» или «благодарностью» за уничтожение бизнеса гражданина Хачикяна. Мэр лишь объяснял, в какую сумму выльется избирательная

кампания от партии «Единая Россия», планируя потратить средства на ремонт набережной, строительство физкультурно-оздоровительного комплекса и детского сада для слабовидящих детей – исключительно для поднятия пошатнувшегося имиджа партии.

Той же ночью советник мэра, которого правоохранительные органы подозревали в посредничестве, скрылся и объявлен в розыск. По версии следствия, именно через советника арестованного мэра была передана часть взятки от бизнесмена в размере полумиллиона долларов.

— Как мэра? Прямо мэра? – растерялась Эвтерпа.

— А кого еще? – удивилась Каллиопа. – Я же никого у вас особо не знаю, а мэр у вас точно должен быть! Вот пускай мэром занимаются. Это надолго у них отобьет охоту травить беззащитных дам, увлекающихся классическим искусством. А тот, кто тебя телефонным звонком напугал, к утру должен будет подготовить доклад в Заксобрании по поводу ночного ареста, и объяснить, почему он раньше не оказывал прокурорского реагирования на вашего мэра.

— Да как-то... неожиданно это все, — прошептала Эвтерпа.

— Я не хочу, чтобы вот такое привязывалось к тебе, когда нам совершенно некогда тратить время на то, что они там считают... экстермизмом. Тьфу! Ну, вы поняли меня! – безапелляционно заявила Каллиопа.

— А что, у вас мэр хороший? – участливо поинтересовалась Урания.

— Да... как везде. Обычный, короче. Но странно как-то, — пробормотала Эвтерпа. – А откуда вы про Хачикяна знаете?

— Да просто подумала, кто у вас занимается уборкой и ТБО, так сразу как-то всплыло имя «Герман Хачикян», но оно вполне может быть условным, — пояснила Каллиопа.

— Как пишут: «Все имена и фамилии изменены», — рассмеялась Клио и поинтересовалась у Эвтерпы: «У вас мэр что, взятки не берет?»

— Не знаю, наверно, берет, как все, — пожалала плечами Эвтерпа. — Он недавно говорил, что ему зарплата мэра кажется «просто смешной». Мэр в нашем городе получает сто тысяч рублей. Ему смешно, а нам, при средней зарплате в пятнадцать тысяч, как-то не очень весело.

— О, девочки, я уже что-то такое чувствую, — сообщила всем Каллиопа. — Сейчас его тормознут, рылом в асфальт сунут, наручниками щелкнут и все такое... Застоялись ребята без дела! Обстановка немного оживится, и мы проскочим на вороных!

— Так он ведь не самый плохой в стране! – попыталась слабо протестовать Эвтерпа.

— А при чем здесь страна? – ответила Клио. — Ты вообще мэров сортировать собираешься или свою прокуратуру занять настоящим, большим делом?

— Мне вообще читать смешно эти филологические определения «реализма в литературе»! – мрачно вставила Каллиопа. – Вот когда пишет настоящий писатель-реалист, то все сбывается в реальности! В этом и состоит творческий принцип реализма, а не когда пытаются реальность подправить из мелких соображений, какая партия прикармливает писателя. Конечно, надо успеть написать счастливый конец для народа!

— А разве это... счастливый конец? – не унималась Эвтерпа.

— Для вашего мэра не очень, — согласилась Каллиопа. – Но, согласись, закономерный! А потом ведь он точно делал заявления, что страсть как хочет победить коррупцию в вашем городе. Вот пускай и борется с коррупцией собственной тушкой, чтоб мирные люди рядом не страдали от их очередной «борьбы».

(1593-1648) ЛУИ ЛЕНЕН. Караульная

— А потом... что будет? – совершенно растерявшись, спросила Эвтерпа.

— А потом он в колонии перевоспитается и осознает, — ответила Каллиопа. — Он глубже поймет жизнь и ее простые радости: недокуренный бычок, вечерний чифирь, теплые кальсоны... Холодным осенним днем, под принизывающими порывами северного ветра он вернется в родной город, где его взяткой подставил тот армянин, который у вас мусор вывозит. Бывший мэр решает ему за все отомстить. В тюремной фуфайке он сидит на скамейке в заброшенном парке и курит, курит, курит... Все кажется ему в родном городе незнакомым, из каждой подворотни лезут навязчивые воспоминания... Звучит

шансон про Владимирский централ, полный проникновенной ностальгии... В истории, конечно, замешены олигархи, заигрывающие с оппозицией, коварные держательницы публичных домов, мусорщики, циничные уборщики улиц и алчные владельцы естественных монополий.

— Ни фига себе! – восхитилась Эвтерпа.

— А ты напишешь детектив, где загадочные убийства самых именитых мусорщиков расследует женщина, живущая на городской свалке, — продолжила Каллиопа. — И там ты вполне можешь написать, что у бывшего мэра и бомжихи с помойки начинается новый жизненный этап, любовь-морковь и все такое! От погони они уходят на горящем мусоровозе!

— Вот это да! – зачарованно произнесла Урания. – Я бы сама такой блокбастер с удовольствием посмотрела.

— Вот видите! – с удовлетворением сказала Каллиопа. – У вас совершенно шаблонное восприятие счастливого конца! Какое-то безыдейное и аморальное – «украл, выпил, остался безнаказанным и вывез кучу бабла на Кипр!» А ведь по-настоящему счастливый конец

должен вдохновлять! Он должен вызывать духовный катарсис! И как еще можно создать счастливый конец для дамы, которая лишилась квартиры из-за преступной деятельности «черных риэлторов» и теперь живет на помойке? Должен же быть и на ее... гм... свалке... праздник?

— Соглашайся, Эвтерпа! – расхохоталась Клио. — Прославишься, денюгу зашибешь!

— Ладно, — снисходительно поддержала ее легкомысленный тон Эвтерпа. — Назову роман «Любовь из мусоропровода», получу литературную премию, и мы все поедem в Прадо наяву, а не во сне!

— Отлично! Уже начинает получаться! – похвалила ее Каллиопа. – А теперь давайте, попробуем хором произнести их любимую фразу: «Мы вам устроим новый 37-й год!»

— Ты что? – испугалась Урания.

— Исполняю простое человеческое желание! Люди хотели почувствовать эту романтику ночных арестов, многочасовых допросов, инфантильных объяснений «у нас работа такая» и «у меня не было другого выхода» — пусть

получат! Но ведь эти «векания времени» лучше всего ощущаются не по звонкам из прокуратуры, чтоб ребенка напугать. Тут должен быть здоровый азарт, элемент интриги, когда никому пока не ясно, с какой стороны ему выпадет 37-й год коротать. А ну-ка, хором!

Музы нестройным хором произнесли: «Мы вам устроим новый 37-й год!»

— Так, думаю, со временем энтузиазма прибавится! – недовольно проворчала Каллиопа. – Что за черствость душевная? Люди хотят ощутить 37-й год! Так надо подарить им радость встречи с мечтой!

— Так у нас президент сказал, что нынче не 37-й год! – напомнила Урания.

— Потому что все рассчитывали, что 37-й год наступит локально и выборочно, — ответила Каллиопа. – А вот как-то для себя лично они не рассчитывали, что он может наступить. Вернее, они считали, что и в 37-м году сохранится их роль, которую они получили совершенно в другом году. Хотя никто не признавался, что хочет стать в 37-м году доносчиком или следователем НКВД, чтобы безнаказанно истязать всех, кого им захочется уничтожать в качестве «врагов народа».

— Они же хотят истязать! И уничтожать! – пискнула Эвтерпа. – Они говорят, что сами будут устраивать 37-й год!

— Да, а это только мы можем устроить ненадолго, а не они. Вернее, Клио может, верно? – уточнила Каллиопа.

— Вроде да... А я точно что-то такое могу! – неуверенно подтвердила Клио. – Мне кажется, что если фразу «Мы вам устроим новый 37-й год!» мысленно отрекошетить в разные стороны... на министерства, ведомства, администрации... То можно будет все-таки извлечь позитивный урок из этого сложного отрезка отечественной истории!

— Вот и пусть разбираются, кто и кому решил такое устраивать, — с нескрываемым облегчением сказала Урания. – Время уже позднее, думаю, пора отключаться. А то людям еще до утра не спать, мэру Эвтерпы «новый 37-й год» устраивать... Спокойной ночи! Счастливых концов и исполнения самых светлых желаний!

— Спокойной ночи! – прощбетала Эвтерпа. – Вы меня так успокоили девочки, так вдохновили! Сразу так хорошо на душе стало!

— Да, пожалуй, нам пора спать! – устало ответила Каллиопа. – А те, кто хотел повернуть время, пускай хороводятся до утра, участвуют в театрализованных представлениях «маски-шоу» и ночных допросах... Спокойной ночи!

— Спокойной ночи! И приятных всем снов! – пожелала всем Клио. – А твоему прокурорчику, Эвтерпа, сейчас не до сна будет! Ой, не до сна!

19. Неожиданная концовка

Николай молча собирал свои вещи в гримерке, на дне ящика лежала пожелтевшая записка, написанная наспех рукой Мылина: «Коля! Я тебя не просто люблю, я тебя обожаю! Ты действительно король танца! Ты – Мельпомена! Твой Мылин». Он пожал плечами, сложил записку в коробку и огляделся. Вроде бы ничего здесь и не было, а все-таки накопилось две коробки.

В дверях скорбно молчали Глашенька и ее неразлучная спутница Мария Геннадьевна. В последний месяц они его так поддержали, что он подошел и обнял старушек за плечи. Они тут же вцепились в его толстовку и громко, с причитаниями зарыдали.

— Так, давайте успокоимся, дорогие мои, — похлопал он по худеньким вздрагивающим плечам. — Никто не умер, все остались живы!

— Да, Колюшка, — с готовностью подхватила Глашенька, промокая платочком заплаканные подведенные глаза. — У тебя все будет хорошо! Тебя столько людей любят!

— Представьте себе, даже Мылин! — рассмеялся Николай. — Сейчас нашел его любовную записку на дне ящика. Уж не припомню, по какому поводу.

Старушки понесли две коробки с его мелочами к себе гардероб, он еще раз окинул свою гримерку последним взглядом, вышел и запер дверь, по привычке чуть было не положил ключ в карман, потом достал его и летящей походкой направился к вахте, держа ключ перед собой на вытянутой руке.

Письма о том, что с ним не будут продлевать истекающие контракты педагога-репетитора и солиста балета театра — пришли месяц назад заказными письмами. Посланы они были специально накануне премьеры новой постановки оперы «Князь Игорь». Он считал, что из-за освещения долгожданной премьеры его увольнение пройдет без особого шума, хотя сами безликие бумажки, которые ему вручили в достаточно жесткой форме, заставив расписаться в уведомлении, нанесли ему достаточно ощутимый психологический удар.

От него явно добивались какой-то негативной публичной реакции, чтобы объявить, будто именно он сорвал так долго готовившуюся премьеру «Князя Игоря».

Еще до премьеры многие критики, побывавшие на прогонах и репетициях, высказывались крайне негативно о концепции новой постановки. По сравнению с прежними, горячо любимыми зрителями постановками, опера была сокращена на полтора часа, якобы для «придания динамичности» действию, как обтекаемо выражались сторонники сокращений. Вместе с тем, сама трактовка этого действия стала такой, будто опера «Князь Игорь» была написана Бородиным в качестве «духовной притчи» о предательстве князя Игоря и его моральной нечистоплотности. Накануне увольнения директор несколько раз, намеренно демонстративно выискивая взглядом в зале именно его, громогласно заявлял, будто «Князь Игорь» — это «романтическая история о том, куда могут завести нездоровые амбиции, сколько несчастий принести окружающим людям и Родине в целом».

Приглашенный для постановки оперы старый театральный режиссер в одном из своих интервью декларировал возврат к литературному первоисточнику, «Слову о полку Игореве», как к «истинно русской ценности». Его творческая позиция определяла музыке Бородина роль не слишком удачной иллюстрации к тексту. Он заранее отказывал четырехчасовой опере Бородина в масштабности, монументальности, будто всем своим видом показывая, что рассматривает постановку такой оперы чем-то «несерьезным» для себя. Вряд ли он понимал, что сам текст «Слова» был эпическим, не являясь драмой, а тем более – беллетристической.

Николай знал, как сложно или почти невозможно преодолеть искреннее непонимание дилетанта. Режиссер постоянно как бы шуточно восклицал: «Почему в этой опере так много лишних нот?» С надеждой воспринявший поначалу его приглашение в театр, весьма осторожно относясь в целом к подобному «новаторству», он полагал, что как умудренный опытом человек, этот режиссер все же любит оперу и музыку, иначе, зачем ему браться на старости лет за такую грандиозную задачу. Но, побывав на репетициях, увидел, как раздражает этого человека любая «слишком длинная» музыкальная фраза. Он пришел в их театр только за гонораром, а предложить что-то театру в ответ ему было уже нечего. По его брюзжанию было видно, как он не понимает, не слышит, не любит музыку. А каждая репетиция оставляла тягостную мысль, почему же люди, которые так не понимают, не слышат и не любят музыку, без проблем доминируют в их театре?

...Ни с кем о предстоящем увольнении из театра он решил не делиться, а, сжав зубы, выдержать последний месяц работы, беззаботно пожимая плечами на вопросы, продлили ли с ним контракт.

Пока он пытался сообразить, как же ему оставить своих учеников и мысленно расставался с последними надеждами попасть с театром на гастроли в Лондон, продолжить карьеру, реализовать творческие планы... начались звонки. Включив телевизор и просмотрев новостную ленту в планшетнике, он понял,

что прославленное имя театра полоскается на всех радиостанциях и газетах. Как он понял, сама Никифорова лично сделала какие-то заявления для прессы о его предстоящем увольнении. Несколько раз он ее даже видел в новостных сюжетах, удивляясь, почему он столько лет не замечал, как она походит на неуклюжую встревоженную черную птицу.

Его удивило, что информационное пространство, кроме наиболее ангажированных изданий, наполнено вполне человеческим отношением и сочувствием к нему. Несколько первых попыток облить его грязью были немедленно уничтожены, настолько быстро, что, отвечая на вопросы корреспондентов ВВС, Bloomberg и других информационных агентств, он уже почти не вспоминал о них. Губернатор большого северного края выступил с предложением создать ему все условия для работы и создания национальной школы балета его имени. С приглашением выступил театр в Бордо, позвонили друзья из гастролирующих балетных трупп и сообщили, что в Лондон он поедет с ними и будет выступать хоть и не со своим родным театром, но на той же площади, где стоит «Ковент-Гарден».

Фердинанд Ройбет. Кавалер

Он уже начал успокаиваться, понимая, что уже понемногу справляется с нанесенным ударом, который, сколько бы он себя не готовил к такому повороту событий, все же пришелся по нему неожиданно.

Собственное, вся его «психологическая подготовка» заканчивалась вопросом: «А кому еще танцевать на этой сцене, если не ему?» Конечно, театр двести с лишним лет был и до него, и он надеялся, что его любимый родной театр будет блистать и много веков после него. И вряд ли кто-то мог отрицать, что два последние десятилетия имя театра было неразрывно связано с его с именем. По крайней мере, для тех людей, кому дорого настоящее искусство.

В своих построениях он просто не учел, что ему противостоит не совсем человеческая логика, причем тех, в чью задачу как раз и входит уничтожить искусство.

Но в силу того, что он сумел сдержаться, хотя пережитая им ночь после получения уведомлений об увольнении стала одним из самых страшных моментов в жизни, — заявление Никифоровой все расставило по своим местам. Оно раскрыло глаза настолько, что и проплаченные публикации о том, как хорошо будет театру после его увольнения, только добавили масла в огонь. Будто не только у него, но и у всех появилась загадочная камешка, которую так сосредоточенно искали следователи после попытки взломать двери в его квартире. На их лицах было написано горячее желание обыскать и его самого, останавливали какие-то «пустяки», вроде того, что это не он вломился в чужую квартиру, а они находятся в его доме. После своего увольнения он несколько раз слышал, как очень выдержанные и крайне щепетильные в выражениях Глашенька и Мария Геннадьевна с нескрываемым презрением шепчут вслед Никифоровой: «Гарпия!»

...А тогда ему было невыносимо больно, потому что в нем сразу начало умирать множество надежд. Несмотря на длительную травлю, развернувшуюся сразу после нападения на Мылина, он работал с удвоенной энергией. Зрители чутко реагировали на каждое его движение, зал рукоплескал, и даже недруги признавали, что никогда еще не видели настолько блестящего исполнения. Что же еще можно было учитывать при продлении контракта, если не это?

С горечью он покончил и с надеждой, будто неизвестная ему Каллиопа могла бы предотвратить это увольнение, которое сейчас обсуждала не только вся страна, но и мировая общественность. Он посмотрел, что она говорит, и будто услышал шепот Глашеньки: «Николай остался жив, его все любят, все ему сочувствуют и презирают тех, кто лишил нас счастья видеть его на сцене! У него все будет хорошо!»

И когда ему позвонили с арабского канала «Аль-Джазира», он уже не выдержал и расхохотался в телефонную трубку.

— «Аль-Джазира» — это уже слишком даже для меня, — сказал он корреспонденту, явно обрадованному его веселым тоном. — Разве в арабских странах смотрят балет?

— Некоторые смотрят, — уклончиво ответил корреспондент. — Нынче в наших странах много смешанных браков. У нас очень интересуются тем, как события в странах арабского мира воспринимаются в России. А у вас все стараются ориентироваться на то, что пишет одна женщина в Интернете...

— Мадам Огурцова, — фыркнул Николай.

— Да-да, она! — с готовностью подтвердил корреспондент. — Она у вас — уважаемый, влиятельный источник. После ее высказываний во многом меняется и официальная точка зрения. Она много писала о вас, ставила ролики с вашим исполнением. У вас сейчас в арабских странах появилось много

поклонников, уважаемый Николай!

За много лет из театра по разным причинам уходило много талантливых артистов и музыкантов — с тяжелым сердцем, после затяжных конфликтов. Его уход несколько выбивался из общей череды громких увольнений, поскольку каждый день он проходил через пикеты своих поклонников, стоявших с плакатами в его поддержку.

Такого еще не было за всю историю театра. Впервые в театральный конфликт вмешалась публика, впервые незнакомые люди открыто выступили в поддержку артиста.

Проходя возле людей с плакатами, он впервые вглядывался в их расстроенные лица, полные сочувствия. Пикетчики были разного возраста, как он и догадывался раньше, среди них преобладали женщины. Стоило им увидеть его, они начинали скандировать хором: «Верните в театр Мельпомену!» Они старались пожать ему руку, обнять, не отделенные от него рампой зрительного зала, каждый раз удивляя тем, как много человеческого тепла накопилось в людях за минувшую зиму.

И если до этих теплых встреч у театрального подъезда у него еще проскальзывала мысль о необходимости поговорить с кем-то из администрации даже не о себе, а о своих учениках, — то сейчас он понял, что больше никому из этих не скажет ни одного слова в жизни. У всего есть предел, он почувствовал, что в своих отношениях с дирекцией такого предела

достиг и он. Публика навсегда избавила его от самых ничтожных колебаний, навсегда отделив его от ненужных, обременительных отношений с теми, кто давно предал искусство.

Корреспонденты изданий, еще недавно поливавших его грязью, сейчас откровенно заискивали перед ним, униженно выпрашивая интервью, не стесняясь спекулировать на своем возможном увольнении в случае его отказа. Он пожимал плечами и спокойно отвечал: «А мне-то какое дело? Меня уже уволили. И разве не вы так добивались моего увольнения?»

Он наотрез отказывался комментировать свое «отношение» к увольнению, из которого администрация театра и Министерство культуры намеренно делали какое-то публичное шоу. В прессу уже просочились скандальные подробности минувшей премьеры, где носки и сапоги исполнителей по смете лишь стоили больше десяти тысяч рублей. По закону уведомление об увольнении ему должны были вручить на две недели позднее, но обсуждение его изгнания из театра стало «отвлекающим маневром». Его личную трагедию цинично использовали, чтобы переключить на него внимание публики — с ужасной постановки оперы «Князь Игорь» с безобразными костюмами и декорациями, со слабым исполнением главных партий, непременными полуголыми девицами на сцене и сомнительной трактовкой либретто.

Он категорически отказывался разговаривать с людьми, совсем недавно глумившимися над ним в печати. Но общественный интерес к нему был настолько огромным, что некоторым журналистам приходилось идти на различные уловки. Так, в ответ на согласие рассказать о своих ближайших планах на будущее, он в качестве ответной любезности получил билет на премьеру американского фильма «Одинокий рейнджер» с последующей пресс-конференцией приехавшего поддержать фильм кинозвезды Джонни Деппа.

С легким сердцем он напомнил журналисту, что отработал двадцать один год в театре, зачастую не имея возможности полноценно отдохнуть. И как только начал танцевать, много гастролировал именно в летние месяцы, за первые семь сезонов он вообще ни разу не был в отпуске. И ничего хорошего в этом не видел. Потом долго зарабатывал квартиру, а как только закрыл бытовой вопрос, стал отказываться от чрезмерных поездок. Стоило у него появиться собственной крыше над головой, он решил, что всех денег не заработать, на жизнь хватает — и ладно. Он никогда не страдал желанием грести под себя: мне, мне, мне... Просто был немного иначе воспитан.

— Я же предупреждал вас, что вы добивались встречи не вовремя, но вы настаивали на интервью, — сказал он журналисту, не скрывая раздражения, вертя в руках пригласительный билет на Джонни Деппа. — Сейчас мне нечего сказать. Кроме того, что впереди отпуск.

— Бессрочный, — съязвил задетый за живое корреспондент.

— Какая разница? – пожал плечами Николай.

— Планами на отпуск поделитесь? – с нескрываемым любопытством спросил журналист.

— Я суеверный, — пояснил Николай в вальяжной манере, так раздражавшей охочих до скандальных подробностей представителей прессы. — Козерог и Бык. Не люблю рассказывать о том, что впереди. Однажды в молодости допустил ошибку, упомянув в интервью спектакль, в котором собирался танцевать. Он не случился. Все, больше ничего не озвучиваю.

— Официально вы уже пенсионер? – проявил поразительную осведомленность журналист.

— И ветеран труда, — спокойно кивнул ему Николай. — Солисты балета, имеющие пятнадцать лет стажа, могут так поступать. Не стесняюсь своего шага. Бесплатно езжу на муниципальном транспорте, хожу в музей, пользуюсь льготами при оплате коммунальных услуг. Что постыдного? Я все честно заработал. Те мои коллеги-ровесники, кто не оформил пенсию, надеются, что это позволит им удержаться в театре. К сожалению, это не так.

— Давайте, отмотаем пленку чуть назад, — предложил собеседник, и Николай задумался, не вернуть ли ему пригласительный билет. – Вот вы, Николай, в театре с 92-го, директора назначили туда в двухтысячном. Через год вы стали народным артистом и получили первую Госпремию России, еще через два года — вторую... Кто поверит, что эти награды вы получили бы, если бы директор вас не продвигал? Награды вряд ли случились без ходатайств со стороны администрации театра. Может, причина увольнения в вашем скверном характере?

— Директор здесь абсолютно ни при чем, — возразил Николай.

— Списки на присвоение звания народного составлялись до его прихода. Был юбилей театра, тогда многих артистов отметили. К моменту моего награждения я проработал в театре более восьми лет, а он — всего лишь пять месяцев.

Давайте учтем, что специального образования он не имеет, ничего не

понимает ни в опере, ни в балете. На первую Госпремию меня выдвинула «Золотая маска», чьим лауреатом на тот момент я был уже дважды. К слову, по сей день остаюсь единственным танцовщиком, удостоенным трех «Масок».

В 2003-м Госпремию получила «Пиковая дама» — балетмейстер и два главных исполнителя. Спектакль ставили для меня и на меня, о чем неоднократно заявлял сам выдающийся французский постановщик. Попутно замечу, что это единственная Государственная премия в нашем театре за последние тридцать лет. О, надо же! К ней оказался причастен я, такой плохой и скандальный. Опять у вас не клеится.

— Собственно, я ничего не клею, лишь пытаюсь разобраться в корнях конфликта, — спокойно и как-то излишне цепко вернул его журналист к «истокам конфликта».

Николай посмотрел на него с растущим интересом, сразу вспомнив эту нарочито безразличную интонацию, с которой с него снимали допрос после нападения на Мылина. Все же журналисты, как правило, были более заинтересованы в поддержании добрых отношений, стараясь не портить отношения, а сохранить их на будущее.

Впрочем, этот журналист мог быть настолько несведущ в балете, что заранее ставил на нем крест, считая, будто увольнение из театра действительно могло означать его окончательный выход на пенсию на пике формы. Но среди огромного числа корреспондентов различных изданий, бравших у него интервью, этого выделяла слишком жесткая манера парировать собеседнику и единственная ассоциация к общеупотребительному обороту, обозначававшему ситуацию, когда что-то не клеилось. Похоже, что на уме у его пытливого интервьюера было лишь «клеть дело» или «шить дело».

— Повторяю: ни с кем не ссорюсь, — с тяжелым вздохом ответил он шпику, прикинувшемуся журналистом. — Это мне хотят прилепить клише скандалиста. А гадости в прессе в мой адрес пишут только анонимы.

— Ну почему? Бывший министр культуры ставит свою фамилию, — улыбнулся тот, показывая выдававшуюся верхнюю челюсть.

— А кто он, объясните? — тихо спросил его Николай.

— Ну, как же? — не оценил его недоумения шпик. — Бывший министр культуры, не хухры-мухры.

— И что? — продолжал недоумевать Николай. — Меня не волнует мнение отставного чиновника, который берется рассуждать, кому выходить на

сцену? Тем более, когда мне уже вручили бумажку об увольнении? Этот

господин сильно возмущается, что заслуженные руководители других театральных коллективов высказывают мнение о ситуации в нашем театре. Каковы его личные достижения в искусстве, что он смеет оскорбительно рассуждать о ведущем артисте главного театра страны? И что за требование с его стороны ко мне, высказываемое им в печати, будто мне «надо уходить тихо»? А с какой стати я вообще должен уходить?! Из-за того, что так хочет крышующий ситуацию бывший министр? Сам он у всех в ногах ползал, за штанины хватался, никуда не хотел уходить. А мне советы подает, как надо уходить! Какая низость!

— Похоже, по-прежнему готовы возглавить театр? — задумчиво поинтересовался шпик, и Николай понял, что этот вопрос и был настоящей целью его визита.

— Абсолютно! — ответил он, видя, как лицо собеседника будто выцветает на глазах и становится невыразительным. — Надо многое менять. Понимаете, бас не может петь тенором, а маленький кривоногий артист танцевать принца. Нам продолжают рассказывать, что очередная премьера прошла с триумфом, и зал был полон. Но в нашем театре всегда аншлаг! Этот театр обречен на успех. Туристы шли сюда, чтобы потом показывать билет как сувенир. Это называется «продавать люстру». Об уровне постановки можно судить после второго антракта: заходишь в партер и видишь половину пустых кресел. Людей нет! Это страшно... Реальную цену спектаклю и исполнителю безошибочно знают перекупщики у колонн театра. Там действует рынок: билеты на два «Лебединых озера» с разными танцовщиками будут сильно отличаться в цене. Вот настоящее мерило успеха и заинтересованности публики!

Он долго раздумывал, идти ли на Джонни Деппа после интервью, оставившего такое же неприятное чувство, какое долго не проходило после допроса. История блюстителя закона Джона Рейда, ставшего с помощью индейца Тонто легендарным мстителем в маске, честно сказать, мало его вдохновила. Игра Джонни Деппа показалась ему маловыразительной и шаблонной. Возможно потому, что прекрасный актер никак не мог проникнуться образом индейца Тонто, у него был слишком кричащий бело-черный грим на лице, а вместо привычного индейского пера в волосах красовалась дохлая ворона.

Все персонажи фильма постоянно смотрели на часы, немного напоминая Белого Кролика из «Алисы в стране чудес». Наиболее интересные реплики касались времени, которое уже прошло или еще не наступило. Весь фильм герои, как Белый Кролик, гнались за ускользающим временем, и в конце фильма оставалось неясным, сумели ли они его догнать.

Вряд ли в своем душевном состоянии он мог испытать удовольствие от просмотра, в особенности, зная, от кого он получил пригласительный билет на премьеру. Довольно средний голливудский вестерн напоминал сюжетом

фильмы, которые он многократно видел когда-то раньше. Джонни Депп воспринимался им своеобразной приманкой, чтобы он решился пойти на этот фильм и напрасно потерять время, о чем ему постоянно напоминали крупные планы старинных карманных часов.

Николай смотрел, как Джонни Депп, игравший Тонто, постоянно подкармливает чучело вороны на голове, и видел перед собой странную горбатую фигуру Антона Борисовича с черной птицей, почти полностью закрывавшую его своими крыльями. Зрители смеялись, когда кто-то из персонажей фильма кричал Тонто, чтобы он прекратил кормить свою птицу, которая давно сдохла. А Николай при этом вспоминал вполне живой взгляд абсолютно черных глаз женщины-птицы, где зрачок, казалось, полностью заливал их чернотой. Казалось, будто она смотрела из бездонной пропасти, в которую тянула всех, на ком останавливался ее взгляд.

Его не удивило, что придя в театр после этого интервью с кинематографическим уклоном — первым, кого он увидел, был Антон Борисович собственной персоной.

— Выглядите подозрительно спокойным, Николай, — сказал он вместо приветствия.

— По-вашему, я должен биться в истерике? — ответил он, стараясь не глядеть на жуткую птицу Антона Борисовича, уставившуюся на него таким неподвижным взглядом, что на минуту ему показалось, будто на плечах тестя Мылина — огромное черное чучело.

— То ли это смирение обреченного, то ли вы что-то знаете и не говорите, — задумчиво сказал Антон Борисович.

— Все мы, родившиеся от женщины, обречены смерти, — философски ответил Николай афоризмом из Плутарха.

— Вы, значит, иллюзий не питали? – пропустил его колкость мимо ушей Антон Борисович, разглядывая свои ногти, птица на его плечах вдруг принялась чистить перья острыми цепкими зубами.

Sir Lawrence Alma-Tadema — The Discourse

— Антон Борисович, я ведь поступал в театр в качестве солиста балета, а не в бухгалтерию, — удивился его вопросу Николай. – Я с юности готовился к тому, что моя карьера может прерваться и более неожиданным образом.

— Но все же ваше увольнение стало немного особенным, не совсем ожидаемым, да? – пожевав губами, спросил Антон Борисович с каким-то плотоядным интересом, будто чужая боль интересовала его чисто в гастрономическом плане. — Я тоже заметил, как вы старались в последнее время, жилы рвали.

— Не для вас, Антон Борисович! – воскликнул Николай. — Да, в последнее время я выходил на сцену, как в самый последний раз! Я хотел оставить о себе именно такую память! Но и о театре, о том времени, когда я здесь работал. Дайте пройти!

— А что же ваша защитница не позаботилась, чтобы вы ушли отсюда нормально, без такой обиды, чтобы вы не судились с театром за свои выговоры, Николай? — ничуть не смущаясь, спросил Антон Борисович о Каллиопе. — Или болтать о «счастливых концах» — одно, а потом выясняется, что концы-то в других руках, да?

— Я бы никогда ничего не принял из ваших рук, — жестко ответил ему Николай. — И как вы смеете заявлять, что я судился с театром? Или, по-вашему, я булочками в переходе торговал? Театр — это кто? В первую очередь артисты, а в данном случае — я. Не понимаю, о какой защитнице вы говорите, но никогда не стану заводить себе такую защитницу, с какой срослись вы!

— То, что вы говорите, Николай, наверное, имеет право на существование, — сказал Антон Борисович, никак не прореагировав на его замечание о птице, с нескрываемой ненавистью обнажившей ряд мелких острых зубов. — Вот только зря трогаете Мылина, ставите под сомнение его тяжелую травму после покушения. Очень зря!

— Я задаю вопросы, на которые никто не хочет отвечать, — постарался сохранить спокойствие Николай. — Когда меня очень стараются в чем-то убедить, пытаюсь понять: а зачем? В ситуации с Мылиным с самого начала была странность, согласитесь. К тому же я имею богатый опыт общения с людьми, пострадавшими от сильных ожогов, прекрасно представляю, что это за мука. А тут нам рассказывают о кислоте в лицо и через сутки показывают вашего зятя по телевизору...

— Это не отменяет элементарного сочувствия к пострадавшему, — упрямо повторил Антон Борисович.

— Откуда знаете, выразил я его или нет? — возмутился Николай. — Вы постоянно со мной общаетесь, мы с вами живем в одной квартире?

— Опираюсь на публичные источники, ваши комментарии в прессе, — веско заметил его собеседник.

— И я обо всем сужу по публикациям, — парировал Николай. — Много не сходится с реальностью. В первый же день сказал: произошла трагедия. Хотите, чтобы заплакал? Могу легко это сделать, меня хорошо учили актерскому мастерству. Или прикажете к каждому интервью прикладывать баночку со слезами?

— Зачем? Лишь добавлю, что с марта трижды был в клинике в Германии, виделся с дочерью и зятем, — скорбно сказал Антон Борисович, в упор глядя на Николая. — А в последний раз наблюдал практически незрячего человека, которого надо водить за руку, предупреждая о количестве ступенек...

— Допустим, — оборвал его Николай. — И какое это ко мне имеет отношение?

— Ваши вопросы повисают в воздухе, вот и реагирую, как могу,
— ответил Антон Борисович, попытавшись пожать плечами, но из-за нетерпеливо переминавшейся на его плечах птицы у него получилось лишь еще больше ссутулиться.

— Послушайте, ну почему никто не сочувствовал, когда я год болел, шесть месяцев провалялся на койке, за три недели перенес десять операций под общим

наркозом? — поинтересовался у него Николай. — Мылину вы же не задавали таких вопросов, хотя он ни разу мне даже не позвонил. А в мою душу все лезут, хотят увидеть, что там! Радуюсь я или огорчаюсь — это мир, куда не собираюсь никого впускать. Хотите меня в чем-то обвинить? Валяйте! Журналисты ждут ваших откровений! Только вам почему-то не нравится, как их воспринимает публика, да?

— Николай, я не адвокат одному и не прокурор другому, — почти примиряющим тоном откликнулся Антон Борисович. — Да и спрашивал не об этом.

— Отвечаю, — ответил Николай. — Мылин позволил использовать себя против меня. А может, это и был его план. Но я на роль жертвы не гожусь, понятно? В последние месяцы и с вашей подачи упорно навязывается тезис, что Мылин ослеп. На днях одного талантливого исполнителя сняли с роли в новом балете «Онегин». На вопрос «Почему?» немецкий репетитор ответил, что Мылин посмотрел записи репетиций, которые ему скачали в его смартфон. Но типа решил, что моему ученику пока рано танцевать эту партию. Артист резонно заметил: «Но ведь Мылин ослеп. Как он мог увидеть?» Реплика осталась без ответа. Тем не менее, солист выведен из спектакля. Вот я и спрашиваю...

— Ладно, ваша взяла, — проворчал Антон Борисович. — Тогда последнее суждение, хотя, думаю, оно не понравится ни вам, ни Мылину. В этой истории вы оба, похоже, оказались пешками в чужой игре, заложниками ситуации. Пусть и с разных сторон.

— Я со школьной скамьи был большим поклонником Мылина, относился к нему с пиететом, — возразил Николай. — У нас разница в выпуске четыре года. С 2005-го мы сидели вдвоем в одной раздевалке и часто общались. Когда Мылин организовал письмо против меня и сам собирал под ним подписи, я перестал разговаривать с ним. Поэтому замечу, что ни в каких играх не

участвовал. А жизнь меня научила одной простой истине: если ты не участвуешь в каких-то нечистоплотных играх, то никому не удастся использовать тебя в качестве пешки. Ведь это вы решили поговорить со мной, а мне эти разговоры абсолютно не нужны.

— Неделю назад в какой-то передаче ты меня назвал отцом сожительницы Мылина, — с ненавистью выдохнул Антон Борисович. Даша — не сожительница, а гражданская жена!.

— Как упали нравы! — с притворным возмущением ответил Николай. — Гражданская жена юридически — это когда в паспорте стоит штамп. А ваша дочь сожительствует с мужчиной, у нее в паспорте нет штампа.

— Сожительница — это какое-то советское слово, — нисколько не растерявшись, продолжал гнуть свою линию Антон Борисович. — Мало ли кто с кем живет. Условно Мылин ведь считает ее своей женой.

— Очень условно, — согласился Николай. — К тому же это удобно, когда контора, через которую Мылин устраивает гастроли, заказывает баснословно дорогие костюмы на новые постановки и обирает коллег — числится на юридически постороннем ему человеке. Вы ведь готовы на любую услугу для сожителя своей дочери, да? Сами вы в одной из передач заявили, что ваш гражданский зять попросил вас принести гантели в больницу. Но опять-таки мне хочется спросить, а вы до этой постановки с покушением что-нибудь читали про операции на глазах? Когда я слышу, с какой легкостью вы озвучиваете абсолютно недоказанные никем диагнозы, мне становится не по себе.

— По первому каналу уже объявили, что это была концентрированная серная кислота! — упрямо повторил Антон Борисович. — И следствие, как и суд, не примет во внимание заявления Загоруйко, будто он облил Мылина мочой! Он говорит это нарочно в свою защиту!

— Да, я уже читал его пояснения, будто он хотел не принести травмы, не убить, ни, тем более, покалечить, а именно унижить, — кивнул Николай. — Но хотелось бы поинтересоваться у вас, Антон Борисович, а вы химию в средней школе проходили? У меня мама была известным химиком, я химию очень любил. И поэтому когда Мылин сам говорит в телевизоре: «Я умылся снегом», — страшнее ничего нельзя представить. Тут же его показывают с абсолютно чистыми руками, с ресницами и бровями. Я тебе говорю: у меня есть только вопросы, я ничего не утверждаю, я не доктор, я не эксперт, но есть элементарная логика. А когда начались все эти допросы... мне стало все ясно.

— Допустим, что это масштабная постановка, — усмехнулся Антон Борисович с подчеркнутым недоверием. — А во имя чего? Во имя того, чтобы тебя посадить в тюрьму? Но тебя не посадили. Посадили Игнатенко! Ты-то чего в это дело лезешь?

— Я сейчас тебе говорю не как заинтересованное лицо, а как человек, который сам прошел это, — пояснил Николай. — Когда у меня была травма, я лечился в течение полугода во Франции. Мне каждую бумагу пришлось освидетельствовать здесь, в России, потому что, по нашему законодательству, заявление никакого иностранного доктора не имеет значения. Бумага должна быть получена и освидетельствование должно быть получено в России. И в данной ситуации, раз нападение на Мылина связано с судебными разбирательствами и уголовным делом, это должна быть независимая комиссия, не та, которую выберет та или другая сторона, это должна быть большая независимая комиссия. Потому что от этого зависит судьба человека, и не одного, как мы видим. Нельзя так цинично относиться к людям. Поэтому рано или поздно встанет вопрос, почему Мылин отказывается приехать на территорию и лично участвовать в своей собственной экспертизе. И ответить на этот вопрос придется, Антон Борисович!

— Но все же видели всякие синхроны врачей, в передаче о здоровье даже освещались уникальные операции, которые были проведены Мылину, — уклончиво заметил Антон Борисович. — Когда он в Германию уехал, всем сообщалось, сколько там операций проведено. Всё время докладывали, страна эту историю болезни наблюдала он-лайн практически.

— Только почему-то больше никому после серной кислоты новую кожу на лицо не удалось подсадить столь же удачно, — отмахнулся от него Николай. — И в отличие от вас, я в Германии у Мылина не был и не собирался туда ехать. Кстати, вы в курсе, что планируется приезд пострадавшего на гастроли в Лондон и его чудотворное прозрение? Конечно, вы в курсе! Очередной пиар-ход? Готовьте английскую визу, Антон Борисович.

— А если этого не случится, ты извинишься? — продолжал бубнить он.

— За что? — удивился Николай.

— Хотя бы за тон, — рявкнул Антон Борисович.

— Я никого не оскорблял, лишь произнес вслух то, о чем все говорят в театре, — пытаюсь пройти в репетиционный зал, ответил Николай. — Говорят, Мылину и Даше семье уже сняли большую квартиру в Лондоне. Зачем, спрашивается? Он худрук балета, а не оперы, ему надо видеть, а не слышать. Или вы к нему в балетные поводыри нанялись, Антон Борисович?

Антон Борисович преградил ему путь, явно намереваясь продолжить беседу, которая уже начала откровенно тяготить Николая. Внезапно раздался странный звонок по мобильному телефону. Николай удивился странной мелодии зуммера, исполняемой на ксилофоне. Это была известная песня о советской милиции «Наша служба и опасна и трудна».

Антон Борисович больше не стал загораживать ему дорогу, прижавшись в стене, от чего птица у него на плечах недовольно завозилась. Николай, напротив, перестал рваться от навязчивого собеседника в репетиционный зал, сделав несколько пантомимных шагов на месте, решив во что бы то ни стало выяснить, кто же может звонить тестю Мылина. Опасливо взглянув на премьера, который всем корпусом продвигался к двери и в то же время, как будто, оставался почти на месте, Антон Борисович все же включил телефон и поднес его к уху.

— Вы совсем уже там, да? С катушек там съехали? — зло поинтересовался он, выслушав крик телефонной трубки. — Что значит «вместо него — гуси»? Что это значит, черт возьми? Да знаю я сказку про Нильса и диких гусей, внукам недавно читал. Но при чем здесь это?

Сделав несколько шагов в сторону от Николая, сосредоточенно топтавшегося на месте, Антон Борисович добавил, резко понизив тон: «А в общую камеру его нельзя поместить? Чтобы посадить к нему каких-нибудь мерзавцев? Ах, да! Понял! Ждите! Сейчас буду!»

Он сложил телефон в нагрудный карман ковбойки и, бросив озабоченный взгляд на Николая, медленно открывавшего дверь зала, торопливой походкой направился к выходу из театра.

* * *

— Как и договаривались? — поинтересовался у Антона Борисовича крепкий мужчина, пряча аккуратный сверток в карман ветровки. — А то ребята уже волноваться начали. Ну, с этим кадром у нас такое, что заволнуешься, пожалуй.

Они стояли у гранитной чаши фонтана прямо перед парадным входом в театр. Мужчина достал пачку сигарет и закурил, руки у него заметно подрагивали.

— Ты чего прямо сюда сорвался? — зашипел Антон Борисович, незаметно оглядываясь по сторонам.

— Да никто за нами не топчет, — успокоил его мужчина, делая глубокую затяжку. — От нас сейчас все шарахаются, как от прокаженных.

— Да что это с тобой? — развел руками Антон Борисович.

— Что со мной? — зло ответил мужчина. — А с Загоруйко нормально получилось? Он просто в шоке от такой подлянки, если честно. Когда ночью в камеру пришли, чтоб он... самоубийством покончил, так он прямо поставил вопрос, кто из нас потом кого кончать будет? Говорит, недостаточно нам, что ему зона светит?

— Не удалось, значит, — тяжело вздохнул Антон Борисович.

— Заигрались вы совсем, если честно, — заметил ему мужчина. — Доигрались до необходимости Загоруйко мочить. Такого договора не было, мы отказываемся. Он пока держится, верит нашему обещанию, что мы его из зоны по условно-досрочному вынем. Мы как вначале договаривались? Что ребята Мишки Стрельникова примочат этого деятеля искусств.

Мужчина кивнул на толпу пикетчиц возле театра, протестовавших против увольнения Николая. Антон Борисович с ненавистью посмотрел на женщины самодельными плакатами «Верните Мельпомену в театр!», старательно державших между собой предусмотренные законодательством разрывы пикетирования.

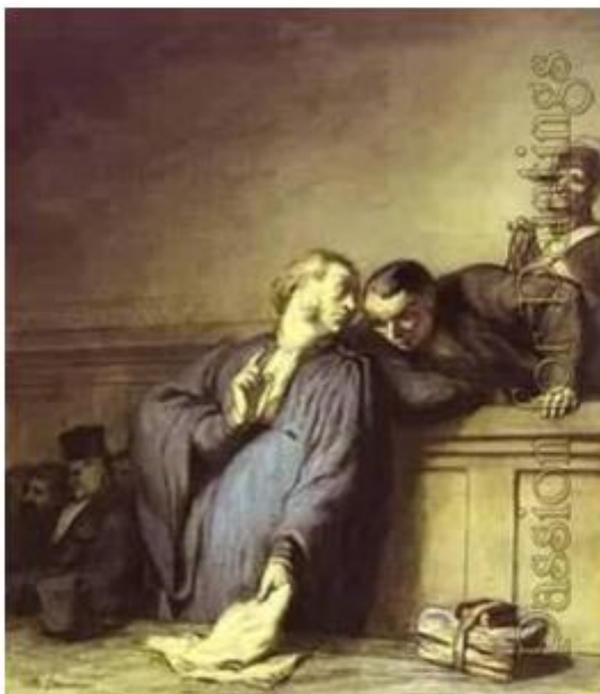
— Никогда ведь не срывалось раньше, Валерий, — сокрушенно отозвался Антон Борисович. — Все работало, как часы...

— Это я вам еще про часы не рассказал! — вспомнил что-то Валентин. — То, что ребятам снилось, как-то мимо ушей пропускал. Хотя Сергей Иванович даже колоду старинных карт приносил. Ну, там обычные карты, немного размером больше, чем наши. Картонка чуточку толще и картинки красивые. Сергей Иванович говорил, что валеты ему неприличные жесты показывают, дамы посылают воздушные поцелуи, а короли подмигивают. Но мы такого не заметили, если честно. Но через неделю мне такие же часы приснились...

— Слушай, ты уже рассказывал ваши чудесные сны, когда вы выигрывали дачи на Каймановых островах, кучу старинных колечек с бриллиантами, иномарки и акции Газпрома, — поморщился Антон Борисович. — К утру все проигрывали, а часы вам говорили, чтобы вы в это дело не лезли.

— Так все и было! — почти радостно ухватил его за коббойку Валентин. — Бросает, значит бронзовой лапой колоду мне на диван и говорит: «Дурак ты, Валя, что в эту историю ввязался! Хрен тебе с нее будет и еще маленько!» А я уже по этой даче ходил, представляете? Там такой балкон прямо над морем нависает, волны в шторм достают! Такая красотища!

— Валентин, давай о деле, — сказал Антон Борисович, чувствуя, будто все его волосы тянет на затылок чья-то огромная когтистая лапа. — Что там у вас получилось с гусями?

Honoré Daumier, 1808 — 1879, A Criminal Case

— Ну, мы потом поняли, что это давно у нас началось, — пояснил Валентин. — Перья-то у него на окне еще в марте находили. Окно на зиму задраено, а клиент с утра веселый какой-то. Нам объясняет, будто подушку о решетку выбивал. И уже когда вся эта ерунда началась, Сергей Иванович нам и говорит: «А ведь подушки-то у нас не перовые! Нам же подушки женская колония искусственным волокном набивает!»

— Я уже понял, что Сергей Иванович у вас просто философ-мыслитель, — простонал Антон Борисович, явственно ощущая, как от резкой боли в сердце у него выворачивает лопатки. — Ты можешь короче изложить суть дела, ради чего вызвал меня сюда.

— Да что там излагать, — ответил Валентин, стараясь что-то высмотреть в проезде к Дмитровскому шоссе. — Несколько раз этого балеруна ночью в камере не оказывалось, вместо него на кровати спали два гуся.

— Какие гуси? — растерялся Антон Борисович.

— Обычные, — машинально ответил Валентин, посмотрев на часы. — Как в песне про бабуся, помните? Были у бабуся два веселых гуся, один белый, другой серый... Ладно, некогда мне! Побежал!

Он неожиданно сорвался, оставив Антона Борисовича в полнейшем недоумении. Решив, что в театр возвращаться уже поздно, он направился к стоянке, где уже весело отозвалась на кнопку сигнализации его машина, приветственно мигнув фарами хозяину. Внезапно уши резануло диким женским визгом и что-то с силой рвануло его вверх. Чуть не споткнувшись, Антон Борисович поднял голову и увидел, как прямо над ним быстро поднимается в воздух огромная черная птица. Ему показалось, будто с плеч у него сняли непосильно тяжкую ношу, высасывавшую все его силы последние годы. Его, наконец, отпустила боль в сердце, которую в последнее время не снимали никакие лекарства. Совершенно новыми глазами, не искаженными короткими вспышками картин, приносивших в его душу неиссякаемую злобу, он оглянулся вокруг, радуясь самой возможности видеть разомлевший в летней благодати мир, полный красивых смеющихся людей. Впервые за

долгое время он почувствовал легкий ветерок, донесший до него запах перегретого машинного масла, и почувствовал солнечное тепло на коже, удивляясь тому, что долгое время жил, будто заключенный в какой-то тяжелый кокон. Он услышал чириканье птиц, детский плач и женский крик: «Что он делает? Он же его убьет!»

Незнакомая женщина, подхватившая на руки малыша, показывала рукой куда-то за ним, но обернуться Антон Борисович уже не успел, почувствовав сильный удар, от которого сразу же замерло сердце.

Выглядывавший из-за угла Валентин только присвистнул с долей сочувствия, сосредоточенно проследив, как зазевавшийся Антон Борисович, будто специально остановившийся посреди проезда, был сбит КамАЗом, неожиданно выехавшим на полной скорости с Дмитровского шоссе.

* * *

Старуха вяжущая чулок (1838) Хруцкий Иван Фомич.

— Вот так все и произошло, — сказала Мария Геннадьевна, скорбно поджав губы. — А потом еще скрипач у нас погиб, ну, ты это читал, наверно. Почему-то пошел через неосвещенную оркестровую яму, а там люк был открыт.... Он упал вниз самый, там его и нашли. Никифорова газетчикам объяснила, будто это уборщица виновата, мол, оставила яму открытой. А там такой люк, что одной уборщице не поднять было. Да и зачем поднимать, если пол мыть надо, а не люки понимать!

— Как мыть пол, если люк поднять? — добавила Глашенька. — А на крышке люка специально, чтобы его никто не поднимал, стояли рояль и арфы! Попробуй-ка рояль в одиночку в угол заката!

— Слушайте, вы мне просто страшные вещи говорите, — передернул плечами Николай. — Как вы здесь все это терпите?

— Да нам-то ничего! — вздохнула Мария Геннадьевна. — Кому мы нужны? Держимся пока! А директор бегает, потерянный весь, не знает, куда себя приткнуть.

— Его хоть и сняли, но пока оставили в театре, пока новый директор с гастролей не вернется, — объяснила Николаю Глашенька, подавая его

коробки, за которыми он, наконец, собрался заехать. – Хоть его и назначили советником в министерство, а место там ему до сих пор не приготовили. Ходит сейчас здесь в своем ордене, а все смотрят сквозь него, как на мертвого. Вот ведь как бывает!

— Ты, говорят, так на гастролях в Лондоне блистал! До того был хорош! – сменила печальную тему разговора Мария Геннадьевна.

— А где говорят-то? – удивился Николай.

— В газетах пишут и в Интернете печатают! – с готовностью подхватила Глашенька. – А Мазепов с Никифоровой пишут одной женщине в Интернете, что если Игнатенко согласится на тебя все свалить и подтвердить покушение на Филина, то ему дадут условный срок без права изменения места работы.

— Да где там! Опоздали! – сказала Мария Геннадьевна. – Уже все про них написано и опубликовано! А у нас тут такое иной раз творится, такое! Помнишь, раньше тебе на творческих встречах вопросы задавали, не встречали ли ты в театре призраков или чего-нибудь мистического?

— Но я честно говорил, что рассказов слышал много, а сам такого ничего не видел, — рассмеялся Николай. – Наверно, я очень черствый человек.

— А у нас сейчас это только самые черствые теперь и видят! – всплеснула руками Глашенька. – Давеча нас с Марией Геннадьевной орденосный директор вызывает, а в кабинете у него Мазеповс Никифоровой сидят. Начинают втроем орать на нас, но шепотом. Из-за гибели скрипача в театре следователи работают, поэтому они громко орать на нас не могут. Мы едва поняли, что теперь они каждую ночь перья гусиные в кабинете директора обнаруживают.

— Которыми пишут? – уточнил Николай. – Как Пушкин? А чернильниц-непроливаек они не находят? Я у бабушки такую видел. Они уж совсем утратили чувство меры, как я посмотрю.

— Да, тебе бы стоило на это посмотреть! – согласилась Мария Геннадьевна. – Но сейчас никого, кроме нас с Глашенькой, к директору в кабинет утром не пускают. Мы там перья гусиные убираем... и другое, что от гусей остается.

— Вы серьезно? – не поверил Николай, посмотрев в упор на старушек. – Вы меня не разыгрываете?

— Мы? Никогда! – с возмущением ответила Глашенька. – Ты же нас знаешь. Просто по ночам у директора в кабинете гуси гогочут. После них перьев много остается и все бумаги его для министерства они намеренно гадят, ничего оставить нельзя. Он тоже коробки домой носит.

Владимир Егорович Маковский Девочка с гусями

— Они там у него и несутся? – растерянно спросил премьер.

— Нет, яиц ни разу не убрали, — возразила Мария Геннадьевна. — Наверно, это гуси-самцы, гусаки то есть. Зато пера набрали Глашеньке на подушку. Перо ведь не всякое идет, жесткие перья мы с утра пораньше в мусорный мешок собираем и потихоньку выносим.

— Но все и так в курсе, — вставила Глашенька. — Ты же знаешь, у нас такие новости первым делом распространяются.

— Струнные считают, что это Никифорова нарочно под гуся косит, чтоб директор скорее кабинет освобождал, — шепотом прибавила Мария Геннадьевна, осторожно оглядываясь. — Но мы и говорим, что быть такого не может! У Никифоровой перья-то черные, а мы с Глашенькой только серые и белые находили!

— Слушая такое, начинаю понимать, что все, что ни делается – к лучшему! — задумчиво заметил Николай. — Если бы меня не уволили, сейчас бы ходил с вами и перья на подушку собирал.

— И не говори! – поддакнула Глашенька. – Тебя еще обвинили, будто ты рояль откатывал и люк нарочно открывал!

— Сам-то сейчас в Питер, на Ангелинкину премьеру полюбоваться? – сменила тему разговора Мария Геннадьевна. — Ты ей привет от нас передавай! Скажи, что мы ее все любим и скучаем!

— А мы-то как вас любим! – растрогался Николай. – Только о вас и жалеем, милые наши нянюшки!

Подхватив коробки, он направился к выходу, успев заметить темную фигуру Никифоровой, метнувшуюся в тень. До поезда он успел завезти коробки домой, взял собранные вещи и отправился на вокзал.

В дремоте, накатившей под стук колес, ему приснился сон, будто где-то сидят четыре женщины и ругаются из-за финала романа, в который, сигналив у семафоров, несся скорый поезд.

* * *

— Девочки, мне так грустно, что Николаю пришлось покинуть театр! – всхлипнула Эвтерпа. – У меня просто сердце разрывается от жалости...

— Николай остался жив, его все любят, все ему сочувствуют и презирают тех, кто лишил нас счастья видеть его на сцене! У него все будет хорошо! – ответила Каллиопа.

— Да мне нас жалко! – Его сейчас будут смотреть где-то за рубежом, не в России. А мы и не увидим его теперь.

— Пока не увидим, конечно, — озабоченно проговорила Каллиопа. -А потом увидим... Все течет, все изменяется...Гуси мои, гуси!

— А мне на него так посмотреть хотелось, чтобы просто посидеть рядом, поговорить об искусстве, — продолжала взхлеб рыдать Эвтерпа.

— А вот я не понимаю, неужели нельзя было написать, что это директора уволили, а Николай стал директором театра? – с некоторой долей раздражения поинтересовалась Урания. – И зачем писать, что министр культуры приехал в театр, наградил директора орденом и объявил, что он переводится в

министерство важным советником, а типа это станет «закономерным завершением истории с опальным премьером»?

— Мне это тоже не совсем понятно, — заметила Клио, едва сдерживаясь. — Это что, такой фарс в духе времени? Или такая концовка с увольнениями как-то получилась «сама собой» на фоне вашего собственного увольнения? Теперь всех подряд увольнять будут, да?

— И Талия в другой театр перешла, в Питер уехала, — разочарованно сказала Урания. — А наша Каллиопа поет песню про гусей... Удивительно, как министра культуры с его новым советником еще КамАЗ не сбил.

— А вот это вопрос не ко мне! — заявила Каллиопа. — Я наоборот отвечаю за, чтобы они без проблем от театра до министерства дорогу перебежали.

— Правильно, у них проблем с этим не будет! — взвилась Урания. — А нам теперь постановкой «Князя Игоря» или новым балетом «Онегин» любоваться? С тобой совершенно невозможно стало разговаривать! И зачем ты в свой статус в Фейсбуке песню про гусей поставила? Что это за «счастливый конец»?

— Можно подумать, будто это я решила «Князя Игоря» на полчаса отчекрыжить и перенести на русскую сцену идиотский лубок ненормального американского балетмейстера Кранко! — заорала Каллиопа. — Я виновата, что как только думаю, как бы все устроить, так у меня эти гуси перед глазами? И, несмотря на сложные условия, я свою задачу выполнила! У меня на данном этапе была задача-минимум — эвакуировать невредимыми Мельпомену и Талию из гнездилища гарпий. Полигимния оттуда ушла сразу, она все поняла.

— Странно, что сама ушла, а не на гусе уехала, как же мы обошлись без погони гарпий за гусями! — съязвила Клио. — Лучше бы она, конечно, уехала из театра на КамАЗе...

— Еще раз повторяю всем, кому что-то не ясно! — не на шутку разозлилась Каллиопа. — Это не я выкатываю КамАЗ! Во-первых, у меня — алиби, а во-вторых, у меня совершенно другие творческие принципы! Единственное, что я могу сделать в этой ситуации, это показать вещи не такими, какими они кажутся, а такими, какими они являются на самом деле! Как муза эпической поэзии, мать вашу!

— Я только не понимаю, зачем было орден такому директору давать! — упрямо ответила Урания. — После увольнения Николая зарубежный корреспондент «Нью-Йорк таймс» написал: *«Друзья и коллеги встречали Никифорову как героиню, дразня её «счастливой» жизнью, которую она должно быть ведёт после увольнения Николая из театра. Кто-то предложил снять фильм о драме, разыгравшейся на наших глазах. Никифорова засмеялась и согласилась с тем, что в последних событиях вокруг театра есть всё, о чем мечтают голливудские сценаристы. «Давайте это сделаем, давайте хоть немного на этом заработаем», - сказала взволнованно Никифорова, обращаясь ко мне».* Как это прикажете понимать? «Гуси мои, гуси!»?

— Да, мне тоже непонятен ее оптимизм, хотя его поубавилось, как только директор получил свой орден и был уволен из театра в течение двенадцати часов, после того, как Каллиопа написала про его увольнение, — сказала Клио. — Но чтобы гарпии истории про театр сочиняли... это уже слишком!

Ladies at the Ritz New York — Paul Cesar Helleu

— Директора уволили, — чтобы закрыть тему с неудавшимся покушением на жизнь Николая, — рявкнула Каллиопа. — История не закончена! И не забывайте, что я — писатель-реалист! И не пишу всяких фэнтази! Между прочим, ни разу не писала про хоббитов, зацените. Хотя про эльфов и троллей писала, было такое дело. Поэтому я не могу написать, будто наш министр культуры, душу которого гарпии сожрали еще в феврале, мог проявить душевную широту и щедрость, понимаете? Когда гарпия снимает душу, оставшийся гомункул уже не может проявить какое-то благородство и элементарную самостоятельность.

— Ой, девочки, не ругайтесь! – примиряюще зашмыгала носом Эвтерпа. — А мне в личку опять Мазепов написал!

— Кто? – хором воскликнули Клио и Урания.

— Мазепов! – радостно ответила Эвтерпа. – Он, конечно, другим именем подписывается, но я же раньше его интервью читала. И потом он проговорился, что у него большие материальные проблемы... на семьсот пятьдесят тысяч рублей. Сказал, что это из-за «мадам Огурцовой».

— А зачем он тебе пишет? – с недоумением спросила Клио.

— Он очень интересуется романом, который она пишет, — бесхитростно призналась Эвтерпа. – И он сказал, что я ему очень нравлюсь. Сказал, что мои статьи так интересно читать! Ты же сама говорила, что надо пиарить наши ресурсы...

— Да ведь не Мазепову! – закричала на нее Клио.

— Что хочешь от музы лирической поэзии, — спросила ее Урания. – Он написал ей пару стишков, и вот уже готовая пятая колонна в наших рядах! Так что он там тебе написал про то, как ты ему нравишься?

Я интересуюсь романом, потому что мне в этом сюжете видится наш замечательный балет. Либретто уже процентов на 50 процентов вырисовывается. В законченном виде вижу две картины... Второе действие начинается так: Цветной бульвар, солнечный летний день. По площади порхают юные невинные девицы по найму, раздающие прохожим листовки с агитацией в пользу оппозиционного мэра столицы. Музыка — вроде «прогулочной темы» из «Американца в Париже» Гершвина.

И последняя картина, та, что я уже описывал: Николай прыгает (как сказал бы обыватель, ничего не смыслящий в балете) между креслами мэра Москвы и директора нашего театра. Собственно, ради этих прыжков весь балет и писался. Николай должен станцевать, думаю, сам. Что, кстати, позволит сэкономить на гриме. Звучит лезгинка. За его танцем, припав на одно колено и хлопая в ладоши в такт музыке, наблюдает радостный президент.

Осталось понять, как связаны второстепенные, в общем-то, персонажи... Тем не менее, судорожные попытки Николая вернуться в театр составят интереснейшую драматическую коллизию. Мадам Огурцова будет появляться очень эпизодически, в образе могущественной Фаты Морганы, но незримо присутствовать всегда, как она и присутствует, совершенно незримо, в нашей реальной жизни. Как все уже поняли в нашем театре, жизнь прожить нужно так, чтобы чем-нибудь ненароком не разозлить эту мстительную даму.

— Это что такое? – с недоумением спросила Клио.

The Sphinx 1864 By Moreau Gustave

— А это то, о чем нам прочла Урания, — пояснила Каллиопа. — Зачем Окипете говорить о блокбастере? У нее есть деньги, но никому не интересна их история, они хотят подсунуть в роман свой конец, чтобы навсегда остановить время. Они уже не могут ворваться ко мне в дом, изъять компьютеры и попытаться закончить по-своему. И потом ведь это уже не сказочки, а роман!

— Значит, он пытается через Эвтерпу попытаться подсунуть свой финал? — догадалась Клио. — Умно! Ловко действует мерзавец.

— Только кому надо писать подобную ерунду? — удивилась Каллиопа. — К примеру, мне наоборот пишет сама Окипета. Вначале она прямо просила продать роман без финала... Потом стала давать такие сведения... как бы. Там не все ложь, там есть и правда, которую знает только она. Вернее, там все правда, но она выглядит... как загадка сфинкса! Клио, расскажи историю сфинкса!

— У гарпий была крылатая сестра, только ее тело было львиным, — ответила Клио. — Такая странная химера. Она уничтожала всех, кто не мог отгадать ее загадку. И здесь, между прочим, урок истории в том, что химера вывела

ответ на эту загадку у муз, подослав к музе лирической поэзии некоего восторженного почитателя ее таланта.

— Но я же ничего ему такого не сказала! – испугалась Эвтерпа. – А какая была отгадка?

— А такая, какую содержит каждый счастливый конец! – ответила Клио.

— Загадка Сфинкса звучит так: «Скажи мне, кто ходит утром на четырёх ногах, днём — на двух, а вечером — на трёх? Никто из всех существ, живущих на земле, не изменяется так, как он. Когда ходит он на четырёх ногах, тогда меньше у него сил и медленнее двигается он, чем в другое время?» Ответ таков: это человек. В младенческом возрасте он ползает, в расцвете сил он ходит на двух ногах, а в старости — опирается на трость.

— Да, — подтвердила Каллиопа. – Ответ на все загадки будет одним: «Человек!»

— А что она тебе написала? – поинтересовалась Урания.

— Она следит за всем, что я пишу, — пояснила Каллиопа. – И хотя в романе приветствуется интрига, а приходится выходить и немного подправлять... реальность, чтобы она не слишком шла вразрез с повествованием.

— Я так и думала! – торжествующе заявила Урания. – «Я – писатель-реалист!» Кто бы говорил! Я же вижу, что ты иногда торопишься, забегаешь вперед, пишешь пост или статью, подправляешь реальность, а потом вставляешь это в роман!

— «Писатель-реалист – это тот, который напишет, а потом так все и случается в реальности!» — фыркнула Клио.

— Ну, да, так все и происходит, — не поняла ее скрытого сарказма Эвтерпа. – Роман ведь долго писать, а так можно всю цепочку событий из рук выпустить. Нынче время другое! Ездят не на лошадях, а письма идут пару секунд, да и мы собираем круг в скайпе.

— Ага, пост, этот как силы быстрого реагирования! – заметила Урания.

— Прочтите вначале мой последний пост! – попросила Каллиопа.

На днях следствие попыталось предъявить Игнатенко обвинительное заключение. Однако вместо его прежнего адвоката Лисицыной уже присутствовал уже другой адвокат. На правах нового защитника он заявил ходатайство об отсрочке допроса, который обычно следует за процедурой предъявления обвинения, указав причиной — необходимость ознакомиться с материалами расследования.

По мнению обвинения, отказ Игнатенко от адвоката Лисицыной — не что иное, как тактический ход защиты, призванный затянуть расследование. Кроме того, защита ищет и другие способы оттянуть передачу дела в суд. В частности, она намерена обжаловать экспертизу, согласно которой нанесенные Мылину травмы являются тяжкими. От этого заключения зависит очень

многое. Если травмы всё же не признают тяжкими, то обвиняемые могут отделаться условными сроками.

Замечу, что человек, находясь в заключении, так просто не высказывает желания поменять защитника. Тем более, в деле, где со всех участников взяли подписку о неразглашении. Игнатенко отказался от услуг адвоката Лисицыной, всегда ранее выходившей на прикрытие явно инсценированных дел, призванных возмутить общественное мнение, переключить внимание общества какими-то шокирующими подробностями, вызвать социальное напряжение.

По одним данным, Лисицына обратилась сама к родителям Игнатенко, предложив свои услуги безвозмездно, объяснив, что ей надо типа реабилитировать себя в глазах общества за историю с девицами, станцевавшими в храме свой «панк-молебен». Напомню, там речь уже заходила о том, что она намеренно теряла ключи и документы, переданные ей подзащитными.

Согласитесь, это весьма удобно: захватить человека, в течение 48 часов удерживать его под стражей, 18 часов непрерывно допрашивать, затем выставить на общее обозрение с синяками, истерзанного — для признания в преступлении, которого мы, простите, пока не видели. Инсценировку видели, а самого преступления так пока не увидели.

А после весьма удобно вдруг взять подписку о неразглашении, приставив к человеку, находящемуся в заключении — такого удобного во всех отношениях адвоката.

Простите, а что там можно «разглашать», после того, как у обвиняемого уничтожен сам принцип невиновности, после того, как его уже до суда осудили на всех телеканалах и подвергли гражданской казни, объявив «злодеем» на Первом канале? И что он может под подпиской о невыезде рассказать нам новенького о «следственных мероприятиях»? Что такого, о чем бы сами сразу же не догадались по его виду и синякам?

При этом весьма удобно эвакуировать главное свидетельство «тяжких телесных» в Германию, предоставляя следствию различные справки. У нас сейчас судебную экспертизу только в качестве половой тряпки не используют. Людей судят по тому, что там могло «показаться» каким-то экспертам, запросто дающих заключение, что все уголовные преступления происходят потому, что граждане имеют наглость их обсуждать. Законы принимаются и с обратной силой, а когда надо, так человека и после приговора по настоянию нашей самой доброй в мире прокуратуры освобождают из-под стражи.

Здесь идет еще один интересный момент! Передача «Человек и Закон», с первых дней участвовавшая в отвратительной кампании по раскрутке этого «самого громкого преступления года», заявила, что многие артисты балета выходят из профсоюза, поскольку профсоюзная касса передана... на оплату услуг адвоката Игнатенко. А я напомню, что весь сыр-бор получился, когда он пытался передать коллективную петицию артистов Мылину, упорно не желавшему уходить с поста председателя профсоюза, назначившись на это место единолично. Сами знаете для чего. Игнатенко возглавлял дачный кооператив театра, все собираемые средства шли через эту кассу.

Вот что теперь стало с кассой, когда скоренько уволили руководителя труппы и помогли ему ретироваться в Америку — непонятно. Но хотелось бы знать, поскольку ложь, будто все произошло из-за того, что Игнатенко подогрела Ангелина Воронова, а типа вдобавок этого агнца «шантажировал» премьер Николай — уже не катит!

Можно объяснить, куда делась профсоюзная касса, о которой всем артистам театра запретили упоминать? Вопрос очень простой: куда пошла профсоюзная касса, если адвокат Игнатенко утверждает, будто денег вообще не брала?

... Лисицына могла бы «реабилитироваться» и не за счет Игнатенко. Она могла бы рассказать, как и кто оплачивал ее услуги за участие в деле девушек, исполнявших в храме «панк-молебен». Для чего ей нужны были документы девушек, которые она, якобы потеряла? Почему она сделала все, чтобы «поднять волну», намеренно помогая обвинению (в точности так, как с Игнатенко!) удерживать своих подзащитных под стражей до суда?

Радует лишь то, что подобные инсценировки, во-первых, не остаются безнаказанными. Ведь девушек раньше отчего-то никто не преследовал и за более гнусные хулиганские поступки в общественном месте. Интересно, что после них — даже психолого-психиатрической экспертизы не провели. А ведь если это не было хорошо оплаченной акцией, то... обвиняемые явно не в себе! Выходит, осудили-то ненормальных! Ведь все их поступки — за гранью общественной нормы.

Во-вторых, перерезаются финансовые потоки, за счет которых оплачиваются подобные инсценировки. В-третьих, судя по необъяснимому

©Книжная лавка <http://ogurcova-portal.com/>

желанию госпожи Лисицыной «реабилитироваться», новых желающих принять участие в этих масштабных игрищах с законом — не находится.

Там еще есть несколько важных пунктов, но под конец идет наиболее существенный — наступило немного иное время, когда концы подобных инсценировок не удастся спрятать никому.

Все и сейчас понимают, что одна нормальная экспертиза всех «жестоких увечий», полученных Мылиным — моментально может изменить расклад «обвинение-защита».

Вот, что заявил адвокат другого обвиняемого по фамилии Загоруйко: « Следствие просто устранило те недочеты, которые были обжалованы ранее. Например, переделало документы, оформленные с нарушением. У защиты были подозрения, что многие бумаги, присланные из немецкой клиники, где лечится Мылин, являются поддельными. Главное же нарушение так и не было устранено: экспертизу состояния потерпевшего нельзя проводить в его отсутствие, но мы вновь получили медицинское исследование, сделанное на основании одних лишь бумаг.»

— Но сразу после твоего поста газеты сообщили, что Игнатенко не удалось отказаться от адвоката Лисицыной, — сказала Эвтерпа. — У него сейчас два адвоката!

— Совершенно верно, — согласилась Каллиопа. — Ему это сделать не удалось! Хотя он все же сделал попытку избавиться от своего бескорыстного адвоката Лисицыной! После того, как я написала, насколько от этой гражданки веет моральной нечистоплотностью. Сразу скажу, что нисколько не рассчитывала, будто ему удастся от нее избавиться. Но ее цепкая хватка показывает гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. А кроме того, попытка Игнатенко оказать ей сопротивление — и заставила Окипету написать мне очередное письмо.

Вы уже опоздали со своей чушью. Лисицына осталась, и ещё одного адвоката вашему Игнатенко взяли. Лисицыну так просто от халявы не отгонишь. Водителю и Загоруйко тоже купили богатеньких адвокатов. И тому, кто их услуги оплачивал, надо было побольше шуму поднять про «воровство» в театре и при реконструкции.

А вот кто это?? Тот и организовал с Игнатенко нападение на Мылина. А теперь пытается его выкупить...Пока не удалось.

Уволенный перед Николаем руководитель труппы тоже в накладе не остался. Мылин в Германии, Игнатенко в тюрьме, так как тут удержаться, если все равно уволят? Его бывшая жена Мылина, которая сейчас Мылина в театре замещает, призывала руководитель труппы за кассу профсоюза отчитаться. Уж не знаю, отчитался ли? Но Саше и Лисицыной, видно, перечислили. Многие, кстати, вышли

©Книжная лавка <http://ogurcova-portal.com/>

после этого из Профсоюза! Поняли, наконец, что их развели! И Игнатенко рвался в профсоюзные боссы только для этого!

Уж не знаю, станет ли Саша теперь молчать, когда реально грозит до двенадцати лет? Может, наконец, сдаст своего кукловода, натравливавшего его на администрацию театра? Не догадываешься, корова, кого должен сдать Игнатенко в обмен на условный срок? И продолжение карьеры! Теперь-то ему терять нечего!

Хватит в это лезть, всякую чушь писать, если не понимаете и не знаете. Психушка просто по Вас плачет!

— Что это такое? Это что, Игнатенко блефует, что ли? — спросила Урания. — Он сделал это, чтобы прорваться к профсоюзной кассе? Он участвует в инсценировке? Потому и признался?

— Так, успокойтесь! — прикрикнула на нее Каллиопа. — Ответ всегда один — «Человек»!

— Да, человек, — упавшим голосом откликнулась Эвтерпа. — Слабый и глупый...

— Это не те качества, которые делают человека — человеком, — возразила Каллиопа. — На все вопросы Урании Игнатенко уже передал открытое письмо через Ангелину Воронцову, он отказался признавать себя виновным, а Николай прямо заявляет, что никакого нападения на Мылина не было.

— А стоит только сказать «Человек!», так сразу все встает на свои места, — заметила Клио. — Лисицына удержалась с трудом, благодаря необычайной любви к дармовым деньгам.

— И чтобы попытаться оказать давление на Игнатенко, — подчеркнула Каллиопа. — Они будут его покупать условным сроком и возможностью продолжить карьеру, чтобы он оговорил Николая, уже уволенного. Дескать, терять нечего.

— Ответ всегда — «Человек!», — прошептала Урания.

— Конечно! — улыбнулась Каллиопа. — И если Александр останется человеком, все с ним и будет по-человечески, как и с Николаем! Я вот так бы и закончила этот роман! Как говорится, гуси мои гуси!

— И я бы тоже так закончила, но без гусей, — растроганно произнесла Эвтерпа.

— Пойдите, как уже конец? В любимом ключе – «А потом все померли»? – разочарованно сказала Клио. – Моральку произнесли, и сразу конец? Слушайте, давайте этих гусей чем-то перебивать! Мне кажется, тут с гусями дело нечисто. Помните, как в «Евгении Онегине»?

*...И даль свободного романа
Я сквозь магический кристалл
Еще не ясно различал.*

— Но, по-моему, мы уже все вполне ясно различили, — ответила Урания.
– Действительно, давайте попробуем без гусей! А какой у Александра Сергеевича замечательный финал получился!

*Блажен, кто праздник Жизни рано
Оставил, не дотив до дна
Бокала полного вина,
Кто не дочел Ее романа
И вдруг умел расстаться с ним,
Как я с Онегиным моим.*

Евгений Онегин. Игорь Колгаев

— Интересно, что он сжег десятую главу и закончил именно в том месте, где неясно, как герои распорядятся жизнью дальше, — сказала Клио. — Поэтому некоторые исследователи считают, будто дальше у Татьяны и Онегина должен

быть любовный роман. Потом Онегин становится декабристом, его высылают в Сибирь, а Татьяна едет за ним. Желание закончить роман в стихах за Пушкина было настолько велико, что по рукам ходили фальшивые заключительные главы романа.

— Какая пошлость, — возмутилась Эвтерпа. — Конечно, приписать к чужому роману концовку всем хочется. Но разве нам непонятно, что Татьяна уже не вернется к Онегину? Время его ушло, а уж как он его использовал — это его дело.

— Роман и заканчивается тем, что предоставляет полную свободу героям в другом времени, когда закончилась их совместная история, — согласилась с ней Клио. — Дальше их жизни потекут, никак не соприкасаясь. Мне больше нравятся стихи Пушкина, которые он написал гекзаметром, призывая финал романа «Евгений Онегин».

Миг возделенный настал: окончен мой труд многолетний.

Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?

Или, свой подвиг свершив, я стою, как поденицик ненужный,

Плату принявший свою, чуждый работе другой?

Иль жаль мне труда, молчаливого спутника ночи,

Друга Авроры златой, друга пенатов святых?

— Мы тоже должны закончить, как полагается! Как хотите, а я начинаю! — заявила Урания и продекламировала:

Вечное Время зову и Стикса священную воду,

Кличу Начало романа, а с ним и Предел справедливый!

Все вы явитесь теперь благосклонно, с отрадой на сердце

К жертвенным действиям священным, к сему возлиянью честному.

— Замечательно, Урания! — откликнулась Каллиопа. — Значит, где-то уже здесь оттираются наши часики, а протянутую руку можно окунуть в вечные воды Стикса. Мы почти дошли до финала, мы призвали время и справедливый предел. Но сейчас, я чувствую какую-то полную ненужность... «*Свой подвиг свершив, я стою, как поденицик ненужный*»!

— Нет-нет! — поправила ее Урания. — Опустошение после яркого финала, конечно, наступить может, но ты же не одна! Давай, пусть финал нас всех приблизит «*К жертвенным действиям священным, к сему возлиянью честному*»!

— Да, ты мысленно стремишься к честному возлиянию, чтобы всем нам было хорошо и замечательно, — нараспев произнесла Эвтерпа, как бы пытаясь гипнотизировать выбитую из колеи Каллиопу. — Мы возлияемся... нет, возлияем... ну, ты сама понимаешь...

— Честное возлияние мне тоже нравится гораздо больше, чем «поденщик ненужный», — поддакнула ей Клио.

— Не говоря уж про этих гусей, — с раздражением заметила Урания. — А то надо как-то собраться перед финалом, а от нашей Каллиопы только и слышим в последнее время: «Гуси-гуси, га-га-га! Есть хотите?...»

— Сама лучше заткнись! — закричала ей Эвтерпа, но поняла, что опоздала, потому что Каллиопа со стоном закончила детский стишок Урании: «Да-да-да!»

— Вот зачем ты это сказала? — в отчаянии выдохнула Каллиопа.

* * *

Засыпая, Николай долго улыбался, вспоминая триумф Гели, счастливую улыбку, которую он уже начал забывать, видя в последнее время перед собой грустное озабоченное личико.

Сквозь сон ему показалось, будто в ноги к нему слетели две птицы с длинными шеями и принялись с шипением тянуть с него одеяло.

— Это какой-нибудь совершенно чудовищный бред от нервного напряжения последнего времени, — сказал он самому себе, натягивая одеяло на голову с удовольствием проваливаясь в сон, как в огромную перовую подушку, настолько мягкую, что он безвольно выпустил из ослабевших рук край одеяла, зябко поеживаясь от свежего ночного ветра.

Без одеяла ему сразу же приснилось, будто он летит куда-то на огромном, невероятно уютном гусе, которого так приятно обнимать руками, глядя нежные шелковые перышки, словно это был не гусь, а действительно — большая перовая подушка, заботливо набитая Глашенькой и Марией Геннадьевной.

Странно, что раньше ему ничего подобного не снилось, а теперь вот приснилось после жутких рассказов милых нянюшек о том, что творится в театре. Впрочем, что-то такое он читал в детстве про путешествие Нильса с дикими гусями. Чтобы отвлечься от горьких мыслей о театре, Николай заставил себя вспомнить, как Нильс победил полчища крыс, тут же увидев далеко под собой множество серых крысиных спинок, спешивших за гусиной тенью, скользившей по земле. Потом ему пришло в голову, что гуси залетали в средневековый город, и он тут же увидел внизу аккуратные черепичные крыши и башенки ратуши. Перевернувшись на спину, он долго следил за мягкими пушистыми облаками, ровными пушистыми комочками висевшими над ним в небе.

Античная вазопись: Музы в гостях у Аполлона

Он лениво подумал, что гусь ему попался на редкость удачный, просто ортопедический матрац, а не гусь. Растрогавшись, он подумал, какие славные бывают гуси с яблоками, черносливом и грецким орехом. Удивительно, но облака над ним тут же стали походить на блюда, где лежал большой жареный гусь с аппетитной корочкой, розовевшей в лучах заката. Николай понял, как он так проголодался, вспомнив, что из-за премьеры Ангелины даже не поужинал. Он и сам удивился, что и сама Геля, сфотографировавшись со всеми, ни на минуту не задержалась, сказав, будто все, что она сейчас хочет, это упасть и заснуть. При этом она улыбалась вовсе не как измотанный физически человек, а со знакомыми счастливыми чертиками в глазах. Он еще подумал, что надо бы поговорить с девушкой и как-то способствовать ее творческому становлению... и все такое.

От педагогических размышлений его отвлекло какое-то подсасывание под ложечкой, будто его летающая перовая подушка попала в нисходящий воздушный поток. Гусь действительно начал плавно снижаться, удивительно мягко планируя над чудесным цветущим лугом, освещенным множеством фонариков, висевших прямо в воздухе. Николай сосредоточенно прикинул, сколько средств могло пойти на оформление этой шикарной мизансцены с ультрамариновой подсветкой неба, пышными облаками, застилавшими горизонт, но главное, с необычайно длинным столом, к которому какие-то скудно одетые люди подносили... еду! Он спрыгнул с гуся и поспешил к столу, старясь внешне не проявить излишней заинтересованности в том, бутафорская еда разложена на столах или нет.

Еда оказалась вполне приемлемой, но несколько странной. С крайнего блюда он взял несколько говяжьих рулетов с овощной начинкой и удивился их необыкновенному вкусу, высматривая, где бы присесть за стол.

— Музы должны сесть у первого стола, — укоризненно сказал ему коренастый кудрявый паренек небольшого роста, потянув за брючину полосатой пижамы к ярко освещенному столу, где уже сидели четыре дамы в белоснежных хитонах. — И переодеться вам не мешало бы...

Вакханалия — Генрих Семирадский

— Добрый вечер, — решил проявить вежливость Николай. — А вы не подскажете, что я сейчас ем? А то в прошлый раз так угостился, что пришлось неделю голодать.

— Сегодня греческая кухня, без излишеств, — успокоил его паренек. — Это запеченная на углях говядина, фаршированная сладким перцем, толчеными корнями имбиря и петрушки. Очищает кровь, повышает тонус, способствует здоровым размышлениям и прогоняет хандру. Но вам бы надо поближе к основному блюду, что на краю-то сидеть? Отсюда ничего не увидите!

— Да я уже на сегодня вполне достаточно получил эстетических наслаждений, могу и на краю, — сказал Николай и потянул свою брючину из руг полугололого паренька. — Отпустите штаны, я вас умоляю!

Но парень резким движением все-таки сдернул с него штаны, с головы до пят упало мягкое льняное полотно, пахнувшее свежестью.

— А это на голову наденьте, — раздраженно сказал парень, подавая ему снизу жесткий лавровый венок.

Николай безропотно надел его на голову, чтобы этот голый мужичок не вздумал сам прыгать на него и с силой пристраивать свой венок так, как только

что сдернул с него пижаму, с неодобрением рассматривая ее, стараясь понять, что это за ткань. Как только он увенчал себя лавром, вокруг него распространился бодрящий аромат, вызвавший дополнительный прилив интереса к греческой кухне.

— Не подскажите, какое сегодня тут главное блюдо? — поинтересовался он, как бы между прочим, втягивая ароматы, доносившиеся от костра, где сутились такие же полуголые крепкие люди.

— Сегодня у нас дикий вепрь, зажаренный на вертеле с грибами, чесноком и молодыми каштанами! — гордо ответил парень, вешая его штаны на бронзовую шею.

— Впечатляет, — признался Николай. — Вы сами-то, простите, кто будете? Хоббит?

— Да уже задолбали с этими хоббитами! — возмутился паренек. — Третью музу встречаю, все меня приветствуют как какого-то хоббита! Я — сатир, понятно? Что это за музы нынче пошли, если сатиров не знают?

— А я думал, что сейчас гуся с яблоками приготовят, — решил перевести разговор в гастрономическое русло Николай.

— Вы еще кому такое не скажите, — зашикал на него сатир. — Это не гуси были, а гуси-лебеди! В соответствии с местным колоритом. Лебедь — не только священная птица Афродиты, но и вашего директора — Аполлона, бога поэзии, прорицания и музыки. Но сатиры, горгоны, музы и прочие твари, о которых упоминать сегодня не следует, — хтонические существа. Вам известно, что это такое?

— Приблизительно, — уклончиво ответил Николай.

— Я так и понял, — проворчал сатир. — Знаете, люди вообще любят создавать дирекции и приносить обильные жертвы разным директорам. А потом так радуются, когда им удастся орден вручить и спровадить в министерство! Меня эта особенность умиляет до крайности. Так вот лебедь всегда был священной птицей муз Эрато и Клио. Задолго до того, как им дирекцию в виде Аполлона навязали.

— Вот оно что! Поэтому сегодня такой экстравагантный способ доставки, да? — спросил Николай. — Что-то такое читал про путешествия Аполлона на колеснице, запряженной белоснежными лебедями. Поздней осенью он улетает далеко на север, в блаженную страну Гиперборею, чтобы весной вернуться назад в Дельфы

— На колеснице он начал летать, когда стал над музами директором, — уточнил сатир. — Раньше просто летал на гусе и не жаловался. Млечный путь в древности назывался Гусиной Дорогой. Чтобы избежать ваших вопросов,

сразу скажу, что во время весеннего перелета расположение Млечного Пути совпадает с направлением птичьих стай. А вот там – созвездие Лебеда.

— Как все запутано! – сказал Николая, глядя на низкие яркие звезды, висевшие над ними.

— Так и получается, что на Гусиной Дороге летит Лебедь, — сказал сатир, подавая Николаю упавший с головы лавровый венок. — За год Лебедь проделывает круг над землей, зимние месяцы он проводит над Элладой, а летом здесь виден почти в зените. Он появляется здесь из-за горизонта весной, и как-бы летит дальше на юг. Сегодня наступает летнее солнцестояние, Лебедь поворачивает к западу, а затем на север... Глубокой осенью он опять до весны исчезнет за горизонтом...

— Как поэтично! – рассеяно заметил Николай.

— Да, кстати, о поэзии, — озабоченно произнес сатир, остановившись на минутку. — Вы, конечно, не в курсе, что раз сегодня День Лебеда, это означает, что сегодня все должно быть связано с поэзией.

— Я знаю стихи, не волнуйтесь! – успокоил его Николай. — После порции дикого вепря, я смогу читать их хоть до утра! Но пока тут у вас все не попробую, даже не просите! Вот хоть вспомнить, что по этому поводу сказал Александр Сергеевич...

*Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.*

— Не совсем подходит к случаю, — с большим сомнением ответил сатир. — Сегодня приветствуются стихи про лебедей. Вы хоть в курсе, что Вергилия называли «мантуанским лебедем»? И многие поэты достаивались такого имени. Ведь и у вас пик карьеры – это «Лебединое озеро». Пришли! Садитесь здесь!

— А разве мне не надо подойти к тем дамам? Чтобы как-то обозначиться? – покорно спросил его Николай.

— Расслабьтесь! – махнул на него штанами сатир. — У нас тут важная мистерия – проводы Лебеда. В качестве символа чистоты инициированных и всего такого прочего. Никто ни к кому в душу не лезет, никого ни к чему не принуждает. Дамы решили выступить на вашей стороне исключительно ради собственного удовольствия. А вы так настрадались, что за такое по морде бить

надо, а не пытаться обозначиться. Давайте, я вам подушку подоткну. Удобно? Еще подушек принести?

Norman Mills Price The Great God Pan.

— Спасибо, удобно! – недовольно сказал Николай, потому что сатир, взбивая подушку, нечаянно попал ему кулаком в бок. – Вы мне тех рулетиков еще принесите и дикого вепря, если можно.

— Сейчас! – с готовностью сказал сатир. – И виночерпия к вам пришлю! Если подушки понадобятся, вы у Эвтерпы выдерните, не стесняйтесь! Она семь подушек под себя загробастала!

Сатир ушел, и Николай мысленно согласился, с его выбором места. Хотя пара дополнительных подушек нисколько не помешала бы. Но сам вид окруженного дубравой лесного озера, в котором отражались звезды, поразил его величием и покоем, которого так не хватало в жизни, особенно, в последнее время. На потемневшую водную гладь прямо с ночного неба на неподвижную опускались снежно-белые грациозные птицы. Коснувшись воды, они превращались в тоненьких прекрасных девушек, среди которых Николай узнал и Гелю. Она танцевала так, что у него захватило дыхание, и выступили непрошенные слезы.

Сидевшие напротив него четыре женщины в белых хитонах так же завороченно глядели на озеро. Ветер донес до Николая слова высокой светловолосой дамы со строгим лицом: «А в целом неплохо получилось с гусями-лебедями, не переживай!» Она протянула руку и похлопала по плечу женщину, сидевшую слева от нее через пустовавшее кресло с резными подлокотниками.

Самой молодой из них была невысокая полноватая особа, которая, только взглянув на необыкновенно красивых девушек-лебедей, обратилась к подругам, сосредоточенно смотревшим на озеро: «А можно в финале написать, что в процессе уменьшения и последующего увеличения мы резко похудели на пятнадцать, тире двадцать килограмм?» И дамы привычно погусиному шикнули на нее: «Заткнись!»

Николай догадался, что это и есть Эвтерпа, потому что к ней подошел сатир с его штанами на шее и попытался отнять пару вышитых бархатных подушек. Дама ловко отбивалась от него, пригрозив, что сейчас устроит ему «лебединую песню».

Тут две прекрасных нимфы начали с радостным приветствием сервировать возле него стол, в руке у него оказался большой кубок, который тут же наполнил сатир-виночерпий, и он потерял интерес к бою подушками, развернувшись между музами и сатирами, бежавшими на помощь к своему товарищу, явно терпевшему поражение.

Самая худенькая муза, вцепившись в кудри несчастного сатира со штанами на шее, заорала, что он не имеет право портить им культурное мероприятие своим жлобством.

— Так она ведь семь подушек взяла! – чуть не плача, сказал сатир, растирая густую шевелюру. – Это же неправильно, когда у одних – семь подушек, а у других – только одна. Надо же на всех поровну поделить.

— Вот иди и штаны эти на всех подели! – ответила ему Клио. – Мы в кои веки на балет вырвались, а он тут к нам лезет подушки выдергивать! Можно как-то не сбивать пафос текущего момента?

Николай пожал плечами, отвернувшись от них к озеру. Глядя танец белых, будто светившихся под луной девушек, он боковым зрением заметил, как Эвтерпа стала на подушки ногами и громогласно сообщила, что больше не может сдерживаться. Протянув руки к скользившим по воде девушкам, она нараспев стала декламировать стихи Константина Бальмонта, которые Николай когда-то читал.

*Белый лебедь, лебедь чистый,
Сны твои всегда безмолвны,
Безмятежно-серебристый,
Ты скользишь, рождая волны.*

Под тобою — глубь немая,
 Без привета, без ответа,
 Но скользишь ты, утопая
 В бездне воздуха и света.
 Над тобой — Эфир бездонный
 С яркой Утренней Звездой.
 Ты скользишь, преображенный
 Отраженной красотой.
 Символ нежности бесстрастной,
 Недосказанной, несмелой,
 Призрак женственно-прекрасный
 Лебедь чистый, лебедь белый!

Alma-Tadema, *El festival de la vendimia*, 1871

Душа погружалась в долгожданный покой, а благоухающая природа послушно откликалась поэзии. На последних строчках возле озера появился чем-то смутно знакомый ему принц, с восторгом протянувший руки к Геле. Рассмотреть принца он не успел, в этот момент его кто-то опять ткнул в бок, и до боли знакомый голос произнес прямо над ухом: «Хорошо сидим!»

Он обернулся, с удивлением увидев рядом с собой могучего старца в алой тоге, закрепленной на правом плече круглой бронзовой бляхой.

— Добрый вечер! А там – Игнатенко? – тихо спросил он Хроноса.

— Он самый! – подтвердил тот.

— А я думаю, что так Геля успокоилась, не плачет... Спасибо, даже не надеялся! – окончательно растрогавшись, поблагодарил его Николай.

— Думаешь, мне делать нечего, да? У меня забот – полон рот, — ответил Хронос, набивая рот куском вепря. — Ты понятия не имеешь, сколько сдерживалось время! С конца XIX века заставляют наверстывать! Мне лишние

неприятности совершенно ни к чему! Это Каллиопа так написала, будто каждую ночь к заповедному Лебединому озеру прилетают девушки-лебеди, где их на камушке уже поджидает принц, которого под микитки доставляют сюда два гуся – один белый, другой серый. И видеться они могут только ночью!

— Красиво написано, романтично даже, — похвалил Николай.

— Там еще много чего написано, до утра не разгребешь. Длинючий список... но понемногу управимся! – кивнул Хронос, пододвигая к себе большое блюдо с нарезанными овощами, сыром, щедро поливая его оливковым маслом. – Но с этого дня день уменьшается на гусиный шажок, а потом созвездие Лебедя до весны покинет эти широты. И уж там не разгуляешься с гусями-лебедями... Значит, понравилось тебе у нас?

— Большое спасибо, все хорошо! – сдержанно поблагодарил Николай.

— И как это понимать? – повернулся к нему Хронос, подцепляя пару рулетов с его тарелки двузубой вилкой.

— Ну, вы ведь для этого спрашиваете, чтобы я за все вам сказал большое человеческое спасибо? – ответил ему Николай, снисходительно фыркнув. – Огромное вам спасибо, что меня с такой помпой вышибли из родного театра!

— Да для очистки совести и спрашиваю, мне вообще фиолетово, — ответил Хронос, почти опустив лицо в блюдо с тушеными овощами. — Сказали гуся послать, я и послал. Вот не знаю только, зачем непременно за прессой было гусей посылать.

Ответить Николай не успел, потому что на шее у него повисла балерина Владимирская, закричав на всю поляну: «Коля, а помнишь, как мы с тобой в «Лебедином» танцевали? Ты даже представить себе не можешь! Мы с Маришей сюда на гусе прилетели!»

— Да что вы говорите? – услышал Николай сзади ернический голосок. – На гусе? Да как такое могло произойти?

Оглянувшись, он опять увидел вместо Хроноса – наглые часики, осторожно вытягивавшие бронзовыми лапками его единственную подушку. К часам с хохотом подбежала дочка Владимирской, пронзительно крикнув Николаю прямо в ухо: «Дядя Коля, у меня теперь две балетные пачки! Я тоже буду в «Лебедином» танцевать!»

Вместе с Владимирской и Маришей прибыла и захваченная по пути Эрато, стоявшая сейчас посреди поляны в полной растерянности. В лунном свете она выглядела почти бесплотной из-за прозрачной короткой комбинации на бретелях, украшенной фестончиками из атласных розочек. К ней подошла нимфа и быстро передела ее в красивое платье с богатой драпировкой, отчего Эрато сразу стала похожа на одну из античных кариатид.

— А вы так часто собираетесь?— с любопытством спросила известная журналистка.

— Нет, только по особым случаям, — ответила Мариша, повиснув на ее ноге.

— Обыденное течение жизни было принято прерывать пиром, особенно, накануне новых испытаний!

— Что-то вы сегодня удивительно вежливы, никого в озеро не уронили даже, — тихо сказал часам Николай.

— Так оно ж для лебедушек! – скучным голосом ответили часы и со скрипом прозвонили народную песню.

*Уж не лебедь ходит белая,
По зеленой травке шелковой,
Ходит красна девица душа.*

Leda and the swan, 1832 by Francois-Edouard Picot

С появлением Эрато все вокруг до краев наполнилось любовью и страстью, даже темная листва над головой будто дышала пряной поэзией летней ночи. Николай с сожалением подумал, что всегда больше любил философскую лирику, а сейчас, когда душу переполняла светлая печаль о быстротекущем времени, на ум не приходило ни одного подходящего стихотворения, кроме «Если» Киплинга, которое он после увольнения прочел на одной столичной радиостанции. Подслушав его мысли, часики продекламировали басом последние строчки стихотворения.

*И если будешь мерить расстоянье
Секундами, пускайся в дальний бег, —*

*Земля — твое, мой мальчик, достоянье!
И более того, ты — человек!*

— Измерять все надо секундами! — довольно подчеркнули часы скрытый смысл стихотворения. — Тогда ты — человек! На английском это звучит немного иначе, более жестко, «ты — мужик!». Сегодня лучше вспоминать те стихи, которые живут только на русском.

— Ничего для такого случая не могу вспомнить, — смущенно признался Николай. — Сейчас Владимирскую увидел, вспомнил ее Царевну Лебедь.

*Месяц под косою блестит,
А во лбу звезда горит;
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит.*

— Ой ты еще Марину Цветаеву прочти, времен Гражданской войны, — проворчали часы, в которых опять просматривался облик грандиозного старца.

*— Где лебеди? — А лебеди ушли.
— А вороны? — А вороны — остались.
— Куда ушли? — Куда и журавли.
— Зачем ушли? — Чтоб крылья не достались.*

— Сегодня надо отодвинуть заботы на завтра! — обратился Хронос к Николаю. — А завтра будет новый, другой день... Который тоже надо прожить в полную силу! Ведь неизвестно, наступит ли он для тебя! Нельзя откладывать жизнь до завтра, что почему-то с легкостью делают в России с чужими жизнями... А Лебедь в небе не останавливается ни на минуту! Послушай-ка, она уже до Есенина добрались.

Николай обернулся к четырем дамам, но увидел на месте только трех, самая высокая побежала играть в салки с Мариной. А Эвтерпа, протянув руки к Геле и Игнатенко, страстно обнимавшимся за нависшей над берегом ракитой, снова декламировала вслух, твердо стоя на отвоеванных подушках.

*Руки милой — пара лебедей —
В золоте волос моих ныряют.
Все на этом свете из людей
Песнь любви поют и повторяют.
Пел и я когда-то далеко
И теперь пою про то же снова,*

*Потому и дышит глубоко
Нежностью пропитанное слово.
Если душу вылюбить до дна,
Сердце станет глыбой золотою.
Только тегеранская луна
Не согреет песни теплотою.
Я не знаю, как мне жизнь прожить:
Догореть ли в ласках милой Шаги
Иль под старость трепетно тужить
О прошедшей песенной отваге?
У всего своя походка есть:
Что приятно уху, что — для глаза.
Если перс слагает плохо песнь,
Значит, он вовек не из Шираза.
Про меня же и за эти песни
Говорите так среди людей:
Он бы пел нежнее и чудесней,
Да сгубила пара лебедей.*

Он опять удивился, как природа откликнулась на каждую поэтическую строчку. Лицо приятно охлаждал теплый ветер, доносивший до него аромат поздней махровой сирени и грушевой эссенции, которой сатиры кропили огромные подносы с песочными лебедями, обложенными цукатами и клубникой со сливками. И девушки с длинными, певучими руками каждым движением вторили стихам, за которыми таяли любовь, нежность и светлая печать предстоящей разлуки.

— Понятно, — быстро сказала присевшая рядом с ним Эрато. — Ты знаешь, что Игнатенко обвинение предъявили? Провели новую экспертизу по фальшивым бумажкам и предъявили! Значит, черед две недели суд. Они торопятся, чтобы не проводить экспертизу в присутствии Мылина. И от адвокатки Лисицыной ему избавиться не удалось.

— Да, знаю, — ответила ей Владимирская и кивнула в сторону озера. — Вон он! Хотя для принца чуточку низковат, на мой вкус, конечно.

— Принцы бывают разные, — заметила ей Эрато. — Бывают даже толстые и кривоногие. А там кто? Старшие музы? Понятно! А ты Полигимнию не видела?

— Пока нет, — пожала плечами Владимирская.

— Она должна быть здесь! Уж такого она не пропустит! — громко сказала Эрато. — Ты знаешь, она же ездила в Германию, с Мылиным встречалась!

— Да ты что? – удивилась Владимирская.

— А по-моему, это она на скамейке под ивой! Посмотрите! Вся обложена подушками, — показал дамам Николай на плакучую иву, все ветви которой были усыпаны крошечными светлячками. – Давайте подойдем и прямо спросим!

Стоило им втроем подойти к иве, как со всех ее веточек вспорхнуло множество крошечных эльфов с прозрачными крылышками.

— Я знаю, о чем вы меня хотите спросить! – печально и строго сказала им Полигимния вместо приветствия. – Мылина видела, глаза совершенно больные! Мало сказать, глаза у него дикие! На коже ничего не заметно, но сам взгляд даже затравленный! И боится сейчас смотреть на свое отражение, держится за руку Даши, не отпускает. Она пошла, ему воды налить, он мне говорит: «Боже мой, каким уродом я стал!»

— А что-то по записям незаметно, — саркастически заявила Эрато. — Кожа стала ровнее, явно помолодела.

Anne-Francois-Louis Janmot.

— Да что вы понимаете? – перебила ее Полигимния. — Я ему зеркальце вынула и сказала: «Голубчик вы мой, взгляните на себя! По-моему, замечательно выглядите!» Он вначале потянулся к зеркальцу, а как взглянул, сразу замолчал и больше ни о чем не разговаривал.

— При операциях на глазах двойной наркоз дают: общий и местный, — рассудительно произнесла Владимирская. – А если ему на самом деле столько операций сделали, он теперь до конца жизни ненормальным останется.

— А я на таких встречах уже бывала, лет тридцать назад, -дипломатично перевела тему разговора Полигимния, кивнув в сторону трех муз, читавших друг другу стихи. — Я никого из этих дам не знаю, да и не уверена, что хочу знать. Тогда от нашего театра была представительная делегация, а там сидели академик Капица в качестве Урании и Михаил Шолохов, он тогда был еще жив. Меня поразило, что трон Клио пустовал. А вот Эвтерпой был хороший композитор, он как раз тогда диск выпустил... Как же давно это было...

Все замолчали, глядя, как Урания с завязанными глазами пытается поймать хохотавшую Марину. Пауза становилась все тягостнее, но говорить ни о чем не хотелось.

— Ну, разве еще пару раз, в самое голодное время в 90-х бывала, но тот стол был пуст, там даже фонарики не зажигали. Грустно было, — продолжила Полигимния. — И никакого шоу на озере ни разу не проводили. А выглядит впечатляюще.

Эрато и Владимирская присели на скамейку с Полигимнией, а Николай, внезапно ощущая какую-то непонятную тоску, сжавшую сердце, решил вернуться на свое место под часами. Он понял, что стоило ему отойти от дам, беседа их явно оживилась. Ветер донес до него глубокое меццо Полигимнии.

— Я восприняла полет на гусе немного шокирующим, но почти органичным, — сообщила она собеседницам. — Конечно, я не Владимирская, которая Царевну Лебедь исполняла, поэтому для нее это столь же естественно, как сняться обнаженной. Все же в опере только «Рыцарь Лебедя» Лоэнгрин улетает на повозке, в которую запряжены семь белых лебедей. Для вас, балетных, постоянно устраивающих какие-то разборки за партии в «Лебедином озере» — сегодня просто пир души. Но напомним, что я – тезка с Еленой Прекрасной, из-за которой произошла Троянская война, а античный мир узнал эпическую поэму. А Елена появилась из яйца.

— Разве она не родилась в Спарте? – удивленно спросила Владимирская.

— Елена появилась из яйца, которое родила ее мать Леда от любви с Зевсом, — пояснила ей Эрато. – А Зевс явился к жене спартанского царя Тиндарея Леде в виде прекрасного лебедя.

— Наверно, это такая аллегория, означающая возврат к истокам, — задумчиво пророкотала Полигимния. — Ведь известное латинское выражение «abovo» — означает «с яйца», вернуться к началу.

— Ничего не понимаю, — повернулся Николай к Хроносу. – Какая-то душевная тяжесть возникла...

— Сейчас пройдет, — сказал Хронос. — Когда мы испытываем моменты полной гармонии, душа страдает от несовершенства мироздания, от хаоса, который вносит в него человек. Символ сегодняшнего празднества гусь — считается порождением хаоса. Но он же его гармонизирует его, придавая ему прекрасную форму. Ты находишься в самом начале нового пути. А это значит, что со многим, к чему ты привык, придется проститься.

— А если я не хочу? Если я не хочу прощаться? — в отчаянии спросил его Николай.

— А это означает, что тебе пришла в голову весьма банальная мысль — остановить время, — ответил Хронос. — Отсюда вытекает и все плохое, что ты успел увидеть за жизнь, что видел за последнее время, что доведется увидеть в будущем — все вносит хаос в размеренное течение жизни. И все — из самого низменного движения души — навсегда убить время!

— Ну, наверное, я очень плохой, — сказал Николай. — Достаточно сделать запрос пресс-службе театра, сразу узнаете, насколько я плох.

— Брось! — рассмеялся Хронос раскатистым смехом. — Ты всегда чутко относился к времени, никогда не тратил его понапрасну, не искал в нем оправдания для себя. Поэтому ты здесь. Но, по-моему, твоя грусть прошла?

— Да, кажется, прошла! — удивился Николай.

— Стоило лишь вспомнить, что ты отнюдь не идеален, — окончательно развеселился Хронос.

— Я ни разу не видел Сфейно, — с сожалением заметил Николай. — И Эвриале так и не появилась.

— С Сфейно встречаться не советую, ответил Хронос. — Весьма экзальтированная, легко воспламеняющаяся особа. А Эвриале... По-моему, она не совсем довольна тем фарсом, в который превратила Каллиопа всю намечавшуюся античную трагедию. Уверен, сидит сейчас где-то рядом и грустит... Не бери в голову! Это пройдет.

— А... так ей не хватило художественных впечатлений от пережитого нами? — растерялся Николай.

— Типа того, — поспешил уйти от прямого ответа Хронос. — Ей показалось все это... довольно пресновато. Никого даже не убили...

— Да что это... Что это такое? — до глубины души удивился Николай.

— И не говори! Хамство какое-то! – поддакнул ему Хронос. – Бытовое разнузданное хамство бессмертного существа, прихотившегося к ярким античным трагедиям. Чтоб только раз – и кровящи по колено... Троянская война – это же прелесть какая-то! Каждый день представление!

— Какая низость! – с чувством воскликнул Николай.

— Только ей не говори, лады? – опасливо оглянулся Хронос.

Лебаск Анри Мать с дочерью в парке

— У нас над головой – созвездие Лебедя, — показала Урания на небо, когда они с Мариной без сил упали на траву.

— Где? Где? Я не вижу! – завозилась рядом с ней девочка.

— Посмотри! – подняла ее пальчик к небу Урания. — Если соединить вон те яркие звездочки, мы получим характерный крестообразный рисунок. По-научному это называется «астеризм» или Северный крест. Созвездие Лебедя вытянуто вдоль Млечного Пути и показывает нам свой, особенный путь! В древности вавилоняне называли Северный Крест «лесной птицей», а арабы — «курицей». Но, прилетев сюда с гусями-лебедями, ты уже никогда не забудешь, что это – Лебедь. А наша путеводная звездочка в его вершине – вон там.

— А я смогу стать звездой? – тихо поинтересовалась девочка.

— Конечно! – утвердительно сказала Урания. — Надо лишь всегда держать путь на звезду! Вон на ту! Она называется Денеб! Она ярче нашего солнца в десятки тысяч раз! И летом эта звезда является вершиной летнего треугольника.

— А откуда вавилоняне знали о нашем Северном Кресте? – подозрительно спросила девочка. – Они ведь здесь никогда не были!

— Как раз им его было видно зимой, когда лебедь улетал к ним зимовать, — объяснила Урания. — Это одно из самых древних созвездий! Одним из первых оно было включено в каталог звездного неба Клавдия Птолемея «Альмагест» под названием «Птица». Неправильно считать, будто Лебедь над нами — это Зевс, преследующий Леду. Так считать даже аморально! Ведь Зевс был официально женат.

— Отсюда я сделаю выводы, когда подрасту! – серьезно сказала девочка. – Так моя бабушка говорит.

— Так считают лишь недалекие люди, полагающие, будто сильным мира сего позволено выставлять свои пороки напоказ, — назидательно продолжила Урания. — Зевс потому и выбрал образ лебедя, как после принимал облик быка или золотого дождя, что хотел сохранить втайне свою страсть.

— Может быть, это тот зачищенный гусенок, который согласился вернуть Иванушку домой? – наивно предположила девочка.

— Нет, это вряд ли, — пояснила Урания. — В рукописях Евдокса Книдского, жившего в IV веке до нашей эры, описывается, как Фаэтон, сын бога Гелиоса, взялся управлять солнечной колесницей своего отца, но не справился и чуть не испепелил землю огненным жаром. Опасаясь, что Фаэтон погубит землю, Зевс поразил его молнией. Из сострадания Аполлон поместил его изображение среди звезд в созвездии Лебедя. А друга Фаэтона Кика, погибшего вместе с ним, он превратил в лебедя, который каждую осень уносил его в Гиперборею.

— Так мы летели сюда на Кике? – приподнялась на локте девочка. – Вот здорово!

— Мне ближе другое объяснение значения этого названия, — задумчиво проговорила Урания. — Над нами – истерзанный сын музыки Каллиопы Орфей. Его останки были помещены на небо в образе Лебедя недалеко от созвездия Лиры, когда его растерзали вакханки, а мать собрала его останки. И он оказался как раз над Россией, улетая зимой на далекую Родину. Все другие объяснения вытекали, потому что никто не знал, почему Орфей со своей лирой

оказался так далеко от Эллады. Но мы-то с тобой теперь знаем, почему так случилось?

— Знаем! – прошептала девочка. – Ой, это же мама!

— Здорово! – рассмеялась Урания.

Зайдя в Лебединое озеро почти по пояс, балерина Владимирская кричала стихи Николая Заболотского, раскинув руки. На берегу бегали встревоженные сатиры и нимфы, пытаясь поймать ее за подол всплывшего одеяния. Оглушительно стрекотали кузнечики и звезды опускались все ниже, будто стараясь заглянуть в темное зеркало воды..

*Сквозь летние сумерки парка
По краю искусственных вод
Красавица, дева, дикарка –
Высокая лебедь плывёт...
Головка ее шелковиста,
И мантия снега белей,
И дивные два аметиста
Мерцают в глазницах у ней.
И светлое льется сиянье
Над белым изгибом спины.
И вся она как изваянье
Приподнятой к небу волны.*

— Идите сюда! Вода теплая! – крикнула музам Владимирская.

Музы пробовали войти за ней в воду, опасно придерживая подола белоснежных одежд.

— Просто фарс какой-то! – осуждающе сказала с берега женщина, тугие пряди ее волос шевелились на ветру, как живые. – Никакого чувства меры! Никакого осознания особой красоты трагического финала!

Но тут на нее полетели брызги от плескавшейся с Уранией Марины, и она зябко повела плечами, отпрянув от воды.

— Ага, и никто пока даже не утоп! Какая жалость! Но, признаюсь, мне так даже больше нравится, — заявил стоявший рядом с ней Хронос и, подняв бурю визга, брызг и хохота, с шумом бросился в воду.

Jan Brueghel the Elder — The Feast of Achelous

Конец

Ижевск, март-август 2013 г.